МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Смирнов Сергей Николаевич

ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОСЛОВНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX В.: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

5.1.1. – теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук

МОСКВА – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ 59
§ 1. Историко-правовое исследование государственной политики по закреплению социальной иерархии России: хронологические рамки, периодизация 59
§ 2. Общая характеристика понятийно-терминологического аппарата исследования развития социальной структуры России 88
ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 127
§ 1. Роль Российского государства в формировании отечественной модели социальной стратификации 127
§ 2. Концептуальный подход законодателя к определению российских подданных в качестве субъектов права (в контексте проблемы доктринальной ретроспективы) 163
§ 3. Проблематика генезиса сословной системы в России в контексте законодательной и правоприменительной деятельности государства 184
ГЛАВА 3. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОСЛОВНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 208
§ 1. Правовое оформление сословной системы России: некоторые дискуссионные моменты научной интерпретации результатов 209
§ 2. Правовое оформление сословной системы России в середине XVII–XVIII вв. 239
§ 3. Развитие отечественной сословной системы: законодательное оформление в XIX – начале XX в. 277

§ 4. Общая характеристика сословной системы России: концептуальные выводы 309
ГЛАВА 4. ПРИМЕРЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В РОССИИ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ ИНДИВИДОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 325
§ 1. Этапы генезиса конституционного статуса личности в России: отечественный опыт в контексте конституционной практики зарубежных стран 325
§ 2. Отраслевой статус и правовое положение российских подданных в гражданско-правовой сфере 377
ГЛАВА 5. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА В РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 403
§ 1. Сословная система и социальная мобильность: общая характеристика организационно-правового механизма изменения правового статуса индивидами и социальными группами 403
§ 2. История развития в России государственной службы и профессионального статуса государственных служащих 431
§ 3. История развития системы образования России в качестве канала социальной мобильности 461
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ) 497
СЛОВАРЬ (СПИСОК) ТЕРМИНОВ 509
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 511
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 590
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 595

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена социально-экономическими и юридическими факторами и перспективами проведения научных исследований.

В настоящее время необходимо усовершенствование институтов в сферах права, политики, культуры, образования осуществлять в контексте цивилизационных характеристик, присущих Российскому государству, российскому обществу, российской правовой системе. Конкурентоспособность страны определяется, в первую очередь, качеством ее человеческого капитала, эффективностью участия ее граждан в процессе созидания культурных ценностей, в процессе производства и потребления материальных благ, в процессе реализации политической власти. Эффективность этого участия в значительной мере определяется качеством конституирования и реализации правового статуса личности и оптимальностью функционирования организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса. Человеческий капитал как фактор развития страны также определяется, по крайней мере в части профессиональных и надпрофессиональных компетенций и социальных связей, форматом социальной системы и качеством функционирования социального лифта.

Вместе с тем механизм реализации прав человека в различных сферах и организационно-правовой аспект проблемы социальной мобильности требуют теоретического осмысления, в т.ч. в плане выработки рекомендаций по совершенствованию государственной политики в социально-правовой сфере. Изучение указанных вопросов, в т. ч. в историческом плане, позволит правильно оценить возможности воздействия с помощью средств государственно-правового регулирования на социальное положение членов общества, включая материальный, психологический, демографический и экономический аспекты.

Обращение к отечественному и зарубежному опыту может иметь не только теоретическое, но и прикладное значение. Российская сословная модель, сформировавшаяся в рассматриваемый исторический период, является оригинальной по

своих ключевым характеристикам. Ее исследование представляется актуальным в научно-практическом аспекте.

Одновременно приходится констатировать, что проведение комплексных междисциплинарных фундаментальных исследований отстает от назревшей потребности. Речь идет об исследованиях сословной системы России в середине XVII – начале XX в., в которых рассмотрение социальной структуры и правового статуса сословий и других социальных групп через призму законодательной политики производится в совокупности с рассмотрением правового статуса человека и предоставляемых государством своим подданным правовых возможностей в плане социальной мобильности. В заявленном аспекте данную научную проблематику следует признать недостаточно разработанной в историко-правовой науке.

Социальная стратификация находится в поле зрения философии, истории, социологии, культурологии, психологии, экономики и других неюридических наук. Однако, с учетом роли правовых компонентов в общественной системе, полноценное исследование социального развития любой цивилизации невозможно без активного привлечения юридических наук.

В настоящее время изучением вопросов, связанных с содержанием понятия правового статуса личности, занимаются, прежде всего, теория государства и права и наука конституционного права, а также другие отраслевые юридические науки (в отношении специальных правовых статусов). Вместе с тем весьма актуальным представляется рассмотрение указанной проблематики в рамках историко-правовой науки и других наук. Отечественные теория государства и права и наука конституционного права, выработав обширный понятийный аппарат и активно оперируя различного рода терминами, исходят из современных правовых явлений или в крайнем случае из правовых явлений отечественной истории последних ста – ста пятидесяти лет. По сути, отсутствует ясность в вопросе о том, насколько можно применить понятийный аппарат к российской государственно-правовой действительности даже первой половины XIX в., не говоря о XVIII в. и более ранних столетиях.

Рассматриваемый в настоящей работе период включает в себя несколько

попыток модернизации российской системы права в части, прямо затрагивающей правовое положение человека.

Предмет исследования, прежде всего, охватывает наиболее последовательную попытку середины XVII в., связанную с разработкой и введением в действие Соборного уложения 1649 г. Политические, правовые и социальные реформы в течение семнадцатого столетия проводились в различной политической обстановке, что влияло не только на мотивы действий инициаторов реформ, но, в конечном итоге – на темпы и принципы последних

Законодатель, юридически оформив определенную иерархию социальных групп и утвердив порядок перемещения из одной группы в другую, сформировал тем самым своеобразный механизм социального лифта.

В XVIII в., прежде всего в период правления царя Петра I и в период правления императрицы Екатерины II, произошло своеобразное переформатирование социальной системы. При этом сущность сложившегося ранее механизма социального лифта изменена не была; изменились лишь его организационно-технические характеристики.

Начало XIX в. было связано с существенным изменением государственной политики как в вопросе оформления социальной структуры, так и в вопросе функционирования механизма социальной мобильности. В частности, государство усовершенствовало механизм повышения правового статуса крепостных людей. В связи с модернизацией законодательной политики и появлением в начале XIX в. в составе Российской империи Великого княжества Финляндского и Царства Польского – территорий с особым правовым статусом и своими актами конституционного характера – сословная система России и система правовых статусов человека приобрели новое структурирование. Полагаем, что значение политического курса в вопросе социально-правового развития российского общества в годы правления императора Александра I не получило должной оценки в историко-правовой науке.

В ходе реформы законодательства, произведенной в 20–40-е гг. XIX в., был частично изменен правовой статус лиц как членов сословий. В связи с этим со-

словная система именно в период правления императора Николая I приобрела, с точки зрения полноты ее организационного и юридического оформления, «классический» характер. При этом законодатель сохранил ключевые характеристики сословного строя, сформировавшиеся на предшествующем этапе истории страны.

В ходе Великих реформ XIX в. в России произошло коренное изменение всей системы правовых статусов человека и положено начало трансформации ее в систему правовых статусов современного типа. В период правления императора Александра II было изменено правовое положение почти всех категорий населения в России. При этом сословность как принцип структурирования общества сохранялась; сословия имели присущую им двухуровневую конструкцию. Российское общество с точки зрения типологических характеристик сохраняло юридически сегментированный характер.

В начале XX в. в России проведена наиболее глубокая модернизация политико-правовой сферы, оформился конституционный (государственно-правовой, с учетом официальной терминологии того времени) статус личности, был принят первый в истории общероссийский конституционный акт. Система правовых статусов человека коренным образом изменилась. Были устранены правовые ограничения на доступ представителей всех социальных групп к каналам вертикальной социальной мобильности. Государственная власть сделала акцент на обеспечение консолидации общества правовыми средствами, сохранив при этом традиционные инструменты обеспечения согласования общественных интересов.

Степень разработанности научной проблемы.

Тема настоящей работы с учетом ее хронологических рамок не являлась ранее предметом специального научного исследования в историко-правовой науке. Однако отдельные аспекты этой темы освещались в научной литературе историко-правового, теоретико-правового, государственно-правового, цивилистического, уголовно-правового и иных научных направлений.

Без учета результатов исследований в «неюридических» науках невозможно рассмотрение проблематики в историко-правовом аспекте. Право является лишь одним из факторов, определяющих определенную стуктуру общества, говоря

терминологией социологической науки, лишь одним из социальных институтов. Учет других, «неправовых», институтов позволяет лучше понимать действия законодателя, а также причины эффективности или неэффективности государственной политики по правовому оформлению социальной структуры.

Рискнем сделать и обратный вывод. Полагаем, что без учета правовых форм и иных юридических аспектов социальной стратификации формирование в любых отраслях науки достоверной картины данного явления представляется затруднительным. Например, А.С. Васин, говоря об изучении проблематики социального неравенства, называет философию, социологию, социальную теорию, психологию, экономические науки, маркетинг, менеджмент, теорию управления[1]. Перечень научных дисциплин автором не закрыт, но тем не менее явно «бросается в глаза» отсутствие юридических наук.

Проблематика социальной стратификации, социального неравенства, социальной мобильности и т.п. исследовалась и исследуется также в рамках неюридических наук. Более того, эта проблематика находится в фокусе внимания ученых ряда направлений. Любопытно замечание Т.С. Мартыненко об этом обстоятельстве применительно к социологии: неравенство было одним из первых интересов социологии с момента ее зарождения и остается таковым до сих пор[2].

Основная проблема заключается в том, что в историографии сформулированы и аргументированы прямо противоположные точки зрения по вопросу о правовых основах и организационных формах социальной стратификации России в середине XVII – начале XX в. При этом трудность состоит не в наличии множества точек зрения (это, естественно, является нормой научной работы), а в различном понимании ключевых категорий и в различной трактовке понятийного аппарата.

В политико-идеологическом ключе рассматривали различные аспекты социальной структуры, правового положения разных групп населения России про-

---

[1] Васин А.С. Феномен социального неравенства в структуре социокультурного бытия: автореф. дис. … канд. философ. наук. Самара, 2003. С. 3.

[2] Мартыненко Т.С. Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX – начала XXI века: дис. … канд. социол. наук. М., 2017. С. 3.

светители XVIII – начала XIX в. Ф.В. Кречетов, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Д.И. Фонвизин и другие.

В рамках историко-правовой науки проблемы правового и социального развития России в аспекте правового статуса отдельных категорий населения находились в сфере внимания исследователей начиная с XVIII в. Отдельные вопросы этой проблематики разрабатывали С.Е. Десницкий, А.Я. Поленов, И.А. Третьяков, работы которых, правда, были изданы далеко не все.

Соборное уложение 1649 г. исследуется в работах В.М. Строева, Ф.Л. Морошкина, Я.Г. Есиповича и других авторов девятнадцатого столетия.

В XIX – начале XX вв. были опубликованы капитальные труды в рамках историко-правовой науки по интересующим нас в настоящей работе вопросам. В числе историков права следует отметить И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.Н. Латкина, В.И. Сергеевича и др. Их труды явились большим вкладом в исследование правового положения различных групп населения. В своих исследованиях они широко использовали как нормативный материал, так и сведения из других источников[3].

Значительный интерес при рассмотрении заявленной темы представляют труды А.А. Дорской, И.А. Исаева, М.А. Исаева, В.М. Клеандровой, К.П. Краковского, Л.Е. Лаптевой, Л.В. Лукьянчиковой, Н.В. Михайловой, Р.С. Мулукаева, В.В. Оксамытного, Д.А. Пашенцева, Ю.П. Титова, В.А. Томсинова, О.И. Чистякова, Н.Д. Эриашвили, Т.Ф. Ящук и других исследователей в области истории государства и права России.

Организация российского общества и правовое положение различных социальных групп рассматривались в той или иной степени в рамках публикаций по государственному праву. В числе специалистов-государствоведов XIX – начала XX в. следует назвать А.С. Алексеева, В.М. Гессена, И.В. Гессена, А.Д. Градовского, П.П. Гронского, К.Д. Кавелина, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, Н.М. Коркунова, С.А. Корфа, С.А. Котляревского, В.Д. Кузьмина-Караваева,

[3] См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1995. 640 с.; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 488 с.

Н.И. Лазаревского, А.Ф. Мейендорфа, С.А. Муромцева, Б.Э. Нольде, Л.И. Петражицкого, Б.Н.Чичерина и других правоведов.

Формирование в России конституционно-правового (государственно-правового) статуса личности было в решающей степени связано с политико-правовыми реформами начала XX в. Содержание принятых в первые годы двадцатого столетия нормативно-правовых актов, избирательные права и избирательная система, формирование и функционирование Государственного совета и Государственной думы, изменение правоспособности и дееспособности крестьян в ходе столыпинской аграрной реформы – эти и другие вопросы были рассмотрены в целом ряде правовых и исторических трудов; при этом начало их рассмотрению положили ученые-современники событий[4].

Имеются работы, посвященные рассмотрению историко-правовых аспектов развития отечественного законодательства о регулировании правового положения социальных групп[5]. Мы согласны с выводом Е.С. Соколовой, который в значительной мере сохранил свою актуальность в настоящее время: несмотря на существование обширного комплекса исторических источников, освещение в научной литературе вопроса о юридической специфике сословного строя представляется фрагментарным[6].

Подверглось исследованию правовое и социальное положение казачества[7].

---

[4] Арчегов С.Б. Академическая группа Государственного совета (1906-1917 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2016; Арчегов С.Б. Верхняя законодательная Палата Российской империи по учреждению Государственного совета 1906 года // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2010. № 3. С. 3–14; Гайда Ф.А. Власть и общественность в России в период кризиса третьеиюньской системы: диалог о пути политического развития (1910 – 1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2017; Дёмин В.А. Государственный совет Российской империи: дисс. … д-ра ист. наук. М., 2007; Малышева О.Г. Государственная Дума в системе власти Российской империи: дис. … д-ра ист. наук. М., 2001; Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917: Историко-правовой очерк. Челябинск: Социум, 2010. 656 с. и др.

[5] Соколова Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития на примере привилегированного и полупривилегированных сословий (середина XVII – середина XIX веков): автореф. дис. … канд. юр. наук. Екатеринбург, 1995.

[6] Там же. С. 10.

[7] См.: Голик А.А. Государственная политика России в отношении дальневосточного казачества в 1851–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2015; Ермолин А.П. Революция и казачество

Взгляды отечественных ученых-конституционалистов, в т. ч. на вопросы правового оформления положения человека и социальных групп рассматриваются в современной отечественной правовой науке С.А. Авакьяном, С.С. Алексеевым, К.В. Арановским, Н.А. Бобровой, Н.А. Богдановой, Н.С. Бондарем, Н.В. Витруком, А.А. Воротниковым, Л.И. Глухаревой, С.А. Дробышевским, В.Т. Кабышевым, И.А. Конюховой, И.А. Кравцом, В.И. Круссом, О.Е. Кутафиным, А.В. Лапаевой, А.Н. Медушевским, Н.А. Михалевой, В.С. Нерсесянцем, А.И. Овчинниковым, А.Г. Пархоменко, Т.М. Пряхиной, Р.А. Ромашовым, Б.А. Страшуном, И.М. Степановым, Н.С. Тимофеевым, В.А. Томсиновым, А.А. Троицкой, А.Н. Харитоновой и другими исследователями[8].

Рассмотрение цивилистических аспектов заявленной темы позволяет более полно охарактеризовать понятие отраслевого правового статуса человека. История гражданского права России, действующее в Российской империи в XIX – начале XX в. гражданское законодательство, включая его философские и теоретические основы, рассматривается в трудах А.Х. Гольмстена, Н.Л. Дювернуа, К.Д. Кавелина, К.И. Малышева, М.Е. Мейера, С.А. Муромцева, К.А. Неволина,

---

(1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1982; Зелинский В.Е. Вхождение Области войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России: дис. … канд. юр. наук. Краснодар, 2009; Копанева О.И. Казачество и российская государственность (историко-правовой анализ): автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003; Мохов А.Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: дис. … канд. полит. наук. М., 2005; Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 1999; Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества: дис. … д-ра ист. наук. М., 2012; Рунаев Р.Ю. Казаки как культурно-историческая группа: дис. … канд. филос. наук. Волгоград, 2011 и др.

[8] Давудов Д.А. Политико-правовые воззрения Михаила Никифоровича Каткова: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Сочи, 2013; Кравец И.А. Формирование российского конституционализма: Проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002; Лапаева А.В. Либеральная концепция государства Ф.Ф. Кокошкина // Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки: в 4-х т. Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. С. 34–40; Михалева Н.А. Становление и развитие отечественной науки конституционного права // История юридических наук в России: сб. статей / под ред. О.Е. Кутафина. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2009. С. 156–171; Степанов И.М. Уроки и парадоксы Российского конституционализма: Очерк-эссе. М.: Манускрипт, 1996. 106 с; Харитонова А.Н. Право и правосознание в учении Б.А. Кистяковского: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2011.

С.В. Пахмана, К.П. Победоносцева, И.А. Покровского, Н.Ф. Рождественского, И.М. Тютрюмова, Г.Ф. Шершеневича и других.

Для исследования отраслевого правового статуса необходимо обратиться к работам современных правоведов, в которых рассмотрены различные стороны правового регулирования имущественных отношений в историко-правовом аспекте. Авторами данных работ являются И.В. Караваев, Н.В. Михайлова, Т.Е. Новицкая, В.Е. Рубаник, Л.В. Туманова, Н.В. Ченцов и другие ученые.

В известном смысле разновидность цивилистических трудов составляют исследования по семейному праву. Их авторами являются О.Ю. Ильина, Н.С. Нижник, П.Л. Полянский, М.К. Цатурова и другие исследователи. Некоторые работы посвящены истории семейного права, другие основаны на современном законодательстве, но имеют разделы по истории. В этих трудах рассматриваются имущественные аспекты брачно-семейных отношений, что также помогает в раскрытии темы настоящего исследования[9].

Внимание заявленной в настоящей диссертации проблематике уделяется в исторической науке. В числе исследователей-историков в первую очередь необходимо назвать классиков исторической науки С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, а также таких ученых-историков XIX – первой половины XX в., как М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, М.М. Ковалевский, Н.И. Костомаров, П.Н. Милюков, Н.П. Павлов-Сильванский, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, Н.А. Рожков и другие.

Конечно, не все названные ученые в равной мере уделяли внимание различным проблемам. Например, С.М. Соловьев в своем фундаментальном труде в меньшей степени дал характеристику Соборного уложения, других нормативно-правовых актов и закрепленной ими социальной структуры. В.О. Ключевский рассмотрел целый ряд правовых актов более подробно; развернутую точку зрения он высказал и по поводу сословной структуры России, в т.ч. в специально посвященных этому вопросу трудах.

---

[9] См., например: Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М.: Юрид. лит., 1991. 112 с.

Советский период отмечен значительными достижениями в изучении проблематики, имеющей отношений к теме данной работы. Своими работами большой вклад в исследование указанных научных проблем внесли А.Я. Аврех, Л.Г. Бескровный, С.К. Богоявленский, В.И. Буганов, Н.А. Воскресенский, Б.В. Греков, Н.Ф. Демидова, Б.Б. Дубенцов, П.П. Епифанов, Н.П. Ерошкин, П.А. Зайончковский, Е.И. Индова, П.И. Кабанов, В.Б. Кобрин, А.И. Левковский, В.Р. Лейкина-Свирская, Б.Г. Литвак, В.В. Мавродин, А.Г. Маньков, А.А. Новосельский, И.В. Оржеховецкий, Н.И. Павленко, В.М. Панеях, В.Т. Пашуто, М.Н. Покровский, А.А. Преображенский, Т.Б. Рябикова, П.П. Смирнов, И.И. Солодкин, К.А. Софроненко, М.Н. Тихомиров, Ю.А. Тихонов, С.М. Троицкий, Н.В. Устюгов, И.А. Федосов, Л.В. Черепнин, А.Н. Чистозвонов, Л.Е. Шепелева и другие историки советского периода.

Одной из заслуг научной историографии советского периода было рассмотрение научных трудов зарубежных историков, историков права[10].

Многие ученые продолжили свою работу на современном этапе. Таким образом, в настоящее время в российской исторической науке продолжается изучение актуальной для целей настоящего исследования проблематики.

В числе современных ученых-историков, работающих над различными аспектами заявленной в диссертации темы, необходимо назвать имена О.Г. Агеевой, А.И. Аксенова, Е.В. Анисимова, А.А. Бессолицына, Н.С. Борисова, А.Н. Боханова, В.И. Буганова, В.П. Желтовой, Л.А. Жуковой, Г.А. Ивакина, Н.А. Ивановой, И.М. Корниловой, С.П. Кострикова, В.А. Кучкина, Т.А. Лаптевой, С.К. Лебедева, Д.В. Лисейцева, Б.В. Личмана, А.П. Логунова, Е.Н. Марасиновой, А.Н. Медушевского, Л.В. Милова, С.В. Мироненко, Б.Н. Миронова, К.И. Могилевского,

[10] Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М.: Наука, 1974. 336 с.; Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. 226 с.; Далин В.М. Историки Франции XIX – XX веков. М.: Наука, 1981. 328 с.; Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М.: Соцэкгиз, 1959. 405 с.; Соколова М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М.: Наука, 1979. 367 с.; Соколова М.Н. Современные французские исторические журналы (Историографический обзор) // Французский ежегодник. 1970. М.: Наука, 1972. С. 244-266 и др.

Л.Е.Морозовой, С.А. Нефедова, Н.А. Омельченко, В.В. Пенского, В.Б. Перхавко, Ю.А. Петрова, Л.Ф. Писарьковой, А.А. Преображенского, М.А. Рахматуллина, Н.М. Рогожина, И.В. Ружицкой, А.М. Сахарова, К.А. Соловьева, А.С. Тургаева, А.М. Феофанова, Н.И. Цимбаева, А.О. Чубарьяна, К.М. Ячменихина и других исследователей.

Отдельно полагаем необходимым отметить и труды отечественных и зарубежных историков, обращающих внимание на социальный и юридический быт различных групп населения, на включенность людей в различные социально-правовые структуры. Применительно к научной историографии данное научное направление можно определить, как историческую антропологию.

В отечественной науке внимание социальному и юридическому быту уделяли отечественные исследователи XIX – начала XX в., а также ученые советского периода истории.

В настоящее время такого рода исследования активизируются. В числе авторов таких трудов можно назвать Е.В. Барышеву, В.Б. Безгина, О.Г. Вронского, М.М. Громыко, Л.В. Данилову, Е.И. Индову, А.И. Копанева, М.А. Островскую, Е.Н. Швейковскую и других.

В современной российской науке как одно из важных направлений научного и методологического характера стала развиваться интеграция микро- и макроподходов при исследовании социальных явлений. Этот подход особенно активно применяется в рамках социальной истории. В центре внимания исследователей оказывается человек как «элемент развивающегося общественного организма»[11].

В научной литературе постепенно преодолевается подход к преобразованиям XVII в. лишь как к некой подготовке к модернизации России, которая развернулась в годы правления Петра I. Преобразования середины XVII в. постепенно выходят из своеобразной тени петровских реформ. В научной литературе все чаще появляются мнения о масштабности мер, принятых по изменению различных сфер жизни российского общества в годы правления царя Алексея Михайловича.

[11] Прядеина И.Е. Рынок наемной рабочей силы в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: По материалам маклерских книг слуг и рабочих людей города Торжка: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тверь, 2006. С. 6.

Именно такой вывод сделал, например, С.А. Нефедов, правда рассмотрев в основном военную и финансовую реформы[12].

Работы демографов, а также историков и статистиков в сфере народонаселения позволяют оценить не только демографический потенциал страны, но и соотношение различных групп в структуре общества, проследить динамику изменения численности сословий и сословных групп. Комплексное исследование социальных и демографических процессов позволяет «наполнить исследование воспроизводства населения конкретно-историческим содержанием»[13]. Результаты научной работы в рамках социальной истории и экономики народонаселения, а также в рамках междисциплинарных научных направлений, которые можно назвать исторической географией и исторической демографией, весьма полезны для достижения целей настоящего диссертационного исследования. В работе были использованы сведения и выводы, содержащиеся в трудах Я.Е. Водарского, А.В. Дёмкина, В.М. Кабузана, Б.Н. Миронова, А.Г. Рашина, Н.А. Рубакина, В.К. Яцунского и др.[14] Естественно, что мы должны учитывать неполноту исходных статистических сведений и разную эффективность применявшихся исследователями методик[15]. Территориальное расширение России, а следовательно, географические границы российской правовой системы, демонстрируют материалы картографического характера, представленные в ряде изданий[16].

---

[12] Нефедов С.А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века // Отечественная история. 2003. № 5. С. 63–72.

[13] Жиромская В.Б. Актуальные проблемы исторической демографии // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 174.

[14] Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М.: Просвещение, 1973. 159 с.; Дёмкин А.В. Русское купечество XVII - XVIII вв. Города Верхневолжья. – М.: Наука, 1990. 94 с.; Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 18–29; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Стат. очерки / под ред. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.; Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1973. 302 с. и др.

[15] Дементьев В.С. История учета населения России до начала XX века [Электронный ресурс] // Географический вестник. 2015. № 4 (35). С. 11–17. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/istoriya-ucheta-naseleniya-rossii-do-nachala-hh-veka/viewer (дата обращения: 16.03.2020).

[16] См., например: Кудряшов К.В. Русский исторический атлас [Электронный ресурс] / Предисл. М.Н. Покровского. М.-Л.: Государственное изд-во, 1928. URL: https://regiment.ru/Lib/A/71/1.htm

Проведение исследования по проблематике диссертации невозможно без опоры на труды в области общественного сознания[17]. В историографии отмечается, что феномен общественного мнения длительное время выступает объектом внимания многих социальных наук, но до сих пор, за редкими исключениями, оставался за пределами исследования юридической науки; однако на сегодняшний день имеется потребность в правовом осмыслении общественного мнения[18]. В числе авторов трудов по проблематике правовой идеологии и правосознания можно назвать С.Р. Аблеева, Л.В. Карнаушенко, А.И. Клименко, А.И. Овчинникова и других. Правовое сознание дворянства и представителей других сословий России исследует в своих трудах Е.Н. Марасинова[19].

Важную роль играют исследования, проведенные учеными в рамках политологии и социологии. В числе отечественных авторов этих трудов следует назвать Ф.М. Бурлацкого, Г.Э. Говорухина, Н.Я. Данилевского, О.В. Дядиченко, Т. И. Заславскую, В.И. Коваленко, А.И. Кравченко, А.Ю. Мамычева, Н.С. Розова, О.Н. Полухина, Т.В. Сохраняеву, С.И. Черных, М.Ф. Черныша, О.И. Шкаратана, А.Ю. Шутова и других; в числе зарубежных – М. Вебера, К. Мангейма, Д. Норта, О. Шпенглера, К. Ясперса и других.

В биографических материалах о государственных деятелях с точки зрения проблематики, целей и задач настоящей работы интересны два аспекта: помимо указанного выше еще и личное участие в нормотворческой или правоприменительной деятельности. Среди весьма обширного круга научных исследований такого рода отметим работы Б.В. Ананьича, Е.В. Анисимова, В.И. Буганова,

---

(дата обращения: 28.11.2020).

[17] См.: Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат. 1988. 383 с.; Лазебный Л.И. Политическое сознание: Социально-философский анализ: дис. … д-ра филос. наук. М., 1998; Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с. и др.

[18] Величинская Ю.Н. Свобода общественного мнения как конституционно-правовая категория: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 3.

[19] Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008. 460 с. Та же. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века (по материалам законодательства и переписки): дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. 531 с.

Л.Н. Вдовиной, Р.Ш. Ганелина, П.Н. Зырянова, А.Б. Каменского, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, А.Е. Преснякова, О.М. Рапова, Ю.А. Сорокина, В.А. Томсинова, В.А. Федорова, С.А. Чибиряева, Д.Н. Шилова и других ученых[20].

Автор учитывал в своей работе интересные наблюдения и выводы, содержащиеся в произведениях мемуарного характера государственных и общественных деятелей и других людей - современников рассматриваемых в диссертации событий[21].

Значительную роль в развитии научных исследований по заявленной теме играет публикация правовых документов. Наиболее крупные публикации представляют не только источниковедческий, но и научный интерес. В числе таких публикаций необходимо отметить издание «Памятники русского права» (под. общ. ред. С.Ф. Юшкова), «Законодательные памятники Руского централизованного государства XV–VII веков», «Российское законодательство X–XX веков (под общ. ред. О.И. Чистякова), «Русское юридическое наследие» (под общ. ред. В.А. Томсинова) и другие.

Последние годы отмечены появлением фундаментальных публикаций документов по истории отдельных социальных групп. В качестве примера можно привести публикации по истории купечества[22], по истории чиновничества[23].

---

[20] Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 32–53; Буганов В.И. Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989. 192 с.; Зырянов П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 54–75; История России в лицах: Биографический словарь / Рапов О.М., Вдовина Л.Н., Федоров В.А., Терещенко Ю.Я. / Под общ. ред. В.В. Каргалова. М.: Русское слово, Русское историческое общество, 1997. 544 с.; История России в портретах: в 2-х т. Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1997. Т. 1. 503 с.; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Изд-во ЭКСМО, 2004; Пресняков А.Е. Российские самодержцы / сост. В.Ф. Смирнов. М.: Книга, 1990. 464 с.; Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье», 1993. 238 с.

[21] Витте С.Ю. Воспоминания. Мемуары: в 3 т. М.: Харвест, 2017. Т. 1. 768 с.; Керенский А.Ф. Потерянная Россия / Александр Керенский; [сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова]. М.: ПРОЗАиК, 2014. 511 с.; Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 3. Ч. 1. Ревель – Берлин: Изд-во «Библиофил», 1922. 642 с.; Митрофан (Назаров П.). Записки солдата Памфила Назарова в иночестве Митрофана. 1792-1839 гг. // Русская старина. 1878. Т. 22. № 8. С. 529–556 и др.

[22] Привилегированное купечество в России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: сборники документов / отв. сост. Т.Б. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2004. 518 с.

Укрепление источниковой базы будет способствовать проведению дальнейших научных изысканий.

Различные аспекты темы настоящей работы изучаются зарубежными исследователями.

Представители зарубежной марксистской историографии рассматривали правоотношения, определявшие положение индивида в обществе и государстве как форму материальных производственных отношений, как их отражение. По выражению И. Сабо, «речь идет о взаимосвязи трех видов неодинаковых по своей значимости и влиянию общественных отношений: производственных, политических и гражданских»[24].

Действия российского законодателя по оформлению социальной стратификации, различные аспекты правового положения социальных групп в России исследовали и исследуют такие зарубежные ученые, как Р. Пайпс, Ч.-Й. Торке, Г.Л. Фриз, Т. Шанин и другие.

Различные аспекты нормативно-правового закрепления положения индивида в обществе в зарубежных странах, различные зарубежные практики формирования конституционно-правового статуса личности, законодательные меры оформления социальной структуры в зарубежных государствах исследовались правоведами, историками, представителями других отраслей российской и зарубежной научной историографии. Их работы помогают обратить внимание на мировой опыт развития правового статуса индивида и социальных групп. Можно назвать труды В.Г. Графского, А.З. Манфреда, Р.Т. Мухаева, Ф.М. Решетникова, В.Е. Рубаника, Б.А. Страшуна, Е.В. Тарле, В.А. Томсинова, П. Бромхеда, А.В. Дайси, А. Олара, Э. Фримена, а также других российских и зарубежных ученых[25].

---

[23] Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник / Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин. – М.; СПб.: Ин-т российской истории РАН, РГАДА, Центр гум. инициатив, 2015. – 303 с.

[24] Сабо И. Основы теории права (пер. с венг.) / под ред. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1974. С. 37.

[25] Байрамов А.Г. оглы Эволюция формы Турецкого государства (XIII-XX вв.): историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011; Графшонкина А.А. Эво-

Цель и задачи исследования.

Цель диссертационного исследования – выявить основные характеристики отечественной модели правового оформления социальной стратификации в рассматриваемый период и уточнить направления правового регулирования социальной структуры и системы правовых статусов человека в России в контексте концептуальных подходов отечественного законодателя и опыта правового оформления социальной стратификации в зарубежных странах.

В диссертации поставлены следующие задачи:

1) проанализировать методологический аспект темы исследования с внесением предложений по его корректировке (включая анализ и корректировку соответствующего понятийно-терминологического аппарата и создание периодизации процесса правового оформления российской модели социальной стратификации);

2) рассмотреть концептуальный подход российского законодателя (с учетом изменений законодательной политики на разных этапах рассматриваемого исторического периода) к определению российских подданных в качестве субъектов права;

3) определить роль, направления, методы и основные результаты государственного воздействия на структуру общества и систему правовых статусов в России;

4) рассмотреть особенности правового оформления отечественной сословной системы на разных этапах рассматриваемого исторического периода;

5) определить ключевые особенности российской модели социальной стратификации, сложившейся в результате государственной политики и основанной на присущих России цивилизационных характристиках;

люция институтов государства и права в Шотландии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016; Даниелян А.С. Правовая система Израиля: история и современность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017; Диноршоев А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в республике Таджикистан: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015; Лапо П.В. Государственный строй первого Латино-Иерусалимского королевства (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015; Хакимов Ш.К. Конституционализм в Таджикистане: историко-культурные основы, специфика становления и эволюции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012.

6) уточнить юридические характеристики ряда групп населения, таких как государственные служащие, ратные люди, даточные люди, старожильцы, «иородцы» и др.;

7) определить структуру системы правовых статусов человека в России в рассматриваемый период и рассмотреть историю развития этой системы, включая сословный статус, конституционный (государственно-правовой) статус, отраслевой статус;

8) выявить особенности российской модели организационно-правового механизма изменения правового статуса человека и рассмотреть основные каналы вертикальной социальной мобильности;

9) предложить и обосновать авторский вариант типизации национальных моделей правового оформления социальных систем в аспекте социальной стратификации с учетом роли правовых факторов в обеспечении консолидации общества и согласования общественных интересов.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования диссертации является комплекс общественных отношений, изменение которых составляло процесс формирования и реорганизации отечественной модели социальной стратификации, осуществлявшийся в ходе реализации государством функции по правовому закреплению положения человека и социальных групп в течение исторического периода с середины XVII в. по начало XX в.

Важный компонент объекта, который необходимо подвергнуть рассмотрению – пределы государственного регулирования социальной структуры. Очевидно, что общество как самостоятельный (отличный от государства) тип организации не поддается механическому «конструированию» с помощью правовых средств и организационных методов. В связи с этим важным и интересным представляется ответ на вопрос: насколько глубоко отражается на положении социальных групп применение мер государственного воздействия на их правовой статус.

Модель организационно-правового механизма изменения правового статуса

человека (иначе говоря – модель социальной мобильности) определяется сущностью модели правового оформления социальной иерархии, таким образом, рассмотрение указанного механизма необходимо для получения объективной характеристики социально-правовой системы страны.

Акцент сделан именно на концептуальных основаниях исследуемых социально-правовых феноменов.

В связи с вышеуказанным, подробное рассмотрение ряда вопросов, например, корпоративной организации социальных групп, в диссертации не производится.

За рамками объекта исследования остаются отношения, связанные с оформлением международного правового статуса человека и правового статуса категорий населения, выделяемых по этническому, религиозному (конфессиональному), материальному, возрастному и иным критериям. Другими словами, вне рамок диссертационного исследования находятся межгосударственные, государственно-конфессиональные, национальные, гендерные и иные правоотношения. В частности, в диссертации не рассматривается правовое положение представителей различных конфессий (кроме священнослужителей), не дается сравнительная характеристика правового положения мужчин и женщин и т.д. Названная тематика затрагивается только в той мере, в какой она имеет отношение к рассмотрению компонентов объекта исследования, например, при анализе влияния государственно-правового статуса территории на статус проживающего на ней населения, при анализе механизмов изменения индивидуального правового статуса человека и т.п.

При исследовании отраслевого правового статуса человека акцент сделан на сфере гражданско-правовых отношений. Таким образом, отраслевой правовой статус рассмотрен лишь на примере сферы гражданского права. Соответственно, вне рамок объекта исследования остались отношения, характеризующие отраслевой правовой статус в сфере административного права, уголовного права, финансового права, судебного процесса и в иных сферах правоотношений. Автору важно, учитывая ограниченный объем текста диссертационного исследования, пред-

ставить лишь пример правового оформления отраслевого правового статуса человека в России.

Хронологическими рамками исследования являются середина XVII – начало XX в., если говорить точнее, то 1649–1914 гг. Данный выбор объясняется рядом обстоятельств.

Середина семнадцатого столетия является временем реорганизации, если угодно, упорядочения и закрепления различных характеристик социально-правовой и политической жизни российского общества. Государственная власть, получив запрос общества на перемены, оценив стоящие перед страной проблемы, предприняла решительную попытку «переформатировать» систему взаимоотношений различных социальных групп между собой и с государственной властью[26]. Эта попытка имела долговременные последствия; закрепленные в Соборном уложении основные принципы социальной иерархии сохраняли актуальность на протяжении двух с половиной столетий.

Кроме того, в первой половине XVII в. государственная территория России увеличилась в несколько раз; при этом в состав государства вошли этносы, имевшие принципиально иную форму социальной организации и существенно иной тип хозяйственной деятельности. Хотим подчеркнуть данное обстоятельство. Территория Российского государства существенно увеличилась и в XVI в. Но в состав России в те годы вошли земли, населенные народами с близкими типами хозяйственной организации, пригодные также и для массового размещения русских переселенцев. В ходе освоения с участием русских переселенцев полиэтничное население этих земель было включено в состав общерусской социально-правовой организации.

Ситуация принципиально изменилась в первой половине семнадцатого столетия, с переселением на берега Нижней Волги калмыков, с освоением миллионов квадратных километров сибирских и дальневосточных территорий. Отечественному законодателю необходимо было определяться с соотношением сложившейся

[26] С.Ф. Платонов называет Уложение 1649 г. реформой, давшей чрезвычайно добросовестный ответ на нужды и запросы того времени. См.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб.: Изд-во «Кристалл», 1997. С. 412.

в России сословной системы и систем социальной иерархии у присоединенных народов. В итоге в результате государственной политики была создана в общероссийском масштабе сословная модель, просуществовавшая два с половиной столетия. Этой модели соответствовал организационно-правовой механизм социальной мобильности.

Верхняя хронологическая граница исследования определяется ключевым событием – существенным изменением в связи с началом Первой мировой войны, условий функционирования российской сословной модели в том виде, в котором она была создана в семнадцатом столетии и реорганизована в последующие века.

Начало двадцатого столетия стало временем коренной модернизации социальной структуры России. Определенное, не слишком значительное, изменение внешних форм социальной организации сопровождалось принципиальными переменами в реальном содержании юридических конструкций. Дворянство утратило почти все свои сословные привилегии. Крестьянин, оставаясь формально в составе непривилегированного сословия сельских обывателей, получил равный с другими сословиями базовый правовой статус, а в ряде сфер жизни – правомочия, равные правомочиям представителей дворянского сословия. Появился большой массив правовых норм высокой юридической силы, регулировавших отношения с участием всех российских подданных независимо от их сословной принадлежности. Соответственно, коренным образом изменился и организационно-правовой механизм социальной мобильности, хотя в силу краткости времени существования модернизированного механизма вертикальной социальной мобильности практические результаты его деятельности были не очень убедительны в количественном выражении.

В итоге начало XX в. стало временем прекращения действия тех принципов социальной организации России, которые были закреплены в середине XVII в.

Предмет исследования.

Предметом настоящего исследования являются законодательные и иные правовые акты, регулирующие правовой статус лиц и социальных групп в России, установленный отечественным законодателем порядок изменения правового ста-

туса человека, документы, созданные в ходе реализации права и правоприменительной деятельности, а также, в отдельных случаях, соответствующая законодательная практика ряда зарубежных стран.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что правовое развитие России в части нормативного закрепления статусов человека и социальных групп, определяемое собственной парадигмой и интересами своей элиты, своей страны, продуцировало правовые феномены, однопорядковые с правовыми событиями и явлениями в целом ряде зарубежных стран. При этом в России в результате целенаправленной государственной политики были конституированы самобытная сословная модель и самобытный организационно-правовой механизм изменения правового статуса человека, существенно отличавшиеся по своим характеристикам от наиболее известных моделей зарубежных стран.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Методологическая основа исследования.

Проблема методологии настоящей работы имеет два аспекта. Первый определяется положением объекта исследования на стыке историко-правовой, теоретико-правовой, исторической и социологической наук. Объект настоящего исследования располагается в поле историко-правовой науки, однако его рассмотрение требует использования сведений теоретико-правовой, исторической и социологической наук. Второй аспект состоит в применении тех или иных способов исследования, т.е. выражает понятие «методология научного исследования» в традиционном его смысле. Учитывая характер темы, в ходе исследования применялся методологический инструментарий из методологического арсенала истории государства и права, а также указанных выше наук.

Применение методов обуславливается комплексным подходом и общими принципами научного исследования. Основными методологическими принципами диссертации являются: объективность, всесторонность, плюрализм. Данные принципы в сочетании с проблемно-теоретическим подходом позволяют получить максимально возможный объем достоверной информации из используемых источников.

Методологию данной работы составляют примененные в рамках цивилизационного подхода диалектический метод и связанные с ним следующие методы:

1) исторический метод;
2) формально-юридический метод;
3) сравнительно-правовой метод;
4) критико-правовой метод;
5) статистический метод.

Применение исторического метода обусловливается самим историко-правовым характером настоящего исследования. Формально-юридический метод применен при анализе нормативно-правовых актов. Применение сравнительно-правового метода является необходимым прежде всего в связи с тем, что в диссертации исследуется достаточно длительный исторический период (с экскурсами в предшествующие периоды), и, наряду с материалом российской правовой истории, рассматривается материал правовой истории некоторых зарубежных стран. При этом в рамках сравнительно-правового метода применяются, используя выражение А.А. Дорской, как диахронный, так и синхронный срезы[27]. Применение критико-правового метода объясняется целесообразностью анализа в ряде случаев противоречий, содержащихся в нормативно-правовом акте, выяснением причин недостаточной эффективности мер законодателя по регулированию определенных общественных отношений и пр. Кроме того, критико-правовой метод отражает возможность проверки научного суждения на его соответствие истине[28]. Поскольку одним из компонентов эмпирической базы диссертации являются статистические документы, представляется целесообразным применение статистического метода научного исследования.

В числе примененных общенаучных методов и приемов исследования следует назвать анализ, синтез, дедукцию, индукцию, научную аналогию, описание,

[27] Дорская А.А. Эволюция сравнительного метода в российских историко-правовых исследованиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 1. С. 59–68.

[28] Малиновский А.А. Критико-правовой метод в юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 54 и след.

обобщение, моделирование.

Несмотря на то, что моделирование в перечне примененных методов занимает последнее место, оно является весьма важным компонентом методологической базы настоящего исследования. В нашем понимании моделирование как научный метод историко-правового исследования представляет собой реконструкцию совокупности государственно-правовых институтов и событий рассматриваемого исторического периода в контексте темы работы. Мы присоединяемся к мнению А.А. Демичева о важности реконструкции в качестве метода при проведении историко-правового исследования[29].

Моделирование позволяет отразить ключевые характеристики сословной системы и представить ее как целостный объект. В то же время моделирование не предполагает описания всего спектра взаимодействий между субъектамии социально-правовой действительности рассматриваемого исторического периода, которые являются результатом реализации правовых норм и «повседневного» функционирования социума.

Материал диссертации излагается в соответствии с проблемно-хронологическим подходом.

Теоретическая основа исследования.

Философско-правовую и философско-методологическую основу исследования составили идеи, содержащиеся в трудах мыслителей России и зарубежных стран. Речь идет прежде всего о трудах философов права, методологов права и теоретиков государства и права. Также необходимо назвать труды отечественных и зарубежных ученых-философов, работавших и работающих в сферах методологии, логики, социальной философии, политической философии, истории философии: Т.А. Алексеевой, П.П. Гайденко, Э.В. Ильенкова, В.В. Ильина, Б.М. Кедрова, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, В.В. Миронова, М.В. Силантьевой, С. Фараха, А. Циняня и др.

Настоящее исследование опирается на составляющие его теоретическую ба-

[29] Демичев А.А. О научной новизне в историко-правовых исследованиях // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 17.

зу достижения в общей теории права, философии права, сравнительного правоведения, теории конституционного (государственного) права и конституционализма (С.Р. Аблеев, С.А. Авакьян, А.И. Александров, Н.Н. Алексеев, С.С. Алексеев, Н.Н. Арзамаскин, В.В. Архипов, С.И. Архипов, М.В. Баглай, Н.А. Бердяев, А.Г. Бережнов, О.Н. Булаков, С.Н. Булгаков, А.Б. Венгеров, В.М. Гессен, Л.И. Глухарева, А.В. Гулыга, С.А. Дробышевский, В.Н. Жуков, М.М. Журавлев, С.И. Захарцев, Е.Г. Зинков, И.А. Ильин, В.Н. Карташов, А.Д. Керимов, Б.А. Кистяковский, М.М. Ковалевский, А.И. Коваленко, Е.И. Козлова, В.М. Корельский, Н.М. Коркунов, А.В. Корнев, В.Н. Корнев, Н.В. Кроткова, О.Е. Кутафин, В.В. Лазарев, С.В. Липень, А.А. Малиновский, А.В. Малько, Н.В. Мамитова, А.Ю. Мамычев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, С.Н. Махина, О.М. Мещерякова, А.М. Михайлов, С.А. Муромцев, А.Ф. Лосев, Н.В. Нарыков, В.С. Нерсесянц, П.И. Новгородцев, В.Д. Перевалов, Л.И. Петражицкий, И.А. Ракитская, Р.А. Ромашов, В.П. Сальников, В.М. Сырых, И.А. Треушников, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Трусов, С.Л. Франк, Е.А. Фролова, Т.Я. Хабриева, В.М. Чернов, Б.Н. Чичерин, Б.В. Яковенко и др.).

В числе зарубежных ученых следует назвать М. Блока, Ж. Бофре, М. Вебера, Т. Джефферсона, Д. Дидро, Г. Гегеля, И.А. Гобозова, И. Канта, Ш.Л. Монтескье, К. Поппера, И. Сабо, А.Д. Тойнби, О. Шпенглера и др.

Следует учитывать, что понятие «правовой статус личности» является относительно новым для отечественной юридической науки. В разработке данной научной категории участвовали А.Г. Бережнов, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводина, Е.А. Лукашева, В.Д. Перевалов и другие исследователи. На рубеже XIX–XX вв., задолго до формирования понятия «правовой статус личности», в отечественной науке исследования велись применительно к правам и свободам человека. В качестве примера можно указать на труды правоведов-конституционалистов этого времени, чьи имена уже назывались в данной работе.

Исследование опирается на результаты научной работы российских и зарубежных социологов. Авторами научных социологических исследований являются В.Ц. Анурин, В.В. Афанасьев, М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, В.М. Быченков, И.А. Голосенко, Г. Д. Гурвич, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, В.И. Ильин,

А.И. Кравченко, О.В. Крыштановская, С.В. Лурье, Т.С. Мартыненко, Г.В. Осипов, Е.В. Охотский, А.В. Петров, Н.В. Петров, В.В. Радаев, Р.В. Рывкина, А.М. Румянцев, С.Г. Саблина, Н.Е. Тихонова, А.Ф. Филиппов, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов, а также М. Арчер, П. Блау, П. Бергер, М. Вебер, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, М. Джилас, Э. Дюркгейм, Т. Лукман, Ч. Миллс, П. Сорокин, Э. Эриксон и др.

Информационная база исследования. Эмпирическую основу исследования составляет комплекс источников.

Объект и предмет настоящего исследования обладают, как любая часть историко-правовой реальности, сложностью, которая в немалой степени объясняется «вписанностью» их в общее поле правосознания и правопонимания конкретного исторического периода. Особенностью настоящего исследования (в т.ч. в плане его объекта и предмета) является то обстоятельство, что оно проводится в рамках историко-правовой науки, но в тесном взаимодействии с наукой теории государства и права, наукой конституционного права и рядом «неюридических» наук.

Естественно, эта особенность объекта и предмета исследования обусловила особенность формирования эмпирической базы; она «требует» привлечения источников различного плана с тем, чтобы обеспечить «многофокусность» исследования и избежать искажения научной картины.

Возможна следующая классификация письменных источников исследования заявленной проблематики:

1) нормативно-правовые акты и записи норм обычного права;

2) акты административной деятельности и правоприменительной практики (акты ненормативного характера, протоколы, заявления (жалобы, челобитные), отчеты органов власти и должностных лиц, судебные решения и т.п.);

3) юридические документы частного характера;

4) статистические документы;

5) иные письменные материалы.

Источники устного и вещественного характера в настоящем исследовании использовались исключительно опосредованно через научные работы.

Письменные источники использовались автором как опосредованно, так и в формате непосредственной работы с ними. При этом работа производилась и с ранее опубликованными письменными материалами, и с материалами архивного фонда, включая материалы, не введенные в научный оборот и, соответственно, не использовавшиеся исследователями. Некоторые архивные документы и материалы периодической печати были введены автором в научный оборот впервые.

Архивные документы использовались автором в ходе работы с материалами Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), государственных архивов ряда субъектов Российской Федерации.

В качестве источника использовались также материалы печатных периодических изданий, прежде всего – губернских ведомостей, издававшихся в XIX в. в губернских центрах Российской империи.

Многие из юридических документов рассматриваемого исторического периода в настоящее время изменили свою природу. Например, переписные и писцовые книги, утратив юридическое значение, превратились в статистические документы.

При анализе стратификации общества следует обратить внимание на конституирование той или иной формы социальной структуры. Прежде всего, необходимо проанализировать два обстоятельства: 1) официальное признание факта наличия или отсутствия сословного деления или факта правового равенства или неравенства жителей страны; 2) реальное закрепление в законодательных или подзаконных актах правового статуса людей.

Необходимость рассмотрения официальной позиции государства по вопросу о правовом статусе его жителей ясна и не требует доказательств. Такая позиция может быть изложена в конституции, основном законе, правовом акте или правовом обычае.

Вместе с тем ограничиваться «чтением конституции» исследователь не имеет права. Слишком часто по идеологическим, политическим, психологическим или другим мотивам официально провозглашенная норма оказывается деклараци-

ей, противоречит реально применяемым правовым нормам и не отражает сути явления. Подтверждение сказанному можно найти как в зарубежной, так и в отечественной истории государства и права.

Источниковую базу диссертации составили в первую очередь нормативно-правовые акты и обычное право рассматриваемого периода, регулирующие соответствующий круг общественных отношений.

Учитывая место правовых документов в системе источников настоящего исследования, представляется целесообразным остановиться на их характеристике подробнее.

В течение XVII в. происходили существенные изменения в соотношении различных источников права. Эти изменения явились результатом многовекового развития российского права в периоды Средневековья и Раннего Нового времени.

XVII в. характеризовался постепенным и неуклонным возрастанием роли нормативно-правового акта в системе источников права. Вместе с тем, по нашему мнению, доминирующее положение нормативно-правовой акт занял в середине XVII в., а окончательно – в первой четверти XVIII в. Вплоть до издания Соборного уложения 1649 г. законодательство занимало подчиненное место в системе источников права.

В рассматриваемый период не всегда выдерживалась четкая иерархия в российской системе источников права с точки зрения юридической силы последних. Это замечание относится и к юридическим документам в целом. Так, в одном из решений Полоняничного приказа 1672 г. международный договор был поставлен по юридической силе ниже поручной записи[30].

Крупнейшим законодательным актом начала рассматриваемого исторического периода явилось Уложение 1649 г.

В ходе исследования использовались нормативно-правовые акты, изданные во второй половине XVII в. В первые годы восемнадцатого столетия принят целый ряд законодательных актов по вопросам оформления социальной иерархии в России. Прямое отношение к предмету исследования имеют Указ о единонасле-

[30] См.: Богоявленский С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. М.: Наука, 1980. С. 24.

дии (о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах) от 18 марта 1714 г., Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных от 24 января 1722 г., Плакат о сборе подушных денег от 26 июня 1724 г.

Важные нормативно-правовые документы были приняты во второй половине XVIII в. Следует назвать Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г., Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г., Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., нормативные акты, уточняющие правовой статус служащих государственных органов, регулирующие доступ к образованию и иным каналам вертикальной социальной мобильности представителей различных сословий и внутрисословных социальных групп.

В первой четверти XIX в. были приняты правовые документы, повлиявшие на возникновение в составе традиционных сословий новых социальных групп, таких как свободные (вольные) хлебопашцы, военные поселяне, определившие правовой статус населения присоединенных в Российской империи Финляндии, Бессарабии, Польши, а также уточнившие правовой статус населения Сибири и Дальнего Востока.

Нормативно-правовые акты рассматриваемого периода, начиная с 1830-х гг., включил в себя Свод законов Российской империи. Для достижения цели и решения задач настоящего исследования были использованы прежде всего положения Свода основных государственных законов (том 1), Свода законов о состояниях (том 9) и Свода законов гражданских (том 10). Общим местом является тесная связь содержания положений Свода с законодательством ста восьмидесяти предшествующих лет. Эта позиция законодателя усилила и без того достаточно инерционный характер отечественной системы законодательства.

В качестве источников в настоящем исследовании использованы некоторые акты нормотворческой деятельности министерств и ведомств Российской империи. Министерства и ведомства готовили и направляли в вышестоящие инстанции законопроекты, а также издавали собственные (подзаконные) акты. В качестве

примера отметим ведомственные нормативные акты времен столыпинской аграрной реформы, направленные на практическую реализацию законодательства об изменении правового статуса крестьян.

Для решения задач диссертационного исследования целесообразным является использование в качестве источников актов административной деятельности и правоприменительной практики, исходивших из органов государственной власти и государственных учреждений, а также статистических материалов. Источники данного формата используются в диссертации как непосредственно, так и опосредованно через научные работы. В качестве примера статистических материалов можно привести данные первой всероссийской переписи населения 1897 г.

В силу присутствия в настоящей работе компонентов компаративистики, в силу применения сравнительно-правового метода исследования логичным представляется использование в качестве источников нормативно-правовых актов зарубежных стран.

Естественно, что при работе с источниками различных видов приходится учитывать их особенности, например, степень сохранности, полноты, достоверности и пр.

Исследование биографий представителей различных социальных групп дает материал о возможностях и формах реализации прав и обязанностей, вытекавших из их правового статуса, о влиянии правовых и неправовых факторов на социальное положение лиц, о возможностях и юридических и социальных последствиях изменения правового статуса и т.д. Подчеркнем, что речь идет о представителях любой социальной группы, а не только относящихся к элите общества.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что решению поставленных в диссертации задач способствует использование различных видов источников.

Обоснованность и достоверность результатов исследования определяется основательностью теоретической базы исследования, использованием апробированных подходов и методов исследования, широким кругом источников и тщательным отбором эмпирического материала.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в сле-

дующем:

1) предложена новая периодизация процесса правового оформления российской модели сословной системы, основанная, помимо других критериев, также на особенностях функционирования организационно-правового механизма социальной мобильности.

Данная периодизация может быть использована при проведении научных исследований государственной политики и законодательства по вопросу развития сословной системы России, а также при создании учебных пособий и ведении учебных занятий по курсу «История отечественного государства и права»;

2) в работе сформулирована авторская концепция применявшегося Российским государством арсенала законодательных мер структурирования общества, в т.ч. в увязке с ходом территориального развития государства, обоснована активная роль государства в формировании отечественной модели сословной системы;

3) существенно модернизирован понятийно-терминологический аппарат, применяемый при историко-правовом исследовании социально-правовых процессов в России в середине XVII – начале XX в., а также исследована возможность применения некоторых современных терминов для характеристики положения человека в различных сферах правовой жизни в рассматриваемый исторический период.

Предложения автора призваны способствовать проведению научных исследований государственной политики и законодательства по вопросу развития сословной системы России. Они могут быть использованы также при создании учебных пособий и ведении учебных занятий по курсу «История отечественного государства и права»;

4) в работе сформулирована новая концепция модели сословной системы российского общества, опирающаяся на цивилизационные характеристики России, учитывающая институциональные особенности отечественной социальной системы и предполагающая определенную корректировку содержания понятия «сословие»;

5) впервые в рамках отечественной науки разработана концепция двухуров-

невой структуры сословий в России и введено понятие «субсословие»;

6) уточнено, а в определенных аспектах пересмотрено определение правового статуса отдельных социальных групп: ратные люди, даточные люди, старожильцы, новопорядчики. Сформулирована новая трактовка положения государственных служащих как социальной категории в сословной системе России. Обосновано мнение о правовом положении групп «инородческого населения»;

7) впервые в рамках отечественной историко-правовой науки проведен комплексный анализ развития системы правовых статусов человека в России с учетом происходивших в тот период событий в государственно-правовой истории страны;

8) впервые в рамках отечественной историко-правовой науки обосновывается значение организационно-правового механизма социальной мобильности в качестве важной характеристики сословной системы страны и в качестве фактора социально-правового развития страны;

9) в работе на основе исследования заявленной темы и некоторых аспектов социально-правового развития ряда зарубежных стран сформулирована новая классификация моделей социальной иерархии (моделей правового оформления социальной структуры). Данная классификация может быть использована при проведении сравнительно-исторических исследований соответствующей научной проблематики в рамках историко-правовой, исторической и социологической наук.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну.

Диссертационное исследование соответствует пп. 34. Предмет, методология, историография, источниковедение и периодизация истории государства и права России, 38. Российское государство и право в XVII веке. Формирование Российской империи, 39. Российское государство и право в XVIII – начале XIX вв., 40. Становление и оформление имперской государственно-правовой системы, 41. Развитие государства и права Российской империи в первой половине XIX века, 42. Государственные и правовые реформы во второй половине XIX в., 43. Государственные и правовые реформы в начале XX века. Изменения в системе госу-

дарственной власти, управлении и праве паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

В тексте настоящей диссертации разрабатываются и выносятся на защиту следующие положения:

1. С учетом как традиционно применяемых в науке критериев, связанных с последовательностью действий отечественного законодателя по регулированию правового статуса отдельных социальных групп или системы правовых статусов человека в целом, так и критерия, связанного с проведением государственной политики в вопросе о социальной мобильности, предлагается следующая периодизация процесса правового оформления российской модели социальной стратификации с учетом особенностей функционирования правового механизма социальной мобильности.

Первый период – период формирования и функционирования сословной модели в общегосударственном масштабе. Среди ключевых характеристик данного периода – широкое распространение практики понижения государством правового статуса групп населения и отсутствие каналов групповой вертикальной социальной мобильности по частной инициативе.

Хронологическими рамками периода являются середина XVII – рубеж XVIII–XIX вв.; с определенной долей условности – 1649–1800 гг.

Второй период – период формирования и функционирования новой сословной модели. Законодательная политика Российской империи была направлена на санкционирование существования отдельной сословной системы на территории Финляндии и (на относительно короткое время – Польши); на формирование новых каналов вертикальной и горизонтальной социальной мобильности; на прекращение практики понижения правового статуса отдельных групп населения по инициативе государства; на реализацию вначале весьма ограниченной, а в 1861 г. – общегосударственной практики по ликвидации крепостной зависимости.

Хронологическими рамками периода являются начало XIX в. – начало XX в.; с определенной долей условности – 1801–1905 гг.

Третий период – период проведения законодательной политики по всесторонней модернизации модели социальной стратификации с главенством конституционно-правового (государственно-правового) статуса личности, утратой сословным статусом доминирующего положения и превращением его в один из видов родового статуса человека, коренной перестройкой правового механизма вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

Период начался с издания Манифеста 17 октября 1905 г., принятия новой редакции Свода основных государственных законов в апреле 1906 г. и издания в 1906 г. ряда ключевых законов; его можно датировать 1905–1917 гг.

Первое положение соответствует п. 34 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

2. Используемый в настоящее время в рамках историко-правовой науки понятийно-терминологический аппарат вполне пригоден для проведения исследований проблематики, связанной с правовым оформлением структуры российского общества рассматриваемого исторического периода. Вместе с тем требуется определенная корректировка данного аппарата. В частности, необходимо уточнить содержание понятий «класс», «сословие», «каста» (имея в виду их трактовку как универсальных понятий), ввести понятия «субсословие», «юридически сегментированное общество», «юридически консолидированное общество», соотнести содержание некоторых правовых понятий, таких, как «организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса человека» и соответствующих понятий (таких, как «социальный лифт», «социальная мобильность» и т.п.) из арсенала исторической, социологической и других наук.

Второе положение соответствует п. 34 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

3. Применительно ко всему рассматриваемому историческому периоду можно говорить о существовании понятия «правовой статус человека» и иных понятий, характеризующих положение человека в различных сферах правовой жизни. Обозначаемые этими понятиями социально-правовые институты не являются продуктом развития человеческого общества исключительно последних сто-

летий. Указанные институты имманентны цивилизациям на протяжении всей их истории с момента появления права и государства. Соответственно, правомерным является использование связанных с данными институтами научных категорий, но с поправкой на определенное различие в их содержании в зависимости от исторической эпохи.

Иначе говоря, при рассмотрении истории правового оформления положения человека и социальных групп мы видим необходимость и возможность применения понятийно-терминологического аппарата, связанного с характеристикой правового статуса человека. При исследовании правового положения индивидов и социальных групп в России на протяжении всего рассматриваемого периода корректным является применение традиционной классификации прав (понимаемых как правомочия, как закрепленные законом возможности человека) по сферам жизнедеятельности человека (личные, политические, социально-экономические). При этом применение понятия «права человека» в современном понимании, в трактовке его как атрибутивных свойств личности, возможно не ранее начала XX в.

Третье положение соответствует п. 34 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

4. Российским государством в середине XVII – начале XX в. применялся разнообразный арсенал средств воздействия на социальную структуру и с точки зрения методов проведения законодательной политики, и с точки зрения организационно-правового оформления этой структуры, и с точки зрения регулирования социальной мобильности.

Это воздействие проходило по различным направлениям и затрагивало правовой статус как индивидов, так и социальных групп.

Основу правового механизма государственного воздействия на систему социальных страт составляет изменение соотношения социального и правового статусов. Законодатель (и правоприменитель) может придать юридическое значение определенному компоненту социального статуса и тем самым включить его в со-

став правового статуса. Или, наоборот, исключить определенный компонент из состава правового статуса.

При этом государственному регулированию может подлежать либо исключительно индивидуальный правовой статус человека, либо правовой статус социальных групп и через него – правовой статус человека.

В целом же на протяжении рассматриваемого периода можно выделить следующие направления государственного воздействия на социальную организацию России:

– конституирование системы правовых статусов человека и социальных групп;

– регулирование правового статуса человека;

– регулирование правового статуса социальных групп;

– установление особых правил, действовавших на определенных территориях страны и закреплявших локальные отличия правового статуса человека и социальных групп;

– реорганизация организационно-правового механизма групповой или индивидуальной вертикальной социальной мобильности.

В свою очередь, правовой статус человека мог быть изменен путем изменения сословного, группового или профессионального статуса целой социальной группы (и статуса индивида как члена этой группы) либо путем изменения только индивидуального статуса конкретного лица.

Государственное воздействие на иерархию социальных групп осуществлялось следующими методами:

– сохранения или изменения общей схемы деления общества на сословия;

– включение определенной группы населения в состав общегосударственной сословной структуры или сохранение ее за пределами этой структуры;

– создания или ликвидации определенного сословия;

– создания или ликвидации внутрисословных социальных групп (субсословий);

– включения в состав сословия или исключения из него социальной группы, находившейся в другом сословии или стоявшей вне сословной системы;

– создание или ликвидация социальной группы с особым статусом вне рамок сословий;

– расширение или ограничение доступа представителей определенной социальной группы к механизму вертикальной социальной мобильности.

Указанные направления и методы, применяемые Российским государством в течение рассматриваемого исторического периода, позволили сформировать модель социальной стратификации, достаточно эффективно функционирующую в условиях разнообразных вызовов.

Четвертое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

5. Социальная иерархия в России в рассматриваемый период основывалась на началах сословности. Весь этот период был временем существования сословной системы. Процесс правового оформления полномасштабной общегосударственной сословной системы в России в пределах значительно расширившейся государственной территории был осуществлен государственной властью в середине XVII в., а не в начале или в конце XVIII в. Содержание понятия «сословие» необходимо скорректировать. Ключевыми юридическими характеристиками сословия как социально-правового феномена выступают следующие: наличие у сословия особого правового статуса; юридическое оформление принадлежности к сословию и, соответственно, наличие определенной процедуры вхождения в сословие и выхода из него; наличие организационного механизма (на местном, региональном или общегосударственном уровне) выражения корпоративных интересов и выполнения корпоративных обязанностей; наличие определенного формата доступа к механизму социальной мобильности.

Передача прав и обязанностей по наследству не является главным критерием при конституировании социальной группы в качестве сословия.

С учетом институциональных особенностей российской сословной модели в понятие «сословие» применительно к России следует также включить его харак-

теристику как комплекса субсословий.

Пятое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

6. Основными институциональными особенностями отечественной модели сословной системы являются следующие: наличие значительной части населения, официально не включенной в состав ни одного из сословий и находившейся вне рамок сословной системы; двухуровневая структура сословий. Указанные особенности были юридически санкционированы законодателем в общегосударственном масштабе в середине семнадцатого столетия. Двухуровневая структура сословия выражается в том, что каждое сословие как крупная социальная группа включала в себя несколько менее крупных социальных групп – сословий второго (нижнего) уровня. Сословие первого (верхнего) уровня обладало лишь частью сословных юридических характеристик. Каждое из сословий второго уровня также обладало определенной частью сословных юридических характеристик.

Именно понятие «субсословие» не только адекватно обозначает социальную группу, входящую в состав сословия, но и отражает двухуровневую структуру сословий как основную институциональную особенность российской сословной модели.

Шестое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

7. Уточнены, а в определенных аспектах пересмотрены, научные подходы к определению правового статуса отдельных социальных групп. В их числе находятся такие социальные группы, как ратные люди, даточные люди, старожильцы, новопорядчики. Определено положение государственных служащих как социальной категории в сословной системе России. С учетом концептуальных подходов законодателя определен также правовой статус групп «инородческого населения» Российской империи.

Седьмое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

8. Правовое положение индивида в России в середине XVII – начале XX в.

определялось прежде всего сословным статусом; этот статус занимал место базового и родового статусов. Он доминировал в системе правовых статусов человека. Двухуровневая структура сословий в качестве основной институционально-правовой особенности сословной модели определяла и двухуровневую структуру сословного статуса как социально-правового феномена. Таким образом, сословный статус в России в рассматриваемый период имел двухуровневую структуру: «собственно» сословный и субсословный. Двухуровневая структура сословного статуса предоставляла государству дополнительный инструментарий для решения задач, возникающих в ходе социально-экономического и политико-территориального развития страны путем периодической корректировки институциональной структуры общества.

В течение первого десятилетия XX в. сословный статус, сохранив двухуровневую структуру, занял в России место в качестве одного из компонентов родового статуса в системе правовых статусов человека. С точки зрения права сословная организация продолжила свое существование. Продолжали действовать законодательные положения, устанавливающие разделение населения на сословия и регулирующие принадлежащие им исключительные права и обязанности. В целом ряде случаев эти права и обязанности распространялись на важные общественные отношения, например, на отношения землевладения. Сущность модернизации системы правовых статусов в России в течение первого десятилетия XX в. заключалась в появлении конституционного (государственно-правового, с учетом официальной терминологии того времени) статуса человека и новых видов родового статуса, в уменьшении значения сословного статуса. Мы датируем появление в России конституционного статуса личности октябрем 1906 г., придавая особое значение указу от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», а не только Манифесту 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и Основным государственным законам в редакции от 23 апреля 1906 г. Комплекс одинаковых для всех сословий прав и обязанностей превышал по значению комплекс оставшихся прав-привилегий и правовых различий. Генезис кон-

ституционного статуса личности в России сопровождался формированием поликомпонентного родового статуса нового типа. Среди компонентов родового (специального) статуса применительно к периоду 1905–1914 гг. следует выделить как минимум четыре группы. Одну из них составляет сословный статус, другую – профессиональные статусы государственных служащих и сотрудников органов местного управления, третью – статусы члена политической партии, профессионального общества или другого общественного объединения. Статусы лиц, установленные по критерию возраста, национальности, вероисповедания и т.п., образуют отдельную группу, не рассматриваемую в настоящей работе.

Восьмое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

9. Российский законодатель, закрепив определенную иерархию субсословий внутри каждого сословия и утвердив порядок перемещения из одного субсословия в другое, сформировал тем самым своеобразный механизм социального лифта. Этот механизм предусматривал возможность перемещения из одного субсословия в другое субсословие в рамках одного и того же сословия, а также переход в субсословие другого сословия. Данный своеобразный механизм социальной мобильности является одной из институциональных особенностей сословной системы России, а, значит, и российской модели социальной стратификации в рассматриваемый исторический период.

Одновременно законодатель урегулировал деятельность иного организационно-правового механизма, предоставлявшего возможности для построения другой траектории социальной мобильности и изменения индивидуального правового статуса. Основными, наиболее массовыми каналами мобильности в этом механизме являлись государственная служба (прежде всего – военная служба) и образование. С помощью потенциала указанных каналов социальный лифт мог «поднять» лицо из одного сословия в другое, минуя некоторые не только субсословные, но и сословные «ступени». В начале периода в этом плане доминировала государственная служба. Военная служба являлась единственным каналом социальной мобильности, доступным на протяжении рассматриваемого периода для

представителей всех сословий и субсословий, включая крепостных людей. В течение рассматриваемого периода непрерывно возрастало значение образования в качестве компонента организационно-правового механизма изменения правового статуса человека.

Эффективная деятельность организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса человека не только в значительной мере определяет ключевые характристики общества, но и оказывает непосредственное влияние на социальное и экономическое развитие страны. Влияние на социально-экономическое развитие страны деятельность механизма изменения индивидуального правового статуса человека осуществляет посредством повышения качества человеческого капитала, расширение возможностей хозяйственной (в т.ч. предпринимательской) деятельности, укрепление кадрового потенциала отдельных регионов и страны в целом.

Девятое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

10. Направления и методы государственного регулирования социальной структуры определили ключевые характеристики отечественной модели социальной стратификации. Данные характеристики, включая формат «работы» механизма вертикальной социальной мобильности, определяют тип общества с позиций роли юридических и неюридических средств, применяемых в целях консолидации членов общества. Эти характеристики можно использовать в качестве критериев типизации общества. Если государственная власть юридически закрепляет деление общества на страты, обладающие неравным объемом прав и неравным доступом к механизму вертикальной социальной мобильности, если права-привилегии и правовые различия превышают по значению одинаковые для всех людей права, то это значит, что общество имеет юридически неоднородный, сегментированный характер. В таком обществе консолидация его членов обеспечивается не столько правовыми, сколько неправовыми средствами.

На протяжении большей части рассматриваемого исторического периода с середины XVII в. до второй половины XIX в. российское общество носило юри-

дически сегментированный характер; доступ к основным каналам социальной мобильности для части членов российского общества в середине XVII–XIX вв. был юридически закрыт или организационно затруднен. Со времен Великих реформ XIX в. начался переход к юридически консолидированному обществу.

Начало XX в. стало временем активного формирования в России юридически консолидированного типа общества. С 1905–1906 гг. государственной властью стали предприниматься меры по оформлению и обеспечению доступа представителей всех категорий населения к организационно-правовому механизму вертикальной социальной мобильности, что является одним из ключевых признаков консолидированного общества. При этом данный процесс в рамках рассматриваемого в диссертации исторического периода не был завершен.

Десятое положение соответствует п. 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43 паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки».

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Настоящая работа вносит вклад в дальнейшее развитие историко-правовых исследований, в т.ч. междисциплинарных с использованием потенциала теории государства и права, отраслевых правовых наук, истории, социологии, экономики. В частности, определенное методологическое значение для данных исследований могут иметь авторская периодизация процесса развития социальной стратификации России и авторская концепция российской сословной модели и российской модели социальной мобильности.

Материалы диссертации могут применяться при подготовке рабочих программ и учебных пособий учебных дисциплин по основным образовательным программам высшего и среднего профессионального образования юридического профиля, при проведении со студентами и школьниками работы просветительского и профориентационного формата.

Материалы диссертации и выводы диссертационного исследования могут применяться также при реализации научно-исследовательских проектов, включая создание интеллектуальных продуктов.

Результаты диссертационного исследования могут использоваться в законотворческом процессе, прежде всего при подготовке законопроектов в области совершенствования механизмов социальной мобильности.

Апробация результатов исследования. Основные выводы диссертации были представлены на международных, национальных и региональных конференциях, круглых столах:

1. 12 июля 2000 г. Научная конференция «Проблемы правового статуса ребенка в Российской Федерации» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

2. 16–17 февраля 2001 г. Всероссийская научно-теоретическая конференция «Правовая культура в России на рубеже столетий» (г. Волгоград, Волгоградское региональное отделение Молодежного союза юристов, Волгоградский государственный университет, Волгоградское региональное отделение Российской Академии юридических наук).

3. 2003 г. Научно-практическая конференция, посвященная десятилетию Конституции Российской Федерации (г. Тверь, Тверской государственный университет).

4. 21–22 декабря 2005 г. Всероссийская научная конференция «К 700-летию принятия титула «великий князь всея Руси»: роль Тверского княжества и Михаила Ярославича Тверского в становлении российской государственности» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

5. 23–24 декабря 2005 г. Научная конференция «Тверской край – душа России» (г. Тверь, г. Торжок, Всероссийский историко-этнографический музей).

6. 2006 г. Научно-практическая конференция «Сто лет парламентаризма в России: место и роль представительных органов власти Тверской области в его развитии» (г. Тверь, Законодательное Собрание Тверской области).

7. 2006 г. Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Границы в пространстве прошлого»: социальные, культурные, идейные аспекты» (г. Тверь).

8. 26 января 2009 г. Межвузовская научно-практическая конференция «Правовые аспекты свободы личности» (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов).

9. 16 апреля 2009 г. IX Всероссийская научно-практическая конференция «Государство, право, управление – 2009. Власть и общество: грани взаимодействия» (г. Москва, Государственный университет управления).

10. 4–6 сентября 2009 г. V Международная научная конференция «Россия и Восток» (г. Астрахань, Астраханский государственный университет).

11. 22–24 мая 2009 г. Международная научная конференция, посвященная 80-летию АЛТИ-АГТУ (г. Архангельск, Архангельский государственный технический университет).

12. 28–29 апреля 2009 г. Международная научно-практическая конференция (г. Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет).

13. 13–14 октября 2009 г. Конференция «Россия и Финляндия: взаимодействие культур в прошлом и настоящем» (г. Санкт-Петербург).

14. 15 октября 2009 г. IV Международная научно-практическая конференция «Роль профсоюзов в становлении гражданского общества в России» (г. Санкт-Петербург).

15. 3–4 декабря 2009 г. Международная научно-практическая конференция «Государственно-правовая политика в Северо-Западном регионе» (г. Санкт-Петербург).

16. 10–12 июня 2010 г. Всероссийская научная конференция «Провинциальные дворянские усадьбы: прошлое, настоящее, будущее» (г. Тверь, г. Торжок, Тверской государственный университет).

17. 21 марта 2011 г. I Всероссийская научно-практическая конференция «Правовая Россия: теория и практика» (г. Йошкар-Ола, Приволжский научно-исследовательский центр).

18. 17–18 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция «Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: ак-

туальное соотношение понятий и трендов» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

19. 28–29 октября 2015 г. Международная научно-практическая конференция «Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

20. 10 марта 2016 г. Круглый стол «Конституционно-правовые модели и опыт эволюции современных образовательных систем: Россия и Финляндия» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

21. 11 марта 2016 г. Исследовательская конференция «Территориальная основа организации публичной власти в России и Финляндии: исторический, правовой, организационный, социальный и экономический аспекты» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

22. 9 ноября 2016 г. Круглый стол «Аграрная реформа П.А. Столыпина: нормативная база, организационный механизм, социально-политические последствия» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

23. 23–24 ноября 2016 г. Межрегиональная научно-практическая конференция «Государственные служащие России в прошлом и настоящем: региональный аспект» (Москва, Пушкино, ГБУ Московской области «Московский областной архивный центр»).

24. 27 декабря 2016 г. Круглый стол «Генеалогия и уроки становления представительной демократии в России» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

25. 7 ноября 2018 г. Научная конференция, посвященная 70-летию объединения Тверских профсоюзов (г. Тверь, Федерация Тверских профсоюзов).

26. 29 ноября 2018 г. XIX Международная научно-практическая конференция и XV Международня научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок» (г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)).

27. 24 апреля 2019 г. IV Международная научно-практическая конференция, приуроченная к Дню местного самоуправления «Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе» (г. Москва, Государственный университет управления).

28. 14–16 мая 2019 г. Пленарная конференция Московского академического экономического форума «Экономика как объект междисциплинарных исследований» (Четвертый Международный политэкономический конгресс) (г. Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова).

29. 24–28 июня 2019 г. III Российская научная интернет-конференция «Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства» (г. Вологда, Вологодский научный центр Российской академии наук).

30. 11–12 сентября 2019 г. Архивы и усадьбы. Всероссийская научная конференция с международным участием. Секция 1 «Архивные источники как фундамент российского усадьбоведения» (г. Пушкино, ГБУ Московской области «Московский областной архивный центр»).

31. 31 октября – 1 ноября 2019 г. Международная научно-практическая конференция к 150-летию школы П.П. Максимовича «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

32. Июнь 2020 г. Научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

33. 29 октября 2020 г. Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации, «Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

34. 27 ноября 2020 г. Международная научно-практическая конференция «Конституционное строительство: историческая динамика, антропологические основания» в рамках XVIII Кутафинских чтений «Новеллы Конституции России и

задачи юридической науки» (г. Москва, Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина).

35. 4 октября 2021 г. Круглый стол «Исторические вехи российского конституционализма» (г. Екатеринбург, Уральский государственный юридический университет).

36. 23–24 сентября 2022 г. XVII Международная научно-практическая конференция «История, архивы и общество», посвященная 625-летию Псковской судной грамоты (г. Псков, ГКУ Псковской области «Государственный архив Псковской области»).

37. 26–27 октября 2022 г. II Международная научно-практическая конференция, посвященная Международному году фундаментальных наук-2022 и 90-летию кафедры экономической теории, «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

38. 26 апреля 2023 г. Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Никольские чтения: традиции и новации в образовании» (г. Тверь, Тверской государственный университет).

39. 8–10 июня 2023 г. II всероссийский форум историков права «Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений» (г. Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»).

40. 21–22 сентября 2023 г. Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Императорское Православное Палестинское Общество и Тверской край: история и современность» (г. Тверь, Тверской государственный университет, Тверское региональное отделение ИППО).

Материалы диссертации и выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, были использованы диссертантом при подготовке учебников и учебно-методических пособий, написанных как индивидуально, так и в составе авторских коллективов.

Учебное пособие «История политических и правовых учений» под редакцией В.П. Малахова, Н.В. Михайловой, изданное в 2007 г., было рекомендовано Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям, а Министерством внутренних дел Российской Федерации было допущено в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, обучающихся по специальности «Юриспруденция».

Учебник «Конституционное право России: учебник для студентов вузов / (А. С. Прудников и др.); под ред. А. С. Прудникова, В. И. Авсеенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007» также использовался в образовательном процессе ряда образовательных организаций высшего образования.

Учебное пособие по истории отечественного государства и права (Смирнов С.Н. История отечественного государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.Н. Смирнов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 335 с.) было отмечено на Всероссийском конкурсе на лучшую научную книгу 2009 года в области юриспруденции.

Учебное пособие (Смирнов С.Н., Свистунов А.А. История отечественного государства и права: учебное пособие. М.: Проспект, 2014. 368 с.) было рекомендовано УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция».

Учебник «История отечественного государства и права» под редакцией Н.В. Михаловой, изданный в 2020 г., был рекомендован Международным учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» и Научно-исследовательским институтом образования и науки в качестве учебника для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования.

Учебник «История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Н.В. Михайловой, Р.С. Мулукаева; под ред. Н.Д. Эриашвили, Л.В. Карнаушенко. 2 изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022» был рекомендован

Международным учебно-методическим центром «Профессиональный учебник», Научно-исследовательским институтом образования и науки, Международным научно-исследовательским центром судебной экспертизы и исследований в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Учебник «История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Н.В. Михайловой, Р.С. Мулукаева; под общ. ред. А.И. Клименко, Л.В. Карнаушенко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023» был рекомендован Международным учебно-методическим центром «Профессиональный учебник», Научно-исследовательским институтом образования и науки, Международным научно-исследовательским центром судебной экспертизы и исследований в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Материалы диссертации и выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, были использованы также при создании интеллектуальных продуктов в ходе реализации проектов, поддержанных Комитетом внутренней политики Тверской области (2007 г.), Российским гуманитарным научным фондом, Администрацией Тверской области и Тверской областной организацией общества «Знание» России (2007–2008 гг., 2011–2012 гг., 2012 г., 2013–2014 гг.), Тверским региональным союзом организаций профсоюзов «Федерация Тверских профсоюзов» (2018 г.).

Основные результаты диссертационного исследования были использованы в качестве историко-правовой основы при подготовке экспертно-аналитического исследования по теме «Анализ работы образовательных организаций и НКО в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи. Разработка рекомендаций по совершенствованию нормативного правового регулирования» (2023 г.), выполненного в рамках государственного контракта, заключенного Тверским государственным университетом с Аппаратом Государственной Думы

Федерального Собрания Российской Федерации (участие в качестве научного руководителя).

Выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, были использованы при разработке модели образовательной поддержки одаренных обучающихся, реализуемой с 2012 г. в Тверском государственном университете.

Перечень публикаций автора.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях.

Результаты настоящего диссертационного исследования изложены более чем в 60 научных публикациях (в монографиях, в публикациях в рецензируемых научных изданиях из перечня, рекомендованного Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и в изданиях, входящих в международные базы цитирования), включая нижеследующие публикации:

Монографии:

1. Смирнов, С.Н. Тверской государственный университет. Имена. События. Даты. Правовые формы. Социальный лифт: монография / С.Н. Смирнов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 455 с.

2. Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. – М.: Проспект, 2023. – 160 с. (Коллективная монография).

3. Смирнов, С.Н. Правовое оформление сословной модели в России. Середина XVII – начало XX в. = Legal Registration of Social Stratum’s Model in Russia. Mid XVII – Beginning XX Century: монография / С.Н. Смирнов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 663 с.

4. Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния: монография / ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»; Тверское отделение Ассоциации юристов России. – Тверь: издатель А.Н. Кондратьев, 2017. – 248 с. (Коллективная монография).

5. Любина, Т.И., Смирнов, С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика / ред. Н.В. Михайлова: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 320 с.

6. Смирнов, С.Н. Вопросы правового и социального развития России в середине XVII века: Правовой и социальный статус человека: монография / С.Н. Смирнов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 170 с.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Смирнов, С.Н. Проблема правового статуса личности в современной отечественной правовой литературе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2006. – № 9 (26). – С. 189–198.

2. Смирнов, С.Н. О правовом регулировании отношений по возмещению вреда. По российскому законодательству середины XVII в. // Закон и право. – 2006. – № 12. – С. 103–105.

3. Смирнов, С.Н. Правовое регулирование экономических отношений в России в конце XVII – первой четверти XVIII века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2006. – № 6 (23). – С. 173–183.

4. Смирнов, С.Н. Структура российского общества и проблема правосубъектности в XVII веке: возможные подходы к решению // Современное право. – 2006. – № 10. – С. 108–112.

5. Смирнов, С.Н. К вопросу о правовом положении государственных служащих в России в XVII–XIX веках: соотношение сословного и профессионального статусов человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2007. – № 18 (46). – С. 82–85.

6. Смирнов, С.Н. К вопросу об источниковой базе историко-правового исследования. На примере исследования правового и социального статуса человека в России в первые века Нового времени // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2007. – № 4 (32). – С. 46–61.

7. Смирнов, С.Н. О правовом статусе субъектов имущественных правоотношений. По российскому законодательству середины XVII в. // Закон и право. – 2007. – № 1. – С. 116–117.

8. Смирнов, С.Н. Правовой и социальный статусы человека: проблема соотношения понятий // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 1. – С. 124–126.

9. Смирнов, С.Н. Проблема конституирования социальных групп в качестве сословий (на примере России XVII в.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 153–155.

10. Смирнов, С.Н. К вопросу о правовом оформлении структуры российского общества в период сословно-представительной монархии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2008. – № 16 (76). – С. 63–71.

11. Смирнов, С.Н. Некоторые аспекты характеристики индивида как субъекта права по российскому законодательству XVII века. К вопросу о социально-правовой ценности субъекта права // Закон и право. – 2008. – № 6. – С. 461–463.

12. Смирнов, С.Н. О правовом статусе крестьян-старожильцев. По Соборному уложению 1649 года // Закон и право. – 2008. – № 5. – С. 119–120.

13. Смирнов, С.Н. О правовом закреплении социальной структуры России в периоды сословно-представительной и абсолютной монархии // Закон и право. – 2009. – № 5. – С. 113–115.

14. Смирнов, С.Н., Любина, Т.И. Свод основных государственных законов Российской империи (редакция 1906 г.) как первая отечественная Конституция: взгляд через призму правового статуса человека // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2009. – № 15. – С. 156–160.

15. Смирнов, С.Н. Место профессионального статуса в системе правовых статусов индивидов и социальных групп в России XVII века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 14 (26). – С. 54–61.

16. Смирнов, С.Н. Развитие системы правовых статусов индивидов и социальных групп в России в конце XIX-начале XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2011. – № 1 (25). – С. 143–149.

17. Смирнов, С.Н. Некоторые аспекты развития Российского государства накануне Отечественной войны 1812 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2012. – № 19 (31). – С. 268–272.

18. Смирнов, С.Н. Феномен правового регулирования статуса человека российским законодателем XVII века: некоторые терминологические замечания // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2012. – № 30. – С. 87–95.

19. Смирнов, С.Н. К вопросу о генезисе конституционного статуса человека в отечественной правовой системе // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2013. – № 33. – С. 44–52.

20. Смирнов, С.Н. Некоторые вопросы формирования поместного права и поместной системы в России XVI–XVII веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2015. – № 3. – С. 33–41.

21. Смирнов, С.Н. Проблема генезиса конституционного статуса личности в России: опыт рассмотрения через призму отечественного и зарубежного государства и права // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2018. – № 2. – С. 108–118.

22. Смирнов, С.Н. К вопросу о первых этапах генезиса конституционного статуса личности в России. Отечественный опыт в контексте конституционной практики зарубежных стран // Закон и право. – 2018. – № 10. – С. 34–41.

23. Смирнов, С.Н. Профессиональный статус лиц, занятых на «государевой службе», как элемент правового статуса человека в России в XVII веке // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 3. – С. 27–33.

24. Смирнов, С.Н. Правовые практики конституирования в России и зарубежных странах социальных групп в качестве сословий: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука. – 2018. – № 3. – С. 43–50.

25. Смирнов, С.Н. К вопросу о характеристике источниковой базы историко-правового исследования проблем законодательного оформления структуры общества России в XVII – начале XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2019. – № 1 (57). – С. 221–233.

26. Смирнов, С.Н. Из истории законодательного оформления социальной структуры России: причины и условия правовой реформы середины XVII века // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 2. – С. 35–38.

27. Смирнов, С.Н. К вопросу о правовых и экономических последствиях преобразований аграрной сферы России в годы реформ П.А. Столыпина (1906–1911) // Аграрное и земельное право. – 2019. – №5 (173). – С. 37–40.

28. Смирнов, С.Н. Некоторые правовые аспекты социальной мобильности помещичьих крестьян в Российской Империи в конце XVIII – начале XIX вв.: политика законодателя и факты повседневной истории // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 8 (176). – С. 70–72.

29. Смирнов, С.Н. Правовой механизм изменения индивидуального правового статуса представителями привилегированных сословий в Российской империи в 1801–1815 гг. // Право и управление. XXI век. – 2019. – Т. 15, № 2 (51). – С. 45–51.

30. Смирнов, С.Н. К вопросу о типизации моделей социальной стратификации стран мира (краткий обзор некоторых концепций и авторский комментарий) // Социология и право. – 2020. – № 3 (49). – С. 65–75.

31. Смирнов, С.Н. К вопросу о развитии системы образования России в первой половине XVII века в качестве канала изменения индивидуального правового статуса // Закон и право. – 2020. – № 12. – С. 68–71.

32. Смирнов, С.Н. К вопросу об основных этапах развития системы образования России в середине XVII – начале XX века как канала изменения индивидуального правового статуса человека // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 4. – С. 105–108.

33. Смирнов, С.Н. Некоторые аспекты законодательного регулирования правоспособности представителей различных категорий населения России в XVII – XIX веках // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2020. – № 1 (61). – С. 30–36.

34. Смирнов, С.Н. Некоторые правовые и организационные аспекты развития системы образования в России во второй половине XVIII в. в качестве канала со-

циальной мобильности // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 1. – С. 56–59.

35. Смирнов, С.Н. Двухуровневая структура сословий как основная особенность российской сословной модели // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2021. – № 1 (65). – С. 147–151.

36. Смирнов, С.Н. Вопросы правовой преемственности организаций-предшественников Тверского государственного университета (1870-1917 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Право». 2021. № 2 (66). С. 143–149.

37. Смирнов, С.Н. Образовательная поддержка высокомотивированных школьников в России в аспекте функционирования социального лифта: современный организационно-правовой механизм и отечественные традиции // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2022. – № 2 (70). – С. 131–136.

38. Смирнов, С.Н. Образование и адвокатура: некоторые аспекты функционирования социальных лифтов в России в XIX веке // Власть закона. – 2022. – № 3 (51). – С. 112–123.

39. Смирнов, С. Н. Новая роль образования в механизме повышения индивидуального правового статуса человека в Российской Империи (начало XX в.) // Власть закона. – 2022. – № 4 (52). – С. 140–147.

40. Смирнов, С.Н. Система образования России во второй половине XIX века: между прошлым и будущим // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2022. – № 3 (71). – С. 130–135.

41. Смирнов, С.Н. Организационно-правовой механизм повышения индивидуального правового статуса человека в Российской Империи: нормативное регулирование и неинституционализированные практики // Власть закона. – 2023. – № 1 (53). – С. 182–195.

42. Смирнов, С.Н. Эволюция роли образования в России в качестве канала социальной мобильности в XVIII – начале XX вв. // Право и образование. – 2023. – № 7. – С. 112–118.

43. Смирнов, С.Н. Некоторые вопросы развития корпоративного правового статуса и нормативного регулирования деятельности негосударственных организаций в Российской империи во второй половине XIX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1 (73). – С. 126–134.

44. Смирнов, С.Н. К вопросу о характеристике методов и результатов государственного регулирования социальной структуры России в XVII – начале XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 2 (74). – С. 145–152.

45. Смирнов, С.Н. Обзор всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Императорское Православное Палестинское Общество и Тверской край: история и современность» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (76). С. 165–169.

Публикации в изданиях, входящих в международные базы цитирования (Web of Science, Scopus):

1. Socio-economic and legal factors of recognition and enforcement of the constitutional right to education in Russia / G. N. Zakharov, V. I. Kruss, E. S. Lyubovenko, S. N. Smirnov // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 200. – P. 914-918. DOI 10.1007/978-3-030-69421-0_101.

2. Sukharev, A.N., Smirnov, S.N. Search for a growth accelerating strategy for russian economy // n. 4 (2020): Geplat: Caderno Suplementar, N. 4, SETEMBRO, 2020.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ

§ 1. Историко-правовое исследование государственной политики по закреплению социальной иерархии России: хронологические рамки, периодизация

На протяжении рассматриваемого периода Российское государство неоднократно сталкивалось с разнообразными проблемами или, если угодно, вызовами в аспекте конституирования и реформирования социальной структуры. В число этих вызовов входят необходимость модернизации системы государственного управления и реорганизации механизма социальной мобильности; изменение численности, общественных функций и экономической роли тех или иных социальных групп; включение в состав российского общества населения присоединяемых территорий; приток мигрантов из зарубежных стран и т.д.

В истории государственно-правового развития России выделяются несколько ключевых дат, знаменовавших начало или завершение определенных этапов в развитии государственной политики в направлении оформления социально-правовой структуры страны. Настоящее исследование структурно выстроено с с учетом указанных дат и этапов.

Середина XVII в. является важным рубежом в истории государственно-правового развития России и, в т.ч. в истории правового оформления социальной структуры страны, в закреплении системы правовых статусов индивидов и социальных групп. Именно в это время актуализировались задачи разрешения целого ряда вызовов, вставших перед Россией.

К середине семнадцатого столетия в стране накопилось немало нерешенных задач, проблем или, если угодно, вызовов. В их число входят задача выстраивания социальной иерархии в новых территориально-демографических масштабах, задача консолидации в рамках государства присоединенных территорий. К их числу также относятся обострявшиеся противоречия между различными общественными группами, включая противоречия между боярством и дворянством, между владельцами и жителями «белых слобод» и остальным населением городов. Эти противоречия отчасти вызывались тяжестью государственной службы и государственных повинностей разного рода, что в условиях роста протестных выступлений делало весьма актуальной задачу урегулирования отношений несения службы и тягла представителями различных социальных групп.

После завершения процесса политического объединения страны стояла задача унификации правового статуса представителей одной и той же социальной группы, проживавших в разных уездах. Иначе говоря – законодательного оформления сословной системы в общегосударственном масштабе. Требовалось также обозначить отношение законодателя к новым активным социальным и профессиональным группам, таким как казачество, приказные люди.

Во второй половине XVI в. и в первые годы XVII в. в связи с политикой опричнины царя Ивана IV, непрерывными войнами, событиями Смуты, голодом и эпидемиями население центральных и южных уездов Европейской части России понесло огромные потери. При этом не только изменилась численность различных социальных групп, но и многие аспекты их организационно-правового положения.

Территориальное расширение централизованного Русского государства отнюдь не являлось новацией XVII в.; оно происходило и ранее. В состав России включались территории с иным этническим составом. Продолжались процессы внутренней колонизации, направленные в основном в районы Севера европейской части страны. Колонизационное движение осуществлялось отчасти по инициативе государственной власти, а в значительной мере – по инициативе крупных землевладельцев.

Во всех названных районах культурно-бытовая и юридическая жизнь местного населения перестраивалась. Указанные регионы включались в общий поток политико-правового развития Руси.

Таким образом, к середине XVII в. страна имела значительный опыт освоения незаселенных территорий и интеграции в общее правовое пространство жителей заселенных территорий.

Однако в последние годы XVI в. и в первой половине XVII в. процессы территориального развития страны существенно изменились. В состав Российского государства вошли огромные территории Восточноевропейского степного Черноземья, Нижнего Поволжья, Западной и Восточной Сибири. Масштабы территориальных приобретений были беспрецедентными. Россия превратилась в «крупную азиатскую и тихоокеанскую державу»[31]. Не случайно в научной литературе расширение территории рассматривается в качестве этнокультьурного и геополитического фактора Российской государственности[32]. На землях площадью несколько миллионов квадратных километров проживали десятки этносов, имевших существенно отличавшуюся от традиционной российской систему социальной иерархии. В состав Российского государства также вошли регионы, где проживало казачество. Верховная государственная власть должна была определиться с принципами построения социальной иерархии с учетом указанных обстоятельств.

Государство довольно активно апробировало различные правовые и организационные средства по включению населения присоединенных территорий в общегосударственную социальную организацию. Как показывал опыт, на землях европейской части России даже в условиях появления в среде местного населения достаточно многочисленных переселенцев из центральных уездов России требовались особые формы и инструменты для решения указанной задачи. Например, межэтническое взаимодействие русского и мордовского народов опиралось на

---

[31] Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013. С. 20.

[32] Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Ю.А. Петров, А.И. Аксенов, Н.И. Никитин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов; отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: РОССПЭН, 2012. – 462 с.

давние традиции, а после включения мордовских земель в состав Российского государства сложилось «смешанное чересполосное и дисперсное расселение»[33]. Тем не менее на мордовской территории помимо единой местной администрации назначались специальные должностные лица (мордовские головы, подьячие мордовских дел, мордовские недельщики и др.), осуществлявшие свои полномочия по отношению к местному населению. При этом мордовские крестьяне оказались на положении дворцовых крестьян, т.е. были полностью включены в общероссийскую социальную иерархию[34].

Теперь, в середине XVII в., в новых рамках государственного пространства, центральная власть России должна была решать несравненно более масштабную и сложную задачу.

В первой половине XVII в. страна столкнулась с таким явлением, как массовая иммиграция. В Новгородский, Тверской и другие центральные уезды страны переселялись тысячи карел из отошедшей к Швеции территории[35]. В степи Нижнего Поволжья переселялись калмыки. Указанные миграционные процессы также должны были учитываться российским правительством в аспекте решения задач социально-правовой организации прибывавшего населения различной этнической и конфессиональной принадлежности.

Еще один фактор имел сугубо внутреннее происхождение. Обострилась проблема ухода подданных российского монарха от государственных повинностей путем заключения кабального договора с другими лицами. При этом целый ряд вопросов, связанных с установлением и прекращением кабальной зависимости, в законодательстве решен не был. Например, как отмечают исследователи, вплоть до 1550 г. законодатель не регулировал отношения зависимости по служебной кабале; появление соответствующих положений в Судебнике 1550 г., в

---

[33] Сушкова Ю.Н. Обычно-правовые начала взаимоотношений русского и мордовского народов // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. 2017. № 5. С. 39.

[34] Видяйкин С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 3, 14.

[35] Жуков Ю.А. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа [Электронный ресурс] // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. Выпуск 2. URL: http://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=761 (дата обращения: 05.05.2019).

указах 1558 г., 1560 г. и 1586 г. не решило вопроса с определением юридического содержания кабальной зависимости и оказалось недостаточным[36].

В связи с развитием в XVII в. государственного аппарата в стране активно формировалась категория профессиональных управленцев. Правовое положение значительной части ее членов не вписывалось в существовавшую к этому времени иерархию правовых статусов человека.

Немалые масштабы имели коррупция и прочие злоупотребления государственных служащих центральных и местных органов управления, вызывавшие определенное социальное напряжение. Как отмечается в научных работах, коррупция «в среде государственных служащих продолжала развиваться»; по мере сворачивания деятельности местного самоуправления злоупотребление должностным положением стало присуще и воеводам как управленческому институту[37]. Помимо условий общественной жизни, способствовавших данным злоупотреблениям, имел место и фактор в виде несовершенства нормативной базы деятельности государственных органов и их должностных лиц.

Комплекс данных задач верховной государственной власти России (рассматриваемый с позиций целей настоящего исследования) применительно к середине XVII в. выглядит следующим образом:

1. Формирование новой модели социальной иерархии, включая механизм повышения индивидуального правового статуса (механизм социального лифта).

2. Преодоление ряда острых социальных и социально-политических противоречий.

3. Урегулирование социально-правовых аспектов территориального расширения страны и миграционных процессов.

---

[36] Мухина Ю.Ю. Характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2012. № 2. С. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-polozheniya-krestyan-i-holopov-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xvi-xvii-vv (дата обращения: 05.05.2019).

[37] Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002; Зубов В.Е. Коррупция в среде российского чиновничества: исторические корни и особенности [Электронный ресурс] // Чиновник. 2001. № 3. С. 1. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32631941 (дата обращения: 29.04.2019).

4. Обновление нормативно-правовой базы, в т.ч. в части урегулирования социально-статусных отношений.

Вместе с тем действовавшие в стране ранее законодательные акты не были предназначены для решения названных выше вопросов. Крупнейшие из них – Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. – ни по объему, ни по содержанию явно не могли быть использованы центральной государственной властью для преодоления новых вызовов. В частности, минимальное количество норм материального права в гражданско-правовой и уголовно-правовой сферах не позволяет говорить о законодательном оформлении отраслевого правового статуса. Как «процессуальный формат», если можно так выразиться, данных правовых актов, так и незначительный объем (68 статей в Судебнике 1497 г. и 100 статей в Судебнике 1550 г.) свидетельствовали о том, что с их помощью законодатель решал совсем другие задачи. Собственно говоря, данный вывод можно проиллюстрировать указанием на «географическую» характеристику Судебников.

Согласно ст. 30 Судебника 1497 г., его действие было рассчитано на центрально-русские земли, составлявшие ядро централизованного Русского государства: Великий Новгород на северо-западе, Белоозеро на севере, Великий Устюг на северо-востоке, Нижний Новгород на востоке, Муром на юго-востоке, Можайск на западе – вот пределы деятельности великокняжеских разъездных судов и фактически пределы действия положений Судебника[38].

Судебник 1550 г., принятый после расширения государственных границ, тем не менее был издан до покорения Казанского и Астраханского ханств, до включения в состав России территорий черноземной зоны, до разгрома Сибирского ханства и широкого освоения русскими сибирских земель, до поражения Большой ногайской орды и занятия междуречья Волги и Яика, до других территориальных приобретений. Требовались новые правовые нормативные документы комплексного характера, распространявшие свое действие на всю территорию

[38] Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства [XIV–XVI]; отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юрид. лит., 1985. С. 54–62.

Российского государства. Судебник 1550 г.[39], несмотря на положение его ст. 98, и практику «приписки» в качестве дополнительных статей некоторых наиболее важных нормативно-правовых актов,[40] не смог выполнить данной роли. Возможно потому, что события начала XVII в. поставили перед системой права страны слишком трудные задачи.

Требовалась серьезная правовая реформа, которая и была проведена с разработкой и принятием Соборного уложения 1649 г.

Таблица 1 – Некоторые характеристики Российского государства и отечественной системы права по состоянию на 1497 г., 1550 г., 1649 г.[41]

№ п/п	Характеристики	1497 г.	1550 г.	1649 г.
1.	Площадь территории (млн. кв. км.)	около 2,5	примерно 2,8	примерно 12,0
2.	Численность населения (млн. чел.)	более 3,0	примерно 6,5	примерно 7,0
3.	Регионы с наиболее значительными особенностями правового статуса	Новгородская земля, территория Великого кн-ва Тверского	Новгородская земля, Псковская земля	Сибирь, территория Войска Донского
4.	Основные общероссийские нормативно-правовые акты	Судебник 1497 г.	Судебник 1550 г.	Уложение 1649 г.
5.	Наличие централизованной печати нормативно-правовых актов для нужд правоприменительной практики	нет	нет	есть

Таким образом, 1649 г., датой принятия Соборного уложения, и 1650-ми гг., первыми годами реализации положений данного уложения, можно датировать важное событие в социально-правовой истории России. Именно в это время была юридически оформлена на основе как нормативно-правовых документов, так и обычаев сословная система в общегосударственном масштабе, в рамках всего значительно увеличившегося территориально государства.

---

[39] Судебник 1550 г. // Судебники XV–XVI веков / коммент. А.И. Копанева; под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 619 с.

[40] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер. Под ред. Н.Е. Носова. – Л.: Наука, 1986. С. 8.

К ключевым показателям правовой реформы середины семнадцатого столетия мы относим: принятие Соборного уложения; урегулирование на законодательном уровне отдельных компонентов правового статуса основных социальных групп; урегулирование отраслевого правового статуса; окончательное закрепление крепостной зависимости крестьян. Верховная государственная власть определилась также с принципиальным подходом к санкционированию правового статуса населения вошедших в состав Российского государства территорий. При этом механизм вертикальной социальной мобильности функционировал не только на основе нормативно-правовых актов, но и на основе вековых традиций, к которым мы относим, например, некоторые «неписаные» правила местничества.

В последующие годы верховной властью России были приняты законодательные меры по изменению характеристик социальной структуры. Наиболее значительные мероприятия стали своего рода рубежами на пути развития отечественной модели структуры общества. Традиционно в научной историографии к таким рубежам относят события, совершившиеся в первой четверти XVIII в., в 80-е гг. XVIII в., в 30-е гг. XIX в., в 60–70-е гг. XIX в., в 1900-е гг.

Именно эти рубежи должны быть учтены при создании научной периодизации процесса правового регулирования государством социальной иерархии России.

При этом отметим, что в рамках историко-правовой науки до настоящего времени не создано самостоятельной периодизации процесса правового регулирования государством социальной иерархии России, отдельной от общей периодизации государственно-правового развития страны. Вместе с тем вполне допустимым является соотнесение этапов развития социальной структуры страны с этапами развития государственно-правовых институтов, а, значит, использование имеющейся периодизации истории отечественного государства и права в качестве основы для создания периодизации процесса правового регулирования государством социальной иерархии России.

Различные варианты периодизации истории государства и права России предложены многими видными представителями отечественной историко-

правовой науки. А.С. Смыкалин относит первые «попытки периодизации» к XVIII в.[42] Приведем несколько примеров периодизации в той ее части, которая хронологически соответствует рассматриваемому в настоящей диссертации периоду.

М.Ф. Владимирский-Буданов рассматривает правовой материал исходя из периодов развития российской государственности. По сути, акцент в плане критериев данной периодизации делается на эволюцию формы государственного устройства и формы правления. Социальный состав населения он характризует в комплексе с «этнографическим составом» и такими феноменами государственного права, как власть, управление, законодательство. Вторая половина семнадцатого столетия, наряду с несколькими предшествующими веками, включена автором в период Московского государственного права. Следующий период М.Ф. Владимирский-Буданов называет Государственным правом империи и включает в него материал XVIII–XIX вв.[43]

И.Д. Беляев, выделяя периоды развития русского законодательства на протяжении более чем тысячи лет, относит время «от царя Алексея Михайловича» до современного ему девятнадцатого столетия к четвертому периоду русского законодательства и внутренней народной жизни. Не выделяя каких-либо этапов внутри периода, он акцентирует внимание на переменах, произошедших в период правления Петра I[44]. Периодизация И.Д. Беляева не может быть применена для периодизации процесса правового регулирования государством социальной иерархии в России.

Концептуальные подходы к проблемам периодизации в советской историко-правовой науке определялись формационным подходом. В качестве основного критерия историки государства и права использовали развитие производственных

---

[42] Смыкалин А.С. Основные методологические понятия курса «История отечественного государства и права» // Государство и право. 2017. № 6. С. 102.

[43] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 5-е. Часть первая. История русского государственного права. Киев: Лито-типография товарищества И.Н. Кушнерев и К^{О}, 1907. С. 100 и след.

[44] Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / С предисл. проф. В.А. Томсинова; отв. ред. Н.Н. Бойко; сост. библиогр. указателя основных соч. и публ. И.Д. Бедяева О.М. Андрианов. М.: Изд-во «Родная страна», 2018. С. 33–34.

отношений. База периодизации истории государства и права СССР была заложена С.В. Юшковым, исходившим из изменения социально-экономического уклада в стране. Как отмечается в историографии, данному автору принадлежит мысль о выделении таких периодов, как сословно-представительная монархия, абсолютная монархия и др[45]. Периодизация С.В. Юшкова получила широкое распространение и признание в советской историко-правовой науке, однако также не может быть применена для целей настоящего исследования как по методологическим соображениям, так и в силу своего общего характера: изменение юридической формы организации общества в данной периодизации не учитывается в принципе.

На основе марксистского учения о формациях отрезок российской истории до начала 1860-х гг. включался в период феодализма, четыре последних десятилетия XIX в. – в период капитализма, а первые годы XX в. – в период империализма. Однако нередко параллельно с указанной схемой авторы применяли периодизацию на основе хронологического критерия и дат наиболее важных событий, что позволяло полнее учесть сущность происходивших в стране процессов[46].

Примером периодизации, применявшейся в советской историко-правовой науке, является выделение таких этапов, как образование и развитие абсолютной монархии в России (вторая половина XVII–XVIII в.), государство и право России в период разложения крепостнического строя и роста капиталистических отношений (первая половина XIX в.), государство и право России в период утверждения и развития капитализма (вторая половина XIX в.), государство и право России в период буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., столыпинской реакции и нового революционного подъема (1900–1914), государство и право России в период Первой мировой войны (1914–1917)[47].

---

[45] Кострюков П.А. Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 16–17.

[46] Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов: Учеб. пособие для подготовит. отделений вузов: в 2-х ч. 2-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. / А.С. Орлов, В.А. Георгиев. М.: Высш. шк., 1984. 351 с.

[47] История государства и права СССР: в 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова, И.Д. Мартысевича. М.: изд-во Моск. ун-та, 1985. Ч. 1. С. 155, 188, 206, 232, 246.

Современная отечественная историко-правовая наука предлагает несколько вариантов периодизации.

В учебнике, подготовленном коллективом авторов под редакцией О.И. Чистякова, интересующий нас исторический период рассматривается в такой последовательности: образование и развитие абсолютной монархии в России (конец XVII–XVIII в.); государство и право России на вершине абсолютизма (первая половина XIX в.); важный шаг к буржуазному государству (вторая половина XIX в.); кризис абсолютизма (1900–1914)[48].

Ю.П. Титов относит все время с середины XVII в. по начало XX в. к истории феодального государства и права. При этом период со второй половины XVII в. по XVIII в. он определяет как время образования и развития абсолютной монархии; период первой половины XIX в. – как время разложения крепостнического строя и роста капиталистических отношений; период с 1861 г. по 1905 г. – как время утверждения и развития капитализма; с 1905 г. по февраль 1917 г. – последний период в истории феодального государства и права – как время очередного шага к буржуазной монархии[49].

Развитие социально-экономического уклада общества и государственное развитие считает факторами периодизации И.А. Исаев. Отражением периодизации истории развития государства и права России является периодизация учебного курса. Интересующее нас время И.А. Исаев относит к трем периодам: Русское (Московское) государство (XV–XVII вв.), Российская империя периода абсолютизма (XVIII – середина XIX вв.), Период перехода к конституционной монархии (середина XIX – начало XX вв.) и буржуазно-демократической республики (февраль–октябрь 1917 г.)[50].

М.А. Исаев группирует материал по истории государства и права в три периода, включая два наиболее нас интересующих: Московский период истории

---

[48] История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1: учебник для бакалавров /под ред. О.И. Чистякова. 5-е изд. М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2012. С. 291–423.

[49] История государства и права России: учеб. / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев [и др.]; под ред. Ю.П. Титова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2010. С. 10–11.

[50] Исаев И.А. История государства и права России: учебное пособие для бакалавров. М.: Проспект, 2019. С. 6.

российского права и Имперский (Петербургский) период в истории российского права[51].

Предложена периодизация, основанная на эволюции формы государства с выделением четырех периодов. Ко времени середины XVII – начала XX в. относятся два из них: завершающийся отрезок царского периода (XVI–XVII вв.) и весь период империи (с XVIII в.). При этом период империи разделен на три подпериода (этапа): XVIII – первая половина XIX вв. (время институционализации «полицейско-бюрократического» абсолютизма), вторая половина XIX – начало XX вв. (время буржуазных реформ и либерализации режима), 1905–1917 гг. (время оформления и кризиса думской монархиии). К царскому периоду Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов относят «первые шаги к оформлению сословий»[52].

В.Г. Графский обозначает время от Киевской Руси до Московского царства, включая практически весь семнадцатый век, как «Средневековая Русь». Время от рубежа XVII–XVIII вв. до большевистского переворота 1917 г. автор относит к имперскому периоду[53].

Проблемно-хронологический принцип историко-правового исследования полагает концептуально важным Н.В. Михайлова. Она полагает, что системный кризис на рубеже XVI–XVII вв. заставил «россиян подключиться к методам развития современной цивилизации»; соответственно в истории России XVII в. означает начало вхождения в новое время[54]. В течение этого столетия Россия находилась одновременно в рамках средневековой и современной цивилизаций. Абсолютная монархия в XVII в. решала задачи, свойственные средневековой цивилизации («дальнейшее развитие крепостничества, консолидация средневекового

---

[51] Исаев М.А. История российского государства и права: учебник / МГИМО (Университет) МИД России. М.: Статут, 2012.

[52] Лаптева Л.Е. История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов; отв. ред. Л.Е. Лаптева. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 105 и след.

[53] Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 243, 558.

[54] Михайлова Н.В. История отечественного государства и права // Традиции и новации в постижении истории государства и права: науч. издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 94–96.

правящего класса») и современной цивилизации («развитие предпринимательства, попытки формирования социальных групп современной цивилизации»)[55]. Рассматривая последующие исторические периоды, Н.В. Михайлова пишет о периоде становления и укрепления империи (XVIII в.), о периоде нарастания цивилизационных противоречий (XIX в.)[56].

В учебнике под редакцией Р.С. Мулукаева предложена следующая схема периодизации (применительно к интересующему нас историческому периоду): образование и развитие абсолютной монархии в России (вторая половина XVII – XVIII вв.); период разложения крепостнического строя и роста капиталистических отношений (первая половина XIX в.); период утверждения капитализма (вторая половина XIX в.); период первой русской революции и до начала Первой мировой войны (1900–1914)[57].

Д.А. Пашенцевым, М.В. Залоило, А.А. Дорской обоснован комплексный подход к периодизации правового развития России, базирующийся на учете нескольких факторов, включая смену технологических укладов.[58]

Предложен вариант выделения следующих периодов применительно к интересующему нас историческому времени: Государство Московская Русь и развитие права (XV–XVII вв.); Российское государство и право в период стаеновления абсолютизма (середина XVII – XVIII вв.); Российское государство и право в период кризиса абсолютизма (конец XVIII – середина XIX вв.); Российское государство и право в период осуществления либеральных реформ второй половины XIX в.; Государство и право Российской Империи в начале XX века (1900 г. – февраль 1917 г.)[59].

---

[55]Там же. С. 140–144.

[56] Там же. С. 140 и след.

[57] История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Р.С. Мулукаева. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 703 с.

[58] Пашенцев Д.А., Залоило М.В., Дорская А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021, 184 с.

[59] Згоржельская С.С. и др. История отечественного государства и права: учебное пособие для студентов факультета непрерывного образования. М.: РАП, 2013. С. 16–17.

В рамках современной концепции «наднациональной истории» история России рассматривается как часть истории Евразии; за основу периодизации берутся события, связанные с трансформацией «имперского» государства. Семнадцатое столетие рассматривается как время существования регионального Российского государства, восемнадцатое столетие – как время строительства современной империи. Великие реформы XIX в. в данной концепции означают попытку построения «национальной империи», базирующейся на «общеимперской гражданской нации»[60].

В отечественной историко-правовой науке применительно к всеобщей истории государства и права большое распространение имеет периодизация, основанная на выделении четырех крупных периодов. Так, данную периодизацию использует К.И. Батыр. Два с половиной века с 40–50-х гг. XVII в. и до конца XIX в. включаются в период Нового времени; начало XX в. знаменует наступление периода Новейшего времени[61].

Имеются и другие варианты периодизации, предложенные отечественной историко-правовой наукой. Эти варианты основаны как на формационном, так и на цивилизационном подходе.

Как мы можем констатировать, все варианты периодизации, предложенные историко-правовой наукой, носят общий характер, что представляется естественным и обоснованным с учетом целей, поставленных авторами научных и учебных трудов. Ни один из вариантов периодизации не основывается на ходе и результатах государственной политики в вопросе правового оформления социальной структуры России, в вопросе установления порядка изменения правового статуса индивидами или группами лиц. Таким образом, для достижения целей настоящего исследования необходимо в рамках историко-правовой науки предложить иной вариант периодизации на основе рассмотрения законодательной политики в указанных вопросах. При создании такой периодизации следует учесть соответству-

---

[60] Новая история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. С. 13 и след.

[61] Всеобщая история государства и права: учебник / под ред. проф. К.И. Батыра. М.: Юристъ, 1998. С. 5 и след.

ющие наработки не только в историко-правовой науке, но и в истории и некоторых других «неюридических» науках.

Рассмотрим концептуальные подходы к проблематике периодизации представителей «неюридических» наук.

Обоснованные варианты периодизации социально-политической истории России предложены исторической наукой. Прежде чем дать их краткий очерк, отметим, что целый ряд видных отечественных историков не представили своего видения периодизации.

Так, классик отечественной исторической науки С.М. Соловьев в предисловии к своему фундаментальному труду пишет, что обязанность историка – не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их[62]. Правда, далее он указывает, что в семнадцатом столетии, в отличие от предшествующих веков, происходят перемены в общественном строе России, прежде всего в служивом сословии. Во второй половине XVIII в. появляется, по мнению С.М. Соловьева, новое направление в государственной политике России по отношению к обществу[63]. Сколько-нибудь подробной характеристики сути нового направления историк не предлагает.

Не дает своего варианта периодизации и С.Ф. Платонов. Тем не менее, излагая материал по отечественной истории, он включает события почти всего XVII в. во вторую часть своего труда, а события, произошедшие во время правления Петра I и его преемников (т.е. время с конца XVII в. по конец XIX в.) – в третью часть труда[64]. Другими словами, преобразованиям периода правления Петра I автор отводит ключевую роль в развитии как российского государства, так и российского общества.

Историческая наука в лице В.О. Ключевского представила периодизацию развития социальной организации России в виде истории русских сословий. Ключевский выделяет четыре периода в истории русских сословий. Ученый относит

---

[62] Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 1–2. История России с древнейших времен / под ред. П.Ф. Алешкина и др. М.: Голос, 1995. С. 8.

[63] Там же. С. 12–13.

[64] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 395–818.

XVI–XVII вв. к третьему периоду, сословные различия в котором базировались на различии государственных повинностей, или, как пишет автор, «основанием сословного деления служило различие государственного тягла, разверстанного между классами общества»[65]. В XVIII в. начинается четвертый период, который характеризуется таким основанием сословного деления, как различие государственных и гражданских прав, причем это различие основывалось на политическом значении сословий[66].

Периодизация социального, экономического и политического развития России в рамках исторической науки советского периода аналогично советской историко-правовой науке строилась на формационном подходе. Вместе с тем авторы вносили свое видение данного предмета, прежде всего – при выделении этапов внутри формаций.

Коллектив авторов в составе А.З. Манфреда, М.В. Нечкиной, С.Д. Сказкина и других историков в труде по всемирной истории следующим образом группирует материал, относящийся к истории России XVII – начала XX в.: абсолютизм в России; Россия в XIX в. (до 1860-х годов); Россия после отмены крепостного права; от реформы к революции[67].

В фундаментальном двенадцатитомном труде по истории СССР, подготовленном в 1960-е гг. коллективом авторов под эгидой Академии наук СССР, интересующему нас периоду посвящены третий, четвертый, пятый и шестой тома. В них материал изложен по следующим хронологическим отрезкам:

− 40-е гг. XVII в. – 90-е гг. XVIII в. (период называется «Превращение России в единую державу. Народные движения XVII–XVIII вв.)[68].

− середина 90-х гг. XVIII в. – середина 50-х гг. XIX в. (период называется «Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в.»)[69].

---

[65] Ключевский В.О. История сословий в России. М.: Изд-во Юрайт, 2020. С. 33.

[66] Там же.

[67] Краткая всемирная история: в 2 кн. / под ред. А.З. Манфреда. М.: Наука, 1966. Кн. 1. 589 с.

[68] История СССР. Первая серия. Тома I – VI. / гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том III. Превращение России в единую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. С. 6–7.

[69] История СССР. Первая серия. Тома I – VI. / гл. ред. Б.А. Рыбаков Том IV. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. С. 6 – 7.

− середина 50-х гг. XIX в. – конец XIX в. (период называется «Развитие капитализма и подъем революционного движения в пореформенной России»[70].

− 1900–1917 гг. (период называется «Россия в период империализма»)[71].

Вплоть до 1861 г. развитие России проходило в рамках феодального строя в периодизации, изложенной в учебном пособии под редакцией П.П. Епифанова и В.В. Мавродина. Рассматривая материал, авторы указывают на ключевые события в том или ином столетии или другом историческом этапе. При этом, несмотря на акцентирование внимания на изменении социальных и экономических институтов, форма социальной организации страны никак не представлена в качестве критериев при выделении этапов внутри указанного периода[72]. В связи с этим данная периодизация, как и иные варианты периодизации, предложенные советской исторической наукой, не могут быть применены в полном объеме в настоящем исследовании.

Интересным для достижения целей настоящей работы представляеется анализ взглядов на рассматриваемый вопрос современных российских историков.

На первую четверть XIX в. как на особое время в социальной и политической истории России указывает С.В. Мироненко[73]. Он, в частности, пишет о новых формах обсуждения властью и обществом реформаторских идей[74].

В коллективном труде под редакцией А.Н. Сахарова не дается периодизация как таковая. Тем не менее структурирование материала по разделам позволяет видеть подходы авторов к выделению этапов в развитии России. Раздел «Российское государство на пути к империи» охватывает материал, относящийся к семнадцатому столетию, за исключением его последних лет. Следующий раздел именуется «Эпоха Петра» и включает материал, относящийся к о времени правления Петра I.

---

[70] История СССР. Первая серия. Тома I – VI. / гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том V. Развитие капитализма и подъем революционного движения в пореформенной России. С. 6 – 7.

[71] История СССР. Первая серия. Тома I – VI. / гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том VI. С. 6 – 7.

[72] История СССР с древнейших времен до 1861 года: учебник / под ред. П.П. Епифанова, В.В. Мавродина. 5-е изд., перераб. М. Просвещение, 1983. 576 с.

[73] Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 3.

[74] Мироненко С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2016. С. 11.

Раздел «Россия при преемниках Петра I» хронологически охватывает три последующих четверти восемнадцатого столетия. Раздел «Россия в XIX веке» содержит материал, относящийся к девятнадцатому столетию, за исключением самых последних его лет. Далее следует раздел «Россия в конце XIX – начале XX века», посвященный событиям, происходившим во время правления императора Николая II вплоть до начала первой мировой войны. Последующие несколько лет российской истории рассматриваются в разделе «Россия в период великих потрясений»[75].

Б.Н. Миронов пишет о таких важных событиях в истории социальной структуры России, как принятие Соборного уложения 1649 г., издание Свода законов Российской империи (1832 г.), реформы 1860-х гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 г. Таким образом, он фактически выделяет период существования бессословного и бесклассового общества (до середины XVII в., период формирования сословного строя (XVIII – первая половина XIX вв.), период постепенного «изживания» сословного строя (1860-е гг. – 1917 г.)[76]. В целом же два столетия истории Российской империи исследователь характеризует как время рационализации (модернизации) социальных отношений, время эволюции социальных организаций от общности к обществу[77].

Важность событий 60–70-х гг. XIX в. для истории российского общества и государства подчеркивает В.А. Томсинов: «В результате крестьянской реформы более двадцати трех миллионов подданных российской империи получили свободу и соответствующие гражданские права. Освобождение столь большой массы крестьян от крепостной зависимости коренным образом изменило всю социально-экономическую и политическую жизнь России»[78].

---

[75] История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М.: Изд-во АСТ, 2018. С. 452 и след.

[76] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. С. 77–81.

[77] Миронов Б. Н. Социальная история России… С. 522 – 523.

[78] Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих ре-

На семнадцатое столетие как важный этап в истории России указывают А.В. Беляков, С.В. Перевезенцев, Г.В. Талина и другие ученые.

Российскую историю с позиций «теории смут» рассматривает А.Ю. Дворниченко. Он датирует первую в истории России смуту началом XVII в. Феномен смуты фактически объединяет весь рассматриваемый в настоящей работе период в «Новое время», которое по сути своей является временем «государственно-крепостнического строя» и временем смут[79].

Целесообразно учитывать также периодизацию истории государственного управления России, предложенную специалистами по теории и истории государственного управления. Она отражена, в частности, в научной и учебной литературе.

И.Н. Барциц и К.П. Краковский в аспекте истории государственной службы в своем четырехтомном труде относят интересующий нас период к времени Московского государства и Российской империи, разделяя период Российской империи на четыре этапа. (Барциц И.Н., Краковский, К.П. История государственной службы России (X – начало XXI в.)).

Коллектив авторов под руководством В.Г. Игнатова предлагает разделение истории российской государственности на десять периодов. К рассматриваемому в настоящей работе времени относятся такие периоды, как «Русское (Московское) государство (XV–XVII вв.)»; «Российская империя периода абсолютизма (XVIII – середина XIX в.)»; «Российская империя периода перехода к буржуазной монархии (середина XIX в. – начало XX в.)[80].

Р.Т. Мухаев объединяет время со второй половины XVII в. по начало XX в. (включая 1917 г.) в период под названием «Государственное управление Российской империи и первой республики»[81].

форм» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2013. С. 5.

[79] Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701. URL: https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.301 (дата обращения: 05.07.2022).

[80] История государственного управления России. Учебник / отв. ред. В.Г. Игнатов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С. 16.

[81] Мухаев Р.Т. История государственного управления в России: учебник для студентов вузов.

Н.С. Байкалов предлагает следующий вариант периодизации применительно к интересующему нас историческому времени: смутное время и развитие государственного управления в XVII в.; петровская модернизация системы управления; государственное управление в середине XVIII – первой половине XIX в.; реформы и контрреформы во второй половине XIX в.; революционный процесс начала XX в.[82]

Н.А. Омельченко пишет об управлении традиционным обществом, относя этот тип общества к IX–XVII вв.; о национальной модернизации в XVIII в.; об эволюции государственной власти и прерванной капиталистической модернизации России в XIX – начале XX вв.[83] В совместной с Д.Ю. Знаменским работе указывается на семнадцатое столетие как важный и в определенном смысле «переломный» этап в российской пролитической и социальной истории[84].

В.В. Моисеев выделяет периоды государственного управления в Российской империи в период абсолютизма; государственного управления в XIX в.; государственного управления в России в начале XX в.[85]

Собственные позиции в вопросе периодизации изложены М.С. Байновой, Э.Н. Кузьбожевым, И.А. Козьевой, А.Н. Марковой, Ю.К. Федуловым, В.И. Щепетевым и другими специалистами в области теории и истории государственного управления[86].

М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 41.

[82] Байкалов Н.С. История государственного управления в России: учеб. Пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. С. 4.

[83] Омельченко Н.А. История государственного управления: учебник для бакалавров / Н.А. Омельченко. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2013. С. 87–378.

[84] Омельченко Н.А., Знаменский Д.Ю. «Старое» и «новое» в общественом строе и государственном управлении Московского государства накануне петровской модернизации (к историографии вопроса) // Вопросы истории. 2020. С. 255–270; Их же. Кризис традиционной системы государственной службы в Русском государстве конца XVII в. и предпосылки реформ Петра Великого // Вопросы истории. 2020. С. 52–61.

[85] Моисеев В.В. История государственного управления России: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 98–213.

[86] История государственного управления в России: учебник для студентов вузов / под ред. Н.А. Марковой, Ю.К. Федулова. 3-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 319 с.; Омельченко Н.А. История государственного управления в России: учебник / Н.А. Омельченко; Гос. ун-т. упр. М.: Проспект, 2014. 463 с.; Кузьбожев Э.Н. История государственного управления в России: учебник

В известной мере с позиций исторической демографии рассматривает историю России, включая социальную и политическую историю, С.А. Нефедов. Он рассматривает возможность применения демографически-структурной теории с ее акцентом на демографическую динамику, а также с учетом некторых других факторов, таких как технические инновации, внешнее влияние, климат и пр. В связи с этим автор пишет о сменяющих друг друга демографических циклах, состоящих из фаз (фаза роста, внутренней колонизации; фаза сжатия; фаза экосоциального кризиса). Эти циклы влияют на структуру «государство – элита – народ»[87]. Три столетия российской истории, от завершения Смуты до февральской революции 1917 г., С.А. Нефедов относит ко второму российскому демографическому циклу. При этом XVII–XVIII вв. автор включает в рамки фазы восстановления, XIX в. – в рамки фазы сжатия, а начало XX в. – в рамки фазы экосоциального кризиса.

Интересной и в значительной мере, аргументированной представляется периодизация по критерию самостоятельности сословий по отношению к государству. Отечественная наука представила несколько вариантов периодизации на основании данного критерия.

Прежде всего отметим разработанную основателями государственной школы теорию закрепощения и раскрепощения сословий. Так, применительно к интересующему нас историческому периоду, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин отмечают, что к концу XVII в. наблюдается максимальное закрепощение сословий со стороны государства, максимальное усиление крепостного начала, распространение несение личных обязанностей в пользу государства на все население, на все общественные разряды. С начала XVIII в., под влиянием деятельности Петра I как первой свободной личности (выражение К.Д. Кавелина), «начало личной свободы» становится программой, а восемнадцатое и девятнадцатое столетия становят-

---

для бакалавров / Э.Н. Кузьбожев, И.А. Козьева. М.: Изд-во Юрайт, 2015. 470 с.; Щепетев В.И. История государственного управления в России: учебник для вузов. М.: ВЛАДОС, 2003. 512 с. и др.

[87] Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УРГГУ, 2005. С. 24 и след.

ся временем возвращения личного начала, временем постепенного раскрепощения сословий[88].

Имеются и другие варианты периодизации на основе вышеназванного критерия. В частности, рассматриваемый в настоящей диссертации исторический период разделяется на три периода:

1. Период государственной политики по установлению максимального контроля над сословиями, по их закрепощению. Хронологическим рамками можно считать 1649–1762 гг.

2. Период государственной политики по раскрепощению сословий с хронологическими рамками 1762–1861 гг.

3. Период государственной политики по смягчению и устранению сословных различий с хронологическими рамками 1861–1917 гг.

В определенной степени указанный подход и данный вариант периодизации разделяет В.В. Леонтович, рассматривая российскую историю под углом зрения генезиса и развития либерализма, понимая его как индивидуалистическую систему, дающую человеческой личности и ее правам превосходство над всем остальным[89]. При этом исторический отрезок 1856–1914 гг. автор называет временем развития гражданской свободы[90].

Данная периодизация практически идеально согласуется с законодательной политикой в отношении правового положения боярского и дворянского сословий. Меры законодателя по регулированию правового статуса других сословий не вполне согласуются с данной схемой. В частности, именно четыре последних десятилетия XVIII в. стали временем наиболее активного распространения верховной властью крепостного права на новые регионы страны и на новые группы сельских жителей, а также временем существенного снижения правового статуса крепостных людей и ограничения их дееспособности.

---

[88] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. Монографии по русской истории / биогр. очерк Д.А. Корсакова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 577.

[89] Леонтович В.В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995. С. 3.

[90] Там же. С. 177 и след.

Если обобщить высказанные в научной литературе мнения по вопросу о периодизации, вычленив материал, относящийся именно к развитию правового оформления социальной структуры России, то можно представить следующую картину в аспекте хронологии развития отечественной модели социальной структуры, которая следует из концептуальных позиций специалистов в области истории государства и права, истории, истории государственного управления и некоторых других областях научного знания.

1. Период с середины XVII в. – по начало XVIII в. характеризуется правовым оформлением сословной модели в общегосударственном масштабе.

Основные характеристики данного периода: наличие крупного нормативно-правового акта (Соборного уложения) при сохранении важной роли правовых обычаев и неюридических факторов (например, местничества); ведущая роль сословного статуса в системе правовых статусов человека; признание законодателем в качестве компонента иерархии института холопства как положения, максимально приближенного к статусу объекта (а не субъекта) права с одновременным принятием мер по его «изживанию» в исторической перспективе.

2. Период с начала XVIII в. по начало 60-х гг. XIX в. характеризуется оформлением новой сословной модели. Основные характеристики данного периода: доминирующая роль нормативно-правового акта; ведущая роль сословного статуса в системе правовых статусов человека; ликвидация института холопства.

3. Период с начала 60-х гг. XIX в. – по начало XX в. характеризуется модернизацией сословной модели с сохранением основных ее содержательных моментов. Основные характеристики данного периода: упразднение крепостной зависимости и вместе с ней низшей ступени в системе правовых статусов человека; сохранение ведущей роли сословного правового статуса с одновременным уменьшением сословных различий; появление всесословного и несословного видов местного самоуправления.

4. Период 1905–1917 гг. характеризуется полной модернизацией системы правовых статусов человека. Основной характеристикой данного периода являет-

ся формирование конституционно-правового статуса как доминанты системы правовых статусов человека.

Все рассмотренные выше варианты периодизации социально-правовой истории России базируются на фактах отечественной истории общества и государства. Они обладают научно-практической ценностью.

При этом не во всех указанных периодизациях социально-правовой истории России в полной мере учитываются некоторые существенные обстоятельства, связанные, в частности, с изменением законодательной политики, с изменением правового механизма социальной мобильности.

Необходимо предложить периодизацию, которая базируется не только на «традиционных» критериях, связанных с действиями отечественного законодателя по регулированию правового статуса отдельных социальных групп или системы правовых статусов человека в целом, но и государственную политику в вопросе о вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

В этих целях следует оценить значение тех законодательных мер, которые были приняты в России в середине и второй половине XVII в.

В первой четверти XVIII в. в России была проведена новая реорганизация социальной структуры. Ключевыми ее показателями стали закрепление четырехсословной системы; ликвидация холопства как правового института и как сословия; введение новых наименований сословий; реорганизация механизма вертикальной социальной мобильности; осуществление мероприятий по массовому изменению индивидуального правового статуса сотнями тысяч российских подданных; урегулирование правового статуса военнослужащих в связи с созданием регулярной армии. Основные перемены из указанных выше были оформлены в середине 1710-х гг. и в начале 1720-х гг. Этим временем можно датировать начало нового этапа в социально-правовой истории Российского государства; по сути, началось формирование новой сословной модели.

Общеизвестен и хорошо аргументирован в научной историографии факт заимствования правящими кругами России того времени зарубежного опыта юридического закрепления социальной иерархии. При этом мы отмечаем, что заим-

ствование отразилось, главным образом, на внешней стороне российской социальной структуры, другими словами – на юридической технике законодателя, на используемой терминологии. Ключевые сущностные характеристики отечественной сословной модели не были сколько-нибудь серьезно изменены. Другими словами, мы не согласны с доминирующим в отечественной научной литературе мнением о заимствовании Россией сословной структуры и сословной как социально-правового института.

Четвертой четвертью XVIII в. (чаще всего в связи с принятием двух известных актов 1785 г.) обычно датируют завершение процесса формирования сословной системы в России.

Представляется весьма важным время конца XVIII – начала XIX в., прежде всего два первых десятилетия девятнадцатого столетия. В эти годы верховная власть России сделала явный поворот в своей внутренней политике в вопросе оформления социальной структуры по трем направлениям. Была прекращена практика принудительного понижения государством правового статуса групп населения; создан организационно-правовой механизм групповой вертикальной социальной мобильности крепостных крестьян (по соглашению с владельцами и по решению верховной власти); в пределах империи на региональном уровне были конституированы самостоятельные сословные системы с существенными отличиями от общероссийской сословной системы.

Первое направление было реализовано без издания нормативно-правового акта путем соответствующего заявления императора Александра I. Молодой император в самом начале своего царствования прекратил практику «раздачи» дворянам земель с государственными и удельными крестьянами. Практика понижения статуса по инициативе государственной власти осталась только как мера уголовной репрессии.

В рамках второго направления реформы государственной политики были изданы акты верховной власти (о вольных хлебопашцах в 1803 г. и о крестьянах прибалтийских губерний в 1816–1819 гг.). Кроме того, впервые в российской истории государство в эти годы юридически сформировало отдельную социальную

группу для крепостных людей, вышедших из состояния крепостной зависимости и оставшихся в составе сословия сельских обывателей. Применительно к третьему направлению речь идет прежде всего о Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском с их сословными системами. В дальнейшем законодателю пришлось решать вопрос о социальной организации присоединенных к Российской империи других территорий, в частности, Бессарабии.

В силу известных событий положения о самостоятельной сословной системе на территории Царства Польского не удержались в имперском законодательстве. В случаях с социально-праваовой организации других регионов Российской империи дело до конституирования самостоятельных сословных систем не дошло. Тем не менее официальное признание существования в границах империи даже одной, финляндской, сословной системы, самостоятельной по отношению к общероссийской сословной системе, является нетривиальным обстоятельством. С точки зрения истории права и государственного права уже одно это обстоятельство заслуживает признания времени начала XIX в. важным рубежом в истории правового оформления социальной системы России.

1830-е гг. стали временем завершения правового оформления нового варианта российской сословной модели. В составе Свода законов Российской империи были введены в действие Свод законов о состояниях, Свод законов гражданских и другие нормативно-правовые акты, урегулировавшие сословный и отраслевой правовой статусы. В эти годы была частично реорганизована сословная система, о чем свидетельствуют проведение реформы управления государственными крестьянами, создание категории почетных граждан в составе сословия городских обывателей. Данные преобразования не носили характера принципиально важных мер. Однако сама масштабность (правильнее сказать – грандиозность) законодательной работы, проделанной в 1830-е гг. по урегулированию социально-правовых отношений, в совокупности с новациями царствования Александра I, позволяет сделать вывод о первой половине XIX в. как о новом этапе в истории правового оформления социальной иерархии в России.

Следующим важным рубежом в истории развития отечественной законодательной и правоприменительной практики оформления положения в обществе индивидов и социальных групп являются 60–70-е гг. XIX в. Сословная система Российской империи с этого времени развивалась в условиях неуклонного уменьшения роли сословного статуса в системе правовых статусов человека.

Наконец, в 1900-е гг. в результате принятия и реализации ряда нормативно-правовых актов в России была создана современного типа система правовых статусов человека с конституционным (государственно-правовым) статусом во главе.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующую периодизацию процесса правового оформления российской модели социальной стратификации с учетом особенностей функционирования правового механизма социальной мобильности.

1. Период формирования и функционирования сословной модели в общегосударственном масштабе. Среди ключевых характеристик данного периода – широкое распространение практики понижения государством правового статуса групп населения и отсутствие каналов групповой вертикальной социальной мобильности по частной инициативе.

Хронологическими рамками периода являются середина XVII – рубеж XVIII–XIX вв.; с определенной долей условности – 1649–1800 гг.

Внутри данного периода можно выделить два этапа: 1649 г. – 1710-е гг. и 1710-е гг. – 1800 г.; с известной долей условности – 1649–1714 гг. и 1714–1800 гг.

В хронологических рамках второго этапа функционировала реорганизованная верховной государственной властью сословная модель, отличающаяся, в частности, четким законодательным регулированием механизма вертикальной социальной мобильности. В формате крупного нормативно-правового акта это регулирование было произведено впервые в истории страны.

2. Период формирования и функционирования новой сословной модели. Законодательная политика была направлена на санкционирование существования отдельной сословной системы на территории Финляндии; на конституирование правового механизма интеграции «инородного населения» в состав общегосудар-

ственной сословной системы; на формирование новых каналов вертикальной и горизонтальной социальной мобильности; на прекращение практики понижения правового статуса отдельных групп населения по инициативе государства; на реализацию вначале весьма ограниченной, а в 1861 г. – общегосударственной практики по ликвидации крепостной зависимости.

Хронологическими рамками периода являются начало XIX в. – начало XX в.; с определенной долей условности – 1801–1905 гг.

Внутри данного периода также можно выделить два этапа: 1801–1860 гг. и 1861–1905 гг.

3. Период проведения законодательной политики по всесторонней модернизации модели социальной стратификации с главенством конституционно-правового (государственно-правового) статуса личности, утратой сословным статусом доминирующего положения и превращением его в один из видов родового статуса человека, коренной перестройкой правового механизма вертикальной и горизонтальной социальной мобильности.

Период начался с издания Манифеста 17 октября 1905 г., принятия новой редакции Свода основных государственных законов в апреле 1906 г. и издания в 1906 г. ряда ключевых законов; его можно датировать 1905–1917 гг. Другими словами, этот период выходит за хронологические рамки настоящей работы.

В рамках данного периода (1905–1917 гг.) можно выделить два этапа. Первый этап, – с октября 1905 г. по сентябрь 1906 г., – с немалой долей условности мы можем назвать конституционно-декларативным, а второй этап – с октября 1906 г. по февраль 1917 г. – конституционно-практическим. В связи с значительным изменением законодательной политики в России, в т.ч. в области оформления социальной стратификации после начала Первой мировой войны, в настоящей работе мы полагаем целесообразным ограничиться рубежом 1914 г., исключив дальнейшее рассмотрение данного вопроса.

Краткость конституционно-практического этапа вызвала определенные сложности с рассмотрением проблематики настоящей работы по ряду вопросов. В связи с этим отдельные вопросы рассмотрены на конституционно-практическом

этапе в тезисном формате. Прежде всего речь идет о развитии государственной службы и образования в качестве каналов изменения индивидуального правового статуса.

В завершении разговора о хронологических рамках настоящего исследования отметим, что они достаточно органично соотносятся с периодизацией политических, правовых и, что нам более интересно, социальных процессов в целом ряде зарубежных стран. Очевидно, это объясняется как причастностью России ко многим ключевым событиям мировой истории, так и происходившими в мире изменениями, прежде всего экономического и технологического порядка. Политико-правовые процессы, свойственные российскому цивилизационному пути, осуществлялись в определенном взаимодействии с процессами в зарубежных странах. Одной из форм такого взаимодействия был обмен правовым опытом. Как известно, на середину XVII в. приходится становление новой системы международных отношений в Европе, основанной на Вестфальском мире 1648 г., запуск определенных модернизационных процессов, выражением которых стали внутриполитические события в некоторых странах.

Первая мировая война стала катализатором столь серьезных перемен социально-политического порядка, что нет необходимости обосновывать важность такой даты, как 1914 г., точнее говоря 1914–1918 гг. для истории многих стран мира. Отражением этих перемен является весьма распространенное мнение о том, что мировая война открыла период Новейшего времени во всемирной истории.

Представленная выше периодизация отражает наиболее важные изменения в правовом оформлении сословной системы России. Понятно, что вряд ли хоть один год российской истории «обходился» без тех или иных законодательных мер в социально-правовой сфере. Тип российской сословной системы (или, иначе говоря, российская сословная модель) был весьма динамичным. С известным преувеличением можно сказать, что ежегодно законодательно санкционировался новый тип сословной системы, закреплялась новая ее модель. Тем не менее, на основании указанной периодизации с учетом целей научного исследования можно свести все многообразие моделей сословной системы России в рассматриваемый

исторический период к пяти вариантам: модель, юридически оформленная в середине и второй половине XVII в.; модель, сформировавшаяся в XVIII в.; модель первой половины XIX в.; модель, сложившаяся в результате Великих реформ XIX в.; модель начала XX в. (1905 г. и последующих лет).

§ 2. Общая характеристика понятийно-терминологического аппарата исследования развития социальной структуры России

Проблематика применения понятийно-терминологического аппарата историко-правового исследования проистекает из нескольких обстоятельств. Эти обстоятельства мы определили бы как идеологический, методологический и технологический факторы.

Используемый понятийно-терминологический аппарат в существенной степени определяется идеологической и методологической основой исследований своего времени. Фактор технологического порядка заключается в том, что история юридической науки, особенно ее современный этап, показывает, что содержание целого ряда научных терминов не только не имеет единообразного понимания, но и не является точным. В связи с этим требуется, применяя выражение В.В. Зайцева и О.В. Зайцева, осмысление «вокабуляра юридической лексики», естественно, в пределах предмета настоящего исследования[91]. Тем более, что речь идет об основных для настоящего исследования терминах.

Общее замечание заключается в том, что на протяжении последних полутора столетий в отечественной историко-правовой литературе использовался достаточно развитый понятийно-терминологический комплекс для характеристики процесса правового оформления социальной структуры. Однако аналогичное утверждение мы не можем сделать в отношении терминологии, связанной с изу-

[91] Зайцев В.В., Зайцев О.В. Правовые позиции: понятие и юридическое значение [Электронный ресурс] // Право и экономика. 2014. № 7. URL: https://base.garant.ru/57512063/ (дата обращения: 10.07.2022).

чением механизма изменения правового положения человека. По сути, этот комплекс завершает свое формирование лишь в настоящее время.

При этом обращают на себя внимание три обстоятельства. Первое обстоятельство заключается в отсутствии универсальной дефиниции целого ряда ключевых понятий.

Отметим, что относительное единство подходов исследователей имеется лишь по таким терминам, как, например, «чин». В своих значениях как степень служебного положения и как группа лиц с одинаковым служебным положением термин широко используется в историко-правовой и исторической науках. Такие термины, как «класс» и особенно «сословие», являются дискуссионными. Относительно термина «сословие» в принципе требуется отдельное подробное рассмотрение вопроса. Подход к трактовке понятия «каста» как к понятию универсального характера является, как минимум, дискуссионным.

Второе обстоятельство связано с тем, что, рассматривая социальную стратификацию, представители истории, социологии и некоторых других «неюридических» наук среди факторов, определяющих положение страты в общественной пирамиде, зачастую не указывают факторы юридического порядка. В качестве примера можно привести точку зрения Л.В. Ярмоленко на социальную стратификацию как на «особый тип дифференциации общества в виде иерархически упорядоченного неравенства», в котором место социальной групп определяется властью, богатством, престижем и т. д.[92]

Третье обстоятельство заключается в отсутствии единства трактовки тех терминов, которые обозначают одни и те же явления, но в рамках разных наук. В связи с этим, имеют место «технические» трудности с проведением междисциплинарных исследований, с интеграцией результатов научных исследований, осуществленных в отношении одного и того же объекта в различных отраслях знаний. Формирование «междисциплинарного» понятийно-терминологического аппарата исследования социальной структуры России позволит улучшить коор-

[92] См., например: Ярмоленко Л.В. Социальная стратифиикация: теории и реальность: автореф. дис. … канд. социол. наук. Казань, 1995. С. 4.

динацию исследовательской деятельности.

Естественно, что ответы на проблемные вопросы, связанные с применением понятийно-терминологического аппарата современной правовой науки для историко-правового исследования заявленной в настоящей диссертации тематики, являются весьма важными с точки зрения эффективности исследования.

Несмотря на то, что в настоящей работе применяется, преимущественно, правовая терминология, автор целенаправленно идет на частичное использование понятийного аппарата исторической, социалогической и некоторых других наук. Данное обстоятельство объясняется как междисциплинарным характером темы, так и концептуальными соображениями. Автор полагает, что при исследовании «универсальных тем» (а тематика положения человека в обществе, структуры общества относятся к наиболее «универсальным») необходимо применять понятийно-терминологический аппарат, «понятый» и «принятый» во всех отраслях научного знания, исследующих эти темы. Юрист, философ, историк, социолог должны понимать друг друга, раз разговор идет об одних и тех же познаваемых сущностях. Подчеркну: речь идет не о формировании неких новых объединенных отраслей знаний, а о формировании единого инструментария научного познания наиболее общих объектов изучения.

Рассмотрим подробнее подходы к применению исследователями соответствующего понятийно-терминологического аппарата при изучении сословной системы и – шире – социальной стратификации. Особое внимание уделим определению содержания понятий «каста», «класс» и «сословие», поскольку именно эти понятия позволяют дать самую общую характеристику социальной системы России (как и любой другой страны), определить позицию отечественной социальной системы в контексте типологии моделей социальной стратификации стран мира. Трактовки названных понятий существенно различаются в разных теоретических концепциях. Прежде всего сказанное относится к понятию «класс». В известном смысле понимание этого термина в рамках формационного подхода противопоставляется пониманию в рамках иных подходов к рассмотрению общественного развития. В историографии имеются также работы, посвященные рассмотрению

понятия «сословие», включая лексическую историю самого термина «сословие». Кроме того, указанным термином оперируют многие исследователи, в том или ином аспекте изучающие социальную структуру России и зарубежных стран.

Отечественные историки права, историки и социологи рассматриваемого исторического времени предложили самобытные подходы к использованию интересующего нас понятийно-терминологического аппарата. В отечественной историко-правовой и исторической литературе XIX – начала XX в. в качестве терминов, обозначавших наиболее крупные социальные группы в социально-правовой системе России, использовались «сословие», «чин», «класс». Имело место достаточно заметное единообразие в трактовке понятия «сословие». Одновременно использовались разнообразные трактовки понятия «класс».

Видный представитель государственной школы в руской историографии К.Д. Кавелин в своих трудах активно использовал широкий круг терминов. Так, применительно к времени правления Петра I он называет дворянство кастой; применительно к правлению Александра I и Николая I он использует термины «городское сословие», «низшие городские и сельские классы»[93].

Н.Я. Данилевский, характеризуя цивилизации различных культурно-исторических типов, говорит о четырех разрядах культурной деятельности. Если исходить из его концепции, то к социальной стратификации имеет отношение политическая деятельность, под которой автор понимает «отношения людей между собою как членов одного народного целого» и, частично, общественно-экономическая деятельность[94]. Н.Я. Данилевский признает сословный характер русского общества (славянского культурно-исторического типа по его выражению); он также говорит об общественных классах. Подчеркнем, что Данилевский не дает собственную трактовку понятий «сословие» и «общественный класс» и не соотносит содержание этих понятий между собой. Из всех возможных характеристик и всех компонентов социальной иерархии России автор акцентирует внимание на общине.

---

[93] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю С. 578.

[94] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. С. 491.

Б.Н. Чичерин, один из основателей государственной школы, называет четыре союза, «представляющих естественные разветвления человеческого общежития»: семейство, гражданское общество, церковь и государство[95]. Гражданское общество проходит в своем развитии следующие ступени: порядок родовой, сословный и общегражданский. Сословия, в трактовке Б.Н. Чичерина, есть «расчленение всего гражданского общества на части»[96].

К.Д. Кавелин рассматривает сословия как общественный институт, появившийся под воздействием государства на базе традиционных общественных элементов. В качестве синонима термина «сословие» автор использует термин «общественные разряды»[97]

А.Д. Градовский раскрывает содержание рассматриваемых понятий в контексте типологии социально-правовой организации различных стран. Он акцентирует внимание на экономических условиях и интересах как основы построения той или иной организации народа. Он называет три основных типа общественных организаций: касты, сословия, классы. Касты, отмечает автор, «суть такие группы, различие которых основано на религиозных воззрениях»[98]. В отличие от каст «разделение на сословия носит уже политический характер», при этом «условия возникновения сословий были отчасти экономические, отчасти политические». Классы образовались после «падения сословного начала», когда был признан государством «принцип равноправности». Различие людей между собой основывалось теперь не на сословных привилегиях, а на «фактических основаниях», к которым А.Д. Градовский относит различие в степени богатства, в политических взглядах и «по роду занятий»[99].

В принципе, предложенная А.Д. Градовским конструкция выглядит логичной. Вместе с тем даже на первый взгляд видны ее проблемные места. Несмотря на то, что данная концепция была создана в рамках правовой науки, мы видим,

[95] Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. С. 235.
[96] Там же. С. 285
[97] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю С. 578.
[98] Градовский А.Д. Общее государственное право. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. С. 16–17.
[99] Там же. С. 17–20.

что в ее основе лежат политические, экономические и конфессиональные, а не юридические факторы. Любопытно было бы получить в концепции А.Д. Градовского ответ на вопрос: если классы образуются после разрушения сословного строя, после ликвидации сословий, то какой тип (из трех указанных) существовал в России (да и в других странах) до формирования сословного строя, до создания сословий?

Не давая собственного определения понятию «сословие», историк Т.Н. Грановский использует его для описания общества во времена завоевания варварскими племенами территорий Западной Римской империи. Так, он характеризует в качестве «готового сословия» колонов и рабов[100]. Самое ценное для нас в данном обстоятельстве то, что маститый ученый считает правомерным использование сословной терминологии до ее «официального» утверждения в системе права средневековых европейских государств.

Н.И. Кареев использует понятие «коллективности» для обозначения социальных групп. Он рассматривает социальную структуру общества как компонент «общей над-органической среды». В структуру общества он включает политические, юридические и экономические формы; социальная организация в данной трактовке включает в себя государство, право и народное хозяйство[101]. Социальная структура является для отдельных людей не только над-органической средой, но и организацией, «ставящей их в разные общественные положения и заставляющей их исполнять неодинаковые функции»[102]. Н.И. Кареев подчеркивает сложный характер социальной структуры, отмечает, что человек может одновременно принадлежать к «разным коллективностям»: национальностям, вероисповеданиям, сословиям, профессиям, партиям и пр.[103] Другими словами, автор не выделяет законодательно оформленную принадлежность к определенной социальной группе в общем перечне общностей разного вида и с различной правовой природой.

---

[100] Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья / сост. С.А. Асиновская, отв. ред. Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1987. С. 268.

[101] Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. С. 117.

[102] Там же. С. 121.

[103] Там же. С. 141.

Примером определения понятия «сословие» в научной литературе может служить точка зрения В.О. Ключевского, который называет сословиями «классы, на которые делится общество по правам и обязанностям». Сословные права отличаются потомственностью[104].

П.Г. Виноградов, подчеркивая, что «в настоящее время никто не сомневается, что развитие общества в основе своей является органическим», полагает, что «семья, род, племя, государство, церковь могут быть рассматриваемы как обособленные организмы». При этом он различает определенно организованные общественные союзы, «сознательно преследующие свои цели и снабженные определенной властью» и общественные группы, не обладающие «юридически определенной волей и властью». К первому типу общественных союзов П.Г. Виноградов относит государство, церковь, семью, ко второму типу – народ. При этом один и тот же человек входит в состав сразу нескольких общественных союзов и групп, что препятствует созданию единой высшей органической группировки[105]. Исследуя взгляды П.Г. Виноградова по вопросу о социальной анатомии истории, А.В. Малинов обращает внимание на его мнение о порядке взаимодействия человеческих союзов и личности[106].

В отечественной историко-правовой и исторической литературе советского периода при рассмотрении социальной структуры акцент делался не на правовых, а на экономических характеристиках положения различных категорий населения, что было логичным с учетом формационного подхода.

Наиболее распространенным в соответствующей научной литературе термином был «класс». Марксистская трактовка понятия «класс» акцентирует внимание на социально-экономической природе его, не раскрывая правовую сущность. «Сословная» терминология в марксистской литературе применялась только в сочетании с терминологией «классовой». Встречались и примеры использования

---

[104] Ключевский В.О. История сословий в России. С. 6.

[105] Виноградов П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. М., 1898. Год IX, кн. 42. С. 294–297.

[106] Малинов А.В. Очерки по истории философии в России в 2 т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. С. 145–146.

понятия «каста».

В рамках исторического материализма общественные классы понимались как большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают[107], как живые собирательные носители противоречий каждого (классового, т.е. предполагающего классовое общество) способа производства[108].

Принято было выделять основные и неосновные классы. Основными классами считались те, которые «порождаются господствующим способом производства, связаны с ним». В качестве примеров называли феодалов и крестьян в феодальном обществе, буржуазию и пролетариат в капиталистическом обществе. Поскольку в обществе «наряду с господствующим способом производства обычно сохраняются какие-то остатки прежних способов производства и вызревают зародыши нового способа производства», постольку существуют неосновные классы. В их число включали «предпролетариат» (феодальное общество), крестьянство (капиталистическое общество)[109]. Правда, единства терминологии в работах исследователей не наблюдалось; приводится различный перечень классов. Например, в некоторых трудах говорится о классе мелкой буржуазии[110], о купеческом классе[111].

Внутри классов исследователи называют различные социальные группы. Один из отечественных теоретиков марксизма Н.И. Бухарин пишет о «классах» и

---

[107] См.: Краткий политический словарь. С. 130.

[108] Бухарин Н.И. Учение Маркса и его историческое значение // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. С. 376.

[109] См.: Зотов В.Д. Исторический материализм: о проблемах единства и многообразия общественного развития Запада и Востока. М.: Прогресс, 1985. Указ. соч. С. 117–118.

[110] Левковский А.И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М.: Наука, 1978. С. 8 и след.

[111] Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX–XVII вв.: книга для учителя. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1984. С. 257.

«подклассах»[112].

Некоторые категории населения, в частности интеллигенция, были отнесены не к классам, а к прослойкам, так как интеллигенция «не занимает своего особого положения в системе общественного производства, выходит из различных классов и примыкает к различным классам»[113].

Правда, при характеристике понятия «интеллигенция» в историческом аспекте возникали определенные трудности. Например, Т.Э. О'Коннор, анализируя мнение А.В. Луначарского об исторических корнях интеллигенции, пишет, что Луначарский различает церковную и светскую интеллигенцию. Церковная состояла из представителей духовенства, а появившаяся позднее светская – из ученых и мелкопоместных дворян, состоявших на государственной службе[114]. Таким образом, по мнению О'Коннора, в качестве интеллигенции Луначарский определял духовенство и часть дворянского класса.

Г.В. Плеханов, характеризуя российское дворянство первой четверти XIX в., называл его привилегированным сословием, которое эксплуатировало крестьян, причем в самой грубой форме – в форме крепостной зависимости[115].

В рамках советской (марксистской) научной традиции понятие «каста» трактуется как «замкнутая группа людей, связанных единством наследственной профессии и общественного статуса. Касты жрецов, земледельцев, ремесленников, торговцев и др. существовали в ряде стран» и как «та или иная социальная группа буржуазного общества, стремящаяся к замкнутости и отстаивающая свои привилегии»[116].

---

[112] Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. С. 21.

[113] См.: Зотов В.Д. Указ. соч. С. 118.

[114] Цит. по: О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. Пер. с анг. М.: Прогресс, 1992. С. 52.

[115] Плеханов Г.В. 14-е декабря 1825 года // Плеханов Г.В. История в слове / Вст. статья С.С. Волка; коммент. А.И. Козыря. М.: Современник, 1988. С. 33.

[116] Краткий политический словарь / Абаренков В.П., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. и др.; Сост. и общ. ред. Л.А. Оникова, Н.В. Шишлина. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. С. 125.

Применительно к «капиталистической структуре» Н.И. Бухарин использовал термин «каста», определив социально-кастовый характер иерархии[117]. Имели место и другие примеры использования термина «каста»: «в любом обществе, основанном на эксплуатации большинства привилегированным меньшинством, неизбежно складывается социальная иерархия, на вершине которой обосновывается немногочисленная замкнутая каста, обладающая всей полнотой власти»[118].

В данном случае представляет прикладной интерес то обстоятельство, что авторы советского периода применяли термин «каста» в качестве универсального, выходящего за рамки правовой и социальной систем Индостана и подходящего для характеристики социальной иерархии в различных странах мира.

Мы можем считать названное выше обстоятельство одним из достижений теоретического осмысления рассматриваемой понятийно-терминологической проблематики, осуществленное в советский период истории. Данная трактовка понятия «каста» применяется и в настоящее время.

Л.В. Черепнин, предпочитая оперировать термином «класс», тем не менее говорит о «сословных группировках», «сословных интересах». Он также указывает на «формирование сословного строя», в процессе которого складывается система «чинов»[119]. Так, он отмечает: «Структура общества в России XVII в. была феодальной. Сословный строй принял достаточно четкие очертания»[120].

Вместе с тем автор не дает определения понятия «сословие» и не раскрывает его соотношение с понятием «класс». Более того, Л.В. Черепнин, крупный знаток вопроса и известный методолог, не считает необходимым (по крайней мере в ряде случаев) сколько-нибудь точно определять «границы» сословий и указывать

---

[117] Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 107.

[118] Кертман Л.Е., Рахшмир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков (на путях к общему кризису капитализма): учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. С. 11.

[119] Черепнин Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России // Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. Сборник статей. М., 1981. С. 221.

[120] Черепнин Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования… С. 187.

их официальные наименования. Так, он, говоря о складывании в XVII–XVIII вв. российской буржуазии, отмечает, что она «формировалась из средневекового сословия горожан, купечества, промышленников, «капиталистых крестьян»[121].

Поскольку классовое деление общества объявлялось главным, сословные различия отодвигались исследователями на второй план. По выражению В.Д. Зотова, классовые различия «дополнялись и усиливались» сословными различиями[122]. Вместе с тем уже в советской научной литературе сделаны попытки расширить хронологические рамки существования сословий. В.Д. Зотов пишет о наличии сословий «в докапиталистических обществах»[123].

Историк Я.Е. Водарский в своей работе советского периода отмечает, что термин «дворяне» в XVII в. применялся для обозначения нескольких сословий («чинов»), входивших в группу служилых людей «по отечеству»[124]. В данном случае автор приравнивает понятие «сословие» к понятию «чин».

Концептуальные подходы науки советского периода к рассмотрению социальной структуры отражались и в учебной литературе того времени. Авторы учебных пособий использовали и понятие «класс», и понятие «сословие». Последнее понятие при этом трактовалось достаточно свободно. Например, назывались сословие мещан и сословие купцов в составе городского населения. Применялось понятие «сельская буржуазия» без указания на его соотношение с понятиями «класс» и «сословие» и т. п.[125]

В современной отечественной науке при исследовании социальной структуры страны применяется широкий арсенал терминов.

В современной историко-правовой науке понятие «сословный строй» доста-

---

[121] Черепнин Л.В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования…С. 257–258.

[122] См.: Зотов В.Д. Указ. соч. С. 118.

[123] Там же. С. 118.

[124] Водарский Я.Е. Население России в конце XVIII – начале XVIII века [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1977. URL: https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/8 (дата обращения: 12.01.2020).

[125] История СССР, 1861–1917: учеб. для студентов пед. ин-тов по ист. спец. / П.И. Кабанов, Н.Д. Кузнецов, А.С. Трофимов, С.Л. Эвенчик; под ред. Н.Д. Кузнецова. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1984. С. 3–4.

точно активно используется применительно к периоду XV–XVII вв., не говоря уже о последующих столетиях.

О.И. Чистяков предлагает следующую конструкцию: внутриклассовые и межклассовые отношения и связанные с ними сословные процессы[126].

И.А. Исаев при описании социальной иерархии России в различные исторические периоды использует термины «класс», «правящий класс», а применительно к шестнадцатому столетию и более позднему времени – сословие[127].

С.В. Кодан пишет о том, что «в XVII в. в Московском государстве наметилась тенденция к определению более четкой сословной стратификации социальных групп и их оформлению законодательством»[128].

Это далеко не единичные примеры сочетания терминов «сословие» и «класс» при характеристике социальной структуры России в современной научной и учебной историко-правовой литературе.

В.М. Клеандрова, оперируя главным образом термином «класс», тем не менее пишет и о сословиях. Суть социальных и правовых процессов в период сословно-представительной монархии она видит «в постепенной консолидации всех групп господствующего класса феодалов в единое сословие с одинаковыми интересами и классовыми целями, с общим (по основным моментам) правовым статусом» [129].

Оба этих термина применяет С.В. Карсакова при рассмотрении «сословно-классовой структуры российского общества»[130].

Не давая определение понятию «сословие», В.Г. Графский полагает право-

---

[126] История отечественного государства и права… / под ред. О.И. Чистякова. С. 238.

[127] Исаев И.А. История государства и права России: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 43.

[128] Кодан С.В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800-1850-е гг.) [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 117-145. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.152. URL: https://nbpublish .com/ library_read_article.php?id=152 (дата обращения: 12.01.2020).

[129] Клеандрова В.М. Глава 6: Государство и право России в период сословно-представительной монархии (середина XVI в. – середина XVII в.) // История государства и права России… / под ред. Ю.П. Титова. 2010. С. 82.

[130] Карсакова С.В. Влияние государственных реформ Петра I на состояние общества в России // Право и политика. 2013. № 2 (158). С. 249.

мерным его использование начиная с времен первых государств. Так, он пишет о главных и второстепенных сословиях в Древнем Египте[131]. При характеристике социальной структуры Древней Индии автор использует понятия «классы», «сословия», «сословные группы», «варны». Таким образом, В.Г. Графский, по сути, рассматривает как однопорядковые по крайней мере два понятия: «сословие» и «варна»[132].

Р.Т. Мухаев использует для выявления правового положения социальных групп понятие «общественный строй». Именно данное понятие описывает объем прав, свобод, обязанностей социальных групп, который, в свою очередь, определяет «характер взаимодействия между ними в различных сферах общественной жизни». На примере Древнего Египта Р.Т. Мухаев характеризует этатистскую систему социальной стратификации, в которой «различия между социальными группами происходят, в первую очередь, по их положению во властно-государственных иерархиях (политических, военных, хозяйственных)»[133].

В.Е. Рубаник применяет при характеристике социальной структуры различных стран термины «социальный строй», «аристократия», «правящие круги», «сословие», «варна» и др. Он полагает целесообразным определить понятие «варна» через понятие «сословие», признавая, по существу, их однотипность[134].

Важные вопросы профессиональных границ и состава рабочего класса, формирования среднего класса в России, а, значит, и проблематику складывания классовой структуры в сословном обществе рассматривает Н.А. Иванова[135]. Применительно к 1897 г. она, опираясь на данные переписи населения, пишет о сословных, профессиональных и классовых группах, на которые разделялось насе-

---

[131] Графский В.Г. Указ. соч. С. 75.

[132] Там же. С. 92.

[133] Мухаев Р.Т. История государства и права зарубежных стран: учебник для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 39.

[134] Рубаник В.Е. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. С. 12 и след.

[135] Иванова Н.А. Структура рабочего класса России. 1910–1914. – М.: Наука, 1987. – 282 с.; Иванова Н.А. Формирование среднего класса в Российской империи конца XIX – начала XX в. Теория и конкретика / Н.А. Иванова, Ин-т российской истории РАН. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 294 с.

ление России[136].

Каста, как известно, появилась и существует как социально-правовой феномен в цивилизациях Индостана.

Рассматривая касты как основную форму иерархически ранжированных эндогамных общностей для реализации традиционных социальных связей, Е.Н. Успенская отмечает, что в научных представлениях об индийском обществе каста «не совсем правомерно выдвинута на главное место»[137]. Тезис исследователя о том, что «кастовый строй соответствует мировоззренческим основам индийской культуры», по сути, локализует касту как тип социальной стратификации в границах Индийского государства[138].

Некоторые современные отечественные ученые-историки, оперируя рядом понятий при рассмотрении сословной структуры России рассматриваемого периода, применяют (особенно при характеристике социальной системы в XVII в.) наряду с термином «сословие» термины «слой», «категория»[139].

Весьма сбалансированным в аспекте применяемой терминологии представляется подход Н.А. Власова к описанию социальной структуры, продемонстрированный на примере исследования Германии последней трети XIX в.[140]

Мы можем констатировать, что в современной отечественной историко-правовой и исторической литературе отсутствует какое-либо единообразное определение понятия «класс» с немарксистских позиций. При этом, несмотря на разницу в методологических подходах, все трактовки также акцентируют внимание на экономических, политических и иных характристиках, обходясь без характеристик юридических или отводя последним последнее же по значению место.

---

[136] Иванова Н.А. Стратификация российского общества и революция 1905 – 1907 гг. // Российская история. 2016. С. 85 - 90.

[137] Успенская Е.Н. Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2010. С. 3.

[138] Там же. С. 3–4.

[139] Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. С. 140–142.

[140] Власов Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. СПб.: Наука, 2018. С. 64–73.

Статистическую модель класса разрабатывает отечественный исследователь В.А. Аникин. Методологической и фактологической основой модели является матрица из индикаторов, «показывающих наличие и отсутствие у россиян возможностей в экономических и неэкономических доменах»[141]. Отметим, что данная модель, разрабатываемая с применением возможностей экономической и социологической наук, имеет определенный потенциал «сопряжения» с правовым подходом. Наиболее оптимальной точкой такого «сопряжения» представляется проблематика каналов социальной мобильности.

Современная отечественная наука выработала понятие «социальный тип». В трактовке этого понятия А.Э. Якубовским оно, по сути, предлагается в качестве замены понятия «класс». При этом данное понятие лишено каких-либо правовых характеристик[142].

В отечественной учебной исторической литературе достаточно активно используется именно сословная схема социальной стратификации России. Так, М.И. Давыдов пишет о сословной организации русского общества в XVII в., правда, без указания точных рамок сословий. При этом он оперирует термином «дворянство» применительно к служилым людям по отечеству и по прибору, что, на наш взгляд, является не вполне корректным[143].

В настоящее время применение трактовки понятийно-терминологического аппарата, основанной на формационном подходе, имеет сторонников в России в истории государства и права, истории, экономике, социологии. А.В. Бузгалин и А.И. Колганов категорично утверждают, что необходимо «критическое творческое включение в арсенал современных социальных наук» положений Ленина, в частности о материалистическом понимании основ социального структурирования, о классах[144].

---

[141] Аникин В.А. Социальные классы новой России – неравные и разные // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 33.

[142] Якубовский А.Э. Социальный тип – гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 132.

[143] Древнерусское государство IX – XVII вв.: учеб. пособие / под ред. В.В. Гуляевой. М.: Академический Проект, 2006. С. 544 и след.

[144] Бузгалин А.В., Колганов А.И. Ленин о социальном творчестве, классах, революции и рефор-

Активная разработка понятийно-терминологического аппарата осуществлялась и осуществляется в зарубежной науке.

Согласно точке зрения М. Вебера, «организация политических и социальных групп в сословия была широко распространена», однако сословное государство было «известно только Западу»[145].

Сословное строение О. Шпенглер называет «естественным» и полагает его основным костяком «биографии всякой культуры». При этом автор четко разграничивает сословия и профессиональные классы (ремесленников, чиновников, художников и рабочих).

О. Шпенглер разделял крестьянство, которое он определял как природу, как нечто естественное и, в некотором смысле, неисторичное, неизменное, и общество, которое являлось формализованной частью социума. Именно общество, в отличие от крестьянства, делилось на сословия и классы. Подлинным сословием, сословием «в изначальнейшем смысле», по выражению Шпенглера, являлась лишь знать. Духовенство также можно назвать сословием, причем, как утверждал Шпенглер, «противосословием». Остальная часть населения, к которой Шпенглер применяет термин «третье сословие», включающая, надо полагать, упомянутое выше крестьянство, является «несословием». Автор обосновывает данное утверждение таким аргументом: третье сословие не обладает никаким внутренним единством[146].

Полагаем, что трактовка О. Шпенглером понятия «сословие» и хода развития социальной структуры оставляет очень мало место для государственного воздействия. О. Шпенглер сводит если не до нуля, то до минимума роль законодательного оформления в процессе эволюции сословного строя.

Обратим внимание на еще одну позицию Шпенглера: знать и духовенство «как возможность», как потенциальные сословия, «задаются» каждой новой куль-

---

мах // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 11.

[145] Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

[146] Шпенглер О. Закат западного мира; Очерки морфологии мировой истории (пер. с нем.). М.: изд-во «АЛЬФА-КНИГА», 2017. С. 818.

турой[147]. Значит, сословия и сословный строй есть атрибут отнюдь не только европейских обществ и не только в эпоху Средневековья. Шпенглер видит духовное сословие в Древнем Китае в XI в. до н.э., в Древнем Египте времен III династии.

Не посвящая специальных исследований проблематике социальной стратификации, К. Ясперс, тем не менее, не только оперировал соответствующей терминологией (классы, элита, аристократия), но и высказал мнение о некоторых «технологических моментах» процесса генезиса элиты и о ее составе. Оптимальным вариантом, по мнению К. Ясперса, является формирование аристократического слоя, который «постоянно пополняется из всех слоев населения в зависимости от личной деятельности, заслуг и успехов». В этом случае к данному слою невозможно применить термины «класс» и «элита»[148].

К. Мангейм, размышляя о взаимодействиии социальных групп, пишет о понятии «социальная дистанция». В это понятие он включает и явление вертикальной дистанции между лицами, занимающими неравное положение в иерархической системе. Правда, акцент он делает не на правовые технологии и атрибуты социального дистанцирования, а на бытовые, поведенческие и т.п. обстоятельства[149].

Сторонники миросистемного анализа, не акцентирующие, в силу применяемой методологии, внимание на обществе в его государственных границах, тем не менее признают роль категорий социальной стратификации. Так, И. Валлерстайн в перечне институтов капиталистической мироэкономики находит место для классов и статусных групп[150].

В ходе развития во второй половине XX в. в нескольких зарубежных странах исторических исследований в рамках направления под условным названием «история снизу» объектом внимания исследователей стали рядовые участники со-

---

[147] Там же. С. 809.

[148] Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 175.

[149] Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени (пер. с нем. и англ.). М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. С. 220 и след.

[150] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 87.

бытий, страты общества и такой феномен, как толпа. Последний пришел в историческую науку, вероятно, из психологии и социологии. В результате некоторые юридически оформленные социальные страты и, прежде всего, сословия, оказались оттеснены на своеобразную периферию научного интереса. В качестве примера можем привести тот факт, что британский историк-марксист Дж. Рюде, изучавший идеологию народного протеста и действия толпы, перечисляя виды сообществ людей и называя нацию, клан, касту, политическую партию, сельскую общину, не находит место для сословия[151].

Многие зарубежные авторы обходятся без сословной терминологии при характеристике общества (правда, общества не российского) даже в Средние века. Так, предлагая «новую историю» средневековой Франции, С. Лебек при рассмотрении периода V–IX вв. практически полностью обходится без термина «сословие», используя названия отдельных страт: «крестьяне», «колоны», «аристократия», «элита» и т.п., сделав едва ли не единственное исключение в отношении сенатского сословия[152].

Взгляды на вопрос социальной стратификации изложены в рамках школы новой институциональной экономики. Выход за рамки традиционной экономической науки, применение методов микроэкономического анализа при рассмотрении смежных с экономиской социальных явлений позволили сформулировать наблюдения и выводы по интересующей нас проблематике. Традиции Р. Коуза были продолжены О. Уильямсоном, Д. Нортом и другими учеными.

Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст, оперируя терминами «модель социальной организации», «социальной порядок», «социальная иерархия», «элита», «неэлита», «политическая система», «право», «закон», «равноправие» и т.п., тем не менее рассматривают социальную структуру исключительно в социологическом и экономическом ключе. Скажем, применительно к естественному государству они указывают на властную элиту, «неэлиту», на неформальные и контрактные орга-

---

[151] Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848 / пер. с англ. Е.И. Бухаровой, А.О. Зелениной; ред. М.А. Барг. М.: Прогресс, 1984. С. 20.

[152] Лебек С. История Франции. Происхождение франков V–IX века: в 2 т. / Перевод В. Павлова. М.: Скарабей, 1993. Т. 1. С. 87.

низации, которые «обеспечивают связи элит с неэлитами»[153]. Роль законодателя (как в прошедшие эпохи, так и в настоящее время) в официальном закреплении той или иной формы социальной иерархии, в узаконении тех или иных способов повышения или снижения индивидами своего правового статуса находится вне объекта их исследования. Показательным является и отсутствие самих терминов «правовой статус», «сословие» и т.п.[154]

В последней трети XX в. возникло новое научное направление – история понятий. Его появление во многом было связано с выходом в свет в Германии фундаментального издания, посвященного основным историческим понятиям в контексте общественно-политических процессов. Р. Козеллек, К. Майер, М. Ридель и другие представители этого направления внесли свой вклад в развитие социально-гуманитарного знания[155]. Некоторые результаты деятельности названного направления имеют существенное значение для формирования понятийно-терминологического аппарата исследования социальной структуры России.

Над проблематикой анализа политического языка сквозь призму истории работают авторы англоязычной научной литературы, иногда трактуемой в качестве «Кембриджской школы», такие, как Д. Покок, К. Скиннер и др.[156]

В современной социальной философии с позиций методологии управления обществом последнее рассматривается как совокупность управляющей и управляемой подсистем[157].

Достаточно широко распространено материалистическое понимание истории в зарубежной науке[158].

---

[153] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: изд. Института Гайдара, 2011. С. 88–94.

[154] Там же. С. 88–94.

[155] Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 5.

[156] Понятия о России: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 23.

[157] Григоренко Д.Е. Научное управление обществом и проекты науки (философско-методологический анализ): автореф. дис. … д-ра философ. наук. Красноярск, 2012. С. 17.

[158] Цинянь А. Судьбы русской интеллигенции в XX в. Перечитывая «Вехи» // Вопросы филосо-

Имеет место «широкое» использование термина «класс». Он в зависимости от контекста может применяться как в качестве широкого понятия, по сути, равнозначного понятию «страта», так и в качестве термина, близкого по значению к марксистской трактовке. Полагаем, что такой подход в использовании названного термина был свойственен Дж. Неру[159].

Ряд современных зарубежных исследователей российской социально-правовой истории в большей степени предпочитает обращать внимание на именно на классы как компоненты структуры общества. В частности, речь идет об исследованиях М. Сэвиджа, Э. Уорде и других зарубежных авторов.

Комментируя данный концептуальный подход, Марк фон Хаген полагает, что некоторыми авторами «руководит густо замешанная на марксизме симпатия к экономически угнетенным классам, порождающая остро критическое отношение к самодержавию и к капитализму»[160].

По сути, отсутствуют правовые характеристики в понятии «культурная формация», используемом, например, современными китайскими учеными[161].

Также в зарубежной науке в настоящее время достаточно активно применяется «классовая терминология» с немарксистских позиций.

Ряд исследований зарубежных авторов посвящен развитию сословий и сословной системы в России.

Р. Пайпс, характеризуя предмет своей книги, посвященной истории России, пишет не только о развитии российской государственности, но и о параллельном развитии основных сословий, причем в хронологических рамках с IX в. по XIX в. Таким образом, автор полагает возможным применять термин «сословие» на протяжении тысячелетней истории России. При этом он использует также и понятие

фии. 2021. № 3. С. 113–127.

[159] Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. Т. 2 / Пер. с англ. Н.Б. Тер-Акопяна; вст. статья Р.А. Ульяновского. М.: Прогресс, 1981. С. 112.

[160] Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 32.

[161] Су Фэнлинь История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в.: дис. … д-ра ист. наук в форме науч. докл. М., 2000. С. 19.

«общественные классы»[162].

Американский исследователь истории социальной организации России Г. Фриз отмечает, что вплоть до последней трети XVIII в. слово «сословие» обозначало в Российской империи «некую общность людей без какого-либо указания на наличие формальной организации». В указанное время оно приобрело ещё одно значение – «организованное общество», «община». Автор указывает, что «идея четырех сословий недвусмысленно признавалась российским законодательством», одновременно отмечая, что в первые годы XIX в. термин «сословие» стал использоваться для обозначения правительственных органов и корпоративных групп, наделенных юридическими правами. Автор приводит примеры обозначения этим термином не только социальных страт, но и государственных учреждений[163].

К этим примерам Г. Фриза мы добавим несколько других. Действительно, понятие «сословие» как категория русского языка и как термин российского законодательства является многозначным. Собственно говоря, его этимология («созванный», «сонм», «собрание»)[164] в значительной мере и предопределило многозначность. Скажем, в тексте Манифеста российского императора Александра I от 16 августа 1823 г. термин «государственные сословия» был использован для обозначения высших правительственных мест империи: Святейшего синода, Государственного совета, Правительствующего сената.[165] Сословиями лиц российский закон именует товарищества, компании и конкурсы, т.е. термин «сословие лиц» заменяет термин «юридическое лицо»[166].

---

[162] Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. С. 10, 188.

[163] Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 122–132.

[164] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Пер. с нем. О.Н.Трубачева, с дополнениями; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Первое русскоязычное издание. М., 1964–1973; второе – 1986–1987.

[165] Манифест об отречении цесаревича Константина Павловича от наследования престола от 16 августа 1823 г. (Российская империя) [Электронный ресурс]. URL: http://www.imperialhouse.ru/rus/history/foundations/dinzak3/222.html (дата обращения: 12.01.2020).

[166] Свод законов гражданских (ст. 395) // Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. I. Законы

Обратим внимание на используемую российским законодателем «сословную» терминологию. Термин «сословие» используется в законодательстве с первой четверти XVIII в. Так, в докладных пунктах Монастырского приказа написано «о недовольных разного сословия людях»[167].

Активно используется термин «сословие» в законодательстве XIX в., включая Свод законов Российской империи. Строго говоря, данный термин используется законодателем в качестве одного из ключевых терминов при регулировании социальной структуры России.

Анализируя содержание ст. 1–3 Свода законов о состоянии людей в государстве Свода законов Российской империи, мы видим использование законодателем терминов «главные роды людей» и «сословия» по отношению к одним и тем же социальным группам, составляющим городское и сельское население, т. е. к наиболее крупным социальным стратам России.

В тексте 13-ти первых статей, содержащих общие положения первой книги Свода законов о состояниях (в ред. 1857 г.), используются следующие термины при определении социально-правового положения групп людей и отдельных подданных: состояние (права состояния) – в ст. 1–7, 9–13; главные роды людей: в ст. 2; сословие – в ст. 3. Другими словами, «сословие» не может быть признано единственным, а в ряде случаев даже преобладающим термином, применяемым российским законодателем в Своде законов Российской империи при характеристике сословного строя[168].

Таким образом, помимо понятия «сословие» российским законодателем в XVIII–XIX вв. активно используется понятие «состояние», которое также является непростым по содержанию. Относительно понятия «права состояния» В.В. Груздев отмечает, что данным термином обозначались, во-первых, набор прав и обязанностей, во-вторых, способность к обладанию правами и обязанностями.

гражданские. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

[167] Резолюции обер-прокурора Синода на докладные пункты от прокурорских Монастырского приказа дел от 1 апреля 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VI. № 3 769.

[168] Свод законов о состоянии людей в государстве (ст. 1-13) // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

Далее он делает следующий вывод: понятие «состояние» характеризовало объем правоспособности и правовой статус лиц данного состояния[169].

С другой стороны, в 1830-е гг. название гл. 4 кн. 1 Свода законов о состоянии людей в государстве сформулировано «О сословиях духовенства». Обратим внимание на множественное число, использованное в отношении термина «сословие», т. е. законодатель признал возможным применить термин «сословие» не только к духовенству в целом, но и к обозначению различных категорий «внутри» духовенства[170].

Законодатель, обозначая в рамках Свода законов казаков как часть сословия сельских обывателей[171], одновременно определяет казачество в качестве самостоятельного сословия[172]. Данный подход законодателя сохраняется и в дальнейшем. Так, в феврале 1861 г. в Высочайше утвержденном положении Военного совета используются выражения «офицеры казачьего сословия», «принадлежат к казачьему сословию».[173]

В Уставе рекрутском законодатель следующим образом сформулировал § 3 Главы I: «Рекрутской повинности подлежат в государстве все те сословия, кои платят в казну подать подушную, или подушной соответственную, а именно: мещане, казенные крестьяне разных наименований, крестьяне удельные, крестьяне помещичьи, свободные хлебопашцы и другие…»[174]. Мы видим, что российский законодатель и в этом случае обозначает термином «сословие» различные внут-

---

[169] Груздев В.В. Теория правового состояния личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. С. 26.

[170] Свод законов о состоянии людей в государстве. 3 изд. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1835. 407 с.

[171] Свод законов о состоянии людей в государстве (ст. 387) // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

[172] Свод законов гражданских (ст. 17) // Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. I. Законы гражданские. 1857.

[173] Высочайше утвержденное положение Военного совета, объявленное в приказе Военного министра от 17 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1832. Т. XXXVI. № 36 635.

[174] Высочайше утвержденный Устав рекрутский от 28 июня 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1832. Т. VI. № 4 677.

рисословные группы населения, причем относящиеся к различным сословиям.

В официальных документах практически в течение всего рассматриваемого исторического периода встречались «коллизии» с указанием сословной принадлежности подданных. В формулярных списках о службе в графе «Из какого звания происходит» встречаются фразы «сын дьяка» (январь 1881 г.)[175]; «сын писаря» (январь 1880 г.)[176].

При проведении первой всероссийской переписи в 1897 г. оформлялись материалы, являвшиеся официальными документами. При сборе сведений о состоянии, сословии или звании подданного, в наставлении счетчикам (переписчикам) был дан следующий перечень сословий:

1) дворяне потомственные;

2) дворяне личные, чиновники, не принадлежащие к потомственному дворянству и дети таких чиновников;

3) потомственные почетные граждане;

4) личные почетные граждане;

5) духовенство, т.е. священно- и церковно-служители и их дети, а также и монашествующие;

6) купцы и купеческие дети;

7) крестьяне;

8) казаки;

9) отставные солдаты, поступившие на службу до общей воинской повинности, и их семьи;

10) мещане, не отличая от них так называемых церковных и городских граждан;

11) инородцы;

12) финляндские уроженцы[177].

---

[175] Формулярный список о службе новоторжского городового врача, не имеющего чина, лекаря Ивана Муратова // Государственный архив Тверской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12001. Л. 32об.

[176] Формулярный список о службе старицкого уездного врача надворного советника Мейера // Государственный архив Тверской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12001. Л. 35об.

[177] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наставление городским счетчи-

В отдельных нормативно-правовых актах Российской империи используется термин «класс». В частности, в указе императора Александра I об облегчении мещан и ремесленников в платеже недоимок (1824 г.), эти две социальные группы названы классом верноподданных, занимающихся городской промышленностью. Из текста указа следует, что казенных и помещичьих крестьян законодатель также считает классом верноподданных. В этом же указе используется и термин «сословие». Термины «состояние» и «главный род людей» не использованы в данном акте ни разу.[178] В манифесте от 14 ноября 1824 г. используются как синонимичные следующие выражения: «торговые классы», «торгующие сословия». Для обозначения ряда социальных групп применен термин «прочие состояния»[179].

Помимо законодательства, довольно широко использовался и используется термин «сословие» в отечественной юридической науке для обозначения корпоративных групп. О сословии присяжных поверенных пишут Б.А. Кистяковский и Е.А. Нефедьев[180]. В настоящее время о сословии русских юристов (точнее говоря, об отсутствии «сословия русских юристов» до эпохи Великих реформ) пишет В.А. Томсинов[181].

Между прочим, столь сложная лексическая история термина «сословие» показывает, по мнению Г. Фриза, «аморфное и неуверенное развитие правовой терминологии», что в свою очередь свидетельствует о бессистемности государственной социальной политики России[182].

В целом данный автор полагает нецелесообразным использование в науке

кам. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. С. 13–14.

[178] Именной указ, данный Сенату «Об облегчении мещан и ремесленников в платеже недоимок» от 14 ноября 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXIX. № 30 114.

[179] Дополнительное постановление «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний», утверждено манифестом от 14 ноября 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXIX. № 30 115.

[180] Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) [Электронный ресурс]. URL: https://vehi.net/vehi/kistyak.html (дата обращения: 14.02.2024); Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / МГУ им. М.В. Ломоносова, Кубан.гос.ун-т. Краснодар: Совет. Кубань, 2005. С. 87

[181] Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России… С. 8.

[182] Там же. С. 136.

термина «сословие» для обозначения социальной структуры России в ретроспективном плане, т.е. ранее начала XIX в., хотя и делает оговорку о возможности возникновения общественного явления ранее термина, его обозначающего[183]. Таким образом, Г. Фриз выдвигает возражение исторического и лексического порядка: сословий в России до XIX в. не было, т.к. не было подходящего термина.

Многозначность, как отмечает Г. Фриз, свойственна не только русскому слову «сословие», но и французскому etat и немецкому Stand[184]. Однако у этого автора имеется ещё одно возражение против правомерности использования понятия «сословие» не только до XIX в., но даже и в данном столетии; возражение заключается в оценке самой сути социальных явлений.

Сословие в России, по Г. Фризу, представляет собой «неимоверно сложные скопления социальных категорий с многочисленными и отчетливыми внутренними подразделениями. Несомненно, что степень консолидации социальных групп в четкую систему больших статусных категорий была значительно преувеличена. Свод законов, по Г. Фризу, намекает на эту глубинную сложность общества в тех случаях, когда его составителям приходится прибегать к выражениям типа «городские обыватели» или «сельские обыватели» для обозначения горожан и крестьян, которые и в юридическом, и в общественном смысле представляли собой скопление многообразных, четко выделяемых наследственных сословий со своим особым правовым статусом. Например, категория «сельские обыватели» включала государственных крестьян, удельных крестьян, крепостных, экономических крестьян (то есть крестьян, находившихся в ведении государственного учреждения – Экономической коллегии) и ряд иных, меньших по численности наследственных групп: однодворцев, приписных, посессионных и ясачных крестьян. Поэтому несомненно, что (по крайней мере, в некоторых случаях) «сословие» – понятие, которым обозначались наследственные социальные группы, – предстает как подразделение внутри определенного «состояния», то есть группы, положение

[183] Там же. С. 135.
[184] Там же. С. 133.

которой в обществе определялось исключительно правовым статусом»[185].

С учетом результатов представленного выше историографического обзора сформулируем собственную позицию по рассматриваемому вопросу.

Вполне логичным и верифицируемым является концептуальное положение о том, что существуют три основных структурных компонента любой организации общества (за исключением догосударственного этапа его развития): класс, сословие, каста (варна). Данные понятия не только обозначают наиболее крупные социальные страты, но и выполняют «системообразующую» роль. Законодатель, санкционируя существование каст, сословий или классов в качестве основных социальных страт, тем самым санкционирует тот или иной тип социальной стратификации.

Понятно, что любое определение (и приведенные ниже авторские определения не являются исключением) указанных понятий отражает некое общее представление об их содержании, рисует некую общую схему. Реальные социально-правовые феномены, возникающие в той или иной цивилизации, в той или иной стране, могут не полностью соответствовать этой схеме. Исследователь должен быть готов к такому порядку вещей. Какой бы красивой и точной не была схема, реальная жизнь всегда богаче по содержанию, всегда более подробна, полноцветна. В научных исследованиях надо учитывать данное обстоятельство и отмечать характеристики, привнесенные конкретными условиями социально-правового развития.

Вряд ли может являться решением вопроса увеличение перечня системообразующих понятий. Во всяком случае, в обозримом будущем это представляется маловероятным.

Нет необходимости в настоящем исследовании применять такие понятия, как «квазисословие», «предсословие». Если квазисословием или предсословием называют социальную группу, не являющуюся по мнению иследователя сословием, то в этом случае необходимо соотнести понятия «квазисословие» и «предсословие» с понятием «сословие», «каста», «класс», ибо в такой коннотации ква-

[185] Фриз Г.Л. Указ. соч. С. 139–140.

зисословие и предсословие «претендуют» на положение четвертого системообразующего понятия наряду с тремя указанными.

Если такого рода понятия используются для обозначения факта отсутствия некоторых сословных характеристик у социальной группы со статусом сословия, то такое использование представляется правомерным и целесообразным.

Для достижения целей настоящего исследования нет необходимости констатировать наличие у социальной группы всех признаков, которыми в полном, «классическом» формате может обладать сословие. Достаточно определить правовую – сословную или несословную – природу этой группы.

Таким образом, автор настоящей работы ограничивается тремя указанными выше понятиями (класс, сословие, каста), обозначающими основные структурные компоненты, характеризующие социальную систему любой страны, любой цивилизации, включая Россию.

Мы не отвергаем большинство из данных этим понятиям определений, часть из которых была приведена выше, но считаем необходимым дополнить эти определения следующими уточнениями.

В каждом из перечисленных видов социальных страт могут существовать страты следующего, более низкого уровня. Применительно к понятию «сословие» мы выскажем свое мнение о структуре страт российского общества в другом месте настоящей работы.

Узкую локализацию понятия «каста» довольно легко можно преодолеть допущением, что термином «каста» обозначаются социальные группы во всех обществах, имеющие соответствующие характеристики своего корпоративного правового статуса. Придется также сделать допущение, что кастовые различия основываются отнюдь не исключительно на религиозных воззрениях, а также на иных обстоятельствах, скажем, этнического, территориального, правового порядка. В итоге касту можно «превратить» в универсальную категорию, применяемую для характеристики социальных систем в различных цивилизациях.

Два значения понятия «каста» приведено в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «в странах Востока обособленная общественная группа, свя-

занная происхождением, правовым положением своих членов, иногда также и религиозной общностью»; «узкая общественная группа, которая отстаивает свои привилегии и интересы и доступ в которую для посторонних затруднен или невозможен»[186].

В итоге выходим на следующее авторское определение понятия «каста»: страта с особым правовым статусом, принадлежность к которой устанавливается рождением и, по общему правилу, не может быть изменена даже с санкции государственной власти. Как видим, данное определение лежит вполне соотносится с представленными в научной и справочно-информационной литературе. Предложенное автором настоящей работы дополнение о роли государственной власти носит уточняющий, частный характер.

Новизна более существенного характера присутствует в предложенном определении понятия «класс». Автор настоящей работы считает целесообразным сделать акцент на правовые аспекты, связанные с оформлением принадлежности к тому или иному классу, а также с изменением этой принадлежности. Эти аспекты так или иначе связаны с деятельностью государства в лице государственных органов, либо с организационно-управленческой деятельностью иных субъектов, осуществляемой в соответствии с правилами, установленными государством как законодателем. Указанный акцент представляется тем более правомерным, что в настоящей работе рассматриваются в т.ч. действия государственной власти по оформлению статуса отдельных лиц и социальных групп.

С учетом вышеизложенного, предлагается следующее определение понятия «класс»: страта, не имеющая официально установленных социальных границ (официального членства), принадлежность к которой устанавливается и прекращается индивидом посредством получения и утраты некоторых корпоративных статусов по своей инициативе без необходимости получения санкции со стороны государственной власти.

---

[186] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. С. 268.

Нахождение в составе того или иного класса зависит от профиля и характера реализации человеком своих творческих способностей. Во многих случаях реализация человеком своих творческих способностей означает ведение экономической деятельности. Изменение классовой принадлежности осуществляется путем изменения маршрута своей профессиональной (творческой) деятельности, т.е. изменения ее профиля и (или) характера, в т.ч. в результате получения образования.

Например, устройство крестьянина на работу в качестве наемного работника промышленного производства меняет его классовый статус на статус рабочего. Переезд крестьянина в город и прекращение ведения им сельскохозяйственной деятельности означает переход в иной класс (в какой именно, зависит от характера его трудовой деятельности). Владение крестьянином производственным заведением автоматически «включает» его в состав класса предпринимателей (неважно, с каким названием: буржуазия, мелкая буржуазия и пр.).

Отсюда еще одно замечание: классовая структура требует наличия если не всеобщего, то относительно массового доступа к социальным лифтам. В известном смысле вертикальная социальная мобильность в классовом обществе – не исключение, а правило.

В классовом обществе инициатива и главная роль в плане изменения классовой принадлежности принадлежит человеку, естественно, с учетом роли его родственников и других лиц из круга общения, а также с учетом сложившихся в обществе экономических, социальных, культурных и иных условий. Роль государства остается важной, но при этом не является в каждом конкретном случае решающей, ибо государственные органы не могут применять к человеку (по общему правилу) запретительные меры, потому что классы, по определению, не имеют членства и разрешительного порядка вхождения в состав и выхода из своего состава. Отсутствует необходимость оформления каких-либо заявлений о смене классовой принадлежности. Иначе говоря, в классовом обществе отсутствует категория членства в том или ином классе. Соответственно, роль государства в лице государственных органов сводится к установлению определенных правил получения и утраты корпоративных статусов, а также к контролю за со-

блюдением этих правил.

Исторические примеры вмешательства государственной власти в попытке закрепить классовую принадлежность лица или категории лиц, являются по сути своей эксцессами, а не правилом.

Существенно более объемная аргументация требуется в отношении авторской трактовки понятия «сословие». Это обстоятельство понятно особенно с учетом роли данного понятия в исследовании указанного в настоящей работе исторического периода.

Прежде всего сделаем небольшой экскурс в справочно-информационную литературу.

Многие отечественные терминологические словари как советского периода, так и настоящего времени, «не знают» термина «сословие» применительно к «древней» России. Так, понятие сословие отсутствует в словаре Г.Е. Кочина[187]. Отсутствует понятие «сословие» в словаре, изданном под научной редакцией Н.В. Акифьевой; при этом присутствует понятие «класс»[188] в словаре Н.М. Ивановой[189].

Зафиксировав этот любопытный факт, перейдем к рассмотрению мнений, высказанных в научной и справочно-информационной литературе в отношении содержания понятия «сословие».

В энциклопедических и терминологических словарях даются следующие трактовки понятия «сословие».

Сословие – часть населения, обособленная юридически от других частей[190].

---

[187] Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России / под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 335.

[188] Акифьева Н.В. Краткий терминологический словарь по курсу «Отечественная история». Учебное эл. текстовое издание / Науч. ред. Н.В. Акифьева. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. С. 19–20, 39 [Электронный ресурс]. URL: http://window.edu.ru /resource/505/28505/files/ustu112.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

[189] Словарь терминов по истории отечественного государства и права / автор-сост. Н.М. Иванова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. С. 16.

[190] Энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова. 4-е изд. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1910. С. 2396.

Сословие – группа граждан, своим юридическим положением отличающихся от остального населения, причем эти отличия передаются по наследству. Сословный строй есть продукт развития средневекового государства[191].

Сословие – сложившаяся на основе феодальных отношений общественная группа со своими наследственными правами и обязанностями, закрепленными обычаями или законами[192].

Сословие – социальная группа докапиталистических обществ, обладающая закрепленными в обычае или законе наследственными правами и обязанностями[193].

Можно отметить, что во всех определениях отсутствуют необходимые количественные показатели сословия, хотя одну характеристику – существование определенной социальной группы – можно признать отчасти количественной. Кроме того, в некоторых изданиях дана привязка понятия «сословие» к периоду Средневековья.

Одновременно указываются две качественные характеристики:

1) наличие особого правового статуса,

2) передача прав и обязанностей по наследству.

Относительно хронологических рамок существования сословий как социально-правового феномена необходимо отметить следующее. В отечественной исторической и историко-правовой науке сословия и сословный строй зачастую рассматриваются как атрибуты лишь феодального общества, явления, существовавшие в период Средневековья.

Автор настоящей работы категорически не согласен с «увязкой» сословного строя и сословий с феодальным типом общества. Реальное существование сословий лишь опосредованно связано с идеологическим и политическим обоснованием этого факта. Даже правовое оформление сословной структуры возможно в формате обычного права, а не нормативно-правового акта.

---

[191] Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона. М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 583.

[192] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 750.

[193] Краткий политический словарь. С. 306.

Социально-правовые явления возникают и существуют независимо от обозначающих их терминов. Отсутствие понятий в доктрине права, а терминов – в законодательстве вовсе не означает отсутствия в социально-правовой жизни общества самого явления.

Как известно, в истории Европы политическая теория, впервые обосновавшая существование сословий в обществе, появилась в XI в. в Северной Франции. Ее создателями были Жерар, епископ Камбре, и Адальберон, епископ Лана[194]. Названная политическая теория была сформулирована в терминах христианского канонического права того времени.

Вместе с тем факты истории западноевропейских стран свидетельствуют о том, что сословия появились еще в период Древнего мира и продолжали существовать и в период Нового времени. Обращаясь к истории зарубежных стран, можно заметить, что социальные группы, обладавшие характеристиками сословия, существовали как в период Древнего мира, так и в период Нового времени. Приведем пример из истории Древнего Рима. В ходе реформ Сервия Туллия плебеи были признаны частью римского народа и получили право на службу в военном ополчении. Были сформированы смешанные патрицианско-плебейские разряды населения. Вместе с тем вплоть до начала III в. до н.э. плебеи резко отличались от патрициев по объему прав и обязанностей. В частности, до закона Канулея (444 г. до н.э.) были запрещены браки плебеев с патрициями. Таким образом, имеются все основания говорить о существовании сословий в Древнеримском государстве.

Мы полагаем, что феномен сословий и сословного строя является универсальным. Он не может быть «привязан» ни к одному из крупных исторических периодов, не может быть признан атрибутом только одной цивилизации или одной страны.

Переходя к характеристике содержания или, иначе говоря, социально-правовой природы сословия, отметим следующее.

Не может быть признана в качестве главной характеристики сословия пере-

---

[194] См.: История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. С. 268.

дача прав и обязанностей по наследству. Например, в XVIII–XIX вв., когда факт существования сословий в России ни у кого не вызывал сомнений, категория личных дворян не имела возможности передавать по наследству свои права. М.Ф. Владимирский-Буданов называет личных дворян явлением «невозможным в сословных государствах»[195]. Не могло передавать по наследству свой статус и черное духовенство. Б.Н. Миронов указывает, что «черное духовенство, представлявшее собой особую прослойку внутри духовенства, не будучи наследственным, не было и не могло быть сословием»[196].

Естественно, что мы должны либо признать Россию даже в XIX в. бессословным государством, либо оценить передачу по наследству прав и обязанностей как важную, но не необходимую характеристику сословия.

Кроме того, вопрос наследственности сословного статуса неразрывно связан с вопросом о возможности перехода из одного сословия в другое. Мы уже констатировали выше, что абсолютно замкнутая социальная страта называется отнюдь не сословием, а варной или кастой. Социальную структуру, в которой среди всех критериев доминирует критерий наследственности, правильнее называть кастовой, а не сословной. Поскольку степень замкнутости сословий несравнима с замкнутостью каст, следовательно, в сословной структуре гораздо менее значительную роль играет критерий наследственности.

Ключевыми характеристиками сословий как социальных страт особого вида являются, по нашему мнению, следующие:

– наличие у сословия особого правового статуса;

– юридическое оформление принадлежности к сословию и, соответственно, наличие определенной процедуры вхождения в сословие и выхода из него;

– наличие организационного механизма (на местном, региональном или общегосударственном уровне) выражения корпоративных интересов и выполнения корпоративных обязанностей;

– наличие официально установленных для данного сословия возможностей

---

[195] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 242.

[196] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 77–81.

изменения индивидуального правового статуса его представителями;

– наличие возможности (зачастую обязанности) передачи членства в сословии по наследству.

Целесообразен краткий комментарий к вышеуказанным положениям.

Особый правовой статус заключается в определении места сословия в сословной системе и в наделении сословия определенными правами и обязанностями. При этом вряд ли возможно существование сословий, обладающих только правами (без обязанностей) или несущих лишь обязанности (без прав).

Лица, принадлежавшие к определенному сословию, де-юре или де-факто обладали также и преимущественными правами (сравнительно с представителями других сословий). Преимущественные права надо трактовать не в смысле привилегий позднейшего времени, а в смысле узаконенных возможностей. Возможность для посадского человека торговать в своем городе не с воза, а со стационарного прилавка – тоже преимущественное право. Возможность для крестьянина пользоваться в данной местности землей (пусть государственной или барской), да еще общими пастбищами, покосами и лесами – это тоже преимущественное право. Возможность для земледельца-бобыля платить государственную подать в уменьшенном размере – это привилегия (да еще какая!). В принципе, освобождение от пыток или физического наказания представителей отдельных сословий тоже является привилегией. Таким образом, преимущественными правами (в широкой трактовке этого понятия) обладали все сословия.

Юридическое оформление принадлежности к сословию означает необходимость получения в той или иной форме согласия со стороны государства на вхождение в сословие или выход из него, а также необходимость выполнения тех или иных организационно-документационных процедур. Таким образом, недостаточно воли со стороны лица, недостаточно изменения им своего жизненного уклада, изменения своей профессиональной траектории, места жительства, семейного положения, имущественного положения и прочих важных характеристик своей жизни. Важно санкционирование изменения сословной принадлежности со стороны государства.

Однодворец конца восемнадцатого столетия, сохраняющий память о своих предках, владеющий крепостными крестьянами, располагающий серьезным материальным достатком, не будет являться дворянином. Такой же однодворец, независимо от своего материального положения и образа жизни, даже без крепостных людей, но прошедший военную службу и выполнивший другие предусмотренные законом процедуры, может быть признан дворянином. Другими словами, не воля человека, не образ жизни и даже не самосознание, а запись в дворянской родословной книге – вот что делает недворянина дворянином! И это существенное отличие сословия от класса!

В январском (1842 г.) номере Владимирских губернских ведомостей сообщается о пожаре, произошедшем 7 декабря 1841 г. в помещичьем селе Шуйского уезда и уничтожившем ткацкое заведение (сушильню и фабрику), принадлежащее крестьянину В. Дарикову[197]. В данном случае интерес представляет не размер убытков, не процедура офомления права собственности, а факт владения крестьянином действующим производством. Этот факт никак не влияет на его сословное положение.

Наличие механизма выражения корпоративных интересов и выполнения корпоративных обязанностей не обязательно выражается в форме развитой системы сословной самоорганизации. Вовсе не обязательны торжественные собрания в больших залах с высокими потолками и хрустальными люстрами. Волостная территориальная община черносошных крестьян XV в. – вполне эффективная организационная форма выражения и защиты корпоративных интересов. Сельский сход – действующая форма для крестьян более позднего времени. В принципе, возможны сословные группы, не имеющие корпоративной организации и корпоративных органов выражения интересов. В качестве примера можно вслед за Н.М. Коркуновым назвать почетных граждан[198].

Любая устойчиво функционирующая сословная система обладает механиз-

---

[197] Владимирские губернские ведомости. Прибавление. 1842. № 2. С. 5.

[198] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 6-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 279.

мами изменения отдельными представителями своей сословной принадлежности по собственной инициативе. Сословная система России в рассматриваемый период обладала достаточно развитым организационно-правовым механизмом, обеспечивающим как горизонтальную, так и вертикальную социальную мобильность.

Наследственный характер принадлежности к сословию автор умышленно поставил среди всех ключевых признаков на последнее место. Это связано как с далеко не главенствующей ролью этой характеристики, так и с имеющими место случаями преувеличения значения этой роли. Автор полагает, что даже при отсутствии возможности передачи по наследству членства, социальная группа может быть квалифицирована в качестве сословия. И это является одним из ключевых признаков, отличающих сословие от касты или варны.

За пределами ключевых характеристик мы оставляем самосознание членов сословия. Прежде всего это связано с трудностью рассмотрения этого феномена с учетом большой временной «дистанции», отделяющей современных исследователей от изучаемых событий.

Кроме того, считаем необходимым подчеркнуть: смысл существования сословия заключается в выполнении определенной социальной функции. Другими словами, конкретное сословие играет в обществе ту роль и решает те задачи, которые не играют и не решают другие сословия.

Оценивая указанные выше характеристики понятия «сословие», можно отметить, что количественные показатели вряд ли могут быть установлены. Это обстоятельство осложняет решение вопроса с определением в качестве сословия тех или иных социальных групп. Количество людей в составе сословия и число сословий в стране не являются существенными обстоятельствами.

Подводя итоги вышеизложенному, считаем необходимым, во-первых, отметить, что количественные показатели при конституировании такой общественной группы, как сословия, не имеют решающего значения. Во-вторых, нет никакого основания «привязывать» существование сословий к какой-либо одной исторической эпохе, в том числе и к эпохе Средневековья. В-третьих, не является ключевым признаком сословия передача прав и обязанностей по наследству. В-

четвертых, сложная, многокомпонентная структура социальной системы, наличие различных социальных групп в составе сословия не является основанием для отказа в признании факта существования в стране сословий, сословной системы и сословного статуса.

Отказ от использования при характеристике социальной системы России семнадцатого столетия понятия «сословие» в пользу понятий «чин», «класс» и им подобных ведет к неопределенности в характеристике социальной структуры. Считаем, что в научной литературе отсутствует удовлетворительная характеристика фундаментальной социально-правовой природы понятия «чин» применительно к социальной стратификации России в XVII в.

Вышесказанное является еще одним аргументом в пользу использования понятий «сословие», «сословная система» при рассмотрении вопросов правового оформления социальной структуры России в рассматриваемый период. На основании проведенного исследования автор настоящей работы предлагает следующее определение понятие «сословие»: страта с особым правовым статусом, принадлежность к которой устанавливается или прекращается с санкции государственной власти путем выполнения определенных юридических и организационных процедур.

Допустимым является использование при характеритике кадрового состава органов власти рассматриваемого периода использование современной терминологии. Эта терминология подробно «разработана» в современном российском законодательстве о государственной службе[199]. Естественно, что принципы организации государственной службы, процедуры замещения должностей в Российском государстве в предшествующие столетия существенно отличались от современных. Тем не менее, сами термины «государственная служба», «государственные служащие» и им подобные, вполне можно использовать в настоящем исследовании, как, впрочем, и в других исследованиях историко-правового формата. Ска-

[199] Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 20.09.2023)

занное не отменяет возможность использования «традиционных» для историко-правовой науки терминов, таких, как «чиновничество».

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в историко-правовых иследованиях, посвященных рассмотрению законодательной политики в области социальной стратификации, возможно использование двух групп, двух видов терминов.

Первый вид составляют термины, имеющие универсальный характер и «неюридическое» содержание. К этому виду принадлежат термины «социальная стратификация», «страта», «общественная группа», «социальная группа», «категория населения», «разряд населения», «социальный тип», «социальная мобильность», «социальный лифт» и др. Вплоть до настоящего времени этот вид терминов не слишком активно использовался в историко-правовых исследованиях.

Термины второго вида, такие, как «правовой статус», относятся к юридической лексике. Сюда же можно отнести «юридизированную» терминологию, активно используемую в историко-правовой науке и в некоторых других науках. В качестве примеров можно назвать термины «сословная система», «каста», «варна», «сословие», «класс», «чин», «ранг», «государственные служащие» и др.

Нетрудно заметить, что мы классифицируем термины отнюдь не по отраслевому принципу, не по «принадлежности» к той или иной научной дисциплине, а по тому значению, которое они имеют в указанных историко-правовых исследованиях. Кроме того, такие многозначные термины, как «каста», «класс», «сословная группа», в зависимости от вкладываемого в них значения могут иметь или не иметь юридического содержания, а значит, могут относиться как к первому виду, так и ко второму.

В настоящей работе достаточно активно применяется терминология, относящаяся к обоим указанным выше видам. Использование в историко-правовом исследовании терминов с «неюридическим» содержанием помогает осуществлять именно комплексный формат изучения с привлечением потенциала других наук, прежде всего – истории и социологии.

ГЛАВА 2. НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Роль Российского государства в формировании отечественной модели социальной стратификации

Государственное воздействие на систему правовых статусов является частью государственного управления обществом. Государственное управление понимается как целенаправленное воздействие государственных органов на становление и развитие общественных отношений в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах[200], как организация и регулирование общественной жизни людей[201]. Необходимость принятия государством организационных и правовых мер по оформлению социальной структуры вытекает как из самой сущности государства, так и из закономерностей развития общества[202], из необходимости любого общества решать фундаментальные проблемы[203].

Главной формой государственного воздействия на социальную систему является нормативно-правовое регулирование соответствующих правоотношений. Применяемое в тексте настоящей работы понятие «законодатель» обозначает высшую государственную инстанцию, осуществляющую законодательную политику от имени Российского государства. Естественно, что в конкретно-историческом измерении за данным понятием стояли конкретные люди, действу-

---

[200] Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др., отв. ред. М.Н. Марченко. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 127.

[201] Мухаев Р.Т. История государственного управления в России. С. 12.

[202] Михалева К.Ю., Полякова Н.Л. Концепция социального института в социологической теории // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 119.

[203] Рус А. Народ майя / Пер. с исп. с сокр. Э.Г. Александренкова; Науч. ред. и авт. предисл. В.И. Гуляев. М.: Мысль, 1986. С. 129.

ющие в соответствии со своими политическими и идеологическими представлениями, с учетом сложившихся в стране в данный исторический момент условий, а также под воздействием различных субъективных факторов.

На различных исторических этапах отечественной истории в рамках рассматриваемого периода законодательная политика определялась (и это являлось своеобразным правилом) абсолютным монархом. Однако мы знаем и другие форматы нормотворчества: и монархом, учитывающим мнение Земского собора (пример – Уложение 1649 г.), и двумя царями с участием правительницы Софьи Алексеевны (этап 1682–1689 гг.), и монархом, «связанным» кондициями Верховного тайного совета (Анна Иоанновна, февраль 1730 г.), и совместно императором, Государственным советом и Государственной думой (с апреля 1906 г.) и т.д. Разными были и формулы, используемые законодателем для обозначения участия в законотворческом процессе того или иного органа. В тексте указов могла содержаться формула «царь указал, и бояре приговорили», которую следует отнести к некоторым актам XVII в., могло иметь место выражение «Вняв мнению Государственного совета» (несколько актов, подписанных Александром I), или выражение «заслушав доклад». Издавались законодателем и нормативно-правовые акты без всяких ссылок на какие-либо официальные инстанции, помимо монарха.

Автор избегает использовать термин «законодатель» в случаях, когда нормативно-правовые акты издавались исключительно Правительствующим сенатом, хотя такими полномочиями данный государственный орган обладал с санкции императора.

Но, как бы то ни было, на протяжении всего рассматриваемого перода в системе государственных органов имелась единоличная или коллективная инстанция, обладавшая верховной властью, официально издававшая законодательные акты от имени Российского государства. Именно эту инстанцию автор настоящей работы обозначает понятием «законодатель», абстрагируясь от политических и правовых событий, влиявших на подготовку и издание тех или иных нормативных актов.

Безусловно, разнообразие вызовов, вставaвших перед страной на протяжении рассматриваемого периода, воздействие различных социально-политических факторов на государственную политику, своеобразие концептуальных представлений каждого из руководителей государства, влияние ближайшего окружения и другие обстоятельства определяли существенные особенности законодательной политики на разных этапах. Невозможно не замечать различия в социально-правовой политике, например, царя Алексея Михайловича и царя Петра I, императора Петра III и императора Павла I, императора Александра II и императора Александра III и т.д. Например, политика императора Александра I по прекращению практики перевода государственных и удельных крестьян на положение крепостных и по освобождению от крепостной зависимости крестьян целых регионов диссонировала с политикой императрицы Екатерины II и императора Павла I, «раздавших» помещикам в качестве крепостных сотни тысяч крестьян. В отличие от других исторических этапов, в периоды правления имепраторов Александра II и Николая II верховная государственная власть проводила курс на существенное ослабление сословного статуса и на демонтаж некоторых компонентов сословной системы.

Тем не менее, имелись и константы в законодательной политике по оформлению и реорганизации социальной системы России на протяжении всего рассматриваемого периода.

Естественно, что государственная политика (включая нормотворчество и правоприменение) является лишь одним из факторов, определяющих направления и формы социальной стратификации. В научной литературе используется определение движущих сил трансформации общества как «социотехнических факторов».[204]

Нетрудно заметить, что моделирование деятельности Российского государства по регулированию социальной структуры и правового статуса индивидов и социальных групп применительно к рассматриваемому периоду с позиций исклю-

[204] Карнаушенко Л.В. Электронное государство в «открытом» постиндустриальном обществе XXI в.: основные угрозы и вызовы // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 173 и след.

чительно современной теории государственного управления не может отвечать критериям научного исследования. Не в последнюю очередь потому, что иным был объект государственного управления, иными были цели и, соответственно, конкретные методы управления. На протяжении рассматриваемого периода государственная власть в связи с эволюцией общества сталкивалась, говоря словами А.Ю. Мамычева, с различными «идеологическими и аксиологическими установками конкретного социума»[205], ибо «политические институты объективно востребуют идеологические формы»[206].

При этом организационно-правовая структура общества сама по себе не была целью государственного воздействия, точнее говоря, конечной целью воздействия. Иначе говоря, регулирование правового статуса являлось для государства не самостоятельной целью, а способом достижения определенных результатов в развитии общества, если угодно, способом создания необходимых условий для деятельности «общественных сил»[207]. По сути, сохранение или модернизация социальной иерархии были для государства способом организации руководства обществом. Можно сказать, используя выражение М. Фуко, что власть вырабатывает классификации, необходимые для дисциплинарного управления обществом[208].

Рассматривая развитие общества того времени как социальной системы, следует определить проходившие социальные процессы как сочетание инерционных и направленных. В социологической литературе отмечается, что динамика инерционных социальных процессов определяется свойствами (параметрами),

---

[205] Мамычев А.Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 7.

[206] Михайлов А.М. Идеология и ее отношение к юриспруденции [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии Серия: Право. 2013. № 2 (14). С. 49 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-ee-otnoshenie-k-yurisprudentsii (дата обращения: 24.04.2020).

[207] Семёнова Л.Н. Государство и капитал в новой истории Запада // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сборник научных статей / под науч. ред. проф. А. Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 242.

[208] Цит. по: Эткинд А. Американская русистика: история второго мира из первых рук [Электронный ресурс] // Новая русская книга. 2001. № 3-4. URL: http://www.guelman.ru /slava/nrk/nrk9/13.html (дата обращения: 18.09.2009).

присущими самому процессу, а динамика направленных процессов – активным вмешательством одного из участников[209]. Собственно говоря, это свойство общественного развития всех стран на всех континентах. И во многих странах государственная власть делает акцент на сочетание традиций и динамизма.

Применительно к России, в числе движущих сил названных выше процессов присутствует также развитие правосознания российского общества и развитие догматики, позволяющей обеспечить «устойчивость и единообразие юридических практик»[210].

В рамках рассматриваемой здесь проблемы в первую очередь необходимо ответить на вопрос о роли государственного воздействия на процесс формирования, реорганизации и ликвидации социальных категорий, о соотношении «государственного фактора» и иных факторов социального развития России XVII – начала XX в. в аспекте правового статуса индивидов.

Естественно, что ответ на этот вопрос опять-таки применительно к России лежит в русле ответа на такой же вопрос в общетеоретическом плане, применительно к любой государственной организации. Л. Фридмэн сформулировал его так: ведет ли право за собой процесс социальных изменений или только следует за ним? И сам же отметил, что не существует «полного и окончательного» ответа[211].

Аналогичным образом дело обстоит и с проблемой оценки роли Российского государства (в т.ч. в качестве законодателя) в рассматриваемый период. Вел ли российский законодатель за собой процесс социальных изменений или только следовал за ним?

В научной литературе высказаны две диаметрально противоположные точки зрения по данному вопросу.

---

[209] См.: Рой О.М. Исследование социально-экономических и политических процессов: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. С. 25.

[210] Михайлов А.М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII–XIX вв.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12.

[211] Фридмэн Л. Введение в американское право: пер. с англ. / под ред. М. Калантаровой. М.: ПРОГРЕСС УНИВЕРС, 1993. С. 208.

В отечественной историографии доминирует точка зрения об огромной роли Российского государства во всех областях жизни общества, включая развитие сословного строя[212]. При этом ряд ученых, не отвергая тезис о важной роли государственной власти, обращает внимание на ограничители в действиях российских монархов. Например, С.В. Мироненко подчеркивает, что российский император не мог проводить коренные преобразования без поддержки правящей политической элиты и «определенной части общества»[213].

Исследователь из США Г. Фриз вполне категоричен: формирование специфических социальных категорий в России не зависело исключительно от государства; как бы ни была важна его политика в отношении юридического закрепления или установления общественных порядков, царский режим с его пресловутой «недоразвитой бюрократией» был просто не способен конструировать социальную систему, законодательно оформлять ее и управлять ею»[214].

В данном случае утверждение о недееспособности Российского государства в социально-правовой сфере является как минимум спорным. По существу, даже сам автор частично опровергает свое же утверждение, приводя примеры «вмешательства государства в ситуацию»[215].

Причины выбора определенных методов и определенных направлений воздействия вряд ли можно свести к тезису о «недоразвитой бюрократии» или о «недееспособном царизме». Не будем забывать об объективных факторах. Они не только в глобальном плане определили (наряду с другими факторами) характеристики российской цивилизации, но и влияли на политику государственной власти в социально-правовой сфере. К таким факторам относят, например, огромные размеры территории и относительно малую плотность населения в России[216].

---

[212] См.: Марасинова Е.Н. Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Сб. статей: Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского / отв. ред. А.В.Семенова. М.: Российская академия наук, Институт российской истории, 2007. С. 277–302.

[213] Мироненко С.В. Александр I и декабристы… С. 12.

[214] Фриз Г.Л. Указ. соч. С. 143.

[215] Там же. С. 144.

[216] Фарах С. Российская цивилизация: энергии пространства и человека: монография. М.: ИД

К числу этих причин, очевидно, относятся иерархия внутренних функций Российского государства и социально-политическая ситуация в конкретный период времени, субъективные воззрения инициаторов и организаторов социально-правовых реформ и т.д. Но также – и стремление достичь поставленных целей с минимумом издержек. А это стремление зачастую предполагает отказ от коренных перемен, точнее говоря, предполагает использование традиционных юридических форм для конституирования новых социальных категорий. Но такая социально-правовая политика вряд ли свидетельствует о слабости государства или, как мы уже отмечали выше, об аморфной или бессистемной деятельности верховной государственной власти России.

Собственно говоря, опора на «уже существовавшие корпорации, сословия и институты» была характерной и для многих других государств Европы[217]. Необходимость укрепления публично-правовой основы взаимоотношений государства и общества требовала урегулирования отношений различных социальных групп между собой и с государством.

Государственная политика не сводится к ликвидации прежней социально-правовой структуры и созданию новой модели социальной организации. В многих случаях Российское государство просто применяло иные методы социально-правовой политики и воздействовало на объект управления по иным направлениям.

Мы видим на примере историко-правового материала, что отечественный законодатель, проводя в середине XVII в. реорганизацию организационной структуры российского общества и изменение правового положения различных социальных групп, сохранил сформировавшиеся к этому моменту некоторые принципиально важные характеристики государственной политики в этой сфере. В результате была конституирована сословная модель, серьезно отличавшаяся от за-

---

Академии Жуковского, 2022. С. 40.

[217] Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 59.

рубежных образцов. В начале XIX в. законодатель провел социально-правовые реформы и создал новую модель сословной системы без коренных преобразований сформированной в предшествующие годы организационно-правовой структуры социальной иерархии.

В распоряжении Российского государства в середине XVII – начале XX в. имелся значительный арсенал средств воздействия на социальную структуру как с точки зрения методов проведения законодательной политики, так и с точки зрения организационно-правового оформления этой структуры, и с точки зрения регулирования социальной мобильности.

Арсенал методов законотворчества и правоприменения был достаточно разнообразен и включал не только административный «нажим». Не случайно высказано мнение (на примере XVII в.) о том, что «внедрение мобилизационных рычагов в структуру управления обществом вовсе не означало тотального преобладания силовых методов в социальной политике правительства, применявшего весьма гибкую тактику»[218]. Это воздействие проходило по различным направлениям и затрагивало правовой статус как индивидов, так и социальных групп.

Основу правового механизма государственного воздействия на систему социальных страт составляет изменение соотношения социального и правового статусов. Законодатель (и правоприменитель) может придать юридическое значение определенному компоненту социального статуса и тем самым включить его в состав правового статуса. Или, наоборот, исключить определенный компонент из состава правового статуса.

При этом государственному регулированию может подлежать либо исключительно индивидуальный правовой статус индивидов, либо правовой статус социальных групп и через него – правовой статус человека.

В целом же на протяжении рассматриваемого периода можно выделить следующие направления государственного воздействия на социальную организацию России:

---

[218] Рыбаков С.В. История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций [учеб. пособие] / С.В. Рыбаков. 2-е изд., Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 156.

1) конституирование системы правовых статусов человека и социальных групп;

2) регулирование правового статуса человека;

3) регулирование правового статуса социальных групп;

4) установление особых правил, действовавших на определенных территориях страны и закреплявших локальные отличия правового статуса человека и социальных групп;

5) реорганизация организационно-правового механизма групповой или индивидуальной вертикальной социальной мобильности.

В свою очередь, правовой статус человека мог быть изменен путем изменения сословного, группового или профессионального статуса целой социальной группы (и статуса индивида как члена этой группы) либо путем изменения только индивидуального статуса конкретного лица.

Государственное воздействие на иерархию социальных групп осуществлялось следующими методами (инструментами):

– сохранения или изменения общей схемы деления общества на сословия;

– включения определенной группы населения в состав общегосударственной сословной структуры или сохранения ее за пределами этой структуры;

– создания или ликвидации определенного сословия;

– создания или ликвидации внутрисословных социальных групп (субсословий);

– включения в состав сословия или исключения из него социальной группы, находившейся в другом сословии или стоявшей вне сословной системы;

– создания или ликвидации социальной группы с особым статусом вне рамок сословий;

– расширения или ограничения доступа представителей определенной социальной группы к механизму вертикальной социальной мобильности.

Государственная политика в социальной сфере включала в себя «неправовое направление», связанное, в частности, с воздействием на общественное созна-

ние социальных групп. На примере дворянства второй половины XVIII в. это направление исследует Е.Н. Марасинова.[219]

Обратим внимание на методы, связанные с созданием и ликвидацией внутрисословных социальных групп и с изменением структуры сословий. Государственная власть неоднократно применяла эти методы. Те или иные общественные группы выделялись в качестве отдельных компонентов внутри того или иного сословия, т.е. получали статус субсословий. Соответственно, менялась структура данного сословия. Применение таких методов позволяло Российскому государству решать определенные задачи без изменения общей схемы сословного деления, другими словами – без серьезного изменения сословной системы страны.

Подчеркнем, что данный метод (инструмент) использовался государственной властью на протяжении всего рассматриваемого исторического периода. При этом вплоть до самого конца XVIII в. изменение сословного или внутрисословного положения групп населения могло сопровождаться понижением их правового статуса. Хрестоматийный пример – перевод части государственных и дворцовых крестьян в помещичьи. С начала XIX в. государственная власть при массовом изменении сословного или внутрисословного положения подданных сохраняла «уровень» их правового статуса. Помимо известных примеров, связанных с формированием категории военных поселян, приведем пример перевода с 1824 г. ямщиков Тобольской губернии «в общий состав государственных крестьян» с ликвидацией прежнего «звания» и повинностей[220].

Примем во внимание, что на протяжении большей части рассматриваемого периода проходило достаточно интенсивное территориальное развитие Российского государства. Разные территории включались в состав государства при разных военно-политических обстоятельствах и на разных условиях. Соответствен-

---

[219] Марасинова Е.Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века (По материалам законодательства и переписки): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2008.

[220] Именной указ, данный Сенату «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г. (п. 7) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 124.

но, разным был подход отечественного законодателя к урегулированию правового статуса населения этих территорий, в частности, в плане инкорпорации в общегосударственную социальную систему. Ниже этот вопрос будет рассмотрен подробнее.

Рассмотрим некоторые примеры государственного регулирования правового положения российских подданных в качестве субъектов права («индивидуальный формат» правового регулирования) и правового положения социальных групп («коллективный формат» правового регулирования).

Конечно, государственное регулирование в отношении оформления и реорганизации социальной структуры имеет свои пределы. Некоторые явления в развитии этой структуры тяжело или даже невозможно генерировать или ликвидировать (по крайней мере, одномоментно) путем мер государственного воздействия. Что значит «тяжело» или «невозможно», если мы говорим о наличии у верховной государственной власти широких возможностей по регулированию социальной структуры? На этот вопрос существует два варианта ответа. Вариант первый: создание или ликвидация определенных социальных структур невозможна без коренных перемен в социальной системе в целом. При этом к таким переменам государство и общество в данный момент не готовы. Вариант второй: организационно и технически вопрос может быть решен государственной властью, однако негативные последствия могут перевесить все позитивные результаты.

Такая группа населения, как однодворцы, не была включена в XVIII в. в состав дворянского сословия. При этом законодатель предоставил однодворцам статус особой группы внутри государственных поселян в рамках крестьянского сословия. Однодворцам была запрещена купля-продажа крепостных людей, хотя на практике и через половину столетия в целом ряде случаев крепостные крестьяне продолжали «состоять» за однодворцами. Такая практика имела место в Воронежском, Екатеринославском, Казанском, Курском, Нижегородском, Орловском, Пензенском, Псковском, Смоленском, Харьковском наместничествах. В 1786 г. законодатель санкционировал «до будущего» оставление крестьян «за нынешними владельцами», повторив запрет на куплю-продажу однодворцами крепостных

людей[221]. Через сорок с лишним лет после этого в Свод законов о состоянии людей в государстве законодатель включил положение, согласно которому в состав сословия сельских обывателей входят «однодворцы и их крестьяне», по сути, признав продолжавшуюся практику владения однодворцами крепостными крестьянами[222].

Другими словами, законодательные новации в данном конкретном вопросе, несмотря на неоднократные усилия верховной власти, не смогли полностью перестроить сложившийся на протяжении более чем векового периода социально-правовой институт. Одновременно мы можем констатировать определенную сдержанность государственной политики в этом вопросе.

Более того, законодатель пошел на своеобразный компромисс. Этот компромисс произошел в годы правления Петра I и был развит и закреплен в последующем. Государственная власть снизила сословный статус однодворцев, однако сохранила их фактическое положение и возможность возвращения прежнего статуса в индивидуальном порядке. В Своде законов о состоянии людей в государстве был предусмотрен организационно-правовой механизм получения однодворцами дворянского достоинства. При этом законодатель именует данную процедуру возвращением потерянного предками их дворянства[223]. Мы видим в этом попытку законодателя проводить правительственную политику в отношении однодворцев с учетом сложившихся социально-правовых реалий. Эта позиция законодателя была сохранена и при последующих правителях Российского государства.

В целом практическая деятельность предоставляет государственным органам богатые возможности для выбора и применения тех или иных методов государственного регулирования и в отношении социальных групп. Например, при

---

[221] Сенатский указ «Об оставлении крестьян за однодворцами до рассмотрения уездных планов, собирая с них последне-положенные подати, и о наблюдении казенным палатам, дабы однодворцы не пользовались покупкою и продажею людей» от 18 мая 1786 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXII. № 16 393.

[222] Свод законов о состоянии людей в государстве (Ст. 387) // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. 1857.

[223] Там же.

конструировании в период правления императора Петра I четырехсословной системы законодатель не включил городских предпринимателей, купцов и представителей некоторых профессий в состав привилегированных сословий. Вместе с тем с позиций государственного интереса было нецелесообразно приравнивать их к большинству городского населения. В итоге была юридически оформлена особая категория в составе сословия городских обывателей – именитые граждане (1785 г.), а впоследствии – почетные граждане (1832 г.)[224]. При этом данная категория имела весьма существенные отличия от правового положения других категорий городских обывателей.

Еще одним ярким примером является урегулирование законодателем правового положения приглашенных в Россию переселенцев из европейских стран.

Российский законодатель не унифицировал правовой статус входивших в каждое из сословий социальных групп не потому, что не мог это сделать. На протяжении более чем полуторавекового исторического периода, рассматриваемого в настоящей работе, не было предпринято ни одной сколько-нибудь серьезной попытки со стороны верховной государственной власти по унификации «внутрисословного» правового статуса, по оформлению единого статуса для всех групп внутри каждого сословия.

Социальные группы внутри любого сословия обладали существенными правовыми различиями с точки зрения правосубъектности и выполняемых в обществе функций. Основываясь на историко-правовом материале, мы можем утверждать, что законодатель в ряде случаев целенаправленно создавал внутри сословий особые категории подданных. С точки зрения правового статуса эти особые категории формировались на границе уровней (ступеней) социальной стратификации и сближались по некоторым характеристикам с группами соседнего уровня.

---

[224] Грамота на права, вольности и примущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXII. № 16 187; Манифест об установлении нового сословия под названием почетных граждан от 10 апреля 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1833. Т. VII. № 5 284.

Речь идет о думных дворянах и особенно о думных дьяках в составе боярского сословия, обладавших характеристиками как бояр, так и дворян; о московских дворянах, располагавшихся на верхней границе дворянского сословия, и о детях боярских, располагавшихся на нижней границе дворянского сословия (XVII в.); о личных дворянах в составе шляхетского (дворянского) сословия, обладавших характеристиками как потомственных дворян, так и городских обывателей (XVIII в.); об именитых и почетных гражданах, обладавших некоторыми характеристиками, присущими дворянству (XIX в.); об однодворцах (XVII–XIX вв.) и т.п.

Раскрывая содержание понятия «сословие», автор соответствующей статьи в словаре Ф.Ф. Павленкова указывает, с опорой на российское законодательство, на четыре сословия, но при этом отмечает, что «первые три группы (дворяне, духовенство, городские обыватели – С.С.) распадаются на части, разнящиеся между собой в юридическом отношении: дворяне – на дворян личных и потомственных; духовенство – на духовенство православное, католическое и т.д.; городские обыватели – на почетных граждан, купцов, мещан, цеховых и рабочих людей»[225].

Таким образом, мы видим, что разделение сословий на внутрисословные группы является не только результатом законодательной политики, но и общепризнанным в научной и справочной литературе фактом.

С позиций теории права и с позиций государственного права мы можем сделать вывод о том, что, по сути, российский законодатель разделил, если угодно, «расщепил» сословный статус на два уровня: на уровень собственно сословий и на уровень входивших в их состав социальных групп. Сословие первого (верхнего) уровня обладало лишь частью сословных юридических характеристик. Каждое из сословий второго уровня также обладало определенной частью сословных юридических характеристик. Именно наличие сословных характеристик у внутрисословных групп является основным признаком российского варианта структурирования сословий. В России в рассматриваемый период не было дворянина «вообще», был или личный дворянин, или потомственный. Характеристика человека как дворянина была неполной в отношении его правового статуса, его

[225] Энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова. С. 2 396.

прав и обязанностей. Лишь необходимое уточнение – личный или потомственный – позволяло полно представить правовое положение человека. Точно так же не было городского обывателя «вообще» или представителя любого другого сословия.

При создании модели российской сословной системы, отражающей указанную ключевую особенность, возможны два варианта действий исследователя в отношении понятийно-терминологического аппарата.

Первый вариант. Наиболее крупные социальные группы (социальные группы верхнего уровня) мы обозначает не термином «сословие», а иным термином, например, «главный род людей», «состояние». Применительно к девятнадцатому столетию, дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели – это не сословия, а состояния. В этом случае мы обозначаем термином «сословие» только социальные группы, включенные в состав названных состояний. Например, потомственные дворяне – сословие, личные дворяне – сословие, однодворцы – сословие, крепостные крестьяне – сословие и т.д.

Один плюс в данном подходе очевиден. На уровне научных работ более четкой становится трактовка понятий «состояние» и «сословие». Но недостатков, представляется, гораздо больше. Этот подход не слишком «стыкуется» с терминологией, применяемой российским законодателем. При этом организационно-правовая структура сословной системы России будет выглядеть, пожалуй, чрезмерно партикуляризированной. «Пятнадцатисословная система», представленная при данном подходе, явится чрезмерно разобщенным социально-правовым феноменом. Не вполне будет понятны как роль статусов, связанных с принадлежностью к определенному состоянию и определенному сословию, так и правовое положение отдельных людей и целых социальных групп. Возникнут проблемы и при проведении сравнительно-правовых исследований. Понятие «состояние» в данной трактовке будет сложно соотносить с понятиями, применяемыми при рассмотрении сословных систем зарубежных стран.

Второй вариант представляется более прагматичным и сбалансированным. Наиболее крупные социальные группы (группы верхнего уровня) мы продолжаем

обозначать термином «сословие». Это вполне соотносится с терминологией законодателя того времени.

Мы вводим термин «субсословие» для обозначения внутрисословных групп. Полагаем, что уже в морфологическом аспекте достаточно четко прослеживается как связь терминов «сословие» и «субсословие», так и соотношение содержания этих понятий. Это должно помочь в характеристике правового положения как индивидов, так и социальных групп.

Предлагаемая схема отражает результаты законодательной политики по регулированию социально-правовых отношений в России в рассматриваемый исторический период. Законодатель целенаправленно закрепил исторически сложившуюся «конструктивную особенность» социальной системы России. При этом субсословия внутри сословия были выстроены по определенной иерархии.

Применение Российским государством указанного варианта конституирования сословной системы привело (наряду с другими обстоятельствами) к созданию самобытной модели социальной стратификации.

С позиций истории права и социологии мы можем говорить об особом типе, особом механизме социальной мобильности, созданном в России в рассматриваемый период. Одна из ключевых особенностей данного механизма состоит в возможности последовательного и, в известном смысле, постепенного прохождения ступеней по пути повышения индивидуального правового статуса. Наличие субсословий в целом ряде случаев облегчало переход из одного сословия в другое, ибо правовые различия между «пограничными» субсословиями двух сословий были меньше, нежели различия между сословиями в целом, что облегчало преодоление «сословных ступеней». Одновременно существовали каналы, обеспечивавшие более «крутую» траекторию социальной мобильности.

Таким образом, мы можем констатировать, что в ходе государственно-правового развития России была создана определенная модель социальной стратификации с присущими ей своеобразными механизмами социальной мобильности.

Подчеркнем: наличие двухуровневой структуры сословного статуса было фактом как для середины XVII в., так и для двух с половиной последующих столетий; наличие субсословий также было фактом для всего рассматриваемого исторического периода. Таким образом, вполне логичным представляется вывод о том, что конституирование такого рода правовых феноменов со стороны государственной власти России было целенаправленной деятельностью.

Еще одним характерным примером применения методов государственного воздействия является правовое регулирование профессионального правового статуса. В качестве профессионального статуса для служилых людей выступал статус государственных служащих. По сути, статус государственного служащего стал в России центральным видом профессионального статуса. В этом случае синонимом наименования «профессиональный» является термин «служебный». Но о служебном статусе можно говорить лишь применительно к представителям служилых сословий и субсословных групп. Термин «профессиональный» более широк и по этой причине в ряде случаев более корректен и может быть использован в отношении, например, посадских людей.

Таким образом, мы выходим на проблему установленного законодателем соотношения сословного и профессионального статусов.

Сословный статус имел большее значение, чем профессиональный статус. Последний определял положение человека внутри сословия. Однако значение профессионального статуса заключалось не только в том, что он определял положение лица внутри сословия, но и в том, что он, наряду с другими правовыми и социальными факторами, отграничивал сословия друг от друга. Например, членство в Боярской думе выступало в качестве цензового критерия, разделявшего боярское и дворянское сословия. Факт нахождения на службе определял различия между служилыми людьми по прибору и посадскими людьми или крестьянами.

Весьма вероятным выглядит предположение о том, что российский законодатель в начале рассматриваемого исторического периода целенаправленно соединял в одно целое сословный статус и профессиональный статус (статус государственных служащих). Это касается гражданской, придворной и военной служ-

бы. По сути, эти статусы должны были являться двумя характеристиками боярского, дворянского, а впоследствии шляхетского (дворянского) сословия. Однако практически сразу позиция законодателя столкнулась с противоречащими ей социальными процессами.

Потребности технического и документационного сопровождения государственного управления привели к привлечению в ряды служащих государственных органов представителей непривилегированных сословий. Известны (и частью рассмотрены в настоящей работе) предпринимавшиеся меры российского законодателя по урегулированию данного процесса.

Отдельным аспектом государственной политики в этом вопросе стало урегулирование правового статуса лиц из непривилегированных сословий, привлекаемых к несению военной службы.

Применительно к военной службе особенно актуальным это стало на рубеже XVII–XVIII вв., когда в России была создана массовая регулярная армия. Законодатель избрал способ освобождения призванных на военную службу представителей посадских людей и крестьян от государственных повинностей и обязательств перед общинами и частными душевладельцами. Таким образом, военнослужащие-рекруты, не получая официально статуса другого сословия, оставаясь в составе непривилегированного населения, по существу, выходили из своих прежних социально-правовых корпораций и занимали иное правовое положение. При этом освобождение от государственных повинностей и обязательств перед прежними частными владельцами сохранялось и после прекращения военной службы[226]. Крестьяне-призывники, ставшие военнослужащими, получали освобождение от крепостной зависимости без включения в какую-либо иную сословную группу. По сути, они составили отдельную межсословную группу. В официальных документах указывался именно их «солдатский» статус. В найденной в мае

[226] Вакулова Л.Е. Социальный статус и правовое положение русского солдата в XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2006. № 3 (43). С. 257–258. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-i-pravovoe-polozhenie-russkogo-soldata-v-xviii-xix-vv (дата обращения: 03.11.2019); Щербинина Ю.В. Социальная адаптация и правовое положение отставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С. 16.

1990 г. книге Ростовской епархии (метрической книге) с записью о рождении будущего флотоводца адмирала Ф.Ф. Ушакова говорится о его отце как о солдате Семеновского полка. Запись датируется 1745 г.[227]

Как видим, имело место отличие рядовых военнослужащих от военнослужащих-дворян, сохранявших свой сословный правовой статус во время службы.

В отношении государственной гражданской службы отметим, что в качестве естественного следствия развития государственного аппарата проявились две тенденции. Первая тенденция: продолжение увеличения количества людей, привлекаемых из тяглых (податных) сословий к государственному управлению на низших должностях в государственных органах. Вторую тенденцию можно назвать регенерацией бюрократии; она заключалась в привлечении к государственной службе детей чиновников, занимавших низшие должности и не имевших дворянского сословного статуса. При этом эти выходцы из семей приказных людей и канцеляристов имели потенциальную возможность занять со временем более высокие должности в государственном аппарате, в т.ч. предназначенные для дворян.

С первой тенденцией отечественный законодатель боролся путем применения запретительных мер. Они применялись достаточно активно еще в XVII в., начиная с 1630-х гг. Инициаторами ограничительных мер выступали, как отмечает Н.Ф. Демидова, как высшие государственные органы, так и органы церковного управления[228].

В восемнадцатом столетии данная правительственная политика была продолжена. Предпринимались законодательные меры по запрету приема на государственную службу представителей податных категорий населения. Е.В. Терешина указывает на одну из этих мер: «Чтобы исключить возможность поступления на государственную службу представителей податных сословий, Сенат издал Указ от 13 апреля 1771 г. «О неопределении податных людей в статскую службу», кото-

[227] Овчинникова А., Овчинников В. Находка в архиве Ростова Великого // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 3. М.: Отечество. 1992. С. 233.

[228] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1987. С. 54.

рым категорически, под угрозой штрафа запрещалось всем присутственным местам принимать в какие-либо чины людей из податных сословий»[229]. Автор отмечает далее, что, несмотря на запрет, содержащийся в указе, и меры, направленные на его выполнение, выходцев из податных сословий продолжали принимать на государственную службу[230].

В дальнейшем запрет на прием лиц податных сословий на государственную службу был повторен. В 1798 г. император Павел I утвердил разрешительный порядок зачисления на службу в государственные органы лиц из податных сословий, предусматривавший санкцию Сената[231].

Впрочем, требование указа об обязательном представлении Сенату «надобности» в кадрах из податных сословий выполнялось государственными органами плохо. В Сенатском указе от 3 декабря 1808 г. установлено, что только Московский архив старых дел самостоятельно, без информирования Сената, принял на службу 273 чел., состоявших в подушном окладе. Причиной этого Сенат определил «сущее небрежение» должностными лицами архива своими обязанностями[232].

В отношении второй тенденции законодатель избрал следующую форму реагирования. Во второй половине XVII в. правительство, по существу, стало проводить курс поощрения поступления на государственную службу детей семей приказных дьяков и подьячих. Н.Ф. Демидова пишет о складывании «примерно с середины века особой приказной среды, приказных семей, которые и являлись основной базой для комплектования приказных штатов государственных учрежде-

---

[229] Государственная и муниципальная служба: учебник для академического бакалавриата / Ю.Н. Туганов [и др.]; под ред. Ю.Н. Туганова, С.И. Журавлева, В.И. Петрова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. С. 22.

[230] Там же. С. 22.

[231] Сенатский указ по высочайше утвержденному докладу «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого, подушные подати несущего звания, без представления Сенату о надобности в оных» от 14 августа 1798 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXV. № 18 622.

[232] Сенатский указ «О непринимании в статскую службу из купеческого, мещанского и другого податного состояния людей, без представления Сенату» от 3 декабря 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1830. Т. XXX. № 23 381.

ний»[233]. При этом способ регулирования был избран следующий: законодатель, а в еще большей степени правоприменитель на уровне приказов, ограничивая приток на государственную службу в приказы лиц из тяглых сословий, отдавали преимущество выходцам из «приказной среды».

Несколькими указами, изданными во второй половине XVIII в., правительство России не только узаконило категорию государственных служащих, имевших происхождение «из приказных чинов», но и урегулировало порядок производства их «в чины». При этом законодатель таким образом сконструировал правовой механизм чинопроизводства, что государственные служащие, принадлежавшие к дворянскому сословию, имели явное преимущество перед чиновниками «не из дворян»[234]. Данный пример показывает, мы полагаем, как достаточную гибкость законодателя, так и реальные пределы его вмешательства в социальные процессы. Массовые социальные явления, которые вызваны реальными потребностями жизни страны, законодатель ликвидировать был просто не в силах. При этом государство проявило в своей политике достаточную гибкость, несколько десятилетий фактически поощряя вступление на государственную службу представителей недворянских сословий, а затем полвека ограничивалось запретами декларативного характера, несмотря на явное противоречие этих явлений сословному интересу дворянства. Гораздо более эффективными, нежели прямые запреты, стали меры ограничительного характера.

В аспекте структуры системы правовых статусов человека указанная законодательная политика привела к постепенному формированию профессионального статуса (прежде всего профессионального статуса государственных служащих) как самостоятельной социально-правовой категории и к ослаблению его связи с

---

[233] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1988. С. 28.

[234] Высочайше утвержденный доклад Сената «О порядке производства нижних канцелярских служителей в чины и определения на классные места; о приеме малолетних дворян в службу, и о производстве в судейские звания, а военных отставных в статские чины» от 5 сентября 1765 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XVII. № 12 465; Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в статские чины» от 16 декабря 1790 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXIII. № 16 930.

сословным правовым статусом. В итоге профессиональный статус занял самостоятельное место в системе правовых статусов человека в России.

Еще один пример выстраивания государственной политики по оформлению правового статуса категорий населения связан с юридическим закреплением положения населения присоединяемых к Российской империи стран и земель, а также государственной политики в отношении мигрантов из зарубежных государств.

При юридическом оформлении статуса мигрантов или жителей присоединяемых к Российскому государству территорий законодатель вынужден был учитывать целый ряд политических, экономических, правовых и иных соображений, что также в сильнейшей степени влияло на его действия при конституировании той или иной социальной иерархии.

При этом у верховной власти в России было, как минимум, четыре варианта действий в отношении определения правового положения населения присоединенных территорий: оставить население той или иной присоединенной территории за пределами сословной системы; включить данное население в состав российских сословий в качестве отдельного субсословия с установлением определенных правовых особенностей; включить жителей новой территории в состав российских сословий на общих основаниях; конституировать отдельную региональную сословную систему.

В XVII–XVIII вв. верховной государственной властью России наиболее активно использовались правовые инструменты, предусмотренные первыми тремя указанными вариантами.

Различные права состояния в государстве устанавливались законодателем для «природных обывателей, составляющих городское и сельское население», «инородцев», иностранцев (приводим терминологию Свода законов Российской империи).

С учетом того, что четыре сословия формируются согласно ст. 2 первой книги «О разных родах состояний и различий прав, им присвоенных» Свода законов о состоянии людей в государстве из городского и сельского населения, тем

самым законодатель установил сословную систему не для всех жителей Российской империи, а только для ее «природных обывателей».

Целые народы, в частности народы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, были исключены как в семнадцатом столетии, так и в последующие два столетия из состава сословий. Впрочем, в историографии обосновано мнение о том, что такой подход законодателя свидетельствовал о патернализме в отношении малых народов, о сохранении их традиционных институтов и промыслов. При этом «традиция доброжелательной государственной политики не была нарушена ни в конце XIX, ни в начале XX века»[235].

Рассмотрим влияние государственного права (в аспекте правового оформления территориальной организации государства) на законодательную деятельность по установлению правового статуса проживавших в различных регионах России подданных и социальных групп.

В течение всего рассматриваемого периода в составе страны имелись регионы с особой организацией управления и с существенными отличиями в правовой жизни. В силу этого следует ожидать различия в формах правового закрепления социальной организации на разных территориях и различия правового статуса подданных.

С точки зрения развития правовых традиций и уровня правосознания в историко-правовой литературе представлены различные характеристики территориальной организации и региональной политики Российского государства. Например, Н.И. Красняков сформулировал концепцию организации национально-регионального управления в России с семнадцатого по начало двадцатого столетия[236].

---

[235] Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 21–22.

[236] Красняков Н.И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в. Монография. – М.: NOTA BENE, 2011. 374 с.; Красняков Н.И. Система национально-регионального управления в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.): дис. … д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2019. 517 с.

Развитие системы управления российскими регионами рассматривает Л.Е. Лаптева[237]

Л.С. Нестеренко предлагает свое мнение о структуре пространства Российской империи, сформированное с учетом правовых, политических, этнических, конфессиональных, географических характеристик[238]. Данная концепция имеет научное значение для историко-правовых исследований, хоть мы и полагаем некоторые оценки исследователя излишне категоричными.

В число таких территорий с существенными особенностями организации правовой жизни входили в XVII–XVIII вв. Украина, области казачьих войск, сибирские земли; с начала XIX в. – Финляндия, Польша, Бессарабия, земли Северного Кавказа, Закавказье и др. В первой четверти XIX в. верховной государственной власти пришлось активно заняться совершенствованием региональной политики. Была активизирована и законотворческая деятельность в этом направлении[239].

Территориальная организация Российской империи еще более усложнилась на протяжении девятнадцатого столетия с присоединением новых территорий, в т.ч. Средней Азии.

Территориальная организация Российской империи к концу XIX – началу XX в. характеризовалась наличием территориальных единиц разного уровня[240].

---

[237] Лаптева Л.Е. Эволюция управления центральными губерниями в России XIX – начала XX века [Электронный ресурс]//Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3. URL http://igpran.ru/trudy/vypuski/2013/2013-3/196-218.pdf?ysclid=lvdsrt5pmo737074526 (дата обращения: 22.04.2024)

[238] Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12–13.

[239] Ремнев А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков: автореф. дис. … д-ра ист. Наук. СПб., 1997. С. 21–22.

[240] См.: Джамалудинов М.Д. Историко-правовые особенности становления Российской системы административного управления на Северо-Восточном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2012. С. 3 и след.; Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПБ.: БЛИЦ, 1995. С. 11 и след.; Сихаджок З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи (1845–1915 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 7 и след.; Малыгин П.Д., Смирнов С.Н. История административно-территориального деления Тверской губернии и области в XVIII–XX

При этом часть территорий имела атрибуты самостоятельной государственности, а часть – не имела таковых. Данный способ территориальной организации имел место не только в Российской империи. Он характерен для ряда современных, а также для многих исторических государств[241].

Так, Царство Польское, присоединенное к Российской империи в 1815 г., имело собственную конституцию (Конституционную хартию), свой царский престол, свою систему государственных органов, включая выборный законодательный орган, отдельный бюджет, свою действующую армию, свою систему наград, свое административно-территориальное деление и иные характеристики собственной государственности[242]. В научных исследованиях факт нахождения в составе Российской империи на особых условиях автономии оценивается как свидетельство специфического статуса польской территории[243]. Потенциально именно Царство Польское могло стать наиболее самостоятельной частью Российской империи, в т.ч. в социально-правовом измерении. Однако в силу известных политических событий «польская автономия представляет собой пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию»[244].

С момента присоединения к Российской империи и до событий 1917 г. Финляндия в статусе Великого княжества занимала особое место в империи и особое место в ее правовой системе. Со статусом Финляндии мог сравниться лишь статус Польши в 1815–1831 гг.

веках / под ред. О.А. Тихомирова. Тверь: Лилия Принт, 2007. С. 4 и др.

[241] Лексин И.В. Конституционно-правовые проблемы территориального устройства современного государства (особенности России и зарубежный опыт): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 29–30.

[242] Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. (Российская империя) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html (дата обращения: 12.06.2022).

[243] Ковальски Ежи С.Ч. Становление и развитие конституционной государственности в Польше (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

[244] Дамешек И.Л. Сибирь в российском имперском регионализме (1822–1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2006. С. 21.

На примере Великого княжества Финляндского возможно исследование проблем взаимного влияния публично-правового статуса территории и статуса ее жителей (индивидов и социальных групп). Проведение исследования с элементами сравнительного анализа (Россия и Финляндия) позволяет рассмотреть заявленную проблему в аспектах компаративной истории права и компаративной географии права.

Урегулирование системы правовых статусов в различных регионах можно было производить с помощью норм, действовавших на определенной территории (в пространстве) либо с помощью норм, действовавших в отношении определенных категорий населения (по кругу лиц). Законодатель мог попытаться применить и оба этих принципа в сочетании.

Государственный статус Финляндии в составе Российской империи рассмотрен в научной историографии достаточно подробно. Однако политико-идеологические соображения и субъективный подход исследователей не позволили и не позволяют в настоящее время выработать единую позицию по данному вопросу. Например, в советский период отечественной истории научный анализ соседствовал с применением «политических ярлыков». Так, авторы писали о порабощении царизмом Финляндии, о превращении автономной Финляндии «в одну из бесправных русских окраин»[245]. О политических соображениях и субъективном подходе мы можем говорить и применительно к финляндской историографии.

Трактовка положения Финляндии в русле личной или реальной унии с Россией появилась в финляндской историографии в первой половине XIX в. (И. Вассер, Р. Германсон, Г.З. Юрьё-Коскинен, Р. Кастрен, Л. Мехелин и др.).

По существу, к сторонникам концепции о самостоятельной финляндской государственности присоединяется представитель современной науки Финляндии М. Клинге[246].

---

[245] Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Ленинград: Ленинград. област. изд-во, 1933. С. 6–7.

[246] Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки: Изд-во «Отава». 1990. С. 53–57.

Она же была признана отдельными российскими специалистами в области государственного права (А.Д. Градовский, А.В. Романович-Славатинский, Б.Н. Чичерин и др.)[247].

Однако указанные мнения не учитывают главный фактор: принципиальные особенности политической и правовой организации территории страны, отражавшие цивилизационные характеристики России как своеобразного правового и этнополитического мира. С точки зрения общероссийского государственного права Великое княжество Финляндское являлось неотъемлемой частью империи.

Из этих законоположений многие российские государствоведы XIX – начала XX в. делали вывод о статусе Финляндии как о инкорпорированной провинции с широкой автономией. «Обособленность местного устройства и даже существование особого законодательного собрания не могут считаться отличительными признаками унии», – отмечает Н.М. Коркунов[248]. П.И. Мессарош подчеркивает тот факт, что российский законодатель из четырех основных шведских законов,

---

[247] См. подробнее: Габрелян Э.В. Вопросы государственно-территориального устройства России в русском государственном праве 1905–1917 гг. [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-gosudarstvenno-territorialnogo-ustroystva-rossii-v-russkom-gosudarstvennom-prave-1905-1917-gg (дата обращения: 06.04.2020); Жабоедов-Господарец В.П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб. 2016, С. 6–8 и след.; Карнишина Н.Г. Подходы к трактовке национальной политики в дореволюционном русском государствоведении [Электронный ресурс] // Вестник ПензГУ. 2013. № 1. С. 53–57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-traktovke-natsionalnoy-politiki-v-dorevolyutsionnom-russkom-gosudarstvovedenii (дата обращения: 06.04.2020); Некрасов Е.В. Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли [Эектронный ресурс] // Вестник ОмГУ. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-gosudarstvenno-pravovom-statuse-velikogo-knyazhestva-finlyandskogo-v-sostave-rossiyskoy-imperii-v-dorevolyutsionnoy (дата обращения: 06.04.2020); Никифорова С.А. Проблемы совершенствования государственно-правовой системы России в теоретическом наследии Э.Н. Берендтса [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-gosudarstvenno-pravovoy-sistemy-rossii-v-teoreticheskom-nasledii-e-n-berendtsa (дата обращения: 06.04.2020) и др.

[248] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 195.

действовавших до 1809 г., признал только два: общее уложение 1734 г. и церковный статут 1686 г., а акты 1772 г. и 1789 г. не признал[249].

Впрочем, имеется и третья точка зрения, являющаяся по сути синтезом двух указанных выше. При данном подходе правовой статус рассматривался в динамике. Такой позиции придерживается Н.И. Лазаревский. Ученый подчеркивает, что в момент присоединения Финляндии к России в манифестах от 6 февраля 1808 г., от 5 июня 1808 г., от 16 марта 1809 г., а также в обращении императора Александра I от 20 января 1809 г. говорилось о правах, привилегиях населения, о конституции страны. О сохранении конституции и основных законов Финляндии император говорил и в речи на Боргосском сейме[250]. Общий вывод правоведа применительно к положению Финляндии на протяжении столетия (до 1910 г.) таков: Финляндия была государством, входившим в состав Российской империи и составлявшим ее нераздельную часть[251]. После издания закона от 17 июня 1910 г. «О порядке издания касающихся Великого княжества Финляндского законов и постановлений общегосударственного значения» Финляндия превратилась в автономную провинцию[252].

В динамике рассматривает государственно-правовой статус Финляндии современный исследователь С.Б. Баландин. Его вывод категоричен: ни о какой унии реальной или тем более личной не могло быть и речи, Финляндия не могла быть ничем иным, как провинцией с очень широкой автономией[253].

В современной российской историографии высказана новая, по существу, четвертая точка зрения на правовой статус Великого княжества: Финляндия являлась субъектом федерации[254].

---

[249] Мессарош П.И. Финляндия – государство или русская окраина? Значение особых учреждений Финляндской окраины Российской империи. изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 6–7.

[250] Лазаревский Н.И. Русское государственное право: Конституционное право. Т. 1: Вып. 1. 4-е изд. Петроград: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1917. С. 201–202.

[251] Там же. С. 201–202.

[252] Там же. С. 230.

[253] Баландин С.Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 25–26.

[254] Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века [Электронный

Относительно собственной позиции автора настоящей работы можно отметить следующее. В силу особенностей российской системы права в течение нескольких столетий в законодательстве отсутствовали правовые нормы о форме территориальной организации страны, отсутствовала также и соответствующая юридическая терминология. В XIX в. в текст Свода основных государственных законов Российской империи была включена формулировка о едином и неделимом государстве, которую следует рассматривать как аналог положения об унитарной форме государственного устройства. Таким образом, изначально правовой статус Финляндии в составе Российской империи был статусом автономной провинции с конституционной правосубъектностью и широкой самостоятельностью.

Этому оформлению явно не хватало юридической полноты и четкости. Возможно, это обстоятельство объясняется тем, что намерения оставить Финляндию за пределами Российской империи и выстроить отношения с ней как с суверенным государством у российских императоров не было с самого начала. Юридически Российское государство оставалось унитарным. Таким образом, отсутствие четкого оформления правового статуса является, по существу, подтверждением факта, что Финляндия была в составе империи изначально и пребывала в статусе автономного региона с некоторыми атрибутами государственности.

Законодательство Великого княжества Финляндского, в отличие от законодательства общероссийского, базировалось в значительной мере на шведских источниках[255], хотя акты 1772 г. и 1789 г. не были утверждены российским императором[256]. При этом нормы, закреплявшие правовой статус индивидов и социальных групп, имели ограниченный масштаб действия в пространстве и по кругу лиц. Они имели юридическую силу только на территории княжества. Однако еще более важным обстоятельством является то, что нормы имели действие по кругу лиц исходя из этнического принципа: права и преимущества были закреплены за

ресурс]. URL: http://www.tsaarinikolai.com/tekstit/I_N_Novikova.htm (дата обращения: 04.06.2018).

[255] Новикова И.Н. Указ. соч. [Электронный ресурс].

[256] Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. М. Йокипии. Ювяскюля: Изд-во «Атена», 1995. С. 57.

жителями княжества – финнами и шведами и не распространялись на лиц других национальностей. Последние оказались вне местной сословной организации, а их отраслевой и индивидуальный правовой статус был ограничен.

С 1830-х гг. различия в системе правовых статусов человека в княжестве и в остальной части Российской империи углубились в связи с появлением понятия финляндского гражданства[257].

Еще более показательным является тот факт, что в течение первой половины XIX в. иностранец получал «права» в Финляндии, не становясь подданным российского императора[258]. Добавим, что российские власти препятствовали получению российскими подданными финляндского гражданства.

Итогом такой политики можно считать следующие цифры: с 1891 г. по 1900 г. финляндское гражданство получили всего 168 российских подданных[259]. Численность русского гражданского населения на территории Финляндии оставалась в течение всего девятнадцатого столетия «на очень скромном уровне», достигнув к 1900 г. 6 тыс. чел.[260]

Что касается коренных жителей Финляндии, то доказательством наличия и успешной реализации их права на военную или гражданскую службу в Российской империи являются многочисленные биографические материалы[261].

Оценивая вышеуказанные факты, следует согласиться с выводом О. Юссила о том, что ни российские власти, ни финляндские администраторы не имели намерения «растворить общественно-политическую систему Финляндии в российской»[262].

---

[257] Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 [перевод с финского]. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. С. 390.

[258] Там же. С. 390.

[259] Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 1997. С. 156.

[260] Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты (пер. со швед.). М.: изд-во «Весь Мир», 2008. С. 116.

[261] Маннергейм К.Л. Мемуары / Карл Густав Маннергейм, пер. с финск. П. Куйвалы, Б. Злобина. М.: Вагриус, 2006. С. 2 и след.; Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / под ред Т. Вихавайнена (пер. с финского). Хельсинки: Об-во финской литературы, 2004 и др.

[262] Юссила О. Великое княжество Финляндское… С. 58.

Общая схема сословной организации Великого княжества соответствовала Основным законам Российской империи, в частности ст. 2 Свода законов о состоянии людей в государстве[263]. Однако положения, конституировавшие сословия Финляндии как часть общероссийских сословий, отсутствовали. Более того, в законодательстве имелись отдельные положения, устанавливавшие обособленность социальной иерархии княжества. Так, дворяне Финляндии признавались не российскими дворянами, а «наравне с дворянами российскими»[264]. Одновременно российские дворяне, постоянно проживавшие в Финляндии, не входили в состав местного дворянства и оставались на положении иностранных дворян[265].

Законодательство признавало только сословия, собравшиеся на Сейме, представителями финского народа[266]. Из этого положения вытекало важное следствие: постоянные жители Финляндии, не входившие в состав финляндских сословий, оказались, по сути, вне финляндского общества.

По существу, сословная система Финляндии являлась обособленной от сословной системы России. Данная особенность находила свое выражение в терминологии. Так, сословная организация финляндских дворян называлась Рыцарским домом, который имел собственный устав.

Другими словами, на законодательном уровне для Финляндии была закреплена своя, отдельная от общероссийской, сословная система. Мы видим в этом влияние фактора государственно-правового статуса княжества: политико-правовая самостоятельность и некоторые атрибуты суверенной государственности повлекли за собой самостоятельность финляндской сословной системы. Но при этом мы еще раз обратим внимание на тот факт, что, используя выражение

---

[263] Свод законов о состоянии людей в государстве (ст. 2) // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПБ.: Тип. Вт. отд. С.Е.И.В. Канц., 1857.

[264] Свод законов о состоянии людей в государстве (ст. 21) // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПБ.: Тип. Вт. отд. С.Е.И.В. Канц., 1857.

[265] Шумков А.А. Финляндское дворянство в Российской империи. Законодательные основы и источниковедческие аспекты // Всероссийское генеалогическое древо. Дворяне [Электронный ресурс]. URL: http://www.vgd.ru/finland.htm (дата обращения: 09.09.2009).

[266] Сеймовый устав для Великого княжества Финляндского // Конституции государств (стран) мира: библиотека конституций Пашкова Романа [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=553 (дата обращени: 09.09.2009).

С.Б. Баландина, «финляндские граждане одновременно являлись русскими подданными и пользовались в остальной Империи неограниченно всеми предоставленными остальным подданным правами»[267]. Верховный российский законодатель рассматривал сословную систему Финляндии в рамках Российской империи.

Процесс постепенного смягчения сословных различий в последние годы XIX в., принявший в начале XX в. характер демонтажа сословной структуры, лишь частично устранив прежние различия социальной организации России и Финляндии, принес с собой новые.

Юридические препятствия на пути интеграции двух социумов так и не были устранены в течение всего рассматриваемого исторического периода.

При определении правового положения населения других регионов российский законодатель избрал иные правовые средства.

На территории Бессарабии, присоединенной к Российской империи на основании Бухарестского мирного договора 16 (28) мая 1812 г., были сохранены многие особенности социальной организации. Эти особенности санкционировались указами императора, Уставом образования Бессарабской области[268], Учреждением для управления Бессарабской области[269] и другими нормативно-правовыми актами.

Тем не менее, российский законодатель не стал конституировать в Бессарабии самостоятельную сословную систему. Все отличия правового положения местных жителей были оформлены в качестве региональных особенностей. При этом часть региональных особенностей распространялась на российских подданных, прибывших из других регионов империи; рядом особенностей пользовались только коренные жители Бессарабии. Например, в связи с запретом на установление крепостной зависимости на территории области, бессарабские дворяне не

---

[267] Баландин С.Б. Указ. соч. С. 26.

[268] Устав образования Бессарабской области от 29 апреля 1818 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXV. № 27 357

[269] Высочайше утвержденное учреждение для управления Бессарабской области от 29 февраля 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. III. № 1 834.

могли обладасть крепостными людьми, а российские дворяне могли иметь дворовых только «для личной и дворовой услуги». Жители Бессарабии освобождались от рекрутской повинности, однако переселенные их других регионов российские крестьяне подлежали ей.

Обратимся к характеристике правового положения коренного населения Сибири и Дальнего Востока. Сразу же подчеркнем, что сколько-нибудь подробный анализ самобытной социальной организации манси, ханты, эвенков, якутов и других народов Северной Азии не входит в задачи настоящего исследования. Соответственно, мы не будем проводить подробный разбор научной литературы. Отметим лишь, что в научной историографии существуют различные точки зрения на характер социальной стратификации, на сущность различных компонентов социальной структуры.

До прихода русских на территории Сибири и Дальнего Востока отсутствовала государственность и существовала самобытная система социально-территориальной организации. После включения этих территорий в состав Российского государства началось формирование административно-территориальной организации по общегосударственному образцу. В XVII в. на вошедших в состав России сибирских и дальневосточных землях создавались разряды, уезды и воеводства. В первые годы XVIII в. в ходе административно-территориальной реформы была образована Сибирская губерния.

Мы отмечаем такой факт, что ни территория Якутии, ни территория Сибири в целом не имели в составе Российской империи каких-либо атрибутов государственности. Ни образованное в 1803 г. генерал-губернаторство с центром в Иркутске, ни созданная в 1805 г. Якутская область не имели никакой административной самостоятельности сверх обычно допускаемой для генерал-гебернаторств, губерний и областей России. Соответственно, фактор особого государственно-правового статуса региона, в отличие, например, от Великого княжества Финляндского, не играл никакой роли.

В первые годы XIX в. по инициативе администратора О.Г. Селифонтова была проведена реорганизация административно-территориального устройства

Сибири и Дальнего Востока. Как отмечается в научной историографии, система органов государственного управления создавалась не только с учетом опыта работы правительственных учреждений, но и с учетом особенностей региона[270].

В первой половине XIX в. при активном участии М.М. Сперанского была проведена реформа управления Сибирью, известная как Сибирская административная реформа 1822 г. Изданные в рамках реформы Именной указ «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г., Учреждение для управления сибирских губерний от 22 июля 1822 г. и другие нормативно-правовые акты закрепили особый правовой статус (вне российской сословной системы) социальных групп многих народов Сибири и Дальнего Востока[271].

Нормативные положения, регулирующие те или иные аспекты правового статуса коренных народов Сибири и Дальнего Востока, имеются во всех названных и некоторых неназванных нормативно-правовых актах, разработанных по инициативе М.М. Сперанского.

Нас интересует подход российского законодателя к урегулированию правового положения местного населения сибирских и дальневосточных регионов Российского государства.

Мы видим две тенденции в законодательной политике. С одной стороны, все коренное население являлось частью населения Российского государства, включалось в общую систему государственного управления. Ключевые правовые

---

[270] Гергилев Д.Н., Дуреева Н.С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) [Электронный ресурс] // Вестник КемГУ. 2017. № 2 (70). С. 32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativno-territorialnogo-polozheniya-rossii-v-nachale-xix-veka-na-primere-sibiri (дата обращения: 01.05.2019).

[271] Именной указ, данный Сенату «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 124; Учреждение для управления сибирских губерний от 22 июня 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 125; Высочайше утвержденный устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 126; Высочайше утвержденный устав «О Сибирских киргизах» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 127 и др.

нормы, определявшие государственный суверенитет, государственное единство действовали на всей территории. Институт подданства функционировал в отношении всех жителей без исключения. Законодатель напрямую не вмешивался в социально-правовую жизнь данных этносов. Тем не менее, несмотря на сохранение своеобразия правовой жизни у этих народов, российское законодательство оказывало влияние на нее, в частности, на обычное право. Вероятно, под воздействием российского опыта социальной организации исчезло рабовладение, а социальная группа рабов превратилась в социальную группу работников. Эта тенденция действовала на протяжении всего рассматриваемого исторического периода.

Одновременно законодатель сохранял традиционную социальную структуру. Жители из числа коренного населения не были включены в общегосударственную сословную систему. В течение длительного времени элита коренных народов и иные группы их населения не были интегрированы в общероссийскую систему сословий. В той или иной форме эта тенденция действовала также на протяжении всего рассматриваемого периода. Но здесь следует учесть весьма важное обстоятельство. Оно относится к первой половине XIX в. Именно тогда, во многом благодаря деятельности М.М. Сперанского, российский законодатель установил правовой механизм интеграции населения Сибири и Дальнего Востока в общероссийскую сословную систему. Появился новый вектор законодательной политики Российского государства: сочетание особого правового положения сибирских и дальневосточных народов с возможностью их постепенной интеграции в общегосударственную сословную систему.

В дальнейшем законодатель подтвердил этот вектор законодательной политики в положениях Свода законов Российской империи.[272] При этом законодатель установил правовой механизм, обеспечивающий интеграцию (диахронную для разных этносов) народов Сибири, Дальнего Востока, некоторых районов Евро-

[272] Высочайше утвержденный устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 126.

пейской части России в общегосударственную сословную систему. Этот механизм включал в себя, в частности, законодательное разделение этих народов на различные группы с разным правовым положением в социальной иерархии Российской империи: оседлые, кочевые и бродячие. Ситуация с членством в общегосударственных сословиях напрямую зависела от принадлежности к одной из трех указанных групп.

Формально в Уставе «Об управлении инородцев» законодатель конституировал данные группы на основании этнического критерия. Однако на самом деле исходным был образ жизни, определенный производственной деятельностью. Естественно, что этот образ жизни был определен авторами соответствующих законопроекто согласно собственной трактовке имеющихся у них данных. Предполагалось в ходе очередных ревизий составление «особого расписания», которое фиксировало бы разделение инородного населения на три названные группы на основании качестве «главного их промысла, составляющего гласный способ их пропитания»[273]. При этом законодатель планировал обеспечить учет мнения коренного населения. § 25 Устава предусматривал сохранение правового положения кочевых и бродячих коренных жителей вне сословной системы Российской империи, запрещая включать их в состав российских сословий «против воли их» даже в случае изменения образа жизни. Одновременно этот параграф можно рассматривать как официальное указание на желательное для правительства направление изменений жизненного уклада сибирских народов: умножение хлебопашества, переход к оседлости.

Элита коренных народов не имела особых преимуществ вне рамок своих родовых и племенных структур. В случае записи в общероссийское сословие выбор у представителей элиты был фактически такой же, как и остальных коренных жителей: государственные крестьяне или одна из категорий городских обывате-

[273] Высочайше утвержденный устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. (§ 11) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 126.

лей. Получить дворянство «почетные инородцы» могли лишь в индивидуальном порядке посредством получения «грамоты» или чина (§ 67 Устава).

Более подробная характеристика правового положения инородцев и правового механизма, обеспечивавшего постепенную интеграцию инородного населения в состав общегосударственной сословной системы, будет рассмотрена ниже.

Глава IX Устава «Об управлении инородцев» регулировала некоторые аспекты правового статуса сибирских и дальневосточных народов, «несовершенно зависящих от Правительства». В частности, чукчи могли платить дань «по собственному их произволу» (§ 78 Устава).

В качестве вывода отметим, что социальная организация народов Сибири и Дальнего Востока никогда в течение рассматриваемого исторического периода не была конституирована в качестве самостоятельной сословной системы. Аналогичный вывод можно сделать в отношении народов северных и юго-восточных регионов Европейской части России. В 20-х гг. XIX в., во многом по инициативе М.М. Сперанского, российский законодатель сформировал правовой механизм интеграции жителей Сибири и Дальнего Востока, а затем и других регионов страны, в состав общероссийской сословной системы.

§ 2. Концептуальный подход законодателя к определению российских подданных в качестве субъектов права (в контексте проблемы доктринальной ретроспективы)

В числе основных вопросов, на которые необходимо дать ответ в ходе настоящего исследования, назовем вопрос о юридической характеристике российского подданного как правового субъекта, как активного участника правоотношений, как обладателя гарантированных прав. Именно в этом смысле мы трактуем

понятие «субъект права», хотя и полагаем справедливым мнение Е.Г. Зинкова о происходящей в настоящее время процедуре его модификации[274].

Представляется, что современная наука пока не дает четкого ответа на вопросы относительно самой возможности применения к реалиям России начала XX в., тем более – к реалиям XIX в., XVIII в., XVII в. таких правовых категорий и терминов, как «личность», «субъект права», «права человека», «правовой статус личности» и т.д. Соответствующие понятия широко применяются в Конституции Российской Федерации и конституционных актах многих зарубежных стран. Однако ретроспектива использования понятийно-терминологического аппарата требует дополнительного исследования.

Один из проблемных вопросов может быть сформулирован следующим образом: существовало ли в рассматриваемый период понятие «права человека» и если существовало, то каким было его содержание, какие именно правомочия оно в себя включало? В принципе, корректно ли говорить о феномене «права человека» применительно к названному периоду российской истории?

Все ли жители России того времени являлись правовыми лицами в глазах законодателя? В какой степени житель России на протяжении рассматриваемого периода признавался законодателем в качестве субъекта права?

Для ответа на эти вопросы обратимся к рассмотрению некоторых положений теории и философии права, а также историко-правовых аспектов характеристики индивида как субъекта права в российском законодательстве середины XVII – начала XX в. Естественно, что, рассматривая понятие «право» применительно к периоду середины XVII – начала XX в., мы не должны его наделять теми ценностными характеристиками, которые присущи современному праву.

В научной литературе неоднократно давались достаточно «суровые» оценки деятельности верховной государственной власти России в сфере социально-правовых отношений применительно к рассматриваемому периоду. Так, К.Д. Кавелин, характеризуя единственно возможный, по его мнению, курс российской

[274] Зинков Е.Г. Пространственный аспект правовой реальности субъекта права // Общество и право. 2017. № 3 (61) С. 167 [Электронный ресурс]. URL: http://libkrumvd.ru /museum/files/oip/sl-2017-3(61).pdf (дата обращения: 12.05.2020).

государственной власти в семнадцатом столетии по установлению всеобщей обязанности российских подданных по несению в пользу государства личной службы и натуральной повинности, отмечает тем не менее, что эта обязанность вытекала «из начала рабства»[275].

Тем не менее, можно вспомнить мысль Н.Л. Дювернуа о том, что еще во времена Древнего Рима сформировалась идея, что все право имеет человека своим творцом, своим предметом и своей целью[276]. Правовой субъект является носителем воли и в этом качестве выражает активное начало в праве[277]. С.И. Архипов полагает, что в период античности и средневековья право допускало разрыв связей человека с правоспособностью, правовым лицом, отождествляя человека с вещью, объектом[278].

Мы считаем, что в указанные исторические периоды законодатель, опираясь, очевидно, на бытующее правовое сознание, иначе, нежели в настоящее время, подходил к определению понятий «человек», «субъект права». Современные представления о том, что каждый человек является правовым лицом, является субъектом права и не может быть объектом права, просто не существовали в те времена. Одновременно законодатель и правоприменитель признавал в качестве субъектов права животных и неодушевленные вещи[279].

Вместе с тем во все времена выразителем и создателем правовых явлений был человек. Право регулирует отношения в человеческом обществе и, следовательно, целью права является, в конечном итоге, человек.

Одновременно право определяет способы и формы реализации воли субъекта, указывает пути достижения его целей, обеспечивает согласование интересов всех субъектов. Отсюда – известные ограничения, налагаемые правом на субъек-

---

[275] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю С. 573.

[276] Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Введение и часть общая (учение о лицах). 2-е изд. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1889. С. 242.

[277] Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 35.

[278] Там же. С. 37.

[279] См.: Жидков, О.А. История государства и права зарубежных стран: учеб. Для вузов. В 2 т. / отв. ред. О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. Т. 1. С. 456.

та. Эти ограничения есть условие реализации субъектом своей воли. В связи с этим мы не разделяем оценку роли права, правовых ограничений как результат отчуждения права от правовой личности.

Скажем также: как и государство, любой субъект должен быть связан правом. Без такой связанности человечество знает лишь одну форму социальной организации – человеческое стадо.

Мы не можем считать правовые запреты противоречащими высокому статусу субъекта права. Не случайно категория «правозаконности» вполне вписывается в том числе в современные либеральные теории[280].

Таким образом, различие в положении субъекта права в рассматриваемый период, как, впрочем, и в настоящее время, заключается не в наличии и отсутствии ограничений, а в характере последних.

Современная теория права, оперируя такими понятиями, как «правовая личность», исходит из целостности субъекта права.

Применительно к отечественной системе права начала рассматриваемого в настоящей работе периода, когда отсутствовало само понятие правовой личности, а базовый статус человека находился в стадии формирования, единства субъекта права не могло быть в принципе. Законодатель придавал юридическое значение не субъекту права как личности, а отдельным качествам субъекта права. Именно для этого исторического времени мы можем признать правоту мнения Н.Н. Алексеева о субъекте права как носителе определенных юридических качеств[281]. Нет необходимости делать сколько-нибудь подробные пояснения о несовпадении данного подхода с современной правовой доктриной, что представляется не только понятным, но и естественным.

Такая картина наблюдалась в праве многих стран. Как мы знаем, в самых разных цивилизациях социальная иерархия конституировалась на основе непризнания законодателем качеств человека за частью индивидов. Понятно наше от-

---

[280] Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 128 // Цит. по: Алексеев С.С. Философия права. М.: Изд-во НОРМА, 1997. С. 328.

[281] Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. Симферополь, 1919. С. 139.

ношение к данному обстоятельству с позиций морали и современного права. Однако мы не можем не учитывать позицию законодателя того времени.

Хрестоматийные примеры – древнегреческое и древнеримское общества античной цивилизации времен существования классического рабства. Не будем вспоминать хрестоматийные примеры вроде убийства в Спарте новорожденных с физическими недостатками. Обратимся к более сложным и информативным примерам.

Рабы в Древней Греции и в Древнем Риме не только не обладали качествами субъекта права, они официально не признавались частью общества. В этом смысле рабы в античной Европе не составляли и не могли составлять ни класса, ни сословия, ни касты.

Близка к данной позиции позиция государственной власти Древнего Вавилона. Законодатель Древнего Вавилона, не рассматривая рабов как личность, предложил такую конструкцию их правового статуса, которая сочетала в себе черты субъекта и объекта права. Верховная государственная власть, по крайней мере в период правления Хаммурапи, не признавая за рабами качеств человеческой личности, санкционировала обладание ими некоторыми субъективными правами, присущими членам общества. Самое «яркое» из них – право на вступление в официальный брак со свободными людьми.

Естественно, что ценностью в правовом аспекте являлись лишь отдельные качества, которые позволяли рабам быть в некоторых отношениях правовыми субъектами. Более того, авилумы, лишившиеся свободы за долги, находились в несколько ином правовом положении, нежели другие рабы и, соответственно, сохраняли в глазах законодателя больше свойств, представляющих правовую ценность. По древневавилонскому законодательству, как и по законодательству ряда других стран, рабы, потерявшие свободу из-за невыполнения своих обязательств в качестве должника, имели право после отработки долга вернуть себе прежний статус.

Отдельного рассмотрения заслуживает институт холопства в Российском государстве. Подробнее это будет сделано ниже. Здесь же мы отметим, что право-

вой статус даже старинных (полных) холопов обладал принципиальными отличиями от правового статуса античных рабов. По существу, холопы признавались частью (частью неполноправной, дискриминируемой в ряде правовых отношений) российского общества. В еще большей мере это относится к статусу кабальных холопов. Другими словами, в России в XVII в. холопы признавались законодателем субъектами права в некоторых отношениях. Однако мы полагаем, что законодатель признавал их не в качестве полноценного носителя воли, а в качестве обладателя отдельных свойств такого носителя. Доказательством служит хотя бы тот факт, что в Соборном уложении отсутствует понятие «бесчестие холопа». Вместе с тем холоп являлся субъектом семейных правоотношений со всеми вытекающими последствиями согласно христианским канонам и светскому законодательству.

Учитывая различия правового статуса старинных и кабальных холопов, подчеркнем, что речь надо вести о качественных, а не количественных отличиях. Именно на примере отношений кабального холопства виден генезис подхода законодателя к оценке факта личной зависимости как к обязательству. За обязательством, по сути, должна стоять воля субъекта.

В рассматриваемый в настоящей работе исторический период пострижение в монашество являлось юридическим фактом, прекращавшим правоспособность. Комментируя это обстоятельство, Г.Ф. Шершеневич указывает на идею отречения от мира, которая основывается на Священном Писании[282]. С точки зрения юридических последствий пострижение означает прекращение семейных и имущественных отношений. Автор отмечает, что аналогичные нормы в отношении монашествующих действовали и в ряде других государств[283].

Дальнейшее государственно-правовое развитие страны «обогатило» российское законодательство понятиями «шельмование» и «лишение всех прав состояния». По юридическим последствиям оно было близко к понятию «гражданская смерть» во французском праве и приравнивалось к естественной смерти.

---

[282] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 84.

[283] Там же.

Таким образом, в рассматриваемый в настоящей работе период отечественный законодатель исходил из идеи, что правоспособность не есть непременное и неотчуждаемое качество любого человека. Человек может утратить правоспособность (или вовсе не обладать ею) в масштабах, приближающих его роль в правоотношениях к роли объекта, а не субъекта права.

В качестве оснований утраты правоспособности выступали соответствующее волеизъявление физического лица, выразившиеся в постриге в монашество или в заключении кабального договора, либо решение государственного органа (в качестве наказания за правонарушение). С ликвидацией категории холопов в начале XVIII в. перестают порождать юридические последствия в виде утраты правоспособности любые заключенные договоры.

Постепенное ухудшение правового положения крепостных крестьян, происходившее на протяжении XVII–XVIII вв., сопровождалось ограничением их правоспособности. Вместе с тем закон так и не приравнял крепостных к холопам.

Российский законодатель (если брать официально декларируемую позицию) никогда не исходил из идеи приравнивания в юридическом отношении крепостных крестьян к вещам. В 1847 г. на встрече с депутацией смоленских дворян император Николай I прямо заявил, что крепостной крестьянин не может считаться собственностью, а тем более вещью[284]. Вместе с тем некоторые положения закона того времени находятся в определенной коллизии с указанным выше принципом, трактуя отдельные отношения и отдельные юридические ситуации в терминах, сближающих положение крепостных людей с вещами.

Мы должны констатировать, что ни одна из категорий населения России не лишилась правоспособности в полном объеме и не утратила полностью качеств субъекта права. В правовой литературе указывается следующая причина: живого нельзя приравнять к мертвому[285].

При этом полагаем правомерным следующий вывод: в начале рассматриваемого периода ценность для отечественного законодателя представлял человек не

---

[284] Цит. по: Ключевский В.О. Русская история… Кн. 3. С. 537.

[285] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 86.

в качестве личности, правового абсолюта, носителя правовой воли, а в качестве исполнителя определенной правовой роли. Другими словами, признаваемой государством ценностью обладали те свойства человека, которые позволяли ему выступать участником определенных правоотношений. При этом действия законодателя и правоприменителя совершались в контексте этической добродетели и иных моральных норм. Кроме того, помимо светского права, правоотношения в российском социуме регулировались каноническим правом.

Таким образом, названные обстоятельства напрямую влияли на правовое положение представителей ряда социальных групп. Лица, добровольно отказавшиеся от правоспособности или лишенные ее по решению государственного органа, оставались людьми. Они оставались включенными в целую систему правоотношений, оставались подданными и, вероятно, главное – оставались под защитой религиозных и моральных норм. Именно эти базовые качества и предопределяли сохранение их положения как субъектов права. Вместе с тем закон оставил для некоторых категорий лиц минимум характеристик субъектов права, причем только в некоторых сферах общественной жизни. В других сферах эти люди в качестве субъектов права не существовали.

На протяжении рассматриваемого периода законодательная политика по указанным вопросам постепенно менялась. Примерами этих изменений стало, в частности, упразднение социально-правовых институтов старинного холопства и крепостного состояния. В начале XX в. позиция отечественного законодателя в рассматриваемом отношении приблизилась к правовой доктрине современного типа.

С учетом ключевой роли понятия «правовой статус личности» и его аналогов мы выходим на тему правового статуса человека и социальных групп и на вопрос, точнее говоря, на проблему применения соответствующей терминологии в исследовании событий в России XVII – начала XX в.

Понятие правового статуса личности широко используется, как известно, в рамках современного конституционного правопонимания и относится к ключевым категориям таких наук, как теория государства и права, конституционное

право и некоторых других. При этом данный феномен трактуется как система статусов, характеризующих юридическое положение индивида как непосредственно, так и в составе социальной группы. Ученые пытаются определить правовой статус через составляющие его элементы (права, свободы, обязанности), через его связь с фактическим социальным статусом, т.е. реальным положением человека в системе общественных отношений.

Имеется несколько авторских определений понятия правового статуса личности. В качестве примера можно привести определения А.Г. Бережнова, Н.В. Витрука, Е.А. Лукашевой, Н.И. Матузова, В.Д. Перевалова, А.Н. Пьянкова, М.С. Строговича и др.[286] При этом само понятие «личность» в праве трактуется в контексте идеологических и политических факторов. Данное обстоятельство еще более усиливает дискуссионность в определении содержания указанного понятия[287].

Система правовых статусов личности соотносится с характеристиками структурирования общества. При этом мы, учитывая различные подходы к определению содержания понятия «личность» в правовой науке, предлагаем использовать в настоящем исследовании научную категорию «правовой статус человека», которая, с одной стороны, является близкой по своему содержанию к категории «правовой статус личности», а с другой стороны, не является столь дискуссионной.

Применение термина «правовой статус человека» в качестве инструментария настоящего исследования позволяет характеризовать и государственную по-

---

[286] См.: Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1986. С. 8, 50; Права личности в социалистическом обществе / М.С. Строгович, В.А. Патюлин, Н.В. Витрук и др. М.: Наука, 1981. С. 30; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2005. С. 186; Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. С. 315; Бережнов А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 70; Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашев. М.: Изд-во НОРМА, 2003. С. 91; Пьянков А.Н. Развитие правового статуса личности в современном советском обществе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 2

[287] Капитонова Е.А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке [Электронный ресурс] // Закон и право. 2019. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponimanii-termina-lichnost-v-sovremennoi-pravovoi-nauke (дата обращения: 20.09.2023).

литику в области правового оформления социальной структуры, и работу механизма социальной мобильности. Указанная научная категория может быть применена для исследования положения как отдельных индивидов, так и социальных групп. Как известно, на положение и поведение человека оказывается воздействие и со стороны государства, и со стороны социальных групп. А.А. Уваров выразил эту мысль следующим образом: «каждая личность вынуждена подчиняться, с одной стороны, правовым актам, установленным государством, с другой стороны, правилам поведения того или иного гражданского сообщества, к которому относится и с которым идентифицирует свое поведение человек»[288].

В правовой науке отмечается, что вплоть до настоящего времени «полного, цельного исследования, специально посвященного вопросу правового статуса, а не его отдельных элементов, нет»[289].

Следует отметить, что в настоящее время в России рассмотрением вопросов, связанных с содержанием понятия правового статуса личности, занимаются не только теория государства и права и наука конституционного права, но и в определенных пределах другие отраслевые науки (в отношении специальных и отраслевых правовых статусов).

Подход к определению понятия правового статуса человека определяется методологическим арсеналом исследователя и базируется на общем понимании права.

Вопрос о содержании правового статуса личности является в юридической науке дискуссионным. Некоторые авторы рассматривают правовой статус исключительно как совокупность прав и обязанностей, определяющих содержание правосубъектности[290]. Согласно этой точке зрения в структуру правового статуса не

---

[288] Уваров А.А. Конституционно-правовые основы становления и развития гражданского общества в России. М.: НИИ СП, 2010. С. 55–56.

[289] Бабенко С.В. Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 4.

[290] См., например: Лукашева Е.А. Право, мораль, личность / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1986. С. 178; Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 142; Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 156.

входят такие элементы, как правосубъектность, гарантии, законные интересы, юридическая ответственность, гражданство и др. Их считают либо предпосылками правового статуса (например, гражданство, правоспособность), либо элементами, вторичными по отношению к основным (юридическая ответственность), либо категориями, далеко выходящими за пределы правового статуса (гарантии)[291]. Однако существуют и другие мнения по данной проблеме[292]. Весьма полно проблема структуры правового статуса личности освещена Н.И. Матузовым, согласно точке зрения которого правовой статус является сложной, собирательной категорией, отражающей весь комплекс связей человека с обществом, государством, коллективом, окружающими людьми[293].

Понятно, что указанные выше точки зрения базируются на современной правовой доктрине. Анализируя понятие правового статуса применительно к другим историческим периодам, необходимо вносить соответствующие коррективы и в перечень структурных элементов. Сопоставляя указанные выше точки зрения, мы полагаем, что понятие «правовой статус личности» включает в себя такие элементы, как права и обязанности, правосубъектность, гражданство (подданство), юридическая ответственность. Кроме того, в состав правового статуса включаются в качестве результата реализации его прав и обязанностей правовые отношения, субъектами которых является индивид.

Правовые принципы, гарантии и правовые нормы следует рассматривать, по нашему мнению, вне рамок понятия правового статуса личности, определяя эти понятия как предпосылки или условия правового статуса.

Переходя к характеристике принципов, определяющих правовой статус личности в историческом аспекте, примем за основу мысль, выраженную В.С. Нерсесянцем следующим образом: «Каждой ступени в историческом развитии

---

[291] См.: Права человека… С. 92–93.

[292] См., например: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 123–126.; Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. С. 315; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 27–38.

[293] См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1987. С. 59; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права… С. 191.

свободы и права присуща своя юридическая концепция человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе»[294].

По распространенному мнению, равенство прав и сословная структура являются несовместимыми понятиями. Вместе с тем с учетом высказанной ранее мысли об изменении юридических воззрений на человека как субъекта права вопрос о наличии принципа правового равенства в предшествующих исторических эпохах представляется более сложным. О правовом равенстве можно говорить в следующих аспектах: равенство людей с одинаковым сословным и профессиональным статусами; равенство прав и обязанностей. Первый аспект характеризовал взаимоотношения людей внутри социальных групп, второй аспект имел универсальное значение.

Судоустройство и судопроизводство организовывалось в России в рассматриваемый исторический период с учетом сословной структуры общества. В целом ряде случаев суд применял правовую норму в зависимости от правового положения лиц, участвовавших в деле. Тем не менее законодатель выступал против самоуправства и за доступ к судебной власти.

Применительно к рассматриваемому периоду по понятным причинам перечень принципов правового статуса человека выглядел иначе. Он включает в себя следующие принципы:

– законность,

– сословность,

– справедливость,

– соответствие объемов прав и обязанностей.

Ведя речь о принципах правового статуса человека, мы имеем в виду декларативную позицию законодателя. В законодательной же практике и, тем более, в практике правоприменительной, принципы находили зачастую иное отражение. Равноправие и неотчуждаемость основных прав человека отсутствовали как принцип.

---

[294] Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 107.

В юридической литературе высказаны различные точки зрения на соотношение понятий правового статуса и правового положения индивида[295]. На наш взгляд, следует согласиться с мнением о равнозначности понятий «правовой статус» и «правовое положение».

Параллельно с понятием правового статуса личности в научной литературе разрабатывается понятие правового состояния личности. В частности, в советский период по проблематике гражданского состояния вышли монография и диссертационное исследование А.А. Ерошенко[296].

В современной правовой литературе категория правового состояния рассматривается в трудах С.В. Бабенко, М.И. Байтина, В.М. Баранова, В.В. Груздева, Ю.С. Новиковой, А.В. Парфенова и других ученых. Так, В.В. Груздев определяет правовое состояние личности как установленные нормами права или предусмотренные в правовых моделях юридически значимые свойства или системы свойств человека, в определенный момент или период времени обусловливающих возникновение и (или) разрешение либо возможность возникновения и (или) изменения правовой ситуации[297].

Полагаем, что разработка и применение категории правового состояния личности никак не влияет на необходимость и целесообразность применения категории правового статуса личности и социальных групп.

При анализе правовых и социальных явлений в России середины XVII – начала XX в. мы полагаем возможным применение с определенной корректировкой современного теоретико-правового инструментария и современной термино-

---

[295] См., например: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. С. 25–34; Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М.: Юрид. лит., 1978. С. 119–135; Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Изд-во НОРМА, 2003. С. 91–96; Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права… С. 186–187; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 3–4; Басик В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке [Электронный ресурс] // Правоведение. 2005. № 1. С. 24. URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1203157 (дата обращения: 31.03.2013).

[296] Ерошенко А.А. Проблемы гражданского состояния в развитом социалистическом обществе / науч. ред.: Чепига Т.Д. Краснодар: Кн. изд-во, 1980; Ерошенко А.А. Правовая регламентация гражданского состояния в СССР: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. Л., 1980.

[297] Груздев В.В. Указ. соч. С. 14.

логии. Естественно, с учетом правовых реалий того времени, а значит, с определенными оговорками и уточнениями.

Правовой статус личности – постоянно развивающаяся категория. В сменяющие друг друга исторические эпохи в различных цивилизациях правовой статус личности приобретал новые черты и менял содержание в зависимости от изменений, происходивших в политической и правовой системах общества.

Насколько корректно вести речь о правовом статусе личности в России применительно к периоду середины XVII – начала XX в.?

Понятие «личность» в начале рассматриваемого периода отсутствовало как юридический феномен. То же самое можно сказать о понятии «гражданин». Более того, еще в XVI в. была произнесена известная формула, обосновывавшая безграничную власть российского монарха над своими подданными: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же». Комментируя это высказывание Ивана IV, историки В.Б. Кобрин и А.И. Козаченко отмечают, что идеалом царя Ивана была деспотическая монархия, в которой не монарх действует на благо своих подданных, но основной обязанностью подданных является верная служба монарху[298]. История России не только в период правления Ивана IV, но и в рассматриваемый период знает многочисленные примеры нарушений государственной властью прав жителей страны.

В силу вышесказанного не приходится говорить о применении понятия «правовой статус личности» при характеристике социальной сферы страны на протяжении значительной части рассматриваемого периода. Вместе с тем, вполне допустимым и даже целесообразным представляется использование указанного понятия в следующих редакциях: «правовой статус человека» и «правовой статус индивида».

Понятие «права человека» в XVII в., в XVIII в. было наполнено иным, нежели в настоящее время, содержанием. Речь (как в аспекте нормотворчества, так и в аспекте правоприменения) в рассматриваемый исторический период не шла о неотъемлемости прав человека, об определенной автономии человека по

[298] См.: История СССР с древнейших времен до 1861 года… С. 210.

отношению к государству и т.п. характеристиках. Речь можно вести о возможностях определенного поведения индивида в тех или иных ситуациях. Люди выступали в качестве субъектов достаточно широкого круга административных, финансовых, имущественных и других отношений. Естественно, что они в этом качестве обладали как правами, так и обязанностями. Тем более, что с точки зрения теории права и обязанности корреспондируют друг другу. Общество, где все его члены имеют лишь обязанности и не имеют прав, невозможно не только в реальном существовании, но и в качестве объекта научной абстракции.

Определенная социальная структура предполагала неравный объем прав и обязанностей. Это также должно быть закреплено юридически.

Получается, что применительно ко всему рассматриваемому историческому периоду возможно говорить о правах человека в трактовке их как правомочий, как возможностей определенного поведения человека в тех или иных сферах общественной жизни. Если рассматривать понятие «права человека» в качестве непосредственно действующих, в качестве атрибутивных свойств личноти, определяющих смысл и содержание деятельности государства, его законодательной, исполнительной и судебной деятельности[299], то в данной трактовке возможно использование названного понятия в отечественной системе права не ранее 1905 г.

Мы выходим на проблему классификации прав и обязанностей человека (еще раз подчеркнем: в трактовке их в качестве правомочий) в России середины XVII – начала XX в. по критерию сферы их реализации.

Совокупность прав и обязанностей человека составляет, как известно, целостную систему. Эта система обладает таким признаком, как единство всех ее частей. В теоретико-правовой и конституционно-правовой науках выработаны различные варианты классификации прав человека[300].

Естественно, что мы говорим о реально существовавшей, а не о теоретически обоснованной и законодательно принятой в рассматриваемый период дифференциации, т.е. о некоей экстраполяции. Терминологию, связанную с классифи-

[299] Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 309.

[300] Конституционное право России: учебник для студентов вузов / Прудников А.С. и др.; под ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2007. С. 183.

кацией прав на личные, политические, социально-экономические (так же, как и иные классификации) российский законодатель в рассматриваемый период не применял. Насколько мы понимаем ситуацию, данная терминология была в принципе не востребована законодателями различных стран на протяжении большинства исторических эпох.

В настоящей работе считаем целесообразным использовать традиционную для современной правовой науки и практики классификацию прав индивида по сферам его жизнедеятельности: 1) личные права, 2) политические права, 3) социально-экономические права.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что человек с его правами и обязанностями был вполне реален на протяжении всего рассматриваемого периода. Существовали и правовые нормы, определявшие его положение в обществе и государстве. Наконец, отметим, что если в какие-то периоды исторического развития методы властвования напоминали «разбой на большой дороге», то в целом в рамках более длительных временных отрезков высшие органы государственной власти были связаны определенными моральными, религиозными и, в известной мере, правовыми нормами. У российских подданных имелись определенные возможности по реализации своих личных, политических и социально-экономических правомочий.

Классификация правовых статусов личности проводится обычно по сфере действия и кругу лиц. Можно констатировать, что некоторые из вариантов классификации представляют собой перечни всех возможных видов правового статуса личности, перечни громоздкие и, тем не менее, неполные. Кроме того, и это замечание более существенно, авторы исходят из правового положения отдельной личности. Не прослеживается связь между понятиями «правовой статус человека» и «правовой статус социальной группы». Очевидно, что оптимальный подход к классификации должен быть иным. Правовой статус той или иной социальной группы существенно влияет на индивидуальный правовой статус ее участников. Характер такого влияния зависит от вида социальной группы. Очевидно, что нахождение на государственной службе, членство в общественных организациях,

принадлежность к категориям лиц, нуждающихся в особых мерах поддержки, и т.д. по-разному влияют на общий объем прав и обязанностей индивида. Не меньше таких примеров мы можем видеть в отечественной истории. Прежде всего речь идет о сословной организации.

Ряд авторов включает в перечень видов правового статуса международный (общий) правовой статус; конституционный (базовый) правовой статус; отраслевой правовой статус; родовой (специальный) правовой статус; индивидуальный правовой статус[301]. Имеются и иные варианты классификации правовых статусов человека.

Естественно, что каждый человек обладает несколькими правовыми статусами, более того, с течением времени их количество и содержание меняются в зависимости от приобретаемых индивидом качеств и тех правоотношений, в которые он вступает.

В настоящей работе мы используем следующую классификацию правовых статусов человека: международный правовой статус; конституционный (базовый) правовой статус; родовой (специальный, корпоративный) правовой статус; отраслевой правовой статус; индивидуальный правовой статус.

Применительно к рассматриваемому в настоящей работе периоду перечень правовых статусов не мог не иметь определенных отличий от современного перечня. Еще больше отличий имеется в содержании названных видов статуса человека.

В силу того, что международный правовой статус находится вне рамок предмета настоящего исследования, сколько-нибудь подробное рассмотрение его не представляется целесообразным. Тем более, что применительно к XVII в. о международном статусе говорить, как нам представляется, достаточно сложно. В семнадцатом столетии о международном сообществе в аспекте признания Россией юридической силы международно-правовых документов можно говорить только в рамках православного христианского мира. С учетом политических реалий того

[301] См., например: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права… С. 189–190; Теория государства и права: учеб. для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. С. 315–316.

времени юридической силой на территории России могли обладать только решения высших иерархов православных церквей. Что же касается светской власти, то законодатель был готов признать авторитет «градцких законов греческих царей» (как это указывалось в Соборном уложении). Естественно, что ни по содержанию, ни по роли в российской системе права указанные нормы не могли являться базой для формирования международного правового статуса человека.

Значение правовых актов и правовых обычаев других стран для урегулирования правового статуса человека в России было в начале рассматриваемого периода, по существу, близким к нулю.

Конституционный (или базовый) правовой статус личности как политико-правовой феномен появился в системах права различных стран в период Нового времени. Он закрепляется нормами нормативно-правовых актов конституционного характера.

Одной из особенностей конституционно-правового статуса личности являются особые меры защиты, которые могут применяться в рамках конституционно-правового принуждения[302].

В литературе отмечается, что, помимо основных прав, свобод и обязанностей, конституционных принципов и гарантий, элементом данного вида правового статуса является гражданство. Применительно к периоду середины XVII – начала XX вв. речь можно вести лишь о подданстве. Понятие «подданство» в середине XVII в. в Российском государстве уже сложилось, однако в то время иностранцы, как добровольно прибывшие в Россию, так и военнопленные, достаточно легко получали права как в публично-правовой, так и в частноправовой сфере, равные правам «природных» подданных.

В исторической правовой литературе приводится много примеров приезда в Россию иноземных служилых людей и получения ими чинов, государственных

[302] Савченко С.А. Конституционный процесс реализации норм, закрепляющих основы конституционного строя России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011; Тарасова А.Г. Юридические процедуры и реализация прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2012; Третьяк И.А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2015.

должностей и земельных пожалований[303]. Некоторые авторы в объяснение этого факта выдвинули следующее утверждение: иноземцы, состоявшие на царской службе, считались «по крайней мере временными поданными русского царя»[304].

В настоящее время в России и ряде других стран разрабатывается концепция евразийского типа государственного управления. В качестве философско-теоретической основы используются взгляды Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого и других мыслителей[305]. Некоторые ее положения, вероятно, могут быть использованы для объяснения указанных выше фактов.

Вопрос о хронологических рамках формирования и действия в России конституционного статуса человека будет рассмотрен в настоящей диссертации ниже.

Полагаем, что есть все основания говорить об отраслевом правовом статусе на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе исторического периода.

Отраслевой правовой статус личности в современном его понимании включает в себя права, свободы, обязанности и другие элементы, регламентируемые нормами отдельной отрасли права – гражданского, трудового, административного, уголовного и др. Иными словами, отраслевой правовой статус – это правовой статус личности в определенной сфере общественных отношений.

В исторической ретроспективе говорить о существовании отраслей права весьма непросто. Вместе с тем, в историографии присутствует точка зрения о существовании в XVII в. в российской системе права самостоятельных отраслей.

---

[303] См., например: Соловьев С.М. Древняя Россия / послесл. В.Я. Петрухина, коммент. В.Я. Петрухина, И.И. Соколовой. М.: Высш. шк., 2004. С. 148; Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 119–124; Артамонов В., Васильев А. Национальные воинские формирования в русской армии XV–XX веков // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 3. М.: Отечество, 1992. С. 106.

[304] Неволин К.А. История российских гражданских законов. Часть вторая: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. М.: Статут, 2006. С. 134.

[305] Аубакирова И.У. Современная евразийская концепция государственного управления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016; Мухамеджанов Б.А. Форма правления Республики Казахстан: Конституционная модель и практика государственного управления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008.

Законодатель в своей деятельности учитывал различия в сферах правового регулирования, а жители России как субъекты правоотношений имели возможность реализовывать свои права и нести обязанности в различных правовых сферах. С.В. Кодан пишет о формировании в России отраслей права, что учитывалось законодателем при создании Соборного уложения. Автор называет следующие отрасли: церковное право, государственное право, судебное право, гражданское право, уголовное и уголовно-процессуальное право[306].

Естественно, что применительно к рассматриваемому периоду иначе должны решаться такие проблемы, как разграничение отраслей права, определение принципов права, структура отраслей права и т.д. Немалые трудности вызвала бы у современного исследователя попытка создать модель системы отраслей применительно к России семнадцатого столетия, используя в качестве средств понятия «предмет», «метод», а также пытаясь соотнести систему отраслей права с системой отраслей законодательства.

Вместе с тем считаем объективно существовавшими различия внутри российского права в середине XVII в. Под различиями мы понимаем особенности тех или иных правовых отношений в разных сферах общественной жизни, а также определенные особенности методов, применявшихся законодателем при регулировании данных отношений. Эти различия позволяют выделить ряд правовых комплексов и использовать для их обозначения понятие «отрасль права». Таким образом, мы присоединяемся к тем правоведам, которые полагают, что в семнадцатом столетии в российском праве шло формирование отраслей.

Мы хотели бы обратить также внимание на мысль, что не существует абсолютно «чистых» отраслей частного или публичного права. Эта мысль неоднократно высказана в правовой литературе[307].

---

[306] Кодан С.В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) [Электронный ресурс] // Юридическая техника. 2013. № 7 (Ч.2). URL: https: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-rossiyskogo-prava-osnovaniya-i-protsess-sozdaniya-yuridicheskoy-konstruktsii-postroeniya-normativnogo-materiala-ix/viewer (дата обращения: 20.09.2023).

[307] Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Изд. дом

В связи с вышеизложенным, отраслевой правовой статус мы не можем трактовать в современном формате, или, другими словами, мы не можем искать его на «привычном» месте. Относительное единство правовых норм для представителей различных сословий в XVII–XIX вв. было лишь в сфере семейного права. Все иные отрасли права характеризовал сословный партикуляризм. Положение индивида в любой сфере общественных отношений в решающей мере определялось его принадлежностью к определенному сословию или субсословию; значит, отраслевой статус зависел от статуса сословного и находился ниже последнего в системе правовых статусов человека.

Другими словами, отраслевой правовой статус присутствовал в правовой действительности России середины XVII – начала XX в. с точки зрения его значения в системе правовых статусов человека в качестве своего рода проекции сословного статуса. Таким образом, отраслевой правовой статус в общей системе правовых статусов человека занимал в России по своему значению место ниже сословного статуса. Лишь с середины XIX в. отраслевой статус активно формировался на базе различных отраслей права, по-прежнему уступая в значении сословному статусу.

Утвердительно можно говорить о существовании родового статуса в течение всего рассматриваемого исторического периода. При этом в качестве родового статуса выступал статус сословный. Учитывая доминирующую роль сословного статуса, можно сделать вывод, что он занимал также место базового статуса. Полагаем, что именно в понятии «родовой статус индивида» нагляднее всего видно пересечение двух самостоятельных, но близких правовых феноменов – правового статуса человека и правового статуса социальных групп.

Индивидуальный правовой статус мы определяем как собирательную правовую категорию, отражающую содержание всех иных статусов, а также те права, обязанности и правоотношения, которые не включаются в содержание указанных правовых статусов, но которые, тем не менее, влияют на правовое положение человека. Другими словами, индивидуальный правовой статус является проекцией

«Городец», 2007. С. 97.

иных видов правового статуса человека, но включает в себя и собственные элементы.

Можно сделать вывод о том, что любое изменение сословного или отраслевого правового стаутса человека влечет за собой изменение его индивидуального правового статуса. Одновременно можно утверждать, что изменение индивидуального правового статуса человека отражает изменение иных его статусов.

Таким образом, правовое положение российского подданного в середине XVII – начале XX в. определялось системой следующих правовых статусов: сословный статус (заменявший собой базовый и родовой статусы и включавший в себя профессиональный статус и иные специальные статусы); отраслевой правовой статус; индивидуальный правовой статус.

§ 3. Проблематика генезиса сословной системы в России в контексте законодательной и правоприменительной деятельности государства

Общая характеристика российской сословной модели предполагает ответ прежде всего на следующий вопрос: каковы цивилизационные особенности сословной модели как результат ее правового оформления и трансформации в рассматриваемый исторический период, включая характеристику этой модели в контексте классификации моделей социальной стратификации цивилизаций и стран мира.

Проблематика генезиса сословного строя в России

Сделаем несколько концептуальных замечаний по вопросу о характеристике социальной структуры России.

Основной проблемный вопрос связан с общей характеристикой социальной системы России: когда в России появились сословия и можно ли вообще отечественную социальную иерархию считать сословной? В контексте темы настоящей

работы можно выделить и другой аспект названного основного проблемного вопроса: является ли сословная система России исключительно результатом произвольных действий государственной власти или ее существование обосновано объективными условиями развития российской цивилизации?

По вопросу о правовой природе стратификации российского общества на протяжении данного столетия сформулированы различные точки зрения. В настоящей работе они были упомянуты в контексте понятийно-терминологического аппарата и лексической истории некоторых ключевых понятий.

Длительное время в отечественной исторической и правовой литературе господствовала концепция об отсутствии сословной системы в XVII в.

По оценке С.М. Соловьева, «наследственной аристократии, высшего сословия не было, были чины: бояре, окольничие, казначеи, думные дьяки, думные дворяне, стольники, стряпчие, дворяне, дети боярские. При отсутствии сословного интереса господствовал один интерес родовой, который в соединении с чиновным интересом породил местничество... Не могло быть места для общих сословных интересов, ибо местничество предполагало постоянную вражду, постоянную родовую усобицу между чиновными людьми»[308].

В целом данной концепции придерживается и В.О. Ключевский. Но он высказал плодотворную мысль о начале формирования сословий задолго до XVIII в. Историк относит генезис этого процесса ко времени возникновения «древнерусского Московского государства». Завершилось образование сословий во время правления Екатерины II[309].

В.О. Ключевский отмечает «разнородность элементов» «военно-служилого класса». В состав последнего, по мнению историка, входили три разряда (чина): чины думные, чины московские, чины городовые[310].

М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что Московское государство было государством бессословным. Группы, на которые разделялось население, следует считать не сословиями, а классами. Отличие классов друг от друга объяснялось

---

[308] Соловьев С.М. Сочинения…Т. 9–10: История России с древнейших времен. С. 277.

[309] Ключевский В.О. История сословий в России. С. 33.

[310] См.: Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М.: Рассвет, 1992. С. 91–92.

различиями обязанностей по отношению к государству. Автор видит в России два класса: служилый и тяглый, которые делятся на несколько разрядов. Разрядами служилого класса являлись чины Боярской думы, придворные чины, военные люди, лица гражданской службы, служилые люди архиереев, бояр и служилых князей. Переходной (промежуточной) группой между служилым и тяглым классами являлись разряды низших служб. Тяглый класс включает в себя несколько разрядов посадских людей (гости, торговые люди гостиной и суконной сотен, посадские черные люди), сельского населения черных волостей (тяглые (вытные) люди, безвытные люди), сельского населения частных вотчин (перехожие поселенцы и старожильцы)[311].

М.Ф. Владимирский-Буданов в обоснование положения о том, что класс служилых людей вплоть до конца XVII в. не являлся сословием, приводит следующие аргументы. Основным способом вступления в служилые люди являлось, по выражению автора, «определение в тот или другой разряд государственной службы (а не пожалование каких-либо прав потомственных или личных)». На службу верстались также дети других, неслужилых категорий населения. «Права и преимущества» служилых людей принадлежали им «как людям, состоящим на государственной службе, а не как членам сословия». При этом указанные права зачастую были неодинаковы для разных разрядов служилых людей. Попытки в XVI–XVII вв. добиться «аристократических привилегий» в управлении государством (и, следовательно, ограничения власти монарха – С.С.) были предприняты в интересах «немногих родов, случайно стоявших тогда близ трона»[312]. Согласно точке зрения М.Ф. Владимирского-Буданова, образование сословий в России «начинается при Петре Великом» и продолжается практически весь XVIII в.[313]

Сразу же отметим, что аргументы М.Ф. Владимирского-Буданова не представляются нам достаточно убедительными. По вопросу о процедуре вступления в рассматриваемую категорию населения его утверждение, что «определение на службу не имеет ничего общего ни с выслугой дворянства, ни с пожалованием»,

---

311 См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 137 и след.

312 Там же. С. 142–144.

313 Там же. С. 241.

справедливо только в той части, что в середине XVII в. отсутствовали нормативные акты, регламентировавшие порядок прохождения государственной службы с той полнотой, какая присуща законодательству царя Петра I, да и само прохождение государственной службы в XVII в. отличалось от периода XVIII в. или XIX в. Между тем и в XIX в. не требовалось специального пожалования прав для лица, которое приобрело потомственное дворянство в связи с получением чина на государственной службе. Статья 26 Свода законов о состоянии людей в государстве гласила: «Получивший по службе чин, с коим сопряжено приобретение потомственного дворянства, признается дворянином по самому тому чину, без особливаго подтверждения его в сем состоянии»[314]. Другими словами, Свод законов Российской империи не предусматривал выдачи патента или осуществления иного юридического действия лицу для подтверждения факта приобретения им дворянского звания в связи с получением соответствующего чина (ранга) на государственной службе. Почему же мы ожидаем какого-либо отдельного юридического акта о пожаловании личных или потомственных прав применительно к XVII в.?

Вступление на службу представителей иных, неслужилых групп населения свидетельствует лишь о незамкнутости категории служилых людей, а не об отсутствии у этой категории характеристик сословия. Утверждение М.Ф. Владимирского-Буданова о том, что «сыновья лиц служилых не получали никаких особых прав с момента рождения; при совершеннолетии (15 лет) они подвергались верстанию и только тогда уже принадлежали к служилому классу»[315], в качестве аргумента является некорректным. Полагаем, что здесь речь идет о двух разных понятиях – правоспособности и дееспособности. Последняя связана с самостоятельными действиями лица. Наступление дееспособности отмечается определенными церемониями, как показывает практика различных стран, будь то посвящение в рыцари, заключение вассального договора и т.п.

Тезис о том, что права и преимущества служилых людей принадлежат им как людям, состоявшим на государственной службе, а не как членам сословия, не

[314] Свод законов о состоянии людей в государстве, ст. 26 // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПБ.: Тип. Вт. отд. С.Е.И.В. Канц., 1857. Кн. 1.

[315] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 142.

выглядит убедительным в качестве аргумента хотя бы потому, что М.Ф. Владимирский-Буданов пишет об «обязанности службой», о прикреплении к службе. Между тем, это обстоятельство не мешает автору признать сословный характер категории служилых людей в XVIII в. Следовательно оно не должно быть препятствием и для признания такого характера применительно к XVII в., поскольку служба для бояр и дворян была обязательной как в XVII, так и в XVIII в. вплоть до знаменитого Манифеста 1762 г.[316]

Очевидно, что неразрывная связь прав и преимуществ служилых людей с занимаемыми им постами в государственных органах и выполняемыми ими должностными обязанностями свидетельствует лишь о неразрывной связи сословного статуса и статуса государственных служащих. Почему бы нам, пока в порядке гипотезы, не принять это обстоятельство как одну из сущностных характристик отечественной модели социальной стратификации, т.е. признать сословный характер российского общества, но со значительными отличиями от других сословных моделей?

В отношении прав и привилегий служилых людей с М.Ф. Владимирским-Будановым следует согласиться в том, что эти права действительно были неодинаковы у разных категорий служилых людей, что, впрочем, не отменяет факта сословной организации общества.

Таким образом, из всех рассуждений исследователя вытекает вывод о том, что служилые люди не являлись единым замкнутым сословием. Вывод о том, что к категории (точнее, к категориям) служилых людей в середине XVII в. понятие «сословие» неприменимо, не следует из аргументов М.Ф. Владимирского-Буданова.

Объяснение фактам многочисленных переходов представителей молодого поколения боярства в чины, занимаемые обычно представителями дворянских категорий с последующим назначением на чины, «свойственные» боярству, может быть вполне удовлетворительно дано в ходе дальнейших научных исследований и

[316] Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XV. № 11 444.

уточнения некоторых концептуальных положений. В связи с этим реальным представляется вывод о признании бояр и дворян единым сословием уже по состоянию на XVII в. Чины в таком случае будут трактоваться прежде всего не в плане социально-правовых категорий, а в плане рангов (классов) государственной службы.

По Г.Ф. Шершеневичу, сословия «в полном значении этого слова» образуются в период правления Екатерины II. В Московский период, до XVIII в., население делилось на разряды, которые нельзя признать сословиями, так как права и повинности не переходили по наследству[317]. Полагаем, что данный аргумент «не работает» в отношении подавляющего большинства населения Российского государства семнадцатого столетия. Разве у детей крестьян, у детей посадских людей была хоть какая-то свобода в выборе своего социального положения и своей профессиональной деятельности? Разве ребенок крепостного крестьянина мог воспользоваться социальным лифтом без согласия своего хозяина? Другими словами, «наследственности» в социальной иерархии России в XVII в. было вполне достаточно. Кроме того, как уже отмечалось выше в настоящей работе, не следует преувеличивать значение любой из характеристик сословности, включая передачу прав и обязанностей по наследству. Правомерен также вопрос: как соотносится понятие «разряд» с системообразующими понятиями «класс», «сословие», «каста»? Если разряд не сословие, то тогда он класс или каста? Или он что-то «четвертое», не вписывающееся в эту категорию?

Ряд авторов, отмечая заимствование государственной властью России сословного строя, делает и вывод о том, что сословное разделение чуждо российской социальной истории. Такую позицию занимают, например, Н.М. Коркунов, Н.А. Рубакин[318].

К.Д. Кавелин, избегая использовать сословную терминологию при рассмотрении российской истории до восемнадцатого столетия, тем не менее отмечает

---

[317] См.: Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 113.

[318] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 274–275; Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава русского государства. СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1912. С. 52.

появление в России в XVII в. наследственных общественных разрядов[319]. Согласимся, что эти наследственные общественные разряды не слишком похожи на общественные классы хоть в материалистическом, хоть в любом ином понимании этого феномена.

Относительно петровских реформ К.Д. Кавелин делает следующие выводы: «Петр Великий наносит сильнейший удар исторически образовавшимся общественным разрядам и ставит идею государства, которому все и каждый должны служить»; «Петр разрушает дворянство как исключительно служебную касту, имеющую служебные привилегии»[320]. Снова обратим внимание на то, что меры государственной власти, описываемые в терминологии автора, не очень похожи на создание сословной системы на месте классового общества, которому по природе своей чужды наследственные статусы и наследственные привилегии, а тем более – кастовая замкнутость.

В начале XX в. историком С.Ф. Платоновым была сформулирована оригинальная концепция, которая включала в себя положение о существовании в Русском государстве сословий значительно ранее XVIII в. С.Ф. Платонов говорит о сословиях в Московском государстве времен правления царя Михаила Федоровича. Он, правда, не дает перечня сословий, не рисует схемы сословной организации, а термин «сословие» использует преимущественно, применительно к служилым людям[321].

Активно использует «сословную терминологию» применительно к XVII в. и более ранним историческим периодам М.Т. Яблочков. Так, он пишет о дворянском сословии применительно к времени правления царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича[322].

Таким образом, в отечественной историко-правовой и исторической научной литературе до 1917 г. доминировало мнение об отсутствии в России сословий

---

[319] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю… С. 578.

[320] Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю… С. 577–578.

[321] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 385.

[322] Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. С. 215 и след.

и сословной системы в XVII в., о появлении сословий либо в начале XVIII в. (время правления Петра I), либо в конце XVIII в. (время правления Екатерины II). Для обозначения различных социальных групп в XVII в. отечественные ученые использовали термины «чин», «разряд», «класс». Тем не менее, уже в то время были высказаны точки зрения о реальном существовании сословного строя в «допетровской» России.

По вопросу продолжительности существования сословной системы в отечественной научной литературе до 1917 г. существует мнение, что в результате реформ 60–70-х гг. XIX в. сословная система в России прекратила существование. Так, Г.Ф. Шершеневич отмечает, что «реформы императора Александра II в корне потрясли весь сословный слой, и оставшиеся в законодательстве постановления о сословных правах представляют лишь разрозненные остатки старого порядка. Шаг за шагом, с разрушением старого помещичьего строя, сословное начало уступает классовому началу, которое теперь в России, как давно уже на Западе, приобретает решающее значение»[323].

Если признать правоту вышеназванных доминировавших точек зрения, то неизбежен вывод: сословность как черта социальной структуры России имела место в течение столетнего (всего-навсего!) периода отечественной истории.

Различные мнения по вопросу о сроках генезиса сословной системы в россии обосновываются в научной литературе XX–XXI вв.

Фундаментальное значение в этом отношении имеют труды Б.Н. Миронова.[324]

Находит в настоящее время сторонников и точка зрения о том, что Россия заимствовала сословные порядки в Западной Европе[325].

---

[323] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 113.

[324] Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1..

[325] См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 241; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 274–275 и др.

Высказано мнение об отсутствии структурирования общества в России вплоть до второй половины XVIII в. как об изначальном структурном дефекте, исправленном в 1785 г. изданием двух известных Жалованных грамот[326].

Впрочем, ряд авторов уверенно характризует социальную систему России в XVII в. (и даже в предшествующий период) как сословную и применяет соответствующую терминологию. Например, С.А. Нефедов пишет, что новая монархия (монархия династии Романовых – С.С.) «родилась вследствие компромисса между сословиями»[327]. Исходя из этого тезиса, надо полагать, что если сословия сумели прийти к компромиссу и установили определенные ограничения для представителей верховной власти, то сословная организация была достаточно зрелой уже к началу семнадцатого столетия.

Интересную концепцию о социальной структуре древнерусских земель, о ее развитии в последующие столетия и о ее влиянии на характер русской государственности разрабатывает А.Ю. Дворниченко[328].

Как положения концептуального характера, так и конкретный исторический материал о формировании сословий и сословной системы в России представлены в трудах историков В.П. Желтовой, Н.А. Ивановой, Е.Н. Марасиновой и др.

Перейдем к рассмотрению позиции (в т.ч. в аспекте терминологии) отечественного законодателя середины XVII – начала XX в.

Для рассмотрения терминологии законодателя середины семнадцатого столетия обратимся к тексту Соборного уложения 1649 г. В ст. 1 гл. XVI Уложения содержится перечень категорий населения: бояре, окольничьи, думные дьяки, стольники, стряпчие (московские), московские дворяне, дьяки, московские стрелецкие головы, путные ключники, городовые дворяне, жильцы, стремянные конюхи, московские стрелецкие сотники, дворовые люди, сытники, дети боярские.

В рассматриваемой статье Уложения 1649 г. речь идет о служилых людях.

---

[326] Новая история Северной Евразии. С. 106.

[327] Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ… С. 100.

[328] Дворниченко А.Ю. История России до 1917 года: учебник для академического бакалавриата / А.Ю. Дворниченко, С.Г. Кащенко, М.Ф. Флоринский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019.

Из анализа данного перечня можно сделать вывод, что перечень составлен из категорий, выделяемых по различным основаниям. Указаны чины (бояре, окольничьи, дети боярские и др.), воинские должности (звания) (московские стрелецкие головы, московские стрелецкие сотники).

В различных статьях Соборного уложения неоднократно упоминаются посадские люди. В статьях указываются крестьяне и бобыли, причем упоминаются крестьяне и бобыли «государевых дворцовых сел» (статьи гл. XI и др.), крестьяне и бобыли «черных волостей» (статьи гл. XI и др.), крестьяне и бобыли вотчинников и помещиков. В ст. 1 гл. XI Соборного уложения упоминаются крестьяне и бобыли, жившие за патриархом, митрополитами, архиепископами, епископами, монастырями, боярами, окольничьими, думными и комнатными людьми, стольниками, стряпчими, дворянами, городовыми дворянами, детьми боярскими, иноземцами. Упоминаются также старожильцы. Перечень категорий населения можно продолжить. Законодатель не использует соответствующую сословной структуре терминологию, включая само слово «сословие».

Из этих фактов следует вывод: социальная структура России в середине XVII в. не оформлена законодателем того времени в правовых терминах, соответствующих сословному строю. Применительно к этому времени отсутствуют и соответствующие научные правовые категории.

Этот же вывод можно сделать и о всей второй половине XVII в. При этом мы знаем о правительственных проектах реорганизации системы чинов и должностей, разрабатывавшихся в то время. Проект, подготовленный по решению царя Федора Алексеевича в 1681–1682 гг., предполагал достаточно серьезные перемены в системе государственной службы. Таким образом, система чинов, сложившаяся в России к середине семнадцатого столетия, вовсе не была единственно возможной формой организационно-правового оформления структуры российской элиты. Тем более, что, как отмечает В.А. Томсинов, часть чинов на деле превратились в почетные звания – титулы[329].

[329] Томсинов В.А. Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексее-

Означает ли отсутствие указанных правовых терминов и правовых категорий отсутствие в России XVII в. сословий как социально-правового института? Для сторонников концепции бессословного характера Московского государства данное обстоятельство является дополнительным аргументом в защиту их позиции. Полагаем, что аргумента терминологического порядка совершенно недостаточно для решения указанного вопроса.

Примем во внимание и то, что не только законодательство вплоть до середины XVII в. не играло решающей роли в системе права России, но и «практически отсутствовали» в то время, по мнению ряда исследователей, представления о таком инструменте правления, как закон[330].

К тому же лексическая история термина «сословие» слишком противоречива, чтобы на ее основании делать категоричные выводы.

Одним из аргументов в пользу точки зрения о появлении сословий в России лишь в восемнадцатом столетии являются соответствующие законодательные меры, принятые в период правления царя Петра I. Для полноты научного анализа рассматриваемой проблемы полагаем целесообразным высказать нашу точку зрения по вопросу о формировании сословий в XVIII в.

События, с которыми можно связать возникновение сословий в начале XVIII в., следующие: принятие Указа о единонаследии (1714 г.); введение Табели о рангах (1722 г.); проведение ревизии и установление подушной подати (1724 г.). Все эти события означали, по нашему мнению, осуществление реорганизации социальной структуры, упорядочение имеющейся сословной системы, но не создание сословий как до тех пор отсутствовавшего правового феномена.

Указ о единонаследии затронул правомочия по распоряжению недвижимостью не только вотчинников и помещиков, но и представителей других категорий населения. Табель о рангах урегулировала и, в известном смысле, упорядочила

вича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / Сост. и авт. вст. ст. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. LI. 288 с.

[330] Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверсти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 51.

процедуру вхождения в шляхетское сословие, но – применительно к представителям иных сословий. Этот факт лишний раз подтверждает, что шляхетское сословие в начале XVIII в. оставалось незамкнутым, так же, как и служилые сословия в XVII в. Наконец, подушная подать[331] не внесла принципиальных новшеств в правовое положение горожан и крестьян: эти социальные группы являлись податными и в XVII в. Более того, в ходе преобразований Петра I, благодаря в т.ч. и рассмотренным выше мерам, значительная часть населения изменила свой правовой статус. Например, к концу 20-х гг. XVIII в. число представителей иных сословий, дослужившихся до дворянства, составляло треть всего дворянского сословия[332]. Одновременно в результате действий государственной власти был понижен правовой статус таких групп, как однодворцы. Целый ряд социальных функций (например, государственная служба) и правомочий (например, приобретение крепостных крестьян) оставался доступным лицам различных сословий.

В целом мы не находим в реформах эпохи Петра I тех мер (принципиально новых по сравнению с государственной политикой в сфере оформления социальной иерархии в середине и второй половине XVII в.), которые можно было бы определить как создание сословий[333]. Сословная система и после преобразований первой четверти XVIII в. представляло собой сложную совокупность социальных категорий. Петровское шляхетство и, тем более, городское и крестьянское сословия включали с свой состав по несколько общественных групп с различным правовым статусом. Значительная часть населения Российского государства, проживавшая на территории площадью в несколько миллионов квадратных километров, как и в семнадцатом столетии, оставалась вне сословной системы.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Терминология, обозна-

---

[331] Плакат «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» от 26 июня 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VII. № 4 533.

[332] См.: Исаев И.А. История государства и права России… 1996. С. 124.

[333] Отметим также, что В.О. Ключевский, перечисляя явления и институты, заимствованные Петром I у «старой Руси», называет сословия. См.: Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1995. С. 63.

чающая принадлежность к определенной социальной категории в течение первой половины, середины и даже второй половины восемнадцатого столетия была неустойчива и, прямо говоря, мало соответствовала четырехсословной структуре. Обратимся к официальным юридическим документам XVIII в.

В тексте плаката о сборе подушных денег (1724 г.), с которым ряд исследователей связывает окончательное оформление сословной системы в России, понятия «состояние», «сословие» не используются вообще. К сословной терминологии можно отнести такие термины, как «дворяне», «посадские», «разночинцы», «крестьяне», «государственные крестьяне», «однодворцы», «черносошные крестьяне», «дворцовые люди и крестьяне», «люди и крестьяне Синодского ведения» и некоторые другие. Преобладает же (с учетом количества упоминаний) «несословная» терминология: «жители», «обыватели», «плательщики», «земледельцы», «работники» и др. В названии нормативного акта законодатель указывает на некую общую социальную категорию земских обывателей[334].

В составленных в 1726–1731 гг. официальных документах, относящихся к учету людей, записавшихся в мастера цехов г. Москвы, были установлены следующие графы (сохраняем орфографию источника):

1) звание мастерств[335],
2) из дворцовых служителей,
3) из дворянских детей и из однодворцев,
4) синодальных, архиерейских и монастырских служителей,
5) разных канцелярий подьяческих, сторожевых детей и приставов,
6) мастерской и Оружейной полат мастеров и их детей,
7) печатного двора мастеровых людей и их детей,
8) денежных дворов мастеровых людей и их детей,
9) из артиллерских служителей,

---

[334] Плакат «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» от 26 июня 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VII. № 4 533.

[335] Первая графа предназначена для указания вида «мастерства», т. е. ремесла или профессии.

10) из церковников,

11) из дворовых господских людей,

12) иноземцев разных наций,

13) из отставных драгун и солдат и их детей,

14) из каких чинов не показано,

15) из лекарских детей и учеников,

16) из ямщиков и их детей,

17) из каменщиков и их детей,

18) бархатного, шляпного и кожевнаго дворов из мастеровых и работных людей,

19) из извощниковых детей,

20) московского и городового купечества,

21) синодальных, архиерейских и монастырских,

22) дворцовых,

23) помещиковых.[336]

В Записной книге Нижегородской таможни (записи за 1730 г. приведены с сохранением орфографии документа) социально-правовая принадлежность участников торга фиксируется следующим образом:

– крестьянин Василей Иванов (запись от 4 января);

– Никифор Васильев, человек Морскаго флота подпорутчика Михайла Иванова сына Танеева (запись от 6 января);

– Аврам Солуяков, прикащик посацкого человека Никиты Жукова (запись от 7 января);

– посадцкой человек Яков Васильев (запись от 22 января);

– Иван Павлов, крестьянин помещика Петра Андреева сына Левина (запись от 24 января);

[336] Ведомость, коликое число по присланным из Московской ратуши имянным ведомостям объявлено записавшихся в Москве по мастерствам разных чинов людей в цех. А по каким мастерствам и ис каких чинов, объявлено ниже сего // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в.: учеб. пособие / Сост.: Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский; под ред. А.Д. Горского. М.: Высш. шк., 1988. С. 268–283.

– ямщик Дмитрей Аврамов (запись от 16 февраля);

– Фадей Попов, прикащик дворянина Акинфея Демидова (запись от 2 августа);

– соляной промышленник Иван Александров, сын Ростовщиков (запись от 4 августа)[337].

Второй половиной XVIII в. датируется «Описание Московской губернии» из документов комиссии А.А. Вяземского. Описание города Коломны содержит раздел «Число жителей» (текст приведен с сохранением орфографии документа):

штаб и обер афицеров	9
купцов, от коих объявлено капитала 219 017 рублев	827
мещан	978
священно и церковнослужителей	70
канцелярских служителей	35
салдат	68
монастырских и дому архиерейскаго служителей	74
ямщиков	445
разночинцев	6
живущих в городе крестьян на дворах своих господ	150
а всех званиев	2662[338]

Материал по городу Серпухову включает в себя раздел «Звание жителей»:

дворян	2
священно и церковнослужителей и детей их	168
купечества от коих объявлено капитала 219 115 рублев.	967
Мещан	1307
канцелярских служителей	11
солдат и их детей	54
старых служеб	20
дворцовых крестьян	182
разночинцев	37[339]

[337] Записная книга Нижегородской таможни (извлечения) // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в.: учеб. пособие / Сост.: Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский; под ред. А.Д. Горского. М.: Высш. шк., 1988. С. 219 – 226.

[338] Цит. по: Описания Московской губернии // Источник. Документы русской истории. 1993. № 2. С. 114.

Как видим, в числе категорий населения указываются как сословия (дворяне, священнослужители, мещане, крестьяне), внутрисословные группы (купцы), так и группы, не вписывающиеся в рамки официально оформленных сословий (канцелярские служители, разночинцы и др.).

Таким образом, во второй половине XVIII в. в стране продолжало сохраняться некоторое число общественных групп, в отношении которых даже на уровне официального документооборота возникали затруднения в отнесении их к тому или иному сословию.

Мы можем также сделать вывод о том, что государство в целом ряде случаев мало интересовала юридически точная оценка социально-правового положения подданных. В каких-то случаях классификация жителей по критерию сословной принадлежности была просто не нужна для принятия определенных решений. Скажем, межевание земель в Саратовской губернии и связанное с ним выделение городу Саратову земли для выгона скота требовало сведений лишь о численности городских жителей, а не об их сословной принадлежности; соответственно все проживающие в Саратове были обозначены законодателем как «обитающие в нем жители»[340].

Впрочем, и в XIX в. утилитарные соображения государственного управления зачастую требовали произвести классификацию людей по различным критериям: установить сословную принадлежность одних подданных, зафиксировать внутрисословное положение других подданных и род занятий третьей группы подданных без уточнения сословной принадлежности последних и т.д. В этих случаях государственные органы не слишком заботились о соответствии предлагаемой ими классификации российских жителей официально установленной четырехсословной структуре. Имеется большое количество примеров такого рода. Так, в сенатском указе от 1 октября 1808 г. «О форме ведомостей, по которым гу-

---

[339] Цит. по: Описания Московской губернии … С. 124.

[340] Дополнительные статьи и мнение Сената к общей Межевой инструкции, высочайше конфирмованные для межевания земель в губерниях: Симбирской, Саратовской и Оренбургской, которые состоят в следующем от 14 августа 1798 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXV. № 18 625.

бернаторы обязаны доставлять в Сенат сведения, сколько в каждой губернии всякого рода и состояния жителей» называются группы населения, численность которых интересует правительственные учреждения: духовенство, дворянство, разночинцы, купцы, мещане, крестьяне казенные и помещичьи. Эти группы объединяются понятием «обитатели всякого рода и состояния». Еще большая дробность категорий населения предусматривается образцом ведомости, утвержденным данным указом[341].

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода общегосударственные, региональные и местные органы государственного управления России в своей практической деятельности и в своей документации достаточно свободно оперировали терминологией, обозначающей профессиональное, конфессиональное, имущественное положение подданных, группируя социальные категории, относящиеся к разным сословиям, не всегда подчеркивая и не всегда обозначая сословные рамки между разными группами подданных. При этом данное обстоятельство не может быть признано аргументом в пользу отсутствия сословий или в пользу аморфности сословной системы в России.

Отчасти данное обстоятельство отражало потребности государственного управления, а отчасти – особенности российской модели сословной системы, когда каждое из сословий включало в свой состав несколько социальных групп, правовой статус которых имел существенные особенности по сравнению с «общесословным» правовым статусом.

Должен быть принят во внимание и субъективный фактор, включая те или иные действия самих участников правоотношений. Даже в 1820-е гг., во время «золотого века» русской бюрократии, имели место случаи предоставления неправильных сведений при составлении официальных учетных документов чиновников-дворян, на что обращалось внимание в указе Правительствующего сената от

---

[341] Сенатский указ «О форме ведомостей, по которым губернаторы обязаны доставлять в Сенат сведения, сколько в каждой губернии всякого рода и состояния жителей» от 1 октября 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXX. № 23 291.

30 марта 1828 г.[342] Комментируя предписываемые данным указом правительственные меры, Д.Н. Шилов отмечает, что «большинство российских дворянских родов к тому времени еще не прошли процедуру юридического подтверждения своих сословных прав Сенатом»[343]. Подчеркнем, что речь идет о государственных служащих-дворянах, социальной группе, чей статус и чья профессиональная деятельность документировались в максимальной (по сравнению с большинством других социальных групп) полноте и достоверности.

Наличие внутрисословных групп не есть исключительно российский феномен, более того, это явление выступает скорее в качестве правила, а не исключения.

Третье сословие во Франции включало в себя не только различные группы крестьян, но и достаточно дифференцированное городское население. Представитель направления истории понятий в историографии М. Ридель отмечает, что «в средневековой теории трехчастного деления общества места для «бюргерского сословия», конечно, не было…». По мнению автора, лишь на исходе Средневековья бюргеров в Европе признали отдельным сословием[344].

Приведем мнение М.А. Барга о структурировании английского общества в начале и середине XVII в. Он пишет о пестроте социальной структуры общества предреволюционной Англии, переплетении имущественных и сословных статусов людей[345].

Правда, структура сословий и статус внутрисословных групп в России существенно отличались от зарубежных, в частности западноевропейских, моделей.

---

[342] Сенатский указ «Об означении в формулярных списках о поступивших в службу не из дворян того звания, из коего каждый имеет свое происхождение» от 30 марта 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. III. № 1 904.

[343] Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 1: А–Л. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 17.

[344] Ридель М. Бюргер. Гражданин, бюргерство/буржуазия // Словарь основных исторических понятий: Избр. Статьи в 2-х т. Т. 2. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 13.

[345] Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. С. 68.

Но степень гомогенности сословий не надо приуменьшать в отношении западноевропейских сословных систем и преувеличивать в отношении российской сословной системы. Именно не сам факт наличия внутрисословных групп, а их статус и роль определяют особенности российской сословной модели.

Аргументируем свою позицию по вопросу существования в России сословного строя и сословий уже к началу рассматриваемого в настоящей работе исторического периода, т.е. к середине XVII в. Сразу же уточним, что понятие «класс» не будет здесь использоваться в марксистской трактовке, ибо в таком случае социальную структуру России на всех этапах ее истории мы должны признать классовой, а сословная характеристика уйдет на второй план.

Итак, применяем аргументы логического и фактического порядка.

Первый аргумент является соображением логического порядка. Исходим из истинности закона двойного отрицания в логике и применяем прием доказывания «от противного». Если мы знаем три вида системообразующих компонентов социальной организации (не считая родоплеменную организацию догосударственного периода) – класс, сословие и касту – то мы должны выбрать один из них для характеристики социальной структуры России в середине XVII в. Каста по понятным причинам в качестве такого компонента не рассматривается. Остаются класс и сословие. Если мы признаем социальную структуру «бессословной», то тем самым мы должны признать ее классовой. Получается, что боярство – это класс, купечество – это класс. Категория старинных холопов – тоже класс. Крестьянство всех категорий, многим из которых был официально запрещен переход на другое место жительства – это тоже класс. Неужели крепостное состояние согласуется с природой классового, а не сословного и не кастового деления общества?

Неужели мы готовы признать, что российское общество середины XVII в. по своей структуре и по своим ключевым характеристикам находится ближе к современному классовому обществу XX–XXI вв., нежели к сословному обществу?

Но если общество в России середины семнадцатого столетия не является кастовым или классовым, то оно является сословным.

Второй аргумент относится прежде всего к фактической стороне дела. Мы знаем сколько-нибудь массовые примеры изменения социального положения в России того времени? Мы видим механизмы хотя бы относительно свободного выбора людьми семнадцатого столетия места жительства, профессии? Примеры, связанные с участием в многочисленных социальных конфликтах первой половины XVII в. не в счет: такой вариант социальной мобильности находился вне правового поля и не был санкционирован законодательно. Непрерывные побеги российских подданных, прежде всего из центральных уездов страны, на окраины государства – тоже не в счет по этой же причине.

Речь идет об официально утвержденном порядке. Мы знаем членов Боярской думы, вышедших из крестьян и посадских людей? В самую низшую из наиболее привилегированных категорий – дети боярские – войти было невозможно без специальной санкции государственных органов. Мы уже не говорим о категориях с более высоким статусом. Мы знаем членов Боярской думы, перешедших в состав крестьянства после прекращения своих полномочий по решению монарха?

Какое профессиональное будущее ждало 99 % детей крестьян того времени? Не располагая официальными статистическими сведениями (если таковые вообще можно собрать), автор настоящей работы тем не менее полагает возможным сделать следующее утверждение: их ждал сельскохозяйственный труд, крестьянский образ жизни и соответствующий правовой статус. Аналогичной является ситуация и с непривилегированными группами городского населения.

Те относительно немногие примеры, связанные с представителями крестьянского и городского мира, которым удавалось осуществить вертикальную социальную мобильность, решительно поменять образ жизни, войти в состав иных социальных групп, показывают нам не свободу выбора человеком семнадцатого столетия своего социального положения и своего профессионального маршрута, а доказывают, что сословное общество также располагает социальным лифтом. Такие же примеры вертикальной социальной мобильности мы знаем применительно к любому столетию российской истории. К имени Н. Минина (патриарха Никона,

XVII в.) можно добавить имена А.Д. Меншикова, М.В. Ломоносова (XVIII в.), С.В. Морозова, М.С. Щепкина (XIX в.) и целый ряд других имен. Возможностям социальной мобильности крепостных людей в России посвящен отдельный сюжет в настоящей работе.

Третий аргумент основан на диахронном сравнении социально-правовых объектов. Сравним с точки зрения как правового статуса, так и наличия или отсутствия сословных характеристик несколько социальных групп по состоянию на середину XVII в. и на середину XVIII в. В перечень данных групп включим монашествующее духовенство, крепостных крестьян, дворцовых крестьян.

Сформулируем вопрос: какие принципиальные изменения в правовом статусе этих социальных групп произошли за сто лет? Какие характеристики в их правовом положении, в их самоорганизации, в их самосознании позволяют определить их в качестве сословий (или части сословий) применительно к середине XVIII в. и какие характеристики, имевшие место в середине XVII в. в их правовом положении, в их самоорганизации, в их самосознании, не позволяют установить сословную природу указанных социальных групп?

С точки зрения автора настоящей работы, никаких принципиальных новаций за указанное столетие в правовом положении названных социальных групп не произошло. Если мы возьмем такой критерий, как передачу прав и обязанностей по наследству, то мы и здесь не найдем никаких заметных перемен. Соответственно, может ли быть правильным и непротиворечивым следующее утверждение: не меняя своей правовой природы, монашествующее духовенство, дворцовые и крепостные крестьяне являются в XVII в. органичной частью классовой структуры общества, а в XVIII в. – органичной частью сословной структуры. Полагаем, что данное утверждение не может быть ни правильным, ни непротиворечивым. Если мы признаем эти три социальные группы сословными применительно к XVIII в., то есть основания признать их таковыми и применительно к XVII в.

Аналогичный вывод следует и в отношении сравнения социальных групп черносошных крестьян середины XVII в. и значительной части государственных крестьян середины XVIII в.

А ведь названные социальные группы составляли в семнадцатом и восемнадцатом столетиях подавляющее большинство населения Российского государства. Значительные перемены произошли за рассматриваемое столетие в правовом положении боярско-дворянской элиты, в положении приходского духовенства и части городских жителей. В сумме эти категории составляли несколько процентов населения России. Даже если признать принципиальный (точнее говоря – кардинальный) характер таких изменений (что вовсе не является фактом), уместным остается вопрос: неужели характер социальной системы в целом правомерно определять по правовому положению заведомого меньшинства?

В связи с вышеизложенным, можно сделать такой общий вывод. Определяя тип организационно-правового оформления социальной системы России середины XVII в. в научных категориях «каста – сословие – класс», однозначно следует выбрать понятие «сословие». Социальный строй России того времени – сословный строй.

Понятно, что правовое оформление сословной системы в XVII в. с точки зрения юридической техники серьезно уступало правовому оформлению XIX в. Объем правовых норм, перечень юридической терминологии были просто несравнимы. А если учесть, что правовой обычай в семнадцатом столетии играл в России не менее важную роль в правовом регулировании социальной иерархии, нежели нормативно-правовой акт, то сравнение становится совсем не в пользу законодателя XVII в., а «родство» моделей социальной организации семнадцатого и двух последующих столетий становится менее очевидным.

Самое простое решение этой коллизии – определение сословного строя России XVII в. в качестве развивающегося, «не вполне зрелого», а сословного строя России XIX в. – как «более зрелого», как «классического». Но это определение возможно только в аспекте правового оформления.

Конечно, решающее значение имеет не зрелость правового оформления, не отточенность юридических формулировок и их количество, а адекватность отражения законодателем запросов общества, интересов развития страны в том или ином типе оформления социальной системы. Вполне возможно, что сословные

модели и в семнадцатом, и в восемнадцатом, и в девятнадцатом столетиях различались лишь потому, что разными были условия их формирования, разными были требования, предъявляемые к ним со стороны общества и государственной власти; но эти модели были одинаковыми по степени соответствия их задачам, стоявшим перед Российским государством, соответствия их рискам, которые должен был учитывать законодатель.

Другими словами, сословная модель XVII в. «выглядит» незрелой с точки зрения сответствия ее «образцу» сословной системы, с точки зрения научного уровня ее правового оформления. Но она является вполне зрелой с точки зрения соответствия условиям, в которых развивались общество и государство, соответствия уровню развития системы права, соответствия характеристикам общественного правосознания и т.д.

В качестве гипотезы можно сделать предположение, что сословная система, выстроенная по нормам Свода законов Российской империи образца 1830-х гг., и примененная верховной государственной властью к российским реалиям XVII в., менее эффективно реагировала бы на вызовы, вставшие перед страной в то время.

Сделаем и еще один вывод, отчасти связанный с рассматриваемым вопросом. Середина XVII в., не являясь начальной датой российской социальной истории, не является и начальной датой в формировании в стране сословного строя. Сословный строй существовал как социально-правовой феномен на протяжении длительного времени. Отечественный законодатель не конституировал в середине семнадцатого столетия сословную систему, не вводил в правовую жизнь страны феномены сословности и сословий.

Сословность как характеристика общества была присуща российскому обществу еще до начала рассматриваемого исторического периода. Во время формирования единого государства в каждой из самостоятельных русских земель существовал сословный строй, существовала своя организационно-правовая конструкция сословной системы. Централизованное Российское государство также имело социальную систему сословного характера. При этом сословная система

носила разобщенный характер. Общие для всей страны сословия только формировались.

С завершением периода территориально-политической раздробленности (в первой четверти XVI в.) вопрос создания общегосударственной сословной системы самим ходом развития страны был включен в актуальную повестку. Другими словами, решение этого вопроса было делом времени. Однако начавшееся вскоре стремительное территориальное расширение Российского государства, включение в состав страны огромных территорий с иной сословной структурой или, по большей части, не имевших собственной государственности и, соответственно, законодательно оформленной социальной иерархии, изменило ситуацию. Формирующаяся на территории площадью менее 3 млн. кв. км. единая сословная система не могла быть признана общегосударственной, ибо территория Российского государства составляла в середине XVII в. примерно 12 млн. кв. км.

От российского законодателя середины семнадцатого столетия требовалось не «придумать» понятие «сословие» (сословия как социально-правовой феномен уже существовали в России без официального термина), не санкционировать сословный характер российского общества (это произошло ранее в ходе исторического процесса), а частично изменить организационно-правовые характеристики сословной системы и признать (если угодно – официально подтвердить, санкционировать) распространение имеющейся модели сословной системы на всю территорию государства. Одновременно следовало решить вопрос с характером социальной иерархии тех народов, которые были относительно недавно включены в состав государства. Другими словами, законодательное оформление сословной системы в общегосударственном масштабе в середине XVII в. – это не генезис сословной системы в России, а подтверждение общегосударственного характера имеющейся сословной системы в новых территориальных рамках страны.

ГЛАВА 3. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СОСЛОВНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С учетом изложенного выше концептуального подхода рассмотрим социальную структуру России в середине XVII – начале XX в. Основным аспектом, интересующим нас, является процесс правового оформления структуры российского общества, процесс трансформации сословной системы России.

Характеристика функционировавшей (в разных вариантах) на протяжении рассматриваемого исторического периода модели социальной стратификации будет производиться в хронологической последовательности в соответствии с предложенной нами периодизацией.

При этом, прежде чем представить оформленные российским законодателем модели сословной системы, целесообразно остановиться на некоторых важных научных проблемах.

Определенные трудности вызывает характеристика правового положения ряда категорий населения России рассматриваемого исторического периода.

В качестве примеров социальных групп, определение правового статуса и места которых в сословной системе России вызывает наибольшие трудности, приведем ратных людей, вотчинников, помещиков, думных дворян, думных дьяков, различные категории сельского (крестьянского) населения, категории «инородческого» населения. Очень непростым является вопрос с определением сословных границ духовенства, причем как применительно к семнадцатому столетию, так и к более позднему времени. Нешаблонного подхода требует научный анализ правового положения казачества. Нетривиальным является вопрос о месте в сословной системе монарха и членов царствующей фамилии.

§ 1. Правовое оформление сословной системы России: некоторые дискуссионные моменты научной интерпретации результатов

Выше уже отмечалось, что правовое оформление сословной системы России происходило в условиях стремительного увеличения государственной территории. С учетом небывалого по масштабам увеличения площади государства и количества проживающих в нем народов российский законодатель должен был избрать результативный способ конституирования и последующего изменения общегосударственной сословной системы.

Целый круг научных проблем связан с определением правового положения ряда категорий населения России. Эти проблемы можно разделить на два вида.

Первый вид проблем коренится в результатах законотворческой или правоприменительной деятельности. Речь идет о применении (или неприменении) отечественным законодателем тех или иных терминов, о санкционировании тех или иных неинституциализированных практик, об отсутствии в некоторых случаях необходимой четкости правового регулирования определенных вопросов и пр. Наиболее острым этот вид проблем является для исследования материала начала рассматриваемого исторического периода. По мере укрепления позиций нормативно-правового акта в системе источников российского права, по мере совершенствования законодательной техники острота проблематики снижается.

Второй вид проблем заключается в трудностях современной интерпретации некоторых отечественных социально-правовых институтов рассматриваемого исторического периода, в правильном понимании некоторых действий законодателя по регулированию сословной системы, по определению правового статуса тех или иных категорий населения.

Правовое положение групп «инородческого» населения

Одной из характеристик российской сословной модели является особое положение населения северных и юго-западных районов Европейской части страны,

Сибири и Дальнего Востока. Это своеобразное положение сохраняется в течение всего рассматриваемого исторического периода. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, в первой половине XIX в. российский законодатель несколько изменил вектор государственной политики, конституировав правовой механизм интеграции этих народов в общегосударственную сословную систему.

Указанное особое правовое положение было установлено для населения, официально именовавшегося инородным. Применительно к сибирским территориям инородными отечественный законодатель называет «все племена обывателей не российского происхождения, в Сибири обитающие» (§ 143 отд. II «Управление инородных» Учреждения для управления сибирских губерний)[346]. При этом коренные народы Сибири и Дальнего Востока были разделены «по настоящему образу жизни» на три группы: оседлые, кочевые и бродячие. К оседлым были отнесены (используя лексику Устава «Об управлении инородцев»[347] «подданные бухарцы», татары, малочисленные роды, обитающие смешанно с россиянами, и некоторые другие жители. Буряты, остяки, якуты и некоторые другие были причислены к кочевым инородным племенам (§ 3 Устава «Об управлении инородцев»). Каряки, юкагиры и некоторые другие были отнесены к бродячим инородцам (§ 4 Устава).

Правовое положение различных групп инородческого населения (инородцев) было подробно рассмотрено в целом ряде трудов отечественных правоведов и историков. В частности, можно назвать работы правоведов второй половины XIX – начала XX в., представителей современной юридической и исторической наук П.В. Гоголева, Н.А. Ивановой, В.П. Желтовой, Н.И. Краснякова и др. Данное обстоятельство позволяет автору настоящей работы отказаться от рассмотрения данного сюжета и сосредоточить свое внимание на исследовании вопросов, свя-

---

[346] Учреждение для управления сибирских губерний от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 125.

[347] Высочайше утвержденный устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXVIII. № 29 126)

занных с местом инородческого населения относительно общегосударственных сословий согласно законодательства того времени.

Оседлые инородцы имели возможность войти в состав общероссийских сословий. В научной литературе отмечается, что оседлые инородцы, проживавшие в городах и селениях, «были уравнены в правах и обязанностях с русскими сословиями купцов, мещан и крестьян и подчинены всем законам Российской империи»[348]. Так, инородцы, приписавшиеся к государственным крестьянам, входили в состав данного субсоловия. Законодатель, перечисляя в Своде законов о состоянии людей в государстве группы государственных крестьян, прямо называет оседлых инородцев[349].

Те из них, которые исповедовали христианскую веру, должны были именоваться россиянами без указания на принадлежность к инородческому населению (§ 12 Устава «Об управлении инородцев»). Таким образом, оседлые инородцы, вошедшие в состав общегосударственных сословий и исповедовавшие православие, становились частью общероссийской сословной системы. Но и в случае сохранения ими иной конфессиональной принадлежности, они получали права, обязанности и преимущества, связанные с членством в общероссийских сословиях и субсословиях. Другими словами, оседлые инородцы становились органической частью общероссийской сословной системы. Нет никакой необходимости и никаких оснований выделять их в качестве самостоятельного субсословия.

Сложнее вопрос обстоит с правовым статусом «кочевых и бродячих» инородцев.

Представители кочующих народов имели особый отраслевой статус. Так, уголовное законодательство, распространявшее свое действие по кругу лиц на всех жителей Сибири и Дальнего Востока, устанавливало сокращенный перечень составов уголовных преступлений. Согласно § 37 Устава «Об управлении инородцев», уголовными делами для инородцев считались возмущение, намеренное

---

[348] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П Желтова; Ин-т рос. истории – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 662.

[349] Свод законов о состоянии людей в государстве. Издание третие. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1835.

убийство, грабеж и насилие, фальшивомонетничество, хищение казенного и общественного имущества. Все остальные дела, включая кражу, закон относил к исковым, т.е., по сути, к гражданским.

Кочующие инородцы в соответствии с § 42 Устава «Об управлении инородцев» освобождались от рекрутской повинности.

Народы, отнесенные законодателем к кочующим инородцам, имели право без ограничений заниматься на своих землях земледелием, скотоводством, местными промыслами (§ 29), имели право продавать товары собственного производства в городах и на ярмарках (§ 45). Власти были обязаны организовать, в дополнение к частной, государственную торговлю с целью продажи по «умеренным» ценам хлеба, соли, пороха и свинца коренным жителям Сибири и Дальнего Востока (§ 270 и след. Устава «Об управлении инородцев»).

В пределах 500 верст от своего постоянного места жительства, кочующие могли перемещаться без предъявления «письменного вида», т.е. документа, удостоверяющего личность.

§ 57 и § 58 Устава закрепляли правовой механизм социального лифта для представителей кочевых народов в индивидуальном порядке. Согласно положениям этих параграфов, кочующие жители в случае перехода к оседлости могли по своему желанию «вступать в сословие государственных крестьян, равно в городовые жители и записываться в гильдии … и притом с свободою от рекрутства». В этом случае их правовой статус, как и применительно к оседлым инородцам, сравнивался с правовым статусом членов сословий. Исчезали основания для включения таких людей в состав каких-либо отдельных социальных категорий.

Таким образом, речь идет о статусе инородного населения, не включенного в состав общероссийских сословий и отнесенного законодателем к кочующим и бродячим инородцам.

Казалось бы, вопрос решается просто. Законодатель установил, что «кочевые инородцы составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от онаго в образе управления» (§ 24 Устава «Об управлении инородцев»). Однако вывод о том, что кочевое и бродячее инородное население входит в

состав сословной системы России и составляет отдельное сословие с правовым статусом, равным правовому статусу крестьян, сделать, по мнению автора настоящей работы, нельзя. В Российской империи в 1822 г. не было крестьянского сословия; было сословие сельских обывателей. Предположение о «технической» неточности законодателя не решает вопроса. Сословие сельских обывателей включало в себя социальные группы (субсословия по терминологии автора). с существенно различающимся правовым статусом. Соответственно, положение «в равной степени» не имеет сколько-нибудь точного значения. В равной степени с однодворцами, имевшими возможность получения дворянского достоинства в особом порядке, часть которых к тому же являлась душевладельцами? С казаками? Если же предположить, что законодатель имел в виду «крестьянскую часть» сословия сельских обывателей, то опять-таки не понятно, какую именно социальную группу, которых было немало, от свободных хлебопашцев до крепостных помещичьих крестьян. Кроме того, в отличие от оседлых инородцев, кочевые и бродячие не упоминаются в Своде законов о состоянии в качестве групп внутри каких-либо сословий. В исключительно юридическом ключе трактовать названное выше положение § 24 Устава «Об управлении инородцев» нецелесообразно.

Отсылка нормативно-правового акта к крестьянскому сословию имеет не столько юридическую, сколько «социально-хозяйственную» коннотацию. Законодатель указывает не только (и не столько) на правовое положение, но и на положение хозяйственное. Кочевые инородцы – это люди, находящиеся в непривилегированном правовом положении (подобно сельским обывателям) и ведущие хозяйство «непромышленного и неторгового» типа.

Еще более важно то, что законодатель в положениях общего характера Свода законов о состоянии прямо указывает, что инородческое население не относится к природным обывателям, а только природные обыватели делятся четыре главные рода людей, составляющих общегосударственную сословную систему.

Термин «особенное сословие», примененный законодателем § 24 Устава «Об управлении инородцев» означает, по-видимому, что кочевые инородцы составляют отдельную социальную группу. Не отдельное сословие внутри сослов-

ной системы, а отдельную от общероссийской сословной системы группу. Другими словами, термин «сословие» в данном случае обозначает группу лиц, а не один из «главных родов людей».

Таким образом, инородцы не могут составлять отдельного сословия или «внутрисословной» группы в общероссийской сословной системе. По решению законодателя отдельные категории инородческого населения могут включаться в состав общегосударственных сословий. «Инородческое» население может входить в общероссийскую сословную систему только в составе общегосударственных сословий.

Другими словами, тенденция на «невключение» в состав общегосударственной сословной системы ряда коренных народов проявлялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Очевидно, законодатель предусматривал изменение образа жизни, прежде всего, типа хозяйственной деятельности как условия интеграции данных этносов в общероссийскую сословную систему. При этом законодатель не рассматривал данное обстоятельство как дискриминационное, поскольку подданные, оставшиеся за пределами сословий, хоть не имели некоторых правовых возможностей, но и не несли некоторых обязанностей.

С начала XIX в. эта тенденция законодательной политики была дополнена функционированием правового механизма, позволявшим указанную трансформацию осуществлять.

Несколько тезисных положений о правовом статусе царствующей фамилии

Нетривиальным является вопрос о правовом положении монарха, членов его семьи и его кровных родственников в сословной системе страны. На уровне нормативно-правовых актов, содержавших положения о сословном статусе различных категорий населения, этот вопрос не был урегулирован в течение всего рассматриваемого периода. В частности, не содержит соответствующих положений Соборное уложение.

Очевидно, что отношения, связанные с правовым положением монарха, его

семьи и ближайших родственников, с реализацией властных полномочий монарха применительно к его домочадцам и ближайшим родственникам, регулировались в формате традиций. Такой формат применялся не только в семнадцатом столетии, но и в предшествующий период истории Российского государства. Имеются исторические примеры реализации монархами властных полномочий не только по отношению к «простым» подданным, но и по отношению к членам своей семьи и своим ближайшим родственникам. Известен действовавший несколько лет запрет великого князя всея Руси Василия III на вступление в брак своих братьев – Юрия и Андрея. Известна роль великих князей Ивана III и Василия III в организации браков своих детей; известны брачные планы в отношении своих детей царя Михаила Федоровича. Хорошо известны действия великого князя Василия III и царя Петра I по расторжению своих браков и определению дальнейшей судьбы своих жен. Известны действия царя Петра I по отношению к своей сестре Софье, к сыну Алексею. Примеры можно продолжать. Таким образом, отсутствие нормативно-правового регулирования указанных отношений ни в шестнадцатом, ни в семнадцатом, ни в восемнадцатом столетии не мешало монархам реализовывать властные полномочия не только в качестве главы государства, но и в качестве главы семьи и главы рода.

Насколько факт реализации властных полномочий может являться свидетельством существования отдельной, юридически и организационно оформленной, социальной группы, состоявшей из членов семьи и ближайших родственников главы государства?

В Своде законов Российской империи положения о статусе членов Императорского дома были включены не в состав Свода законов о состоянии, а в состав Основных государственных законов.

Некоторые аспекты вышеуказанного вопроса можно сформулировать так: является ли, согласно позиции законодателя, царская/императорская фамилия частью сословной системы? Входит ли фамилия в состав какого-либо сословия или составляет отдельную социально-правовую категорию?

Далеко не все исследователи задаются указанными вопросами. В связи с

этим надо отметить работы Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, в которых подробно проанализировано правовое положение императорской фамилии на протяжении двух столетий – с начала XVIII в. по начало XX в.[350]

Н.А. Иванова и В.П. Желтова отмечают, что Российский императорский дом, олицетворяемый с 1613 г. династией Романовых, стоял «наверху сословной общественной пирамиды». Правовое оформление этой «специфической корпорации» произошло в XVIII в. Решающую роль сыграл император Павел I[351].

В состав Императорского дома входили все лица, «происшедшие от императорской крови в законном браке». Юридически факт принадлежности к Императорскому дому удостоверивался записью в родословной книге Российского императорского дома[352]. В состав Императорского дома в начале XIX в. входили 9 человек, в конце того же века – чуть более 50 человек[353].

Члены Императорского дома имели особые права, обязанности и преимущества. На них распространялась дисциплинарная власть монарха как главы Дома (за исключением членов Дома, царствующих в других государствах и некоторых других)[354]. Исследователи отмечают, что, хотя ряд прав и обязанностей членов Дома были сходны с дворянскими, «законодательство ставило представителей Фамилии выше даже самых привилегированных лиц этого сословия». Они определяют Российский императорский дом как «семейно-сословную корпорацию или сословную группу»[355].

Приведенные выше отсылки показывают сущность концептуальных положений, сформулированных Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой применительно к правовому статусу членов императорской фамилии. Эти положения, аргументированные и подкрепленные фактическим материалом о жизни и деятельности членов Российского императорского дома, имеют безусловную ценность для ис-

---

[350] Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч. 752 с.

[351] Там же. С. 21–24.

[352] Там же. С. 42.

[353] Там же. С. 40–43.

[354] Там же. С. 50.

[355] Там же. С. 78–81.

следования проблематики социальной организации Российской империи.

В настоящей работе вопрос о правовом положении царской/императорской фамилии в сословной системе остался за пределами предмета исследования и не рассмотрен. В связи с этим автор не будет делать вывод о наличии или отсутствии такой социальной группы в составе системы сословий страны.

Российский законодатель середины XVII в. о правовом статусе ратных людей, вотчинников и помещиков

Мы уже делали экскурс в лексикологию применительно к понятию «сословие» и констатировали тот факт, что в тексте ключевого нормативно-правового акта данного периода – Соборного уложения – термин «сословие» не используется.

Из двадцати пяти глав Соборного уложения шесть, как явствует из их названия, содержат правовые нормы, посвященные отдельным категориям населения:

– глава XI «Суд о крестьянех»;

– глава XII «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян»;

– глава XIX «О посадских людех»;

– глава XX «Суд о холопех»;

– глава XXIII «О стрелцах»;

– глава XXIV «Указ о атаманех и о казаках».

В это число можно включить еще четыре главы:

– глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства»;

– глава XIII «О Монастырском приказе»;

– глава XVI «О поместных землях»;

– глава XVII «О вотчинах».

Таким образом, отдельные главы Соборного уложения посвящены: 1) ратным людям, 2) крестьянам, 3) священнослужителям и монастырским крестьянам, 4) посадским людям, 5) холопам, 6) стрельцам, 7) казакам, 8) помещикам, 9) вот-

чинникам.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос о наличии характеристик сословия у указанных законодателем отдельных категорий людей.

В XVII в. российский законодатель наиболее часто государевой службой называет военную (ратную) службу. Различные аспекты военной организации Российского государства в XVII в. рассматриваются в целом ряде научных работ[356]. Вопросы военной организации также нашли свое отражение в учебных работах[357].

Относительно правового регулирования военной службы А.Г. Маньков пишет, что Уложение 1649 г. впервые кодифицировало и дополнило правовые основы феодальной организации войска[358].

Общее число ратных людей в Российском государстве А.Г. Маньков вслед за А.В. Черновым определяет по состоянию на 1630 г. в 92 555 чел. Из них дворян и детей боярских было 27 433 чел., стрельцов – 28 130 чел., казаков – 11 192, пушкарей и проч. – 4 316, иноземцев и черкасс – 2 783, татар, чуваш, мордвы – 48 701 чел.[359] Мы видим, что в приведенных сведениях не указаны служилые люди по отечеству, даточные люди, личный состав солдатских, рейтарских и драгунских полков. Тем не менее мы полагаем, что данные цифры можно использовать

---

[356] Волков В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005; Горбачев В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30-40-х гг. XVII в.: дис. … канд. ист. наук. Рязань, 2012; Лебедев А.Л. Служилые иноземцы в России 17 века (1613-1689 годы): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 1998; Малинкин Е.М. Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2013; Молчанов Д.Д. Реформы и военные кампании русской армии III четверти XVII в.: дис. … канд. ист. наук. М., 2006; Разин Е.А. История военного искусства. Т. 3 СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 1999; Рогожин А.А. Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2014; Шутков С.В. Военные реформы в России во второй половине XVI – первой половине XVII веков и воплощение в них военно-правовых идей И. С. Пересветова (историко-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. М., 1999 и др.

[357] См., например: Дмитриев А.В. Военная история России (до середины XIX в.): учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012.

[358] См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. С. 194.

[359] Там же. С. 184.

для количественной характеристики категории ратных людей и по состоянию на середину века.

Группа норм Уложения посвящена укреплению воинской дисциплины. Исследователи отмечают, что с XVII в. складывается система военных преступлений и мер по их предотвращению[360]. Прежде всего речь идет о статьях VII гл. Уложения. Исследователи отмечают, что эти нормы соблюдались лишь в мирное время. Первая же война после введения в действие Уложения сопровождалась насилиями и грабежами со стороны ратных людей[361].

О правах и обязанностях ратных людей в сфере имущественных отношений речь идет в нескольких статьях Соборного уложения. Ратные люди имели право бесплатно пользоваться любыми («у всяких людей») незапертыми лугами для стоянок и кормления лошадей, а также прилегающей к дороге частью запертых лугов (шириной 5 сажен). В определенных случаях для военнослужащих «по указу царьского величества и по воеводскому розсмотрению» устанавливалась «указная цена, дешевле торговой цены», на хлебные запасы и конские корма (гл. VII Уложения, ст. 21). Ратные люди могли также бесплатно совершать порубки в поместных и вотчинных лесах «для дров и для всякого лесу, что надобно будет на становое строение». Особый порядок возврата был установлен для разбежавшихся лошадей и потерянного имущества военнослужащих (гл. VII, Уложения, ст. 26, 27).

Практически все указанные нормы действовали в период сбора военного ополчения и военных действий. Ратные люди пользовались предоставленными им правами, только «идучи на государеву службу», «будучи на государевой службе», «будучи на службе в полкех» и т.п.

---

[360] Ковалев К.С. Государственная политика по укреплению воинской дисциплины и борьба с преступностью в русской армии XVII – первой четверти XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ульяновск, 2017. С. 12 и др.

[361] Бобровский П. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1882. С. 22–26.

Таким образом, правоотношения порождал юридический состав, в котором присутствовали как факт принадлежности лица к категории ратных людей, так и факт непосредственного исполнения служебных обязанностей.

Можно ли вести речь о сословии ратных людей? Обратимся к законодательным положениям. Термином «ратные люди» в законодательстве обозначены представители различных социальных групп, привлеченных к военной службе. В гл. VII Уложения речь идет о различных категориях ратных людей: служилых людях (помещиках и вотчинниках), стрельцах, казаках, даточных людях (из холопов и крестьян), военнослужащих-иностранцах. Подчеркнем данный факт: на военной службе могут состоять лица из различных социальных категорий.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что ратные люди не составляли сословия. Можно говорить о существовании в середине XVII в. категории «статус ратных людей» как своеобразного аналога современной категории «статус военнослужащих».

Могут ли конституироваться в качестве отдельных сословий вотчинники и помещики?

Владельцами поместий могли быть лица, принадлежавшие к различным категориям. Основанием для получения поместья было наличие статуса боярина или иного чина, указанного в Соборном уложении. Каких-либо прав, за исключением прав в сфере землевладения и землепользования, обладание поместьем за собой не влекло. В перечне категорий населения в преамбуле Соборного уложения термин «помещик» отсутствовал. Таким образом, законодатель середины XVII в. рассматривал помещиков как субъектов земельных отношений, причем статус помещика был вторичным по сравнению с правовым статусом, характеризовавшим служебное положение лица. Почти все вышеизложенное можно отнести и к владельцам вотчин. Вывод следует однозначный: ни вотчинники, ни помещики не являлись сословием.

Таким образом, применительно к ратным людям, вотчинникам и помещикам как к возможным социальным группам со статусом самостоятельных сосло-

вий новаций нет. Ни одно из названных понятий не обозначало отдельное сословие.

Проблема конституирования духовенства в России в качестве сословия в середине XVII в.

Проблема конституирования духовенства в России в середине XVII в. имеет два аспекта: насколько применимо к духовенству понятие «сословие» и какова структура данной общественной группы.

В отношении первого аспекта мы можем констатировать различные мнения, высказанные в научной литературе. Так, П.С. Стефанович пишет о формировании сословий в XVI–XVII вв., о духовном сословии, о консолидации приходского духовенства, об обособлении его от «других социальных групп и классов»[362]. Таким образом, автор склоняется к мнению о формировании и даже о существовании духовного сословия как социально-правового феномена. О «формировании и становлении духовного сословия» на примере причта храмов Верхнеудинска пишет М.А. Голованова, причем применительно к периоду с конца XVII в.[363]

Полагаем возможным говорить о духовном сословии в России применительно ко времени середины и второй половины XVII в. как компоненте социальной структуры России.

Еще один проблемный аспект вышеназванной темы связан с определением сословных границ духовенства. Проблема заключается в определении круга конфессий, служители которых составляли духовное сословие. Вне всякого сомнения, в состав сословия входили священнослужители Русской православной церкви.

В отношении священнослужителей других церквей мы не можем сделать категоричный вывод о принадлежности их к духовному сословию. Мы знаем, что законодатель в 1830-е гг. не включал в состав духовного сословия духовенство

---

[362] Стефанович П.С. Приходское духовенство в России в XVI – нач. XVIII вв.: по материалам центр. уездов: дис. … канд. ист. наук. М., 1999.

[363] Голованова М.А. История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска: конец XVII – начало XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. С. 17.

«других не христианских исповеданий», за исключением «духовенства магометанского»[364]. Данное обстоятельство подчеркивает сложность рассматриваемого вопроса применительно к семнадцатому столетию.

Как отмечается в научной литературе, «в допетровский период взаимоотношения русского общества с представителями западно-христианских вероисповеданий характризовались обоюдной настороженностью и негативизмом». При этом «правительство и общество в России несколько терпимее относились к протестантам, чем к католикам»[365].

До настоящего времени не нашел удовлетворительного решения вопрос о структуре сословия. В самых общих чертах можно определить, что духовное сословие включало в себя черное и приходское духовенство. Мы можем утвердительно говорить о таких двух субсословиях, как черное православное духовенство и белое православное духовенство.

Белое духовенство численно «значительно превосходило» черное духовенство. При этом приходское духовенство отличалось от черного духовенства «по степени интегрированности в светское общество…, по материальному положению, социальному статусу и др.»[366]. Н.Ф. Демидова, в частности, пишет, что низшие слои белого духовенства «по своему положению были близки к тяглому и посадскому миру, с которым вместе несли основные платежи и повинности»[367].

В настоящей работе мы полагаем достаточным лишь обозначить имеющиеся научные проблемы. В связи с этим подробной характеристики структуры духовного сословия и правового статуса внутрисословных групп по состоянию на середину XVII в. здесь дано не будет.

---

[364] Свод законов о состоянии людей в государстве, ст. 173 // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. 1857.

[365] Андреев А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. С. 30.

[366] Стефанович П.С. Указ. соч.

[367] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России…: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 53.

Правовая структура российского крестьянства в XVII в.: реальная и кажущаяся мозаичность

Российское крестьянство в правовом и социальном аспектах являлось в середине XVII в. неоднородным. Исследователи выделяли несколько категорий, исходя из различных критериев. В зависимости от принадлежности земли называют население черных волостей и население частных вотчин (М.Ф. Владимирский-Буданов), дворцовых, черносошных, помещичьих крестьян (В.В. Мавродин), чернотяглое и частновладельческое крестьянство (В.В. Портнов), черносошных и владельческих крестьян (И.А. Исаев)[368].

Выделение категорий крестьян по другим критериям (объем право- и дееспособности, степень и природа зависимости от землевладельца и т.п.) вызывает определенные трудности.

В составе населения черных волостей М.Ф. Владимирский-Буданов видит вытных (тяглых) людей и безвытных людей. Вытные люди – члены общин, владеющие подвытными участками. Безвытные люди – это лица, не входящие в общину, не занимающие тяглого участка. Иначе безвытные люди называются «половниками», «полсуседями», бобылями. Бобыли занимают дворы, но не имеют пашни. Крестьян, «засидевшихся в волости», ученый называет старожилами. Он отмечает, что «именно старожильство и повело их к прикреплению»[369]. На частных землях, помимо срока давности, старожильство устанавливается в случае невозможности возврата ссуды. В силу старожильства возникает прикрепление[370].

Б.Д. Греков дает основательные очерки, посвященные группам крестьянства. Очерки включают в себя анализ истории возникновения группы, оценку правового и экономического положения. Он характеризует крестьян-старожильцев, серебреников (состоявших, в свою очередь, из различных групп), кабальных людей, половников, монастырских детенышей, крестьян-

---

[368] См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права.1995. С. 151–154; История СССР с древнейших времен до 1861 года… С. 249; История государства и права СССР. С. 97**;** Исаев И.А. История государства и права России… 1996. С. 47.

[369] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 154.

[370] Там же. С. 161–162.

новопорядчиков, деревенских бобылей.

Старожилец, по мнению Б.Д. Грекова, есть крестьянин-тяглец, т.е. крестьянин, живший на определенном участке земли, государственной или частновладельческой, и обязанный повинностями в пользу государства, если он живет на государственной земле, государства и владельца, если он живет на земле частновладельческой[371]. Весьма важным представляется вывод ученого о том, что старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцами лет, а характером отношений между землевладельцем, старожильцем и государством[372].

Относительно категории серебреников Б.Д. Греков склоняется к выводу о том, что серебреники – крестьяне, не несшие государственного тягла, но плативших землевладельцам оброк и выполнявшие барщину[373]. Отметим общую посылку автора, предшествующую научному исследованию категории серебреников: «Много путей вело обедневшего или же совсем выброшенного из деревни крестьянина, гулящего человека или вольноотпущенника в феодальную и полуфеодальную кабалу»[374]. Ученый подробно анализирует понятие «серебро», различая серебро ростовое, серебро изделное, серебро головное[375].

К серебреникам, по Б.Д. Грекову, относятся и кабальные люди, т.е. люди, работавшие на своих хозяев по служилой кабале. До 80-х гг. XVI в. зависимость заключалась в добровольной службе и не может быть названа «холопско-рабской»[376].

Ученый подчеркивает экономическую несостоятельность половников и характеризует их как «несомненный продукт пауперизации и обезземеливания крестьян». Половник получал от хозяина ссуду «на обзаведение», а взамен передавал

---

[371] См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 635–636.
[372] См.: там же. С. 641.
[373] См.: там же. С. 659.
[374] См.: там же. С. 644.
[375] См.: там же. С. 646.
[376] См.: там же. С. 659.

половину урожая. Срок пребывания у хозяина был ограниченным и указывался в договоре[377].

Монастырские детеныши, по Б.Д. Грекову, – люди, с детства находившиеся на иждивении монастырей, а также работники, привлеченные по найму. Государственного тягла монастырские детеныши не несли[378].

Крестьянина-новопорядчика Б.Д. Греков считает «следствием экономического принуждения». До 80-х гг. XVI в. новопорядчики обладали правом перехода без ограничений. О правовом статусе новопорядчиков автор отмечает, что «договор, определяющий отношения между землевладельцем и новопорядчиком, не может быть точно определен ни в терминах римского, ни в терминах капиталистического права. Это договор средневекового феодального права о вступлении вольного человека в сеньериальную зависимость»[379].

Применительно к бобылям Б.Д. Греков использует термин «бобыльство», трактуя его как одно из состояний феодальной зависимости. Бобыль, по Б.Д. Грекову, – зависимый человек, по договору получивший право «жить за господином» и не несший государственного тягла. С 80-х гг. XVI в. бобыли лишались права перехода, а с 20-х гг. XVII в. бобыли привлекались к несению тягла. В соответствии с указом о подворной подати 1679 г. бобыли уравниваются в податном отношении с крестьянами[380].

И.И. Смирнов полагает, что появление термина «старожилец» связано с увеличением количества людей, недавно привлеченных на земельные участки[381].

В.В. Мавродин, рассматривая положение сельского населения, сосредотачивает внимание главным образом на крестьянах. Бобылей он считает обнищавшими крестьянами, которые не могли нести государственного тягла. В.В. Мавродин отмечает, что на протяжении не только первой половины, но и второй поло-

---

[377] См.: Греков Б.Д. Указ. соч. С. 679 и след.

[378] См.: там же. С. 695 и след.

[379] См.: там же. С. 734.

[380] См.: там же. С. 734 и след.

[381] Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. (по поводу исследования Л.В. Черепнина «Образования Русского централизованного государства в XIV–XV веках») // История СССР. 1962. № 2. С. 150–151.

вины XVII столетия росло число бобылей. Бобыли, холопы, обедневшие крестьяне селились в качестве «задворных людей» у господского двора и трудились на барской пашне[382]. Таким образом, главными чертами, определявшими положение названных категорий населения, являлись материальное положение и наличие собственного хозяйства. Правовые различия между крестьянами, бобылями и холопами автор фактически отводит на второй план. Более того, он объединяет эти категории в рамках понятия «задворные люди».

На материале новгородских пятин рассматривают вопрос о категориях сельских жителей В.М. Воробьев и А.Я. Дегятрев. Говоря о возрастании в третьей четверти XVII в. доли бобылей, авторы первоначально объясняют это усилением степени эксплуатации непосредственных производителей, приводившей к обеднению трудового люда[383]. Затем они указывают на массовый приток в 30–50-е гг. XVII в. населения с «оккупированных шведами территорий»; разоренные беглецы пополняли собой наименее имущую прослойку бобылей. При этом в приграничных пятинах доля бобылей была наибольшей: «основная масса тяглецов оседала в приграничных районах»[384].

Представляется плодотворной разработка следующего вывода В.М. Воробьева и А.Я. Дегятрева, который, к сожалению, не получил развития в указанном издании: к середине XVII столетия на соотношение категорий зависимого населения, в частности, на росте бобыльства стали серьезно сказываться обстоятельства, связанные с формированием системы государственного обложения. Существенно меньшие по размерам подати с бобыльских дворов приводили к тому, что записанными в бобыльские часто оказывались полнокровные крестьянские хозяйства. В структуре зависимого населения возникает заметная прослойка «ложного» бобыльства[385].

---

[382] См.: История СССР с древнейших времен до 1861 года… С. 242.

[383] Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ / отв. ред. А. Л. Шапиро. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1986. С. 60.

[384] Там же. С. 133.

[385] Воробьев В.М., Дегтярев А.Я. Указ. соч. С. 60.

Полагаем, со всей очевидностью следует вывод о том, что имущественный фактор был не единственным, а возможно, и не главным в определении правового положения бобылей.

Возникает вопрос: неужели российское крестьянство семнадцатого столетия действительно представляло собой практически бессистемный конгломерат групп? Действительно ли картина организационно-правового оформления иерархии сельских жителей являла собой мозаику?

Рассмотрим вопрос о выделении категорий крестьян, опираясь на текст Уложения 1649 г. Отметим прежде всего тот факт, что законодатель оперирует значительно меньшим количеством терминов, имеющих отношение к дифференциации крестьянства, чем авторы научных трудов. В тексте гл. XI «Суд о крестьянех» Уложения не упоминаются ни серебреники, ни половники, ни рядовые, так же, как и многие другие группы крестьян. Более того, здесь не фигурируют старожильцы и новопорядчики, которые, по господствующему в научной литературе мнению ученых, являлись в то время двумя основными категориями крестьян[386]. Зато в большинстве статей упоминаются крестьяне и бобыли:

– крестьяне и бобыли дворцовых сел и черных волостей (ст. 1);

– крестьяне и бобыли вотчинников и помещиков (ст. 2);

– крестьянские и бобыльские пустые дворы (ст. 5).

Кроме того, о крестьянах и бобылях говорится в ст. 3, 4, 6, 8–12, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 30, 32. Таким образом, крестьяне и бобыли рассматриваются как две разновидности сельского населения. В известном смысле законодатель противопоставляет крестьян и бобылей по какому-то достаточно важному для государства критерию. Очевидно, что таким критерием не могло быть семейное положение бобыля, точнее, отсутствие у него семьи. Во-первых, запрета на вступление бобылей в брак русское право не знает, следовательно, отсутствие семьи – частный

[386] В тексте ст. 18 используется термин «кабальный или старинный человек». Одновременно в этой же статье используются термины «крестьянин» и «бобыль». Учитывая то обстоятельство, в каком контексте говорится о старинных людях, а также то, что законодатель в другой главе использует термин «старожильцы», мы можем сделать вывод о том, что старинный человек, по смыслу данной статьи, не является старожильцем.

случай; возможный, но не являющийся правилом. Во-вторых, о детях, братьях и племянниках крестьян и бобылей прямо говорится в ст. 10 гл. XI Уложения, причем нет никаких оснований относить это положение только к крестьянам. Наконец, письменные документы XVII – XVIII вв. содержат сведения о женах и детях бобылей[387]. Конструкция ст. 10 Уложения не позволяет признать бобыля и в качестве неотделившегося члена семьи крестьянина. Бобыль – неотделившийся родственник крестьянина – также является частным случаем; возможным, но не являющимся правилом.

Маловероятным представляется имущественное положение жителя деревни в качестве критерия разделения. Движимое имущество - скот, инвентарь, запасы продовольствия и фуража, денежные сбережения и т.п. – величина непостоянная. Уследить за изменением имущественного положения сельских жителей на практике – дело почти нереальное и в неменьшей степени бессмысленное. Наконец, нет никаких оснований считать творцов Уложения предшественниками авторов и организаторов коллективизации в нашей стране в части придания юридического значения лишней голове скота в крестьянском хозяйстве. Более того, имеющиеся источники позволяют сделать вывод, что бобыли обрабатывали землю – правда, землю, не обложенную государственными повинностями.

Наконец, если признать бобылей малоимущими безземельными крестьянами, то становится непонятной политика государства по постепенному сближению правового положения бобылей и крестьян. Очевидно, что социальное, а точнее говоря, имущественное положение бобылей позволяло нести государственное тягло.

Как уже говорилось выше, исследователи указывают на «ложных» бобылей, т.е. сельских жителей, являвшихся «полнокровными» крестьянами, но «зачисленными» в качестве бобылей.

---

[387] Вдовина-Лебедева В.Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII в. // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 5. С. 96–107. и др.

Следовательно, наиболее вероятный критерий разделения крестьян и бобылей – государственный интерес, прежде всего в материальном (финансовом) воплощении. Исходя из этой посылки, можно определить (с точки зрения законодателя XVII в.) крестьянина как сельского работника, несущего государственное тягло в полном объеме, а бобыля – как сельского работника, не несущего тягла в полном объеме. Иначе говоря, крестьянин – вытный человек, а бобыль – безвытный человек.

Исходя из имеющихся в нормативных материалах и отечественной исторической литературе сведений по вопросу о податном положении бобылей, можно сделать вывод, что до 20–30-х гг. XVII в. бобыли не несли тягла вообще. В результате указов «о живущей четверти» бобыли вотчин и поместий стали привлекаться к несению тягла, но в объеме значительно меньшем, чем крестьяне. Таким образом, в середине XVII в. бобыли несли государственное тягло в уменьшенном объеме.

Отметим, что принадлежность к крестьянам или бобылям не определялась количеством прожитых в вотчине или поместье лет, поскольку по смыслу ст. 20 гл. XI Уложения 1649 г. люди с самого начала могли жить «во крестьянех или в бобылях»: «А будет к кому в вотчину или в поместье придут какия люди, и скажутся, что они вольныя и похотят те люди за ними жити во крестьянех или в бобылях…».

Какими факторами определялась принадлежность лица к конкретной категории – крестьян или бобылей? Нам уже приходилось в свое время отмечать на примере феодальной Франции (в сеньориальный период истории), что общественное положение сельского работника определялось происхождением, его договорными обязательствами перед землевладельцем и юридическим статусом земельного участка[388]. Полагаем, что эти же факторы действовали и в России в рассматриваемый период. Другими словами, статус работника как крестьянина или как бобыля определялся статусом его родителей, договором с землевладельцем и

[388] См.: Смирнов С.Н. История государства и права зарубежных стран: в 3 т. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. Т. 1. С. 65.

статусом земельного участия. Решающую роль, вероятно, играл статус земельного участка. Наконец, исходя из данных цензовых критериев, статус сельских жителей устанавливался писцами и закреплялся в писцовых и переписных книгах.

Рассмотрим такую категорию сельских жителей, как сторожильцы. В.О. Ключевский в рамках традиционного подхода считает старинными крестьянами тех, которые родились на своих участках, а старожильцами – тех крестьян, которые отсидели на участках десятилетнюю давность. Далее он сближает «старых» крестьян и старожильцев, отмечая, что «по старожильству они и без того уже были безвыходными сидельцами на своих участках, не могли рассчитаться по полученным когда-то ссудам»[389].

Не возражая против значения факта проживания старожильца на одном участке в течение десятилетнего срока, попробуем проанализировать соответствующие нормы Соборного уложения. При этом отметим, что само определение продолжительности срока проживания в десять лет в 1649 г. представляется нелогичным. Ключевое значение – принадлежность к черным волостям, царским или частновладельческим селам – определялась по писцовым книгам 1626 г., т.е. значение имел срок, превышавший двадцать лет.

Термин «старожильцы» мы встречаем в ст. 234, 235 и 237 гл. X «О суде». Нормы статей регулируют порядок межевания земель и решения земельных споров. Норма ст. 234 предписывает проводить обновление межевых знаков «с старожильцы и со окольними людьми при обеих помещиках и при вотчинниках, меж чьими землями те межи и грани учинены». В тексте нормы нет терминов «крестьяне» и «бобыли», но присутствует термин «старожильцы». При этом старожильцам противопоставляются не новопорядчики, а окольные люди.

Еще более показателен текст ст. 235: «А будет государевых дворцовых сел и черных волостей у крестьян земля будет смежна с партиаршими или с митрополичи, и с орхиепископли и епископли, и с монастырскими, или с поместными, и с вотчинными землями, и в таких смежных землях учинится спор, и про такия спорныя земли сыскивати писцовыми и дозорными и отделными книгами, и вся-

[389] Ключевский В.О. Русская история… Кн. 2. С. 277, 281.

кими крепостьми и старожилцы и окольными всякими людьми, на которых учнут слатися дворцовых сел и черных волостей крестьяне и вотчинники и помещики, и по сыску в таких спорных землях указ чинити, розводити те спорные земли с старожилцы по старым межам и граням».

Из анализа текста статьи можно сделать два вывода:

– показания старожильцев и личное участие последних являются необходимым условием для решения земельных споров и проведения межевания;

– понятие «старожильцы» явно не совпадает с понятием «крестьяне».

Почему роль старожильцев, по мысли законодателя, столь велика при решении этих едва ли не важнейших для сельского населения вопросов? Возможны два варианта ответа на этот вопрос. Либо старожильцы располагают необходимой информацией в силу, например, длительного проживания в данной местности, либо они в наибольшей мере заинтересованы в правильном решении этих вопросов.

Первый вариант представляется менее обоснованным. Законодательство того времени знает процессуальную форму установления или подтверждения факта, имеющего юридическое значение, с помощью массового опроса населения. Эта форма называется повальным обыском и урегулирована в ст. 161 и последующей статьях гл. X Уложения 1649 г. В ст. 161 указан круг людей, среди которых проводится повальный обыск: священнослужители, дворяне, дети боярские, посадские люди, старосты дворцовых сел и черных волостей, целовальники, крестьяне, приказчики вотчинников и помещиков и др. Общее название участников опроса – «обыскные люди». Это термин, обозначающий положение таких людей в процессе. Как видим, старожильцев среди них нет, другими словами, «старожильцы» – не процессуальный термин.

Особо подчеркнем то положение ст. 234 и 235 главы X Уложения 1649 г., которое требует присутствия старожильцев на месте проведения межевания. Старожильцы присутствуют одновременно с помещиками и вотчинниками, если речь идет о межевании поместных и вотчинных земель, и самостоятельно, если речь идет о дворцовых и черных волостных землях. В случае проведения межевания

между помещичьими и вотчинными землями, с одной стороны, и дворцовыми и черными волостными землями – с другой, присутствуют помещики и вотчинники вместе со своими «старожильцами», а также старожильцы дворцовых и черных земель. Присутствие помещиков и вотчинников вполне объяснимо: они являлись субъектами вещных прав на землю и были заинтересованы в правильном проведении межевания. Однако обратим внимание на то обстоятельство, что одних владельцев поместий и вотчин законодателю недостаточно. Может быть, требуются просто свидетели? В этом случае логичным было бы приглашение к межеванию авторитетных местных жителей с хорошей репутацией («добрых людей», по терминологии того времени), или приглашение крестьян и бобылей, которым и предстояло на практике соблюдать межевые линии. Однако законодатель, не употребляя термин «обыскные люди», упорно избегает в этих статьях терминов «крестьяне» и «бобыли» – таким же упорством, с каким он избегал термина «старожильцы» в статьях гл. XI Соборного уложения.

Кроме того, исходя из традиционной трактовки в научной литературе понятия «старожильцы», не ясны причины сохранения этого термина в Уложении 1649 г. после декларирования отмены урочных лет.

В первых статьях главы XI «Суд о крестьянех» Уложения, содержащих нормы о возврате «выбежавших» крестьян и бобылей, законодатель ни одним словом не упоминает о старожильцах. Очевидно, для законодателя безразлично, сколько лет сельский работник прожил на новом месте – один год, десять или двадцать лет. Более того, он не пытается использовать какой-либо термин для обозначения крестьян и бобылей, поселившихся на новом месте более двадцати лет назад и указанных в писцовых книгах 1626 г.

Мы не станем искать объяснения всем указанным фактам в недостатках юридической техники законодателя XVII в. Мы находим здесь не законотворческую неряшливость, а глубокий смысл. Исходя из анализа источников, мы признаем старожильцев сельскими работниками. Очевидно, что существовали старожильцы-крестьяне. Были ли в середине XVII в. старожильцы-бобыли? Мы не можем дать однозначного ответа на этот вопрос, но допускаем такую возможность.

Но, естественно, что не все крестьяне и не все бобыли были старожильцами. Как назывались крестьяне-нестарожильцы? Разбираемые статьи не дают ответа на этот вопрос. Может быть, существовало несколько категорий и, соответственно, несколько названий. В данном случае для законодателя это не имеет значения. И крестьянин-нестарожилец, живший годами в поместье или вотчине, несший все государственные повинности, и любой человек, ни одного дня не работавший на этой земле, – все они «окольные люди». Все они, в отличие от старожильцев, не имели признанного государством интереса в рассматриваемых делах, не обладали какими-то правами.

Любопытно, что законодателем не указан срок проживания на одном месте для старожильцев. Мы можем предположить, что сам по себе факт проживания сельского работника на одном месте был недостаточным для отнесения его к группе старожильцев.

Помимо владельцев поместий и вотчин, помимо государства, в тот период имелось еще одно лицо, сохранявшее определенную роль в плане организации землепользования, хотя и утратившее бóльшую часть прав в сфере земельных отношений. Речь идет о сельской общине. Старожильцев мы считаем полноправными членами общины. Это – ключевая характеристика их правового статуса. Другие характеристики: несение государственного тягла, длительность проживания и т.п. – либо являются факультативными, либо вообще не имеют отношения к определению правового статуса сельского работника как старожильца.

Другая указанная в научной литературе категория – новопорядчики – в отличие от старожильцев, не выступает в качестве члена общины. Отметим, что законодатель в тексте гл. X Соборного уложения не употребляет термина «новопорядчики». Мы используем его с учетом других документов того времени, а также с учетом научной терминологии истории государства и права России.

Таким образом, крестьяне, бобыли, старожильцы и новопорядчики – понятия разного «уровня». Первые два понятия обозначают отношение сельского работника к государству, точнее, к государственным повинностям; третье и четвертое понятия указывают на отношение сельского работника к общине. Сельский

работник принадлежал одновременно к двум категориям. Он нес или не нес государственное тягло в полном объеме и в зависимости от этого был крестьянином или бобылем, одновременно входил или не входил в общину в качестве полноправного члена и в зависимости от этого был старожильцем или новопорядчиком.

Вместе с тем все четыре указанные понятия, обладая известными частноправовыми чертами, имели прежде всего публично-правовой характер. В отличие от них, понятия «серебреники», «половники», «рядовые» и т.п. носят частноправовой характер. Эти термины обозначают людей, имеющих определенные обязательства перед другими людьми. Данные обязательства связывают физических лиц и носят частный, а не публичный характер. В связи с этим данные отношения регулировались либо общегосударственными нормами обязательственного права, либо локальными нормами обычного права. Субъектами указанных отношений могли являться представители любой из категорий, названных выше: крестьяне, бобыли, старожильцы, новопорядчики.

Рассматривая названные выше категории крестьянства России XVII в. сквозь призму сословного деления, отметим, что «серебреники», «половники», «рядовые» и им подобные категории крестьян не могут быть признаны в качестве сословий или субсословий в силу указанного выше частноправового, преходящего характера этих категорий.

Крестьяне и бобыли как категории сформированы, как мы видели, на основании публично-правовых норм. Но различение этих двух категорий происходит по финансовому (податному, налоговому) и хозяйственному признакам, что не позволяет наделить ни одну из них свойствами сословия или субсословия.

Другими словами, мозаичность в плане наличия в составе российского крестьянства XVII в. множества групп, различающихся между собой по правовому статусу, в частности старожильцев, новопорядчиков, крестьян, бобылей, является в значительной степени кажущейся. Ее причиной стало проявление в различных правоотношениях как сословного и субсословного правового статуса крестьян, сложившегося на основе правовых норм государственно-правового характера, так

и отраслевого правового статуса крестьян, сложившегося на основе правовых норм гражданско-правового характера.

Положение казачества в социальной системе России в середине XVII–XVIII вв.

Вопрос о правовом статусе казаков и положении казачества в социальной системе России является дискуссионным, прежде всего – применительно к семнадцатому столетию. В научной литературе обосновывается мнение об особом статусе казачества как этнокультурной общности. Исследователи, разделяющие данную точку зрения, акцентируют внимание на этнических и культурных особенностях казачества и на государственно-правовом статусе казачьих регионов. Интеграцию казачьего населения в социальную систему России они датируют восемнадцатым или даже девятнадцатым столетиями. Мы не считаем целесообразным определять свою позицию по данному вопросу. Обратим лишь внимание, что даже сторонники этой точки зрения не отрицают выполнение казаками «функций сословного характера», причем уже в первой половине XVII в.[390] При этом мы обращаем внимание на факт постоянного проживания и несения службы определенного количества казаков вне границ казачьих регионов. Приведенное выше мнение не дает ответа на вопрос о правовом статусе данных людей. Таким образом, оставляя за рамками настоящей работы вопросы об этническом составе и культурных особенностях, о государственно-правовом статусе казачьих регионов автор рассматривает лишь аспект, связанный с выполнением, по выражению Е.И. Дулимова, функций сословного характера.

В этом случае есть основания признать за казачеством, проживающим в казачьих регионах, правовой статус субсословия, не входящего в состав ни одного из сословий. В отношении правового положения казаков, утративших реальную связь с казачьими сообществами казачьих областей, можно предложить следующее заключение: субсословие в составе сословия служилых людей по прибору.

---

[390]Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 18.

Положение государственных служащих в сословной системе России в середине XVII – XIX вв.

Особую группу составляли в XVII в. служащие приказов (Москва) и приказных изб в уездах и городах. Мы имеем в виду ту часть этих служащих, которые не входили в состав боярского, дворянского, а позднее – шляхетского (дворянского) сословий. В научной литературе за ними утвердилось название приказных людей. Общая численность приказных людей в центральных и местных учреждениях составляла в середине XVII в. более полутора тысяч человек[391]. К концу века она существенно возросла, как в столичных приказах, так и на местах, составив примерно 4,5 тыс. чел.[392] Н.Ф. Демидова обращает внимание на постоянное перемещение подьячих из приказа в приказ, во временные комиссии, в полки и посольства[393]. Другими словами, налицо была достаточно высокая горизонтальная мобильность приказных людей.

С 1640 г. законодатель запретил прием в состав приказных людей представителей гостиных и суконных сотен, пашенных людей и выходцев из некоторых других социальных групп. Во второй половине XVII в. ограничения ужесточаются и распространяются на служилых людей по прибору. При этом в научной литературе указывается на несоблюдение установленных законодательных ограничений на практике. В результате в состав приказных людей продолжали поступать выходцы из «посадских и духовных кругов»[394]. Отметим тот факт, что укоренилась практика приема на приказную службу детей подьячих; складываются подьяческие династии.

Н.Ф. Демидова указывает на территориально-географические различия в комплектовании категории приказных людей. Приказные учреждения в центральных и северных уездах Европейской России комплектовались прежде всего из детей подьячих; доля выходцев из тяглых социальных групп неуклонно сокраща-

---

[391] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России…: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 21.
[392] Там же. С. 24; Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 6.
[393] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России…: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 23.
[394] Там же. С. 26.

лась. Приказные учреждения западных уездов, возвращенных в состав России, комплектовались в основном из служилых людей по прибору (казаков и стрельцов). Приказные учреждения в новых городах, основанных в ходе освоения черноземных районов, комплектовались из детей боярских, относившихся к служилым людям по отечеству. На службу в приказные избы сибирских городов шли чаще всего местные казаки[395].

Государственная служба помогала служащим приказных учреждений повысить индивидуальный правовой статус вплоть до вхождения в вышестоящее сословие. Одним из самых ярких примеров является профессиональная карьера «приказной» династии Матвеевых. А.С. Матвеев был сыном дьяка. Проявил себя на дипломатической службе; получил чин стольника, командовал стрелецким полком. В 1669–1674 гг. последовательно получил чины думного дворянина, окольничего, боярина. В эти же годы он руководил Малороссийским и Посольским приказами.

В XVIII в. состав данной страты численно увеличился и видоизменился. Но главная ее характеристика осталась неизменной. Большинство служащих государственных органов не являлись членами дворянского сословия. Применительно к середине столетия Л.Ф. Писарькова, опираясь на статистические материалы и результаты научных исследований, отмечает, что «правительству не удалось создать дворянскую бюрократию»[396]. Численно преобладающую основу страты составляли служащие, не имевшие рангов государственной службы, в центральных, региональных и местных органах управления. Применительно к этому времени данную социальную группу можно называть канцелярскими служащими. Тем не менее правовое положение этой социальной группы и ее место в социальной иерархии по сравнению с XVII в. принципиально не изменились.

Положение данной социальной группы мы определяем в качестве субсословия. При этом мы не видим в настоящее время оснований включать данное субсо-

---

[395] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России…: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 27–28.
[396] Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 33.

словие в состав какого-либо сословия. Приказные люди (в дальнейшем канцелярские служащие) являлись субсословием, занимавшим самостоятельное место в российской сословной системе того времени.

В специальной литературе высказано мнение о трансформации российского чиновничества на рубеже XVIII–XIX вв. в особое сословие. Например, М.Ф. Румянцева, придерживаясь данной точки зрения, придает особое значение сенатскому указу от 14 августа 1798 г. «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подати несущего звания без представления Сенату о надобности в оных», полагая, что он придал чиновничеству черты сословия[397].

Против этого мнения можно выдвинуть ряд возражений. Возражение юридического порядка заключается в отсутствии государственных служащих (чиновников) не только в рассматриваемый период, но и ранее в перечне сословий по Своду законов о состоянии людей в государстве. Признание чиновничества сословием означало бы подход к этой категории как однопорядковой с дворянством, духовенством, городскими и сельскими обывателями. Между тем по структуре, процедуре вступления и т.п. чиновничество как корпорация существенно отличается от названных социальных групп.

Возражение логического порядка состоит в указании на наличие у многих государственных служащих статуса члена того или иного сословия. Между тем сословный статус по своей природе является единственным статусом данного уровня как для индивида, так и для социальной группы. Несмотря на рассмотренную в настоящей работе коллизию (правовой статус духовных лиц дворянского происхождения), данное правило является безусловным по крайней мере в отношении лиц дворянского сословия.

Выходом из данного «логического тупика» является признание за чиновничеством, не обладавшим дворянским сословным статусом, статуса субсословия. Другими словами, «табельное» чиновничество, представленное лицами с дворян-

---

[397] Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учеб. пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 1999. С. 81.

ским сословным статусом, являлось частью дворянского сословия, а низшее чиновничество входило в состав отдельного субсословия. При этом «нетабельное» чиновничество России в первой половине XIX в., подобно приказным людям XVII в. и канцелярским служащим XVIII в., составляя отдельное субсословие, продолжало занимать особое место в сословной системе, не входя в состав ни одного из сословий.

§ 2. Правовое оформление сословной системы России в середине XVII–XVIII вв.

Обратимся к первому из выделенных нами периодов, который мы определили, как период формирования и функционирования сословной модели в общегосударственном масштабе с хронологическими рамками с середины XVII по рубеж XVIII–XIX вв., определяя эти рамки конкретнее и с известной долей условности: 1649–1800 гг.

Прежде всего обратим внимание на время середины XVII в. – время конституирования общероссийской сословной системы, время завершения создания отечественной сословной модели в общегосударственном масштабе.

Модель сословной организации российского общества в середине XVII в.

Речь при этом идет об ином перечне социальных групп в качестве сословий. Рассматривая эти группы, мы выходим на социальные категории служилых людей по отечеству, служилых людей по прибору, посадских людей, крестьян, холопов и некоторые другие. Данный перечень базируется на законодательной и правоприменительной практике и сам по себе является традиционным для историко-правовой и исторической наук. Именно на базе данного перечня необходимо вы-

строить модель социальной организации России в середине и второй половине XVII в.

И.А. Исаев определяет в качестве феодальных сословий боярство и дворянство. Последнее он называет также «служилым сословием»[398]. Далее автор характеризует городское население, подчеркивая его иерархию: гости и гостиная сотня, суконная сотня, черные сотни, слободы (ремесленные кварталы и цехи). Применительно к сельскому населению И.А. Исаев называет черносошных крестьян, которые в центральных уездах страны к середине XVII в. превратились в крепостных и владельческих крестьян, которые принадлежали вотчинникам, помещикам, монастырям и двору. Одновременно автор упоминает о двух категориях крестьян – старожильцах и новоприходцах (определяя обе эти категории как владельческие), отмечая далее, что «по форме зависимости крестьянин мог быть половником (работать за половину урожая) или серебреником (работать за проценты)»[399].

Т.А. Лаптева, соглашаясь с использованием сословной терминологии применительно к XVII в., различает широкое значение понятия «служилое сословие» (боярская аристократия, московские чины, провинциальное дворянство, служилые люди по прибору) и значение его «в узком смысле», близкое к понятиям «провинциальное дворянство», «городовое дворянство»[400]. Далее автор говорит о городовом дворянстве как о сословии, включающем несколько социальных страт (групп)[401]. Мы не согласны с определением городового дворянства как самостоятельного сословия, а вот мысль автора о структуре российского сословия того времени кажется нам весьма плодотворной.

Ю.В. Терехина, с определенным сомнением относящаяся к самому факту существования в XVII в. сословий в России, предлагает такую схему социальной структуры: «можно с большой долей уверенности выделить две большие социальные группы, сложившиеся на момент издания Соборного уложения 1649 г. –

---

[398] Исаев И.А. История государства и права России…1996. С. 44–45.

[399] Там же. С. 47.

[400] Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2013. С. 4–5.

[401] Там же. С. 7.

это люди служилые и люди земские. Служилые чины в свою очередь подразделялись на служилых людей «по отечеству» и «по прибору»[402].

Имеется лишь два вопроса, которые требуют рассмотрения и на которые могут быть даны разные ответы. Вопрос первый связан с общей схемой сословной системы России второй половины XVII в. Вопрос второй заключается в определении структуры каждого из сословий. Исходя из методологии нашей работы, его можно сформулировать следующим образом: какие субсословия входят в состав каждого из сословий? При ответе на второй вопрос следует рассмотреть, а в ряде случаев пересмотреть правовой статус различных категорий населения.

В отношении общей схемы сословной системы мы полагаем, что имеются два основных дискуссионных момента: являются ли боярство и дворянство самостоятельными сословиями либо частью одного сословия служилых людей по отечеству; являются ли сословием служилые люди по прибору.

По поводу статуса бояр и дворян отметим, что эти категории подданных были призваны, по мысли законодателя, нести как военную, так и гражданскую службу. Исследователи резюмируют эту мысль следующим образом: на бояр и дворян возлагались многие функции по управлению государством[403]. О служилых людях по отечеству имеется довольно обширная историография, главным образом исторического характера[404].

Все группы служилых людей по отечеству были объединены, помимо общего названия, еще и важной социальной функцией – постоянным нахождением на государственной службе. Так что у исследователей есть аргументы в пользу кон-

---

[402] Терехина Ю.В. Даточные люди Московского государства в середине XVI века (к проблеме формирования новой социальной группы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151. Кн. 2, ч. 1. № 2-1. С. 103.

[403] См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года … С. 194.

[404] Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: дис. … канд. ист. наук. Казань, 1998; Балыкина М.И. Нижегородские дворяне и дети боярские XVI–XVII вв.: процессы эволюции провинциальной служилой корпорации: автореф. дис. … канд. ист. наук. Белгород, 2016; Балыкина М.И. Нижегородский служилый «город» в последней четверти XVII века: провинциальная корпорация на фоне общероссийских реформ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 18–23; Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1999 и др.

статации факта существования уже в XVII в. единого «боярско-дворянского» сословия. Тем не менее, эти социальные группы различались некоторыми существенными характеристиками, что может служить основанием для непризнания их частью одного сословия. В частности, мы имеем в виду институт местничества.

Мы расматриваем служилых людей по прибору в качестве самостоятельного сословия, состоявшего из ряда субсословных групп.

Таким образом, сословная система в России в середине XVII в. включала в себя следующие сословия: боярское сословие, дворянское сословие, духовенство, сословие служилых людей по прибору, сословие посадских людей, крестьянское сословие, холопское сословие.

Боярское сословие

В состав боярского сословия входили члены Боярской думы: бояре, окольничьи. Способ вступления в данное сословие – пожалование монархом соответствующего чина.

Категория бояр в России к середине XVII в. была достаточно многочисленной. Традиционное значение термина «боярин» – «крупный землевладелец, принадлежавший к высшему слою» или, по выражению М.Ф. Владимирского-Буданова, – «свободный землевладелец»[405]. Со времен правления великого князя Василия Ивановича (1505–1533 гг.) ведутся списки членов Боярской думы. Следует отметить, что в составе боярства выделялись группы бывших удельных и служилых князей. Княжества бывших удельных князей были разбросаны по территории большинства центральных уделов страны; владения служилых князей располагались в западных и юго-западных уездах. К началу XVII в. разница в правовом статусе княжеских владений и других вотчин исчезает. О каких-либо преимуществах бояр с княжеским титулом с воцарением династии Романовых говорить сложно. Тем не менее, титулованное боярство продолжало существовать.

---

[405] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 57; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 180.

Следующей категорией были окольничьи. Звание окольничьего тоже стало жаловаться монархом. Были установлены также присваивавшиеся по воле монарха звания думного дворянина и думного дьяка.

Общая численность членов Думы не была постоянной. В 1619 г. число ее членов составляли 37 человек (в том числе 23 боярина); в 1639 г. – 28 человек (в том числе 13 бояр); в 1645 г. – 47 человек (в том числе 23 боярина); в 1650 г. – 62 человека (в том числе 29 бояр)[406].

Правовой статус членов данного сословия характеризуется наличием ряда прав, в том числе прав-привилегий. Некоторые из этих прав представлены нормами, распространявшими свое действие по кругу лиц только на членов боярского сословия. Прежде всего можно назвать нормы о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда, причиненного представителю сословия. Защите чести посвящены ст. 90–92 Уложения 1649 г. В диспозициях всех названных норм речь идет о бесчестии «боярина, окольничего или думного человека». В сфере земельных отношений члены боярского сословия располагали правом на владение вотчинами и поместьями. Бояре могли претендовать на поместье размером в 200 четвертей (в Московском уезде), окольничьи и думные дьяки – 150 четвертей, что превосходило размер поместий московских дворян и дьяков. В сфере административно-управленческих отношений члены боярского сословия имели право на участие в работе Боярской думы и Земского собора, причем в последнем случае – без выборов, в силу своего статуса. Помимо работы в названных органах, члены боярского сословия руководили приказами, назначались воеводами и т.д.

Одной из характеристик правового статуса члена боярского сословия было наличие родословной. Родословные бояр учитывались не только при назначении на государственные должности, но и при выдаче служебных поручений. Речь идет о явлении местничества. Нормы о местничестве отсутствуют в Соборном уложении (за исключением ст. 24 гл. X). Тем не менее на уровне обычаев XVII в. и сохранивших юридическую силу некоторых правовых актов XVI в., не говоря уже

[406] Цифры даны по: Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред.А.П. Павлова. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2006. С. 309–320.

об административных и судебных прецедентах, отношения местничества были урегулированы. Сама система местничества, подчеркнем, была санкционирована государством.

Взаимоотношения представителей родов бояр и окольничих отслеживались на протяжении многих десятилетий. Историки приводят многочисленные примеры местнических споров применительно к XVII в. С.М. Соловьев, рассматривая спор двух представителей рода Бутурлиных, ссылается на текст челобитной Федора Ворона-Бутурлина, поданной в ответ на жалобу царю своего сородича Василия»[407]. Между прочим, решения по данным челобитным выносили сами государи Михаил и Филарет; в качестве доказательств использовались «выписки из разрядов и родословца». В.И. Сергеевич пишет о споре Юрия Пильемова из рода Сабуровых и Федора Лыко из рода Оболенских. В своих челобитных они прослеживают службу предков до XV в. Перечисление служебных назначений занимает 16 страниц печатного текста[408]. Правовые документы середины и второй половины XVII в. подтверждают продолжение нормотворческой и правоприменительной практики в отношении урегулирования местнических споров.[409]

Служебное положение боярина или окольничего (и его предков) определяло его положение в большей степени, чем его родовитость. Иллюстрацией служит спор представителей рода Волконских и рода Головиных. В решении по своей челобитной князь Волконский был отнесен к неродословным людям, хотя имел явное преимущество в древности рода. В.И. Сергеевич объясняет такой ответ тем, что Головины были давно на службе московских государей, получали чины окольничих и бояр, а Волконские не очень спешили стать в ряды московских служилых людей и крупные чины получили лишь в XVII в.[410] Вместе с тем вполне

---

[407] Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения… Т. 9–10. С. 286.

[408] Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 94.

[409] См, например: Именной указ, объявленный думным разрядным дьяком Семеном Заборовским, на постельном крыльце, окольничему Ивану Ромодановскому «О несправедливом его местничестве против боярина Ивана Салтыкова» от 29 июля 1650 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. I. – № 41 и др.

[410] Именной указ, объявленный думным разрядным дьяком Семеном Заборовским, на постель-

справедливым представляется замечание о том, что использование двух критериев (служба и происхождение) давало широкие возможности властям для субъективного принятия решений[411].

Не случайно занимавшие первое место в «родовой лестнице» царевичи, «потомки разных мусульманских владетелей, принявших христианство», не были первыми «по служебному порядку»[412].

Основным проблемным вопросом со структурой боярского сословия мы считаем вопрос с определением статуса думных дворян и думных дьяков. Прямых указаний законодателя на этот счет нет. С одной стороны, представитель любой из этих категорий определялся законодателем как «думный человек». При этом в некоторых правоотношениях думный человек имел те же возможности, что и боярин или окольничий[413].

По существу, мы имеем два варианта решения поставленного выше вопроса. Вариант первый. Мы признаем думных дворян и думных дьяков двумя субсословиями боярского сословия. Вариант второй. Мы определяем статус думных дворян в качестве субсословия в составе дворянского сословия, а статус думных дьяков как группы в составе приказных людей, субсословия, находившегося вне рамок какого-либо сословия.

Автор полагает, что решение вопроса требует продолжения соответствующих научных исследований и является делом будущего. На сегодняшний день утверждение о думных дворянах и думных дьяках как составной части боярского сословия представляется слишком спорным.

В любом варианте думные дворяне и думные дьяки занимают в сословной системе России семнадцатого века «пограничное» положение между боярством, с

ном крыльце, окольничему Ивану Ромодановскому «О несправедливом его местничестве против боярина Ивана Салтыкова» от 29 июля 1650 г. … С. 89–90.

411 Правящая элита Русского государства… С. 363.

412 Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. / вст. ст. А.Ф. Смирнова; сост., комм., указ. А.М. Кузнецова. М.: Изд-во «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. Т. 2. С. 353.

413 Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1. Глава X, Ст. 27–29.

одной стороны, дворянством и приказными людьми с другой.

В настоящее время в составе боярского сословия следует выделить два субсословия: бояре и окольничьи.

Дворянское сословие

Следующее сословие служилых людей включало в свой состав служилых людей, верстаных «государевым денежным жалованьем». Учитывая роль дворян, прежде всего московских, в данном сословии, мы считаем возможным именовать его дворянским.

Особое, если угодно, более высокое место в данном сословии занимало субсословие московских дворян и субсословие стольников и стряпчих царского двора. Эти категории учитывались Разрядным приказом в том же повытьи (подразделении), в котором учитывались бояре, окольничьи, думные дворяне и дьяки; записывались в одни и те же списки[414].

В городах и уездах размещалось субсословие городовых дворян и детей боярских. Наконец, субсословие однодворцев имело достаточно узкую географическую локализацию в юго-западных уездах Европейской части России.

Численный состав как всей категории дворянства, так и отдельных групп внутри нее постоянно менялся, что было обусловлено причинами политического характера. Численность московских дворян составила в 1616 г. 311 человек, в 1626 г. – 762 человека, в 1638 г. – 1 284 человек, в 1644 г. – 1 432 человека, в 1650 г. – 1 429 человека[415].

В сфере земельных отношений представители дворянства имели право на получение поместья (размером до 100 четвертей в Московском уезде).

Представители дворянства считались неродословными людьми. Эта формулировка присутствовала в правовых документах. В царском решении по случаю спора стряпчих Ларионова и Телепнёва указывалось, что «они оба люди неродо-

---

[414] Новохатко О.В. Центральное государственное управление в России во второй половине XVII века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2008. С. 22.

[415] Правящая элита Русского государства… С. 330.

словные и счету им нет»[416]. Любопытен тот факт, что занятие дворянином более высокой должности, чем каким-либо представителем боярского сословия, не превращало его в родословного человека. В 1635 г. дворянин Фустов бил челом на князя Борятинского. Думный дьяк ответил Фустову: «Ты бил челом не делом: Борятинские – люди честные и родословные, а ты человек не родословный, хотя родственники твои и бывали в разрядах больше Борятинских»[417].

Несмотря на то, что система местничества в полном объеме официально не распространялась на дворянское сословие, споры между членами этого сословия отнюдь не редки. «Счет и челобитье» по поводу мест разрешались лишь московским и городовым дворянам и только в одном случае: «кого с кем пошлют вместе на государеву службу»[418].

Служебные обязанности представители сословия выполняли как в Москве, так и в городах и уездах России. При царском дворе служили большинство стольников и стряпчих, значительное число жильцов; в городах и уездах служили городовые дворяне, некоторые жильцы. Московские дворяне служили полковыми и городовыми воеводами, судьями в приказах, писцами, послами в иностранные государства, производили верстание городовых дворян и детей боярских.

Отметим, что в статусе некоторых категорий, входивших в состав дворянского сословия, видны признаки не социальной группы, а государственной должности. Прежде всего это заметно, по нашему мнению, у категории жильцов. Численность жильцов характеризуют следующие цифры: 1618 г. – 548 человек, 1626–1627 гг. – 1 090 человек, 1632–1633 гг. – 750 человек; 1645–1646 гг. – 1 030 человек; 1648–1649 гг. – 1 600 человек[419]. Жильцы являлись сыновьями московских и городовых дворян, стольников, дьяков, детей боярских. В 1643 г. только у 25 жильцов отцы носили такой же чин[420]. Но еще более значительным представляется другой факт. Жильцы в подавляющем большинстве были достаточно молоды.

---

[416] Соловьев С.М. Сочинения… Т. 9–10. С. 289.

[417] См.: там же.

[418] Там же. С. 290.

[419] Правящая элита Русского государства… С. 339.

[420] Правящая элита Русского государства … С. 341–342.

По данным на 1643 г. лишь 15 человек имели возраст 50 и более лет, а 149 человек – возраст 40 и более лет. Средний срок службы составил менее 10 лет, поскольку из этой категории шло комплектование других категорий служилых людей. Все это позволило назвать жильцов переходным чином. Отметим также, что учет жильцов вело отдельное подразделение Разрядного приказа[421]. Таким образом, уже к середине XVII в. некоторые чины внутри дворянской корпорации проделали эволюцию в направлении классов (рангов) эпохи Петра I.

Способ вступления в дворянское сословие – пожалование чина (прежде всего для московских дворян), или верстание, т.е. особый акт определения на службу. В состав московских дворян жаловались представители городовых дворян, стольников, жильцов, детей боярских, а также представители социальных групп, не входивших в состав сословия служилых людей (например, иноземцы). В 1632–1650 гг. чин московского дворянина получили 695 человек, в том числе представители таких категорий, как жильцы (239 человек), городовые дворяне (90), стольники (40), дьяки (1), стрелецкие головы (2), иноземцы (12) и т.д.[422]

В целом сословие служилых людей не было замкнутым. В него включались представители тяглых сословий. Правда, таким образом пополнялась прежде всего низшая категория – дети боярские, да и то главным образом в приграничных районах. В литературе приводятся примеры верстания в дети боярские. Например, в 1648–1649 гг. по «новому городу» Коротояку были поверстаны в первую статью детей боярских следующие лица: сыновья детей боярских (10 человек), во вторую статью – сыновья детей боярских, чьи отцы оставили службу (7 человек), в третью статью – сыновья казаков и один сын посадского человека (13 человек). При верстании все они подтвердили, что не являлись чьими-либо крестьянами и не дали на себя крепости[423]. О получении чина детей боярских сибирскими казаками

[421] Новохатко О.В. Указ. соч. С. 23.

[422] Цифры даны по: Правящая элита Русского государства… С. 332.

[423] Лаптева Т.А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII в. (поверстание в дети боярские представителей других сословий) // Отечественная история. 2003. № 5. С. 83.

сообщает С.А. Горулев[424]. О неоднократном верстании в дети боярские большого количества казаков и «вольных людей» пишет Т.А. Лаптева. Так, в 1652–1653 гг. в приграничных уездах было произведено массовое верстание в дети боярские. При этом она отмечает факты верстания беглых частновладельческих крестьян. Более того, правительство запретило возврат помещикам крестьян, ранее «записавшихся в службу»[425].

Еще раз отметим, что приведенные примеры относятся к осваиваемым или приграничным территориям. Здесь явно присутствует правительственный интерес. Тем не менее последнее обстоятельство не колеблет общего вывода: дворянство как социальная категория не было замкнутым. Доступ в него был достаточно массовым, имел разрешительный характер и определялся в зависимости от государственных нужд.

Как известно, два рассмотренных выше сословия относились к категории, определяемой законодателем как служилые люди по отечеству.

Сословие служилых людей по прибору

Обратимся к характеристике следующей группы служилых людей. По истории возникновения категории служилых людей по прибору, об их отношении к государственной службе проведены исследования, представленные в научной литературе[426].

Полагаем, что ключевая характеристика служилых людей по прибору – нахождение на государственной службе (служат «государевы службы»). В связи с этим они «емлют государево денежное и хлебное жалованье». Подчеркнем одно существенное обстоятельство: служилые люди по прибору находились на госу-

---

[424] См.: Горулев С.А. Ошибки в освещении деятельности русских землепроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 175.

[425] Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 55–56.

[426] Петрухинцев Н.Н. Служилые люди «по прибору» южных городов России и военная реформа Алексея Михайловича (на примере служилых «городов» Липецкого края) // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3 (8); Терёхина Ю.В. Даточные люди Московского государства в середине XVI – XVII вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2010 и др.

дарственной службе на постоянной основе. Они не привлекались к ней на ограниченный период времени, например, на время военных действий, а считались служащими постоянно. В этом состояло ключевое отличие понятия «служилые люди по прибору» от понятия «ратные люди».

В связи с несением государственной, прежде всего военной, службы верховная государственная власть принимала по отношении к ним и членам их семей специальные меры поддержки. В качестве примера можно назвать распоряжение короченскому воеводе о сохранении за женами и детьми казаков, стрельцов и пушкарей дворов в случае гибели или плена глав семей.[427]

Доход от торгово-промышленной деятельности выступал, по мысли законодателя, в качестве допустимого и возможного, но не необходимого дополнения к жалованию для служилых людей по прибору.

Характеристика правового положения различных категорий служилых людей по прибору содержится в статьях гл. XIX Соборного уложения.

Речь идет о возможности вести торговлю и «всякими промыслы промышлять» в Москве и других городах. Стрельцам, казакам и драгунам нормы Соборного уложения разрешили вести торговую деятельность при условии уплаты таможенных пошлин и оброка (гл. XIX, ст. 11). Сохранился иммунитет в отношении «тягла» и «тяглых служеб», т.е. освобождение от платежа податей и несения личных повинностей. Низшие категории служилых людей по прибору (пушкари и др.) в случае занятия торговлей должны были нести тягло и «службы служити» (гл. XIX, ст. 12).

Обладание правами и несение обязанностей посадских людей составляли существенную, но не главную характеристику правового статуса служилых людей по прибору. Строго говоря, именно по этой причине законодатель поставил обладание названными правами и обязанностями в зависимость от усмотрения лиц этой категории. Наличие или отсутствие в составе правового статуса служилых людей по прибору такого элемента, как права и обязанности посадских людей, не

---

[427] Грамота короченскому воеводе от 31 марта 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. I. – № 4.

меняло этого статуса. Служилые люди, занимавшиеся торговлей или промыслами и несущие тягло, не становились посадскими людьми; они несли тягло в дополнение к своим «основным обязанностям».

Данное обстоятельство является еще одним аргументом в пользу существования служилых людей по прибору в качестве сословия; они не входили в состав посадских людей даже в качестве особой группы.

Положения двадцать третьей главы Уложения 1649 г. регулировали особый статус стрельцов в аспекте судопроизводства. Эта глава включает три статьи[428]. Две из них носят процессуальный характер и определяют подсудность гражданских и частично уголовных дел, касающихся стрельцов. Третья статья носит материально-правовой характер и посвящена компенсации неимущественного вреда, причиненного одним представителем этой категории военнослужащих другому. В целом нормы главы закрепляют полномочия по рассмотрению гражданских и большей части военных дел в отношении стрельцов за Стрелецким приказом.

Статьи гл. XIV посвящены казакам и их атаманам[429]. Конечно, факт присутствия в Уложении целой главы, посвященной казакам, весьма примечателен. Тем не менее она не содержит норм, определяющих особый правовой статус казачества. Все три статьи главы касаются урегулирования положения казаков, их атаманов, кузнецов-оружейников и их старост в судебном процессе, причем мы полагаем, в тех случаях, когда другой стороной является человек с иным статусом. Как видим, законодатель отказался от урегулирования правового положения казачества как особой страты в этой главе.

Стрельцы, пушкари и т.п. имели определенное сходство в социальном положении с посадскими людьми, казаки – с крестьянами. В этих условиях их профессиональный статус выступал в качестве важнейшего фактора, определявшего место в социальной структуре.

Какие субсословия включало в себя сословие служилых людей по прибору?

---

[428] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1.

[429] Там же.

В научной литературе имеются разные мнения по вопросу о составе страты служилых людей по прибору. Ю.В. Терехина, например, включает в ее состав даточных людей, причем отмечает, что «по своему общественному положению эта группа находилась на стыке двух больших социальных страт: служилых людей по отечеству и по прибору»[430].

Мы не согласны с данной точкой зрения. Дело даже не в разнородности группы даточных людей (есть достаточно обоснованное мнение, что даточными людьми были не только дети боярские (служилые люди по отечеству), но и крестьяне, холопы, а возможно, и представители других групп населения). Нет убедительных сведений об утрате даточными людьми своего сословного статуса, о выходе из состава своего сословия. Дело также и в том, что как минимум часть даточных людей, прежде всего названные крестьяне и холопы, несли военную службу только в периоды смотров и боевых действий. Большую часть своей жизни они выполняли функции в рамках своих сословий. Таким образом, они по сути своей военной службы являлись ополченцами, а не профессиональными военнослужащими. Значит, их правовое положение во время военной службы вполне подходило под понятие «ратные люди». Как мы видели, ратные люди не составляли сословия.

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод о том, что субсословиями в составе сословия служилых людей по прибору в середине XVII в. являлись стрельцы; казаки (постоянно проживающие вне казачьих регионов); низшие разряды служилых людей (пушкари, воротники и др.).

Сословие посадских людей

Первая половина XVII в. рассматривается, как правило, как совокупность сменявших друг друга этапов посадского строения. Середина XVII в. с этой точки зрения явилась временем начала нового этапа строения, временем урегулирования отношений, связанных с правовым положением горожан, торгово-промышленной

[430] Терехина Ю.В. Даточные люди Московского государства в середине XVI века (к проблеме формирования новой социальной группы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151. Кн. 2, Ч. 1. С. 106.

деятельностью. В связи с этим определяется роль Соборного уложения в указанном процессе. А.Г. Маньков так сформулировал мысль о месте Уложения: «Будучи закономерным итогом предшествующего законодательства, связанного с посадским строением, XIX глава Уложения одновременно является новым, большого значения этапом на пути развития законодательства о русском феодальном городе»[431].

П.П. Смирнов отмечает, что нормы Уложения 1649 г. определяли статус российского города в трех отношениях: территория, состав населения, привилегии, связанные с принадлежностью к посадскому населению[432]. А.Г. Маньков выделяет в этом процессе доминирующую линию на формирование населения посада[433].

Мы не соглашаемся с высказанной оценкой законодательной политики и полагаем, что исходным и ключевым пунктом урегулирования рассматриваемых отношений является определение правового статуса жителей города. В связи с этим законодатель решил вопрос о включении в состав посада тех или иных категорий городских жителей и территории их проживания.

Основное население посадов в статьях гл. XIX Соборного уложения называется «государевыми тяглыми людьми», «государевыми торговыми посадскими людьми», «посадскими тяглыми людьми», «посадскими черными людьми». Согласно нормам этой главы, посадские люди имели право «торговыми промыслы промышлять», «в лавках и погребах сидети», «кабаки откупати», или право на занятие торговлей и ремеслом. Данное право следует рассматривать как привилегию, так как ряд категорий населения был такого права лишен.

Одновременно посадские люди находились «в тягле», т.е. были обязаны «всякие государевы подати платити и службы служити» (гл. XIX Соборного уложения, ст. 12). Более того, государственные органы имели право в принудительном порядке переводить посадских людей на другое место работы и проживания.

---

[431] Маньков А. Г. Уложение 1649 года… С. 140.

[432] Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. II. С. 294.

[433] Маньков А. Г. Уложение 1649 года… С. 141.

Так, материалы переписной книги 1678 г. свидетельствуют, что из Твери были взяты в Москву «на вечное житье» 14 семей (бронники, стрельцы и др.)[434]. В 1702 г. стольник приказа Большого дворца М. Заседцкий отправил 16 тверских кирпичников на строительство укреплений Азова и Таганрога[435].

В целях обеспечения выполнения возложенных на них функций посадские люди получали ряд прав в имущественной сфере. Они могли «держать» в посадах лавки, соляные варницы, дворы. При этом устанавливалась монополия (с определенными исключениями) посадских людей на обладание недвижимым имуществом на территории посадов. Подчеркнем, что речь не идет о монополии на торгово-промышленную деятельность вообще; речь идет о торговле и производстве на территории города.

Какие категории городских жителей обозначались термином «посадские люди»? А.Г. Маньков пишет о трех «собственно городских» категориях: посадские люди, служилые люди по прибору, торговые люди. При этом он сближает две последние категории по критерию несения государственного тягла. Служилые люди по прибору и торговые люди обязаны были нести тягло «в случае наличия у них торговых и промысловых заведений на посадах, но имели право продать дворы и заведения тяглым посадским людям тем самым освобождались от тягла. Третья группа, посадские люди, обладая монопольным правом собственности на посадские дворы и торгово-ремесленные заведения, вместе с тем была прикреплена к посаду и тяглу. Таким образом, положение посадских людей, в отличие от других групп городского населения, было приниженным, а их зависимость от государства носила феодальный характер»[436]. В отношении служилых людей по прибору А. Г. Маньков отмечает, что, в отличие от посадских людей, их правовое положение было «существенно иным». Наиболее важным отличием он считает возможность освобождения от тягла «по собственной воле при условии продажи в

[434] Виноградова Е.А., Виноградов А.Д. Тверь. XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики. Тверь: ОАО «Тверское княжество», 2002. С. 170.
[435] Там же. С. 226.
[436] Там же. С. 152.

посад своих лавок и промысловых заведений»[437].

В отношении членов торговых корпораций можно отметить следующее. Гости, а в некоторой мере и члены торговых корпораций обладали существенно большим объемом прав, чем большинство посадских людей. Среди этих прав были права на освобождение от тягла, от постоянной повинности (гл. XVIII, ст. 8). Гости могли покупать порожжие земли в вотчины (гл. XVII, ст. 45). Существенно выше был размер компенсации за бесчестие гостя и некоторых членов гостиной и суконной сотен, чем за бесчестье представителей основного поселения посадов. Некоторые исследователи делают на этом основании выводы, что гости и члены торговых корпораций не входили в состав посадского поселения. А.Г. Маньков считает, что гости занимали высокое положение в социальной структуре феодального общества, выводившее их за пределы собственно городского населения. Он также сближает представителей гостиной и суконной сотен со служилыми людьми по прибору[438]. Между тем мы видим, что указанные права рассматриваемой категории городского населения лежат не только за пределами торгово-промысловой деятельности, но и по большей части вне сферы имущественных отношений. В гл. XX Уложения 1649 г. практически нет норм, регулировавших статус гостей и членов торговых корпораций как субъектов имущественных отношений. Кстати говоря, в других главах, за редким исключением, таких норм также нет. Возникают вопросы: какими же нормами устанавливались права и обязанности членов названной выше категории в имущественной сфере? Располагали ли гости и члены торговых корпораций теми правами, которые были предоставлены посадским тяглым людям? Ответы, как мы полагаем, очевидны. И гости, и члены гостиной и суконной сотен располагали всем объемом прав, которые были предоставлены жителям посадов. При этом они руководствовались теми же правовыми нормами. Другими словами, нормы статей гл. XIX Уложения 1649 г. определяли правовое положение как посадских тяглых людей, так и представителей рассматриваемой категории.

---

[437] См.: Маньков А. Г. Уложение 1649 года… С. 146.

[438] Там же. С. 151–152.

Попутно заметим, что конструкция нормы ст. 94 гл. X Уложения, устанавливавшей размер компенсации за бесчестье, не позволяет использовать ее в качестве доказательства сословной обособленности если не гостей, то уж точно членов гостиной и суконной сотен. Соответствующее положение данной статьи сформулировано следующим образом: «А будет кто обесчестит …или гостя, или гостиные и суконные и казенные и черных сотен и слобод и городовых посадских людей». Как следует из статьи, гостиная и суконная сотни текстуально соединены с казенными и черными сотнями и городовыми людьми. Относительно размера возмещения в статье читаем следующее: гости получают по пятьдесят рублей; купец большой статьи гостиной сотни – по двадцать рублей; купец средней статьи – по пятнадцать рублей; купец меньшой статьи – по десять рублей; купец большой статьи суконной сотни – по пятнадцать рублей; купец средней статьи – по десять рублей; купец меньшой статьи – по пять рублей; посадский тяглый «лучший» человек – по семь рублей; посадский тяглый человек средней статьи – по шесть рублей; посадский тяглый человек меньшой статьи – по пять рублей.

Итак, здесь присутствует сильная дифференциация, причем в наибольшей мере разница в размере компенсации присутствует внутри каждой корпорации, а не между ними. Разброс размеров компенсации внутри гостиной сотни составляет от 10 до 20 рублей; внутри суконной сотни – от 5 до 15 рублей; внутри черных и казенных сотен и слобод – от 5 до 7 рублей. Полагаем, что невозможность использования текста разбираемой статьи для доказательства сословной обособленности членов торговых корпораций от основной массы посадских людей очевидна.

В статьях 30 и 91 гл. X Уложения гости перечисляются среди представителей категорий дворянского сословия. В обоих случаях гости занимают место между московскими дворянами и дьяками. В тексте названных статей не упоминаются ни члены гостиной и суконной сотен, ни тяглые посадские люди. Однако если мы обратимся к ст. 93 гл. X, то увидим перечень чинов, которые «государевым денежным жалованием верстаны». Перечень не включает ни гостей, ни членов иных торговых корпораций. Все эти категории указаны в ст. 94 гл. X Уложе-

ния, причем наряду с тяглыми категориями.

В связи с этим следует вывод: гости, как и члены торговых корпораций, не являются служилыми людьми. Они неслужилые, т.е. тяглые люди. В государственных интересах они привлекаются к службе. Подытоживая вышесказанное, отметим, что нет оснований выводить гостей и купцов гостиной и суконной сотен за рамки посадских людей.

Таким образом, сословие посадских людей в середине XVII в. состояло из трех субсословий. Два субсословия можно назвать городовыми посадскими людьми (основное по численности население посадов) и торговыми людьми (члены торговых корпораций). Третье субсословие, которое благодаря позиции законодателя было предназначено к упразднению – субсословие беломестцев (городских жителей белых слобод).

Крестьянское сословие

При характеристике правового статуса крестьянства России в середине XVII в. общеизвестным фактом является факт закрепления крепостной зависимости значительной в численном отношении части данной категории населения. Установление в XVI – XVII вв. крепостной зависимости сельского населения не являлось исключительно российским феноменом. Процессы оформления крепостной зависимости были достаточно распространены в Восточной Европе. Мы можем здесь сослаться на примеры из истории Восточной Германии, Прибалтики, Молдавии[439].

Полагаем, что выделение черносошных крестьян в отдельное субсословие вряд ли может вызвать возражение исследователей. Действительно, черносошные крестьяне имели существенные и, мы бы выразились, достаточно заметные отличия в своем правовом положении по сравнению с другими категориями российского крестьянства, прежде всего – по сравнению с крестьянами вотчин и поме-

[439] Майер В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1985; Трикоз Е.Н. «Уложение» Василия Лупу 1646 года: особенности кодификации права Молдавского княжества // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 5. С. 115–122 и др.

стий. Эти отличия сформировались задолго до начала рассматриваемого в настоящей работе периода.

Отличия, в частности, связаны с тем, что в отношении черносошных крестьян именно государственные органы реализовывали властные полномочия.

В 1649 г. правительство сформировало из черносошных крестьян заонежских и лопских погостов (объединенных в 1650 г. в Олонецкий уезд) несколько солдатских и драгунских полков общей численностью не менее 8 тыс. чел. «Пашенные солдаты» этих полков не получали из казны жалованья, содержали себя и свои семьи за счет своего хозяйства. При этом данная мера была реализована в принудительном порядке, несмотря на нежелание местного населения[440]. А.В. Чернов полагает, что в состав пашенных солдат записывали крестьян и бобылей не только чероносошных, но и дворцовых[441]. В числе применяемых правительством мер использовалось и изменение правового статуса крестьянского населения ряда волостей[442].

Исследователи, рассматривая правовой статус крестьян черных волостей, обращают внимание на несколько важных обстоятельств: активно функционирующее местное самоуправление; значительный объем гражданской правосубъектности; определенный тип самосознания. Говоря о последнем обстоятельстве, сошлемся на мнение Е.Н. Швейковской, которая на основании анализа архивных материалов сделала вывод о четком представлении черносошных крестьян о себе как об отдельной социальной группе и о противопоставлениии ими своего статуса статусу помещичьих крестьян[443].

---

[440] Брусницына Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666): дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2014. С. 4 и след.

[441] Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 144 и след.

[442] Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Юкка Корпела, Кати Парппей, Ирэна Карвонен, Ирина Чернякова, Олег Черняков, Мария Проскурякова, Евгения Суслова, Татьяна Леонтьева, Анна Осипова; науч. ред. Ирина Чернякова, Татьяна Леонтьева, Юкка Корпела; под общ. ред. Ирины Черняковой. – СПб.: Наука, 2021. – С. 143. 487 с.

[443] Швейковская Е.Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1993.

В плане организации управления существенное сходство с черносошными крестьянами имели дворцовые крестьяне. Л.Ю. Варенцова, рассматривая нормативные ограничения прав дворцовых крестьян, указывает на практику переселений крестьян данной категории по решению дворцовой администрации (например, в 1673 г. некоторые дворцовые крестьяне Костромского уезда были переселены в село Измайлово Московского уезда), на выполнение обязанностей по перевозке царского леса дворцовыми крестьянами Муромского, Арзамасского, Нижегородского и других уездов, на факты обслуживания царского семейства во время пребывания монарха в дворцовых селах, на поставку продовольствия «для государева двора», на денежные платежи дворцовых крестьян, поступавшие в распоряжение царя. Характеризуя указанные обязанности дворцовых крестьян, автор пишет, что «государево дело» было для них такой же повинностью, как и для крестьян светских и духовных феодалов работа на барщине»[444].

Денежные доходы с дворцовых сел, волостей могли целенаправленно собираться на выплату жалованья ратным людям[445].

Л.Ю. Варенцова приводит пример направления в 1674 г. группы стрельцов во главе с сотником в г. Орел (с финансированием экпедиции из средств Стрелецкого приказа) для поиска бежавших дворцовых крестьян села Измайлово[446]. Таким образом, для поимки дворцовых крестьян направляется экспедиция из государственных служащих с финансированием за счет средств государственного бюджета.

А.М. Кондрескул объединяет черносошных и дворцовых крестьян Поморья по такому признаку, как нахождение «в непосредственной зависимости от государства»[447]. Такой подход представляется вполне аргументированным и соответ-

---

[444] Варенцова Л.Ю. Нормативные ограничения прав дворцовых крестьян по российскому законодательству XVII века [Электронный ресурс] // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 101–102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnye-ogranicheniya-prav-dvortsovyh-krestyan-po-rossiyskomu-zakonodatelstvu-xvii-veka (дата обращения: 05.05.2019).

[445] Варенцова Л.Ю. Нормативные ограничения прав дворцовых крестьян по российскому законодательству XVII века…

[446] Там же.

[447] Кондрескул А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII – первой четверти

ствующим реальному социально-правовому положению различных категорий крестьянского населения России в середине XVII в.

Таким образом, мы можем сделать вывод (с учетом позиции законодателя, выраженной в гл. XI «Суд о крестьянех» Соборного уложения 1649 г. и с учетом мнения ряда исследователей) о том, что в середине XVII в. два субсословия огромного крестьянского сословия составляли население черных волостей и дворцовых хозяйств и население частных вотчин или, говоря иначе, одним субсословием являлись черносошные и дворцовые крестьяне, а другим – помещичьи крестьяне. Мы не случайно применили термин «население», ибо, по нашему мнению, в состав каждого из двух указанных субсословий входили как крестьяне, так и бобыли.

Холопское сословие

Различные точки зрения изложены в отношении правового положения той общественной группы, которую принято именовать несвободными людьми: холопы, кабальные люди.

С.М. Соловьев применительно к XVII в. ограничился отдельными краткими упоминаниями об этой категории. Так, он пишет, что верстанные и неверстанные дети дворян и детей боярских «били челом в боярские дворы» и боярам, окольничьим, и стольникам, стряпчим, дворянам московским и к своей братье всяких чинов» в холопы»[448].

Практически полностью обошел вопрос о холопах в своем курсе лекций С.Ф. Платонов[449].

В.О. Ключевский истоки холопства прослеживает со времен Древней Руси и дает следующее определение понятий «холоп» и «раба»: холопом назывался крепостной мужчина, рабой – крепостная женщина[450]. Он отмечает, что до конца XV в. на Руси существовало холопство обельное, или полное. Полный холоп не толь-

---

XVIII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Архангельск, 2001. С. 11.

[448] Соловьев С.М. Сочинения… Т. 9–10. С. 300.

[449] Платонов С.Ф. Указ. соч.

[450] Ключевский В.О. Русская история… Кн. 2. С. 272.

ко сам зависел от своего владельца, но и передавал свою зависимость своим детям: «право на полного холопа наследственно, неволя полного холопа потомственна». Холопство могло прекратиться лишь по воле владельца[451].

М.В. Владимирский-Буданов рассмотрение положения холопов начинает со следующего тезиса: состояние холопства есть только наибольшее ограничение прав, но не окончательное лишение их; холопы обладали некоторыми правами, почему и речь о них должна быть отнесена к учению о субъектах, а не к учению о вещах»[452]. Древнейший источник рабства находится в связи с семейным правом[453]. Холопство могло возникать из международных, семейных, обязательственных и уголовных отношений. Ученый различает временное (неполное) и вечное (полное) холопство, особо выделяя внутри первого вида служилую кабалу[454]. Он отмечает двойственное положение холопов, когда по одним нормам они «лишены всякой правоспособности», а по другим обладают «некоторыми правами»[455].

Б.Д. Греков использует термин «кабальные люди». Кабальных людей он относит к серебреникам. Он особо подчеркивает значение Царского судебника 1550 г. в оформлении положения кабальных людей и отмечает два обстоятельства: классовую борьбу и взгляды Сильвестра и других составителей Судебника. В итоге законодатель, по мысли ученого, следующим образом подошел к определению правового положения кабальных людей: кабальный человек – это вольный человек, взявший на себя обязательство работать на своего хозяина определенный договором срок[456]. 1580-е гг. Б.Д. Греков считает переломными в плане изменения правового положения кабальных людей. Он пишет, что в интересах восстановления разрушенных помещичьих хозяйств указом 1586 г. кабальные люди были лишены прежних прав[457].

---

[451] Ключевский В.О. Русская история… Кн. 2. С. 272.
[452] Цит. по: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 386.
[453] Там же. С. 386.
[454] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 394.
[455] Там же. С. 396.
[456] Греков Б.Д. Указ. соч… С. 661
[457] Греков Б.Д. Указ. соч. … С. 866.

А.Г. Маньков считает холопство «вторым по численности феодально-зависимым сословием». С ссылкой на гл. XX Уложения 1649 г. он называет следующие виды холопства, «присущие развитой стадии феодализма»: полное холопство, старинное, докладное, добровольное, кабальное и «купленные люди». Полное холопство прекратило свое существование «как жизнеспособный институт» к концу XVI в., будучи вытесненным кабальным холопством[458]. Хотя с начала XVII в. «полные грамоты» уже не оформлялись, имелось значительное число полных холопов по ранее оформленным грамотам. Уложение 1649 г., отмечает А.Г. Маньков, исключает выдачу полных и докладных грамот, способствуя исчезновению полного и докладного холопства.

В.П. Портнов отмечает различие между холопами и кабальными людьми. Он пишет, что холопство сохраняется, причем правовое положение холопов «оставалось прежним». Одновременно развивается «новая категория зависимых людей – «кабальные люди. Они формировались из свободных (главным образом из потерявших земли крестьян)»»[459].

В словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона холопы определяются как люди несвободного состояния, рабы в Древней Руси; холопа считали вещью, частной собственностью. Кабала в словаре трактуется как долговой документ, давший название «кабальному холопству»[460].

Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под холопом понимает человека, находящегося в зависимости и близкого к рабству (Древняя Русь), или крепостного крестьянина, слугу (крепостническая Россия). Кабалой в словаре называется договор или долговое обязательство, ставящее должника в личную или имущественную зависимость от заимодавца, а также сама такая зависимость[461].

Законодатель оперирует в тексте гл. XX Уложения 1649 г. следующими терминами, имеющими отношение к рассматриваемой категории лиц:

– холопы (ст. 2, 3, 7–9, 10),

---

[458] Маньков А.Г. Уложение 1649 года… С. 111.

[459] История государства и права СССР… С. 97.

[460] Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. С. 325, 830.

[461] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 257, 866.

– холопство (ст. 3–5, 7, 8, 9),

– старинные холопы (ст. 21),

– старинные люди (ст. 24),

– полные холопы (ст. 21),

– холопы по полным грамотам (ст. 4),

– докладные холопы (ст. 21),

– купленные люди (ст. 61),

– полоняники (ст. 61),

– литовские полоняники (ст. 69),

– старинное холопство (ст. 11, 13, 15),

– кабальные люди (ст. 14, 15, 24),

– холопы по служилым кабалам (ст. 7–10, 13, 20),

– кабальное холопство (ст. 13, 15),

– добровольное холопство (ст. 16, 17).

Мы полагаем, что терминами «холопы по полным грамотам» и «полные холопы» обозначена одна и та же группа холопов. Аналогичный вывод следует сделать в отношении терминов «старинные холопы» и «старинные люди». Несмотря на упоминание в ст. 21 XX Уложения 1649 г. и полных, и старинных холопов, мы не видим сколько-нибудь заметной разницы в правовом положении этих групп холопов. Синонимичными с точки зрения характеристики правового положения являются также понятия «холопы по служилым кабалам» и «кабальные люди».

Конструкция ряда норм, в частности нормы ст. 24 XX Уложения 1649 г., позволяет сделать вывод: законодатель различает прежде всего две крупные категории холопов: старинные холопы и кабальные холопы. Таким образом, мы присоединяемся к мнению о том, что старинное холопство в данном контексте становится собирательным термином, обозначающим полных и докладных холопов[462].

Пленные (литовские полоняники) не называются в Уложении 1649 г. холопами. Вместе с тем законодатель отмечает, что они живут в боярских дворах, женаты на русских рабах. Согласно ст. 61 XX Уложения они перечислены в одном

[462] Маньков А.Г. Уложение 1649 года… С. 113.

ряду с полными и докладными холопами. В связи с этим представляется обоснованным вывод: полоняники принадлежали к категории безусловного и наследственного холопства[463].

Такой же вывод можно сделать и в отношении купленных людей. Законодатель допускает покупку татар (гл. XX Уложения, ст. 97–100).

Значение таких источников холопства, как военный плен и покупка, не имело и не могло иметь в количественном отношении существенного значения; во всяком случае, такого, какое имели похолопление и превращение в старинных холопов свободных людей. В литературе отмечается, что в России плен никогда не играл решающей роли в пополнении рядов холопства. К пленным применялся дифференцированный подход: шляхта, мещане, ремесленники приглашались на государственную службу и лишь пленные «из социальных низов» становились холопами. Кроме того, по окончании войны польским и литовским пленным разрешался свободный выезд на родину. При этом запрещалось расторгать браки пленных с русскими[464].

Таким образом, Соборное уложение отразило стремление законодателя к ограничению и постепенному изживанию старинного холопства. Диссонансом на этом фоне может выглядеть курс государственной власти на санкционирование холопства кабального. Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что законодатель последовательно отграничивает кабальное холопство от старинного. Более того, он следит за тем, чтобы кабальный холоп не превратился в старинного в результате тех или иных юридических процедур. Статья 47 гл. XX Соборного уложения запрещала оформлять служебную кабалу двум родственникам (отцу и сыну, дяде и племяннику) на одно лицо. Очевидно, что в первую очередь этим запретом законодатель устранял, как отмечается в литературе, возможность превратить кабальное холопство в старинное[465]. Детям-наследникам запрещалось держать у себя кабальных холопов отца после смерти последнего (ст. 52, гл. XX Уложения 1649 г.). Запрещалось включать кабальных холопов в духовные грамо-

[463] Маньков А.Г. Уложение 1649 года… С. 116.
[464] Там же. С. 117.
[465] Маньков А.Г. Уложение 1649 года… С. 124.

ты или иным способом распоряжаться ими (например, по рядным грамотам). Санкцией за нарушение запрета выступал отпуск кабальных холопов на волю (ст. 61, гл. XX Уложения 1649 г.).

Подобная позиция законодателя позволяет сделать вывод: законодатель видел существенное различие в положении старинных и кабальных холопов. И различие это вряд ли сводилось к количеству лет, которые холоп должен был находиться в зависимости от своего «боярина» (хотя и срок – факт немаловажный). Дело, очевидно, заключалось в правовом и социальном статусах разных категорий холопов.

В таких элементах правового статуса, как права и обязанности, правосубъектность, правовые отношения у старинных и кабальных холопов, имелось немало общего. Холопы всех категорий обладали правом на вступление в брак. Нет оснований считать брак холопов «неполноценным» и полагать, что он не порождал семейных отношений. В частности, ряд норм Соборного уложения (гл. XX, ст. 84–85) свидетельствует о том, что брак холопов основывался на общем принципе нерасторжимости. Таким образом, холопы могли являться субъектами семейных отношений.

В определенных случаях холопы имели право подать жалобу на своего «боярина». В гл. XX Уложения 1649 г. указано два таких случая: когда «всяких чинов люди», не желая в голодное и «в ыное какое время» кормить своих холопов, прогонят их со двора без отпускных грамот (ст. 41); когда господин «учнет у себя в дому делати беззаконие с рабою» (ст. 80). В обоих случаях речь идет о нарушении правовых норм, включая нормы канонического права, а также о нарушении соответствующих правил морали. Мы присоединяемся к выводу о том, что право на жалобу можно рассматривать как «некоторое проявление правоспособности в рамках холопьего статуса»[466]. Правда, ни одна из указанных норм не предусматривает компенсации материального или морального вреда. Их санкции предусматривают лишь наказание холоповладельцев.

---

[466] Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. С. 402.

Тем не менее, мы считаем дискуссионным вывод: «при всех особенностях правого положения старинных форм холопства…Уложение не отделяло их в сословно-правовом положении от кабального холопства»[467].

Одно из существенных отличий указывалось выше: на старинных холопов распространялось правомочие распоряжения, а на кабальных холопов – нет. Правда, правомочие распоряжения старинными холопами не было абсолютным. В литературе справедливо указывается ограничение при передаче холопов по наследству[468]. Но в данном случае для нас важен сам факт распоряжения именно старинными холопами.

Форма зависимости старинных холопов «бессрочна, потомственна и наследственна»[469]. Она в максимально допускаемой законодателем степени сопровождается сокращением правосубъектности и объема прав и обязанностей и приближением к той черте, за которой субъект права превращается в объект. В известном смысле старинное холопство меняет «качество человека» как субъекта права. Полагаем, что именно этим обстоятельством объясняется тот приоритет, который отдает законодатель статусу старинного холопа при наличии в отношении одного и того же лица двух «конкурирующих» документов: старинной крепости и служилой кабалы (гл. XX, ст. 21). Подчеркнем, что дело заключается в данном случае не в охранении принципа старины, а в том, что лицо, однажды утратившее существенные характеристики субъекта права, не может в одностороннем порядке вернуть их. В известном смысле старинное холопство как общественный институт восходит к древнерусским холопам и рабам.

Кабальное холопство существенно отличается от старинного. Оно срочно. Отношения кабального холопства прекращаются со смертью «боярина». Дети кабального холопа не получают холопский статус с момента рождения. Для получения этого статуса требуется наличие следующего юридического состава: проживание в доме «боярина» и достижение 15-летнего возраста. Именно в этом возрасте оформлялись отношения кабального холопства. При этом обращаем внима-

[467] Маньков А.Г. Уложение 1649 года… С. 128.
[468] Там же. С. 113.
[469] Там же. С. 111.

ние на конструкцию ст. 30 гл. XX Уложения: «А у которых людей холопи породилися от кабалных их людей, а живут они у них многие годы бескабално, и на таких холопей тем людем, у кого они живут бескабално имати кабалы. А будет те холопи из воли кабал дати не похотят, и на них кабалы дати и в неволю, потому что они живут у них бескабално многие годы». Во второй части этой статьи законодатель называет в качестве основания возникновения отношений кабального холопства не факт рождения от родителей кабальных холопов, а факт длительного проживания в доме «боярина». При этом отсутствовал законодательный запрет на уход несовершеннолетних детей кабального холопа из дома его господина.

Любопытны выражения, присутствующие в служилых кабалах. Лицо, получившее деньги и оказавшееся в кабальной зависимости, именуется заемщиком. Именно этим термином называется Г.А. Угримов в служилой кабале XVII в., оформленной после издания Соборного уложения. В тексте кабалы Угримов берет на себя при невозврате долга следующее обязательство: мне заемщику у государя своего во дворе служить ко вся дню[470]. Обращаем внимание на выражение: служить заемщику. Речь надо вести именно об обязательстве службы, а не об отказе от статуса субъекта права.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии в отношениях между кабальным холопом и его «боярином» признаков патроната и обязательства, порожденного договором личного найма.

Термин «холопы», «холопство» нас не должен вводить в заблуждение. Царскими холопами, как известно, называли себя бояре, князья, воеводы. Называли, подчеркнем, в официальных документах[471]. Другими словами, термин «холоп», примененный по отношению к кабальному человеку, есть скорее дань традиции, нежели точное определение его правового статуса. М. Блок писал в свое время по аналогичному поводу, что латинское слово servus, давшее во французском serf,

---

[470] См.: Служилая кабала Г.А. Угримова Василию Владимировичу Чиркову // Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Русская палеография: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. С. 124.

[471] См., например: Отписка полкового воеводы Д.Барятинского в Приказ Казанского дворца 17 ноября 1670 г. // Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Русская палеография… С. 152.

прошло через века, но между servus Рима и serf Франции гораздо больше различий, нежели сходства[472].

Кабальные холопы – не объект вещных прав, а субъект обязательственных отношений. Образно говоря, кабальные холопы – это не потомки древнерусских холопов, а предшественники дворовых и работных людей.

Таким образом, российский законодатель середины XVII в. объединяет в холопское сословие две социальные группы, имеющие одинаковый правовой статус на уровне сословия и различный правовой статус на уровне своей группы.

Классический вариант холопства представляет собой сокращавшееся численно субсословие старинных (полных) холопов. Старинные холопы представляли собой социальную группу с наиболее низким правовым статусом. В силу естественных причин в недалекой исторической перспективе субсословие старинных холопов должно было прекратить свое существование.

Субсословие кабальных холопов занимало более высокий правовой статус в холопском сословии. В силу позиции законодателя на ограничение практики установления кабальных обязательств, на соблюдение срочного характера кабального холопства в отделенной исторической перспективе мы можем отметить постепенное повышение правового статуса кабальных холопов и переход этого субсословия в состав иного непривилегированного сословия.

*** * ***

Таким образом, отечественная сословная модель в середине XVII в. представляла собой систему семи сословий: боярское, дворянское; духовенство; служилые людей по прибору; посадских людей; крестьянское; холопское. Каждое из этих сословий состояло из субсословий. Боярское сословие состояло из бояр и окольничих. Дворянское сословие включало в себя субсословие московских дворян, субсословие стольников, стряпчих и иных служащих царского двора, субсословие городовых дворян и детей боярских, субсословие однодворцев, субсословие детей боярских. Духовенство – два субсословия: монашествующее православ-

---

[472] См.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с французского Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. С. 91.

ное духовенство и белое (приходское) духовенство. Сословие служилых людей по прибору включало в себя субсословие казаков, субсословие стрельцов, субсословие низших разрядов служилых людей (пушкари, воротники и др.). Сословие посадских людей состояло из трех субсословий: субсословие городовых посадских людей (основное по численности население посадов), субсословие торговых людей (члены торговых корпораций) и субсословие, предназначенное верховной государственной властью к упразднению в ближайшее время – беломестцев (городских жителей белых слобод). Крестьянское сословие состояло из следующих субсословий: население (крестьяне и бобыли) черных волостей и дворцовых земель и население (крестьяне и бобыли) частных вотчин и поместий. Холопское сословие включало в свой состав субсословие кабальных холопов и субсословие старинных (полных) холопов, предназначенное государственной властью к постепенному упразднению.

Не входило в состав ни одного из семи сословий субсословие приказных людей (служащих приказных учреждений).

Эволюция сословной модели России во второй половине XVII–XVIII вв.

В течение второй половины XVII в. происходило развитие сословной модели как на уровне сословий, так и на уровне субсословий. Это развитие осуществлялось в направлениях, обозначившихся в предшествующий исторический период и проявившихся в середине XVII в.

Мы имеем в виду, в частности, тенденцию к сближению правового статуса боярского и дворянского сословий. Среди правительственных мер в этом направлении отметим хорошо изученное в историко-правовой науке решение об отмене местничества[473].

[473] Соборное деяние «Об уничтожении местничества» от 12 января 1682 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. II. – № 905.

На уровне субсословий произошло исчезновение в качестве социальной группы беломестцев (жителей белых слобод в городах) как результат законодательной политики и правоприменительных мер в ходе «посадского строения».

В связи с правительственным курсом на ограничение старинного холопства на протяжении второй половины XVII в. происходило дальнейшее количественное сокращение субсословия старинных холопов.

В ходе реформы службы (прежде всего военной службы) в 1678–1681 гг. безземельные и малоземельные дворяне и дети боярские записывались не в ополчение, а в полки нового строя в качестве гусар, копейщиков и рейтар. Социальные последствия этой реформы состояли в подрыве правовых оснований присутствия малоземельных городовых дворян, однодворцев и детей боярских в составе дворянского сословия. Правда, законодатель в семнадцатом столетии не пошел на официальное лишение данных социальных групп статуса служилых людей по отечеству. По выражению Т.А. Лаптевой, «служба в полках нового строя продолжала соотноситься со службой «города»[474]. Тем не менее, вытеснение указанных социальных групп из дворянского сословия в направлении тяглых сословий было начато задолго до соответствующих мер царя Петра I.

Таким образом, отечественный законодатель XVII в., в частности, во время правления царя Федора Алексеевича, начал постепенную реорганизацию российской сословной модели. Эта реорганизация по некоторым направлениям предвосхищала меры царствования Петра I.

В последние годы XVII в. и в первой четверти XVIII в. российским законодателем было осуществлено «переформатирование» сословной системы в России. Эти реформы стали частью общих преобразований социального и государственного строя России, осуществленных в годы правления Петра I.

В 1699–1700 г. указами Петра I провинциальным дворянам была разрешена замена военной службы денежными взносами. Бесспорные позитивные хозяйственно-финансовые последствия этих мер не отменяли потенциально негативные правовые последствия для затронутой ими части служилых людей по отечеству.

---

[474] Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России…: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 28.

В результате законодательных мер, принятых в первой четверти XVIII в., в России был юридически оформлен новый тип сословной системы[475]. Социально-правовые реформы этого времени подробно рассмотрены в научной литературе. Данное обстоятельство позволяет ограничиться в настоящей работе несколькими положениями.

Наиболее серьезным изменениям подвергся верхний уровень сословной структуры. Была конституирована четырехсословная система.

Определенные изменения произошли также на уровне субсословий. В результате государственной политики отдельные социальные группы (однодворцы, дети боярские и некоторые другие) были исключены из переформатируемого шляхетского (дворянского) сословия. Для представителей высшего дворянства была установлена развитая система титулов.

Кстати говоря, эти изменения отражены в терминологии законодателя. Само высшее сословие получило наименование шляхетского. В то время термин «шляхта», «шляхтичи» в официальном письменном языке в России обозначал знать, нобилитет и рассматривался как универсальный. Например, выборщики дожа Венецианской республики (выборы состоялись в 1722 г.) были названы в официальной корреспонденции «шляхтичами», «нобилями», «электорами».[476]

После 1706 г. из нормативно-правовых актов довольно быстро «уходят» названия ряда «допетровских» категорий дворянства (московские дворяне, стольники и пр.).

---

[475] Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/inherit.htm (дата обращения: 12.06.2023); Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя бы и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VI. № 3 890; Плакат «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» от 26 июня 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VII. № 4 533 и др.

[476] Ведомости. № 24. 13 ноября 1722. С. 4–7.

Продолжилось оформление правового статуса казачества. Было сформировано обширное по составу субсословие государственных крестьян.

К числу наиболее существенных изменений следует отнести и официальную отмену холопской зависимости, а, вместе с этим, и упразднение холопского сословия. В известном смысле Петр I следовал тенденции, проявившейся еще в середине семнадцатого столетия. Однако его меры были более динамичными и радикальными, нежели меры предшествующего этапа. Решающий шаг был сделан в ходе первой ревизии 1719–1724 гг.

Существенное значение имело изменение (правильнее сказать, уточнение) вероисповедной политики, закрепленное Манифестом от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» и некоторыми другими нормативно-правовыми актами. Манифест, предоставляя «каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей», разрешал строить новые церкви и вести службы пророведникам «настоящего духовного чину»[477]. Этот потенциал мы видим в возможности не только официализации статуса духовных лиц западно-христианских вероисповеданий, но и во включении их в исторической перспективе в состав сословия духовенства. При этом законодатель не только сохранил первенствующее положение традиционных для России конфессий, но и наделил представителей православной церкви некоторыми государственными полномочиями.

В связи с введением рекрутской повинности и рекрутской системы комплектования армии государство юридически оформило правовой статус военнослужащих, призываемых на военную службу из числа лиц податных сословий. Подробнее военная служба в аспекте ее роли в социально-правовой жизни страны будет рассмотрена ниже. Здесь отметим лишь, что военнослужащие из податных сословий и субсословий освобождались от личной зависимости и составляли отдельную социальную группу. Правовой статус ее можно определить как субсословие вне состава четырех основных сословий.

---

[477] Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. IV. №. 1 910.

Правовые новации сопровождались изменением правового положения значительной части подданных. При этом правительство активно применяло инструменты групповой вертикальной восходящей и нисходящей мобильности по инициативе государственных органов.

Вместе с тем, законодатель периода правления Петра I сохранил некоторые ключевые характеристики российской сословной системы, сформировавшиеся в предшествующий исторический период.

К ним необходимо отнести следующие:

1) сохранение вне сословной системы части населения Российского государства, в частности, коренного населения Сибири и Дальнего Востока;

2) сохранение двухуровневой структуры сословий;

3) сохранение самобытного механизма изменения индивидуального правового статуса.

В дальнейшем российский законодатель в восемнадцатом столетии неоднократно предпринимал меры по изменению правового положения отдельных социальных групп. При этом сама четерехсословная структура изменена не была. Изменения были приняты в отношении объема прав и обязанностей сословий и субсословий, в отношении их корпоративной организации и т.д.

Наиболее существенные перемены произошли в правовом положении социальной категории дворян. Было изменено название шляхетского сословия на дворянское. Обязательная государственная служба дворян в 1730 г. была ограничена 25-летним сроком, а затем отменена вовсе. В январе 1762 г. император Петр III заявил в Сенате свою волю относительно службы дворян: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают»[478]. Манифест 18 февраля 1762 г. освободил дворян от несения обязательной государственной службы[479]. Эта политика была продолжена и в царствование императрицы Екатерины II[480].

---

[478] См.: Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 675.

[479] Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отдния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XV. № 11 444.

[480] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21

Правительство проводило политику поддержки дворянства не только в юридической плоскости, но и в плоскости экономической. В источниках и историографии можно найти немало фактов в подтверждение данного тезиса. За первые четыре десятилетия XVIII в. в районах, прилегающих к Санкт-Петербургу, дворяне получили от верховной власти около одного миллиона десятин земли[481]. С 1762 г. по 1796 г. дворянам были переданы из фонда государственных земель населенные земли с 800 тысячами ревизских душ крестьян[482]. В 1754 г. был основан заемный банк для дворянства[483]. Дворяне приобретали землю, в т.ч. населенную крепостными крестьянами, и в результате покупки у частных лиц. Многочисленные факты такого рода содержат документы, опубликованные в периодической печати[484].

Идя навстречу пожеланиям дворянства, правительство запретило купеческое винокурение (кроме «отдаленных» губерний). Помещики-владельцы винокуренных заводов стали монополистами на рынке вина. Известны примеры предпринимательской деятельности представителей дворянского сословия: князя А.Д. Меньшикова (винокурение, солеварение, внешняя торговля и т.д.), графа А.Г. Орлова (конный завод), графов Шуваловых (винокурение), князей Куракиных (винокурение) и др. Имела место практика выдачи дворянам монопольных прав на производство или продажу определенных товаров. Указанные выше факты относятся ко всему XVIII в.

Неоднократно происходила реорганизация сословной структуры жителей городов Российской империи. Во второй половине восемнадцатого столетия городское сословие получило официальное наименование мещанского.

апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXII. № 16 187.

[481] История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. С. 275-276.

[482] История СССР с древнейших времен до 1861 года… С. 381.

[483] Именной указ «Об учреждении Государственного заемного банка; о порядке выдачи из оного денег и о наказании ростовщиков» от 13 мая 1754 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XIV. № 10 235.

[484] См., например: Санктпетербургские ведомости. 1777 г. № 30.

На протяжении почти всего XVIII в. ухудшалось правовое положение крепостных крестьян. Лишь в конце века правительство приняло некоторые меры по устранению отдельных ограничений. Устанавливались определенные ограничения при продаже крестьян. Крепостные крестьяне получили право приносить присягу новому императору при его вступлении на престол.

Еще одним весьма важным организационно-юридическим процессом в развитии сословной модели России стало возрождение в новых формах сословного самоуправления.

Общим местом научной историографии является мнение, которое разделяет автор настоящей работы, о наиболее быстром становлении системы самоуправления именно в дворянском сословии.

Элементы самоуправления в дворянской среде России имели место в самом начале рассматриваемого исторического периода. В частности, исследователями изучается «служилый город» в качестве уездной служилой корпорации[485].

Серьезные перемены в организации местного самоуправления и корпоративного управления начались во второй половине XVIII в. В этом смысле важным этапом явилась отмена обязательной государственной службы дворян в 1762 г.

Таким образом, единственное сословие, которое к этому моменту было полностью и неразрывно связано с государственной службой (не в широком смысле со службой государству, а с государственной службой в прямом значении этого слова), де-юре получило возможность на службе не состоять. Значит, появились кадровые ресурсы и иные объективные возможности для организации и обеспечения реального функционирования системы самоуправления. В течение последней трети XVIII в. в России сложились дворянское самоуправление и соответствующая система должностей. Возникла служба, в определенном смысле альтернативная государственной службе.

---

[485] Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань…: дис. … канд. ист. наук. Казань, 1998; Балыкина М.И. Нижегородский служилый «город» в последней четверти XVII века: провинциальная корпорация на фоне общероссийских реформ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I.; Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 1999 и др.

Важные меры по реформированию корпоративной организации жителей городов были сделаны в период правления Екатерины II. Эти меры, включая издание Жалованной грамоты городам в 1785 г., подробно исследованы в отечественной и зарубежной научной литературе[486].

Автор настоящей работы не считает необходимым придавать дате 1762 г. какое-либо рубежное или системообразующее значение. Укрепление правового положения дворянства не могло изменить общего вектора законодательной политики, направленной на широкое использование инструментов принудительного понижения правового статуса в отношении миллионов подданных.

В результате реорганизации сословной системы в течение XVIII в. отечественный законодатель придал ей следующий вид. Число сословий сократилось до четырех. Каждое их этих сословий включало в свой состав по несколько субсословий.

Государственные служащие, не принадлежащие к дворянскому сословию, по-прежнему остались в рамках сословной системы, но за пределами любого из указанных сословий. В начале XVIII в. появилось новое субсословие из военнослужащих, призванных на службу из податных сословий. Это субсословие также не входило в состав ни одного их четырех сословий.

Была сохранена позиция законодателя семнадцатого столетия по невключению в состав сословной системы значительной части населения Российского государства, прежде всего – жителей Сибири и Дальнего Востока.

---

[486] Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXII. № 16 187.

§ 3. Развитие отечественной сословной системы: законодательное оформление в XIX – начале XX в.

Сословная система Российской империи на протяжении всего девятнадцатого столетия находилась в состоянии изменения. Правовое оформление сословной модели являлось результатом социально-правовой политики государства, которая вырабатывалась и реализовывалась с учетом динамики внутренних и внешних условий. Сущность законодательной политики в социально-правовой сфере можно определить как сочетание традиционных направлений, форм и методов, так и новаций, представлявших собой ответ на вставшие перед страной и государственной властью вызовы.

Наиболее существенные новации были приняты законодателем в первые годы правления императора Александра I.

К основным новациям организационно-правового характера следует отнести санкционирование существование наряду с общегосударственной сословной системой самостоятельной сословной системы регионального формата (на территории Великого княжества Финляндского и, на относительно короткое время, на территории Царства Польского).

Была прекращена практика принудительного понижения государством правового статуса групп населения. Иначе говоря – прекратилась раздача государственных и удельных крестьян в крепостную зависимость частным владельцам. Указом о вольных хлебопашцах 1803 г. и другими нормативными актами был создан организационно-правовой механизм групповой вертикальной социальной мобильности крепостных крестьян (по соглашению с владельцами и по решению верховной власти)[487].

[487] Именной указ, данный Сенату «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» от 20 февраля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 20 620; Высочайше утвержденные правила, постановленные в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по

В период правления императора Николая I законодатель осуществил издание нормативно-правовых актов, которые с максимальной полнотой юридически закрепили сложившуюся на тот момент в России социальную структуру. При этом также были установлены определенные новации, например, конституирована новая социальная группа почетных граждан.

Различные характеристики социальной структуры России в первой половине XIX в. рассматривают в своих трудах М.Ф. Владимирский-Буданов, В.П. Желтова, П.А. Зайончковский, Н.А. Иванова, В.О. Ключевский, Н.М. Коркунов, Е.Н. Марасинова, С.В. Мироненко, Б.Н. Миронов, Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин, Р.В. Федосеев, И.А. Колдина и другие представители отечественной юридической и исторической науки.

Как уже отмечалось выше, нормативно-правовые акты, включенные в состав Свода законов Российской империи, являются основным видом источников при рассмотрении темы диссертации применительно к XIX в.[488]

Нормы, определяющие социальную структуру, содержатся в статьях Свода законов о состоянии людей в государстве. Ключевой книгой этого Свода является книга первая «О разных родах состояний, и различий прав, им присвоенных». Статья 1 этой книги говорит о различных правах состояния в государстве. Статья 2 вводит понятие «рода людей». Статья 3 называет четыре главные рода людей сословиями.

Таким образом, в первой половине XIX в. завершилось формирование понятийно-терминологического аппарата в качестве компонента законодательной техники. Особенности применения отдельных терминов, прежде всего термина «сословие», мы рассматривали выше. Тем не менее, несмотря на данные особенности, мы можем констатировать, что в первой половине XIX в. законодатель до-

---

указу 20 февраля 1803 г. от 21 февраля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 20 625.

[488] Более подробную характеристику нормативно-правовых актов XIX в. см.: Ботанцов И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832–1917): автореф. дис. … канд. юр. наук. Калининград, 2017 и др.

бился наиболее последовательного и юридически точного выражения своей воли в плане оформления сословного характера социальной иерархии России.

В отношении количественных показателей сословной модели можно отметить, что имел место рост общей численности населения Российской империи, рост численности четырех сословий. Сохранявшаяся обособленность социума ряда регионов России уменьшалась под воздействием процессов правовой, политической, экономической и культурной интеграции, а также в ходе миграционных процессов.

Дворянство

Обратимся к общей характеристике дворянства как одного из четырех главных родов людей. В разрезе целей и задач настоящей работы сформулируем два вопроса, на которые постараемся ответить: 1) где находятся рамки (границы) дворянства как сословия? 2) каков правовой статус общественных групп в составе дворянства?

Законодатель XIX в. предусматривал несколько оснований приобретения «прав дворянского состояния».

Вначале обратимся к точкам зрения, сформулированным в научной историографии. Главным и нормальным способом приобретения потомственного и личного дворянства Н.М. Коркунов называет государственную службу. С государственной службой было тесно связано и такое основание получения дворянства, как награждение орденом. За некоторыми исключениями, чины и ордена, полученные не на службе, дворянства не сообщают[489]. Иные способы автор считает (впрочем, не используя этого термина) производными: брак и рождение[490].

Б.Н. Миронов, рассматривая источники и способы приобретения дворянства, отмечает: «До 1762 г. важнейшими источниками дворянства являлись служба и рождение, с 1762 г. на первое место вышло рождение. В 1785 г. добавились новые способы приобретения дворянства – орден и пожалование государем, в

[489] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 288–289.
[490] Там же. С. 289.

1806 г. – ученая степень доктора (она давала право на чин VIII класса и на потомственное дворянство, если человек находился на государственной службе)»[491].

Свод законов о состоянии людей и государстве применительно к потомственному дворянству различает понятия «приобретение» дворянства и «сообщение» дворянства. Различие, видимо, определяется по критерию роли государственной власти в наделении лица правами дворянства. К приобретению дворянства закон относит пожалование, «чины в службе», пожалование российского ордена (ст. 16 Свода). Сообщается потомственное дворянство родом и браком (ст. 29 Свода). Таким образом, пополнение дворянства лицами недворянского происхождения было возможно прежде всего по линии государственной службы (военной и гражданской)[492].

Потомственное дворянство Российской империи состоит из шести разрядов. Первый разряд составляли жалованные (действительные) дворяне; второй разряд – военные дворяне; третий – «осми-классные» дворяне; четвертый – иностранные роды; пятый – титулами отмеченные роды; шестой – древние благородные роды (ст. 15 Свода законов о состоянии людей в государстве). Нетрудно заметить, что данные разряды обозначают лишь различные способы получения дворянского звания; за ними не стоят правовые различия с точки зрения положения в обществе.

В отношении личных дворян закон называет такие способы приобретения дворянства, как пожалование и чины по службе, и такой способ сообщения, как брак (ст. 35, 39 Свода).

Сословными правами и привилегиями закон наделял как отдельных дворян, так и дворянские общества. Дворянские общества формировались по губерниям; дворяне каждой губернии составляли отдельное дворянское общество (ст. 50 Свода законов о состоянии людей в государстве). Органами дворянского общества

---

[491] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 84.

[492] Свод законов о состоянии людей в государстве // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. 1857.

являлись губернские и уездные собрания; дворянское депутатское собрание, губернские и уездные предводители дворянства[493].

В разрезе рассматриваемой в настоящей работе темы эти события означали разделение сословного и должностного статусов. Законодательство 30-х гг. XIX в., урегулировав сословный статус, более четко разграничило дворянский сословный статус и статус государственных служащих. При этом связь, пусть несколько опосредованная, между этими двумя статусами сохранялась. Это обстоятельство четко прослеживается по юридическим документам. Скажем, факт наличия офицерского военного чина свидетельствовал о наличии статуса потомственного дворянина со всеми вытекающими полномочиями в имущественной сфере. В связи с этим в документах, предполагающих прекращение, изменение или установление правоотношений на недвижимое имущество вполне достаточным являлось указание на воинское звание человека.[494]

В XIX в. правительственная политика экономической поддержки дворянства продолжилась, хотя и с некоторыми модификациями. Так, К.В. Сивков, утверждая, что когда в вопросах промышленности сталкивались интересы дворянства и купечества, то правительство становилось на сторону первого, приводит в подтверждение своего мнения следующий факт: в 40-х гг. XIX в. стала усиленно развиваться кустарная промышленность в тех производствах, которые не требовали особых технических усовершенствований (например, в бумаготкацком), составляя этим сильную конкуренцию фабрикам: так, в Шуйском уезде Владимирской губернии на фабриках было 1200 станков, а в крестьянских избах – до 20 тыс., во всей же губернии на фабриках было 18 тыс. станков, а в деревнях – 80 тыс. Жалобы фабрикантов на невыгодность для них такой конкуренции не имели никакого успеха, так как, полагает автор, существование этой кустарной промышленности было в интересах дворянства, облагавшего своих крестьян, занимавшихся ею, повышенным оброком; в то же время кустарная промышлен-

[493] Свод законов о состоянии людей в государстве, ст. 104–131 // Свод законов Российской империи. Т. 9. 1857.

[494] Объявление о вызове к торгам Осташковского уездного суда // Тверские губернские ведомости. 1843. № 2. С. 7.

ность не представляла той политической опасности, которою угрожала промышленность фабричная, и потому, естественно, правительство не принимало никаких мер для устранения этой конкуренции.

К.В. Сивков отмечает также, что правительство обычно не вмешивалось в отношения хозяев и рабочих на вотчинных, помещичьих фабриках; если дело касалось фабрик поссессионных, купеческих, то в них вводились особые «положения», касавшиеся заработной платы, продолжительности труда и проч., и неисполнение их фабрикантом грозило ему освобождением рабочих, приписанных к его фабрике. Правила же, выработанные в 1830-х годах для фабрик вотчинных, имели необязательный характер, и предводители дворянства должны были только «внушать» их помещикам, так как Комитет министров нашел, что непосредственное вмешательство правительственной власти в отношения помещика к крепостным неудобно[495].

В научной литературе имеются различные классификации дворянства. Так, Б.Н. Миронов предлагает, по сути, два варианта классификации дворянства. Он отмечает, что с точки зрения доходов, образования, престижа дворянство разделялось на три страты – низшую, среднюю и высшую. Низшая страта, как правило, состояла из беспоместных и мелкопоместных дворян, средняя – из среднепоместных, высшая – из крупнопоместных дворян. До отмены крепостного права в 1861 г. основным показателем материальной состоятельности дворянства, отмечает исследователь, являлись не размеры земельной собственности, а число крепостных крестьян. При залоге имения в банк величина ссуды зависела не от количества земли в имении, а от числа крепостных. Даже в объявлениях о купле-продаже имений обязательно указывалось количество проживающих крепостных людей.[496]

Поэтому современники проводили стратификацию дворянства на основании числа крепостных крестьян. Образование, престиж, влияние дворянина зависели от дохода, который давали крепостные. Беспоместные и мелкопоместные

---

[495] Сивков К.В. Экономическая и финансовая политика императора Николая I // Три века. Том шестой: Сб. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. М.: Изд-во «ГИС», 1995. С. 39–40.

[496] Тверские губернские ведомости. 1843. № 3. Часть официальная.

дворяне с числом крепостных мужского пола менее 20 относились к низшей страте и считались бедными дворянами, среднепоместные дворяне с числом крепостных от 21 до 100 относились к средней страте и считались достаточными дворянами, крупнопоместные дворяне с числом крепостных более 100 относились к высшей страте и считались богатыми дворянами. Б.Н. Миронов подчеркивает, что только средняя и высшая страты могли вести образ жизни, достойный дворянина. Личные дворяне не имели права владеть крепостными, основной доход им приносили жалованье или пенсия за службу. Вследствие того, что они имели невысокие чины, их жалованье и пенсии были небольшими. По уровню жизни и другим признакам они приближались к мелкопоместному неслужащему дворянству и образовывали низшую часть низшей страты дворянства[497]. Нетрудно заметить, что предложенная автором классификация имеет неюридический характер.

Рассматривая дворянство с точки зрения правового оформления его структуры, Б.Н. Миронов подчеркивает, что к 1785 г. дворянство консолидировалось в единое сословие[498]. Правда, далее автор отмечает: «особую группу среди дворянства составляли личные дворяне»[499]. Автор обращает внимание на характеристику самосознания личных дворян и общественного сознания населения того времени: «По своей культуре, бытовым привычкам и поведению личные дворяне принадлежали к дворянскому сословию и именно с ним идентифицировали себя. Население объединяло личных и потомственных дворян в одно дворянское сословие»[500].

Рассмотрим стратификацию дворянства с точки зрения правового положения входящих в его состав общественных групп. Естественно, что прежде всего выделяется разделение дворянства на потомственное и личное.

Само законодательное определение свойств дворянского состояния Н.М. Коркунов полагает относящимся исключительно к дворянству потомственному: статья 13 Свода законов о состоянии людей в государстве «имеет в виду одно

---

[497] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 86.
[498] Там же. С. 85.
[499] См.: там же. С. 86.
[500] См.: там же.

потомственное дворянство»[501]. Мы выразим свое несогласие с позицией правоведа по данному вопросу. Полагаем, что законодатель сформулировал таким образом указанную статью Свода, что она характеризует как потомственное, так и личное дворянство. Мы имеем в виду часть «б» статьи 13: «Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы». Таким образом, и без наличия предков-дворян пожалование дворянского достоинства приносит подданному полноценный статус дворянина.

Если говорить об индивидуальном правовом статусе потомственных и личных дворян, то общими его компонентами для представителей этих общественных категорий являются следующие правомочия: членство в дворянском обществе; вступление на государственную службу; особый порядок прохождения службы; увольнение с государственной службы по собственной инициативе; вступление на службу «союзных европейских держав»; беспрепятственный выезд за границу; ношение мундира, установленного для дворян губернии; суд «равными себе»; освобождение от телесных наказаний; освобождение от личных податей; освобождение от рекрутской повинности; право винокурения; ведение оптовой торговли без записи в купеческие гильдии и некоторые другие (ст. 50, 51, 132–140, 142–144, 149 Свода законов о состоянии людей в государстве). В случае обвинения дворянина в совершении уголовного преступления, за которое предусматривалось «лишение чести или жизни», его дело рассматривалось Сенатом и утверждалось императором (ст. 141). Наконец, дворяне всех категорий именуются законодателем благородными (ст. 13 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Все потомственные дворяне, в отличие от личных, имели следующие правомочия: включение в один из шести разрядов потомственных дворян; присутствие в дворянском собрании; сообщение дворянского состояния детям и потомкам обоего пола; приобретение населенных земель; приобретение крепостных людей (ст. 15, 30, 66, 151 Свода законов о состоянии людей в государстве).

---

[501] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 288–289.

Потомственные дворяне, обладающие определенными цензами, имели, в отличие от других потомственных дворян, дополнительные правомочия и монопольные права в политической и экономической сферах[502]. Так, правом голоса в дворянских собраниях обладали потомственные дворяне, имевшие на территории соответствующей губернии недвижимую собственность и обладавшие чином не ниже 14 класса или, при отсутствии чина, награжденные российским орденом (ст. 64 Свода законов о состоянии людей в государстве).

С.В. Мироненко, анализируя кадровый состав Государственного совета Российской империи по состоянию на 1825 г. по сохранившимся формулярным спискам, отмечает, что среди членов совета не было ни одного, имевшего чин ниже третьего класса; более 36% членов имели княжеские и графские титулы. Все они (кроме М.М. Сперанского) принадлежали к потомственному дворянству[503].

При занятии руководящих должностей в государственных органах губернского и уездного уровней, а также в органах двороянского самоуправления также преимущество имели потомственные дворяне, обладавшие указанными цензами.

Отвечая на сформулированный выше вопрос о рамках (границах) дворянского сословия, подчеркнем, что, по нашему мнению, эти границы включали в себя обе основные категории дворянства: и потомственных, и личных дворян.

В документах, созданных в процессе реализации права, встречаются указания на дворянское достоинство лиц без уточнения категории потомственного или личного дворянства. Так, в разделе, содержащем информацию о решениях органов власти по заявкам на эксплуатацию частными лицами государственных приисков, в качестве доверенного лица упоминается «дворянин Бонче-Рутковский»[504].

Вместе с тем обратим внимание на серьезные различия в объеме прав потомственных и личных дворян. Полагаем, что следует указать на три правомочия, отсутствовавшие у личных дворян: право сообщения дворянского достоин-

---

[502] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 87 – 88.

[503] Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. С. 37.

[504] Томские губернские ведомости. Часть официальная. 1857. № 2. С. 8

ства своим детям, право присутствия на дворянских собраниях, право приобретения населенных земель и крепостных людей. Естественно, что личные дворяне, как не создающие дворянских родов, не вносились в родословные книги дворянства. Законодатель даже препятствует совместным собраниям потомственных и личных дворян! Исключалось участие личных дворян в дворянском самоуправлении и корпоративных мероприятиях дворянства.

Совокупность этих отсутствующих правомочий настолько существенна, что позволяет исследователям делать вывод о том, что принадлежность личных дворян к дворянскому обществу «ни в чем решительно не выражается»[505]. Более того, как мы видели выше, эти правовые различия позволяют ряду исследователей отказывать в статусе личных дворян как части дворянского сословия. В научной литературе приводятся примеры предложений о выводе личных дворян за рамки дворянского сословия[506].

Естественно, что позиция российского законодателя является достаточным основанием для признания личных дворян частью дворянского сословия. Однако независимо от этого мы не можем не признать существенный характер различий в правовом статусе потомственных и личных дворян. Эти различия приближаются по своему содержанию к различиям между сословиями. Полагаем целесообразным применить к данным двум социальным группам термин «субсословие»: субсословие потомственных дворян и субсословие личных дворян.

Таким образом, на примере развития правового статуса дворянства в течение первой половины XIX в. мы видим подтверждение феномена двухуровневой организации сословий в России.

Духовенство

Сословный статус духовенства в первой половине XIX в. существенно изменился. Регламентации правового статуса духовенства посвящен второй раздел

---

[505] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 293.

[506] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 86.

Свода законов о состоянии людей в государстве Свода законов Российской империи.

С точки зрения конфессиональной принадлежности законодатель обозначил греко-российское духовенство (иначе говоря – христианское православное), духовенство других христианских исповеданий, магометанское духовенство (иначе говоря – мусульманское), духовенство «других не христианских исповеданий». При этом последняя категория духовенства не входила в состав сословия духовенства (ст. 173 Свода законов о состоянии людей в государстве).

В научной литературе приводятся различные оценки конфессиональной политики Российского государства. Так, Л.Р. Романовская отмечает, что со времени правления Екатерины II основой вероисповедной политики официально признается веротерпимость при сохранении господствующей православной веры. Она пишет о четырех иерархических уровнях, «каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений». При этом Русская православная церковь находилась на первом уровне. Второй уровень занимали христианские неправославные конфессии (Католическая, протестантские, Армяно-григорианская и др.) и некоторые нехристианские конфессии (иудаистская, мусульманская, буддийская). Третий уровень занимали «терпимые непризнанные» религиозные общества, такие как старообрядцы. На четвертом уровне находились «непризнанные и нетерпимые» исповедания, такие как баптисты, мормоны, некоторые секты и др.[507]

Государство обеспечивало иноверцам возможность исповедовать свою веру в том числе путем формирования штатов священнослужителей. В частности, в русской армии в воинских частях присутствовали имамы, лютеранские пасторы, католические капелланы, иудейские раввины[508].

В качестве примера организации деятельности духовных лиц различных конфессий в Российской империи в первой половине XIX в. приведем Томскую губернию. В Томской епархии имелось 101 православная и 5 «иноверческих»

[507] Романовская Л.Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 15–16.
[508] Там же. С. 11.

церквей, 2 монастыря, 35 «магометанских» мечетей, несколько синагог. В г. Барнауле жил лютеранский пастор, в г. Томске – несколько католических священников, в Томске и Каинске – раввины[509]. В Царстве Польском и западных губерниях Европейской России насчитывалось около 300 католических монастырей[510].

Впрочем, политические события серьезно влияли на взаимоотношения государственной власти и церковных организаций некоторых конфессий. Так, эти взаимоотношения обострились в связи с Польским восстанием и русско-польской войной 1830–1831 гг.,[511] и событиями 1863–1864 гг.[512]

Полагаем, что имеются юридические основания включить священнослужителей Русской православной церкви и официально признанных конфессий в состав единого сословия духовенства.

Положения второго раздела Свода законов о состоянии людей в государстве регулировали статус только православного духовенства. Положение иных категорий духовенства, входящих в состав сословия, регулировалось другими нормативно-правовыми актами, указание на которое содержалось в ст. 173 Свода.

Сохранялось деление православного духовенства на монашествующее и белое (ст. 173 Свода). Как известно, монашествующее духовенство иначе именовалось чёрным, а белое духовенство – приходским. Исходя из приводимых в научной литературе цифр, можно отметить, что монашествующее духовенство составляло 10% общей численности духовенства[513].

---

[509] Справочный энциклопедический словарь К. Крайя / Ред. А. Старчевский. Т. 10. СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. С. 337.

[510] Лукьянов С.А., Удодов А.Г. К вопросу о государственно-правовом регулировании деятельности Римско-католической церкви в России [Электронный ресурс] // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gosudarstvenno-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-rimsko-katolicheskoy-tserkvi-v-rossii (дата обращения: 06.04.2020).

[511] Вибе И.Н. Католические монастыри в политике российской власти в Западном крае (1830 – 1832) [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/katolicheskie-monastyri-v-politike-rossiyskoy-vlasti-v-zapadnom-krae-1831-1832 (дата обращения: 06.04.2020).

[512] Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Указ. соч. [Электронный ресурс]. С. 35.

[513] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 98.

Общие положения законодательства первой половины XIX в. о правовом статусе российского монашествующего духовенства уже рассматривались в научной историографии.

Согласно требованиям закона, пострижение в монашество совершалось с разрешения Святейшего Синода при наличии согласия родителей (ст. 176–177 Свода). По общему правилу поступающие в монашество должны были отказаться от своего движимого и недвижимого имущества. После пострижения запрещалось приобретение имущества. Вместе с тем законодатель делал три исключения, разрешая монахам строить и покупать строения внутри монастырей, вносить «денежные их капиталы» в государственные кредитные учреждения и разрешая духовным иерархам передавать по завещанию движимое имущество (ст. 186, 190, 191 Свода).

Монашествующее духовенство было освобождено от государственных податей, рекрутской повинности и телесных наказаний (ст. 180, 182 Свода).

После секуляризационной реформы 1764 г. монастырям и церквям запрещалось приобретать крепостных людей и населенные земли, в т.ч. принимать «в вечный поминок» или в дар. В случае нарушения запрета имущество подлежало конфискации. В целом хозяйственная деятельность монастырей контролировалась государственными органами[514].

Относительно статуса монашествующего духовенства в научной историографии высказано следующее мнение: «Черное духовенство, представлявшее собой особую прослойку внутри духовенства, не будучи наследственным, не было и не могло быть сословием»[515].

Вступление в белое духовенство разрешалось для лиц всех состояний, кроме крепостных людей (ст. 192 Свода законов о состоянии людей в государстве). Однако представители тяглых сословий могли поступить в белое духовенство

---

[514] См., подробнее: Яшина О.Н. Земельная собственность Русской Православной Церкви в России в XVIII – первой половине XIX веков: Историческое исследование: дис. … канд. ист. наук. М., 2003.

[515] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 98.

лишь после выхода из состава общества и с согласия Правительствующего сената (ст. 193 Свода).

Дети священников и церковнослужителей могли выходить из духовного сословия и поступать в другие сословия. Более того, закон предписывал производить регулярные «разборы», в ходе которых дети служителей церкви «неопределенные и остающиеся в излишестве» должны были поступать на военную и гражданскую службу или включаться в одно из податных сословий (ст. 200 Свода). Таким образом, законодатель создал правовой механизм принудительного вывода представителей приходского духовенства за пределы сословия. Основанием вывода является отсутствие у детей священнослужителей или церковнослужителей должности в духовном ведомстве.

Таким образом, имеется существенное отличие сословного правового статуса духовенства от сословного правового статуса дворянства. У представителей приходской части духовенства не только отсутствовала возможность выбора профессиональной деятельности, но и степень свободы отказа от службы вообще (с сохранением принадлежности к сословию).

Представители приходского духовенства имели право увольняться по своей инициативе из духовного звания, т.е. покидать свой сан и выходить из состава сословия духовенства. При этом последствия выхода различались в зависимости от сословной принадлежности лица до его поступления в духовный сан. Так, священники и дьяконы, являвшиеся ранее личными или действительными дворянами, после увольнения из духовного звания обращались «в прежнее свое звание» (ст. 199 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Белое духовенство было свободно от рекрутской повинности. С 1801 г. представители духовенства не подлежали телесным наказаниям. Дома лиц белого духовенства освобождались от постоя. Соответствующие положения содержал Свод законов о состоянии людей в государстве (ст. 206, 208, 212).

Лицам белого духовенства разрешалось владеть домами и земельными участками. Хозяйственная деятельность духовных лиц подвергалась ограничени-

ям. Ограничивались возможности вести торговлю, а винокурение и продажа вина просто запрещались (ст. 215 Свода).

С 1842 г. происходил перевод белого духовенства на государственное содержание, что не меняло правосубъектности духовных лиц.

Своеобразный характер имела самоорганизация духовенства. Б.Н. Миронов пишет, что духовенство к концу XVIII в., почти одновременно с дворянством, превратилось во второе свободное сословие, поскольку стало обладать всеми признаками сословия. Но два признака – участие в сословно-представительном учреждении и наличие корпоративной организации – в российских условиях приняли иную форму, чем это было в западноевропейских странах. Духовенство имело специфическое самоуправление и своеобразное сословное представительство при верховной власти через высший орган церковного управления – Синод, а при местной коронной власти – через духовные консистории[516].

Мы имеем все основания полагать духовенство в первой половине XIX в. сословием.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. На первый взгляд, оно имеет частный характер, однако в нем отражаются общие характеристики сословного статуса духовенства. С 1822 г. священнослужители из дворян могли приобретать крепостных людей и населенные земли. Это имущество можно было передавать по наследству. Соответствующая норма была сформулирована в законодательстве (см. ст. 209 Свода законов о состоянии людей в государстве). Данное обстоятельство означало дифференциацию внутри духовного сословия.

Однако законодатель пошел дальше. В ст. 209 Свода было включено положение о духовных лицах, которые «во всех случаях пользуются правами, дворянству присвоенными». Таким образом, ряд лиц духовного сословия пользовался правами дворян. Положения ст. 210 Свода относились к духовным лицам, не пользующимся указанными правами, но мы хотим обратить внимание на конструкцию, примененнную законодателем: «если лицом белого духовенства, непринадлежащим к дворянству…». Данная юридическая конструкция позволяет

[516] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 103.

интерпретировать эту правовую норму следующим образом: принадлежность лица к дворянству сохраняется в составе сословия духовенства. Отсюда следует два вывода.

Вывод первый. Налицо не только установление определенного неравенства сословных статусов, но и подрыв сословного статуса духовенства. Факт принадлежности к дворянскому сословию сохранял свое значение даже после перехода в духовное сословие. По сути, в индивидуальном правовом статусе такого лица сочетались элементы двух сословных правовых статусов.

Вывод второй. Категория приходского духовенства состояла из двух групп, существенно различающихся по своему правовому статусу: из имевших дворянское звание и не имевших такового.

Таким образом, мы можем говорить о трех группах православного духовенства в составе сословия духовенства: монашествующее православное духовенство; приходское православное духовенство, имевшее дворянский статус; приходское православное духовенство, не имевшее дворянского статуса. Аналогичная структура существовала и в среде духовенства других официально признанных конфессий.

Таким образом, в целом сословие духовенства включало в свой состав шесть групп: православное монашествующее духовенство; монашествующее духовенство других конфессий; православное приходское духовенство, имевшее дворянский статус; приходское духовенство, имевшее дворянский статус, других конфессий; православное приходское духовенство без дворянского статуса; приходское духовенство без дворянского статуса других конфессий.

Эти группы духовных лиц всех конфессий можно объединить в три субсословия: монашествующее духовенство; приходское духовенство, имевшее дворянский статус; приходское духовенство без дворянского статуса.

Городские обыватели

М.Ф. Владимирский-Буданов полагает возможным разделение мещанского сословия на два класса: не подлежащие «подушной подати и рекрутчине» купцы и

податные мещане[517]. Видимо, по логике автора, в первый класс следует включить также и почетных граждан.

Л.Н. Галимова пишет о пяти группах, из которых складывалось «городское состояние»: 1) почетных граждан (личных и потомственных); 2) гильдейского купечества, местного и иногороднего; 3) мещан (посадских); 4) ремесленников (цеховых); 5) рабочих людей[518].

Законодатель, определяя «разные рода состояния городских обывателей», называет три группы лиц: гильдейское купечество и почетные граждане; мещане (посадские); ремесленники (цеховые).

В составе городских обывателей наиболее показательными с точки зрения характеристики развития системы правовых статусов индивидов и социальных групп являются статусы почетных граждан и гильдейского купечества. Почетные граждане и купцы трех гильдий были освобождены от подушной подати и рекрутской повинности. Таким образом, оставаясь в составе тяглого сословия городских обывателей, по своему правовому статусу и реальному положению почетные граждане и купцы гильдий приблизились к привилегированным сословиям.

Категория почетных граждан была создана в 1832 г. для детей личных дворян, ученых, художников, лиц с университетским образованием, купцов, являвшихся кавалерами орденов или обладателями крупных капиталов (потомственное почетное гражданство), для государственных служащих низших рангов, лиц, окончивших технические училища и учительские семинарии (личное почетное гражданство)[519].

Меры законодателя по созданию указанной категории рассматриваются в научной историографии в русле правительственных мер по ограничению доступа в дворянское сословие лиц из состава сословия духовенства и податных сословий.

---

[517] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995.

[518] Галимова Л.Н. Основные черты сословной системы Российской империи [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. 2009. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-cherty-soslovnoy-sistemy-rossiyskoy-imperii/viewer (дата обращения: 22.02.2020).

[519] Манифест об установлении нового сословия под названием почетных граждан от 10 апреля 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1833.

Н.М. Коркунов прямо называет почетное гражданство вторым, после дворянства, привилегированным сословием. Он отмечает: «Мотивом образования этого сословия послужило желание ограничить стремление всех мало-мальски образованных людей к получению дворянства, создав среднее почетное сословие, освобожденное от телесного наказания, от рекрутчины, от записи в подушный оклад, от дисциплинарной власти податных обществ. В силу нахождения в то время большинства нашего сельского населения в крепостной зависимости, при этом имелись в виду одни городские обыватели, и потому почетное гражданство предполагалось сделать высшим городским сословием»[520].

Среди научных исследований хотим акцентировать внимание на тех, в которых политика законодателя Российской империи по созданию нового социально-правовой группы рассматривается сквозь призму социальной мобильности. В частности, на материалах территории современной Беларуси категория почетных граждан исследуется в аспекте возможностей социальной мобильности (причем как восходящей, так и нисходящей) А.П. Житко, А.Г. Кохановским, В.С. Макаревичем, Н.И. Полетаевой, Т.Н. Щерба и другими учеными.

В третьем разделе «О городских обывателях» Свода законов о состоянии людей в государстве только почетным гражданам посвящена отдельная глава. При этом по отношению к данной категории людей законодатель применил термин «сословие».

Сословием эта социальная группа называется и в материалах периодической печати[521]. В самом начале 1840-х гг. численность почетных граждан в Российской империи составляла около 3 000 чел.[522]

Полагаем, что вышесказанное является достаточным основанием охарактеризовать категорию почетных граждан в качестве отдельной от гильдейского купечества социальной группы. Мы видим в категории почетных граждан субсословие в составе сословия городских обывателей.

---

[520] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 302.

[521] Владимирские губернские ведомости. Прибавление. 1844. № 2. С. 31.

[522] Там же.

Аналогичным образом мы определяем организационно-правовое положение социальной группы купцов гильдий.

Вряд ли могут быть сомнения в существовании отдельной социальной категории, состоящей из мещан. Мещан в качестве особой социальной группы характеризует и законодатель (ст. 241 и др. ст. Свода законов о состоянии людей в государстве), и многие авторы научных исследований. Мы также считаем их отдельной социальной группой, причем группой, имеющей характеристики субсословия. Но в состав данного субсословия входили не только собственно мещане, но и та часть ремесленников (мастеров, подмастерьев и учеников), которую закон именует «вечными». В ст. 245 Свода законов о состоянии людей в государстве определяется, что к вечным цеховым «причисляются мещане». Этот признак отделяет их от временных цеховых, к которым причисляются иностранцы, крестьяне и крепостные люди. Таким образом, только вечные цеховые входят в состав сословия городских обывателей; критерием, позволяющим им находиться в составе данного сословия, является не членство в цехе, а статус мещанина. Данное обстоятельство позволяет объединить в составе мещанского субсословия мещан (посадских) и вечных цеховых.

Поскольку мещане организационно были приписаны к обществу определенного города, то в письменных документах зачастую указывался факт принадлежности к конкретному городу. Скажем, в июле 1845 г. в Казанский городовой магистрат вызывался казанский мещанин Иван Брагин для выплаты 500 руб. «в удовлетворение симбирского мещанина Евграфа Чернышева»[523]. Объявление Тверской гражданской палаты адресовано вдове ржевского купца Ивана Немилова,[524] объявление Туринского окружного суда адресовано царскосельскому мещанину Михаилу Матвееву, проживающему в Ирбите (1857 г.).[525]

Таким образом, сословие городских обывателей включает в себя три субсословия: почетные граждане; купцы гильдий; мещане и вечные цеховые.

---

[523] Казанские губернские ведомости. Часть официальная. 1845. № 28. С. 363.

[524] Тверские губернские ведомости. 1851. №. 1

[525] Тобольские губернские ведомости. 1857. № 32. С. 194.

Сельские обыватели

В ст. 386 Свода законов о состоянии людей в государстве указываются «четыре главные разряда» сельских обывателей Российской империи (по состоянию на начало 1830-х гг.):

– водворенные на землях казенных;

– водворенные на землях удельных;

– водворенные на землях владельческих;

– водворенные на собственных землях.

Понятно, что классификация сельских обывателей производится в данном случае по критерию субъекта собственности земель, на которых проживали люди из этого сословия. Сам по себе указанный критерий не раскрывает содержание правового статуса названных социальных групп, а посему не может быть признан приемлемым (и тем более достаточным) для выделения субсословий внутри сословия сельских обывателей.

В следующих статьях Свода законодатель приводит перечень существующих на момент издания правового акта либо существовавших ранее различных групп сельских жителей, составивших в итоге сословие сельских обывателей.

В этот перечень включены применительно к водворенным на казенных землях сельским обывателям государственные обыватели, казенные крестьяне, татары, вотяки, башкирцы, мещеряки, мордва, черемисы, чуваши, тептери, бобыли и проч., дворцовые, монастырские, синодские, церковные, экономические, черносошные, войсковые обыватели, казаки, разные категории слободских крестьян, приписные, дворцовые, коннозаводские, заводские, лашманы, засечные сторожа, солеломщики, солевозчики, монастырские и архиерейские служители, охтинские и черноморские поселяне, воинские поселяне, панцырные бояре, пашенные прежних служб, копейщики, рейтары, драгуны, казаки, затинщики, рассыльщики, кречетные и сокольи помытчики, бобровники, пташники, стрелки, пахотные солдаты, ямщики, оседлые инородцы, однодворцы и их крестьяне, колонисты, «вызванные в разные времена из-за границы и поселенные на отведенных им от казны землях» и др. (ст. 387 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Применительно к обывателям, водворенным на удельных землях, в перечень включены только удельные крестьяне (ст. 388 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Применительно к водворенным на владельческих землях сельским обывателям в перечень включены помещичьи крестьяне, купленные и приписанные к частным фабрикам и заводам, поселенные на помещичьих землях колонисты, половники, обязанные крестьяне и др. (ст. 389 Свода законов о состоянии людей в государстве).

К разряду сельских обывателей, водворенных на собственных землях, закон отнес поселенных на собственных землях свободных хлебопашцев, колонистов и татар-поселян в Таврической губернии (С. 390 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Установленный законодателем перечень групп, приведенный выше, является базой для выяснения количества и состава субсословий сельских обывателей, однако сам по себе, без привлечения дополнительного законодательного материала и материала правоприменительной практики, является недостаточным. Тем более, что он содержит определенные противоречия. Например, однодворцы, проживающие на собственных землях, включены в состав категории сельских поселян, водворенных на казенных землях.

Перспективным приемом исследования может служить использование положения Свода законов о состоянии людей в государстве о том, что все разряды сельских обывателей «в отношении к правам их, делятся на два сельских состояния: состояние крестьян крепостных и состояние крестьян свободных (примечание к ст. 390 Свода законов о состоянии людей в государстве). Действительно, законодательство в самых разных отраслях права подчеркивает различный объем правомочий крепостных и свободных людей. Зачастую именно статус свободного человека, а не его сословный статус, является необходимым и достаточным условием для обладания и пользования правами. Однако, помимо столь важной характеристики правового статуса, как личная свобода, необходимо учитывать комплекс сопутствующих обстоятельств, которые определяют объем и порядок реа-

лизации прав, обязанностей и реальное место индивида или социальной группы в социальной иерархии. Так, казенные крестьяне, казаки, военные поселяне, однодворцы, обладая личной свободой, тем не менее имели принципиально разные условия для реализации принадлежащих им по закону прав и вели существенно различающийся образ жизни. Подтверждением данного тезиса являются документы, характеризующие отношения, возникающие по самым разным основаниям. Некоторые из таких документов опубликованы в периодической печати.[526]

Отметим некоторые особенности правового статуса отдельных социальных групп из приведенного перечня.

Правовой статус однодворцев был наиболее высоким из всех перечисленных категорий; однодворцы являлись даже владельцами собственных крепостных крестьян.

Правовой феномен категории военных поселян, просуществовавший менее сорока лет, отнюдь не является изобретением девятнадцатого столетия. Предшественниками института военных поселян можно считать пашенных крестьян XVII в. В разнообразных источниках XIX в. освещается «внутреннее устройство и благосостояние поселенных войск», но главным образом в аспекте благоустройства селений, хозяйства и т.п.[527] В данном случае нас интересует статус жителей военных поселений. О военных поселянах как военно-земледельческом сословии XIX в. пишет Т.Н. Кандаурова. При этом она рассматривает сословную субкультуру, «новое экономическое и правовое поле». Общую численность населения, вовлеченного в социокультурную трансформацию, она оценивает с учетом архивных данных в 821 856 чел.[528]

---

[526] См., например: Оренбургские губернские ведомости. 1854. № 1.

[527] См., например: Письмо А.И. Чернышева графу Аракчееву от 9 июля 1822 г. [Электронный ресурс] // Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). СПб., 1883. № 314. С. 349–351. URL: https://runivers.ru /lib/book7646/428036/ (дата обращения: 24.04.2020).

[528] Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. № 4 (84). С. 32 и след.

Считаем, что в отдельную группу входили не все жители поселений, а только военные поселяне-хозяева, помощники поселян-хозяев, жены и дети двух указанных категорий. Именно перечисленные лица составляли субсословие военных поселян.

Государственная власть продолжила практику перемещения на новое место жительства крестьян в организованном (массовом) порядке. Скажем, переселение групп государственных крестьян осуществлялось в порядке перечисления по распоряжению органов министерства государственных имуществ[529].

В рассматриваемый период помещичьи (крепостные) крестьяне составляли значительную часть всех российских крестьян. В документах первой половины XIX в. наряду с термином «помещичьи» использовались и другие названия для обозначения данной социальной группы, в частности, название «господские» [530].

Помещичьим крестьянам, как известно, приходилось сложнее всего в плане реализации своих прав и в плане выполнения обязательств по отношению к государству и землевладельцам. Их самостоятельность в использовании каких-либо прав была ограничена в наибольшей степени. В наиболее важных вопросах своей жизни помещичьи крестьяне находились в юрисдикции своего владельца и должны были подчиняться установленным им локальным правилам. В рассматриваемый период правовой статус крепостных крестьян развивался разнонаправленно. Правительство продолжило курс на введение ограничений при продаже крестьян. С другой стороны, особенно начиная с середины правления императора Александра I, помещики получили дополнительные полномочия в отношении своих крепостных.

Полагаем, что сословие сельских обывателей в первой половине XIX в. состояло из следующих субсословий: однодворцы; казаки; свободные землепашцы, государственные (казенные) и удельные крестьяне; военные поселяне; помещичьи крестьяне.

---

[529] Воронежские губернские ведомости. 1842. № 42. С. 280.

[530] Воронежские губернские ведомости. 1841. № 2. С. 7.

Таким образом, отечественная сословная модель в первой половине XIX в. представляла собой систему четырех сословий: дворянство; духовенство; городские обыватели; сельские обыватели.

Каждое из этих сословий состояло из субсословий. Дворянство включало в себя два субсословия потомственных и личных дворян; духовенство – три субсословия монашествующего духовенства, приходского духовенства, имевшего дворянский статус, и приходского духовенства, не имевшего дворянского статуса. Сословие городских обывателей включало в себя три субсословия: почетных граждан, купцов гильдий, мещан и вечных цеховых. Сословие сельских обывателей состояло из следующих субсословий: однодворцы, казаки, свободные землепашцы, государственные (казенные) и удельные крестьяне, военные поселяне, помещичьи крестьяне.

Не входило в состав ни одного из четырех сословий субсословие «нетабельных» служащих государственных органов, а также субсословие военнослужащих, призванных на службу в порядке рекрутской повинности.

Великие реформы XIX в. и формирование новой модели сословной системы России

Во второй половине XIX в. отечественный законодатель осуществил целый ряд преобразований в социально-правовой сфере. Эти преобразования затронули структуру российской сословной системы и ее важные характеристики. При этом были сохранены такие особенности сословной системы России, как наличие самостоятельной региональной сословной системы на территории Великого княжества Финляндского. За пределами общегосударственной сословной системы остались некоторые жители Сибири и Дальнего Востока.

Масштаб и глубина новаций позволяют сделать вывод о том, что в правление императора Александра II была конституирована новая сословная модель.

Наиболее важные структурные изменения были связаны с крестьянской реформой. Согласно нормативно-правовым документам[531], крепостные люди, включая крепостных крестьян, освобождались от крепостной зависимости.

С отменой крепостной зависимости все жители России стали обладать важнейшим правом – личной свободой. Правда, принудительное объединение крестьян в сельские общества и волости, возложение на них выкупных платежей ограничило их в реальном использовании ряда своих личных и социально-экономических прав. Это ограничение было наиболее широким для бывших помещичьих крестьян.

Некоторые категории населения (церковнослужители, крестьяне, занимавшие общественные должности) были освобождены от телесных наказаний.

Военная реформа 1874 г. уравняла положение представителей всех сословий по отношению к срочной военной службе[532]. По «званию и роду занятий» от воинской повинности освобождались лишь священнослужители христианских вероисповеданий и некоторые другие представители духовенства (ст. 62 Устава о воинской повинности от 1 января 1874 г.). Были созданы всесословные юнкерские училища, а значит, устанавливалось равное для представителей всех сословий право на получение военного образования данного уровня[533].

---

[531] Манифест от 19 февраля 1861 г. «О Всемилостевейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. XXXVI. № 36 650; Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. XXXVI. № 36 657 и др.

[532] Манифест о введении всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1876. Т. XLIX. № 52 982; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О введении общей воинской повинности» от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1876. Т. XLIX. № 52 983.

[533] Гребенкин А.Н. Правила приема в военно-учебные заведения Российской империи 1863–1917 // Вестник государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 53–60.

В ходе реализации правительственных мер правовое состояние людей из большинства субсословий сословия сельских обывателей (за исключением однодворцев и казаков) было уравнено.

Однодворцы и казаки сохранили правовые отличия, имевшие государственно-правовую природу. Из таких отличий в первую очередь надо отметить сохраненную законодателем возможность для однодворцев восстановления дворянского достоинства, а для казаков – порядок несения государственной военной службы. Законодатель второй половины XIX в. учитывал указанные особенности правового статуса однодворцев и казаков. Скажем, при ликвидации казачьих формирований их урядники и казаки (с определенными исключениями) причислялись к сословию крестьян-собственников. Такие меры были приняты в отношении урядников и казаков Новороссийского казачьего войска[534]. При упразднении Иркутского и Енисейского конных казачьих полков законодатель таким образом урегулировал правовое положение казаков. Поскольку определенные виды государственной службы были за ними сохранены (сопровождение казенных транспортов, арестантов, охрана почты, служба в Иркутской таможне и др.), то казаки были оставлены в составе казачьего сословия. При этом вне службы они должны были подчиняться действию общих законов «наравне с прочим крестьянским населением Восточной Сибири»[535].

Выравнивание правового статуса различных категорий населения позволило сократить разрыв в объеме прав и характере обязанностей сословия сельских обывателей и групп иностранцев, переселившихся в предшествующие годы в Россию по приглашению российских властей. В 1871 г. колонисты-потомки переселенцев были причислены к состоянию сельских обывателей[536].

---

[534] Высочайше утвержденное Положение об упразднении Новороссийского казачьего войска от 3 декабря 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. XLIII. № 46 506

[535] Высочайше утвержденное Положение о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков от 19 мая и 2 июля 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1873. Т. XLVI. № 49 614.

[536] Полякова В.А. Законодательное регулирование миграционных процессов в дореволюционной России (вторая половина XVII – начало XX вв.) (историко-юридическое исследование): ав-

Что касается «собственно крестьянских» субсословий, то сохранившиеся отличия представителей субсословий, состоящих из крестьян, имели частноправовую природу. В качестве примера различий такого рода можно привести порядок отчуждения бывшими государственными крестьянами их земель.

Законодатель, правда, требовал от крестьян в ряде случаев указания принадлежности к категориям бывших государственных, удельных, помещичьих крестьян, однако эти меры имели технический, статистический характер. При этом речь шла, подчеркнем, об отдельных случаях. Необходимости в указании ранее существовавшей категории зачастую просто не было. Соответственно, в документах указывалась просто принадлежность лица к «крестьянской» части сословия сельских обывателей. Например, в нескольких объявлениях о совершении определенных юридических действий в отношении имущества, размещенных в 1883 г. в официальной части местного отдела Вологодских губернских ведомостей, собственники имущества указывались как крестьяне с обозначением их деревень и волостей[537].

Таким образом, в ходе Великих реформ XIX в. изменилась структура крестьянского сословия. Отпали основания для выделения внутри его всех субсословий, состоящих из крестьян. Сословие сельских обывателей, реорганизованное в период правления императора Александра II, включало в себя субсословия однодворцев, казаков и крестьян.

Перемены в правовом положении крестьянства отразились как на его повседневной жизни, так и на процессах вертикальной и горизонтальной социальной мобильности. Несколько более активным стало использование представителями сословия сельских обывателей образования и других институтов социального лифта. Подтверждением этому являются факты из истории системы образования, системы государственной и общественной службы, адвокатуры и т.д. Некоторые такого рода обстоятельства будут рассмотрены в настоящей работе ниже.

тореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2013. С. 25.

[537] Вологодские губернские ведомости. 1883. № 30. С. 3.

После крестьянской реформы 1861 г. темпы внутренней миграции нарастают. Так, по некоторым данным, в 1871–1896 гг. из центральных губерний на окраины переселилось более 3,8 млн. чел. На первое место по количеству принимаемых переселенцев вышли Сибирь и Северный Кавказ. Кроме того, резко усилился приток переселенцев в Московскую и Санкт-Петербургскую губернии[538].

Структура остальных российских сословий осталась без изменений. Перемены в сословном строе были связаны с уменьшением межсословных и внутрисословных правовых различий. При этом по высказанному в правовой литературе мнению сословие городских обывателей «продвинулось» дальше других сословий по пути к полной ликвидации сословных прав, обязанностей и преимуществ. Но и применительно к этому сословию сохранилась официальная терминология указания социально-правового положения человека. Так, в судебных и административных документах, касающихся соответствующих городских жителей, по-прежнему указывалась принадлежность к мещанству и гильдейскому купечеству. В качестве примера можно сослаться на материалы конкурсного управления, учрежденного по делам несостоятельных должников московских купцов Андрея и Семена Гореловых, датированные мартом 1863 г.[539]; Иркутского городового суда, датированные началом 1864 г[540]; конкурсного управления, учрежденного по делам несостоятельного должника елецкого мещанина Ивана Николаева Бакулина, датированные началом 1873 г. [541]; Собрания городских уполномоченных города Вереи, датированные октябрем 1894 г.[542] и др.

Правовой статус дворянского сословия не был снижен. Сохранилось доминирование потомственного дворянства в системе государственной службы и в органах дворянского самоуправления.

---

[538] Рыбаковский О.Л. Предпосылки оценки демографического развития России в XIX веке [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 1998. URL: https://www.dissercat.com/content/predposylki-otsenki-demograficheskogo-razvitiya-rossii-v-khikh-veke (дата обращения: 17.03.2020).

[539] Московские ведомости. 1863. № 48. С. 3.

[540] Иркутские губернские ведомости. 1864. № 10. Часть официальная. С. 2.

[541] Курские губернские ведомости. 1873. № 1. Часть официальная. С. 2.

[542] Московские губернские ведомости. 1894. № 44. Часть официальная. С. 2.

Принципиальные изменения произошли в корпоративной организации сословий и субсословий. Законодатель санкционировал новую систему самоуправления для сословий городских и сельских обывателей. При этом крестьянское самоуправление имело сословный характер. Самоуправление в городах получило не сословный формат, предназначенный для городских жителей, включенных в состав городских обывателей, а формат, приближенный к бессословному и рассчитанный на неограниченный круг лиц, проживающих в городах, соответсвующих определенным критериям, независимо от их сословной принадлежности.

Процесс выравнивания правового положения российских подданных охватил (правда, в меньшей степени) и сферу политических прав. Представителям всех сословий были предоставлены избирательные права при формировании органов всесословного земского самоуправления и при формировании органов несословного городского самоуправления. При этом воспользоваться предоставленным правами сословия могли далеко не в равной мере. Наибольшие возможности участия в земских выборах, особенно в плане использования пассивного избирательного права, были у представителей землевладельцев, владельцев промышленных и торговых заведений. Соответственно, речь идет прежде всего о сословии дворян и отдельных категориях населения сословия городских обывателей.

Правовой механизм выборов в органы земского самоуправления был заложен в Положении о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г.[543] Из трех избирательных курий, предусмотренных данным Положением, лишь одна – съезд выборных от сельских обществ – носила «чисто» сословный характер и была предназначена для избирателей от сословия сельских обывателей. Съезд уездных землевладельцев, в котором предполагалось участие дворян, включал владельцев земли из иных сословий, причем как физических лиц, так и представителей юридических лиц. Формально даже индивидуальные землевладельцы-крестьяне могли входить в состав данной избирательной курии. Дворяне в этой курии имели преимущественное право лишь в составе дворянских обществ;

[543] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. XXXIX. № 40 457.

избранные ими уездные предводители дворянства председательствовали на съездах (ст. 27 Положения о губернских и уездных земских учреждениях).

В состав городской курии (съезда городских избирателей) входили все владельцы городской недвижимости определенной стоимости независимо от своей сословной принадлежности, а также обладатели купеческих свидетельств[544]. Крестьяне формально могли участвовать в выборах в составе любой из трех курий. Однако для включения в состав первых двух курий крестьянин должен был преодолеть высокий имущественный ценз – иметь в индивидуальной собственности землю или иную недвижимость. Например, для включения в состав курии уездных землевладельцев в Тверской губернии земельный ценз составлял 250 десятин. В собственно крестьянском избирательном собрании могли участвовать не все крестьяне, а только выборщики, т.е. один или несколько крестьян от каждого сельского общества (ст. 3 Положения о губернских и уездных земских учреждениях). Уездные землевладельцы могли избираться также от любой из трех курий (от городской – при наличии недвижимости в городе).

На основании Городового положения от 16 июня 1870 г. к участию в городских избирательных собраниях допускались представители всех сословий, имеющие в городе недвижимое имущество на праве собственности или ведущие торгово-предпринимательскую деятельность с уплатой соответствующих сборов[545]. При определении круга лиц, имеющих активное избирательное право, законодатель воздерживался от упоминания сословной принадлежности. Правда, в ст. 17 Положения имеется выражение «всякий городской обыватель», однако в контексте содержания последующих статей можно сделать вывод о том, что оно не обозначает собственно сословие городских обывателей, а относится ко всем жителям города. Три избирательные курии формировались из избирателей с учетом лишь имущественного (налогового) ценза и без учета их сословной принадлежности

[544] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. XXXIX. № 40 457.

[545] Высочайше утвержденное Городовое положение от 16 июня 1870 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1874. Т. XLV. № 48 498.

(ст. 24 Положения). Естественно, что юридическое равенство сословий не означало равенства фактического в связи с неравным имущественным положением различных социальных групп.

В сфере регулирования социально-экономических прав одной из новаций стало распространение в годы Великих реформ XIX в. социальной функции государства на трудовые отношения[546].

В банковской сфере сохранился и даже получил развитие институт сословных кредитных учреждений[547].

Таким образом, новая российская сословная модель, законодательно оформленная во второй половине XIX в., отличалась от модели первой половины этого столетия не столько по структуре, сколько по правовому статусу социальных групп и их представителей, по формату воздействия государственной власти на социально-статусные отношения, по масштабам использования представителями различных социальных групп каналов социальной мобильности. Другими словами, сословная система России второй половины XIX в. отличалась от сословной системы первой половины этого столетия не столько по форме, сколько по содержанию. В связи с этим более подробно характеристики сословной системы второй половины XIX в. в аспекте правового статуса человека и социальных групп будут рассмотрены в главе, посвященной рассмотрению системы правовых статусов индивидов и социальных групп, а также в главе, посвященной рассмотрению механизмов вертикальной социальной мобильности.

В качестве промежуточного вывода отметим, что в ходе Великих реформ императора Александра II законодатель внес ряд важных изменений в сословную систему России, что позволяет определить эти изменения как формирование новой российской сословной модели. Эта модель сохранила некоторые традицион-

---

[546] Олейникова С.С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции Российского государства в XVII – начале XX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 25.

[547] Пашенцев Д.А. Правовое регулирование финансовой деятельности в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 14.

ные свои характеристики, в т.ч. сложившуюся структуру, получив при этом новое «содержательное наполнение».

Законодательная политика 1905–1914 гг. и новая модель сословной системы России

В ходе событий 1905–1914 гг. в России были законодательно изменены некоторые ключевые характеристики сословной системы страны. По сути, была конституирована новая сословная модель. Однако при этом структура сословной системы претерпела минимальные изменения. Внешне сословная система осталась такой же, какой она сложилась в XIX в. Основные перемены произошли не в организационном, а в содержательном аспекте. Существенно сблизилось положение подданных из различных сословий; соответственно, сократилось количество сословных привилегий. Отдельные субсословия, например, субсословие гильдейского купечества, в связи с законодательными новациями превращались из сословных категорий в категории профессиональные. Другими словами, изменения произошли не в перечне установленных законодателем сословий и иных социальных групп, а в правовом статусе представителей этих групп, в объеме правовых возможностей и объеме правовых запретов.

Ослабление сословных различий вело к уменьшению роли сословного строя в социальной жизни России и к увеличению роли классового строя и классов как системообразующих социальных страт. На это прямо указывают авторы научных исследований. В частности, Н.А. Иванова и В.П. Желтова в своей монографии соединили рассмотрение развития сословной системы и развитие классов[548].

При этом позиция законодателя по признанию необходимости сословного деления общества осталась неизменной. Даже исследователи, «скептически» оценивающие эффективность российского законодателя по оформлению сословной системы, отмечая разрушение сословного строя в результате реформ второй по-

[548] Иванова Н.А., Желтова В.П. Указ. соч.

ловины XIX в. и начала XX в., признают сословный характер социальной системы Российской империи в начале XX в.[549]

Данный вывод подтверждается не только источниками законодательного характера, но и другими официальными документами. Скажем, в опубликованном списке гласных Вышневолоцкой городской думы, избранных в ноябре 1905 г., указана их сословная принадлежность (через указание принадлежности к тому или иному субсословию).[550]

В связи с вышеизложенным, представлять в настоящей работе новую сословную модель в «развернутом» виде нецелесообразно. Основные ее характеристики показаны посредством исследования изменения системы правовых статусов человека в Российской империи в начале XX в.

§ 4. Общая характеристика сословной системы России: концептуальные выводы

Проведенное исследование развития правового оформления отечественной сословной модели в течение рассматриваемого исторического периода позволяет выявить динамику появления и исчезновения некоторых ключевых характеристик социальной системы России. Данную динамику можно представить в формате таблицы.

Таблица 2 – Некоторые характеристики периодов и этапов правового оформления социальной системы России

№ п/п	Ключевые характеристики	1649 – 1714 гг.	1714 – 1800 гг.	1801 – 1860 гг.	1861 – 1905 гг.	1905 – 1914 гг.
1.	Основной статус в системе правовых статусов человека и соци-	Сослов-ный	Сослов-ный	Сослов-ный	Сослов-ный	Конституционный (государ-

[549] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 276.

[550] Тверские губернские ведомости. 1906. № 1. Часть официальная.

	альных групп					ственно-правовой)
2.	Декларирование законодателем сословного характера социальной системы	Нет	Да	Да	Да	Да
3.	Применяемые законодателем термины, обозначающие основные социальные страты	Чин	Чин, сословие	Состояние, сословие, гл. род людей	Состояние, сословие, гл. род людей	Состояние,сословие, гл. род людей
4.	Позиция законодателя по одномоментной интеграции в единую сословную систему всего населения государства	Отрицат.	Отрицат.	Отрицат.	Отрицат.	Отрицат.
5.	Наличие правового механизма по постепенной диахронной интеграции «инородного населения» в состав общегосударственных сословий	Нет	Нет	Есть	Есть	Есть
6.	Наличие в стране санкционированных верховной гос. властью самостоятельных региональных сословных систем	Нет	Нет	Есть	Есть	Есть
7.	Наличие в составе сословий внутрисословных групп	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
8.	Наличие социальных страт со статусом, близким к статусу объекта права (полные холопы)	Есть	Нет	Нет	Нет	Нет
9.	Позиция законодателя по вопросу о практике понижения правового статуса человека до статуса полного холопа	Отрицат.	Отрицат.	Отрицат.	Отрицат.	Отрицат.
10.	Наличие социальных страт со статусом крепостных людей	Есть	Есть	Есть	Нет	Нет
11.	Наличие практики групповой восходящей мобильности по инициативе индивидов	Нет	Нет	Есть (в отношении крепостных крестьян)	Нет	Нет
12.	Наличие практики групповой нисходящей	Есть	Есть	Нет	Нет	Нет

	мобильности по инициативе государственной власти					
13.	Наличие требований к уровню образования госслужащих в формате ведомственных актов или деловой практики	Да	Да	Да	Да	Да
14.	Наличие требований к уровню образования госслужащих на законодательном уровне	Нет	Нет	Да	Да	Да
15.	Наличие юридически свободного доступа для представителей всех сословий к государственной службе	Нет	Нет	Нет	Нет	Да

Существенные отличия структуры социальной иерархии России от структуры зарубежных, в частности, западноевропейских стран не могло скрыть даже активное заимствование иноязычной терминологии в первой половине XVIII в. Полагаем, что проведенное в настоящей работе исследование подтверждает, что объяснение данных отличий надо искать не в направлении доказывания отсутствия или «недоразвитости» сословного строя в России, а в направлении выявления особенностей отечественной сословной модели.

Действительно, если использовать традиционный понятийно-терминологический аппарат, то неизбежно следует вывод, что внутрисословная дифференциация в России была существенно выше, нежели в наиболее известных западноевропейских сословных моделях. Правовые последствия членства во внутрисословной социальной группе зачастую мало уступали последствиям членства в сословии, а то и превосходили их. Более того, в ряде случаев исследователи наблюдают, казалось бы, неразрешимые противоречия. Выше приведены примеры такого рода. Здесь уместно напомнить лишь один. В рамки одного и того же сословия – сословия сельских обывателей – законодатель «поместил» однодворцев, некоторые из которых владели крепостными крестьянами, и крепостных крестьян однодворцев.

Уточнение подходов к научной характеристике российской сословной системы может устранить если не все, то весьма значительную часть противоречий такого рода. Объяснение природы социально-правовых явлений в рассматриваемый исторический период находится в ином, нежели в зарубежных странах, подходе отечественного законодателя к конституированию социально-правовых категорий. Представить мнение автора настоящей работы в слегка полемически заостренной формулировке можно следующим образом: отечественная сословная модель была оформлена законодателем именно в таком виде не потому, что российский законодатель в течение рассматриваемого исторического периода был не в состоянии обеспечить необходимое качество нормативного регулирования, не смог добиться необходимой организационной «стройности», а потому, что с позиций государственной власти России именно такая модель наиболее оптимально соответствовала сложившимся в стране условиям и наиболее эффективно обеспечивала преодоление возникающих вызовов.

Рассматривая ключевые характеристики сословной системы России не как итог аморфной и бессистемной деятельности верховной государственной власти России, а как результат целенаправленной законодательной политики, автор полагает возможным ввести понятие «субсословие» для адекватной оценки качественных характеристик организационного построения российской социальной системы. Термин «субсословие» точнее показывает важное значение в социальной иерархии названных внутрисословных социальных групп.

Именно двухуровневая структура сословий является основной особенностью отечественной сословной модели, в отличие от зарубежных сословных моделей, является главной отличительной чертой правового оформления социальной иерархии России. Введение понятия «субсословие» позволяет более точно отобразить названную особенность сословной модели России. В известном смысле мы можем назвать это понятие наиболее оптимальным инструментом для аналитической работы над социально-правовой структурой России в рассматриваемый период.

Общий вывод мы можем сделать следующий: конституирование сословий в России происходило под влиянием сформировавшихся в ходе государственно-правового развития страны факторов. Сословность как ключевая характеристика социальной структуры России имела место на протяжении всего рассматриваемого периода с середины XVII в. по начало XX в. Двухуровневая структура сословий отражает цивилизационные особенностии России, проявившиеся в правовом оформлении социальной структуры страны.

Общий результат развития сословной системы России с середины XVII в. по начало XX в.

Понятие «общий результат развития сословной системы России» является синонимичным социологическому понятию «общий результат трансформации модели стратификации российского общества». Оценка этого «общего результата» будет носить не просто сложный, но и в весьма высокой степени дискуссионный характер. В связи с этим, в настоящей работе содержание указанного понятия будет рассматриваться прежде всего в аспекте влияния на способы обеспечения необходимой степени консолидации общества.

Не существовало и не могло существовать никакого единого плана действий высшей государственной власти России на протяжении столь длительного отрезка времени. На протяжении данного периода перед страной вставали самые разнообразные вызовы, вспыхивали различные внутренние конфликты. Достаточно сказать, что на этот период пришлись три из четырех наиболее мощных открытых социальных протестных выступлений в российской истории, которые в советской историографии получили название крестьянских войн. Соответственно, верховной власти приходилось принимать в социально-правовой сфере меры как тактического, так и стратегического порядка. Структура общества находилась в состоянии перманентных изменений. При этом государственная власть стремилась обеспечить необходимую степень единства членов общества, иначе говоря – необходимую степень консолидации российского общества.

Тем не менее мы можем (и должны) попытаться выявить некоторые общие результаты трансформации модели стратификации общества России на протяжении рассматриваемого периода. Эти результаты сформировались под воздействием законодательной политики власти и под влиянием социальной динамики российской цивилизации.

Поскольку юридически положение человека в обществе государство оформляет через установление системы правовых статусов индивидов и социальных групп, постольку эти понятия существуют имманентно, постоянно и независимо от сущности и формы государства, правосознания общества, состояния научной историографии, наличия соответствующей терминологии и иных преходящих факторов. Именно правовой статус человека является той правовой характеристикой, которая позволяет «юридизировать» типологию человеческого общества. Второй характеристикой, причем также характеристикой «правового формата», является конституированный законодателем организационно-правовой механизм изменения своего правового статуса индивидами и социальными группами.

На самом деле, указанные выше научные проблемы не исчерпывают перечень всех трудностей, которые возникают при анализе особенностей правового оформления социальной иерархии в той или иной стране и при выстраивании концепции типизации моделей социальной стратификации.

Безусловно, необходимо учитывать то обстоятельство, что помимо критериев правового характера следует принимать во внимание критерии иного порядка. Н.В. Разуваев обращает внимание на важность «интерсубъективных взаимодействий», обусловившую влияние способа социальной коммуникации на «тип общества в целом, включая особенности его социальной организации»[551]. Тем не менее акцент при рассмотрении наиболее широких по содержанию понятий, использующихся в настоящей работе, целесообразно сделать именно на характристиках правового порядка.

---

[551] Разуваев Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 187.

Общеизвестны точки зрения о традиционном и техногенном, открытом и закрытом, гомогенном и гетерогенном, индустриальном и постиндустриальном, информационном типах общества, об индивидуалистическом и коллективистическом типах, о типах, соответствующих определенной общественно-экономической формации (первобытное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое (социалистическое)) и т.д. Указанные точки зрения высказываются в научной литературе и обосновываются в русле основных политико-правовых концепций[552]. Эти концепции общеизвестны и не нуждаются в комментировании в рамках настоящей работы. В свою очередь, указанные концепции в значительной мере детерминируются тем или иным подходом; прежде всего – формационным или цивилизационным. Полностью соглашаюсь с мыслью, что для оценки содержания и развития положений доктрины важно понимать социальные и политические условия формирования учения»[553], что «теории социума впрямую зависят от состояния общества, в котором они производятся (возникают)»[554].

К наиболее масштабным современным концепциям типизации общества относится классификация человеческого общества на индивидуалистическое и коллективистическое (коллективистское). Эта классификация получила наибольшее распространение в философской, социологической и политологической научной литературе. Она базируется на трудах Э. Дюркгейма, Ф.А. Хайека и других ис-

---

[552] Гидденс Э. Социология [Электронный ресурс]. Науч. ред. В. А. Ядов; Общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича; [Пер. В. Малышенко и др.]. М.: Эдиториал УРСС, 1999. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/ (дата обращения: 03.05.2022); Шемякин Я.Г. К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в универсальном контексте // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 12; Новиков А.В. Экономическое развитие России: традиции и реформы (Опыт институционального анализа): автореф. дис. … канд. экон. наук. СПб., 2003. С. 3 и след.

[553] Фролова Е.А. Проблемы теории и философии права: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 92.

[554] Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 50–70.

следователей. Так, А.А. Ивин категорично называет коллективизм и индивидуализм двумя полюсами, между которыми движутся общества и цивилизации[555].

Сторонниками данной концепции являются как зарубежные, так и российские исследователи[556]. В политическом аспекте указанная концепция давно перешагнула границы теории, получив практическое применение в идеологической и политической борьбе[557].

В рамках указанной выше классификации предпринимаются попытки оценить роль права и роль иных социальных регуляторов в индивидуалистическом и коллективистском обществах. Так, А.С. Гурьянов полагает, что в ходе социализации личности в индивидуалистическом обществе задействуются практически исключительно правовые нормы, а в коллективистском обществе – широкий спектр социальных норм, в котором правовые нормы являются лишь одним из компонентов[558]. Полагаем, что автор обращает внимание на обстоятельство, исключительно важное для характеристики общества.

Ряд отечественных и зарубежных исследователей, прежде всего ученых-философов, продвигает концепцию типизации человеческих обществ, основанную на дуализме понятий «гомогенный» и «гетерогенный». Данная типизация основывается на характере воспроизводства общественной жизни. Гомогенное общество понимается как общество равных (в отношении прав и свобод) свободных индивидов. Гетерогенное общество определяется в качестве «социальной системы, основанной на неоднородности социальных индивидов». При этом под индивидами понимаются не только и не столько физические лица, сколько социальные

---

[555] Ивин А.А. Новая философия истории: монография. М.- Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 6.

[556] См. подробнее: Баринова С.Г. Социальная детерминация и способы производства общественной жизни: социально-философский анализ: дис. … канд. философ. наук. Красноярск, 2004; Зенько А.А. Общество и оформление его социальности: социально-философский анализ: дис. … канд. философ. наук. Красноярск, 2000; Мельникова Т.В. Основные типы общества и правосознания: социально-философский анализ: дис … канд. философ. наук, Красноярск, 2000 и др.

[557] Рахшмир П.Ю. Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф.А. Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 3. С. 54–66.

[558] Гурьянов А.С. Социализация личности в различных типах общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. философ. наук. Красноярск, 2010. С. 11.

группы, социальные структуры разного порядка. Неоднородные социальные структуры гетерогенного общества образуют «соборное общество»[559].

Используя соответствующую терминологию, А.С. Панарин определяет Россию «с самого начала» как «гетерогенное западно-восточное образование», синтезирующее различные цивилизационные начала[560].

Ряд концепций разработан представителями правовой науки. Так, Р.А. Ромашов в рамках своей трактовки понятия «социально-историческое время» различает общества, развивающиеся в монохронной системе, и дихронные общества. В свою очередь, дихронные общества могут представлять собой единый социум и состоять из социальных групп, не стремящихся к автономии или отделению, а могут состоять из социальных групп, находящихся в явном или латентном противоборстве[561].

Перспективной представляется разработка концепции правовой цивилизации. Труды В.А. Бачинина, Л.П. Рассказова, М.А. Супатаева и других авторов представляются весьма перспективными[562]. Вполне возможно, что в рамках данной концепции удастся соединить усилия правоведов-компаративистов, правоведов-теоретиков, правоведов-историков, социологов и представителей других наук и выйти на трансдисциплинарное исследование предмета.

---

[559] Фибих Е.В. Способы воспроизводства общественной жизни гомогенного и гетерогенного типов общества (социально-философский анализ): автореф. … канд. философ. наук. Красноярск, 2012. С. 17–20.

[560] Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ЦОП Ин-та философии РАН, 1994. С. 46.

[561] Ромашов Р.А. Государство: методология исследования политогенеза // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 179–181.

[562] Рассказов Л.П. К вопросу о критериях классификации правовых систем: цивилизованный подход. Тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2015. № 111. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriteriyah-klassifikatsii-pravovyh-sistem-tsivilizovannyy-podhod-tendentsii-sblizheniya-pravovyh-semey-v-usloviyah (дата обращения: 24.04.2020); Рассказов Л. П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем [Электронный ресурс] // Философия права. 2014. № 3 (64). URL: https://cyberleninka.ru /article/n/tsivilizatsionnyy-podhod-k-klassifikatsii-pravovyh-sistem (дата обращения: 24.04.2020); Супатаев М.А. К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 144 с. и др.

Обосновывая собственную концепцию классификации моделей социальной стратификации, констатируем то обстоятельство, что при анализе результатов законодательной политики следует обратить внимание на конституирование той или иной формы социальной структуры. Прежде всего, необходимо проанализировать три обстоятельства: 1) официальное признание факта наличия или отсутствия сословного деления или факта правового равенства или неравенства жителей страны; 2) реальное закрепление в законодательных или подзаконных актах правового статуса людей; 3) порядок функционирования организационно-правового механизма социальной мобильности внутри социальных страт и между ними.

Другими словами, при определении типов моделей социальной иерархии следует исходить из сущностных характеристик системы правовых статусов индивидов и социальных групп и организационно-правового механизма социальной мобильности.

Необходимость рассмотрения официальной позиции государства по вопросу о правовом статусе его жителей ясна и не требует доказательств. Такая позиция может быть изложена в конституции, основном законе, «ординарном» правовом акте или правовом обычае.

Вместе с тем ограничиваться «чтением конституции» исследователь не имеет права. Слишком часто по идеологическим, политическим, психологическим или другим мотивам официально провозглашенная норма оказывается декларацией, противоречит реально применяемым правовым нормам и не отражает сути явления. Подтверждение этому можно найти как в зарубежной, так и в отечественной истории государства и права. Например, органический сенатус-консульт от 18 мая 1804 г. (28 флореаля XII г.) установил во Франции монархическую форму правления. Тем не менее по политическим соображениям в тексте акта содержится термин «республика». Церемония коронации Наполеона Бонапарта была проведена лишь в декабре 1804 г. Некоторое время Франция сохраняла официальное наименование «Французская республика». Однако де-юре и де-факто император имел правовой статус монарха, а государство являлось монархией по форме прав-

ления с мая 1804 г.

Учитывая, что заявленные положения имеют принципиальную важность и обладают потенциалом критериев типизации обществ, возможно выстраивание классификации национальных моделей социальной стратификации на их основе.

Перечислим некоторые постулаты, из которых мы должны исходить при конструировании своей классификации типов общества в зависимости от сущности социальной иерархии:

1) социальное неравенство есть факт объективной реальности; это не оценочная категория, это не «хорошо» или «плохо», это есть непреходящая данность;

2) социальное неравенство, не доходящее до «крайностей», при наличии хорошо функционирующего механизма социальной мобильности не препятствует формированию общественного сознания, единого самосознания и консолидации общества в критически важные для него исторические моменты;

3) формирование и регулярная модернизация организационно-правового механизма социальной мобильности есть необходимое условие эволюции общества и успешного ответа на возникающие вызовы;

4) типологии общества с точки зрения содержательной характеристики не является статичной категорией; она обладает динамизмом и соотносится с конкретным историческим периодом в развитии цивилизации или страны;

5) применение в классификации моделей социальной организации стран мира критериев правового порядка, т.е. критериев, характеризующих развитие правовых феноменов, является целесообразным и даже необходимым.

Научная классификация не заключается в приклеивании идеологических, политических и иных ярлыков оценочного характера. Скажем, исключение законодателем части населения, имеющего статус рабов, холопов и т.п. из общественной, экономической и политической жизни есть акт дискриминационного характера. С позиций права и морали современных цивилизаций мы не можем признать позитивными такого рода действия государственной власти. Тем более, что «этический взгляд» является важным для «осмысления правового бытия»[563]. Однако в

[563] Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: юридические позиции [Электронный ре-

определенные исторические периоды или в определенных общественно-правовых реалиях наличие социальных групп с правовым статусом, равным или приближающимся к статусу объекта права, является ординарным фактом. Например, в период Древнего мира наличие института рабовладения в стране не свидетельствует о каких-либо «дефектах» общества, права или государства, об «аморальности» действий законодателя и правоприменителя, об «отсталости» модели социальной стратификации. И наоборот, отсутствие в этот же период в какой-либо стране рабов не дает основания для поиска превосходства данного общества, данного этноса и данного государства над рабовладельческими обществами. Аналогичным образом существовавшие на протяжении тысячелетий в самых разных цивилизациях юридические и организационные барьеры на пути доступа к каналам повышения индивидуального правового статуса для представителей различных социальных групп не являются основанием для вынесения исследователем «этического вердикта» в отношении элиты либо в отношении данных цивилизаций в целом.

Исходя из вышесказанного, можно выделить два типа обществ: юридически консолидированные общества и юридически сегментированные общества. Данную классификацию целесообразно провести с учетом соображений философского, социологического или экономического порядка, но с опорой на критерии, имеющие правовую природу. В качестве двух главных критериев правового порядка выступают характер основного статуса в системе правовых статусов человека и сущность механизма изменения индивидуального правового статуса (механизма вертикальной социальной мобильности).

Тип общества отражает специфику государственной политики по обеспечению консолидации общества. Естественно, что сам факт проживания в рамках одного государства подразумевает наличие у населения общих интересов. Н.М. Коркунов констатирует: «Общность политической жизни и общность исторических судеб приводит неизбежно к выработке общих интересов и общих культур-

---

сурс] // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-yuridicheskie-pozitsii/viewer (дата обращения: 24.04.2020).

ных идеалов»[564]. Тем не менее государственная власть применяет разнообразный арсенал инструментов для поддержания необходимой степени консолидации различных общественных групп. Правовые инструменты занимают в этом арсенале далеко не последнее место.

В юридически консолидированном обществе вершину пирамиды правовых статусов занимает общий для всех его членов правовой статус. В терминологии настоящего времени в качестве такого статуса выступает конституционный статус. Иначе говоря, в консолидированном обществе на вершине системы правовых статусов человека находится конституционный статус (или аналогичный ему общий правовой статус в ранние исторические периоды). Сословный или иной корпоративный статус должен занимать подчиненное место. Подчеркнем, что речь не идет об отсутствии в системе правовых статусов сословного или иного корпоративного статуса; речь идет о его месте в данной системе.

Юридически оформленный и организационно обеспеченный доступ к основным каналам социальной мобильности должны иметь все члены общества. Таким образом, доступ к организационно-правовому механизму вертикальной социальной мобильности в консолидированном обществе имеют представители всех социальных групп; при этом социальный лифт работает на всех «этажах социального здания». Таким образом, механизм изменения индивидуального правового статуса функционирует на основе прежде всего нормативно-правовых актов. Традиции и неинституциализированные практики играют второстепенную роль.

В итоге, в числе факторов (инструментов), которые обеспечивают единство юридически консолидированного общества, важную роль играют факторы правового порядка.

Юридически сегментированное общество также представляет собой определенное единство, общность людей, опирающихся на традиции, укрепляющих благополучие своей страны. Это отнюдь не находящийся в состоянии непрерывных открытых конфликтов, в «войне всех против всех» конгломерат групп и от-

[564] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 62.

дельных людей, случайно оказавшихся на одной территории. Но при этом правовые факторы не играют решающей роли в обеспечении единства общества.

В юридически сегментированном обществе общий правовой статус отсутствует или имеет второстепенное значение. Главную роль в системе правовых статусов играет какой-либо корпоративный статус. Доступ к основным каналам социальной мобильности для части членов общества юридически закрыт или организационно затруднен. В сегментированном обществе имеются социальные группы, представителям которых закрыт доступ в элиту общества. Проводя параллели технического порядка, можно сказать, что в сегментированном обществе социальный лифт, движущийся с самого нижнего этажа на самый верхний этаж, отсутствует в принципе либо находится «в нерабочем состоянии».

Сразу же оговоримся, что следует учитывать наличие и функционирование социальных лифтов ординарного порядка, рассчитанных на значительное число индивидов и использующихся по инициативе последних. В человеческих обществах различных стран, континентов и всех исторических периодов даже при отсутствии общего правового статуса имели место примеры вертикальной мобильности отдельных представителей социальных групп, располагавшихся в нижней части социальной иерархии, вхождение этих представителей в состав элиты. Движущими силами этой мобильности были фаворитизм, участие во внутригосударственных конфликтах и пр. Однако такого рода примеры говорят о действии экстраординарных механизмов мобильности. Экстраординарные механизмы рассчитаны на единичные случаи их использования либо функционируют в чрезвычайных ситуациях и не могут рассматриваться при определении типа общества.

Несмотря на некоторое кажущееся сходство с указанными выше вариантами типизации национальных моделей правового оформления иерархии общества, в частности, с классификацией, различающей гомогенные и гетерогенные общества, предлагаемая нами классификация основывается на иных критериях и иных представлениях о структуре общества. Юридически консолидированное общество в нашей концепции не есть общество гомогенное. И консолидированное, и сег-

ментированное общество представляют собой общность индивидов и систему различных социальных страт.

Структура общества, природа и организационно-правовая форма страт, нормативные основы и реально сложившаяся практика социальной мобильности, средства, применяемые государственной властью для обеспечения консолидации общества – вот те позиции, которые определяют социально-правовые особенности российского общества и положение его сословной модели среди моделей социальной стратификации цивилизаций и стран мира.

Учитывая указанные критерии, можно отметить, что в течение рассматриваемого исторического периода в российской системе источников права неуклонно возрастала роль нормативно-правового акта. Отчасти с этим было связано и неуклонное возрастание роли правовых средств, применяемых государственной властью для обеспечения консолидации общества. Другими словами, в комплексе средств и инструментов, применявшихся Российским государством для оформления сословной системы, неуклонно возрастало значение системы права.

Одновременно изменялась (не факт, что уменьшалась, но определенно изменялась) роль иных видов социальных регуляторов, таких, как традиции, нормы морали. На протяжении всего рассматриваемого периода важную роль в плане консолидации общества играли церковные организации, канонические нормы и традиции. Важная роль этих институтов сохранялась. Прежде всего речь идет о Русской православной церкви, а также о других традиционных религиозных организациях России. При этом государственное право оказывало влияние на церковные нормы. Часть древних канонов была отменена; церковное право стало в итоге частью позитивного права Российской империи[565].

До определенного момента российское общество имело юридически сегментированный характер. Правовая «раздробленность», безусловно, «компенсировалась» общностью российских подданных в иных сферах (за пределами правовой жизни), но, тем не менее, также была фактом действительности.

---

[565] Дорская А.А. Церковное право Российской империи конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 15.

В связи с этим, можно констатировать, что формирование общего для всех подданных Российского государства правового статуса стало тем фактором, который в существенной мере повлиял на общую характеристику отечественной модели правового оформления иерархии общества. С этого времени именно инструменты правового порядка стали наиболее активно использоваться в государственном регулировании и структуры общества, и организационно-правового механизма вертикальной мобильности, использоваться в обеспечении необходимой степени единства общества. В этот момент, в начале XX в., российское общество приобрело в своих основных чертах юридически консолидированный характер. Правовое объединение членов общества стало фактом действительности.

Разумеется, правовые различия между людьми и социальными группами не были ликвидированы полностью. Вплоть до 1914 г. (и далее) сохранялись и на уровне законодательства, и (в еще большей мере) на уровне реальной правовой жизни отдельные сословные различия. Сохранялись в законодательстве Российской империи дискриминационные положения в отношении людей и общественных групп в зависимости от их конфессиональной и национальной принадлежности. Однако в России появилась главная предпосылка для устранения правовых различий. Верховная государственная власть официально признала важность и даже приоритетность правовых средств при обеспечении согласования интересов членов российского общества, при обеспечении необходимой степени консолидации общества. Законодатель принял первые меры в этом отношении.

При этом в общественной жизни продолжали играть активную роль традиционные институты. Они, как и на предшествующем исторической этапе, вносили свой в клад в дело обеспечения консолидации российского общества, согласования интересов разных общественных групп, предупреждения и преодоления социальных конфликтов. Сохранение роли традиционных институтов и после формирования юридически консолидированного общества является, очевидно, цивилизационной особенностью России.

ГЛАВА 4. ПРИМЕРЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В РОССИИ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ ИНДИВИДОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Этапы генезиса конституционного статуса личности в России: отечественный опыт в контексте конституционной практики зарубежных стран

Относительно времени генезиса в России конституционного правового статуса личности в научной литературе имеются различные, в т. ч. прямо противоположные точки зрения. Естественно, что ответ на этот вопрос является связанным с ответом на вопрос о времени создания первой отечественной конституции.

Действительно, начиная с периода Нового времени конституционная теория и конституционная практика в различных странах идут по пути создания конституции как нормативного акта высшей юридической силы. Именно реальная конституционная практика, основанная на конституционной доктрине и сопряженная с конституционной культурой, и порождает такой феномен как конституционный статус личности. Собственно говоря, мы выходим на понятия конституционализма и конституционного строя.

Рассмотрение указанных понятий выходит за пределы предмета исследования настоящей работы. Кроме того, они подробно изучены как в рамках юридических наук, так и в рамках философии, политологии, социологии, истории и других общественных наук. Необходимо назвать имена С.А. Авакьяна, А.Я. Авреха, С.С. Алексеева, Н.А. Антоновой, К.В. Арановского, В.П. Басика, Н.А. Бобровой, Н.А. Богдановой, Н.С. Бондаря, А.Н. Боханова, Н.В. Витрука, Л.Д. Воеводина, С.А. Дробышевского, В.С. Дякина, И.А. Исаева, В.Т. Кабышева, И.А. Конюховой, А.В. Корнева, И.А. Кравеца, Е.И. Колюшина, И.А. Конюховой, В.И. Крусса, О.Е. Кутафина, А.В. Лапаевой, И.В. Лукоянова, А.Н. Медушевского, Н.А. Миха-

левой, В.С. Нерсесянца, В.Б. Пастухова, А.Г. Пархоменко, Т.М. Пряхиной, Ю.В. Пуздрача, Р.А. Ромашова, А.Н. Сахарова, К.А. Соловьева, Л.В. Сониной, И.М. Степанова, Б.А. Страшуна, В.А. Томсинова, Т.Я. Хабриевой, А.Н. Харитоновой, В.В. Шелохаева, В.А. Шестакова, Ю.Л. Шульженко и других ученых.

Отметим лишь, что мы присоединяемся к тем правоведам, которые определяют конституционализм как теоретическую доктрину и основанное на ней идейно-политическое движение. Практическое воплощение названной теоретической доктрины логичнее обозначать терминами «практика конституционализма», «практическая реализация конституционализма» и им подобными.

Мы хотим обратить внимание на следующее обстоятельство. Даже разработка, принятие и введение в действие конституции как нормативно-правового акта в любой стране не является одномоментным действием. Тем более требует времени процесс формирования конституционного строя и соответствующей ему политико-правовой практики. Следовательно, можно говорить об определенном периоде времени, в течение которого формируется конституционный статус человека, о различных этапах внутри этого периода. Начало и завершение этих этапов далеко не всегда связаны с разработкой актов конституционного характера. Вообще мы разделяем мнение С.А. Авакьяна о том, что нельзя сводить конституционное развитие в нашей стране лишь к появлению актов, формально именуемых конституциями[566].

Данный постулат можно обосновать фактами как отечественной, так и зарубежной государственно-правовой истории. В связи с этим необходимым является обращение к трудам отечественных и зарубежных специалистов, в которых исследуются те или иные аспекты формирования конституционного статуса личности в зарубежных странах: В.Г. Графского, О.А. Жидкова, И.А. Исаева, М.А, Исаева, А.И. Косарева, Е.А. Кремянской, О.А. Кудинова, Н.А. Крашенинниковой, Ю.И. Лейбо, К.Е. Ливанцева, В.В. Маклакова, Н.А. Никифоровой, А.Г. Орлова, М.Н. Прудникова, И.А. Ракитской, Л.П. Рассказова, Ф.М. Решетникова, В.Е. Ру-

[566] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность [Электронный ресурс]. 2-е изд. М.: РЮИД, «Сашко», 2000. С. 38. URL: https://constitution.garant.ru /science-work/modern/1776651/ (дата обращения: 30.04.2018).

баника, В.В. Сажиной, А.В. Серегина, Н.А. Славкиной, М.Б. Смоленского, Д.Е. Тагунова, В.А. Томсинова, Н.М. Чепурновой, З.М. Черниловского, Э. Аннерса, Г.А. Василевича, В. Вильсона, А. Дайси, К. Дэниела, М. Прело, Л. Фридмэна, М.Ф. Чудакова, А. Шайо, Шань Вэньхуа и других.

Россия прошла свой путь конституционного развития. Особенности генезиса конституционного статуса личности в России были обусловлены ее цивилизационными особенностями, факторами общественно-политической жизни страны, хотя определенное влияние мирового опыта и мировых тенденций мы должны принимать во внимание.

Прежде всего постараемся дать свой ответ на три вопроса: 1) когда в России начал формироваться конституционный статус личности? 2) применительно к какому времени в российской истории мы можем говорить о наличии (пусть не в «зрелом», относительно завершенном виде) конституционного статуса личности как политико-правовой реальности? 3) каковы особенности генезиса конституционного статуса личности в России в контексте соответствующих практик в зарубежных странах?

С.А. Авакьян, отмечая, что идеи конституции известны России еще с начала XIX в., считает: есть основания утверждать, что первые шаги по пути учреждения конституционализма Россия сделала именно в начале XX в., если исходить из того, что он связан с документами, которыми закрепляется: а) общий строй государства; б) система государственной власти; в) свобода политической деятельности и общественных объединений; г) общие основы положения всех граждан (а не отдельных их групп), в том числе их личной и политической свободы[567]. При этом ученый-конституционалист перечисляет целый комплекс «основополагающих документов».

О.Е. Кутафин относит появление идей конституционализма в России к XVIII в.[568] Говоря о конституционализме как о теоретической доктрине, он указывает на три периода формирования и развития: период возникновения конститу-

[567] Авакьян С.А. Указ. соч. [Электронный ресурс].

[568] Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 49.

ционных идей и разработку проектов конституции; период монархического конституционализма; период республиканского конституционализма (между февралем и октябрем 1917 г.)[569]. К первым отечественным конституционалистам О.Е. Кутафин относит видных государственных и общественных деятелей XVIII в. Н.И. Панина, М.М. Щербатова, А.А. Безбородко, А.Р. Воронцова, юриста и социолога С.Е. Десницкого и некоторых других.

И.А. Кравец относит время появления в России конституционно-правовых идей к XVIII в., а время появления первых конституционных норм, принципов и институтов – к началу XX в.[570]

Эволюцию понятия «конституция» в России в XVIII–XIX вв. рассматривает Д.А. Бадалян[571].

Об использовании термина «конституционализм» в России начиная со второй половины XIX в. пишет Ю.Ю. Веревкина[572].

Ю.В. Пуздрач полагает, что, для того чтобы разобраться в истории конституционализма в России, недостаточно ограничиться исследованием событий XVIII–XIX вв.; необходимо представить себе исходную концептуальную схему развития России[573]. Он отмечает, что история практического конституционализма началась в России только в 1905 г.; при этом ход ее свидетельствует больше о форме, нежели о содержании[574]. Ю.В. Пуздрач предлагает рассмотреть «исходную концептуальную схему развития России»[575]. Предложение с учетом аргументации представляется вполне целесообразным.

---

[569] Кутафин О.Е. Указ соч.

[570] Кравец И.А. Указ. соч. С. 17–27.

[571] Бадалян Д.А. Понятие конституция в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода Т. I. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 150–174.

[572] Веревкина Ю.Ю. Взаимоотношения конституции и конституционализма в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12.

[573] Пуздрач Ю.В. Конституционализм – ключевое понятие эволюции государства и права // Михайлова Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права: науч. издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 635.

[574] Пуздрач Ю.В. Указ. соч. С. 638.

[575] Там же. С. 635.

Учение об идеальном государстве в Древней Руси рассматривает в поисках истоков правового государства О.В. Ралько[576]. К IX–XVII вв. как к периоду «предыстории» российского парламентаризма обращается Л.Г. Коновалова[577].

Собственно говоря, историки и историки права «в поисках конституционализма» уже обращали свое внимание на различные этапы истории Российского государства.

Один из этапов, на который должно быть обращено внимание конституционалистов, – этап существования сословно-представительной монархии. Апогей идеи и практики сословного представительства приходится как раз на начало и середину семнадцатого столетия.

Применительно к этапу сословно-представительной монархии неоднозначно решается в научной литературе вопрос о месте высших государственных органов в государственном механизме и взаимоотношениях между ними. Большинство современных авторов склоняются к точке зрения о сословно-представительной природе земских соборов, о достаточно важной роли соборов и Боярской думы в системе высших государственных органов.

Правовую природу земских соборов как государственного органа, историю их функционирования рассматривают в своих трудах не только правоведы, но и историки, политологи, представители других наук: А.В. Белоновский, Ю.В. Готье, Н.П. Ерошкин, С.С. Иванов, В.О. Ключевский, А.С. Козач, А.В. Красницкая, В.Н. Латкин, С.Ф. Платонов, М.Н. Покровский, С.М. Соловьев, Л.В. Черепнин, С.В. Юшков[578]. Точки зрения ряда исследователей земских соборов анализирует

---

[576] Ралько О.В. Концепция правового государства и ее реализация в России: историко-теореические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 14 и след.

[577] Коновалова Л.Г. «Предыстория» парламентаризма в Росссии IX–XVII вв.: особенности отечественного развития конституционно-правовой теории и практики государственного строительства // Государство и право. 2020. № 3. С. 63–67.

[578] Адарчева Л.С. Земские соборы на Руси в XVI – XVII вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1978; Белоновский А.В. Выборные начала и формирование представительства земских соборов: дис. … канд. ист. наук. М., 1999; Козач А.С. Земские соборы – высшие органы государственной власти и правосудия России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004; Красницкая А.В. Земские соборы как важнейший политико-правовой институт: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012; Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 155; Юшков

О.В. Морова[579]. Заметно корректирует мнение многих авторов о сущности и роли земских соборов Д.В. Лисейцев[580].

О правовом статусе Боярской думы в литературе высказаны разные мнения[581].

Земские соборы и Боярская дума как государственные институты сыграли важную роль в истории страны, однако ответ на вопрос: «Могла ли деятельность указанных государственных органов явиться основой формирования конституционного статуса человека?» – должен быть дан отрицательный.

Источником законодательной (как и любой другой) власти в XVII в. являлся монарх. Более того, не только объем властных полномочий, но и высокая степень сакральности монарха выводили его как орган власти из системы высших государственных органов на совершенно особое место и ставили личность монарха также на особое место в социальной системе России.

В рассматриваемый период отсутствовал общий для всех жителей страны правовой статус.

Данные обстоятельства позволяют нам присоединиться к тем авторам, которые не находят в XVII в. теории или практики конституционализма. Другими словами, в семнадцатом столетии в России конституционно-правовой статус человека не существовал ни как правовой феномен, ни как правовой идеал.

Вторая половина XVII – начало XVIII в. ознаменованы становлением абсолютной монархии в России. В отношении политического режима это проявилось в законодательном оформлении статуса монарха как неограниченного правите-

---

С.В. К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 88. и др.

[579] Морова О.В. Земские соборы (историография) // Омский научный вестник. 2008. № 3(67). С. 22–25.

[580] Лисейцев Д.В. Почему Земский собор – не парламент? // Российская история, 2020. № 4. С. 142–150.

[581] См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 184–186; Исаев И.А. История государства и права России… 1996. С. 49; Ключевский В.О. Русская история… Кн 2. С. 102; Петров К.В. Прецедент в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 79 и след.; Соловьев С.М. Сочинения… Т. 9. С. 281 и др.

ля[582]. В аспекте рассматриваемой проблематики можно сделать вывод, аналогичный выводу применительно к предшествующему столетию: в начале XVIII в. конституционно-правовой статус человека отсутствовал.

Еще одно историческое событие, представляющее явный интерес с точки зрения генезиса теории и практики конституционализма в России, – деятельность Верховного тайного совета и особенно разработка в 1730 г. т.н. кондиций. Подготовка и созыв в 1767 г. Уложенной комиссии также отражали существовавшие идеи «конституционного направления»[583].

Важным этапом на пути государственно-правового развития России является деятельность М.М. Сперанского. При его участии в системе высших государственных органов был создан Государственный совет, были уточнены некоторые аспекты правового статуса государственных служащих, созданы Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи и т. д.[584]

Интересными с точки зрения формирования в России теории конституционного развития представляются конституционные идеи и законопроекты декабристов[585].

Вместе с тем ни одно из вышеуказанных событий не означало установления в России конституционного государства и не породило единого для всех российских подданных правового статуса высшего уровня.

Лишь в 60-х гг. XIX в. в ходе достаточно глубоких по своему содержанию комплексных реформ в России можно заметить феномен появления элементов общего статуса для подданных, статуса, в отношении которого можно провести

---

[582] См.: Ключевский В.О. Русская история… Кн. 2. С. 28–29; Сизиков М.И. История государства и права России с конца XVII в. до начала XIX века: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 1998, С. 17–18.

[583] Томсинов В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М.: Зерцало, 2012. С. 10 и след.

[584] См. подробнее: Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. М.: изд-во «Ось-89», 2004. 224 с.; Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Изд. 5-е. М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. 476 с.; Чибиряев С.А. Указ. соч. С. 40 и след. и др.

[585] См. подробнее: Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период). М.: Мысль, 1974. С. 39 и след.; Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 184 с. и др.

параллели с конституционным статусом человека. К.П. Краковский использует выражение «элемент конституции», характеризуя институт независимой судебной власти и суд присяжных, введенный судебной реформой 1864 г.[586] Б.Н. Чичерин отмечает, что конституционный вопрос «был возбужден вслед за освобождением крестьян»[587]. Можно также указать на «приобщение» к институту местного самоуправления представителей всех сословий и подавляющего большинства субсословий страны; при этом практика деятельности ряда компонентов системы самоуправления была в своих основных чертах весьма схожа с практикой деятельности современного института самоуправления в России, включая некоторые существующие ныне в этой сфере правовые коллизии и нерешенные организационно-правовые вопросы[588].

Около полувека продолжалась как теоретическая, концептуальная работа над научной и правовой доктриной, так и определенная практическая работа, делались попытки создания соответствующих законопроектов.

Мы полагаем необходимым рассматривать в настоящей работе генезис в России не конституционной доктрины, а конституционной практики, т.е. разработку, принятие и введение в действие нормативно-правовых актов, сформировавших конституционный статус личности как политико-правовой феномен, как компонент системы правовых статусов человека. В этом аспекте мы полагаем целесообразным говорить о периоде 1861–1917 гг. Именно в эти хронологические рамки уложился, по нашему мнению, процесс зарождения и оформления в зрелом виде конституционного статуса личности в России. При этом в данном периоде можно выделить следующие этапы: 1) февраль 1861 г. – сентябрь 1905 г.; 2) октябрь 1905 г. – май 1907 г.; 3) июнь 1907 г. – февраль 1917 г.; 4) февраль 1917 г. –

---

[586] Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 22.

[587] Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_konstitucionniy_vopros.html (дата обращения: 25.04.2020).

[588] Антонова Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 6.

октябрь 1917 г. (третий этап частично, а четвертый этап целиком находятся за рамками рассматриваемого в настоящей работе исторического периода).

Таким образом, процесс формирования конституционно-правового статуса личности занял в России около 60 лет. Насколько соответствовала данная отечественная практика мировому опыту?

Обратимся к конституционной практике зарубежных стран. В качестве примера можно привести факты из истории государства и права Франции. Несмотря на раннее развитие просветительства и юриспруденции, несмотря на научное рассмотрение проблематики взаимоотношений публичной власти, общества и личности (последнее – с середины XVI в.), как полагают многие историки права[589], реальные признаки формирования конституционного статуса человека появились лишь в конце XVIII в. Как известно, именно этот период французской истории считается временем наиболее быстрого и последовательного движения от сословного строя к строю конституционному.

Сделаем следующий вывод, вытекающий из хронологии событий того времени[590] во Франции: только формирование правовой основы упразднения сословного строя и установление единого правового статуса французских подданных за-

---

[589] Слеженков В.В. Историческое развитие концепции правового государства во Франции: вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 3.

[590] В соответствии с декретом Учредительного собрания об уничтожении феодальных прав и повинностей от 11 августа 1789 г. См. подробнее: Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. Изд-во Моск. ун-та. 1987. С. 124; В соответствии с декретом Учредительного собрания об избирательных правах от 22 декабря 1789 г. См.: Декрет Учредительного собрания об избирательных правах от 22 декабря 1789 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы; [сост. Н.Н. Блохин]. М.: Госюриздат, 1957; В соответствии с декретами Учредительного собрания от 15 марта 1790 г. и от 15 мая 1790 г. [Электронный ресурс]. См.: Документы истории Великой французской революции: сб. материалов и документов. М.: изд-во МГУ, 1992. Т. 2. URL: http://istmat.info/node/27372 (дата обращения: 30.04.2018); В соответствии с декретом Учредительного собрания от 19 июня 1790 г. [Электронный ресурс]. См.: Захер Я.М. Французская революция в документах, 1789-1794 Л.: рабочее издательство «Прибой», 1926. URL: http://istmat.info/node/31671 (дата обращения: 30.04.2018); В соответствии с декретом Учредительного собрания от 16 февраля 1791 г. См.: Документы истории Великой французской революции: в 2-х томах / отв. ред. А.В. Адо. М.: изд-во МГУ, 1990. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://istina.msu.ru/publications /book/2936013/ (дата обращения: 30.04.2018).

няло более двух лет. Речь идет о ликвидации во Франции сословного правового статуса и формировании конституционного статуса личности. Формирование основанных на новых началах профессионального и отраслевого статусов продолжалось еще в течение нескольких лет.

При этом полного равенства политических прав не было установлено (вспомним хотя бы широко известное разделение французов на активных и пассивных граждан; А. Собуль применил выражение «цензовая организация политической жизни»)[591]. Такие политические права, как членство в Национальной гвардии и избирательное право, получили лишь активные граждане. Число активных граждан составляло в 1791 г. 4 298 360 чел. из общего населения Франции в 26 млн. чел.[592] Кроме этого, лишь меньшая часть активных граждан обладала пассивным избирательным правом и возможностью стать выборщиками или должностными лицами. Была установлена ступенчатая система выборов. Можно вспомнить и суровые оценки правового равенства, провозглашенного «буржуазными конституциями» со стороны представителей марксистской концепции[593].

Обратим также внимание на то обстоятельство, что принятие конституционного акта явилось едва ли не завершением процесса нормотворчества в области преобразования системы правовых статусов индивидов и социальных групп.

Вместе с тем, несмотря на все указанные обстоятельства, нет оснований не признавать факт установления во Франции на рубеже 1780–1790-х гг. конституционного строя и формирования конституционного статуса личности. При этом двумя ключевыми событиями с точки зрения правового закрепления стали принятие Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и принятие Конституции 1791 г. Полагаем, что о появлении во Франции конституционного статуса личности (с учетом аспекта его правового закрепления) можно говорить применительно к 1789 г. Именно на основе положений Декларации (с известными отступления-

[591] Собуль А. Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII века [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. 1963. №. 6. С. 43–58. URL: https://scepsis.net/library/id_1091.html (дата обращения: 02.09.2018).

[592] Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 115.

[593] Лапшина Л.П. Развитие учения о государстве и праве в работах Ф. Энгельса 80–90-х годов XIX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1989. С. 14–15.

ми) до принятия Конституции были разработаны, приняты и введены в действие нормативно-правовые акты, ликвидировавшие сословный строй и заложившие правовую основу новой организации французского общества. Другими словами, конституционный строй и конституционный статус личности появились во Франции еще до принятия первого конституционного акта.

Еще одна модель формирования конституционного строя и конституционного статуса личности представлена в истории государства и права Великобритании.

Как известно, формирование конституционного строя в Англии (в дальнейшем Великобритании) заняло значительный период времени[594]. При этом мы не разделяем высказанное в литературе мнение о зарождении конституции у англов и саксов во время завоевания ими Англии в середине V в. в форме «первых политических учреждений»[595]. Одним из наиболее значимых этапов на этом пути стала последняя четверть семнадцатого столетия. Напрямую права подданных королевства регламентируют несколько правовых актов. Сколько-нибудь подробный анализ содержания этих документов выходит за рамки настоящей работы, тем более что имеются многочисленные труды по данной проблематике[596]. Отметим лишь, что становление конституционного строя и формирование конституционного статуса личности в Англии (Великобритании) происходило параллельно с уменьшением сословных различий и не сопровождалось принятием конституционного акта как единого нормативно-правового документа. Более того, в Англии в отличие

---

[594] Дайси А.В. Основы государственного права Англии: Введение в изучение английской конституции. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1905. С. 27 и след.

[595] Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с приложением текста важнейших конституций / пер. под ред. А.С. Ященко; с предисл. М.М. Ковалекского. М.: изд. В.М. Саблина, 1905. 800 с.

[596] Дэниел К. Англия. История страны [пер. с англ.]. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 246–248; Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2010; Томсинов В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии. Статья первая // Правоведение. 2007. № 5. С. 135–152; Томсинов В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии. Статья вторая // Правоведение. 2007. № 6. С. 178–192; Томсинов В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии. Статья третья // Правоведение. 2008. № 1. С. 189–207 и др.

от Франции не было принято акта, провозглашавшего отмену сословий и сословных привилегий.

Четыре с половиной десятилетия занял процесс политико-правовой модернизации в Пруссии в первой половине XIX в., прежде чем он был «увенчан» конституционным актом. В.Г. Баев видит, по сути, начало прусского конституционализма в политике прусского короля Фридриха II[597]. Признав правоту данного мнения, мы «получаем» почти целое столетие развития «практического» конституционализма в стране без какого-либо конституционного акта.

Годы или даже десятилетия занял аналогичный процесс в других германских государствах[598]. В отечественной правовой литературе рассматриваются взгляды германских исследователей, в частности В. Райнхарда, которые акцентировали внимание на периоде развития германского конституционализма начиная с 1830-х гг., когда в полутора десятках германских земель были приняты октроированные конституциии с основными каталогами прав[599].

Не менее полутора десятилетий, даже если принять во внимание только время практических действий правительства, занял процесс создания конституционного акта в Японии в ходе революции Мэйдзи. В целом с момента начала модернизации и до момента вступления в силу Конституции Японской империи 1889 г. прошло более двадцати лет.

Несмотря на то, что разработка конституции 1912 г. в Китайской республике заняла всего несколько месяцев[600], но срок практических правительственных мер (в предшествующий Синьхайской революции период) измеряется несколько-

---

[597] Баев В.Г. Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 17.

[598] Боков Ю.А. Формирование избирательных прав германских граждан (1815–1918 гг.): дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003; Рассказов Л.П. Особенности формирования конституционного строя Германии и Франции в новое время: сравнительно-правовой анализ [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2013. № 94. С. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-konstitutsionnogo-stroya-germanii-i-frantsii-v-novoe-vremya-sravnitelno-pravovoy-analiz (дата обращения: 30.07.2018).

[599] Баев В.Г. Указ. соч. С. 4.

[600] Временная конституция Китайской республики (11 марта 1912 г.) [Электронный ресурс] // Конституционные акты Китая. Хрестоматия. Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 21–24.

ми годами. Мы имеем в виду императорские указы от 11 июня 1898 г., от 20 августа 1906 г., официально обнародованный 27 августа 1908 г. акт конституционного характера и другие меры.

Процесс подготовки и введения в действие целого ряда конституционных актов, в частности конституций в Чили (1818 г.), Колумбии (1822 г.), Мексике (1824 г.), Бразилии (1824 г.), Венесуэле (1830 г.), Сербии (Органический устав 1835 г.), Эфиопии (1931 г.), Таиланде (1932 г.) занял относительно короткое время, что, впрочем, вполне может быть объяснено конкретными историческими условиями того времени в названных странах. Скажем, в конституционном развитии Мексики важную роль сыграли не только революционные события 1810–1823 гг., но и имевшийся к тому времени опыт практического конституционализма Испанской республики и других стран[601].

В Аргентине после победы в национально-освободительной борьбе принятие конституционных актов проходило одновременно с непростым процессом создания единого государства и заняло несколько десятилетий.

Разработка, принятие в 1949 г. и введение в действие в 1950 г. Конституции Индии осуществлялись одновременно с обретением государственного суверенитета[602]. При этом на конституционную практику оказывали влияние как цивилизационные характеристики Индии, уходящие корнями вглубь тысячелетий, так и современные политические факторы[603].

Промежуточный вывод, который мы можем сделать по итогам рассмотрения примеров из зарубежной государственно-правовой истории, состоит в следующем формирование конституционного правового статуса человека не является одномоментным событием. Создание конституции является важным, но не един-

---

[601] Конституции государств Америки: В 3 т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1: Северная и Центральная Америка. М.: Ин-т зак-ва и сравнит правовед. при Правительстве РФ, 2006. С. 14; Селиванова И.В. Мексиканские конституционные проекты начала XIX века // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 81–91.

[602] Конституция Республики Индия //Конституции государств Азии: В 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 2: Средняя Азия и Индостан. М.: Ин-т зак-ва и сравнит правовед. при Правительстве РФ: Норма, 2010. С. 169 и след.

[603] Синхараджа Таммита-Дельгода Индия. История страны. М.: Эксмо, 2010. 357 с.

ственным и зачастую даже не первым действием в указанном процессе. При этом не существует и не может существовать никаких общих сроков формирования конституционного строя. Способ нормативного закрепления конституционного статуса человека, время появления конституционного акта определяются цивилизационными характеристиками и конкретно-историческими условиями.

Цивилизационные особенности той или иной страны оказывают воздействие на темпы, сроки и содержание законодательных мер. Влияние на конституционный процесс оказывают также иные факторы, включая факторы политического характера.

Начавшаяся в России в ходе реформ 60–70-х гг. XIX в. постепенная отмена сословных привилегий и сословных ограничений, способствовавшая частичному выравниванию правового положения различных социальных групп, потенциально могла привести к эволюционному способу ликвидации сословий и складывания конституционного статуса личности. Наибольшую роль сыграла в этом отношении крестьянская реформа. Уже современники отмечали сильнейшее воздействие на все стороны жизни российского общества освобождения крестьян от крепостной зависимости[604].

Выравнивание правового статуса российских подданных происходило путем ограничения или отмены исключительных прав дворян (т.е. при некотором уменьшении общего объема их прав) и путем предоставления новых прав представителям других сословий (т.е. при увеличении общего объема их прав). Другими словами, представители разных сословий постепенно получали в той или иной сфере общественной жизни права, которые ранее имело только одно сословие (в большинстве случаев – дворянское сословие).

Вместе с тем в ходе реформ 60–70-х гг. XIX в. обнажилось противоречие между сословным статусом и появившимися едиными для всех российских подданных правами. В частности, речь идет о членстве в сословных корпоративных

[604] Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_vstupitelnaya_lekciya_1861.html (дата обращения: 24.04.2023).

организациях как необходимом условии реализации некоторых прав, а также о правомочиях указанных организаций. Так, реализация права на поступление в военные и иные учебные заведения для представителей крестьян-общинников была возможна только при наличии согласия сельского общества, т.е. сословной организации. Исключение дворянина или крестьянина из состава соответственно дворянского или сельского общества делало невозможным его участие в судопроизводстве в качестве присяжного.

В итоге мы можем сделать вывод, что сословный статус продолжал доминировать над всеми другими видами правовых статусов. Появившиеся комплекс единых для всех подданных правовых норм и соответствующая правоприменительная практика не привели к формированию отдельного правового статуса наивысшего уровня, статуса, который занял бы в системе правовых статусов человека место над сословным статусом, статуса, который можно было бы определить в качестве конституционного.

С гибелью императора Александра II процесс «размывания» сословного строя потерял динамику на два десятилетия. Выравнивание правового статуса различных сословий продолжалось в основном в социально-экономической сфере[605].

Речь идет, в частности, о «рабочем (фабричном) законодательстве»[606]. Данное законодательство получило освещение в отечественной научной литературе[607]. Была осуществлена отмена на большей части территории Российской импе-

---

[605] Цитульский В.Ф. Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в России XVIII – начала XXI вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 24 и след.

[606] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб.: Гос. тип., 1886. Т. II. № 951; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 3 июня 1886 г. «По проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб.: Гос. тип., 1888. Т. VI. № 3769 и др.

[607] См.: Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Тип. А.С. Суворина, 1904; Цитульский В.Ф. Указ. соч. и др.

рии подушной подати[608]. Значение данной меры выходит за рамки налоговой сферы, ибо подать с самого ее введения имела сословный характер; обязанность уплаты подушной подати на протяжении более полутора столетий была признаком приниженного правового статуса определенных категорий населения. На протяжении двух последних десятилетий XIX в. отмена подушной подати была наиболее значительным шагом по пути снижения роли сословного статуса. Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. установило несословный характер налогообложения в торгово-предпринимательской сфере, что существенно сократило остававшиеся к этому времени права-привилегии сословия городских обывателей, прежде всего гильдейского купечества[609].

При продолжении постепенного сокращения сословных различий в экономической сфере в 80–90-е гг. XIX в. российский законодатель осуществил восстановление отдельных сословных преимуществ в административно-политической сфере. Речь идет прежде всего о потомственном дворянстве, а отчасти – о личном дворянстве. Так, потомственные дворяне получили монопольное право на занятие должности земского начальника (ст. 6–7 Положения о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г.)[610]. В виде исключения на вакантную должность земского начальника могло быть назначено лицо, не обладающее статусом потомственного дворянина, но только по решению министра внутренних дел Российской империи.

---

[608] Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о совершенном прекращении взимания подушной подати от 28 мая 1885 г. [Электронный ресурс]. URL: http://doc.histrf.ru/19/zakon-ob-otmene-podushnoy-i-preobrazovanii-obrochnoy-podatey/ (дата обращения: 24.04.2023); Высочайше утвержденное 19 января 1898 г. мнение Государственного Совета о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями, ст. I, II // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 14–22 и др.

[609] Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1901. Т. XVIII. № 15 601.

[610] Высочайше утвержденное Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. СПБ.: Тип. Вт. отд. С.Е.И.В. Канц., 1830. № 6 196.

Согласно ст. 28 Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. выборы уездных земских гласных производились потомственными и личными дворянами на отдельном собрании без участия представителей других сословий[611].

Органы дворянских губернских и уездных корпораций продолжали выполнять отдельные государственные полномочия.

Высшая государственная власть Российской империи продолжала считать сословную принадлежность одной из важнейших характеристик положения подданного, а сведения о сословной принадлежности – важными сведениями о нем. Нормативные документы первой всероссийской переписи населения 1897 г. предусматривали получение сведений о принадлежности к состоянию или сословию каждого подданного (п. 2 Высочайше утвержденного Положения о Первой всеобщей переписи населения Российской империи). При этом в состав губернских переписных комиссий должны были входить губернские предводители дворянства, а уездные переписные комиссии возглавлялись уездными предводителями дворянства (пп. 11–12 Положения)[612].

В первые годы двадцатого столетия крестьянство оставалось единственным сословием, в отношении представителей которого (исключая всех женщин, а также мужчин, занимавших выборные должности) предусматривались телесные наказания. Юридически это обосновывалось существованием сословных волостных судов, имевших свой арсенал мер наказания, включавший телесные наказания. Закон санкционировал также широкое использование в крестьянской среде норм обычного права.

Впрочем, в первые годы XX в. в условиях экономического кризиса и массовых протестных выступлений правительство России возобновило мероприятия по выравниванию правового статуса сословий. Исследователи обращают внимание

---

[611] Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1895. Т. X. № 6 927.

[612] Высочайше утвержденное Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи от 5 июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1899. Т. XV. № 11 803.

на изменение позиции правящей элиты. Так, А.С. Туманова и А.А. Сафонов пишут о том, что «революция 1905 г. стала действенным средством политического воспитания высшей бюрократии в русле конституционных идей», что «в правосознании правящего класса происходила смена политических парадигм»[613].

Эти модернизационные мероприятия проходили путем ликвидации дискриминационных положений в законодательстве и правоприменительной практике и путем предоставления сословиям с наименее высоким статусом, прежде всего – крестьянскому, прав, уже имевшихся у других сословий.

В марте 1903 г. была отменена круговая порука при уплате крестьянами податей, а в августе 1904 г. были отменены телесные наказания крестьян.

Изданный в июне 1904 г. закон ознаменовал поворот в правительственной переселенческой политике. Верховная государственная власть Российской империи перешла, хотя главным образом на уровне деклараций, к поддержке переселенческого движения сельских жителей[614]. А.А. Кауфман обращает внимание на основную идею закона, которая заключается в поддержке малоземельных крестьян из губерний Европейской части России[615].

В указе от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» верховная власть в лице императора Николая II признала неполноправность «крестьянского сословия», неполную обеспеченность равенства всех сословий перед судом, «стесненное» положение печатных средств массовой информации и провозгласила намерение принять меры по изменению сложившейся ситуации[616].

---

[613] Туманова А.С., Сафонов А.А. Правительственная бюрократия позднеимперской России и ее подходы к осуществлению гражданских свобод // Антиномии. 2016. № 3. С. 116–117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravitelstvennaya-byurokratiya-pozdneimperskoy-rossii-i-ee-podhody-k-osuschestvleniyu-grazhdanskih-svobod (дата обращения: 06.04.2020).

[614] Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев от 6 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1907. Т. XXIV. № 24 701.

[615] Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1905. С. 132.

[616] Именной высочайший указ Правительствующему сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Полное собрание законов Рос-

Существенное значение имела реформа религиозной политики. Она также была вызвана возрастанием нажима на верховную власть[617]. К началу XX в. только католическое население Российской империи насчитывало 10,5 млн. чел[618]. Численность татар и других тюркских народов составляла в конце XIX в. 14 млн. чел., численность евреев – 5 млн. чел.[619], численность «инородцев» – 8,3 млн. чел.[620] и т.д. Таким образом, десятки миллионов подданных испытывали те или иные ограничения в связи со своим вероисповеданием, поскольку, как отмечается в научной литературе, «множество проблем в сфере религиозных отношений упиралось в отсутствие равноправия конфессий и религиозных объединений перед законом»[621].

Реформа выразилась, в частности, в разработке указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»[622]. В дальнейшем правительство П.А. Столыпина разработало ряд новых законопроектов в этой области. Были подготовлены проекты «Правил об инославных и иноверных религиозных обществах», закона «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое», закона «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» и т.д. Рассмотрение процедуры принятия указа и его практической реализации, процедуры разработки иных законопроектов находится вне рамок предмета настоящего исследования. Тем не менее подчеркнем важность произо-

---

сийской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1907. Т. XXIV. № 25 495.

[617] Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПБ., 2008. С. 35.

[618] Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Указ. соч. [Электронный ресурс]. С. 37.

[619] История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2010. С. 63.

[620] Россия 1913 год… С. 219.

[621] Шершнёва-Цитульская И.А. Правовой статус Русской православной церкви в Российском государстве (1905–1945 гг.): монография. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, 2011. С. 36.

[622] Именной высочайший указ, данный Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 125.

шедших перемен для модернизации системы правовых статусов человека и формирования конституционного статуса личности в России.

Позиция главы Совета министров была заявлена им в письме на имя императора Николая II по «еврейскому вопросу», в котором П.А. Столыпин указал на необходимость соблюдения «начала гражданского равноправия», на избавление законодательства «от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений»[623]. П.А. Столыпин и возглавляемое им правительство исходили из обязательности выполнения всеми жителями государства независимо от вероисповедания «государственных требований». При этом Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел счел целесообразным прямо сослаться на зарубежный правовой опыт, указав на конституционное законодательство Пруссии[624].

Следующим шагом законодателя стало изменение некоторых ключевых норм государственного права. Эти нормы закреплялись действовавшим в тот момент Сводом основных государственных законов[625].

6 августа 1905 г. императором были подписаны Манифест «Об учреждении Государственной думы», «Учреждение Государственной думы» и «Положение о выборах в Государственную думу»[626]. Указанные правовые акты были подробно

---

[623] Письмо П.А. Столыпина Николаю II // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1917. № 5–6 (27–28). С. 3–4.

[624] Законопроект от 28 февраля 1907 г. № 1479 «Об отмене содержащемся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным вероисповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц» [Электронный ресурс] // Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 10. Д. 41. Л. 184–199. URL: https://stolypin.rgia.su/ (дата обращения: 14.04.2020).

[625] Свод основных государственных законов // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. I. Основные государственные законы. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

[626] Манифест «Об учреждении Государственной думы» от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 656; Высочайше утвержденное Учреждение Государственной думы от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 661; Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. //

исследованы представителями отечественных юридической и исторической наук, а также зарубежными учеными. Мы лишь отметим, что данные акты предусматривали создание общегосударственного органа, в формировании которого должны были принять участие представители различных сословий страны. Таким образом, законодатель приступил к созданию общего (всесословного) комплекса избирательных прав.

Таким образом, первые шаги по оформлению единого для всех сословий комплекса личных, политических и социально-экономических прав подданных российский законодатель сделал до осени 1905 г. Следует отметить, что эти шаги проводились, если можно так выразиться, в рамках «консервативного конституционализма» с точки зрения их содержания. Все меры проектировались и реализовывались силами государственного аппарата, практически без участия общественности, что называется, «сверху». Поэтому с учетом технологии проведения политико-правовых преобразований для характеристики идеологической платформы мер по реформированию правового статуса индивидов и социальных групп в самые первые годы двадцатого столетия можно применить термин «консервативный правительственный конституционализм». Именно этот термин характеризует сущность первого этапа складывания конституционного (государственно-правового) строя и конституционного (государствнно-правового) статуса личности в России с начала века вплоть до сентября 1905 г.

Обратим внимание на такое обстоятельство: большинство мер, несмотря на складывающуюся напряженную социально-политическую обстановку в стране, принималось после предварительной подготовки, после «проработки» вопроса в государственных органах. Об этом свидетельствуют архивные документы и источники личного происхождения[627] и др.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 662.

[627] См., например: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Плеве Вячеслав Константинович. Оп. 1. Д. 113; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Плеве Вячеслав Константинович. Оп. 1. Д. 251; Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Т. 1. – Берлин, Слово, 1923. С. 147 и след.

Идеология и практика преобразований 1901–1905 гг. предполагала сохранение сословности как важнейшего принципа общественной и политической жизни, сохранение приниженного правового статуса крестьянства (сельских обывателей), отсутствие конституции не только как фактора общественного сознания, но и как правового акта особой юридической силы и даже как официально признанного термина. Оценивая результаты данного процесса, мы констатируем отсутствие в России на момент начала осени 1905 г. конституционного статуса личности и сохранение ведущего положения в системе правовых статусов человека за сословным статусом.

Общественное движение в России способствовало дальнейшему развитию конституционализма в «практической плоскости». Начался второй этап генезиса конституционного статуса личности.

Вместе с развитием конституционной практики, в процессе её теоретического осмысления, опережая ее в своих практических рекомендациях, в России развивалась теория конституционализма. В первые годы двадцатого столетия конституционализм как идеология вступил в России в новый этап своего развития. Активно формировалась конституционная доктрина. Важную роль при этом играла научная деятельность правоведов А.С. Алексеева, В.М. Гессена, И.В. Гессена, П.П. Гронского, М.М. Ковалевского, Ф.Ф. Кокошкина, Н.М. Коркунова, С.А. Корфа, С.А. Котляревского, В.Д. Кузьмина-Караваева, Н.И. Лазаревского, А.Ф. Мейендорфа, С.А. Муромцева, Б.Э. Нольде, Л.И. Петражицкого и других. Многие из юристов начала XX в. воспользовались возможностью практического применения своих научных воззрений на ниве государственной и общественно-политической деятельности, а также на ниве правового просвещения.

Трактовка правоконсервативными государствоведами-монархистами российского конституционализма (национально-государственной идеи) и реформ по изменению социально-политической организации страны в начале XX в. рассматривается в ряде научных работ[628].

---

[628] Давиденко А.В. Черносотенные интерпретации учредительных актов думской монархии // Михайлова Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права: науч. изда-

В 1905–1906 гг. в России произошли события, завершившиеся разработкой и изданием двух важнейших правовых документов: Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.) и новой редакции Основных государственных законов (23 апреля 1906 г.)[629].

Манифест 17 октября 1905 г. имеет самостоятельное значение в качестве одного из ключевых компонентов правовой основы конституционного статуса личности. Его издание послужило толчком для принятия целого ряда правовых актов, несколько нивелировавших сословные различия и создавших правовой механизм реализации личных и политических прав подданными Российской империи. В частности, в развитие положений Манифеста были опубликованы 24 ноября 1905 г. Временные правила о повременных изданиях[630]. Указом от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» было изменено избирательное законодательство в направлении его демократизации. Издание этих актов явилось важным этапом на пути формирования конституционно-правовой практики и формирования конституционного статуса личности[631].

В дальнейшем были приняты нормативно-правовые акты о новом статусе Государственной думы и Государственного совета[632]. Эти документы также подробно исследованы в научных трудах[633].

ние. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 667 и след.

[629] Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип.,1908. Т. XXV. № 26 803; Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 805.

[630] Именной высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 962.

[631] Именной высочайший указ, данный Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 27 029.

[632] Манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 423; Высочайше утвержденное Учре-

Создание законодательных органов существенно повлияло на политико-правовую практику Российской империи. Одно из ключевых изменений заключалось в новом формате взаимодействия исполнительной и законодательной властей: диалог правительства с депутатами разворачивается в публичном пространстве[634].

3 ноября 1905 г. Манифестом «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» и изданными в этот же день двумя указами Сенату выкупные платежи за надельную землю, выплачиваемые бывшими помещичьими, государственными и удельными крестьянами, уменьшались в два раза с 1 января 1906 г. и отменялись полностью с 1 января 1907 г.; одновременно улучшались условия получения крестьянами ссуд Крестьянского поземельного банка[635]. Положения данных нормативно-правовых актов, формально относившиеся к имущественной сфере и к отрасли гражданского права, имели определенное значение для формирования конституционного статуса личности в целом. Во-первых, выкупные платежи, установленные крестьянской реформой 1861 г., выплачивались именно представителями сословия сельских обывателей, т.е. были

ждение Государственной думы от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 424; Именной высочайший указ, данный Сенату «О переустройстве Учреждения Государственного совета» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип.,1909. Т. XXVI. № 27 425.

633 См., например: История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества / К.А. Соловьев, В.В. Шелохаев. – М.: Изд. Государственной Думы, 2013, 240 с.; Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма. – СПб.: Лики России, 2006. 416 с. и др.

634 Соловьев К.А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 156.

635 Манифест «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» от 3 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 871; Именной высочайший указ, данный Сенату «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных» от 3 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип.,1908. Т. XXV. № 26 872; Именной высочайший указ, данный Сенату «Об облегчении задачи крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» от 3 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1908. Т. XXV. № 26 873.

одним из индикаторов особого правового положения крестьянства. Во-вторых, долг по правительственной ссуде, погашавшийся как раз выкупными платежами, являлся юридическим и финансовым препятствием для реализации крестьянами некоторых прав. Тем не менее следует подчеркнуть, что не стоит переоценивать значения данного нормативно-правового акта для ликвидации правовых ограничений, установленных для крестьянства как сословия.

Среди всех законодательных актов, принятых осенью 1905 – весной 1906 гг., наибольшее значение имели Основные государственные законы, занявшие особое место в системе нормативно-правовых актов Российской империи. Соответственно, встает вопрос о правовой оценке Свода основных государственных законов в аспекте признания его в качестве конституционного акта.

В силу целого ряда причин, рассмотрение которых явно выходит за рамки настоящей работы, вопрос о первой российской конституции является политизированным и идеологизированным. Мы уже рассматривали основные точки зрения, сформулированные в отечественной историографии по данному вопросу[636].

В советской научной, а также в научно-популярной и учебной литературе существовала одна концептуальная позиция о появлении первого отечественного конституционного акта лишь после событий октября 1917 г. Соответственно, в качестве первого конституционного акта рассматривалась чаще всего Конституция РСФСР 1918 г.; а иногда – иные нормативно-правовые акты, прежде всего – Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.).

Между тем в отечественной правовой литературе начала XX в. сформировалась точка зрения на Свод основных государственных законов как на акт конституционного характера. Так, Н.И. Лазаревский отмечает, что и по общему характеру своего содержания, и по тому, что они отличаются по своей юридической природе от остальных законов особо затруднительным условием своего пересмотра, Основные Законы 23 апреля 1906 г. вполне подходят под тип конституци-

---

[636] Смирнов С.Н. К вопросу о генезисе конституцинного статуса человека в отечественной правовой системе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 33. С. 44 и след.

онных законов, как он выработан практикой западных держав[637]. Этот же вывод Н.И. Лазаревский повторил в своем труде в 1917 г., т.е. после коренной перемены политической обстановки в стране[638]. Другими словами, этот вывод ученого можно считать свободным от влияния каких-либо внешних, находящихся за пределами науки обстоятельств.

Вместе с тем вряд ли подлежит сомнению то обстоятельство, что Свод основных государственных законов Российской империи в редакции 1906 г. не получил полной и, самое главное, объективной оценки. Безусловно, тому есть объяснение.

Все те новации, которые законодатель решился внести в текст Свода весной 1906 г., были у него буквально «вырваны» обществом осенью 1905 г. Свод явился своего рода итогом бурного процесса законотворчества 1905–1906 гг., отмеченного провозглашением Манифеста 17 октября 1905 г., указов об учреждении Государственной думы и Государственного совета и др.[639]

Естественно, что демократические политические силы рассматривали эти уступки как минимально необходимые, а сама верховная государственная власть – как максимально возможные. При этом законодатель постарался «косвенным образом» снивелировать глубину и последствия законодательных новаций – отсюда пресловутое преобразование Государственного совета в верхнюю палату, отсюда сохранение определения «самодержавный» по отношению к императору и т.п.

Вспомним и еще об одном обстоятельстве: почти сразу после введения в действие Свода его положения были нарушены самим императором. Избирательная система была изменена в одностороннем порядке, без участия Государствен-

---

[637] Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право [Электронный ресурс]. СПб.: тип. СПб. АО «Слово», 1908. С. 122. URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/286/ (дата обращения: 30.04.2018).

[638] Лазаревский Н.И. Русское государственное право… С. 164.

[639] Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. С. 180 и след.; Исаев И.А. История государства и права России… 1996. С. 296 и след.; Его же. История государства и права России… 2006. С. 173 и след.; Мухаев Р.Т. История государственного управления в России… С. 302 и след.; Хрестоматия по конституционному праву Российской Федерации / сост. д-р юрид. наук Ю.Л. Шульженко. М.: Юристъ, 1997. С. 714 и след.

ной думы. Кроме того, через десять с небольшим лет после принятия Свод утратил юридическую силу.

Все вышеуказанные факторы в сочетании со многими другими влияли на оценку Свода основных государственных законов в контексте его признания или непризнания документом конституционного характера.

Мы уже констатировали тот факт, что рассмотрение Свода как правового акта в течение десятилетнего периода его действия производилось чаще всего с конкретными политическими целями[640]. При этом рассмотрение носило преимущественно критический характер. Критика Свода производилась как с крайне левых, так и с крайне правых позиций. Например, определение Основных государственных законов как «законодательное нагромождение» прозвучало в устах исследователя-монархиста. Понятно, что используемое им выражение «так называемая конституция» являлось негативным ярлыком, а не объективным научным выводом[641].

В официальной советской историографии (и мы уже говорили об этом выше) этот документ по определению не мог рассматриваться в положительном ключе.

Однако уже в середине XX в. были высказаны аргументы против указанного выше мнения. В.В. Леонтович, исследуя в годы своей эмиграции проблемы российской истории, признал за Сводом основных государственных законов значение конституционного акта, более того, он называл его Конституцией 1906 года и отмечал, что в России был введен конституционный строй[642].

В постсоветский период точка зрения о невозможности определения Свода основных государственных законов в редакции 1906 г. в качестве конституции сохраняется и аргументируется. Так, О.А. Кудинов полагает, что назвать Основ-

---

[640] Смирнов С.Н., Любина Т.И. Свод основных государственных законов Российской империи (редакция 1906 г.) как первая отечественная конституция: взгляд через призму правового статуса человека // Вестник Тверского государственного уеиверситета. Серия «Право». 2009. № 15. С. 157.

[641] Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 года [Электронный ресурс]. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tikh/tikh7.htm (дата обращения: 12.02.2018).

[642] Леонтович В.В.Указ. соч. С. 355 и след.

ные государственные законы от 23 апреля 1906 г. в полной мере конституцией нельзя, ибо такие основополагающие принципы конституционализма, как народный суверенитет и разделение властей, в указанном нормативном акте отсутствовали[643].

Тем не менее в последние годы определение Свода основных государственных законов как первой российской конституции стало достаточно распространенным. Правда, обращает на себя внимание следующее обстоятельство: эти определения присутствуют прежде всего в справочной и научно-популярной литературе[644]; зачастую данные сопровождаются оговорками. Тем не менее в современной российской научной литературе также все чаще высказываются мнения о более продолжительной (нежели с 1918 г.) истории отечественной конституции.

И.П. Климов, анализируя проекты актов конституционного характера, разрабатывавшихся в России с начала XIX в., отмечает высокий уровень отечественной правовой мысли. Он называет Основные государственные законы 1906 г. первой российской конституцией[645].

А.С. Смыкалин определяет Свод основных государственных законов в редакции 1906 г. как прообраз будущей Конституции России, как продукт сложной политической борьбы в российском обществе, что в итоге положило начало отечественному конституционализму. Одновременно он отмечает, что можно вести речь об «ограниченной конституционной монархии»[646].

---

[643] Кудинов О.А. Конституционные реформы в России в XIX – начале XX вв.: монография / О.А. Кудинов; ред.: Малыгин А.Я.; Ин-т молодежи. М.: Социум, 2000.

[644] См., например: Основные законы 1906 г. представляют собой законодательный акт, который подвел итог проведенной в 1905-1906 гг. реформы государственного строя России и являлся конституцией Российской империи на последнем этапе ее существования: Основные государственные законы 1906 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. URL: http://музейреформ.рф/node/13696 (дата обращения: 30.04.2018).

[645] Климов И.П. К истории разработки и принятия первой российской конституции (дискуссионные вопросы) [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.utmn.ru /sociology /vypuski-arhiv/pravo/2014/109872/ (дата обращения: 11.04.2018).

[646] Смыкалин А.С. Свод основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. – начало развития отечественного конституционализма [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svod-osnovnyh-gosudarstvennyh-zakonov-ot-23-aprelya-1906-g-nachalo-razvitiya-otechestvennogo-konstitutsionalizma (дата обращения: 29.04.2018).

В качестве первой российской конституции определяет Основные государственные законы в редакции 1906 г. А.П. Яцкова[647]. Правовым актом ранга конституции называет Основные государственные законы 1906 г. Ю.Ю. Веревкина[648]. Полагает, что Основные законы 1906 г. «можно считать первой российской конституцией» Ю.Л. Шульженко[649].

В известном смысле Свод основных государственных законов в редакции 1906 г. как акт конституционного характера стоит в одном ряду с другими октроированными конституциями. На протяжении девятнадцатого столетия были октроированы конституционные акты в ряде государств Европы, Южной Америки. В качестве примеров можно привести Конституционную грамоту Баварии 1808 г. и Конституционный акт Баварии 1818 г., изданные королем Максимилианом Иосифом I, Конституционную хартию Франции 1814 г., изданную королем Людовиком XVIII, Конституцию 1824 г. Бразильской империи[650] и др. Довольно широко октроирование применялось в различных странах и в последующие исторические периоды.

Собственно говоря, для октроированных конституций действия верховного законодателя по сохранению за монархом (главой государства) основных властных полномочий являются распространенной практикой, что называется, общеизвестным фактом[651].

Несмотря на октроированный характер многих германских конституций первой половины XIX в., В.М. Гессен пишет применительно к Германии о кон-

---

[647] Яцкова А.П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

[648] Веревкина Ю.Ю. Указ. соч. С. 7.

[649] Шульженко Ю.Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность [Электронный ресурс] // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dorevolyutsionnaya-otechestvennaya-nauka-gosudarstvennogo-prava-i-sovremennost (дата обращения: 06.04.2020).

[650] Сикейра Ж. Историческая конструкция бразильского государства // Латиноамериканский исторический альманах. 2019. № 23. С. 121.

[651] Октроированная конституция [Электронный ресурс] // Энцикл словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/74568/%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 30.04.2018).

ституционной доктрине, конституционном праве и называет указанные акты конституциями[652]. Л.П. Рассказов полагает возможным применение термина «конституционный строй» по отношению к этим государствам[653]. А.Д. Градовский, давая характеристику первой половине XIX в. как времени, когда в Европе «конституционные учреждения были в области пожеланий более, чем в действительности», тем не менее признает практический конституционализм фактом правовой действительности Старого Света[654].

Октроированные конституции в государствах с абсолютной монархией как формой правления С.Ю. Кашкин не считает «конституциями в полном смысле этого слова, поскольку они не ограничивают власть монарха»[655]. Однако мы полагаем, что данный вывод неприменим к российскому Своду основных государственных законов 1906 г., как, впрочем, и ко многим другим октроированным конституциям. Факт единоличного принятия монархом конституционного акта не перечеркивает конституционное значение последнего. Так, В.Г. Баев подчеркивает (на примере Германии), что дарованная конституция «была выражением воли абсолютного монарха, но это была его последняя воля как абсолютного монарха»[656]. В момент вступления в силу конституции абсолютная власть монарха становится в той или иной мере ограниченной.

Формально-юридический анализ Свода основных государственных законов в редакции 1906 г. не входит в предмет исследования настоящей работы, поэтому мы ограничимся несколькими краткими замечаниями, сделав акцент на регулировании нормами свода правового статуса человека.

Какие же сущностные характеристики «делают» нормативно-правовой акт конституцией? В юридической литературе в качестве таковых отмечаются особое

---

[652] Гессен В.М. Основы конституционного права / В.М. Гессен; сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 68.
[653] Рассказов Л.П. Особенности формирования конституционного строя Германии и Франции… С. 10
[654] Градовский А.Д. Указ. соч. С. 350–351.
[655] Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник: в 4 т. Т. 2, отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1995. С. 4.
[656] Баев В.Г. Указ. соч. С. 23.

место конституции в системе права, определенные особенности содержания, особые юридические свойства. К этим же характеристикам относят также и особую роль конституционного акта в правосознании общества.

Относительно особого места и особой роли Основных государственных законов в системе права и правосознании российского общества того времени вряд ли могут быть какие-либо сомнения. Правда, утверждать, что общество трактовало Свод (в редакции 1906 г.) именно как конституционный акт в естественно-правовом ключе, невозможно. В связи с этим утверждение П.Б. Струве, что «конституция стала фактом национального правосознания», требует корректировки. Тем не менее следует согласиться с А.Д. Поповой, которая на примере восприятия феномена самоуправления в сознании россиян в годы первой революции пишет, что «общественное сознание начало осознавать ценность таких атрибутов гражданского общества, как равенство всех перед законом, всеобщее избирательное право, отказ от сословности и замена ее всеобщим единым гражданским статусом»[657].

Особые юридические свойства Основных государственных законов обеспечиваются как их высшей юридической силой, так и особым порядком изменения. Законодательная инициатива об изменении Основных государственных законов (в отличие от других законодательных актов) была прерогативой императора (ст. 8). Таким образом, присутствуют все необходимые «формальные» характеристики Основных законов как конституционного акта, кроме одной – наименования. Впрочем, конституционная доктрина не придает наименованию основного закона страны решающего значения при оценке его правовой природы. В мировой истории права имеются многочисленные примеры использования различных наименований для обозначения основного закона страны. Причем эти примеры относятся к государствам с разными формами правления и разными политическими режимами: «конституция», «конституционный акт», «конституционная хартия», «основной закон», «орудие управления», «статут», «правительственный устав» и

[657] Попова А.Д. Самоуправление и его восприятие как инструмента демократии в сознании россиян в период первой русской революции // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 93.

т.д.[658] Общеизвестна ситуация с наименованием конституционных актов в Австралии, Великобритании, Канаде и некоторых других зарубежных странах[659]. Известна конструкция конституции Франции времен Третьей республики[660].

Наличие особых юридических свойств у Свода основных государственных законов Российской империи в редакции 1906 г. представляется несомненным, что доказывает тезис о том, что данный нормативно-правовой акт является первой конституцией в истории России.

Примем во внимание позицию Б.А. Страшуна, который, размышляя о сущности конституционного права, о фундаменте идеологии конституционализма, отмечает, что «независимо от национальных наименований» конституция – это не наименование, а гарантия прав человека и разделение властей.[661]

Основные государственные законы в редакции 1906 г. урегулировали правовой статус российских подданных и иностранцев, выполнив одну из функций конституционного акта. Насколько положения Свода соответствовали теории и практике конституционализма того времени?

Непосредственно «правам и обязанностям российских подданных» была посвящена восьмая глава. Она насчитывала 15 статей. Кроме того, в других главах Свода имелись положения, регулировавшие некоторые аспекты правового статуса человека, прежде всего – политические права.

Права и обязанности в Своде основных государственных законов были сформулированы применительно к российским (русским) подданным (ст. 70, 71, 76, 78, 80, 81) и ко всем людям без указания их подданства (гражданства), сословной принадлежности, должностного положения (ст. 72, 73, 74, 75, 79). Во втором случае законодатель использует соответствующую терминологию: «никто не мо-

---

[658] Всеобщая история государства и права…; Мухаев Р.Т. История государства и права зарубежных стран…; Рубаник В.Е. История государства и права зарубежных стран…

[659] Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М.: Юр. лит., 1993. 256 с.

[660] К слову говоря, докладывая Национальному собранию о проекте одного из конституционных законов, депутат Вентавон отметил, что речь идет не о конституции. См.: Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции 1870–1918. М.: изд-во «Мысль». 1986. С. 135.

[661] Страшун Б.А. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал российского права. 2006. № 10 (118). С. 121.

жет подлежать преследованию…» (ст. 72), «жилище каждого неприкосновенно…» (ст. 75) и т.д.

В итоге правовому урегулированию подверглись личные, политические и в меньшей степени социально-экономические права россиян. Общий их перечень был не слишком широким. Впрочем, количество статей основного закона, посвященного регулированию правового положения граждан (подданных), также, как объем их текста, является количественным, а отнюдь не качественным показателем, причем показателем, не имеющим решающего значения.

Общеизвестен факт весьма незначительного текстуального присутствия положений о закреплении и защите прав гражданина в первоначальном тексте Конституции США. «Обошла стороной» вопрос декларирования прав человека конституция Третьей республики во Франции. В тексте конституционных и органических законов 1875 г. отсутствует и отсылка к Декларации прав человека и гражданина. Такая юридическая конструкция определяется соображениями политического и правового порядка. На эти соображения есть указания в научной литературе[662]. Политические, личные и социально-экономические права французских граждан стали регулироваться несколько позже на уровне обычных законов. Естественно, что данное обстоятельство не отменяет самого факта отсутствия перечня прав граждан в тексте конституционных законов Франции того времени.

Практически отсутствуют положения о правах жителей Германии в тексте Конституции Германской империи 1871 г.[663] Правда, это обстоятельство также можно объяснить: в условиях федеративной формы государственного устройства конституционно-правовое оформление прав жителей Германии возможно осуществить на уровне субъектов федерации. Хотя и в конституционных актах германских государств перечень провозглашенных прав человека мог быть весьма неширoким. Так, в Конституционной грамоте Королевства Бавария 1808 г. закреп-

[662] См., например: Антюхина-Московченко В.И. Указ. соч. С. 111 и след.; Бочкарев С.В. Сущность и особенности французских Конституционных законов 1875 г. // Правоведение. 2000. № 4.

[663] Конституция Германской империи от 16 апреля 1871 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы; сост. Н.Н. Блохин. М.: Госюриздат, 1957. С. 558–576.

лялись всего несколько прав подданных: безопасность личности, безопасность собственности, свобода совести, свобода печати, право на занятие государственных должностей (параграф 7)[664]. Не является широким и перечень прав подданных, закрепленных в Конституционном акте великого герцогства Баденского 1818 г., несмотря на наличие в соответствующей главе девятнадцати параграфов. При этом ряд положений сопровождается оговорками[665]. 17 параграфов содержал отдел III «Об общих правах и обязанностях подданных» Конституции Королевства Саксонии 4 марта 1831 г.[666]

Конечно, имелись в Германии и примеры обратного порядка. Так, в Конституционной хартии Королевства Пруссия 1850 г. правам подданных был посвящен II титул «О правах пруссаков», насчитывавший 34 пункта. Впрочем, не все положения указанного титула перечисляли права подданных. Тем не менее объем провозглашенных конституцией Пруссии прав был весьма существенным[667].

Как бы то ни было, примем к сведению факт: статьи Основных государственных законов Российской империи (в редакции 1906 г.), посвященных правам и обязанностям подданных, вполне вписываются в практику конституционного регулирования государств того исторического периода.

Однако присутствие в тексте Основных государственных законов положений, закрепляющих правовой статус человека помимо характеристик «количественного порядка», имеет характеристику «качественного порядка»: законодатель признал ценность данного политико-правового института. Значит, как отмечается в правовой литературе, ценностно-нормативная система общества, получив

---

[664] Конституционная грамота Королевства Бавария 1808 г. [Электронный ресурс] // Конституция Баварии 1808 года / вст. ст. и перевод О.А. Омельченко. 2006 URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1227029 (дата обращения: 02.06.2018).

[665] Конституционный акт великого герцогства Баденского 1818 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII – XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. С. 484–497.

[666] Конституция Саксонии 4 марта 1831 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы; сост. Н.Н. Блохин. М.: Госюриздат, 1957. С. 497–519.

[667] Конституционная хартия Пруссии от 31 января 1850 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio60/ (дата обращения: 08.09.2018).

конституционное оформление, оказывает на общество обратное воздействие посредством институциональной системы[668].

В тексте Свода основных государственных законов применительно к правам подданных имели место оговорки и ограничения (ст. 79: «каждый может в пределах, установленных законом, высказать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами»; ст. 80: «российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам» и пр.).

Вместе с тем следует подчеркнуть главное: указанные законодательные положения носили неимитационный характер, были рассчитаны на реальное использование. Политико-правовая практика подтверждает, как мы полагаем, данный вывод. В России после 1905 г. изменилась политическая система общества и существенным переменам подвергся правовой статус различных групп населения[669].

Рассмотрим некоторые вопросы практической реализации законодательных постановлений в первое десятилетие действия новой редакции Свода основных государственных законов. Нас прежде всего интересует аспект сохранения роли сословного статуса в сфере политических прав человека.

Под влиянием положений Манифеста 17 октября 1905 г. и Свода основных государственных законов в редакции 1906 г. принципиально изменилась политическая система общества. Был создан общегосударственный представительный законодательный орган – Государственная дума. Соответственно, часть населения России получила активное и пассивное избирательное право при проведении выборов в Думу.

---

[668] Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 15.

[669] См. подробнее: История России XX – начала XXI века / под ред. Л.В. Милова. С. 140 и след.; Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Смирнов С.Н. История отечественного государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 194 и след.

К принципам избирательной системы, установленным законодательством 1905–1907 гг., относят, помимо иных, многоступенчатость выборов и совмещение сословного начала с бессословным[670].

Выборы проводились по губерниям и областям, а также по городам. При этом в рамках выборов по губерниям и областям первоначально предписывалось формирование трех курий: землевладельческой (официальное наименование – съезд уездных землевладельцев), городской (официальное наименование – съезд городских избирателей), крестьянской (официальное наименование – съезд уполномоченных от волостей и станиц). Четвертая, рабочая курия (официальное наименование – съезд уполномоченных от рабочих), была создана на основании Указа об изменении положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений от 11 декабря 1905 г.

Из четырех курий только крестьянская курия может быть признана сословной. В эту курию входили выборные из числа крестьян, принадлежавших к составу сельских обществ (ст. 17 Положения о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г.). В Астраханской, Оренбургской губерниях и в области Войска Донского помимо съездов уполномоченных от волостей созывались съезды уполномоченных от станиц казачьих войск (ст. 18 Положения о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г.).

В состав землевладельческой курии включались владельцы земли и иной недвижимости (кроме торгово-промышленных предприятий) на праве собственности, пожизненного владения, посессионного права, арендаторы земли, управляющие имениями. Другими словами, помимо дворян-землевладельцев, в состав курии входили представители других сословий. Так, в соответствии с п. «д» ст. 12 Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. в съезде уездных землевладельцев участвовали уполномоченные от священнослужителей, владевших в уезде церковной землей.

---

[670] Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917 [Электронный ресурс]. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DUMA/INTRO.HTM (дата обращения: 08.09.2018).

Городская курия формировалась на бессословной основе, т.е. из представителей всех сословий, отвечавших установленным цензам (ст. 19 Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., ст. 1 Указа «Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г.). Разделение избирателей внутри города проводилось не по сословной принадлежности, а по территориальному принципу – по границам полицейских участков (ст. 20 Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г.).

На завершающем этапе выборов депутатов Государственной думы по губерниям и областям формировались избирательные собрания с участием представителей всех сословий. Можно определить правовую природу этих собраний как всесословную.

В итоге, согласно действовавшему в 1905–1906 гг. законодательству избирательные права на общегосударственном уровне получили представители всех четырех сословий России в различных регионах. Все сословия получили возможность участия в формировании общегосударственного органа государственной власти. Существование избирательных цензов, в частности, имущественного ценза, серьезно ограничивали возможность пользования политическими правами. Правда, сам по себе факт существования имущественного ценза не свидетельствует об отсутствии реально функционирующей избирательной системы в условиях начала двадцатого столетия.

В июне 1907 г. произошли события, получившие в значительной части научной историографии оценку в качестве государственного переворота. Эти события связаны с роспуском III Государственной думы и изменением избирательного законодательства. Сколько-нибудь подробное рассмотрение июньских событий 1907 г. не является задачей настоящей работы.

Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г., уменьшив влияние бессословного начала, усилив влияние сословного начала, перераспределив депутатские мандаты в пользу землевладельческой курии, тем не менее полностью не изменило правовую природу избирательного процесса. По приводи-

мым В.А. Дёминым подсчетам, после изменения избирательного закона в июне 1907 г. землевладельцы контролировали примерно 63% голосов, крестьяне – около 20%[671]. Тем не менее в формально-юридическом смысле по-прежнему все сословия участвовали в формировании общегосударственного органа государственной власти – Государственной думы.

Выборы в Государственную думу не были прямыми, а избирательное право не было всеобщим и равным. В избирательном законодательстве существовали дискриминационные по отношению к различным категориям населения положения. Однако часть населения России, состоящая из представителей всех сословий, получила избирательные права на общегосударственном уровне и возможность участия в формировании одного из центральных органов власти. Таким образом, мы можем сделать вывод о формировании в России некоторых прав человека конституционного характера.

Поскольку главными требованиями массовых протестных акций 1905 г. были требования политические, постольку и уступки были сделаны самодержавной властью осенью 1905 – весной 1906 г. в политической сфере, т. е. затронули политические права. Сфера личных и социально-экономических прав была затронута в гораздо меньшей степени. В качестве одного из немногочисленных примеров можно привести Временные правила о собраниях, относительно которых в научной литературе присутствует определение в качестве «паллиативного документа»[672]. Соответственно, формирование комплекса существенных по объему и равных для всех жителей политических прав проходило в условиях сохранения сословного общества. Значит, принятие Манифеста 17 октября и новой редакции Свода основных государственных законов не решило полностью (и не могло решить) вопроса генезиса конституционного статуса личности. Действительно, осенью 1905 г. – летом 1906 г. вне правового конституционного поля (в аспекте ряда норм, регулирующих правовой статус личности) находилось большинство насе-

---

[671] Демин В.А. Правовые основы выборов в Государственную Думу Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://www.rcoit.ru /elect_history /state_duma_russian_empire /16745/ (дата обращения: 03.06.2018).

[672] Туманова А.С., Сафонов А.А. Указ. соч. С. 124.

ления Российской империи, поскольку оно было включено в сословие сельских обывателей.

В частности, сословие сельских обывателей по-прежнему было ограничено в личных, политических и социально-экономических правах. Обязательная приписка к сельскому обществу лишала крестьянина возможности свободного выбора места жительства, выбора рода занятий. Надельный статус крестьянской земли и общинный характер землевладения и землепользования не позволяли крестьянину осуществлять правомочия владения и распоряжения в отношении главного своего материального блага.

Выравнивание объема личных и социально-экономических прав становилось первоочередным пунктом повестки дня политико-правового развития страны. В первую очередь речь шла о крестьянском сословии как страте с наименьшим объемом личных и социально-экономических прав.

Следующий, после октября 1905 г. и апреля 1906 г., важнейший шаг в направлении генезиса реального конституционализма был сделан в России в октябре – ноябре 1906 г. Речь идет о принятии двух важнейших для крестьянского сословия правовых актов: указа от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» и указа «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г.[673]

Согласно указу от 5 октября 1906 г. крестьяне получали свободу избрания места жительства и связанное с этим право на получение бессрочных паспортных книжек; право на поступление на государственную гражданскую службу и в учебные заведения без разрешения сельского общества; право на поступление в белое духовенство и пострижение в монашество без согласия сельского общества,

[673] Именной высочайший указ, данный Сенату «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 392; Именной высочайший указ, данный Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 528.

согласия казенной палаты и без разрешения губернатора; право на вступление в новое сельское общество без увольнения из состава прежнего общества; право на выход (с определенными условиями) из состава сельского общества. Отменялись взимание подушной подати и круговая порука при уплате налогов и сборов в тех местностях, в которых это не было сделано ранее; подтверждалась отмена телесных наказаний; упразднялись принудительные общественные работы и некоторые другие специфические меры наказания, применявшиеся к крестьянам. В сфере избирательных прав указ несколько демократизировал процедуру проведения выборов и, следовательно, укрепил самостоятельность крестьян в пользовании политическими правами.

Мы согласны с имеющимися оценками значения указа следующего порядка: Указ 5 октября 1906 г., с одной стороны, как раз и ликвидировал архаичную систему разного рода ограничительных мер, приводивших к вопиющей гражданской и политической неполноправности, а также к ущемлению личного достоинства крестьян, а с другой – предоставлял крестьянам широкий круг прав, уравнивающих их в положении с другими категориями населения, в том числе и с дворянством (в отношении государственной службы)[674].

Указ от 9 ноября 1906 г., определяя порядок установления единоличной собственности крестьян-домохозяев на участки общинной земли, находившиеся в пользовании крестьянских семей, по сути, создавал механизм практической реализации личных прав крестьян, провозглашенных в указе от 5 октября 1906 г. Укрепление участков надельной земли в личную собственность с официально признанной возможностью их продажи и передачи в залог под банковский кредит создавало материальную базу для изменения места жительства или рода занятий. Иначе говоря, указ от 9 ноября 1906 г. позволял представителям крестьянского сословия освободиться «от оков общины»[675]. Тем самым указ от 9 ноября 1906 г.

---

[674] Могилевский К.И. Права и свободы [Электронный ресурс]. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=111 (дата обращения: 02.07.2018).

[675] Шубинской Н.П. Памяти П.А. Столыпина. М.: СП «ИНТЕРБУК» 1990. С. 23.

завершил преобразование сельского общества как корпоративной организации крестьян на новых началах, началах добровольности.

Указ Сенату от 15 ноября 1906 г., сохранив запрет на передачу надельной крестьянской земли в залог частным лицам, урегулировал порядок предоставления Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельной земли[676]. По сути, данный нормативно-правовой акт создал механизм реализации ряда положений указов от 5 октября 1906 г. и от 9 ноября 1906 г.

Таким образом, указы от 5 октября 1906 г., от 9 ноября 1906 г. и от 15 ноября 1906 г. составили основу юридического механизма, с помощью которого отечественный законодатель приступил к ликвидации неполноправности российского крестьянства и распространения на крестьян действия конституционного статуса личности. Естественно, что в состав данного механизма входит и массив подзаконных нормативных актов, изданных министерствами и ведомствами Российской империи.

Как законотворческий процесс, так и правоприменительная практика, связанные с преобразованием сословного статуса сельских обывателей, были осуществлены в рамках комплекса правительственных мер, получивших название аграрной реформы П.А. Столыпина. Как известно, аграрная реформа относится к числу сюжетов, наиболее подробно исследованных в научной литературе как правового, так и исторического, экономического и социологического профилей. Мы здесь ограничимся перечислением некоторых имен отечественных и зарубежных авторов, посвятивших целиком или частично свои труды проблематике аграрных преобразований в России начала XX в.: А.Я. Аврех, Б.В. Ананьич, А.М. Анфимов, Е.Ю. Баранов, А.Н. Боханов, О.Г. Буховец, В.М. Володин, С.В. Воронков, О.Г. Вронский, Р.Ш. Ганелин, В.И. Герье, В.И. Гурко, М.А. Давыдов, В.П. Данилов, С.М. Дубровский, В.С. Дякин, А.С. Забенкова, П.Н. Зырянов, П.С. Кабытов, В.В. Казарезов, В.Ю. Карнишин, А.А. Кауфман, Б.С. Клейн, А.П. Корелин,

[676] Именной высочайший указ Правительствующему сенату от 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель» // Программа реформ П.А.Столыпина. Документы и материалы: в 2-х т. М.: изд-во «Российская политическая энциклопедия», 2002. Т. 1.

А.А. Кофод, С.В. Ключарев, И.Л. Лунден, Д.А. Лутохин, П.И. Лященко, М.М. Мартынов, А.Н. Медушевский, Л.В. Милов, Б.Н. Миронов, К.И. Могилевский, С.А. Нефедов, А.П. Никольский, П.Ф. Никулин, Н.П. Огановский, А.В. Островский, П.Н. Першин, П.А. Пожигайло, С.А. Пьянков, Н.А. Рожков, Ф.П. Румянцев, С.Ю. Рыбас, В.Т. Рязанов, Н.Г. Сарапулова, С.М. Сидельников, М.С. Симонова, Л.Ф. Скляров, Ю.Б. Соловьев, В.Г. Тюкавкин, И.М. Тютрюмов, А.В. Чаянов, К.Ф. Шацило, В.В. Шелохаев, П. Грегори, Я. Коцонис, К. Мацузато, Д. Мейси, Т. Шанин и другие.

Ряд планировавшихся правительством П.А. Столыпина мер реализовать не удалось по разным причинам. Среди них – реформа местного управления в сельской местности[677].

В итоге преобразований сословного статуса сельских обывателей с октября 1905 г. по июль 1914 г. были достигнуты следующие основные результаты. Основным правовым статусом для крестьянина, как и для представителя любого другого сословия стал конституционный (государственно-правовой) статус личности. Сословный статус уступил свое первенствующее положение; сословные различия сельских обывателей по отношению к другим сословиям существенно уменьшились. Российское крестьянство стало еще более консолидированным в правовом отношении, поскольку исчезла имевшая ранее место разница в вопросах землевладения и землепользования между крестьянами, выплатившими выкупные платежи и крестьянами, продолжавшими процедуру выкупа, между крестьянами-общинниками, перешедшими к хуторскому хозяйствованию или подворному землепользованию и другой частью крестьянства и пр. Указанные тезисы полностью подкрепляются данными правоприменительной практики. Названная практика отражает, с одной стороны, сохраняющиеся особенности сословного статуса, например, функционирование волостных сословных судов, особые полномочия земских начальников в отношении крестьян, а с другой стороны – отсутствие в

[677] См., например: Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 70 и след.

сословии сельских обывателей сколько-нибудь существенной правовой дифференциации[678].

Конституционный статус индивида может сформироваться лишь при условии устранения зависимости основных прав человека от его социального положения[679]. В 1901–1914 гг. на пути формирования конституционного статуса в России были сделаны лишь первые шаги, которые тем не менее привели к появлению самого феномена личности и закреплению ее статуса в правовом акте высшей юридической силы. При этом, несмотря на многочисленные примеры произвола со стороны государственных органов, положения Основных государственных законов, в общем и целом, работали в реальной жизни общества и государства. Более того, в научной литературе отмечается, что по некоторым вопросам политическая практика по некоторым направлениям пошла дальше установленных законодателем рамок, что в стране «формировалась принципиально новая политическая система, лишь отчасти описанная в Основных законах и потому неожиданная для ее создателей»[680].

Таким образом, осенью 1905 г. – весной 1906 г. конституционный (государственно-правовой) статус личности появился в России как официально оформленный законодателем правовой феномен. Начиная с осени 1906 г. конституционный статус стал общим статусом для подавляющего большинства населения Российской империи.

---

[678] Уголовное дело Заклинского волостного суда Бежецкого уезда // Государственный архив Тверской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2. Л. 11; Копия с решения Заклинского волостного суда // Государственный архив Тверской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Удостоверительный акт крестьянину селения Репино Паниковской волости Псковского уезда П. Пентелееву [Электронный ресурс] // Государственный архив Псковской области. Ф. 108. Оп. 2. Д. 89. Л. 13–15 об. URL: https://archive.pskov.ru/iz-arhivnyh-fondov/slovo-arhivnomu Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917 [Электронный ресурс]. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DUMA/INTRO.HTM (дата обращения: 08.09.2018).

[679] Смирнов С.Н. Развитие системы правовых статусов индивидов и социальных групп в России в конце XIX – начале XX века // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2011. № 1 (25). С. 147.

[680] Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России в 1906–1914 гг.: механизмы взаимодействия: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2012. С. 36.

Сохранение сословных, конфессиональных и иных различий, неполное равенство прав различных категорий населения не может опровергнуть факта установления законом высшей юридической силы комплекса реальных гарантий для реализации некоторых базовых прав российских подданных. Мы поддерживаем вывод, что «в Основных законах 1906 г. с достаточной ясностью и точностью сформулированы принципы гражданской свободы»[681].

Мы укажем еще на один важный аспект формирования новой системы правовых статусов человека в России в ходе реформ начала XX в.: создание принципиально иной системы родовых статусов. Генезис конституционного статуса личности сопровождался формированием поликомпонентного родового статуса нового типа.

Реальным фактом политической жизни в Российской империи стала политическая конкуренция. Наиболее активными участниками ее являлись политические партии, многие из которых располагали всеми возможностями и использовали все формы деятельности, которые предусматривает законодательство и конституционная теория: участие в политико-правовом процессе, участие в публичных мероприятиях, заключение публичных политических соглашений, привлечение денежных средств и т.п.[682]

В России в начале XX в. сложилась многопартийная система. Общее число возникших партий приближалось к 100, однако лишь несколько были достаточно крупными. В партийную систему «вписались» даже черносотенные организации, в большинстве своем первоначально не признававшие ограничения власти монарха, политической конкуренции и института парламентаризма[683].

---

[681] История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М.: Проспект, 2008. С. 568.

[682] Оспанов Т.А. Политическая конкуренция в России: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12–13.

[683] Ивакин Г.А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2014. С. 26–27.

Легальная политическая деятельность партий в России стала реальностью, как отмечается в научной литературе, только после издания Манифеста 17 октября 1905 г. и новой редакции Свода основных государственных законов[684].

Помимо политических партий субъектами политической системы российского общества являлись профессиональные союзы.

В 1905–1906 гг. законодатель санкционировал создание профессиональных союзов. Профессиональные союзы возникли, что называется, явочным порядком, в ходе забастовочных кампаний и протестных выступлений в 1905 г. Первые профессиональные объединения были созданы в январе-феврале 1905 г. По некоторым данным к концу 1905 г. в Санкт-Петербурге и Москве насчитывалось более 50 профсоюзов, в Одессе – около 30 и т.п.[685] По другим сведениям, только в Москве насчитывалось более 100 профсоюзов численностью в 25 000 чел.[686] Более того, стали создаваться и объединения профсоюзов в городском, региональном и даже общероссийском масштабах. В этих условиях законодатель урегулировал отношения, связанные с созданием и деятельностью профессиональных союзов.

Правовую основу профсоюзного движения составили Временные правила об обществах и союзах (1906 г.), принятые в развитие положений Манифеста 17 октября 1905 г. и в русле разрабатываемых, хотя и не утвержденных в тот момент положений новой редакции Свода основных государственных законов.

Профсоюзы возникали без испрашивания согласия властей. Государственные служащие не имели права объединяться в профессиональные союзы. Законодательство о профессиональных союзах разрабатывалось в условиях определенной конкуренции сторонников более жесткого, консервативного и более мягкого подходов.

---

[684] Минина Н.В. Законодательная база становления и функционирования политических партий России в начале XX века: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. С. 83 и след.

[685] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; гл. ред. П.А. Голуб и др. М.: Политиздат, 1985. С. 408.

[686] История профсоюзов России. Этапы, события, люди / под ред. Н.Н. Гриценко, В.А. Кадейкина, Е.В. Макухина. М.: Академия труда и соц. отношений, 1999. С. 22.

Несмотря на имевшие место в законе ограничения по созданию и функционированию профсоюзов, на правительственную политику по ограничению профсоюзного движения, численность профессиональных союзов постепенно увеличивалась. Уже к концу 1906 г. в России было создано более 650 профсоюзов и их число продолжало расти. Профсоюзы были созданы более чем в 60 городах. Число членов в каждом из профсоюзов было сравнительно невелико, составляя зачастую несколько десятков или несколько сотен человек. Однако в целом по стране в составе профсоюзов находилось несколько сотен тысяч человек[687].

В современном российском законодательстве и современной доктрине права правовая сущность общественных объединений определяется через реализацию гражданами своего права на объединение[688]. Поскольку право на объединение входит в число основных конституционных прав личности, то здесь находится поле для взаимодействия конституционного и других статусов личности. Естественно, что речь идет именно о добровольном волеизъявлении гражданина.

О добровольном «соединении» людей, добровольном «вступлении» их в организацию речь шла и в законодательстве Российской империи начала XX в.[689] Такой характер политических партий или профессиональных обществ, как корпораций, контрастировал с правовой природой сословий, субсословий, иных социальных групп и объединений. Соответственно, приобретаемый подданными в результате членства в профессиональных организациях статус по законодательству 1906 г. был принципиально иным, нежели сословный статус.

Как известно, приобретение сословного статуса во многих случаях не зависело от воли индивида. Более того, несение обязанностей, связанных с данным статусом, также мало было связано с его волей. Речь идет в том числе и об участии в деятельности внутрисословных корпораций. Например, на некоторые

---

[687] Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. С. 408.

[688] Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ст. 1) // СПС «КонсультантПлюс».

[689] Именной высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 27 479.

должности сословного самоуправления лица могли быть избраны даже при отсутствии их согласия.

В противоположность сословному статус члена профессиональной организации приобретался, как отмечалось выше, исключительно на добровольной основе. Доступ в состав профессиональных обществ не был поставлен в зависимость от сословной принадлежности лица. Например, основным фактом, определявшим возможность вступления в профессиональную организацию, являлась работа в торговых или промышленных предприятиях либо владение ими[690]. Законодательство прямо формулировало цель деятельности профессиональных обществ как «выяснение и согласование экономических интересов»[691].

В середине 1900-х гг. в России начался бурный рост кооперативного движения. Создавались кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, потребительские и сельскохозяйственные общества. Государство регулировало развитие кооперации. Министерство финансов, Министерство внутренних дел, Министерство торговли и промышленности и другие ведомства издавали примерные уставы кооперативов. Кредитным товариществам, кроме того, предоставлялись ссуды Государственного банка для формирования капитала. Кредитные организации активно развивались в сельской местности, содействуя крестьянам в реализации продукции, получении займов. В официальных документах отмечалась роль кредитных организаций в оснащении крестьянских хозяйств «машинным инвентарем», улучшенными породами скота и т.п.

В 1913 г. в России насчитывалось более 30 тыс. кооперативных объединений различных видов с числом членов свыше 10 млн. человек. Российская коопе-

---

[690] Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий, утвержденные именным высочайшим указом от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах». Ст. 7.

[691] Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий, утвержденные именным высочайшим указом от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах». Ст. 1.

рация догоняла кооперацию европейских стран, а по количеству потребительских кооперативов превзошла её.

Активно создавались общественные объединения и в других сферах общественной жизни – в образовании, просвещении, научной деятельности, здравоохранении и др. А.С. Туманова пишет о 4 800 различных обществ, образовавшихся в Российской империи в 1906–1909 гг.[692] Документы о создании данных общественных объединений, имеющиеся в архивных учреждениях, подтверждают добровольный характер и всесословный состав этих объединений[693].

Следует согласиться с исследователями, которые указывают на ограниченный характер реформирования законодательства о положении общественных организаций после 1905 г., но в то же время отмечают принципиальный «поворот» в государственной политике по регулированию деятельности этих организаций[694].

По сути, впервые в отечественной истории была создана система добровольных негосударственных объединений, которая являлась институциональным механизмом обеспечения баланса законных интересов государства, общества, личности и противодействия противоправным посягательствам. Наличие такой системы есть необходимое качество современного государства.

Российский законодатель, урегулировав в 1906 г. организационно-правовые вопросы создания и деятельности политических партий, профсоюзов и других общественных объединений, оказал тем самым прямое воздействие не только в целом на систему правовых статусов человека, но и на роль конституционного и сословного статусов. Появление новых правовых статусов на уровне ниже конституционного неизбежно ослабляло роль сословного статуса в системе правовых статусов индивида и социальных групп и укрепляло роль конституционного статуса.

---

[692] Туманова А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: историко-юридическое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 4.

[693] См., например: Приморское общество сельского хозяйства, г. Владивосток. Списки членов-учредителей и вновь вступивших членов общества // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–38.

[694] Туманова А.С. Указ. соч. С. 365–366.

Таким образом, среди компонентов родового (специального) статуса применительно к рассматриваемому периоду следует выделить как минимум четыре группы. Одну из них составляет сословный статус (включая внутрисословные группы), другую – профессиональные статусы государственных служащих и сотрудников органов местного управления, третью – статусы члена политической партии, профессионального общества или другого общественного объединения. Статусы лиц, установленные по критерию возраста, национальности, вероисповедания и т.п., образуют отдельную группу, не рассматриваемую в настоящей работе.

Насколько сочетаются в рамках одной системы правовых статусов человека конституционный и сословный статусы?

Как показывает история зарубежных стран, особенно история Нового времени, сохранение отдельных сословных и иных различий в определенные исторические периоды не свидетельствует об отсутствии конституционного строя. Более того, об этом не всегда свидетельствует даже сохранение рабовладения. Естественно, что институт рабовладения оказывал деформирующее влияние на другие институты государства и общества.

Несколько десятилетий в конституциях и законах южных штатов Соединенных Штатов Америки присутствовали положения, закреплявшие рабский статус значительной части населения[695]. Даже федеральная Конституция несколькими своими нормами санкционировала сохранение рабовладения[696] или, выражаясь жестче, «утверждала и защищала интересы рабовладельцев»[697]. Институт рабовладения сохранялся определенное время в странах Латинской Америки после завершения войны за независимость, создания суверенных государств и принятия в них конституций. Данное обстоятельство вряд ли отменяет факт установления конституционного строя и факт наличия конституционного статуса у граждан

[695] Фридмэн Л. Указ. соч. С. 41.

[696] См.: Роковая уступка // Бэррес Р. Т. Документы Американской революции: Декларация независимости, Конституция Соединенных Штатов, Билль о правах / пер. с англ. П.В. Рыбина и И.А. Бжилянской. Тверь: Альба; М.: Рос. эконом. журн., 1994. С. 66.

[697] Макинерни Д. США. История страны / Д. Макинерни; пер. с англ. Т. Мининой. М.: Эксмо; СПБ.: Мидгард, 2011. С. 112.

этих государств, хотя и требует существенных оговорок. Кстати говоря, рабство сохранялось, несмотря на усилия С. Боливара и других противников этого явления из числа латиноамериканских руководителей борьбы за независимость[698].

Примерно то же самое мы можем сказать о факте существования сословий. Применительно к государствам Европы конца XIX – начала XX в. Н.М. Коркунов делает следующее заключение: в современном государственном быту сословное деление исчезло и сохранилось, как особое привилегированное, одно только дворянство, и то значительно изменив свой характер. При этом в Бельгии, Норвегии, Румынии и некоторых странах дворянство как сословие не существует. С другой стороны, многие монархии и республиканская Франция сохраняли в указанный исторический период «юридическое существование» дворянства[699].

Государственно-правовая история Франции дает, пожалуй, наиболее показательные примеры сочетания двух сторон процесса развития системы правовых статусов индивидов и социальных групп: с одной стороны – появление и укрепление конституционного статуса, с другой стороны – преобразование сословного статуса. Как известно (мы выше касались этого вопроса), в самом начале Великой французской революции сословный строй был ликвидирован в соответствии с положениями Декларации прав человека и гражданина и изданными на их основе законами; пользование дворянскими титулами было запрещено. Однако Наполеон Бонапарт восстановил дворянство, но с существенными отличиями от дореволюционного порядка. Конституционные хартии 1814 г. и 1830 г. признали существование во Франции дворянства, правда, с определенными модификациями. В ходе революции 1848 г. дворянство было отменено. Вскоре после государственного переворота 1851 г. президент Луи Наполеон восстановил дворянские титулы. Законодательство Третьей республики сохранило в этом вопросе статус-кво. Таким образом, французское дворянство продолжило свое существование уже в условиях республиканской формы правления. Однако дворяне не обладают никакими

---

[698] Федоров М.В. Политико-правовая доктрина Симона Боливара: монография / М.В. Федоров. М.: РУДН, 2016. С. 36.

[699] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 280.

особыми правами и преимуществами по сравнению с остальными гражданами Французской республики.

Приведенные примеры французской социально-правовой истории показывают, что возможно одновременное существование развитого конституционного статуса личности (вряд ли будут возражения против такой характеристики применительно к периоду Третьей республики во Франции) и юридически признанных сословий.

Характеризуя правовое оформление структуры британского общества начала XX в., Н.М. Коркунов отмечает, что население делится на две категории, которые он называет сословиями: nobility и commonalty. Сословие дворян он называет политическим. Его главное преимущество заключается в праве участия в верхней палате парламента. Английские дворяне обладают разнообразными титулами: герцог, граф, маркиз, виконт, барон; король имеет право жаловать новые титулы. Английские дворяне обладают некоторыми правами-привилегиями в различных сферах общественной жизни и в различных отраслях права[700].

Шведское дворянство в конце XIX – начале XX в. сохраняет корпоративное самоуправление и отдельные преимущественные права и налоговые иммунитеты, что дает основания для вывода о сохранении дворянского сословия и сословного статуса человека.

Германское дворянство на рубеже XIX–XX вв. состоит из двух групп: высшее дворянство и низшее дворянство. Сословный статус высшего дворянства урегулирован на общегерманском уровне и включает в себя несколько особых политических прав и право устанавливать особый порядок наследования родового имущества. Сословный статус низшего дворянства регулируется на уровне германских земель и не включает в себя никаких особых прав. Дворянское достоинство для низших дворян является, по выражению Н.М. Коркунова, «только почетным отличием»[701].

---

[700] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 282 и след.

[701] Там же. С. 288.

Великобритания, Германия и Швеция в начале XX в. относились к государствам с установившимся конституционным строем и сформировавшимся правовым статусом личности. Так же, как мы это сделали на примере Франции, мы можем заключить, что представляется возможным одновременное существование развитого конституционного статуса личности и сословного строя. При этом во всех рассмотренных случаях мы видим, что сословный статус в названных странах претерпел кардинальные изменения по сравнению с Поздним Средневековьем и Ранним Новым временем.

Соотнесем положение вещей в плане трансформации сословного статуса в зарубежных странах с положением вещей в Российской империи.

В начале двадцатого столетия сословный строй продолжал существовать на всем протяжении Российской империи. Продолжал существовать как компонент системы правовых статусов человека сословный статус. В связи с этим мы полагаем, что категоричное утверждение Дж.Л. Уэста о том, что революция 1905 г. «вызвала крах традиционной сословной организации русского общества»[702] верно, скорее, по сути, нежели по форме, точнее говоря, по юридической форме. С точки зрения права сословная организация продолжила свое существование. Продолжали действовать законодательные положения, устанавливающие разделение населения на сословия и регулирующие принадлежащие им исключительные права и обязанности. В целом ряде случаев эти права и обязанности распространялись на важные общественные отношения, например, на отношения землевладения. Отмена сословных привилегий не означала ликвидации всех связанных с этим фактических преимуществ в различных сферах общественной жизни. Однако существование важнейших личных, политических и социально-экономических прав зависело теперь не от сословной принадлежности лица, а от общегосударственных правовых установлений. Комплекс одинаковых для всех сословий прав и обязанностей превышал по значению комплекс оставшихся прав-привилегий и правовых различий. Уточним: общие для представителей всех сословий и субсо-

[702] Уэст Дж.Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 299.

словий права превосходили права сословные прежде всего по значению, а не по объему.

Таким образом, мы имеем основание констатировать, что в первые годы двадцатого столетия в России сформировался политико-правовой феномен, который мы определяем как конституционный статус человека в его подлинном значении. Важнейшую роль в его оформлении играли Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г. как конституционный акт и указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий».

В зрелом виде конституционный статус личности оформился в России несколько позднее, уже за пределами хронологических рамок диссертационного исследования, в ходе модернизации политической системы и системы права весной, летом и осенью 1917 г.

В целом в процессе формирования в России конституционного статуса личности можно выделить четыре этапа: 1861 г. – сентябрь 1905 г.; октябрь 1905 г. – май 1907 г.; июнь 1907 г. – февраль 1917 г.; февраль – октябрь 1917 г. При этом ключевые меры были осуществлены в течение года, начиная с октября 1905 г., в условиях небывало мощных протестных выступлений. В 1917 г., в течение нескольких месяцев после Февральской революции, конституционный статус личности получил свое окончательное оформление.

§ 2. Отраслевой статус и правовое положение российских подданных в гражданско-правовой сфере

Проблематика законодательного регулирования прав и обязанностей российских подданных в гражданско-правовой сфере в рассматриваемый период, включая регулирование имущественных отношений, гражданской правоспособ-

ности и дееспособности индивидов в аспекте их принадлежности к определенным категориям населения была исследована в ряде историко-правовых трудов. Прежде всего следует назвать работы М.Ф. Владимирского-Буданова, В.И. Сергеевича, И.В. Караваева, Н.В. Михайловой, Т.Е. Новицкой и других ученых.

Взгляды отечественных правоведов и философов права на институт права собственности проанализированы Т.Е. Новицкой, Е.Ю. Паткиной, В.Е. Рубаником, Е.А. Шитовой, Н.В. Ченцовым и другими авторами[703].

Собственность как важнейший элемент в отношениях «между людьми, социальными группами, отдельными индивидами и обществом в целом» рассматривает В.Е. Рубаник[704].

С учетом вышесказанного, отсутствует необходимость системного исследования в настоящей работе законодательной политики в гражданско-правовой сфере России. Вместе с тем полезной представляется предпринимаемая в настоящей диссертации попытка анализа прав и обязанностей российских подданных в гражданско-правовой сфере. Акцент при этом сделан на аспекте, отражающем правомочия лиц, принадлежащих к различным социально-правовым группам. Таким

---

[703] Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века: монография. М.: Зерцало-М, 2005. 568 с.; Новицкая Т.Е. Проблемы правового регулирования имущественных отношений в России во второй половине XVIII в. [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. № 2. С. 84–108. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-imuschestvennyh-otnosheniy-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xviii-v (дата обращения: 24.04.2020); Паткина Е.Ю. Особенности политико-правового развития института собственности в России: теоретико-исторический аспект [Электронный ресурс]: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2012. URL: https://www.dissercat.com/content/osobennosti-politiko-pravovogo-razvitiya-instituta-sobstvennosti-v-rossii (дата обращения: 24.04.2020); Шитова Е.А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-osnovaniy-vozniknoveniya-i-prekrascheniya-veschnyh-prav-v-moskovskom-tsarstve-istoriografiya-voprosa (дата обращения: 24.04.2020); Ченцов Н.В. Конституция Российской Федерации и формы права собственности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2012. № 19 (31). С. 225–228 и др.

[704] Рубаник В.Е. Собственность, власть, демократия: Очерки исторического развития: Монография. В трех книгах. Книга 1. Власть и собственность: зарождение традиции соотнесения и взаимодействия. Часть 1. Отношения собственности и власти в юридической, социологической, философской, экономической литературе. М.: Прометей, 2019. С. 4.

образом, автора интересует не правовое регулирование имущественных и некоторых неимущественных отношений, а «спроецированный» в гражданско-правовую сферу правовой статус человека.

Рассмотрение осуществлено двумя блоками: на основании законодательства середины XVII в. и на основании законодательства XIX в. Акцент на материале середины XVII в. объясняется прежде всего дискуссионностью вопроса о времени формирования сословной системы в России. Рассмотрение материала XIX в. позволяет отметить динамику подходов и результатов законодательной политики. В связи с этим в настоящей работе законодательная и правоприменительная практика, относящаяся к XVIII в. и к началу XX в. оставлена вне рамок предмета исследования.

Общая характристика гражданских правоотношений и их субъектов в середине XVII в.

Как мы полагаем, трудность заключается прежде всего в самой возможности применить понятие «частное право» к российской правовой жизни периода начала Нового времени. Естественно, что коллективные формы социальной организации (прежде всего, община) тормозили развитие частной собственности, частной жизни и т.п. Кроме того, необходимо принять во внимание военизированный характер Московского государства, в котором «все социальные группы и сословия, одинаково бесправные перед неограниченной царской властью, делились на тех, кто непосредственно сражался, и тех, кто поддерживал бойцов материально или духовно»[705]. Если наряду с вышеизложенным принять во внимание и очень большую роль государства и его сильное, зачастую детерминирующее воздействие на российское общество, то на первый взгляд естественным кажется вывод о том, что понятие «частное право» использовать применительно к рассматриваемому периоду нельзя, что вся система права России имела черты публичности.

---

[705] История государственного управления в России: учебник / под ред. Р.Г. Пихои. М.: Изд-во РАГС, 2003. С. 58.

Однако государство не установило и не могло установить по организационным и «техническим» причинам полный контроль над обществом. Это относится и к правовой сфере. Одним из доказательств, по нашему мнению, служит длительное существование обвинительно-состязательного процесса. Полагаем, что в правовой жизни оставалось место для индивидуальной инициативы, частного интереса, личного усмотрения. Конечно, в масштабах, значительно меньших, чем в современном обществе. Тем не менее люди руководствовались своими собственными частными интересами, согласуя их с интересами других лиц, что является признаком гражданско-правовых отношений и частного права[706].

Мы поддерживаем вывод о том, что «сфера гражданско-правовых отношений, регулируемых специальными правовыми нормами, может быть выделена в правовой системе XV–XVII вв. уже с достаточной определенностью»[707], хотя во многих изданиях исторические корни гражданского права России указываются в более поздних исторических периодах[708]. Достаточно зрелым был в XVII в. и режим правовой определенности[709]. Относительная зрелость системы гражданско-правовых норм семнадцатого столетия и тем более последующих столетий позволяет использовать при научном анализе современный понятийный аппарат. Вместе с тем, гражданское право как отрасль права, находясь на том этапе формирования и в тех исторических условиях, имело в значительной мере иные сущностные характеристики, отличные от тех, которые «признает» за этой отраслью современная теоретико-правовая и цивилистическая наука.

Таким образом, мы полагаем возможным говорить о существовании в России в середине XVII в. отраслевого правового статуса индивида в сфере, говоря современным языком, гражданских отношений. Одна из особенностей заключа-

---

[706] См.: Гражданское право: учебник в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Изд-во БЕК, 1998. Т. 1. С. 1.

[707] Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Ермошин В.В., Ефремова Н.Н., Исаев И.А., Карпец В.И., и др.; отв. ред. В.С. Нерсесянц; редкол.: В.С. Нерсесянц, А.А. Преображенский, С.И. Штамм. М.: Наука, 1986. С. 120.

[708] Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / отв. ред. О. Н. Садиков. М.: Юристъ, 2001. С. 31 и след.

[709] Рехтина И.В. Правовая определенность и ее обеспечение в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 50.

лась в урегулировании этого статуса преимущественно нормами обычного права. Соответственно, данное обстоятельство ставит перед исследователями чрезвычайной трудности задачу работы исключительно с правоприменительными документами и юридическими документами частного характера. Кроме того, использование норм обычного права свидетельствует о сильном территориальном партикуляризме данной отрасли права, что вряд ли позволяет говорить о существовании единого отраслевого правового статуса в масштабах всей страны применительно к представителям целого ряда социальных групп.

Середина семнадцатого столетия принесла следующую новацию: законодатель в форме комплексного нормативно-правового акта урегулировал права и обязанности подданных в гражданско-правовой сфере, что, во-первых, заложило основы формирования правового статуса в общероссийском масштабе и во-вторых, позволило современным исследователям производить научную работу на достаточно солидной источниковой базе.

Как и в настоящее время, тот комплекс правовых норм, который принято именовать гражданским правом, регулировал в России в XVII в. имущественные и личные неимущественные отношения. Точнее говоря, те имущественные отношения, которые называют имущественно-стоимостными отношениями, и те личные неимущественные отношения, которые неразрывно связаны с личностью участвующих лиц[710]. В литературе отмечается, что в эпоху Средневековья гражданское право выступило как личное право и право денежных интересов[711]. Данная характеристика в значительной степени верна и в отношении рассматриваемого периода.

Российское законодательство середины XVII в. предусматривает в качестве оснований гражданских правоотношений как единичные юридические факты, так и юридические составы. Перечень юридических фактов отсутствует в Соборном уложении. Однако из анализа различных статей Уложения, содержащих граждан-

[710] См.: Гражданское право: учебник в 3 т. Т. 1. 6-е изд. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев и др.; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 4–6.

[711] Гражданское право: учеб. для вузов / под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. С. 3.

ско-правовые нормы, можно, используя современную терминологию, сделать вывод о том, что гражданские права и обязанности согласно Уложению 1649 г. возникают:

1) из договоров и иных сделок;

2) из актов государственных органов;

3) из судебного решения, установившего гражданские права и обязанности;

4) в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом;

5) вследствие причинения вреда другому лицу;

6) вследствие событий, с которыми правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Достаточно отчетливо заметно разделение юридических фактов на события и действия. Законодатель оставлял достаточно места инициативе подданных в гражданско-правовой сфере.

Нормы Уложения 1649 г. связывают возникновение гражданско-правовых отношений и с действиями, как правомерными, так и неправомерными. Неправомерные действия влекут за собой установление обязательств по возмещению причиненного вреда.

Характеризуя подход законодателя того времени к вопросу о субъектах имущественных правоотношений, исследователи отмечают, что понятие о лице как субъекте права принимает все более четкие очертания[712]. При этом субъектами гражданско-правовых отношений являлись как частные (физические), так и коллективные лица. Права частных лиц расширились за счет уступок со стороны лиц коллективных[713]. Отсутствовало понятие единого субъекта права – физического лица. Юридически существовал конгломерат субъектов права. Виды субъектов права – физических лиц – соответствовали сословиям и внутрисословным группам.

---

[712] См.: Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука-СПб., 1998. С. 162.

[713] См.: Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М.: Наука, 1986. С. 120.

В связи с данной позицией законодателя того времени не следует искать в Уложении 1649 г. универсального подхода к определению правоспособности и дееспособности российских подданных. В силу отсутствия в то время равенства людей перед законом в современной трактовке этого понятия, в силу доминирования сословности участники гражданских правоотношений должны серьезно различаться не только по объему прав, но и по объему возможностей иметь эти права. Следовательно, используя понятие «правоспособность» для характеристики правового положения субъектов имущественных правоотношений в середине XVII в., необходимо внести в данное понятие определенные коррективы.

Правоспособностью в имущественной сфере российские подданные XVII в. обладали далеко не в равной мере. Решающим обстоятельством была принадлежность лица к тому или иному сословию. Речь надо вести о правоспособности отдельных категорий населения. Переход лица из одной социальной группы в другую означал изменение правоспособности. М.Ф. Владимирский-Буданов приводит примеры ограничения гражданских прав и отмечает, что «ограничения гражданских прав, возникших из сословных отношений, касались лишь некоторых видов этих прав, тесно связанных с государственным значением того или другого сословия или класса, и потому не имеют никакого значения в сфере собственно гражданской: так, служилые лица вознаграждались вместо денег поместьями, а потому естественно, что неслужилые не имели права владеть поместьями; наоборот, служилые люди лишались права владеть городским имуществом. Служилые лица не могли давать на себя частной кабалы, чтобы не избегать службы...»[714].

Следует заметить, что список различий в правосубъектности представителей разных сословий, приводимый автором, весьма неполон. Вместе с тем факты, указываемые М.Ф. Владимирским-Будановым, подтверждают вывод о том, что объем гражданской правоспособности зависел от принадлежности лица к той или иной социальной категории.

В целом наибольшим объемом правоспособности в имущественной сфере обладали представители сословий, относящихся к служилым людям по отечеству.

[714] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 379–380.

Однако правосубъектность и бояр, и дворян была в определенной мере ограничена. Например, они не могли организовывать товарное ремесленное производство и стационарную розничную торговлю в городах. Боярам и дворянам закон разрешал приглашать своих крестьян в Москву и другие города «для ремесленного дела» только на время (Соборное уложение, гл. XIX, ст. 14), т.е. фактически только для удовлетворения собственных потребностей.

Крестьяне любых категорий могли торговать в городах только «с возов и стругов», а не в лавках (Соборное уложение, гл. XIX, ст. 17)[715].

Минимальным объемом правоспособности располагали холопы. Старинных холопов законодатель был вообще не склонен признавать субъектом вещных, в значительной мере и обязательственных прав. В связи с этим старинные холопы не могли обладать имущественными правами и нести соответствующие обязанности.

Давая характеристику понятию «правоспособность», отметим, что в середине XVII в. отсутствовало такое свойство правоспособности, как неотчуждаемость. Человек, перешедший в категорию кабальных холопов, терял значительную долю правоспособности.

В Соборном уложении отсутствуют нормы, регламентирующие время возникновения и прекращения правоспособности и дееспособности. В частности, не указывается возраст, с наступлением которого гражданская дееспособность возникает в полном объеме. Относительно прекращения правоспособности и дееспособности М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает: «Крайний предел старости, за которым оканчивалось бы признание за лицом правоспособности, не определен в законодательных памятниках. Но из юридических актов убеждаемся, что совершенная дряхлость отца служила основанием для того, чтобы допустить сына к совершению юридических действий взамен его без уполномочия»[716].

---

[715] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1.

[716] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 378.

Важное значение для возникновения дееспособности имело достижение пятнадцатилетнего возраста, который М.Ф. Владимирский-Буданов называет «нормальным и общим сроком совершеннолетия»[717].

Дочери помещиков, получившие прожиточные поместья, по достижении пятнадцатилетнего возраста получали право распоряжения (сдачи) данными поместьями (Соборное уложение, гл. XVI, ст. 11). В этой статье лица женского пола, не достигшие указанного возраста, признаются находящимися «в малых летах».

С достижением пятнадцатилетнего возраста закон связывал и возможность заключения кабального договора (Соборное уложение, гл. XX, ст. 20)[718].

Данная норма имеет отношение к лицам различных сословий, включая и служилые. Источником этой нормы исследователи называют норму указа «Об условиях и порядке оформления служилых кабал, ссудных крестьянских записей и жилецких записей» от 30 мая 1641 г.[719] В данном Указе речь шла о представителях таких социальных категорий, как дети боярские, посадские люди, крестьяне[720].

Правовое положение представителей различных сословий России в сфере вещного права в середине XVII в.

В историко-правовой литературе указывается, что в XVII в. частные лица могли обладать недвижимыми вещами «на трояком преимущественно праве»: на праве вотчинном, на праве поместном и на праве тяглых имуществ. Далее оговаривается, что особенный вид обладания недвижимым имуществом составили дворы в городах и угодья на уездных землях[721].

Мы не согласны с такой классификацией. Полагаем, что необходимо различать право собственности (государства, монарха, коллективов, частных лиц) и

---

[717] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права... С. 377.

[718] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1.

[719] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 389.

[720] См.: Законодательные акты Российского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. С. 195.

[721] Неволин К.А. Указ. соч. С. 114.

иные вещные права. И уже в рамках этой классификации выделять вотчинное право, поместное право и др.

Отношения землевладения и землепользования практически во всех правовых системах занимали и занимают самостоятельное место в качестве предмета правового регулирования. Применительно к современной отечественной доктрине права это положение находит свое выражение в тезисе о принципиально самостоятельном характере конституционного полномочия права частной собственности на землю[722].

В условиях начала Нового времени земля в качестве предмета правового регулирования занимала особое место. Отношения землевладения и землепользования имеют в обществе того времени ключевое значение. Необходимость их урегулирования была определенным приоритетом и для законодателя того времени. Вместе с тем приходится констатировать, что многие вопросы, связанные с характеристикой системы землевладения и землепользования в России XVII в., не имеют общепринятого решения. В качестве примера можно назвать вопросы, связанные с определением правового статуса земельных владений, специфики положения крестьянских общин как субъектов земельно-имущественных отношений и т.д. Представляется, что данное обстоятельство объясняется несколькими факторами. Прежде всего следует отметить объективно существующие трудности, связанные с состоянием источников по предмету исследования. Кроме этого фактора, свою роль сыграли и идеологические установки, довлевшие над учеными большую часть XX в.

В российской историко-правовой литературе XIX – начала XX в. отмечалось, что тенденции развития права собственности на недвижимость в России и в Западной Европе были противоположными.[723]

К.П. Победоносцев относит время формирования вотчины как формы землевладения к периоду образования Русского централизованного государства. В

---

[722] См.: Крусс В.И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 21.

[723] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 495–496; Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 192 и др.

отношении предшествовавшего периода он рассматривает процесс образования личного владения землей из «бессознательного владения». Затем, по мнению автора, на базе личного владения появляется владение с определенным характером права, причем это последнее производно от государственной власти. Вотчинное право К.П. Победоносцев называет «своеобычным», но допускает аналогию с ленным правом Западной Европы. Правда, он отмечает и существенное различие, связанное с тем, что на Руси служилая повинность лежала не по землевладению, а на лице: человек был обязан служить не потому, что он владелец имения, а потому, что он сын служилого человека[724].

В самых общих чертах ситуацию в сфере землевладения и землепользования в рассматриваемый период в России можно представить следующим образом. XVI–XVII века – время развития и расцвета поместной системы землевладения. Одновременно резко сокращалось крестьянское общинное землевладение. Параллельно шло формирование крепостного права. С XVII в. происходило постепенное сближение правового статуса поместий и вотчин. Начало XVIII в. – время завершения этого процесса.

С преодолением раздробленности и усилением центральной власти российские монархи получили возможность реализовать полномочия верховного собственника, а также изменить систему землевладения. Постепенно устанавливался контроль над вотчинным землевладением.

Удельные князья передавали великому московскому князю верховные права на свои уделы, оставляя за собой право собственности. По своему правовому положению удельные князья сближались с появившимися служилыми князьями. Вотчины удельных и служилых князей назывались княжескими вотчинами.

В результате такой политики основная часть княжеских вотчин перешла во владение царя, в связи с чем в XVII в. отечественный законодатель перестал использовать сам термин. Правда, как отмечается в научной литературе, «воспоминание о княжеских вотчинах сохранилось и в позднейшем законодательстве: они

---

[724] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. С. 200–209.

преимущественно разумеются, когда законы говорят о вотчинах старинных, которые, впрочем, юридически ничем не отличались от других родовых вотчин»[725].

Одновременно с усилением контроля за вотчинным землевладением удельных и служилых князей аналогичная политика верховной государственной власти стала проводиться и в отношении боярского землевладения.

Характеризуя юридическую природу вотчины, историки права говорят прежде всего об ограничениях, лежащих на вотчинном землевладении[726]; иначе говоря – об ограничениях, установленных в отношении правомочий владельцев вотчин. Однако мы полагаем, что сами по себе эти ограничения не имеют решающего значения. Более важна правовая природа ограничений: или их вводит монарх (государство) как законодатель (государственный орган), либо их вводит монарх (сюзерен) как верховный собственник. Еще один критерий – условность землевладения, т.е. связанность со службой.

Подавляющая часть земельных угодий светских и церковных вотчин находилась в пользовании крестьян и бобылей. Собственная запашка вотчинников была невелика. За пользование землей крестьяне и бобыли несли натуральные и денежные повинности: обработка земли вотчинника и выполнение других хозяйственных работ («барщина»); передача сельскохозяйственной продукции; выплата денег.

В целом вотчинные права следует отнести к праву собственности. Ограничения этого права, обусловленные положением монарха или верховного собственника всей земли и положением родственников как членов одного с вотчинником рода, не меняли сути вотчинного вещного права.

Анализ правовой природы поместья неразрывно связан с рассмотрением вопроса генезиса поместной системы.

Поместная система в основных чертах сформировалась, как известно, в XVI

---

[725] Неволин К.А. Указ. соч. С. 135.

[726] Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / авт. коллектив: Баскакова Е. Г., Мартысевич И. Д., Чистяков О. И. и др.; под ред. [и предисловие] д-ра юрид. наук К. А. Софроненко. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 262.

– первой половине XVII вв. Поместья создавались как на издавна заселенной и освоенной территории Северо-Восточной Руси, так и на вошедших позднее в состав государства черноземных степных территориях.

Достаточно сложной представляется проблема характеристики поместья как формы землевладения.

В середине XVII в. статус поместья определили нормы публичного права, по современной терминологии – государственного, административного и финансового. Не случайно в правовой литературе присутствует определение поместья как средства обеспечения государевой службы или как средства обеспечения помещиков как служилого сословия[727].

В правовой литературе пожалование применительно к земле охарактеризовано следующим образом: «Пожалование земли представляло собой сложный комплекс юридических действий, включавший выдачу жалованной грамоты, осуществление справки, т.е. записи за наделяемым лицом в приказной книге определенных сведений, на которых основывается его право на землю; обыск, проводимый по просьбе наделяемого землей и заключавшийся в установлении факта действительной незанятости передаваемой земли (как фактического основания для просьбы на ее получение); ввод во владение, выражавшийся в публичном отмере земли, проводимом в присутствии местных жителей и сторонних людей. Раздачу земли в рассматриваемый период наряду с Поместным приказом осуществляли и другие органы: Разрядный приказ, Приказ Большого дворца, Малороссийский, Новгородский, Сибирский и другие приказы»[728]. Пожалование земли относилось прежде всего к служилым людям.

При испомещении служилого человека ему определялся «оклад», т.е. полагающееся количество поместной земли. Имелась в виду «добрая земля», т.е. освоенная и заселенная. При нехватке доброй земли помещику предоставлялась земля худшего качества (целина, залежь и т.п.), но, как правило, в большем размере. Не

---

[727] См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX – начало XX в.) / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1985. С. 197.

[728] Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М.: Наука, 1986. С. 121.

только доброй, но и просто подходящей земли хронически не хватало. Служилые люди получали зачастую 1/2, 1/3 и даже 1/4 часть полагающихся им окладов.

Имели место случаи предоставления вместо пашенной земли иных хозяйственных объектов, прежде всего – на территории юга Европейской России. Задача хозяйственного освоения была подчинена там задаче обороны от врагов (Крымское ханство и др.). «Весь юг Московского государства представлял собой один хорошо организованный военный округ. В этом военном округе все правительственные действия и весь склад общественной жизни определялись военными потребностями и имели одну цель – народную оборону»[729]. В условиях юга России действовал особый порядок наделения землей. Земля предоставлялась тем лицам, которые постоянно жили на приграничной территории и несли там военную службу. Некоторым служилым людям, испомещенным на территории Поля, первоначально выделялись промысловые угодья – «юрты»[730]. Известен случай, когда казанскому воеводе князю П.А. Булгакову в качестве части оклада была пожалована мельница. Указанные примеры были далеко не единичными.

В конце XVI–XVII вв. изменилась и юридическая природа общинного землевладения. Эти изменения серьезно повлияли на отраслевой правовой статус членов общины.

Как известно, в историко-правовой литературе не сложилось единого мнения о правовом статусе крестьянской общины как субъекта вещных прав на землю. Некоторые ученые называют великого князя собственником черных земель, а права крестьянских общин определяют как «владение», «оброчное владение»[731]. Например, Б.Н. Чичерин пишет о черных волостях как о свободных общинах, поселенных на чужой земле. Одновременно высказано и аргументировано мнение о

---

[729] Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 210.

[730] См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. С. 235.

[731] См.: Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 393; Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.: Издательство Московского университета, 1960. С. 135; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 182.

крестьянской общине как о собственнике своих земель[732]. И.И. Смирнов называет «черные земли» материальной основой свободы населяющих их крестьян, а сами «черные земли» считает русской формой общинной собственности. Платежи крестьян монарху есть не земельная рента, а знак признания ими верховного права собственности великого князя[733].

Разумеется, в реализации всех указанных выше прав участвовали лишь полноправные члены волостных общин. Речь идет о правомочиях владения и распоряжения (применительно к предшествующему периоду). С нашей точки зрения таковыми являлись старожильцы. Крестьяне и бобыли других категорий не имели доступа к реализации правомочий распоряжения или владения.

В отношении прав владельцев городских дворов существенное значение имеет их отношение к государственному «тяглу». К.А. Неволин различает белые (нетяглые) и черные (тяглые) дворы, объясняя это различие тем, что белые дворы были построены на белой земле и «находились в обладании» лиц неподатных состояний, а черные дворы были построены на черной земле и «принадлежали» тяглым людям. Данное различие появилось в XV в. и сохранилось до XVIII в.[734]

Мы не вполне согласны с точкой зрения К.А. Неволина. Считаем принципиально важным провозглашение законодателем следующего положения: «опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в других городах не быть» (Соборное уложение, гл. XIX, ст. 1). В сочетании с некоторыми другими нормами позиция законодателя представляется очевидной: после 1649 г. белых слобод и белых дворов на территории города быть не должно. Конечно, мероприятия по обложению тяглом беломестцев заняли значительное время. Очевидно, что в дальнейшем имели место многочисленные нарушения норм Соборного уложения 1649 г., регулирующих отчуждение тяглых дворов. Де-факто некоторое количе-

---

[732] См.: Алексеев Ю. Г., Копанев А. И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1975. С. 64; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 516 и след.

[733] Смирнов И.И. Указ. соч. С. 150–151.

[734] Неволин К.А. Указ. соч. С. 241–242, 250.

ство белых мест продолжало существовать. Тем не менее де-юре после 1649 г. в городах остались только черные дворы.

Естественно, что в Москве и других городах проживало значительное число служилых людей по отечеству и других неподатных лиц. Они располагали своими дворами на праве собственности или на иных правах. Однако мы не считаем правомерным использование термина «белые места» по отношению к таким дворам. Юридически дворы неподатных лиц находились за пределами города. Законодатель не случайно применил термин «загородные дворы» (Соборное уложение, гл. XIX, ст. 14)[735]. Дворы являлись загородными не в смысле их расположения вне города как населенного пункта, а в смысле их отделенности от городской тяглой общины.

Право лица на обладание «загородным двором» возникало в связи с пожалованием и зависело, очевидно, от сословной принадлежности лица и его отношения к государственной службе.

В заключение подчеркнем, что система вещных прав в российском праве в середине XVII в. существовала в достаточно зрелом виде. В качестве источников права выступал как нормативно-правовой акт, так и правовой обычай.

Объем вещных прав, и, в частности, доступные человеку как субъекту гражданского права способы приобретения права собственности зависели от сословной принадлежности лица. При этом законодателю далеко не во всех случаях требовалось применение соответствующей терминологии.

Скажем, право на получение, владение и пользование поместьем заведомо мог иметь только человек, принадлежавший к определенным социально-правовым группам.

Правовое положение субъектов земельных отношений зависело от сословного и должностного статусов. Именно в зависимости от наличия этих статусов находилась возможность получения того или иного вещного права на землю. Основными вещными правами на землю являлись вотчинное право (соответство-

[735] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1830. Т. I. № 1.

вавшее праву собственности), поместное право (соответствовавшее праву пожизненно наследуемого владения) и держание (соответствовавшее праву пользования с некоторыми чертами владения).

Сословное положение участников внедоговорных обязательств и ответственность за вред в середине XVII в.

С точки зрения современного законодательства и правовой науки объектом обязательства являются действия должника. Однако в русском праве длительное время существовал такой подход, согласно которому «из обязательств постоянно возникают... вещные права на обязанное лицо»[736]. Другими словами, объектом обязательства являлись не только действия, но и личность должника. Первая половина XVII в. – время постепенного изменения позиций законодателя, время «эмансипации личности должника»[737]. Правовые акты того времени подтверждают данную точку зрения. Не может быть принято высказанное в историко-правовой литературе мнение о том, что обязательство, возникающее из вины (преступления, проступка), рассматривается в уголовном праве и не должно анализироваться историками гражданского права[738].

Анализируя подход законодателя к вопросу возмещения причиненного вреда, необходимо также отметить, что в Соборном уложении, как и в других правовых актах середины XVII в., отсутствуют правовые нормы, содержащие общие положения о возмещении вреда, в частности нормы об общих основаниях ответственности за причинение вреда, о способах возмещения вреда и т.д.

Как показывает анализ соответствующих статей Соборного уложения и других правовых актов середины XVII в., российское право регулировало возмещение вреда, причиненного в результате совершения правонарушения. По общему правилу возмещение вреда, нанесенного правомерной деятельностью, не предусматривалось.

---

[736] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 561.

[737] Там же. С. 561; Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М.: Наука, 1986. С. 144.

[738] См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 564.

Характеризуя обязательства из причинения вреда, правоведы отмечали наличие двоякой цели: возмещение причиненного вреда и имущественное наказание правонарушителя, причем в ходе «исторической эволюции» карательная функция постепенно отпадает[739].

Сословное положение участников отношений по возмещению вреда влияло на процедуру и размеры возмещения, но, как правило, неимущественного вреда. Законодатель середины XVII в. предусмотрел такую конструкцию положений Соборного уложения, предназначенных для формирования и функционирования правового механизма возмещения имущественного вреда, которая, как правило, не учитывала факта социально-правового неравенства участвующих в правоотношении лиц. Законодатель таким образом сформулировал эти положения, что стороны конкретного гражданского правоотношения по возмещению имущественного вреда оказываются равноправными по отношению друг к другу независимо от сословного положения.

Иная позиция законодателя была выражена применительно к правоотношениям по возмещению неимущественного вреда.

В Уложении Алексея Михайловича содержатся нормы, регулирующие отношения, связанные с защитой нематериальных благ. Традиционные в настоящее время термины «моральный вред», «неимущественный вред», «нематериальные блага» отсутствуют. Законодатель широко использует термин «бесчестие» (или «бесчестье»).

Десятая глава Соборного уложения включает более 70 статей, содержащих нормы материального права о возмещении неимущественного вреда в связи с бесчестием.

Рассмотрим статьи, в которых использованы данные термины. Анализируя значение термина «бесчестие», отметим прежде всего, что законодатель ограничивает его применение сферой неимущественного вреда. В ст. 32 гл. VII разделяются «бесчестие и грабеж», в ст. 133, 199 гл. X – «бесчестие и убытки». Кроме то-

---

[739] См.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 276.

го, термин «бесчестие» не применяется в тех статьях Уложения, в которых речь идет исключительно об имущественном вреде[740].

Гипотезы норм тех статей Уложения 1649 г., в которых использован термин «бесчестие», указывают: 1) на физическое воздействие (удар) без причинения вреда здоровью (гл. I, ст. 6; гл. III, ст. 2); 2) на физическое воздействие, причинившее вред здоровью (гл. III, ст. 2; гл. X, ст. 133), в том числе, когда было применено оружие (гл. III, ст. 5); 3) оскорбление словом, без физического воздействия (гл. I, ст. 7). В последнем случае законодатель формулирует гипотезу правовой нормы следующим образом: «обесчестит словом». О бесчестии речь идет также в случае ложного обвинения судьи во взяточничестве и других служебных преступлениях (гл. X, ст. 9). Несмотря на то, что гипотеза одной из норм о причинении неимущественного вреда сформулирована широко – «кто кого чем обесчестит» (гл. X, ст. 27), в последующих нормах в основном рассматриваются случаи нанесения бесчестия словом. Например, в целом ряде статей (гл. I, ст. 7; гл. III, ст. 1 и др.) содержится формулировка «обесчестить словом»; в ст. 31 гл. X указывается: «правити за бесчестие»; в ст. 105 гл. X: «за судейское бесчестие»[741] и т. п.

Другими словами, анализ соответствующих статей Уложения 1649 г. показывает, что в большинстве бесчестием называется оскорбление словом или, в отдельных случаях, оскорбление действием, но без причинения вреда здоровью[742]. Если гипотеза норм указывает на причинение вреда здоровью, то законодатель использует термин «увечье». Это позволяет сделать вывод о том, что понятия «бесчестие» и «увечье» разделяются.

Таким образом, термином «бесчестие» обозначается посягательство на здоровье, достоинство и честь человека, нанесенное оскорблением словом, а в отдельных случаях – сопряженное с физическим воздействием. Данные правовые ситуации напрямую связаны с личностью потерпевшего, а, значит, и с его правовым положением.

---

[740] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1830. Т. I. № 1.

[741] Там же.

[742] Исключением можно считать ст. 2 гл. III Соборного уложения и некоторые другие статьи.

Одновременно можно сделать вывод, что понятие «бесчестие» имеет в Уложении 1649 г. и второе значение: компенсация неимущественного вреда. То же самое можно отметить и в отношении термина «увечье». Санкции ряда норм предусматривают взыскание помимо «бесчестия» еще и «увечья»: «и на нем раненому доправити бесчестие и увечье» (гл. III, ст. 5); «велеть на нем доправити бесчестие и увечие» (гл. X, ст. 142)[743]. «Увечьем» здесь законодатель, очевидно, называет возмещение вреда здоровью.

Ряд статей гл. X (ст. 32 и след.) содержит указания на конкретные размеры компенсации морального вреда, нанесенного оскорблением словом[744]. По сути, законодатель семнадцатого столетия ввел таксу, применяемую судами при рассмотрении данной категории дел.

Таксы ущерба в настоящее время используются в правоприменительной практике в Российской Федерации. Современный законодатель устанавливает таксы для расчета имущественного вреда в тех случаях, когда размер вреда и соответственно размер взыскания определить достаточно сложно. В качестве примера можно назвать таксы, применяемые для расчета ущерба, причиненного объектам животного мира. В отношении таких природных объектов, как земля, недра, воды, ущерб определяется на основании специальных методик.

В Соборном уложении таксированию подвергся неимущественный вред. Сама по себе идея точного определения размера взыскания за причиненный вред неимущественного характера была реализована в отечественном законодательстве еще во времена «Русской правды»[745]. Необходимо заметить, что такой подход законодателя к вопросу определения взыскания за неимущественный вред имел место не только в России, но и в других странах (например, Салический закон Франкского государства).

---

[743] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.1830. Т. I. № 1.

[744] Там же.

[745] Калачов Н.В. Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций / издал Н. Калачов. М.: Тип. Августа Семена, 1846 (Пространная редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya /russkaya-pravda-prostrannaya.htm (дата обращения: 20.06.2022).

Исследователи неоднократно отмечали факт перечисления в статьях десятой главы Уложения 1649 г. длинного ряда категорий населения и отдельных лиц, которым предусматривалась материальная компенсация за причинение бесчестия[746]. Названные статьи содержат перечень лиц с указанием размера полагающейся им денежной компенсации.

В перечне указываются должности, чины, социальные или профессиональные группы, а в одном случае – с именитыми людьми Строгановыми – фамилии. Открывают перечень и занимают большую его часть священнослужители. Полагаем, что наличие такого количества статей (более 60), посвященных церковнослужителям, объясняется причинами неправового порядка.

В ст. 91 и 92 речь идет об оскорблении «боярина или околничего или думного человека», т.е. членов Боярской думы.

В ст. 93 перечисляются стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки и жильцы, городовые дворяне и дети боярские, иноземцы, дворовые люди, подьячие, а также иные «всяких чинов» люди, которые «государевым денежным жалованьем верстаны».

В ст. 94 называются «имянитые люди Строгановы», гости, посадские люди гостиных, суконных, казенных и черных сотен и слобод, ямщики, дворцовые и черные крестьяне, боярские люди, крестьяне помещиков и вотчинников, гулящие люди.

Статья 99 Соборного уложения содержит норму о компенсации за бесчестие женщин и детей. Жены и дочери подлежали повышенной правовой защите. Исследователи выводили такой подход законодателя из отечественной традиции, берущей свое начало со времен Древнерусского государства. Так, О.И. Чистяков отмечает, что Уложение, «следуя традиции древнерусских княжеских уставов, … охраняет женскую честь»[747].

---

[746] См., например: Чистяков О.И. Комментарий к главе X // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / под общ.ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. С. 293–296.

[747] Там же. С. 296.

Норма ст. 99 подлежала применению в отношении представителей всех сословий. Вместе с тем размер компенсации за бесчестие определялся исходя из «оклада» мужа или отца, что дает основание для вывода о выплате компенсации соответственно социальному положению оскорбленной[748].

Согласно нормам Соборного уложения в случаях, когда моральный вред был причинен лицу, получавшему «государево денежное жалование», т.е. находившемуся на государственной службе, размер взыскания определялся исходя из размеров его оклада. В связи с этим денежные суммы для данных категорий лиц в Уложении не указаны.

В анализируемых статьях называются и лица, причинившие моральный вред и, соответственно, являвшиеся ответчиками в делах по его возмещению. По сути, идет перечень чинов, который в ряде статей заменяется указаниями «какова чину ни будь» (гл. X, ст. 93), «кто ни буди» (гл. X, ст. 96, 99). В перечне причинителей морального вреда отсутствуют царь и патриарх, что объясняется, вероятно, обстоятельствами не столько правового, сколько нравственного порядка. Если все-таки попытаться дать юридическую оценку этого факта, то следует говорить о реализации принципа юридической неответственности монарха.

Законодатель предусматривает ситуацию, когда ответчик оказывается не в состоянии выплатить денежное возмещение. Правовые последствия зависят от социального положения ответчика. Если ответчик является священнослужителем, то закон (гл. X, ст. 84) предписывает «править бесчестье нещадно»; если ответчик имеет чин боярина, окольничего или «думного человека», то он подлежит наказанию кнутом (гл. X, ст. 91). Ответчик, не принадлежавший к категориям священнослужителей, бояр, дворян или гостей, подвергался наказанию кнутом и двухнедельному тюремному заключению (гл. X, ст. 92)[749].

Деяние, причинившее неимущественный вред, являвшееся преступлением, влечет уголовную ответственность (гл. X Соборного уложения, ст. 105, 106)[750].

---

[748] Чистяков О.И. Комментарий к главе X // Российское законодательство X–XX веков… Т. 3.

[749] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1830. Т. I. № 1.

[750] Там же.

В отличие от правового механизма возмещения имущественного вреда, механизм возмещения неимущественного вреда создан таким образом, что он функционировал с учетом сословной принадлежности лиц как субъектов гражданских правотношений.

В качестве общего вывода отметим: в середине XVII в. объем право- и дееспособности лица в гражданско-правовой сфере по целому ряду аспектов зависел от его сословной принадлежности. В аспекте используемой законодателем терминологии наиболее ярко это обстоятельство проявлялось в сфере внедоговорных обязательств.

Таким образом, гражданско-правовой статус человека в России середины XVII в. испытывал значительное влияние со стороны сословного статуса.

Вместе с тем отраслевой правовой статус представлял в XVII в. самостоятельный компонент в системе правовых статусов человека.

Направление эволюции отраслевого правового статуса индивида в гражданско-правовой сфере в XIX в.

Отражение сословных принципов структурирования общества, точнее говоря, сословных привилегий и сословного неполноправия, мы можем видеть в принципиальных подходах законодателя к урегулированию гражданских правоотношений в XIX в.

Начало нового этапа в рамках рассматриваемого в настоящей работе исторического периода было отмечено заметным изменением объема прав и обязанностей в сфере гражданского права лиц непривилегированнных сословий. В числе наиболее заметных мер стало расширение категории приобретателей ненаселенных земель за счет представителей городских и сельских обывателей[751].

В тексте Свода законов гражданских (в изданиях 1832 г. и 1857 г.) правовой статус российских подданных в гражданско-правовой сфере был весьма подробно

[751] Именной указ, данный Сенату «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» от 12 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVI. № 20 075.

регламентирован. При этом положения Свода сохранили определенную зависимость отраслевого статуса от статуса сословного. В тексте Свода законов гражданских содержатся положения, которые либо напрямую, текстуально предназначены для лиц определенных сословий и внутрисословных групп, либо связывают пользование правами и несение обязанностей с такими условиями, которые доступны представителям только определенных категорий населения.

Правоприменитель следил за соблюдением установленных запретов. В качестве примера можно привести запрет на владение крепостными (дворовыми) людьми[752].

Разделение земель на населенные и ненаселенные, осуществленное в ст. 232 книги второй «О порядке приобретения и укрепления прав на имущество вообще» Свода законов гражданских,[753] коренится, по сути, в прикреплении части представителей сословия сельских обывателей к земельному имению.

В перечне нераздельных недвижимых имуществ содержатся как вещи, чье разделение невозможно без серьезного ущерба для их использования по назначению (фабрики, заводы, лавки и т. п.), так и земельные участки, принадлежащие свободным хлебопашцам[754]. Очевидно, что в отношении данных земельных участков в глазах законодателя важнейшим критерием является правовой статус владельцев, а не хозяйственная целесообразность.

В перечне видов подложного владения два вида напрямую касаются не имущества, а людей, причем оба связаны именно с правовым статусом этих людей. Законодатель относит к подложному владению «принятие и водворение чужих беглых людей, с намерением учинить их своими крепостными» и «удержание в работах чужих крестьян и дворовых людей под видом удовлетворения долгов заработкою»[755].

---

[752] Воронежские губернские ведомости. 1841. № 2. С. 8.

[753] Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т.10. Ч. I Законы гражданские. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857. Статья 232.

[754] Там же. Статья 239.

[755] Там же. Статья 313.

Владение землями безвестно отсутствующих помещиков признается самовольным, но добросовестным для крепостных крестьян, водворенных на них[756] (в отличие от лиц иных категорий).

Отдельный вид вознаграждения за незаконное завладение чужим имуществом (т. е. по современной терминологии компенсация материального вреда) составляет вознаграждение за прием или передержание чужих крепостных людей[757].

Установленные законодателем ограничения право- и дееспособности крепостных людей находят свое отражение в юридической практике. Например, помещичьи крестьяне, участвовавшие в торгах на поставку товаров или выполнение работ, должны были вместо залога представлять ручательство их владельцев[758].

Откровенно сословный характер носят положения о компенсации морального вреда, или, по терминологии Свода законов гражданских, о вознаграждении за обиды личные имуществом (ст. 380–386 Свода законов гражданских).

В течение второй половины XIX в. в Российской империи гражданское право как отрасль права оформилось в «классическом» виде: с самостоятельным предметом и методом регулирования. Отраслевой правовой статус индивида в гражданско-правовой сфере развивался в направлении уменьшения зависимости от сословного статуса.

Однако целый ряд правоотношений продолжал регулироваться законодателем с позиций учета сословной принадлежности субъектов. Прежде всего речь идет об отношениях землевладения и землепользования и о представителях дворянского сословия и сословия сельских обывателей.

Наиболее яркий пример – владение и использование надельной земли, переданной в ходе реформы 1861 г. сельским обществам. Установленные законодателем правомочия крестьян-членов сельских обществ в отношении общинного землевладения и землепользования сочетали как ограничения, так и преимущества. Кстати говоря, часть особенностей правового режима надельных земель была со-

---

[756] Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т.10. Ч. I … Статья 314.
[757] Там же. Статьи 358, 360.
[758] Воронежские губернские ведомости. 1841. № 2. С. 7.

хранена верховной государственной властью и в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина в начале XX в.

Таким образом, отраслевой статус (на примере статуса в сфере гражданско-правовых отношений) как компонент системы правовых статусов человека в России присутствовал в течение всего рассматриваемого исторического периода. С середины XVII в. по начало 60-х гг. XIX в. отраслевой статус испытывал влияние доминирующего сословного статуса. После Великих реформ XIX в. отраслевой правовой статус человека в гражданско-правовой сфере развивался в направлении уменьшения зависимости от сословного статуса.

ГЛАВА 5. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА В РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ПРАКТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Сословная система и социальная мобильность: общая характеристика организационно-правового механизма изменения правового статуса индивидами и социальными группами

Правовой механизм изменения индивидуального правового статуса является одним из компонентов социальной системы страны. Сущностные характеристики этого механизма определяют тип социальной мобильности, который, в свою очередь, связан с типом модели правового оформления социальной системы.

Организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса: понятие, структура

Проблематику социальной мобильности изучали и изучают многие исследователи. Наиболее активно это делают представители социологической науки, а также философии, экономической истории, права и ряда других наук. Основы зарубежной научной историографии были заложены Р. Бендиксом, П. Бурдьё, М. Вебером, Э. Гидденсом, Д. Глассом, М. Граповеттером, Э. Дюркгеймом, Г. Зеттенбергом, Р. Мертоном, Т. Парсонсом, В. Рубинштейном, П. Сорокиным, П. Таунсендом и рядом других ученых. В числе отечественных авторов необходимо назвать В. Берви-Флеровского, А.А. Богданова, С.И. Солнцева, М.И. Туган-Барановского и др.

В настоящее время названную проблематику разрабатывают отечественные исследователи Г.В. Атаманчук, Г.Э. Говорухин, О.В. Дядиченко, Т. И. Заславская, А.И. Кравченко, Н.С. Розов, Т.В. Сохраняева, О.И. Шкаратан, С.И. Черных,

М.Ф. Черныш и др., а также зарубежные исследователи Д. Норт, Дж. Урри, М. Шеллер и др.

В рамках отечественной исторической науки, включая социальную историю, указанная тематика также нашла свое отражение. Мы можем назвать имена историков А.Я. Авреха, А.Ю. Андреева, Л.Г. Бескровного, М.М. Богословского, В.А. Воропанова, Ю.В. Готье, Н.Ф. Демидовой, П.А. Зайончковского, В.О. Ключевского, Т.И. Любиной, Б.Н. Миронова, Н.И. Павленко, Н.П. Павлова-Сильванского, М.Г. Спиридова, С.М. Соловьева, С.М. Троицкого, И.А. Федосова, А.М. Феофанова, А.Н. Чистозвонова, Д.Н. Шилова и других.

Факты, относящиеся к служебной карьере в России представителей финляндского общества, приводят в своих работах финляндские авторы М. Клинге, Ю. Невакиви, С. Хентиля, О. Юссила и некоторые другие.

Одним из наиболее актуальных аспектов вопроса социальной мобильности является аспект управления государством процессами социальной мобильности. Этот аспект нуждается в дальнейшей научной проработке не только в рамках социологии, менеджмента, но и в рамках правовой науки, тем более что проблематика социальной мобильности соприкасается с феноменом правового статуса личности и общественных групп, а данный феномен является предметом исследования прежде всего юридической науки. Таким образом, полное исследование этой междисциплинарной темы не может быть произведено без работ правового и историко-правового характера.

Необходимо назвать имена представителей государствоведения А.Д. Градовского, Н.М. Коркунова, Н.И. Лазаревского, Б.Н. Чичерина и других правоведов.

Отдельные аспекты заявленной темы рассматриваются в научных трудах и учебных пособиях И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.И. Сергеевича и других видных представителей историко-правовой науки прошедшего периода, а также в трудах представителей современной отечественной науки истории государства и права И.А. Исаева, М.А. Исаева, В.М. Клеандровой, Р.С. Мулукаева, Т.Е. Новицкой, Ю.П. Титова, В.А. Томсинова, О.И. Чистякова и других.

Весьма перспективным представляется разработка проблематики в рамках междисциплинарных исследований, в т.ч. исследований с использованием потенциала истории права, истории и социологии. Образцы такого рода исследований представлены в трудах А.Н. Медушевского, Б.Н. Миронова, В.А. Томсинова и других современных отечественных ученых.

Полагаем необходимым определиться с некоторыми вопросами понятийно-терминологического характера. В настоящее время при рассмотрении вопросов, связанных с изменением положения индивида в социальной структуре, наиболее активно используется понятийно-терминологический аппарат социологии и экономики. Полный отказ от применения данных терминов в работе историко-правового характера полагаем нецелесообразным. Поэтому необходимо, что называется, «сверить часы», т.е. соотнести содержание некоторых терминов из «неюридических» наук и терминов, используемых в историко-правововой науке, а также уточнить понимание традиционных для социологии и экономики терминов при их использовании в канве историко-правового исследования.

Один из пионеров данного направления научных исследований – П.А. Сорокин – под социальной мобильностью понимает «явление перемещения индивида внутри социального пространства»; при этом он трактует социальное пространство как «народонаселение Земли»[759].

Понятно, что в историко-правовом исследовании данный понятийный аппарат может применяться лишь с весьма существенными оговорками. Не меняет сути дела и конкретизация исследователем понятия социальной мобильности в следующей редакции: «любой переход индивида, или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»[760].

В целом в социологии утвердилось понимание социальной мобильности как смены социальной позиции субъектов. Правовой аспект проблемы, присутствует, в лучшем случае, в перечне различных компонентов социального, экономическо-

[759] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 231–232.
[760] Там же. С. 292.

го и психологического порядка.

В современной социологической науке происходит пересмотр устоявшихся научных подходов к трактовке понятия социальной мобильности. Новые подходы изложены в трудах М. Шеллер, Дж. Урри и других авторов. Этот пересмотр связан, не в последнюю очередь, с активным исследованием проблематики горизонтальной мобильности. Указанная концепция нашла поддержку в отечественной социологии[761]. В российской социологии продолжается разработка проблематики каналов социальной мобильности, включая рассмотрение новых каналов[762].

Сколько-нибудь подробная характеристика происходящих в современной социологии процессов в отношении изучения названных проблем не является задачей настоящего исследования. Отметим лишь, что, по нашему мнению, при всей научной перспективности новая трактовка понятия социальной мобильности еще более снижает роль нормативно-правовых факторов при анализе механизма перемещения людей по ступеням «социальной лестницы».

Разработка в современной отечественной философии проблематики социальной динамики также затрагивает весь комплекс сфер жизни общества. Например, Н.С. Розов включает в понятие «социальная динамика» изменения социальных структур (групп, сообществ, организаций, институтов) и социально значимые качества индивидов. Таким образом, данным понятием охватываются все «демографические, экономические, политические, культурные, религиозно-идеологические, технологические изменения»[763]. Как мы видим, в данной трактовке понятие «социальная динамика» оказывается свободным от правового содержания, а роль законодателя значительно нивелируется в составе спектра факторов политических изменений.

Вышеизложенное относится и к понятию каналов вертикальной циркуляции

---

[761] Данилова А.В. Повседневная мобильность в системе воспроизводства социальных отношений // АНИ: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 325 и след.

[762] Зорина Е.А. Каналы социальной мобильности личности: устоявшиеся и вновь появившиеся // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems; № 9 (53), 2015. С. 264 и след. и др.

[763] Розов Н.С. Универсальная модель исторической динамики // История и современность. 2011. № 1. С. 41–63.

или каналов социальной циркуляции (по выражению П.А. Сорокина). П.А. Сорокин в труде «Человек. Цивилизация. Общество» обозначает эти каналы в качестве социальных институтов и относит к важнейшим из них армию, церковь, школу, политические, экономические и профессиональные организации[764]. В современной социологической теории для обозначения названных каналов применяются и иные термины, такие, как «каналы социальной мобильности» и т.п. Их перечень является не просто открытым, но и в значительной степени дискуссионным. В него включаются, например, не только искусство, брак, семья, но и средства массовой коммуникации, спорт и некоторые другие институты[765].

В экономической науке также применяются термины, связанные с восходящей или вертикальной мобильностью. При этом в соответствующих исследованиях роль законодателя минимизируется по сравнению с факторами экономического порядка. Вот каким образом представлен механизм вертикальной социальной мобильности в работе Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста применительно к социальному порядку с ограниченным доступом (по их классификации): «Восходящая мобильность в естественном государстве обычно происходит через каналы сетевых структур патрон-клиентских отношений. Талантливый человек благодаря работоспособности и умениям может достичь властного положения. Раб в Древнем Риме мог стать членом элиты. Естественные государства – это общества с ограниченным, а не закрытым доступом»[766]. Собственно говоря, юридические характеристики механизма вертикальной социальной мобильности отсутствуют в данном определении, что допустимо и естественно для экономической теории и экономической истории, но не может считаться приемлемым для историко-правового исследования.

Таким образом, используя в исследовании понятийный аппарат социологии, экономики (как, впрочем, и других «неюридических» наук), мы должны видеть

---

[764] Сорокин П.А. Указ. соч. С. 308.

[765] См., например: Косинов С.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Система социальной мобильности российского общества: оценка эффективности в условиях современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 33–36.

[766] Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Указ. соч. С. 92.

правовую сторону процессов. Нас интересует, естественно, правовой аспект мобильности, причем применительно к рассматриваемому периоду в истории России. Речь идет не о социуме вообще, а о санкционированной государством социальной иерархии с установленными уровнями и юридически определенными границами между социальными группами, не просто о перемещении индивида в социальном пространстве, а об изменении индивидуального правового статуса человека, которое может быть обусловлено изменением его сословного и профессионального статусов. Другими словами, историко-правовую науку интересует движение лица не просто в социальном пространстве, а, если можно так выразиться, в нормативно установленной системе координат. Формальное удостоверение положения лица в этой системе координат производится уполномоченными государственными органами путем принятия определенных решений и выдачи определенных документов.

Учтем и то обстоятельство, что отнюдь не во всех случаях утрата имеющегося правового статуса и получение нового, в том числе более высокого, воспринималось человеком позитивно. Скажем, изменение по инициативе государственной власти без учета желания человека индивидуального правового статуса весьма часто (если не сказать, как правило) влекло за собой серьезное изменение прав, обязанностей и социальных функций индивида, что могло восприниматься им негативно, хотя новый правовой статус мог быть выше прежнего. В правовом исследовании приходится абстрагироваться от многих соображений психологического порядка.

Поэтому в настоящей работе мы обратим внимание на предоставленные законодателем правовые и организационные возможности изменения подданными, прежде всего представителями сословий Российской империи, своего индивидуального правового статуса. В фокусе нашего внимания находится, говоря языком юридической науки, организационно-правовой механизм мобильности, или, как выразились бы социологи, «институциональный субстрат мобильности»[767]. Рам-

[767] Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: автореф. дис. … д-ра социол. наук. М., 2005 [Электронный ресурс]. URL:

ками предмета исследования охватываются также некоторые обстоятельства «неюридического», неинституционализированного характера, к которым мы относим некоторые традиции, личные связи, проявленные в ходе служебной деятельности личные качества и т.д. При этом нас интересует вертикальная социальная мобильность; горизонтальная мобильность затрагивается лишь в контексте исследования вертикальной мобильности.

Мы рассмотрим как нормативно-правовые основы механизма изменения индивидуального правового статуса, так и результаты его работы – статистические сведения и факты биографии представителей различных социальных групп. Такой подход объясняется тем, что конкретизацией каналов и механизма социальной мобильности является, (по выражению С.А. Просольченко), совокупность неинституционализированных и институционализированных социальных практик изменения социального положения[768]. Подчеркнем, что нас интересует не просто функционирование механизма вертикальной социальной мобильности, но его работа в юридическом аспекте, выраженная в изменении индивидуального правового статуса и перемещении индивида в другое субсословие внутри своего сословия или в другое сословие. При этом нас интересуют каналы изменения правового статуса, доступные значительному количеству людей. Таким образом, мы выходим на определенные критериальные показатели, наличие которых необходимо и достаточно для признания общественной значимости канала изменения индивидами своего правового статуса. Речь идет о юридической и физической доступности.

Понятие юридической доступности характеризует возможность использования данного канала лицами разных (в наиболее оптимальном варианте – всех) сословий и субсословий с позиций нормативного регулирования. Иначе говоря, юридическая доступность означает наличие или отсутствие запретов на использо-

---

https://www.dissercat.com/content/sotsialnye-instituty-i-mobilnost-v-transformiruyushchemsya-obshchestve (дата обращения: 22.06.2023).

[768] Просольченко С.А. Социальная мобильность как объект социального управления: автореф. дис. … канд. социол. наук. Пятигорск, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-mobilnost-kak-obekt-sotsialnogo-upravleniya (дата обращения: 22.06.2023).

вание канала лицами в зависимости от их правового статуса.

Понятие физической доступности позволяет оценить возможность практического использования канала лицами, имеющими соответствующую потенциальную юридическую возможность. Оно включает в себя организационные, финансовые, территориальные и прочие характеристики, определяющие степень доступности данного канала. Названные характеристики, как правило, не были узаконены правовыми актами. В связи с этим мы в отношении некоторых из них предложим собственную трактовку, позволяющую дать оценку степени физической доступности того или иного канала вертикальной социальной мобильности.

Естественно, что как юридическая, так и физическая доступность определяется государственной политикой. Эти вопросы регулируются законодательными и подзаконными актами. Степень государственного регулирования, конечно, различна. Если юридическая доступность канала социальной мобильности определяется государством практически единолично, что называется, «стопроцентно», то физическая доступность в определенной мере зависит от деятельности иных субъектов, например, организаций и физических лиц. Однако инициатива частных лиц и корпораций, которая может быть привлечена для решения вопроса о физической доступности того или иного канала мобильности, нуждается в предварительном санкционировании со стороны государства, как минимум, в отсутствии прямых нормативных запретов.

В связи с вышесказанным мы не рассматриваем такое явление, как фаворитизм. В рассматриваемый исторический период в России (а также в различные периоды истории в зарубежных странах) имелись примеры возвышения по социальной лестнице людей по причине протежирования со стороны главы государства. При всей относительной многочисленности этих примеров данный способ изменения правового статуса не был и не мог быть ординарным и сколько-нибудь массовым.

Не были массовыми в рассматриваемый исторический период и такие современные каналы вертикальной социальной мобильности, как искусство и тем более спорт. Их рассмотрение не является задачей настоящей работы.

Подробная характеристика брака как канала изменения правового статуса человека также не является задачей настоящего исследования. Мы ограничимся краткими замечаниями по этому вопросу.

Если вести речь об историко-правовой науке, то следует отметить, что имеющиеся работы правового формата посвящены рассмотрению обычаев, канонических норм и законодательства Российской империи о браке и семье, характеристике брака и семьи как правовых феноменов и т.п. Вопросы развития правового регулирования брачно-семейных отношений в историческом аспекте рассматривают в своих трудах М.Ф. Владимирский-Буданов, Е.П. Гаранова, П.С. Ефименко, А.Ю. Колинько, Э.М. Левшин, Ю.Н. Мокшина, К.А. Неволин, Н.С. Нижник, К.П. Победоносцев, П.Л. Полянский, Л.А. Тищенко, М.К. Цатурова, М.В. Шабанова, Г.Ф. Шершеневич и другие авторы.

Институт брака регулировался в рассматриваемый период не только законодателем, но и церковным правом, а в ряде случаев – и правовым обычаем. В научной литературе, в связи с этим, называются три регулятора данных отношений: общество (крестьянская среда), Православная церковь, государство[769], отмечается роль обычного права[770] и др.

Полагаем, что государство не рассматривало брак в силу его особой религиозно-нравственной сущности как самостоятельный способ повышения правового статуса. Конечно, законодатель прямо указывал случаи «сообщения» правового статуса человека его жене и его детям, но, если можно так выразиться, данное обстоятельство было свойством брака, а не его целью.

Законодатель оговаривал вопросы сохранения или изменения сословного и иного корпоративного (внутрисословного) статуса подданного при вступлении его в брак. В законе прямо указывались случаи «сообщения» вступившему в брак человеку определенного правового статуса. Законодатель учитывает интересы

---

[769] Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 25.

[770] Ефименко П.С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб.: Тип. Майкова, 1872.

лиц, имеющих определенные правомочия в отношении вступающих в брак в силу своего сословного статуса. В качестве примера мы приведем известную норму о запрете помещичьим крестьянам и дворовым людям вступать в брак «без дозволения их владельца»[771]. Аналогично вдовы и девушки удельного ведомства могли вступать в брак только при получении «от мира» увольнительной[772].

Мы должны учитывать также обстоятельства, которые являлись следствием состояния в браке и которые влияли на реализацию человеком своих правовых возможностей. Так, законодатель и церковь отрицательно относились к практике раздельного проживания супругов. При этом в отношении определения места жительства крепостного человека решающую роль играл его владелец. Применительно к семьям, в которых один из супругов был крепостным, а второй – свободным, возникала коллизия: не только сами крепостные, но и их супруги, сохранившие добрачный сословный статус, были ограничены в возможности выбора места жительства.

Изложенные замечания не отменяют целесообразности рассмотрения брака в качестве способа изменения индивидуального правового статуса в рамках историко-правового исследования. При этом мы полагаем, что концептуальные подходы должны существенно отличаться от концептуальных подходов, бытующих в социологии, экономике и других «неюридических» науках. В частности, в фокусе внимания исследователя-правоведа должны находиться мезальянсы.

Полагаем, что применительно к рассматриваемому периоду не может быть признана в качестве самостоятельного канала изменения индивидуального правового статуса семья. Несмотря на то, что семья рассматривается многими социологами как отдельный (от брака и от других каналов) канал социальной мобильности, мы не считаем возможным в рамках историко-правового исследования наделять семью как социальный институт характеристикой канала социальной мобильности. Данный тезис, разумеется, не отменяет тех юридических возможно-

---

[771] Свод законов гражданских. Книга первая. О правах и обязанностях семейственных, ст. 14 // Свод законов Российской империи. Т. 10. Законы гражданские. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

[772] Там же. Ст. 18.

стей повышения правового статуса не только самим человеком, но и членами его семьи. Так, согласно ст. 566 Свода законов о состоянии людей в государстве Свода законов Российской империи жена крепостного человека получает свободу в случае выхода мужа из крепостного состояния. Жена и дети крепостного, освобожденного из плена, получают вместе с главой семьи право «избрать род жизни», не возвращаясь в крепостное состояние (ст. 705)[773].

Вне предмета настоящего исследования находится предпринимательство и выполнение трудовых функций как канал вертикальной социальной мобильности. В научной литературе имеются труды, в которых рассматриваются различные аспекты выстраивания профессиональной карьеры представителями различных сословий, прежде всего социальных групп горожан и сельских жителей, принадлежащие перу А.И. Аксенова, А.А. Александрова, С.В. Бахрушина, А.Н. Боханова, М.Л. Гавлина, А.В. Дёмкина, А.В. Матисона, Н.Е. Носова, Н.И. Павленко, М.Ф. Прохорова, В.П. Пузырева, Н.П. Чулкова и других авторов[774].

Возможности изменения индивидуального правового статуса посредством активного участия в общественной деятельности и благотворительности были санкционированы российским законодателем. Правовое регулирование данного вопроса в XIX в. следует признать удовлетворительным. Практике благотворительности в России в рассматриваемый исторический период посвящен целый ряд научных исследований[775].

Государство (в лице монарха и должностных лиц государственных органов) в целом ряде случаев выступало инициатором создания той или иной обществен-

---

[773] Свод законов о состоянии людей в государстве // Свод законов Российской империи. Т. 9. Законы о состояниях. 1857.

[774] Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М.: Наука, 1988; Демкин А.В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья / отв. ред. А.А. Преображенский; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1990; Матисон А.В. Генеалогия московской торгово-промышленной элиты, 1801–1863 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1999 и др.

[775] Володихин Д.М., Федорец А.И. Традиции православной благотворительности. – М.: Вече, 2010. 304 с.; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. Конец XVIII – начало XX века: дис. д-ра ист. наук. М., 2006. 612 с.; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. – М.: Наука, 2005. 415 с. и др.

ной организации, а также оказывало материальное содействие в деятельности общественных организаций. В частности, речь идет об организациях, осуществляющих свою деятельность в сфере благотворительности. В качестве примеров можно привести Вольное экономическое общество и Императорское воспитательное общество благородных девиц, основанные по решению императрицы Екатерины II, Императорское человеколюбивое общество, Комитет для пособий санкт-петербургским жителям, потерпевшим от наводнения, основанные по решению императора Александра I, Императорское Русское географическое общество, основанное по решению императора Николая I, Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), основанное по решению императора Александра III и др. Численность членов общественных объединений постепенно увеличивалась, так, в 1914 г. в составе ИППО насчитывалось около 3 тыс. членов.[776]

Большая роль государства при их открытии и в их деятельности оказала влияние на их правовую природу.

В годы великих реформ Александра II государственное регулирование деятельности общественных организаций и практика создания общественных объединений выходят на новый уровень. Во второй половине XIX – начале XX в. наряду с государственной инициативой, развивается практика создания общественных, в т.ч. благотворительных, организаций исключительно по инициативе и на средства частных лиц. Об организации повседневной деятельности этих обществ имеются многочисленные письменные источники, а также свидетельства современников[777].

Появление в результате проведения судебной реформы 1864 г. адвокатуры современного типа привело к формированию нового института социальной мобильности. Возможностями этого института воспользовались представители нескольких сословий, однако в силу понятных причин данный институт не мог обеспечить массовую практику повышения индивидуального правового статуса.

---

[776] Житинёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. С. 197.

[777] Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 3. Ч. 1. Ревель – Берлин: Изд-во «Библиофил», 1922. С. 25.

В свете вышесказанного представляется естественным первоочередное внимание в настоящей работе к таким «традиционным» социальным институтам мобильности, как армия, государственная гражданская служба и образование. При этом армию и государственную гражданскую службу мы объединяем в один институт – государственная служба, включающий военную, правоохранительную, гражданскую и придворную службы.

В нашем исследовании лишь частично затрагивается институт местного самоуправления. В действительности на протяжении практически всего рассматриваемого исторического периода, за исключнием нескольких последних его лет, в России непрерывно проходил процесс «огосударствления» местного самоуправления, сохранения контроля за ним со стороны государственных органов. В научной литературе этот поцесс рассмотрен достаточно подробно. В частности, в историографии дана довольно суровая оценка степени самостоятельности органов крестьянского сословного самоуправления. Отмечается, что и на уровне сельского общества, и на уровне волости принцип самоуправления парализовался подчиненностью их общим бюрократическим полицейским и административным властям[778]. Такого рода наблюдения можно сделать и в отношении других компонентов местного самоуправления в России. Тем не менее законодатель конституировал существенно разную правовую природу института местного самоуправления по сравнению с институтом государственной службы.

Исследование в рамках настоящей работы службы в органах местного самоуправления не является целесообразным ввиду в целом незначительной его роли как канала вертикальной социальной мобильности. Такая роль определяется несколькими факторами, в числе которых присутствует сословный характер всех (после 1864 г. – практически всех) компонентов системы самоуправления в течение всего рассматриваемого исторического периода. Работа в органах местного самоуправления в принципе не являлась способом изменения сословного статуса человека. Правда, с течением времени российскиий законодатель предоставлял

[778] Уланов В.Я. Крестьянская реформа // Три века. Том шестой: Сб. / Сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. М.: изд-во «ГИС», 1995. С. 157.

некоторым должностным лицам местного самоуправления определенные преференции. Прежде всего это касается лиц дворянского сословного самоуправления, а с конца XIX в. – лиц земского всесословного и городского несословного самоуправления. Так, в 1831 г. должность уездного предводителя дворянства была приравнена к VI, а в 1878 г. к V классу. В 1902 г. было дано право на получение государственной пенсии[779].

В рассматриваемый период появились, по нашему мнению, предпосылки становления в данном качестве системы образования; точнее говоря – становления для всего населения России, поскольку для некоторой, численно незначительной, части населения образование выполняло роль канала вертикальной мобильности всегда.

В фокусе нашего исследования находится, как мы уже отмечали выше, вертикальная социальная мобильность. Именно данный тип мобильности сопровождается изменением индивидуального правового статуса. Однако горизонтальная социальная мобильность, конечно, в меньшей степени, нежели вертикальная мобильность, также рассмотрена в настоящей работе. Объясняется это тем обстоятельством, что горизонтальная мобильность, связанная с изменением места проживания или места профессиональной деятельности, является по сути не только способом выполнения индивидом своей социальной функции, выполнения своего служебного долга, своих сословных обязанностей, но и способом создания ресурса для повышения индивидом своего правового статуса.

Отдельным вопросом рассматривается влияние крепостной зависимости на юридические возможности и реальную практику продвижения по социальной лестнице крепостных людей.

Законодатель, закрепив определенную иерархию субсословий внутри сословия и утвердив порядок перемещения из одного субсословия в другое, сформировал тем самым своеобразные механизмы социального лифта, работающие по инициативе подданных. Существовало два механизма такого рода, предусматри-

[779] Любина Т.И., Смирнов С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика: монография / ред. Н.В. Михайлова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 26.

вавших изменение сословного статуса индивида.

Один был рассчитан на последовательное прохождение субсословных и сословных «ступеней» в ходе вертикальной социальной мобильности. Сущность данного механизма заключается в переходе лица из одного субсословия в другое, занимавшее более высокое положение во внутрисословной иерархии. Наличие внутрисословной иерархии субсословий облегчало межсословную мобильность, поскольку правовые различия между «пограничными» субсословиями разных сословий были меньше, нежели различия между сословиями «в целом». Данный механизм предполагал корректировку хозяйственной деятельности индивида, в т.ч. зачастую в сочетании с изменением места жительства.

Одновременно законодатель сконструировал иной механизм. Он предполагал другую траекторию социальной мобильности. Для данного варианта изменения индивидуального правового статуса можно было использовать в качестве каналов мобильности государственную службу и образование. С помощью потенциала указанных каналов социальный лифт мог «поднять» лицо из одного сословия в другое, минуя некоторые не только субсословные, но и сословные «ступени».

Обратим внимание на то, что функционировал механизм вертикальной социальной мобильности, не предусматривавший изменения сословного статуса. Человек, сохраняя принадлежность к определенному сословию и субсословию, изменив тип своей хозяйственной деятельности, мог существенно изменить свой индивидуальный правовой статус. Классический пример - крестьяне, организовавшие предпринимательскую деятельность.

Крепостная зависимость и реальные возможности изменения индивидуального правового статуса

Крепостные люди, подавляющее большинство которых составляли крепостные (помещичьи) крестьяне, входили в состав сословия сельских обывателей наряду с другими субсословиями крестьян. Крепостные крестьяне, как и крестьяне всех категорий, платили подушную подать, подлежали рекрутской повинно-

сти.

Крепостных крестьян законодатель рассматривал как подданных, причисленных к помещичьим владениям[780].

Основная сложность заключалась не в материальном положении крепостных крестьян. Большинство помещиков следили за поддержанием тяглоспособности крестьянского хозяйства. Если помещик располагал материальным достатком, был бережлив, заботлив и добронравен, подбирал способный и некорыстолюбивый низший управленческий персонал, то уровень жизни крестьян в его имении был достаточно высоким. Мнение императрицы Екатерины II «не оспоримо, что лутчее сюдбы наших крестьян у хорошова помещика нет по всей вселенной» в комментариях к книге А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»[781] было не таким уж неверным, если брать материальную, имущественную сторону вопроса. В научной историографии приводятся конкретные факты взаимодействия вотчины и крестьянского мира по предупреждению голода, по сохранению поголовья крестьянского скота и т.п.[782] Ю.Н. Узенева на примере Псковской губернии делает вывод о том, что «дворянство было заинтересовано в сохранении жизнедеятельности буквально каждого крестьянского двора, так как разорение крестьян приводило к ухудшению состояния имения в целом»[783].

Дело было, как мы видим, не столько в материальных условиях жизни частновладельческих крестьян, сколько в психологических и правовых обстоятельствах. С одной стороны, судьба крестьян практически целиком зависела от лич-

---

[780] Именной указ, данный Сенату «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» от 12 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVI. № 20 075.

[781] Екатерина II. Замечания на книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». 26 июня – 7 июля 1790 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/sochineniya/zamechaniya-na-knigu-radischeva.htm (дата обращения: 02.01.2019).

[782] Быков Д.А. Помещик и крестьянин в России XVIII – первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством: дис. … канд. ист. наук. М., 2005; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998 и др.

[783] Узенева Ю.Н. Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 12.

ностных качеств, профессиональных занятий, материальных запросов их помещика, от его стратегии ведения хозяйства. С другой стороны, с позиций законодателя, именно крепостные люди были в наибольшей степени ограничены в своих правомочиях и именно им был в наибольшей степени затруднен доступ к каналам изменения своего индивидуального правового статуса. Как мы знаем, сама возможность вертикальной или горизонтальной мобильности крепостных людей, в т.ч. крепостных крестьян, во многих случаях зависела от воли их владельца.

Таким образом, с точки зрения доступа к каналам вертикальной социальной мобильности категория помещичьих (крепостных) крестьян имела самый низкий правовой статус в сословной системе Российского государства с середины XVII в. и вплоть до ликвидации данной категории населения в ходе отмены крепостного права в 1861 г.

Вертикальная социальная мобильность состояла в освобождении от крепостной зависимости и переходе в социальную группу с иным правовым статусом в рамках сословия сельских обывателей или переход в другое сословие. Изменение подданным своего статуса крепостного человека (крепостного крестьянина) и переход в любую другую социальную страту (кроме страты холопов в XVII в.) формально означали для него проявление феномена восходящей социальной мобильности, хотя в реальной действительности в определенных случаях самим человеком это могло оцениваться иначе.

Горизонтальная социальная мобильность могла заключаться в изменении хозяйственной деятельности крестьянина, места его постоянного проживания.

Возможность отпуска на волю или получения согласия владельца на временный «отход» определялась целым рядом обстоятельств. Среди них – стратегия ведения помещичьего хозяйства. В свою очередь, эта стратегия обусловливалась правовыми, экономическими и иными факторами, такими, как материальный достаток помещика, размеры и специализация помещичьего имения, близость к столицам и крупным городам, природные условия ведения хозяйства и т.п. Естественно, едва ли не главным фактором было наличие самого института крепостной зависимости. Крепостное право не только негативно влияло на общественную

психологию, но и сдерживало экономическое развитие страны: «даровой труд разлагал помещичьи хозяйства: хозяева не были заинтересованы в подлинном прогрессе сельского хозяйства»[784]. Помещики, владеющие крупными земельными угодиями и большим количеством крепостных людей, в условиях изобилия бесплатной подневольной рабочей силы не были заинтересованы в применении сельскохозяйственных машин и новых технологий ведения сельского хозяйства. У малоземельных помещиков зачастую отсутствовали средства на инвестициии в сельскохозяйственное производство. Как итог, у многих владельцев крепостных крестьян отсутствовала материальная заинтересованность (хозяйственная целесообразность) либо возможность перехода к использованию свободного труда или предоставления крестьянам полной хозяйственной самостоятельности.

Б.Н. Миронов оценивает уровень социальной мобильности крестьян как низкий[785]. Естественно, что он был низким и в среде крепостных крестьян. Тем не менее, несмотря на негативную роль крепостной зависимости, определенные, правда, весьма ограниченные, возможности восходящей социальной мобильности помещичьих крестьян существовали.

В течение всего рассматриваемого периода законодатель признавал за владельцами населенных земель право на отпуск своих крепостных людей на волю. В Соборном уложении 1649 г. это право было безоговорочно признано за вотчинниками (ст. 3 гл. XV). В дальнейшем данным правом стали располагать все владельцы крепостных людей. Вместе с тем законодатель того времени подробно не урегулировал ряд вопросов материального и процессуального порядка, связанных с освобождением крепостных людей от крепостной зависимости. В этих ситуациях, очевидно, «работала» норма обычного права.

Впервые в истории государства и права России законодатель подробно и четко урегулировал вопросы изменения правового статуса крепостных людей в рамках Свода законов Российской империи. Этим вопросам была посвящена глава

---

[784] История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М.: Изд-во АСТ, 2018. С. 920.

[785] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 144.

пятая Свода законов о состоянии людей в государстве.

Согласно ст. 672 Свода крепостное состояние прекращалось на основании воли помещика или на основании закона. Таким образом, по общему правилу, согласие самого крепостного не являлось обязательным условием.

Владелец крепостных людей мог отпускать их на волю как «целыми селениями», так и «порознь» (ст. 673 Свода). От усмотрения душевладельца зависело наделение отпускаемых на волю землей. Правда, при отпуске на волю крестьян с землей, в т.ч. отпуск крестьян целых селений законодатель предписывал перевод в статус свободных (вольных) хлебопашцев, т.е. не только сохранение положения в сословии сельских обывателей, но и сохранение прежнего типа хозяйственной деятельности (ст. 674 Свода законов о состоянии людей в государстве). Отпуск крестьянина на волю без земли влек за собой либо вынужденное установление нового порядка землепользования, либо изменение хозяйственной деятельности.

В отношении брака как канала повышения правового статуса для крепостных людей законодатель предусмотрел один частный случай для крепостных-мужчин: разрешение владельца на вступление его крепостного человека в брак с воспитанницей мещанского училища, функционировавшего при воспитательном доме благородных девиц, приравнивалось к отпускной; другими словами, брак в этом случае означал освобождение от крепостной зависимости (ст. 683 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Постоянно действующим каналом вертикальной социальной мобильности являлась в рассматриваемый период военная служба. В середине и второй половине XVII в. речь идет о кратковременной службе с последующим возвращением к прежнему состоянию. В дальнейшем мы должны говорить об институте рекрутской службы. Оставляя за рамками настоящей работы бытовые, психологические и иные им подобные обстоятельства, не давая оценки рекрутской системы военной организации, отметим, что в аспекте настоящей работы военная служба выступала в качестве механизма изменения правового статуса. С момента призыва помещичий крестьянин выходил из состояния крепостной зависимости. В рассматриваемый период рекрутские наборы проводились по решению центральных

органов государственной власти в зависимости «от потребностей вооруженных сил»[786]. При этом законодатель придавал решающее и бесповоротное юридически значимое значение самому факту поступления на военную службу. Запись на военную службу не только в ходе рекрутского набора или по решению помещика, но даже в результате подлога освобождала от крепостной зависимости, причем не только самого крепостного, но и его жену и «будущее потомство» (ст. 706 Свода законов о состоянии людей в государстве). Данное обстоятельство выделяло военную службу среди всех других каналов вертикальной социальной мобильности.

В Своде законов о состоянии людей в государстве отсутствовали нормы о выходе из крепостной зависимости в связи с получением образования. Таким образом, законодатель не признавал образование в качестве способа прекращения крепостной зависимости. Речь даже не шла о согласии владельца на обучение его крепостного. Прием крепостных людей на обучение в учреждения выше начального уровня независимо от согласия их владельцев был закрыт. По существу, образование среднего и высшего уровня и крепостное состояние были признаны законодателем несовместимыми друг с другом феноменами. В записке графа Шувалова, утвержденной в 1755 г. именным указом и получившей силу нормативно-правового документа, данное обстоятельство аргументировалось следующим образом: «понеже науки не терпят принуждения, и между благороднейшими упражнениями человеческими счисляются; того ради как в университет, так и в гимназию не принимать никаких крепостных и помещиковых людей»[787].

Исходя из критериев доступности, массовости, с учетом количества необходимых для функционирования канала юридических фактов все каналы вертикальной социальной мобильности, доступные для крепостных людей, делились на ординарные и экстраординарные. Некоторые характеристики организационно-правового механизма изменения правового статуса, функционировавшего при ис-

[786] Иванов Ф.Н. История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие по дисциплине «История вооруженных сил России». М.: Изд-во «Перо», 2017. С. 27.

[787] Именной указ «Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету» от 24 января 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XIV. № 10 346.

пользовании ординарных и экстраординарных каналов, можно отобразить в таблицах.

Таблица 3 – «Характеристики организационно-правового механизма изменения правового статуса крепостных людей (ординарные каналы вертикальной социальной мобильности)»

№ п/п		инд. / групп.	наличие согласия владельца	наличие согласия крепостного	пол крепостного	платная/бесплатная основа	дополнительные условия
1.	брак*	инд.	да	да	муж./жен.	по решению владельца	нет
2.	отпуск на волю	инд./групп.	да	нет	муж./жен.	по решению владельца	нет
3.	вступление в звание свободных хлебопашцев	инд./групп.	да	да	муж.	в соответствии с договором	есть
4.	военная служба	инд.	да/нет**	нет	муж.	бесплат.	нет

* в определенных, установленных законом, случаях

** в зависимости от конкретной ситуации

Таблица 4 – «Характеристики организационно-правового механизма изменения правового статуса крепостных людей (экстраординарные каналы вертикальной социальной мобильности)»

№ п/п		инд. / групп.	наличие согласия владельца	наличие согласия крепостного	пол крепостного	Платная/бесплатная основа	дополнительные условия
1.	брак*	инд.	да/нет**	да	жен.	бесплат.	нет
2.	доказательство свободного	инд.	нет	да		бесплат.	есть

	происхождения						
3.	возвращение из плена	инд.	нет	да	муж.	бесплат.	нет
4.	эмансипация в связи с применением уголовно-правовых санкций	инд./ групп.	нет	да/нет**	муж./ жен.	в зависимости от основания эмансипации	есть

* в определенных, установленных законом, случаях

** в зависимости от конкретной ситуации

Групповая географическая мобильность происходила, в частности, при приобретении «крестьянских душ» новым владельцем «на вывод», т.е. с последующим переселением.

Смена места жительства по инициативе крестьянина без согласия хозяина-землевладельца была невозможна со времени принятия Соборного уложения 1649 г.[788] Конечно, побеги крепостных людей были постоянными фактами реальной действительности на протяжении всех столетий существования крепостного права. Правительство регулярно принимало меры как в отношении крестьян-беглецов, так и в отношении принимающих их помещиков. Один из самых известных примеров – дело о «пристанодержательстве чужих крестьян» в отношении атамана донских казаков, генерал-лейтенанта, графа М.И. Платова[789].

Имела место разрешенная законодателем практика временного отсутствия крепостного крестьянина с согласия владельца в связи с выполнением работы в другом месте. С разрешения помещика и при наличии оформленного паспорта крепостные люди могли перемещаться по всей территории Российской империи (Ст. 603 Свода законов о состоянии людей в государстве).

Так, в условиях Псковской губернии (с ее относительной близостью к Санкт-Петербургу), в которой большая часть земель принадлежала средне- и мел-

[788] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1.

[789] Лесин В.И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 61 и след.

копоместным дворянам, большинство помещиков предпочитало увеличивать барскую запашку и размер крестьянских повинностей[790]. В итоге в Псковской губернии к концу XVIII в. насчитывалось 79 % барщинных крестьян. 70 % барщинных крестьян имелось в Московской и Смоленской губерниях. В целом же в губерниях нечерноземной полосы в конце XVIII в. на барщине находилось 45 % крепостных крестьян, а на денежном оброке – 55 %[791]. Рост барской запашки привел к появлению в некоторых имениях месячины – экономико-правового явления лишения крестьян своего земельного надела и перевода их на положение работников исключительно на помещичьей земле с выдачей ежемесячного продовольственного содержания[792].

В последней трети восемнадцатого столетия активизируется предпринимательская деятельность дворян-землевладельцев. Строятся полотняные, стекольные, винокуренные мануфактуры и иные промышленные производства. Рабочей силой эти предприятия обеспечивались в первую очередь (а часто исключительно) за счет крепостных крестьян их владельцев. Налицо горизонтальная социальная мобильность крестьян по воле их владельцев. Здесь мы подчеркнем то обстоятельство, что в вышеуказанных процессах крепостные крестьяне играли роль объекта, а не субъекта. Даже при получении владельцами имений ипотечного кредита предметом залога выступали «крепостные души»[793].

Отметим, что в рассматриваемый период возможности горизонтальной социальной мобильности по инициативе крепостных крестьян возросли по сравнению с предшествующими десятилетиями. Прежде всего мы имеем в виду несельскохозяйственный отход. С согласия своего хозяина крестьяне отправлялись в уездные города, в соседние губернии и даже столицы. Они строили дворянские усадьбы, речные суда, выращивали лекарственные травы, вели мелкую торговлю «вразнос», работали на мануфактурах и т.д. На берегах некоторых рек главной

[790] Узенева Ю.Н. Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 16.
[791] История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. С. 276.
[792] Там же. С. 276.
[793] Проскурякова Н.А. Ипотека в Российской империи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 9.

профессией отходников было бурлачество[794]. Имели место случаи покупки крестьянами-отходниками (от имени помещика) огородных участков и домов в городах[795]. Помещики контролировали деятельность своих крестьян-отходников через старост.

Наконец, существовала практика купли-продажи помещичьих крестьян. Со времен императрицы Екатерины II правительство пытается эту практику ограничить. Правительства императоров Павла I и Александра I также пытались принять меры по ограничению произвола дворян-крепостников. Постепенно вводились запреты на опубликование в газетах объявлений о продаже крепостных людей, запреты на продажу крестьян без земли и т.п. Имели место случаи разлучения семейных пар при продаже крестьян. Впервые законодатель запретил крепостникам разлучать пары лишь в 1830-х гг.[796]

Имела место горизонтальная мобильность в виде принудительного перевода в вотчину или поместье другого владельца по решению государственного органа в предусмотренных законом случаях. К таким случаям относилось передача крестьянина с семьей из владения помещика, убившего чужого крестьянина, во владение «пострадавшего» помещика в качестве компенсации ущерба (Соборное уложение, гл. XXI, ст. 71, 73)[797].

Наиболее яркий пример групповой восходящей вертикальной мобильности в рассматриваемый период связан с реализацией указа о вольных хлебопашцах 1803 г.[798] и принятых в его развитие нормативно-правовых актов[799].

---

[794] Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.

[795] Морозов А.Г. Торговое земледелие крестьян Центрального Нечерноземья в конце XVIII – первой половине XIX в. (По материалам Ростовского огородничества): автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2008.

[796] Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 296–297.

[797] Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. I. № 1.

[798] Именной указ, данный Сенату «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» от 20 февраля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 20 620.

В научной и учебной литературе результаты реализации указа о вольных хлебопашцах рассмотрены достаточно подробно[800]. Предметом нашего исследования не является комментирование количественных показателей указанной аграрно-правовой реформы; отметим лишь, что указ 1803 г. означал появление нового канала вертикальной социальной мобильности, нового вида социального лифта для крепостных крестьян. Данный канал был рассчитан на его использование как в индивидуальном, так и в групповом формате.

Отмена крепостной зависимости и повышение правового статуса помещичьих крестьян в массовом порядке по решению центральных органов власти Российской империи произошло в прибалтийских губерниях в 1816–1819 гг. Правда, особенностью данного случая групповой вертикальной социальной мобильности является сохранение фактических ограничений социально-экономических прав бывших крепостных крестьян в связи с их освобождением без передачи в собственность их земельных наделов. Данное обстоятельство вынудило крестьян арендовать помещичью землю, что привело к сохранению определенной административной власти землевладельцев над крестьянами. Такой вариант освобождения крепостных крестьян А.Н. Долгих называет варварской эмансипацией[801].

Имеют место примеры функционирования организационно-правового механизма индивидуальной восходящей вертикальной мобильности крепостных людей. Законодатель признавал право помещика на отпуск на волю своих крепостных[802]. При этом отпущенные на волю крестьяне могли оставаться с согласия

---

[799] Высочайше утвержденные правила, постановленные в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по указу 20 февраля 1803 г. от 21 февраля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 20 625.

[800] Долгих А.Н. Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796–1825 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 28; Исаев И.А. История государства и права России: учебник для юр. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. С. 217; Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. С. 152 и др.

[801] Долгих А.Н. Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796–1825 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. С. 28.

[802] Именной указ, данный Сенату «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» от 12 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVI.

бывшего хозяина в его имении.

Закон предоставлял право отпущенным на волю крестьянам вступить в сословие городских обывателей (по выражению законодателя – в мещанское или купеческое состояние)[803].

Научная историография, научно-популярная литература, исторические источники содержат примеры деятельности организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса данного механизма в отношении крепостных людей. Сошлемся на некоторые наиболее известные примеры такого рода конца XVIII – первой половины XIX в.

Знаменитая актриса Жемчугова, урожденная крепостная крестьянка П.И. Ковалева, была не только освобождена от крепостной зависимости, но и вступила в 1801 г. в брак с графом Шереметевым. Была отпущена в 1803 г. на волю и осталась в имении своего бывшего владельца дочь крепостных крестьян, актриса крепостного театра графов Шереметевых Т.В. Шлыкова-Гранатова. Предварительно она получила хорошее домашнее воспитание в доме графов Шереметевых.

А.Н. Воронихин, крепостной крестьянин, с юных лет проявил способности к рисованию. Его владелец, помещик, горнозаводчик, член Академии наук, президент Академии художеств, известный коллекционер и меценат, граф А.С. Строганов отпустил на волю талантливого молодого человека, помог ему получить образование и отправил на несколько лет вместе со своим сыном за границу для изучения архитектуры и математики.

Сын крепостного крестьянина Семен Бадаев, работая на заводе в Санкт-Петербурге, изобрел способ производства высокопрочной инструментальной стали. Изобретение позволило отказаться от импорта данного сорта стали и обеспечило отечественное производство инструментов собственной сырьевой базой. Приблизительно в 1810 г. Бадаев был выкуплен властями из крепостной зависи-

---

№ 20 075.

[803] Манифест «О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманской» от 17 марта 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XX. № 14 275. Ст. 46.

мости, награжден золотой медалью; для него была организована специальная лаборатория на заводе в Вятской губернии.

Савва Морозов, крепостной крестьянин помещика Рюмина, с разрешения хозяина занялся ткачеством; затем основал мастерскую с наемными работниками. За громадные деньги выкупился на волю из крепостной зависимости. Является основателем знаменитой династии предпринимателей.

Николай Уткин, внебрачный сын генерал-майора, сенатора, академика М.Н. Муравьева и крепостной крестьянки, был отпущен на волю в пятилетнем возрасте. Он получил образование в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Проявил талант в рисунке и гравировании. В 1814 г. получил звание академика.

Внебрачный сын помещика О. Кипренский был записан в семью крепостных крестьян. Он в детстве получил от своего отца вольную и был отправлен в столицу, в Академию художеств, для получения образования. В 1812 г. получил звание академика[804].

Известны имена других крепостных людей, сумевших получить вольную и раскрыть свой талант. Естественно, данный организационно-правовой механизм работал на нормативной основе. Однако мы видим во всех случаях как необходимое условие волю помещика-душевладельца. Кроме того, если говорить не о статусе члена сословия городских обывателей ближайшего уездного города, а о карьере предпринимателя, изобретателя, литератора, художника и т.д., то для реального продвижения вверх по социальной лестнице требовалось действие иных факторов неюридического порядка. Под ними мы имеем в виду наличие соответствующих личных способностей, хорошее образование, выбор профессии. Все указанные факторы, за исключением первого, проистекали из внешней поддержки (если не называть это протежированием). Другими словами, для раскрытия своих способностей вне помещичьего имения бывшим крепостным крестьянам требовалась поддержка со стороны общества или бывшего хозяина.

---

[804] Смирнов С.Н. Общество. Право. Война. История государственно-правового развития и социальной стратификации Российской империи и западноевропейских стран в контексте военно-политических конфликтов 1806–1815 годов: науч.-попул. монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 23–24.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что с середины XVII в. по начало 60-х гг. XIX в. функционировали различные каналы вертикальной социальной мобильности помещичьих крестьян. Доступ к этим каналам был затруднен; в относительно массовом порядке повысить свой правовой статус и выйти из-под крепостной зависимости помещичьи крестьяне могли только в установленных верховной властью случаях. Постоянно действующим каналом мобильности являлась военная служба. По решению центральных органов власти было проведено освобождение крепостных крестьян прибалтийских губерний.

По воле помещиков-душевладельцев возможна была и вертикальная социальная мобильность их крестьян. Однако наиболее яркие примеры действия этого механизма подтверждают роль факторов неюридического порядка в виде личных способностей, образования, поддержки со стороны бывших владельцев или представителей общества.

Более доступны для помещичьих крестьян были каналы горизонтальной социальной мобильности. Речь идет прежде всего о неземледельческом отходе с согласия помещика. Именно в рассматриваемый период отход превратился в массовое явление и затронул многие регионы страны.

Таким образом, практически все варианты изменения крепостным человеком индивидуального правового статуса были связаны с соответствующим волеизъявлением его хозяина. При этом волеизъявление самого крепостного требовалось далеко не во всех случаях. Без инициативы душевладельца изменение прввового статуса его крепостных людей могло быть осуществлено по решению государственных органов.

В целом организационно-правовой механизм вертикальной социальной мобильности предусматривал возможность как повышения, так и понижения правового статуса крепостного человека. Поскольку лишь первые полвека рассматриваемого периода существовал сословный статус ниже сословного статуса крепостных людей – статус холопа – то в дальнейшем снижение правового статуса означало сохранение его сословного статуса и ухудшение его отраслевого статуса, например, низведение в статус лица, привлеченного к уголовной ответственности.

§ 2. История развития в России государственной службы и профессионального статуса государственных служащих

Понятие «профессиональный статус государственных служащих» тесно связано с понятиями «государственная служба» и «чиновничество». Система органов управления России рассматриваемого периода исследована в историко-правовой, правовой и исторической литературе достаточно подробно. Однако, как справедливо замечает П.А. Зайончковский, изучена, прежде всего «система государственных учреждений и ее характеристика», а вопрос о личном составе государственного аппарата длительное время вообще не являлся предметом «специального научного рассмотрения»[805]. В еще большей мере данное замечание можно отнести к аспекту функционирования государственной службы в качестве канала повышения индивидуального правового статуса.

В XIX – начале XX в. отдельные аспекты интересующей нас тематики рассматривались в трудах И.Е. Андриевского, Е.Н. Анучина, И.А. Блинова, С.Б. Веселовского, В.М. Гессена, А.Д. Градовского, В.А. Евреинова, В.В. Ивановского, И.М. Катаева, В.О. Ключевского, С.В. Рождественского, В.Е. Романовского, Б.И. Сыромятникова, Л.А. Тихомирова, Б.Н. Чичерина и других исследователей.

В числе работ отечественных историков и историков права советского периода следует назвать труды С.К. Богоявленского, Н.Ф. Демидовой, Б.Б. Дубенцова, Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, В.Р. Лейкиной-Свирской, А.А. Новосельского, И.В. Оржеховецкого, Н.И. Павленко, Т.Б. Рябиковой, С.М. Троицкого, В.Н. Устюгова, Л.Е. Шепелева и других ученых.

Видный советский историк С.М. Троицкий, рассматривая формирование бюрократии в России, исходил из следующего концептуального положения: «история возникновения бюрократии неразрывно связана с историей государства в период позднего феодализма. Наряду с постоянной армией и денежными налога-

[805] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: изд-во «Мысль», 1978. С. 3.

ми, бюрократия была важнейшим атрибутом абсолютной монархии, которая получила в ее лице могущественное орудие для борьбы с сепаратизмом родовитой аристократии за дальнейшую централизацию государственного управления. Постепенное превращение бюрократии в особую прослойку общества было одним из важнейших показателей эволюции абсолютной монархии в направлении к буржуазному государству. В то же время складывание бюрократии как особой прослойки общества было во многом обусловлено изменениями в социальной структуре господствующего класса феодалов, дальнейшим выдвижением на историческую арену одной из его частей – дворянства, которое было опорой самодержавия в борьбе с родовитой знатью за неограниченную власть. Создание бюрократии закрепило политическое господство другого слоя феодалов. Поэтому история бюрократии в то же время является и историей дворянства в России, но не всего класса, а лишь той его части, которая участвовала в управлении государством»[806]. Оставляя без комментариев методологическую основу исследовательской работы С.М. Троицкого, отметим, что автор правомерно акцентирует связь бюрократии (чиновничества) и дворянства. В нашей трактовке это означает связь сословного статуса и профессионального статуса государственных служащих в указанный исторический период[807].

В фундаментальном труде «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» П.А. Зайончковский рассматривает численность чиновничества с конца XVIII в. по начало XX в., условия его службы, «состав отдельных групп высшей бюрократии и губернской администрации»[808]. Другими словами, автор дает общую характристику всего российского чиновничества и более подробно расматривает отдельные группы высшего чиновничества. Неоспоримым достоинством книги является прочная источниковая база исследования, включающая нормативно-правовые акты и другие официальные документы, дневники и воспоминания, статистические материалы.

---

[806] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. С. 3.

[807] Там же. С. 5–6.

[808] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 3–4.

«Истоки российской бюрократии» находятся в фокусе внимания Н.И. Павленко. Автор анализирует правовые акты нормативного и ненормативного характера, иные документы, обращается к фактам служебной деятельности представителей государственного аппарата, затрагивает вопрос взаимодействие бюрократии и «остального общества». Среди трудов Н.И. Павленко имеются работы, посвященные биографии видных представителей аппарата управления.

Положение приказных людей в России XVII в. как социальной категории рассматривает Н.Ф. Демидова. Помимо прочего, в предмет исследования входит положение различных категорий приказных людей в сословной структуре общества, соотношение имущественного положения приказных людей с имущественным положением других групп служилого сословия.

Затрагивая вопрос о генезисе бюрократии, И.А. Исаев отмечает: «исторически бюрократия рождается в дифференцированном сословном обществе, как сила, на которую опирается и которую создает сама абсолютная монархическая власть»[809]. Родиной «современной бюрократии» он называет Францию. На примере Франции, но, по существу, распространяя выводы и на другие страны, автор делает вывод о превращении бюрократии в особое сословие, в «часть социума, часть культурного общества». Формой существования бюрократии и главной сословной функцией И.А. Исаев называет администрирование[810].

История государственной службы России на протяжении более чем тысячелетнего периода рассматривается в четырехтомном труде И.Н. Барцица и К.П. Краковского. В числе многих других тем, в нем освещается и сюжет влияния неправовых факторов в ходе служебной карьеры чиновников. Как отмечают авторы (применительно к XIX в.), «протекцию никто не отменял»[811].

---

[809] Исаев И.А. Бюрократия и революция: опасные связи // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 10. С. 10 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru /article/n /byurokratiya-i-revolyutsiya-opasnye-svyazi (дата обращения: 06.04.2020).

[810] Там же. С. 12.

[811] Барциц И.Н., Краковский К.П. История государственной службы России (X – начало XXI в.). Том 2. Государственная служба Российской империи (XVIII – начало XX в.). Книга 2. «Золотой век» русской бюрократии. Бюрократия на закате империи / И.Н. Барциц, К.П. Краковский. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 19

Крупное исследование А.Н. Медушевского посвящено периоду правления Петра I. Исследователь, рассматривая политический процесс как взаимоотношение между социальным строем и политическими институтами, обращает внимание на важность социальной мобильности, помогающей правящей элите «приспосабливаться к меняющимся условиям социального развития»[812].

Развитие системы органов управления, прежде всего в XVIII–XIX вв., исследует в своих трудах Л.Ф. Писарькова[813].

Затрагивает вопрос профессионального уровня, в т.ч. в контексте наличия юридического образования, судейского корпуса Российской империи в 1832–1917 гг. В.В. Захаров. Его вывод, особенно применительно к периоду 1832–1864 гг., весьма неутешителен[814].

Отмечая, что «вопрос о существовании бюрократии имеет многовековую историю», и приводя примеры древнего Египта, Вавилона, Арабского Халифата, А.А. Воротников применительно к России подчеркивает: «возникновение и усиление бюрократии шло параллельно с возникновением и усилением государственной власти». Рассматривая вопрос с позиций формационного подхода, автор пишет о вытеснении феодальной аристократии[815].

Механизмы непосредственного народовластия рассматривает Л.В. Лукьянчикова[816]. Особенности российской бюрократии как «квазибюрократической системы» отмечает К.С. Щёлоков[817].

---

[812] Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 3.

[813] Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. – М.: РОССПЭН, 2007. 742 с.; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. – М.: Новый хронограф, 2012. 456 с.; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX.: становление министерской системы. – М.: Новый Хронограф, 2019. 416 с. и др.

[814] Захаров В.В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг.: историко-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. 558 с.

[815] Воротников А.А. Бюрократия и государство: история взаимоотношений // Вестник СГЮА. 2014. № 4 (99). С. 105 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byurokratiya-i-gosudarstvo-istoriya-vzaimootnosheniy (дата обращения: 06.04.2020).

[816] Лукьянчикова Л.В. Непосредственное народовластие в России XVI–XX вв. (Историко-методологическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.

Приказная система России семнадцатого столетия является одной из тем научных исследований Д.В. Лисейцева[818].

Различные аспекты генезиса и сущности отечественной бюрократии исследуют Т.Г. Архипова, Н.С. Байкалов, С.Е. Байкеева, М.С. Байнова, И.Н. Барциц, В.И. Буганов, В.А. Временко, А.А. Воротников, Н.Ф. Демидова, С.А. Денисов, А.В. Дыдычкин, В.В. Захаров, В.Г. Игнатов, И.А. Исаев, И.А. Козьева, К.П. Краковский, Е.Н. Крылова, Э.Н. Кузьбожев, Л.Е. Лаптева, Д.В. Лисейцев, С.В. Любичанковский, А.Н. Маркова, А.Н. Медушевский, В.В. Моисеев, Р.Т. Мухаев, А.В. Облонский, Н.А. Омельченко, Л.Ф. Писарькова, И.В. Ружицкая, М.Ф. Румянцева, А.А. Сафонов, А.С. Сенин, К.А. Соловьев, А.С. Туманова, Ю.К. Федулов, Н.В. Черникова, В.И. Щепетев и другие авторы.

П.В. Акульшин, А.С. Архиреева, А.А. Бутусова, А.С. Гапонов, А.А. Долгов, Н.Н. Дрыгина, Т.В. Козельчук, Т.И. Любина, Н.А. Маслов, Л.В. Мерзлякова, И.Г. Мельникова, О.В. Морякова, С.В. Любичанковский, А.А. Оспанова, Ю.Б. Павлюк, Л.Ф. Писарькова, Ю.Н. Поповичева, Е.В. Теряева, Ю.Н. Токмакова, В.Н. Чегарнова и ряд других исследователей рассматривают правовой статус, имущественное положение и социокультурные характеристики провинциального чиновничества, дают обзор научной историографии данной тематики.

Активно развивается историография правоохранительных органов, что представляет не только теоретический, но и практический интерес[819].

Относительно времени появления категории государственных служащих в России в отечественной исторической и правовой литературе доминирует, по сути, одна точка зрения. Этим временем считается начало XVIII в.

В историографии советского периода на начало XVIII в. как времени формирования чиновничества указывают И.А. Федосов и другие авторы. Относитель-

---

[817] Щёлоков К.С. К вопросу о бюрократизме в России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 249 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-byurokratizme-v-rossii (дата обращения: 06.04.2020).

[818] Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в канун и в эпоху Смуты: дис. … д-ра ист. наук. М., 2011. 595 с.

[819] Туманова Л.В. Рецензия на книгу «Полиция Тверской губернии: исторический очерк» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 174–177.

но времени возникновения категории государственных служащих (бюрократии, по терминологии автора), то С.М. Троицкий также указывает на первую четверть XVIII в.[820]

П.А. Зайончковский отмечает: «Издание в 1722 г. закона, вводившего Табель о рангах, положило начало образованию в России чиновничества как особой группы, наделенной рядом прав и преимуществ»[821]. При этом ученый пишет о связи правовых явлений семнадцатого и восемнадцатого столетий: введение Табели о рангах явилось своеобразным развитием закона 1682 г. об уничтожении местничества, а также о связи государственной службы и дворянства: отныне основной путь получения дворянского звания лежал через службу. Именно с этого момента фактически появляется наряду с поместным служилое дворянство, которое с каждым годом увеличивается[822].

Мы оставим без комментария высказывание П.А. Зайончковского о связи Табели о рангах и решения Земского собора (земского собрания) об отмене местничества, а укажем на сам факт признания связи между законодательными актами, регулирующими порядок прохождения государственной службы в XVII в. и XVIII в. Если эти акты одного порядка по содержанию, то почему за ними не может стоять и правовых явлений одного порядка?

Н.И. Павленко утверждает, что бюрократия в России «ведет начало от времени оформления абсолютизма»», что «ни в XVI, ни в XVII столетиях бюрократия в России еще не сложилась». Он подробно аргументирует данную точку зрения. В частности, автор указывает на отсутствовавшие в XVII в. и изданные только в XVIII в. документы, определявшие права и обязанности должностных лиц и правительственных учреждений, на отсутствие унификации центральных и местных учреждений в XVII в. и проведение такой унификации в XVIII в. и т.д.[823]

---

[820] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. С. 5–6.

[821] Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 24.

[822] Там же.

[823] Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 3 и след.

А.А. Воротников обосновывает мысть о том, что «зачатки бюрократического государства возникают уже на этапе княжеского правления на Руси. Окончательное оформление бюрократической государственности происходит в эпоху абсолютизма, и первое значительное ее нормативное обоснование закрепляется петровской «Табелью о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины», принятой в 1722 году»[824].

Не определяя хронологические рамки генезиса российской бюрократии, А.С. Туманова и А.А. Сафонов отмечают, что «существенный вклад в создание российской бюрократии внесли Табель о рангах Петра I (1722) и министерская реформа Александра I (1802–1803)». При этом авторы подчеркивают, что «формирование государственных служащих было невозможно без создания системы юридического образования в первой половине XIX в.»[825].

Одним из немногочисленных примеров иных точек зрения на время генезиса российской бюрократии является позиция Н.Ф. Демидовой, которая сочла возможным говорить о существовании бюрократии в XVII в.[826] Начало формирования профессиональной бюрократии относит к XVI–XVII вв. Л.Е. Лаптева[827].

С начала XVIII в. центральной государственной властью России была проведена целая серия административных реформ. Р.Т. Мухаев определяет их цель как рационализацию административной системы, которая была, в свою очередь, частью цели построения рационального государства для государственного блага[828]. Применительно к странам Западной Европы М. Раев пишет об общественных настроениях в пользу абсолютизма и интервенционистского государства как предпосылках духовного и материального благосостояния подданных[829].

---

[824] Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 2005.

[825] Туманова А.С., Сафонов А.А. Указ. соч. С. 114.

[826] Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1987.

[827] Лаптева Л.Е. История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов; отв. ред. Л.Е. Лаптева. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2015.

[828] Мухаев Р.Т. История государственного управления в России… С. 177–179.

[829] Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII

В период правления Петра I и далее на протяжении всего XVIII в. проводились реформы административно-территориальной организации России. Была создана новая система высших органов государственной власти; ликвидировано местное самоуправление, и изменена система органов местного управления. Законодатель осуществил более обширное и детальное закрепление полномочий и ответственности должностных лиц и иных государственных служащих в правовых актах нормативного характера. На основе Табели о рангах (1722 г.) была сформирована иерархия чинов придворной, военной и гражданской службы. Эта иерархия постепенно уточнялась в течение последующего столетия. Значительная часть должностей была из нее удалена.

В рассматриваемый период положение государственных служащих и сотрудников органов самоуправления определялось совокупностью двух самостоятельных правовых статусов: сословного и профессионального. Мы утверждаем, что законодатель с самого начала рассматриваемого периода конструировал статус государственных служащих в качестве части сословного статуса.

Закон прямо предусматривал и разрешал одну из возможных коллизий правовых норм о сословном статусе и правовых норм о государственной службе. Правда, касалось это военной службы (ст. 137 кн. 1 Свода законов о состоянии людей в государстве). В то же время должностное положение лица в ряде случаев влияло на реализацию его сословных прав, т.е. на его дееспособность как члена сословия. Например, начальник губернии не имел права входить в состав дворянского собрания и «участвовать в суждениях по делам собрания» (ст. 72 кн.1 Свода законов о сост.). Таким образом, имела место близость сословного и профессионального статусов.

В течение рассматриваемого периода профессиональный статус государственных служащих проделал заметную эволюцию. Середина и вторая половина XVII в. – время, когда в России профессиональный статус государственных служащих являлся составной частью сословного статуса. В XVIII в. статус государ-

---

веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 53.

ственных служащих, сохранив тесную связь с сословным статусом, развивался в направлении самостоятельного компонента системы правовых статусов человека. С 60-х гг. XIX в. профессиональный статус государственных служащих развивался в направлении разрыва связей с сословным статусом.

Укрепление позиций статуса служащих государственных органов означало одновременно уменьшение значения сословного статуса по отношению к нему.

Вместе с тем подрыв значения сословного правового статуса происходил и с другой стороны. На уровне местного управления продолжала существовать и численно увеличиваться появившаяся ранее категория лиц, для которых государственная служба являлась единственным или основным видом деятельности (иногда на протяжении нескольких поколений) и главным источником средств существования. Речь идет о государственных служащих средних и низших рангов. Для этой социальной категории профессиональный статус имел не меньшее значение, чем статус сословный.

Профессиональный статус государственных служащих характеризовался наличием как специфических прав, так и ограничений. Как отмечается в историко-правовой литературе, основными условиями поступления на государственную гражданскую службу были происхождение, возраст, знания, подданство, «гражданская честь»[830]. Законодательство устанавливало процедуру «служебного роста», прохождения различных ступеней служебной иерархии. По общему правилу производство в следующий чин могло состояться лишь при выслуге в предшествующем чине на протяжении определенного срока. Во второй половине XIX в. сроки выслуги были сокращены; однако для прохождения служебной иерархии с XIV по III класс срок составлял 39 лет[831]. Государство обеспечивало повышенную правовую защиту государственных служащих, прежде всего должностных лиц.

Факт наличия 35 лет «беспорочной службы» был достаточным для получения пенсии. Помимо пенсии из государственного бюджета в некоторых органах государственной власти и местного самоуправления существовали так называе-

---

[830] Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учеб. пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 1999. С. 113.

[831] Там же. С. 119.

мые эмеритальные кассы, из которых выплачивались дополнительные пенсии и единовременные пособия.

В научной литературе рассматривается положение «прислуги государственных учреждений». К ней относились вахтеры, сторожа, курьеры, буфетчики и т.п. Представители этой категории обладали некоторыми правами и привилегиями государственных служащих, получая форменную одежду, казенное жилье, медицинское обслуживание[832].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. В середине XVII в. сложился профессиональный статус лиц, занятых на «государевой службе». Статус лиц, занятых на государственной службе невоенного характера в рассматриваемый период, являлся составной частью сословного статуса. При этом в течение второй половины этого столетия отсутствовало разделение невоенной службы на придворную и гражданскую (статскую). Юридически такое разделение было произведено в годы правления Петра I.

В качестве самостоятельного вида профессионального статуса выступает правовой статус военнослужащих. Этот статус в XVII в. имели стрельцы и представители иных социальных групп. Многие другие подданные получали статус военнослужащих «на временной основе», на время участия в военных действиях.

С начала XVIII в. в России, со времени создания постоянной кадровой армии, появилось значительное число военнослужащих, обладавших соответствующим статусом как в военное, так и в мирное время.

Основные характристики института государственной службы России как канала изменения индивидуального правового статуса с середины XVII в. по конец XVIII в.

С использованием института государственной службы можно было достичь самых высоких ступеней социальной иерархии. Естественно, что эти ступени были сопряжены с принадлежностью к высшему (боярскому или дворянскому (шля-

[832] Временко В.А., Крылова Е.Н. Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 214.

хетскому) сословиям. Таким образом, повышение индивидуального правового статуса представителями недворянских сословий означало в обязательном порядке получение звания боярина или дворянского достоинства.

В этом аспекте нормативной основой изменения индивидуального правового статуса являлось, в частности, признаваемое законодателем и закрепленное традицией пожалование дворянского достоинства императором. При этом еще с времен императора Петра I был отработан механизм получения потомственного дворянства личными дворянами по мере продвижения их по ступеням военной, гражданской или придворной службы. Нормативной базой этого механизма являлась Табель о рангах 1722 г.[833] Другими словами, звание потомственного дворянина было следствием успешной служебной карьеры личного дворянина, результатом достижения им определенных служебных рангов или получения определенных государственных наград.

Рассмотрим законодательное оформление института государственной службы с точки зрения использования его потенциала представителями различных социальных групп по изменению своего правового статуса в середине и второй половине XVII в.

В научной литературе отмечается, что идея служения была едва ли не главной в российском обществе семнадцатого столетия. Какую службу имеет в виду российский законодатель? Применительно к каким социальным группам можно говорить о профессиональном (служебном) статусе? Каким образом получение статуса служилого человека (государственного служащего) влияло на дальнейшее повышение его индивидуального правового статуса?

М.Ф. Владимирский-Буданов определяет категорию служилых людей как «класс населения, обязанный службой (придворной, военной, гражданской) и

---

[833] Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя бы и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VI. № 3 890.

пользующийся за нее частными земельными владениями на условном праве»[834]. В силу разнообразия обязанностей служилых людей перед государством выделялись различные разряды класса. При этом, подчеркивает он, «никакого корпоративного единства члены этого класса не имеют». М.Ф. Владимирский-Буданов называет следующие разряды служилых людей: а) члены Боярской думы – бояре (высший чин, жалуемый царем), окольничьи и думные дворяне (т.е. дворяне, введенные в думу, допущенные к участию в ее заседаниях); б) придворные чины, как высшие – спальники, стольники, стряпчие, так и низшие; в) военные люди – жильцы (гвардия), дворяне московские (испомещенные в Московском уезде), дворяне городовые (самый многочисленный и центральный разряд служилого класса), дети боярские (прежде примыкавшие к боярскому классу). Переходом от военного служилого класса к тяглому населению были разряды низших служб: стрельцы, пушкари, казаки, ворóтники, рейтары и солдаты; г) лица гражданской службы – дьяки и подьячие (думные дьяки, дьяки приказные, дьяки городовые и др.); д) дворяне и дети боярские, архиерейские[835].

На примере Сибири П.Н. Барахович объединяет терминами «служилое население» и «служилые люди» (рассматриваемыми как синонимы) сибирских дворян и детей боярских, офицеров и солдат полков «иноземного строя», стрельцов, казаков, пушкарей, представителей коренных народов[836].

Обратимся к источникам. В законодательных актах и других официальных документах достаточно четко выделяется «государева служба». Этот термин неоднократно используется в Соборном уложении, так же, как и термины «служилые люди», «государевы люди».

В ст. 65 и 68 гл. XVI Соборного уложения указывается государева служба (в ст. 68 – служба) без уточнения ее военного характера. Любопытно, что и в первом, и во втором случаях речь идет о помещиках, причем в ст. 68 они прямо названы дворянами. В качестве рабочего вывода примем следующий: существо-

---

[834] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1995. С. 141.

[835] Там же. С. 141.

[836] Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2016. С. 11.

вала государева служба невоенного характера; к ней имел отношение ограниченный перечень социальных категорий. Наконец, укажем на такой факт, что служилыми людьми Уложение 1649 г. называет вполне определенные общественные группы. Очевидно, правовой статус этих групп характеризуется имманентно присущими качествами служилых людей.

Норма ст. 66 гл. 16 Уложения предусматривает службу во дворе у патриарха, отграничивая ее от государевой службы. Служащие у патриарха дети боярские должны испомещаться «домовыми землями», а не государевыми поместными землями.

В целом можно констатировать: законодатель достаточно четко отграничивает государеву службу невоенного (гражданского) характера от выполнения иных социальных функций. При этом служение только представителей определенных общественных групп является государевой службой. Лица из других слоев могут привлекаться к военной и невоенной службе. Таким образом, в законодательстве середины XVII в. заложены основы (принципы) задействования различных категорий населения на государственной службе.

Относительно службы невоенного характера в Уложении 1649 г. содержится значительно меньшее количество правовых норм.

Критериальные показатели для получения статуса члена боярского сословия не были установлены законодателем. В частности, отсутствовали имущественный ценз, срок пребывания в российском подданстве, происхождение, занимаемые должности и пр. Вместе с тем при пожаловании думного чина большинство из указанных показателей учитывалось де-факто.

Например, в 1613 г. боярским чином были пожалованы князья Д.М. Пожарский и И.Б. Салтыков; чином думного дворянина был пожалован К. Минин. В 1619 г. после приезда и утверждения в качестве «великого государя» Филарета в состав Думы вернулись прибывшие из плена И.И. Шуйский и М.Б. Шеин; чин окольничего получили Ф.Л. Бутурлин и Н.М. Пушкин. Время вступления на престол Алексея Михайловича было отмечено новыми пожалованиями. Чин боярина получили князь А.Н. Трубецкой, В.И. Стрешнев, Н.И. Романов, князь Л.К. Чер-

касский, И.И. Салтыков, князь Ф.С. Курагин, Ф.С. Стрешнев, М.М. Темкин-Ростовский, а чин окольничего – князь Д.П. Львов, князь П.Ф. Волконский, Ф.Б. Долматов-Карпов, Н.С. Собакин. В 1646 г. чин думного дворянина получил И.М. Аничков. Из ярославских купцов происходил известный деятель середины XVII в. думный дьяк Н. Чистой[837].

По воле монарха члены Думы могли быть лишены чина. В 1624–1626 гг. был лишен чина боярина князь И.В. Голицын; разжалованы в московские дворяне боярин Б.М. Салтыков и окольничий М.М. Салтыков.

Полученный чин сам по себе не определял профиль службы. С одинаковым чином люди могли вести военную, административную и иную деятельность. От профиля службы зависели занимаемые лицом должности. Вместе с тем явно видна зависимость важности должности от чина. Например, возглавляли приказы и командовали армиями люди, как правило, в чине боярина. В качестве примера укажем на государственную деятельность в XVII в. боярина князя Б.М. Оболенского-Лыкова: он в 1619–1620 гг. возглавлял Разбойный приказ, в 1620–1622 гг. был воеводой в Казани, с 1623 г. возглавлял Сыскной приказ, с 1629 г. руководил одновременно Ямским и Монастырским приказам, с 1635 г. – приказом Казанского двора, а с 1639 г. – Сибирским приказом[838].

Администрацию в важнейших городах в должности наместников возглавляли бояре и окольничие; в другие города и уезды назначались воеводы из числа дворян и стольников[839].

Рассмотрим послужной список некоторых видных государственных деятелей XVII в. из числа служилых людей по отечеству.

М.Б. Шеин, полководец и государственный деятель, являлся сыном окольничего. В 1598 г. Шеин был царским стольником и участвовал в избрании на трон Бориса Годунова. В 1604 г. Шеин был назначен воеводой большого полка в г.

---

[837] Демкин А.В. Изменения в политике русского правительства по отношению к западноевропейскому купечеству в 40-е гг. XVII в. // Реформы в России XVI–XIX вв.: сб. науч. труд. М., 1992. С. 51.

[838] См.: Буркин А.И. Документы по истории Нило-Столобенской пустыни в Российском государственном архиве древних актов // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 50.

[839] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях… Т. 2. С. 361.

Мценск. Около 1606–1607 гг. он получил чин окольничего, затем чин боярина и был назначен смоленским воеводой. После возвращения в 1619 г. из плена он руководил рядом приказов, участвовал в работе посольств. В 1632–1634 гг. Шеин командовал русской армией[840].

Д.М. Пожарский являлся сыном князя Пожарского-Глухого. Начал службу в 15-летнем возрасте в чине «стряпчего с платьем» при царском дворе. Участвовал в работе Земского собора 1598 г. В 1602 г. Пожарский получил чин стольника. С 1608 г. неоднократно занимал должность воеводы. Пожарский входил в состав временного правительства России и в состав «Совета всей земли». В 1613 г. он был возведен в чин боярина; затем возглавлял ряд приказов, занимал должность новгородского воеводы, командовал армией[841].

И.А. Хованский происходил из знатного княжеского рода, ведущего свою родословную от великого литовского князя Гедимина. В 1636 г. получил чин стольника. В течение многих лет занимал должность воеводы в ряде городов. В 1659 г. был возведен в чин боярина. Возглавлял следствие по делу о московском «Медном бунте» 1662 г. Затем возглавлял Ямской приказ, командовал войсками в войнах со Швецией, Польшей, Османской империей. В 1682 г. стал начальником Стрелецкого приказа[842].

В приведенных примерах мы видим чередование придворной, административной, дипломатической, военной, судебной службы. Все названные лица последовательно состояли в различных чинах (стольник, думный дворянин, окольничий и др.). При этом чин отца не гарантировал получение соответствующего чина сыном и тем более не помогал избежать начала службы в сравнительно невысоком чине. Правда, происхождение все же влияло на скорость продвижения по чиновной лестнице.

---

[840] История России в лицах: Биографический словарь / Рапов О.М., Вдовина Л.Н., Федоров В.А., Терещенко Ю.А.; под общ. ред. В.В. Каргалова. М.: Русское слово, Русское историческое общество, 1997. С. 99–100.

[841] Там же. С. 101–102.

[842] Там же. С. 114, 117–118.

В.О. Ключевский приводит пример вертикальной социальной мобильности в XVII в. выходца из родовитого семейства: «Лет десяти его берут во дворец: он стольничает у царицы. Достигнув 15 лет, "недоросль" становится служилым "новиком". Его берут с царицыной половины и определяют "в царский чин" или штат, назначают или в стольники, или в спальники к царю спать у него "в комнате", разувать и раздевать его… Эта служба в государевой комнате на весь век дает ему почетное звание ближнего или комнатного человека. Из спальников его жалуют, смотря на степени его знатности, в дворяне московские или стольники… Стольник или дворянин московский … исполняет разнообразные поручения правительства, дипломатические, военные и административные. Он посылается послом в иноземное государство, приставствует у иноземного посольства в Москве, командует провинциальными дворянами в армейских полках в качестве полковника или сотенного головы, ротного офицера, управляет каким-нибудь второстепенным приказом в Москве, воеводствует по городам, назначается в писцы для поземельной описи областей, командируется "для сыскных дел", производит какое-либо дознание: словом, он на посылках "для всяких дел". Когда во дворце аудиенция, прием или отпуск иноземных послов, его с тремя товарищами наряжают в казенное белое камчатное на горностаях платье, надевают на него высокую белую шапку, дают в руки серебряный топорик и ставят подле престола… Наконец, лет через 30, иногда более, иногда менее, родовитому стольнику или дворянину московскому "думу сказывали", жаловали чин окольничего или прямо боярина, смотря по степени его родовитости»[843].

Аналогичным образом обстояло дело и в отношении представителей дворянского сословия. Примером является профессиональная карьера А.Л. Ордина-Нащокина. Ордин-Нащокин происходил из псковских городовых дворян. Первоначально проявил себя как военачальник и дипломат. Занимал должность воеводы в некоторых городах. За вклад в подписание союзного договора с Курляндией (1656 г.) и Велисарского перемирия со Швецией (1658 г.) получил чин думного

[843] Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М.: Синодальная типография, 1902. С. 392–393.

дворянина. В 1667 г. добился подписания Андрусовского перемирия с Польшей, за что получил чин боярина. Возглавил Посольский приказ с титулом «царской большой печати и государственных великих посольских дел оберегателя»[844].

В научной литературе приводится «послужной список» представителя дворянского рода Дашковых А.Я. Дашкова. В 1620 г. он начал службу в качестве патриаршего стольника, в 1635 г. стал государевым стольником. В 1647–1648 гг. руководил постройкой укреплений Царёва-Алексеева. В дальнейшем служил воеводой в Свияжске, Чернигове, Астрахани, Тамбове, руководил приказами. В ходе событий 1682 г., примкнув вначале к сторонникам Петра I, а затем – к царевне Софье, сделал быструю политическую карьеру, получив чин думного дворянина. Вскоре А.Я. Дашков был назначен последовательно руководителем Разбойного и Сыскного приказов и вознагражден земельными пожалованиями[845].

Обладали ли профессиональным статусом государственных служащих представители иных социальных групп, помимо служилых людей?

Рассмотрим отношение к государственной службе этих групп. По меткому замечанию М.Б. Булгакова, в XVII в. почти все сословия были заняты на государевой службе[846].

Сведения о службе гостей и членов торговых корпораций имеются и в исторических источниках, и в специальной литературе. Например, гость С. Задорин в 1659 г. ведал казенными соляными промыслами на Урале; ему же поручили провести отвод земель Пыскорскому монастырю и межевание земель Д. Строганова. Вологодский гость Г. Фетиев руководил постройкой Аптекарского двора в Вологде[847]. В 1643 г. купец гостиной сотни И. Ануфриев был направлен в Казань для

---

[844] Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М.: Правда, 1991. С. 123.

[845] Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено…». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М.: Изд-во УДН, 1988. С. 77–78.

[846] См.: Булгаков М. Б. Государственная губная служба посадских людей в XVII веке // Государство и право. 2005. № 12. С. 80.

[847] Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси IX–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 1997. С. 139.

управления месторождением медной руды[848]. Мы согласны с выводом о разнообразии и обременительности государственной службы членов торговых корпораций[849].

В качестве поощрения и, возможно, в целях облегчения такой службы гости и члены гостиной и суконной сотен получали освобождение от государственного тягла. Отметим, что к той или иной службе привлекались и посадские люди, и крестьяне. Один из примеров – выполнение обязанностей кабацких голов и целовальников[850].

Однако порядок прохождения службы всех указанных лиц существенно отличался от службы служилых людей по отечеству и по прибору. Законодатель не распространяет понятие служилых людей ни на посадских людей, ни на крестьян. Более того, гости и члены торговых объединений выполняли по общему правилу возлагавшиеся на них обязательства на безвозмездной основе[851].

Что еще более существенно, местом службы представителей тяглых сословий являются не государственные органы, а, по современной терминологии, государственные учреждения и предприятия. Таким образом, профессиональный статус рассматриваемых категорий населения не являлся статусом государственных служащих.

Военная служба выполняла функции социального лифта и для представителей податных сословий.

В начале XVIII в., после введения рекрутской системы комплектования вооруженных сил, военная служба стала выполнять в отношении представителей тяглых сословий, подлежащих рекрутской повинности, роль способа изменения правового статуса.

В данном случае важным рубежом в работе этого вида социального лифта являются отмена крепостной зависимости (1861 г.), введение всеобщей воинской

---

[848] Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Участие иностранных мастеров в развитии горнорудного дела России в XVII веке // Отечественная история. 2005. № 5. С. 56.

[849] Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Указ. соч. С. 139.

[850] Варенцова Л.Ю. Городецкий государев кабак в XVII веке // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 148.

[851] Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Указ. соч. С. 139.

обязанности и ликвидация рекрутской повинности (1874 г.). Таким образом, в течение двух столетий с середины XVII в. по 60–70-е гг. XIX в. и в течение половины столетия с 60–70-е гг. XIX в. по начало XX в. функционировали два различных механизма социального лифта в рамках военной службы для лиц непривилегированных социальных групп.

В определенные моменты отечественной истории верховная государственная власть допускала при этом переход поступивших на военную службу лиц из непривилегированных сословий в состав сословий привилегированных. Наиболее яркие примеры такого рода изменения индивидуального правового статуса связаны с временем правления Петра I.

В целом же на протяжении большей части рассматриваемого исторического периода призванные на военную службу представители непривилегированных сословий могли изменить свой индивидуальный правовой статус лишь вне пределов дворянского сословия.

По мнению ряда авторов, военная служба являлась заметным каналом освобождения от крепостной зависимости. В научной литературе отмечается, что «отставные солдаты русской армии являлись одним из ключевых механизмов освобождения населения от крепостной зависимости». Соответственно, приводятся цифры примерно в 150 тыс. демобилизованных в течение восемнадцатого столетия нижних чинов из числа бывших помещичьих крестьян[852]. Полагаем такой вывод справедливым прежде всего для времени не ранее конца XVIII в., когда был ограничен 25 годами срок военной службы, и, главным образом, для XIX в., когда были приняты меры по дальнейшему сокращению срока военной службы лиц, призванных по рекрутским наборам.

Тем не менее механизм изменения правового статуса лиц из непривилегированных сословий путем поступления на военную службу в ходе рекрутских

---

[852] Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. Отставные солдаты в сословно-правовой и социальной структуре Российской империи (роль военных ветеранов в истории России) // Вестник ТГУ. 2013. № 8 (124). С. 321 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otstavnye-soldaty-v-soslovno-pravovoy-i-sotsialnoy-strukture-rossiyskoy-imperii-rol-voennyh-veteranov-v-istorii-rossii (дата обращения: 10.08.2019).

наборов с одновременным освобождением от крепостной зависимости крепостных людей действовал на протяжении практически всего восемнадцатого столетия.

Роль государственной службы в России в XIX – начале XX в. в качестве канала изменения индивидуального правового статуса

В начале XIX в. российское правительство осуществило реорганизацию системы высших государственных органов (кардинальную реформу центральных государственных учреждений, по выражению И.В. Михеевой)[853]. В начале 1830-х гг. законодатель усилил влияние дворянских обществ на формирование кадрового состава государственных органов[854]. При этом в состав гражданских государственных служащих входили и судьи. Общеслужебный статус судьи в эти годы, отмечает А.И. Тиганов, совпадает с правовым статусом любого лица гражданского ведомства[855].

Роль государственной службы была приоритетной и применительно к мобильности внутри категории потомственного дворянства. Лишь достижение высших рангов на службе позволяло потомственному дворянину войти в состав политической элиты.

Наиболее быстрым вариантом социального лифта для дворян оставалась военная служба. Правовые основы прохождения военной службы были заложены в предшествующий период, однако в начале XIX в. были изданы некоторые нормативно-правовые акты, регламентировавшие отдельные стороны военной организации Российской империи. Прежде всего необходимо отметить принятое в 1812 г. «Учреждение для управления Большой действующей армии», регулирующее, в частности, порядок назначения главнокомандующего и командующих отдельны-

---

853 Михеева И.В. Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 19.

854 Манифест о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным от 6 декабря 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1832. Т. VI. № 4 989.

855 Тиганов А.И. Правовой статус судей в России в XVII – начале XX века: историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2012. С. 16.

ми армиями, полномочия главнокомандующего по назначению и отрешению от должности некоторых категорий военачальников, офицеров и военных чиновников[856].

Самый яркий пример действия данного вида социального лифта с нашей точки зрения – биография М.Б. Барклая-де-Толли. Сын поручика, дворянин всего во втором поколении, за 32 года прошел служебный путь от корнета до военного министра, за 36 лет – от корнета до фельдмаршала[857].

У сына потомственного дворянина, адмирала В.Я. Чичагова – П.В. Чичагова – путь от начала военной службы до должности министра морских сил занял 23 года; от звания сержанта до звания адмирала – 28 лет.

П.П. Коновницын, сын псковского помещика, офицера Преображенского полка, согласно традиции того времени был записан в Семеновский полк в возрасте 10 лет; реальную военную службу начал в возрасте 20 лет. В это время его отец получил звание генерал-майора и занимал должности руководителя наместничеств и губерний, в т.ч. Санкт-Петербургской. Некоторое время П.П. Коновницын служил адъютантом известного и влиятельного российского государственного деятеля Г.А. Потемкина. По истечении семи лет службы П.П. Коновницын получил звание полковника и должность командира полка. Служебный путь от звания подпрапорщика до звания генерал-майора занял у него 12,5 лет; до должности военного министра – 30 лет. Из указанных 30 лет восемь лет П.П. Коновницын находился в отставке, так что срок реальной службы составил 22 года.

Сыновья сенатора, тайного советника, будущего генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля, были в 1803 г. заочно записаны в Пажеский корпус. Двое из них, числясь воспитанниками корпуса, получили домашнее образование, несколько лет жили и учились в Саксонии и других европейских странах. Лишь в 1810 г., после возвращения в Россию, они приступили к обучению в Пажеском корпусе.

---

[856] Учреждение для управления Большой действующей армии от 27 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXII. № 24 975.

[857] Смирнов С.Н. Великая битва народов: взгляд через 200 лет. М.: Изд-во «Перо», 2016. С. 241 и след.

При этом попасть на занятия в это престижное учебное заведение им удалось только благодаря влиянию отца, обратившегося к самому императору Александру I[858]. Мы видим действие тех самых неинституционализированных факторов вертикальной социальной мобильности. Но нас больше интересует два других обстоятельства. Первое: И.Б. Пестель, располагая возможностями дать детям домашнее образование высокого качества, тем не менее счел необходимым «записать» их в престижное учебное заведение России. Второе обстоятельство: через несколько лет, несмотря на наличие образования, в том числе регулярного, достаточно высокого уровня, дети И.Б. Пестеля реально приступили к занятиям и получили в дальнейшем статус выпускников корпуса. Полагаем этот пример демонстрацией изменения отношения к регулярному образованию в среде высшей дворянской знати. Это изменение постепенно совершалось в течение предшествующих полутора столетий и наглядно проявилось в рамках второго этапа, рассматриваемого в настоящей работе периода.

Обращаясь к биографии одного из сыновей И.Б. Пестеля – Павла – отметим следующее. Как известно, за время обучения юный Пестель проявил отличные способности и закончил корпус с наивысшими результатами. В дальнейшем он был определен на военную службу в лейб-гвардии Литовский полк. В годы Отечественной войны и Заграничного похода русской армии П. Пестель отличился в нескольких сражениях, был ранен, получил несколько наград, в т.ч. иностранных, получил повышение в воинском чине. Таким образом, налицо вновь пример использования правового механизма продвижения по служебной лестнице в сочетании с факторами «неюридического» порядка в виде личных способностей и личной отваги.

Отец М.И. Платова «в есаулах проходил до сорока пяти лет». Сам М.И. Платов начал службу в 12 лет в войсковой канцелярии; при этом читать и писать не умел[859]. Должность командира казачьего полка получил после совершения во-

[858] Киянская О.И. Пестель. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 36–38.
[859] Лесин В.И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 8–9.

енного подвига[860].

Как мы видим, потомственным дворянам с хорошими личными связями в придворных кругах и военной элите удавалась более результативная военная карьера, нежели потомственным или личным дворянам без таковых связей. При этом дворяне пользовались не только законодательно зафиксированными возможностями служебного роста (получение воинских званий, военных наград, командных должностей), но и возможностями «неинституционализированных практик». К этим практикам мы относим традиции записи малолетних дворянских сыновей в военные части (без реального прохождения военной службы) и даже случаи зачисления в военные учебные заведения без реального обучения в них. При этом мы должны понимать, что во многих дворянских семьях в формате домашнего воспитания обеспечивалась необходимая подготовка к военной службе. Сама же военная служба от отпрысков видных дворянских фамилий требовала командных способностей и личной храбрости.

Законодатель сохранил нормативные требования к государственным служащим по наличию необходимого уровня образования. В силу специфики правового положения руководителей органов местного и дворянского сословного самоуправления эти требования распространялись и на должностных лиц системы общественного управления Российской империи. Формулярные списки о службе наряду с чином, должностью, вероисповеданием, датой начала службы и другими сведениями предполагают занесение сведений о полученном воспитании и окончании полного курса наук в учебном заведении[861].

Применительно к представителям податных сословий функционировал иной организационно-правовой механизм изменения правового статуса посредством военной службы. В наиболее заметной степени результаты его работы были видны в отношении крепостных людей. Военная служба продолжала оставаться заметным каналом освобождения от крепостной зависимости.

---

[860] Лесин В.И. Указ. соч. С. 11.

[861] Формулярный список о службе Тверского уездного предводителя дворянства, действительного статского советника, Василия Николаевича Трубникова (составлен 18 ноября 1891 года) // ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12036. Л. 6.

Законодатель установил следующие правила применительно к лицам из податных сословий, проходящим военную службу или завершившим ее прохождение. Военнослужащие, в том числе вышедшие в отставку, считались лично свободными людьми. По окончании военной службы нижние чины имели право свободного выбора места жительства и рода занятий. При этом они должны были записаться в общество, относящееся к одному из податных сословий, но освобождались от уплаты подушной подати.

Для оценки правоприменительной практики обратимся к мемуарам и архивным материалам.

Пожалуй, самый известный пример «солдатской» мемуарной литературы – записки солдата Памфила Назарова. П. Назаров, происходивший из экономических крестьян Тверской губернии, был призван в качестве рекрута на военную службу в сентябре 1812 г. Получив отставку, принял в 1839 г. монашествующее звание[862]. Таким образом, П. Назаров получил индивидуальный правовой статус лица из сословия духовенства.

Архивные материалы позволяют конкретизировать функционирование отдельных компонентов правового механизма изменения индивидуального правового статуса отставными нижними чинами. Причисление к обществам осуществлялась на основании прошений отставных военнослужащих[863]. При наличии у них семьи ее члены также приписывались к соответствующему обществу. Местные власти периодически принимали меры по приписке к обществу проживающих на их территории нижних чинов. Так, в 1873 г. Бежецкая городская управа Тверской губернии предписала Бежецкому мещанскому старосте «принять меры к немедленной приписке к обществу всех проживающих в городе Бежецке нижних чинов»[864]. При этом ревизские сказки на причисленных в общество отставных нижних чинов не представлялись.

---

[862] Митрофан (Назаров П.). Записки солдата Памфила Назарова в иночестве Митрофана. 1792–1839 гг. // Русская старина. 1878. Т. 22. № 8. С. 529–556.

[863] Дело о причислении в Бежецкое мещанство нижних чинов для одного счета // Государственный архив Тверской области. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

[864] Там же. Л. 3, 4.

Рассмотрим потенциал придворной и государственной гражданской службы в качестве еще одного предусмотренного законодательством и отработанного вековой практикой варианта индивидуальной социальной мобильности.

Любопытным представляется такое обстоятельство, как резкое сокращение в первые годы XIX в. роли придворной службы в качестве канала индивидуальной социальной мобильности. Император Александр I уже в первые месяцы своего правления сократил штат придворных и упразднил придворную канцелярию[865]. Обратим внимание на жесткую формулировку указа об упразднении канцелярии: «яко излишнюю и вовсе не нужную». В дальнейшем император изменил правовой статус нескольких придворных чинов, превратив их из самостоятельных служебных рангов в знаки отличия и внимания[866]. В итоге серии реорганизаций придворная служба фактически утратила свою роль как самостоятельного канала социальной мобильности.

На гражданскую службу потомственных и личных дворян и их детей принимали без каких-либо ограничений. Представителей духовного сословия принимали, скажем так, в виде исключения. Законодатель предусмотрел такую возможность, но – по решению Правительствующего сената.

Стремительной была карьера крупнейшего российского администратора начала XIX в. М.М. Сперанского, выходца из сословия духовенства. За 7 лет, если считать с момента начала профессиональной деятельности и за неполных 3 года, если считать с момента начала государственной службы, Сперанский достиг чина статского советника; через 13 лет государственной службы он занял второй после императора пост в государственном механизме – должность государственного секретаря. Кстати говоря, Сперанский, чтобы напоминать самому себе о своем

---

[865] Именной указ, данный Придворной конторе «О штате по придворному ведомству» от 18 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XVI. № 20 079.

[866] Именной указ, данный Сенату «О неприсвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов» от 3 апреля 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXX. № 23 559.

происхождении и бедном детстве, раз в год ночевал в чулане на лавке, покрытой овчинным тулупом[867]. Но мы также должны помнить, что в детские годы в его судьбе участвовал А.А. Самборский, лично знакомый с императрицей Екатериной II, духовник наследника престола Павла, воспитатель будущего императора Александра; в молодые годы его поддерживал митрополит Санкт-Петербургский Гавриил; в начале государственной службы ему протежировал генерал-прокурор князь А.Б. Куракин. Пример Сперанского говорит о сохранении важной роли неюридических факторов в работе социального лифта и в девятнадцатом столетии.

Отсутствие таковых факторов существенно замедляло продвижение по служебной лестнице. В 1837 г. сын дьякона Я.А. Муранов, окончивший Ярославскую губернскую мужскую гимназию, поступил на службу в качестве писца Ярославской губернской казенной палаты. В январе 1845 г. получил низший чин гражданской службы – чин коллежского регистратора. Через десять лет службы, в декабре 1854 г., сменив несколько должностей, Я.А. Муранов получил чин титулярного советника, дававший статус личного дворянина. В дальнейшем вновь произошло продвижение по служебной лестнице, как минимум до чина коллежского асессора. Впоследствии Я.А. Муранов сменил маршрут профессиональной деятельности, занявшись предпринимательством и став известным в Ярославле владельцем бань и трактиров[868].

В биографии еще одного выходца из семьи священнослужителей – сына священника из восточнословацких земель в составе Австрийской империи М.А. Балугьянского – неюридический фактор в виде персонального приглашения в 1803 г. на работу в Россию сыграл также немаловажную роль. Ну а далее основную роль в его продвижении сыграли его личные способности и, чего не стоит недоучитывать, сама обстановка модернизации и развития, которая была в России и которую инициировал император Александр I. Балугьянского, как пишет

---

[867] Томсинов В.А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 31.

[868] Чиновник и купец Яков Арсеньевич Муранов / О.В. Кузнецова, Государственный архив Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.yararchive.ru/elib/книги/Из%20истории%20ярославского%20предпринимательства/013.pdf (дата обращения: 01.04.2019).

Б.К. Тебиев, «ждала блестящая карьера ученого-экономиста, разработчика реформаторских программ»[869]. Правда, в состав политической элиты М.А. Балугьянский вошел уже позднее, в годы правления императора Николая I.

В XIX в. в России возможна была карьера на государственной службе, но не в органах управления, а, говоря современным языком, в учреждениях социальной сферы. Сын часового мастера, российский подданный всего во втором поколении Ф.А. Анжу избрал медицинскую службу. Первоначальное медицинское образование получил в России, затем учился в Берлине и Гёттингене. Трудился в Клину, Вышнем Волочке, Санкт-Петербурге. В 1801 г. получил потомственное дворянство, обеспечив тем самым своим детям возможность восхождения к вершинам служебной карьеры. Его сын Петр получил возможность обучения в Морском кадетском корпусе, рассчитанном на обучение дворянских детей. В 1815 г. будущий адмирал, директор департамента корабельных лесов, член совета министерства государственных имуществ П.Ф. Анжу получил первое воинское звание мичмана.

Примеры Барклая-де-Толли, Сперанского, Балугьянского и других деятелей свидетельствуют не столько о равных возможностях всех российских подданных в реализации своих способностей, сколько об отсутствии предубеждения у российских монархов по отношению к людям, вышедшим не из кругов знатного дворянства. Исследователи пишут об эволюции «высшей царской бюрократии» в сторону демократизации в аспекте «социального облика», в частности, при императоре Николае I[870].

После присоединения в 1809 г. к Российской империи Финляндии в статусе великого княжества был запущен механизм служебного роста финляндских дворян в общероссийском масштабе. Юридические возможности осуществить вертикальную социальную мобильность финляндские дворяне получили по линии государственной гражданской службы и по линии военной службы. Конкретные

---

[869] Тебиев Б.К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) // Экономический журнал. 2014. № 2 (34). С. 100–108 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/mihail-andreevich-balugyanskiy-1769-1847 (дата обращения: 01.04.2019).

[870] Андреева Т.В. На службе России: государственные деятели иностранного происхождения в царствование Николая I // Памяти академика А.И. Шегрена (1794–1855): сб. докладов. Ноябрь 2006. – СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 47.

факты и цифры приводит, например, О. Юссила[871]. В первые же годы после присоединения Финляндии достиг пика своей карьеры государственного деятеля Герг Спренгтпортен; выбор в пользу службы в масштабах всей Российской империи сделали будущий член Государственного совета Российской империи, член Финляндского сената Ларс фон Гартман, будущий контр-адмирал, управляющий Русско-американской компанией Арвид Этолен, другие представители Финляндии финской и шведской этнической принадлежности[872]. Биографические источники показывают, что перед ними не ставилось каких-либо специальных условий; другими словами, они поступали на общих с российскими дворянами условиях: сдача вступительного экзамена и, естественно, знание русского языка[873].

В ходе Великих реформ XIX в. государственный механизм в России подвергся модернизации. Изменения затронули центральный, региональный и местный уровни управления.

Коренным образом была перестроена система судебных органов; создана мировая юстиция современного типа.

Реорганизации подверглись органы полиции, жандармерии и исполнения наказаний. Центральное управление этими органами было сосредоточено в Министерстве внутренних дел; третье отделение императорской канцелярии было в 1880 г. ликвидировано.

За исключением дворянского самоуправления все другие компоненты системы самоуправления были модернизированы, а в отношении помещичьих крестьян – созданы заново.

Во второй половине XIX в. под воздействием ряда факторов объективного и субъективного характера в социальной структуре, а также в имущественном положении, уровне образования и других компонентах социального статуса чиновничества произошли существенные изменения. В частности, судебная реформа

---

[871] Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 (перевод с финского). Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. С. 152–156.

[872] Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / под ред Т. Вихавайнена (пер. с финского). Хельсинки: Об-во финской литературы, 2004.

[873] Маннергейм К.Л. Мемуары: пер. с финск. П. Куйвалы, Б. Злобина. М.: Вагриус, 2006. С. 11.

1864 г. породила, как отмечается в научной литературе, «новый тип образованного, уважаемого и чистоплотного судьи-дворянина»[874]. В качестве примера можно привести деятельность А.Ф. Кони, служебные перемещения которого можно проследить по архивным материалам[875], а содержание деятельности – также по материалам личного происхождения.

Произошедшие в России изменения стали наиболее заметными на региональном и местном уровнях. Мы уже отмечали ранее, что в последние десятилетия девятнадцатого столетия в составе корпуса государственных служащих губернских и уездных органов управления увеличилась доля потомственных дворян, что стало следствием процесса оскудения дворянства, изменения его отношения к гражданской службе, принципов комплектования контингента служащих некоторых центральных и провинциальных учреждений. Сократилась доля выходцев из духовного сословия, что, вероятно, было результатом сокращения удельного веса представителей белого духовенства в социальной структуре населения и расширения выбора альтернативных государственной службе видов деятельности. При сохранении достаточно высокой доли выходцев из чиновничьей и канцелярской среды наметились тенденции, способные в будущем воспрепятствовать регенерации бюрократии за счет нее самой. Так, обращают на себя внимание факты выбора некоторыми детьми чиновников небюрократической, а иногда и негосударственной сферы деятельности, пресечения ряда чиновничьих династий[876].

Для податных сословий государственная служба не являлась приоритетным направлением социальной мобильности ни в середине, ни в конце XIX в., удель-

---

[874] Краковский К.П. Политическая юстиция в России во 2-й половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: дис. …д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 35.

[875] Указы и извещения о служебных назначениях А.Ф. Кони // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1. Д.1. Л. 1 и след.; Свидетельство, выданное Государственной канцелярией А.Ф. Кони, о прохождении им службы за время с 1865 г. по 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1. Д.2. Л. 1.

[876] Любина Т.И., Смирнов С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика: монография / ред. Н.В. Михайлова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. С. 117 и след.

ный вес их представителей среди чиновничества Тверской губернии и других российских регионов был ничтожно мал. Не в последней степени это определялось тем, что социальный статус представителей податных сословий не позволял достигать требуемых цензовых критериев для поступления на государственную службу. Полагаем, что данный вывод мы можем экстраполировать и на другие центральные регионы Европейской части Российской империи.

Новый этап в развитии государственной службы как института вертикальной социальной мобильности и способа изменения индивидуального правового статуса начался в 1905–1906 гг., после отмены ограничений в отношении доступа к службе лиц из непривилегированных сословий. Изменения в законодательных и подзаконных актах о государственной службе осуществлялись в силу коренных перемен в правовом положении российских подданных, закрепленных Манифестом 17 октября 1905 г., новой редакцией Свода Основных государственных законов и другими ключевыми правовыми документами.

Так, в 1905 г. были отменены ограничения на доступ к государственной службе, установленные ранее в отношении старообрядцев и сектантов. В октябре 1906 г. законодатель впервые в истории России санкционировал равный для представителей всех сословий доступ к государственной службе.[877] Какие-либо различия при производстве в чины государственной службы могли определяться лишь стажем и уровнем образования[878]. Впрочем, значительный объем массива нормативно-правовых актов, регулирующих порядок доступа к военной и гражданской государственной службе и порядок ее прохождения, объясняет тот факт, что указанные выше новеллы не устранили «одномоментно» все имевшиеся правовые

[877] Именной высочайший указ, данный Сенату «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 392.

[878] Высочайше утвержденное положение Совета министров «Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименования в гражданский чин из офицерского» от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 393.

ограничения, установленные ранее законодателем для лиц с «недворянским» правовым статусом.

Тем не менее, источники позволяют сделать определенный вывод: положения указа от 5 октября 1906 г. и актов, изданных во исполнение его, применялись на практике, они, что называется, реально «работали». Приведем лишь некоторые ссылки на источники. Томский губернатор, по материалам местных губернских ведомостей, только в январе 1913 г. издал приказы о назначении 9 лиц на государственную службу с прямой ссылкой на высочайше утвержденное 5 октября 1906 г. положение о Совете министров». В их число вошли трое крестьян из Вятской и Томской губерний, а также один бывший чиновник из крестьян Волынской губернии[879].

Таким образом, государственная служба России как компонент организационно-правового механизма изменения правового статуса человека претерпела в 1905–1906 гг. коренные изменения. Этот канал социальной мобильности впервые за весь рассматриваемый в настоящем исследовании исторический период получил всесословный формат.

§ 3. История развития системы образования России в качестве канала социальной мобильности

Система образования России на протяжении всего рассматриваемого исторического периода выполняла функции канала социальной мобильности. Она являлась, по сути, компонентом санкционированного государством организационно-правового механизма изменения индивидуального правового статуса и обеспечивала развитие способностей и талантов жителей страны.

В настоящее время задачи перед системой образования Российской Федерации по поддержке талантливых детей и развитию человеческого капитала страны

[879] Томские губернские ведомости. Часть официальная.1913. № 1–12. С. 2.

сформулированы в федеральных нормативно-правовых актах[880]. Естественно, что в рассматриваемый исторический период государственная власть не формулировала в таком аспекте и с такой полнотой задачи системы образования, но объективно система образования как сфера общества, всегда выполняла определенные социально-культурные функции, а образование всегда представляло собой общественное благо.

Историография отечественной системы образования, включая высшую школу, представлена трудами представителей педагогической, исторической и историко-правовой наук. При этом целый ряд работ был приурочен к юбилейным датам в истории учебных заведений. В рамках философии, социологии, политологии, экономики проведены исследования, посвященные рассмотрению потенциала образования как канала социальной мобильности, как социального лифта. Имеются также и работы, в которых изучается роль образования как института воспроизводства социального неравенства.

В качестве примера можно назвать труды Р.Ф. Абдеева, А.И. Авруса, А.Ю. Андреева, Д.И. Багалея, Е.Р. Борисовой, Н.П. Загоскина, В.И. Жукова, В.А. Змеева, А.Е. Иванова, В.Р. Иконникова, П.И. Касаткина, Н.Д. Кликунова, В.О. Ключевского, А.М. Ларионова, П.Н. Милюкова, В.В. Нурмухаметовой, Е.В. Петухова, С.В. Рождественского, Д.Л. Сапрыкина, И.Я. Селезнева, О.В. Сердюцкой и многих других исследователей[881].

---

[880] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_146342/e9a1a62c2e07799e8554e53cdd8c212fa2afffeb/#dst100095 (дата обращения: 20.09.2023); Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 10.05.2024).

[881] Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. – М.: Маркетинг, 2001. 843 с.; Жуков В.И. Университетское образование: история, социология, политика. – М.: Академический Проект, 2003. 384 с.; Кликунов Н.Д. К вопросу о макроархитектуре высшего образования в Российской империи, СССР и современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13-2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-makroarhitekture-vysshego-obrazovaniya-v-rossiyskoy-imperii-sssr-i-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 12.01.2020); Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003;

На мультифункциональность и многозадачность образования, обеспечивающего прогрессивное развитие цивилизации, указывает П.И. Касаткин[882].

С.И. Черных, правда на современном материале, выделяет преимущества образования как двигателя индивидов по социальной вертикали по сравнению с другими социальными лифтами[883]. В принципе, аргументы исследователя представляются верными и для предшествующих исторических периодов. Подчеркивается также особая роль образования в механизме вертикальной социальной мобильности, поскольку образование, «пронизывая систему факторов обеспечения социальной мобильности, также предопределяет ее функционирование»[884]. На селективные, экономические функции и функции социального контроля системы образования обращает внимание Н.И. Асанова[885].

В социологической научной литературе отмечается, что образование является стабильным, верным каналом социальной мобильности, «который позволяет кардинально изменить аскриптивный социальный статус и превзойти социальный статус семьи, в которой родился индивид». Правда, присутствует оговорка, что это относится к странам с открытой системой стратификации и устойчивой экономикой[886]. Вряд ли стоит приуменьшать значение образования в качестве канала

Нурмухаметова В.В. Образование как фактор обеспечение социальной мобильности человека в современном обществе: социально-философский аспект: дис. … канд. филос. наук. Елабуга, 2010 и др.

[882] Касаткин П.И. Ценностная аксиоматика образовательного пространства: дис. … д-ра философ. наук. М., 2018. С. 3.

[883] Черных С.И. Социальные лифты в образовании: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2018. № 6. С. 89.

[884] Смагин Р.Ю. Институт образования как механизм формирования социального капитала: перспективы исследований // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 174 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-obrazovaniya-kak-mehanizm-formirovaniya-sotsialnogo-kapitala-perspektivy-issledovaniy (дата обращения: 06.04.2020).

[885] Асанова Н.И. Роль функций образования в воспроизводстве и закреплении социального неравенства в обществе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 2 (23) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-funktsiy-obrazovaniya-v-vosproizvodstve-i-zakreplenii-sotsialnogo-neravenstva-v-obschestve (дата обращения: 06.04.2020).

[886] Косинов С.С. Основные каналы социальной мобильности российской молодежи в современных условиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4 (18). С. 91.

социальной мобильности и в странах с системой стратификации, которую нельзя определить как открытую.

Обратим внимание на явный дефицит исследований технологической (если можно так выразиться) стороны вопроса, т.е. правовых и организационно-технологических характеристик системы образования именно в аспекте выполнения ею роли социального лифта. Мы имеем в виду оценку законодательства и оценку потенциала системы образования в плане обеспечения доступности образования для представителей различных социальных групп, включая показатели количества образовательных учреждений, плотности их сети, транспортной доступности, наличия интернатов и общежитий у образовательных учреждений и др.

В аспекте заявленной в настоящей диссертации темы отечественные научные исследования практически отсутствуют. В историческом аспекте отдельные вопросы характеристики образования в качестве канала социальной мобильности рассматриваются в трудах П.А. Зайончковского, Н.М. Коркунова, Т.И. Любиной, Б.Н. Миронова, А.М. Феофанова и некоторых других отечественных исследователей.

Так, А.М. Феофанов рассматривает интересные сюжеты, связанные с выбором образовательных стратегий представителями различных страт российского общества. Его работы, опирающиеся на хорошую источниковую базу, являются важным вкладом в дело исследования системы образования россии в качестве канала вертикальной социальной мобильности.

Имеются исследования по проблематике становления и развития системы образования в России, по истории отдельных учебных заведений. Историография данной проблематики сформировалась в течение приблизительно последних полутора столетий. В названных работах в той или иной мере рассматриваются вопросы, связанные с ролью обучения в профессиональной карьере и личной биографии людей, относящихся к различным сословиям и професиональным группам. Авторами этих исследований являются А.В. Аврус, В.Н. Бенда, Е.Ю. Жарова, В.А. Змеев, Г.В. Калашников, В.Г. Капитуров, Г.В. Кукушкина, О.А. Логинова,

А.Н. Назаров, Г.А. Окушова, С.В. Рождественский, А.Н. Сазонов и другие. Большинство данных исследований сделано вне рамок историко-правовой науки.

Полагаем аксиоматичным утверждение о выполнении системой образования роли канала социальной мобильности (иначе говоря, канала изменения индивидуального правового статуса) во всех обществах и во все времена. Современная система образования Российской Федерации, функционирующая на основе законодательства об образовании, является подтверждением этого тезиса[887]. Соответственно, на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе периода образование выполняло в России функции такого канала. Вместе с тем характеристики отечественного образования как канала изменения индивидуального правового статуса претерпели существенные изменения.

Система образования России в качестве канала изменения индивидуального правового статуса в рассматриваемый период прошла три основных этапа в своем развитии. Полагаем, что границами между первым и вторым этапами являются рубеж XVIII–XIX вв., а между вторым и третьим этапами – первые годы XX в. Таким образом, с точки зрения «работы» в качестве социального лифта образование России прошло следующие этапы в своем развитии:

1. С середины XVII в. по конец XVIII в.

2. С начала XIX в. по начало XX в.

3. С начала XX в.

Естественно, что с учетом общих хронологических рамок настоящей работы продолжительность третьего периода оказывается минимальной и составляет менее одного десятилетия.

Отметим также, что данная периодизация в целом соответствует рассмотренной выше общей периодизации процесса правового оформления российской модели социальной стратификации.

---

[887] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_146342/e9a1a62c2e07799e8554e53cdd8c212fa2afffeb/#dst100095 (дата обращения: 20.09.2023).

Основные характеристики системы образования России как канала изменения индивидуального правового статуса с середины XVII в. по конец XVIII в.

Относительно состояния образования в России в XVII в. в научной литературе высказаны различные мнения (М.Ф. Владимирский-Буданов, А.И. Любжин, П.Н. Милюков, А.И. Соболевский и др.). Общим местом является утверждение о том, что активная деятельность Российского государства по развитию образования относится к времени правления Петра I[888], т.е. к самым последним годам этого столетия.

Перечислим некоторые общеизвестные факты из истории образования в России XVII в.: издание первых русских печатных учебников (букваря В. Бурцова, 1634 г.; «Грамматики» М. Смотрицкого, 1648 г.; «Синопсиса» И. Гизеля, 1674 г. и др.); основание нескольких школ в Москве (при Андреевском монастыре, при Заиконоспасском монастыре, при Печатном дворе и др.) и других российских городах[889], открытие первого высшего учебного заведения (Славяно-греко-латинской академии, 1687 г.) и т.д. Работала школа в Немецкой слободе. Во второй половине XVII в. было напечатано более 300 тыс. букварей, около 150 тыс. учебных «Псалтырей» и «Часословов»[890].

Столь незначительные количественные показатели системы образования, особенно высшего образования, вряд ли могли удовлетворить образовательные потребности даже привилегированных сословий России.

---

[888] Поздняков А.Н. История становления образования в России XVII–XVIII веках: особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. История. Международные отношения. 2017. №. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-obrazovaniya-v-rossii-xvii-xviii-vekah-osobennosti-politiki-po-podboru-i-podgotovke-uchitelskih-kadrov (дата обращения: 06.04.2020).

[889] История России с древнейших времен до наших дней: учебник: в 2 т. Т. 1 / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Проспект, 2024. С. 371.

[890] Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века): Учеб. пособие / СПбГУАП. СПб., 2001. С. 8.

Имеются сведения о неграмотных должностных лицах, занимавших достаточно высокие должности в государственном аппарате[891].

При этом отметим отсутствие на уровне законодательства, подзаконных актов и правового обычая требований об уровне образования к руководителям высшего уровня, например, к членам Боярской думы. Так, перечисляя шестнадцать фамилий, члены которых в годы царствования Алексея Михайловича получали боярский чин, минуя чин окольничего, С.М. Соловьев указывает только один признак этих фамилий – знатность. Применительно к отдельным представителям данных боярских родов историк отмечает «царское расположение», «военные доблести», «телесную силу», различные положительные и отрицательные личные качества, но ни разу не называет их образование[892].

Обратимся к некоторым фактам из биографий высших должностных лиц государственной службы России начала XVIII в. Рассмотрим образовательные маршруты руководителей коллегий, созданных в конце 1710-х гг. Обратим внимание на то обстоятельство, что годы молодости и юности этих государственных служащих пришлись на вторую половину XVII в. Таким образом, приведенные примеры достаточно наглядно характеризуют потенциал отечественной системы образования семнадцатого столетия применительно к политической элите страны.

Таблица 5 – «Уровень и форма образования первых президентов коллегий (конец 1710-х – начало 1720-х гг.)» [893]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Год рождения	Образование	Фамилия и инициалы отца	Должность (титул) отца
1.	Головкин Гавриил Иванович	президент коллегии иностранных дел	1660	домашнее	Головкин И.С.	боярин
2.	Меншиков Александр	президент Военной коллегии	1673	отсутствует	Предположит. Меншиков Д.	Нет точных данных

[891] Быкова Т.А. Приказное делопроизводство XVII века. Первый шаг к управлению документами в России. 2018. С. 309–317. [Электронный ресурс]. URL: http://tonik-libra.pl/wp-content/uploads/2018/02/305_Bykowa_Belliculum-diplomaticum-V-Lublinense.pdf

[892] Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11–12. С. 664–667.

[893] По материалам информационно-справочных изданий.

	Данилович					
3.	Апраксин Федор Матвеевич	президент Адмиралтейств-коллегии	1661	домашнее	Апраксин М.В.	стольник
4.	Голицын Дмитрий Михайлович	президент Камер-коллегии	1665	домашнее	Голицын М.А.	стольник
5.	Матвеев Андрей Артамонович	президент Юстиц-коллегии	1666	домашнее	Матвеев А.С.	боярин
6.	Апраксин Петр Матвеевич	президент Коммерц-коллегии	1659	домашнее	Апраксин М.В.	стольник
7.	Брюс Яков Вилимович	президент Берг-Мануфактур-коллегии	1669	учился в Немецкой слободе дома либо в образоват. организации	Брюс В.	дворянин, полковник
8.	Долгоруков Яков Федорович	президент Ревизион-коллегии	1639	домашнее	Долгоруков Ф.Ф.	князь, окольничий
9.	Мусин-Пушкин Иван Алексеевич	президент Штатс-контор-коллегии	около 1660		Мусин-Пушкин А.Б.	стольник
10.	Трубецкой Юрий Юрьевич	президент Главного магистрата	1668	домашнее	Трубецкой Ю.П.	боярин

В качестве комментария к таблице отметим неоднозначность сведений о происхождении А.Д. Меншикова и на отсутствие сведений о его образовании. Преобладает мнение о «недворянском» происхождении Меншикова. Многие исследователи (С.М. Соловьев, Н.И. Павленко и другие) делают вывод об отсутствии образования у А.Д. Меншикова, о его неграмотности. Впрочем, имеется и прямо противоположное мнение (Ю.Н. Беспятых).

Обратим внимание на отсутствие почти у всех руководителей коллегий формально подтвержденного образования, т.е. образования, полученного в образовательной организации. Единственное возможное исключение – Я.В. Брюс, образование которого по доминирующему в научной литературе мнению является качественным и разносторонним, но точные данные о том, в какой форме оно получено, отсутствуют.

При этом правовое положение отцов никак не влияет на данный факт: в учебном заведении не обучались как дети стольников из дворянского сословия, так и дети бояр и окольничьих из боярского сословия. Этот факт мы должны трактовать не в смысле невыполнения образованием своей роли канала вертикальной социальной мобильности (ибо на столь высоком этаже социальной лестницы вряд ли образование в то время являлось социальным лифтом), а в смысле отсутствия в XVII в. у привилегированных сословий запросов на получение образования в учебных заведениях, а не дома, а также, судя по всему, отсутствия потенциальной возможности у системы высшего образования на обучение всех лиц хотя бы из высших сословий. Еще раз обратим внимание на отсутствие нормативных требований к образовательному уровню высших государственных служащих; в противном случае тот же А.Д. Меншиков уделил бы внимание не только получению диплома Лондонского королевского общества, но и получению какого-либо документа об образовании из российского или зарубежного учебного заведения.

Отсутствовали в XVII в. законодательные предписания и об уровне образования основной массы сотрудников аппарата управления – приказов, приказных и съезжих изб. Поскольку их должностные обязанности предусматривали регулярную работу с документами, грамотность и, соответственно, определенный уровень образования, предполагались. Другими словами, требование об образовании подьячих реализовывалось в практике комплектования штатов государственных органов. Аналогичным образом действовали негосударственные учреждения и предприятия в отношении своих кадров.

Таким образом, во второй половине XVII в. отсутствовали законодательные положения, устанавливавшие требования к уровню образования каких-либо социальных или профессиональных групп, включая служащих государственных и негосударственных организаций. Установление этих требований осуществлялось в ходе практической деятельности по формированию кадрового состава этих организаций. Отсутствовали также централизованные меры со стороны верховной государственной власти по формированию сети образовательных организаций.

Известны меры правительства и усилия частных лиц по развитию в России системы образования в XVIII в.

Применительно к XVIII в. можно назвать организацию нескольких учебных заведений в годы правления Петра I, создание в Санкт-Петербурге в самом начале второй четверти этого столетия академического комплекса. С открытием академического комплекса в Санкт-Петербурге связана первая попытка создания высшего учебного заведения в России. Обратим внимание на то, что один из компонентов академического комплекса – академическая гимназия – был прямо рассчитан на развитие способностей молодежи с использованием кадрового и методического потенциала академии и университета.

Несколько лет существовала в Москве гимназия под руководством Э. Глюка. Были созданы образовательные учреждения по подготовке кадров для вооруженных сил и государственных органов, для горной промышленности и т.д.

В рамках государственной политики первой четверти восемнадцатого века ключевым моментом является попытка государственной власти России выстроить сеть образовательных учреждений во всех административно-территориальных единицах страны выше уезда и сделать получение образование обязательным для некоторых категорий населения. Прежде всего мы имеем в виду меры по созданию в губерниях и провинциях на базе архиерейских домов и монастырей цифирных (арифметических) школ, имевших статус мужских государственных начальных общеобразовательных учебных заведений[894]. В тексте данного указа содержится знаменитый запрет на вступление в брак в отношении незавершивших обучение учеников.

Первая четверть XVIII в. благодаря названным мерам стала временем заметного повышения роли образования в качестве социального лифта.

---

[894] Именной указ «Об обучении дворян приказного чина, дьячьих и подьяческих детей арифметике и геометрии, о присылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при арихиерейских домах и монастырях» от 28 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. V. № 2 778.

В 1740-е гг. некоторые из этих мер были пересмотрены; произошел своего рода временный «откат» в развитии системы начального образования в Российской империи.

Законодатель в январе 1755 г. в качестве образовательных учреждений для дворян указал на Санкт-Петербургскую академию, Сухопутный и Морской кадетские корпуса, Инженерство и Артиллерию[895]. Под «Инженерством и Артиллерией» законодатель понимает, очевидно, Московскую артиллерийскую школу, артиллерийскую школу Санкт-Петербурга, Московскую и Санкт-Петербургскую инженерные школы и, возможно, другие учебные заведения[896].

Как видим, большинство учебных заведений из данного перечня относилось к военно-учебным. Другими словами, возможностей у дворян получить военное образование было больше, нежели гражданское. В гражданском управлении свои знания выпускники военно-учебных заведений могли применить прежде всего по окончании многолетней военной службы. В этом смысле можно согласиться с С.М. Троицким, который считает, что «до середины XVIII в. наиболее образованные чиновники выходили из Шляхетского корпуса и других военных учебных заведений»[897]. По сути, с ним согласен и А.М. Феофанов, отмечающий (применительно к времени 1731–1761 гг.), что в Сухопутном шляхетском кадетском корпу-

---

[895] Именной указ «Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету» от 24 января 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XIV. № 10 346.

[896] См., подробнее: Бенда В.Н. Московская артиллерийская школа (1712–1759 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. 2009. № 110. С. 7–15; Бенда В.Н. Создание и деятельность артиллерийских школ в России (Конец XVII века – 1725 год): дис. … канд. ист. наук. СПб., 2004; Капитуров В.Г. Исторический опыт подготовки офицерских кадров русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук. М., 2011; Назаров А.Н. Подготовка офицерских кадров в Российском государстве, XVIII – начало XX вв.: опыт, традиции, уроки: дис. … д-ра ист. наук. М., 2001; Сазонов А.И. Военно-инженерные учебные заведения России в XVIII–XIX веках: дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2006 и др.

[897] Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. С. 34.

се обучалось более 38 % поступивших на государственную службу детей офицеров, генералов, чиновников и крупнейших помещиков[898].

В итоге в первой половине XVIII в. в России сформировалась система образования, практически лишенная (за исключением академического комплекса в Санкт-Петербурге) высших учебных заведений универсального профиля и представленная специализированными высшими и средними учебными заведениями, многие из которых были официально сориентированы на обучение представителей определенного сословия. Представители всех сословий имели возможность (весьма неравную в силу организационных, финансовых и иных причин) воспользоваться домашним образованием. Для лиц шляхетского (дворянского) сословия домашнее образование было официально приравнено к образованию в учебных заведениях с точки зрения последующей профессиональной карьеры.

Б.Н. Миронов, характеризуя систему образования в России в XVIII в., подчеркивает: «Уже первые учебные заведения, открытые при Петре I, были сословно специализированы: подготовку офицеров из дворянства обеспечивали кадетские корпуса, чиновников из числа приказных людей – подьяческие училища, священников из представителей духовенства – духовные училища и семинарии. Профессионально-сословный характер образования сохранялся в основном и впоследствии, что оказало большое влияние на развитие сословного строя»[899].

Отметим, что сословная специализация учебных заведений не исключала возможностей обучения в них лиц из иных сословий. Данная практика позволяла в определенной мере расширить доступ к образованию в условиях неразвитости сети образовательныхучреждений. Так, вплоть до 1776 г. Тверская духовная семинария была единственным средним учебным заведением Твери. Напомним, что Тверь являлась с 1719 г. центром Тверской провинции, а с 1775 г. – центром Тверского наместничества. Другими словами, даже административные центры регионального значения обладали крайне скудным потенциалом среднего образования, не говоря уже о высшем. В этих условиях обучение в специализированных учеб-

[898] Феофанов А.М. Образовательные стратегии элиты российского дворянства во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 169.

[899] Миронов Б.Н. Социальная история России… Т. 1. С. 85.

ных заведениях представляло собой едва ли не единственный шанс получения образования.

В качестве примера приведем статистические сведения о школьниках эллиногреческой школы Новгородского архиерейского дома по состоянию на 1729 г., записанных в подушный оклад.

Всего в эллиногреческой школе обучалось в 1729 г. 13 школьников, записанных в подушный оклад. Девять учеников были записаны как крестьянские сыновья, один – как «церковнический сын», в отношении троих была сделана запись «ис подкидышков». Еще около 50 человек прекратили обучение в школе по разным причинам и основаниям. Несколько человек умерли, один был «взят в солдаты», один – «нанялся в солдаты», несколько человек бежали или съехали самовольно, несколько школьников были отправлены для продолжения обучения в Москву или определены в работу. Относительно их сословной принадлежности в документе указано: «крестьянский сын», «солдатский сын», «церковнический сын», «ис подкидышков» и др.[900]

В 1755 г. российским правительством был учрежден Московский университет и его гимназии.

Исходя из статуса Московского университета, из сословной принадлежности его студентов, из предоставленных законодателем его выпускникам возможностей поступлению на государственную службу можно сделать вполне определенный вывод: университет изначально являлся инструментом для вертикальной социальной мобильности, включая межсословную мобильность (в т.ч. получение дворянского статуса посредством обучения в университете и дальнейшего поступления на государственную службу). Судя по всему, данная функция университета была признана и принята законодателем с самого начала.

---

[900] Доклад архиерейского разряда архиепископу Феофану (Прокоповичу) о нищих и школьниках, обретающихся в архиерейском доме от 5 февраля 1729 г. // Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): Сб. док-тов / Сост. Н.В. Салоников, О.В. Снытко; Департамент культуры и туризма Новгородской области; Государственный архив Новгородской области. Великий Новгород, 2016. С. 21–25.

Таким образом, де-юре образование в форме университетского образования являлось в XVIII в. каналом изменения индивидуального правового статуса для лиц из всех сословий Российской империи. Однако де-факто университеское образование не могло выполнить роль такого канала прежде всего в связи незначительностью своего потенциала и труднодоступностью обучения в университете для представителей по крайней мере двух непривилегированных сословий.

Обратим внимание также на выполнение университетом функций по образовательной поддержке обучающихся по общеобразовательным программам (на базе академической гимназии).

Верховной государственной властью были приняты другие меры по развитию сети образовательных учреждений. Эти меры были призваны обеспечить кадрами приоритетные отрасли управления и экономики. Например, в 1779 г. при Межевой канцелярии была открыта Константиновская землемерная школа[901], была создана первая в России учительская семинария. В числе этих мер было также санкционирование частной инициативы по открытию учебных заведений преимущественно для дворян.

Для обеспечения молодым дворянам комфортных условий получения образования в 1779 г. был основан Московский университетский благородный пансион. Проживание и обучение воспитанников организовывалось на платной основе и финансировалось за счет средств заказчиков. Таким способом воспитанники-дворяне дистанцировались от обучающихся-представителей других сословий. Выражаясь языком социологической науки, «социальная структура общества воздействует на образование, перенося в него социальное неравенство»[902].

В Санкт-Петербурге, Москве и некоторых других городах Российской империи были открыты частные пансионы. Их основателями являлись профессора, учителя, в том числе иностранные, монахини, офицеры и даже студенты. В каче-

---

[901] Апухтин А.Л. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. С. 5.

[902] Чекменёва Т.Г. Образование как социальный институт: теоретические подходы // Вестник ВГТУ. 2010. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut-teoreticheskie-podhody (дата обращения: 06.04.2020).

стве примеров таких пансионов можно назвать аристократический пансион де Вильнева, пансион Вейдемейера, пансион Вентурини, пансион Массона, пансион Ферре (Санкт-Петербург), пансион Келлера, пансион Утгова, пансион Форсевиль (Москва), пансион Эллерта (Смоленск), пасион Лорансеня, пансион Манженя (Симбирск), пансион Розе (Оренбург) и т.д. В частных пансионах обучались ученый и писатель А.Т. Болотов, поэт и государственный деятель Г.Р. Державин, поэт и государственный деятель И.И. Дмитриев, государственный деятель Н.С. Мордвинов, писатель и администратор А.П. Степанов, генерал А.Х. Эйлер, писатель, педагог, организатор народного просвещения Е.А. Энгельгардт, генерал Л.Н. Энгельгардт и другие известные деятели XVIII–XIX вв.[903]

В данном случае обратим внимание не только на санкционирование деятельности частных пансионов со стороны правительства, но и на запрос в образовательных услугах со стороны общества.

В целом в стране к концу восемнадцатого столетия количество учебных заведений, которые можно считать высшими или приравнять к высшим, составляло 15, а численность обучающихся – около 3 тысяч человек, при этом преподавательский корпус насчитывал примерно 250 человек.[904] Полагаем, что указанные цифры включают в себя и учебные заведения, просуществовавшие краткий; иначе говоря, они являются максимальными из тех цифр, которые можно более или менее убедительно обосновать.

По вопросу о физической доступности образования для населения в XVIII в. приведем несколько фактов и цифр. По сути, все высшие учебные заведения располагались на европейской территории Российской империи. В единственном вузе с университетским статусом – Московском университете – обучалось одновременно примерно сто человек. В Московском университетском благородном пансионе по состоянию на конец 1779 г. проживало 50 воспитанников. За период до

[903] Емельянова А.В. Мемуары о частных пансионах в России XVIII в.: биографии авторов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 136–152.

[904] Змеев В.А. Развитие российской высшей школы (XVIII – начало XX века): автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 2001.

1812 г. в Московский университет поступило всего около полутора тысяч студентов[905].

При оценке физической доступности образования учтем и сведения о численности населения Российской империи. По различным данным в России в 1800 г. проживало от 35,5 млн. до 38 млн. чел.[906]

Мы можем сделать вывод: высшее образование в XVIII в. было физически недоступно не только почти всему населению Российской империи, но и значительной части провинциальных дворян. В то же время наличие нескольких высших учебных заведений в обеих столицах позволяет сделать вывод о физической доступности высшего образования для столичного дворянства.

Почти столь же физически недоступным для большинства населения Российской империи было и среднее образование, позволявшее продолжать обучение в университетах. Прежде всего оно было представлено гимназиями и пансионами.

Каким может быть показатель физической доступности учреждений среднего образования, окончание которых давало юридическое основание продолжать обучение на ступени высшего образования? Естественно, что нормативно утвержденные требования в XVIII в. отсутствовали. По нашему мнению, речь следует вести о наличии хотя бы одного учебного заведения такого рода в регионе. Применительно к началу XVIII в. – одно учебное заведение на провинцию; в середине XVIII в. – одно на наместничество, в конце века – одно на губернию.

Более доступным являлось начальное образование. В целом в течение восемнадцатого столетия имело место поступательное развитие сети начальных учебных заведений. К началу XIX в. в России насчитывалось более 300 главных народных училищ, учебный план которых не был рассчитан на подготовку к университетскому образованию[907].

---

[905] Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII – первой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. И: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 22.

[906] Миронов Б.Н. Новая историческая демография… [Электронный ресурс]. С. 69.

[907] Логинова О.А. Становление и развитие гимназического образования в российской губернии в XIX – н. XX вв. (на примере гимназий Пензенской губернии): монография / науч. ред. Л.Д. Гошуляк. Пенза: Изд-во ПГУ, 2007. С. 16.

Вероятно, незначительный потенциал систем высшего и среднего образования России в XVIII в. стал одним из побудительных мотивов санкционирования законодателем домашнего образования дворян.

Согласно указу от 9 февраля 1737 г. дворянам, владеющим ста и более душами крепостных людей, было разрешено самостоятельно организовывать обучение своих детей мужского пола. Мелкопоместные дворяне могли воспользоваться этим правом, если могли доказать, что «сын их действительно арифметике и геометрии учится, и к дальнейшему онаго обучению способ имеют»[908]. Малолетних дворян, обучение которых не было организовано их родственниками, предписывалось направлять в государственные учебные заведения. Вскоре сенатским указом дворянских недорослей, явившихся на смотр к герольдмейстеру, было предписано направить «для обучения в домы». Уже прошедших обучение молодых дворян в возрасте от 15 до 17 лет предписывалось представить в Правительствующий сенат для определения на службу «в коллегии и канцелярии»[909].

Таким образом, домашнее образование для лиц дворянского сословия было официально приравнено к обучению в образовательных учреждениях, в т.ч. – в высших. Факт получения домашнего образования являлся достаточным условием для прохождения дворянами государственной службы, а значит, для построения профессиональной карьеры.

Результативность правительственных мер в первой половине восемнадцатого столетия рассмотрим на примере офицерского корпуса русской армии. По сведениям Г.В. Калашникова, относящимся ко второй четверти XVIII в., 90% офицеров было грамотно, но «общий образовательный уровень офицерского корпуса

---

[908] Именной указ «О явке недорослям в Санкт-Петербурге к герольдмейстеру, а в губерниях к губернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определению их на места, по достижении 20-летнего возраста» от 9 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. X. № 7 171.

[909] Сенатский указ «Об отпуске недорослей, явившихся на смотр от шестнадцатилетнего возраста до урочных лет в домы для обучения, об имении губернаторам и воеводам в обучении оных недорослей прилежного смотрения и о писании тех, которые наукам не обучились, вечно в матросы» от 19 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. X. № 7 182.

был низок. Условия военной службы не требовали от офицера глубоких и всесторонних знаний, почему военное образование в 1725–1745 гг. оставалось в зачаточном состоянии. Среди офицеров было редкостью знание иностранных языков, увлечение чтением, искусствами и науками»[910].

Если мы обратимся к данным, характеризующим уровень образования государственных служащих высших органов управления, то, опираясь на данные исследователей, проанализировавших сведения «сказок» (прототип формулярных списков), адрес-календарей и «Русского биографического словаря», можно привести следующие факты по состоянию на середину XVIII в.

Из 20 сенаторов, по данным на 1765 г., регулярное образование имели менее половины. Четверо из них закончили военные учебные заведения; трое проходили обучение и практику за рубежом. Большинство сенаторов обучались дома[911].

Обратимся к другим фактам для анализа потенциала образовательной системы России в XVIII в. в качестве института социальной мобильности.

Расмотрим образовательные маршруты руководителей министерств, созданных в 1802 г.[912] Обратим внимание на то обстоятельство, что годы молодости и юности этих государственных служащих пришлись на вторую половину XVIII в. Таким образом, приведенные примеры характеризуют потенциал отечественной системы образования восемнадцатого столетия.

Таблица 6 – «Уровень и форма образования первого состава министров России (1802 г.)»[913]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Должность	Год рождения	Образование	Фамилия и инициалы отца	Должность (титул) отца
1.	Вязмитинов Сергей	министр военных сухо-	1744	нет данных	Вязмитинов К.С.	дворянин, помещик

[910] Калашников Г.В. Офицерский корпус русской армии в 1725 – 1745 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999.

[911] Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии… С. 20–21.

[912] Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 20 406.

[913] По материалам информационно-справочных изданий.

	Кузьмич	путных сил				
2.	Мордвинов Николай Семенович	министр морских сил	1754	домашнее, регулярное, частный пансион	Мордвинов С.И.	адмирал
3.	Воронцов Александр Романович	министр иностранных дел	1741	Частный пансион, Рейтарская школа Версаля (Франция)	Воронцов Р.И.	генерал-аншеф, граф
4.	Державин Гавриил Романович	министр юстиции	1743	регулярное, частный пансион, Казанская гимназия	Державин Г.Р.	секунд-майор
5.	Кочубей Виктор Павлович	министр внутренних дел	1768	регулярное, частный пансион, университет Упсалы (Швеция), Женевы (Швейцария) и др.	Кочубей П.В.	глава полтавского суда
6.	Васильев Алексей Иванович	министр финансов	1742	регулярное, юнкерская школа при канцелярии Сената	Васильев И.В.	дворянин, сенатский сектетарь
7.	Румянцев Николай Петрович	министр коммерции	1754	домашнее образование, университет Лейдена (Голландия)	Румянцев П.А.	генерал-фельдмаршал, граф
8.	Завадовский Петр Васильевич	министр народного просвещения	1739	училище (коллегиум) в Орше, Киевская духовная академия	Завадовский В.В.	дворянин, старшина

Анализ профессиональных биографий государственных деятелей в части получения образования позволяет сделать вывод о том, что отечественная система образования в XVIII в. играла определенную роль в качестве канала вертикальной социальной мобильности в отношении представителей дворянского сословия, правда, в весьма ограниченных масштабах и со значительными изъятиями.

В образовательные учреждения среднего и высшего уровня не принимались крепостные люди. Выше мы уже обращали внимание на данное обстоятельство. Единственная возможность поступления в них крепостного – получение отпуска на волю. Так, утвержденный 12 января 1755 г. и включенный в текст именного указа от 24 января 1755 г. проект об учреждении Московского университета предусматривал для крепостных людей такой механизм допуска к обучению: «Понеже науки не терпят принуждения, и между благороднейшими упражнениями человеческими справедливо счисляются; того ради как в Университет, так и в гимназию не принимать никаких крепостных и помещиковых людей; однако ежели который дворянин, имея у себя крепостного человека сына, в котором усмотрит особливую остроту, пожелает его обучить свободным наукам, оный должен наперед того молодого человека объявить вольным и, отказавшись от всего права и власти, которую он прежде над ним имел, дать ему уволительное письмо за своею рукою и за приписанием свидетелей, при том же повинен он за себя и за наследников своих обязаться давать оному ученику пристойное содержание, доколе он при Университете счисляться будет, и до совершенного окончания наук ни под каким видом его не отлучать.» (ст. 26). «При допущении в Университет и в гимназию такого студента или ученика, принять от него и хранить в университете данное ему от бывшего его господина письменное увольнение, и когда он науки свои порядочно окончает и от Университета с аттестатом отпущен будет для определения в службу государеву, или на вольное пропитание, тогда вручить ему паки помянутое письмо прежнего его господина и дать волю, чтоб никаким образом никто его в холопство привести не мог; ежели же имев волю и пользуясь одним тем, будет в худых поступках, то такого выписать вон и отдать как его, так и увольнительное письмо его помещику» (ст. 27)[914].

Используя выражение П.А Сорокина, можно охарактеризовать систему образования России в течение первых полутора столетий рассматриваемого периода

[914] Именной указ от 24 января 1755 г. «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отдния С.Е.И.В. канцелярии,1830. Т XIV. № 10 346.

как «лифт, движущийся только по верхним этажам социального здания»[915].

В итоге вышепроведенного исследования мы можем заключить, что образование уже в XVIII в. являлось для лиц из дворянского сословия официально признанным каналом повышения своего индивидуального правового статуса, причем каналом, по крайней мере в масштабах потомственного дворянства, доступным и массовым. При этом наиболее доступным было домашнее образование. Для потомственного дворянства значительную роль при получении образования играли образовательные организации зарубежных стран. Что касается отечественных образовательных учреждений, то на протяжении всего XVIII в. степень их физической доступности была невысокой даже для представителей дворянского сословия.

Еще менее доступным было образование в образовательных учреждениях для лиц из непривилегированных сословий. Изменение сословной принадлежности лиц, бывшее нередким явлением в России в первые два десятилетия XVIII в. и в ряде случаев сопровождавшееся получением образования, происходило, как правило, не в качестве результата их личной инициативы и не вследствие их образовательного уровня, а вследствие решения государственного органа. Обучение как бы «подкрепляло» соответствующее решение[916].

Вплоть до начала XIX в. российская система образования была рассчитана на обеспечение обучения прежде всего лиц дворянского и духовного сословий и отдельных групп из непривилегированных сословий. При этом обучение носило в значительной степени «специализированный» характер, т.е. было прямо рассчитано на выполнение обучающимися-выпускниками функций по службе в соответствии со своей сословной ролью и с сохранением своей сословной принадлежности. Исключением являлся университет с его функциями социального лифта.

Восемнадцатое столетие знает немало примеров успешной профессиональ-

---

[915] Сорокин П.А. Указ. соч. С. 310.

[916] Смирнов С.Н. К вопросу о формировании образования в качестве канала вертикальной социальной мобильности в Российской империи в 1801–1860 годах: нормативная основа и практика функционирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 95–103.

ной карьеры лиц без систематического образования. Один из таких примеров – карьера представителей рода Воронцовых. М.И. Воронцов, сын небогатого ростовского воеводы, без регулярного образования, имевший после пятнадцати лет придворной службы чин камер-юнкера (IX класс), после активного участия в событиях ноября-декабря 1741 г. и брака в январе 1742 г. с родственницей императрицы Елизаветы за три последующих года получил придворный чин действительного камергера (VI класс), титул графа Священной Римской империи, должность вице-канцлера, пожалование земель и крепостных крестьян и вошел в состав высшего слоя элиты империи. Не поддержал переворот 1762 г.; в течение трех лет после этого события оказался вначале в длительном отпуске, а затем – в отставке. Таким образом, перипетии профессиональной биографии М.И. Воронцова никак не были связаны с его обучением и даже с фактом наличия или отсутствия регулярного образования.

Впрочем, примеры Г.А. Потемкина и М.М. Сперанского доказывают, что хорошее образование, пусть и не являясь решающим фактором для продвижения на высшую ступень социальной лестницы, как минимум, помогает такому продвижению.

Реформы первой половины XIX в. и новое качество системы образования России как канала изменения индивидуального правового статуса

В первой четверти XIX в. государство приняло значительные правовые и организационные меры по развитию системы образования в России. С учетом задач настоящего исследования мы оцениваем результаты этих мер по двум критериям: доступность образования для представителей различных сословий и субсословных групп; роль образования в механизме изменения индивидуального правового статуса человека.

Впервые в отечественной истории законодатель установил обязательность образования (в виде обучения в образовательном учреждении или сдачи специальных экзаменов) для ведения профессиональной деятельности широкого круга лиц. Собственно говоря, определенная процедура подтверждения квалификации

существовала в России и ранее, например, при занятии должностей в высших учебных заведениях или медицинских учреждениях. Подтверждения требовали также ученые степени, полученные за рубежом. Но в 1809 г. нововведение коснулось наиболее массового «сектора» элиты страны – государственной гражданской службы. Речь идет об известном указе, изданном императором Александром I по инициативе М.М. Сперанского[917].

Характеризуя замысел Сперанского (с некоторыми изменениями отраженный в указе 6 августа 1809 г.), ученые отмечают, что реформатор «считал настоятельно необходимым создание прямой зависимости» между наличием образования и чином[918].

Результативность реформы можно проиллюстрировать следующим фактом. Графу в послужных списках государственных служащих «Где воспитывался» заполняли указанием на образовательное учреждение. Скажем, в послужном списке члена Государственного совета, министра внутренних дел, графа М.Т. Лорис-Меликова записана школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров[919].

В первые годы столетия была существенно расширена сеть университетов. Был основан Петербургский педагогический институт (Главный педагогический институт), ставший в дальнейшем базой Санкт-Петербургского университета. К 1815 г. были открыты Харьковский и Казанский университеты, а также Варшавский университет. На базе ранее существовавших иностранных учебных заведений были организованы Дерптский и Виленский университеты. В 1803–1804 гг.

---

[917] Именной указ от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии,1830. Т. XXX. № 23 771.

[918] Барциц И.Н., Краковский К.П. История государственной службы России (X – начало XXI в.). Том 2. Государственная служба Российской империи (XVIII – начало XX в.). Книга 2. «Золотой век» русской бюрократии. Бюрократия на закате империи / И.Н. Барциц, К.П. Краковский. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2023. С. 276.

[919] Полный послужной список генерала от кавалерии, генерал-адьютанта, графа М.Т. Лорис-Меликова// Государственный архив Российской Федерации. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

император подписал новые университетские уставы[920]. Продолжала функционировать шведоязычная академия Або (де-факто – университет).

Университеты функционировали не только в качестве высших учебных заведений, но и в качестве центров управления подведомственными учебными заведениями, что прямо закреплялось нормативными актами[921]. Для оптимизации управления образованием в стране были созданы шесть учебных округов.

В 1810–1820-х гг. правительство создало систему специализированных учебных заведений для дворян, включавшую лицеи, благородные пансионы. Несколько учебных заведений такого рода были созданы по инициативе частных лиц. Продолжали функционировать пансионы, открытые в предшествующее столетие. В известном смысле указанные учебные заведения являлись альтернативой всесословным университетам.

В итоге в стране функционировали Царскосельский лицей, Ришельевский лицей (Одесса), Волынский лицей (Кременец), благородные пансионы Московского и Санкт-Петербургского университетов, Ярославское Демидовское училище высших наук со своим пансионом, гимназия высших наук князя Безбородко (Нежин). Эти учебные заведения стояли особняком в российской системе образования и, по сути, заменяли собой гимназии и университеты.

Высказано мнение, что, предпринимая меры по развитию специализированных учебных заведений, правительство шло навстречу пожеланиям дворянства, в среде которого гимназическое и университетское образование не было популярным[922]. В течение нескольких десятилетий конца XVIII – первой трети XIX в. некоторые из указанных специализированных учебных заведений завоевали попу-

---

[920] Жарова Е.Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 268–290.

[921] Высочайше утвержденный доклад Главного училищ правления от 5 ноября 1804 г. «Об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных заведениях» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21 497; Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21 501.

[922] Диссон Ю. «Благородная альтернатива» российским университетам: лицеи и университетские пансионы // Высшее образование в России. 2007. № 12. С. 124–131.

лярность в среде дворян. Дворянские семьи зачастую отдавали предпочтение именно этим учебным заведениям перед гимназиями и университетами. Многие выпускники лицеев и благородных пансионов в дальнейшем занимали видные позиции в различных сферах общественной жизни. Так, из девяти сенаторов (период 1823–1825 гг.), окончивших Московский университет, семеро окончили именно его благородный пансион[923].

Правда, во второй четверти XIX в. правительство фактически унифицировало статус указанных специализированных учебных заведений для дворян путем сокращения их привилегий либо прямого преобразования в гимназии.

Была несколько расширена сеть военных учебных заведений, особенно в провинции. Так, в начале столетия были открыты военные училища в Туле и Тамбове. В период правления императора Николая I (1825–1855) произошел значительный рост числа военно-учебных заведений.

Однако в течение первой половины XIX в. так и не была решена одна из ключевых проблем высшего образования – проблема доступности. Прежде всего учтем численность населения Российской империи, которая (без Финляндии) составляла в 1815 г. 42–45 млн. чел., а в 1850 г. – не менее 56 млн. чел.[924] Особенно острой оставалась проблема географической (территориальной) доступности высшего образования для населения Азиатской части Российской империи. Самым восточным российским университетом в то время был Казанский. Расстояние от Казани до восточных рубежей государства составляло более пяти тысяч километров.

Понятно, что для представителей столичного потомственного дворянства проблемы доступности не существовало. К их услугам были не только университеты и дворянские учебные заведения обеих столиц, но и зарубежные вузы. Для всего же остального населения России географическая доступность высшего образования была трудноразрешимой проблемой.

Оставалась проблема доступности и в плане количества учебных мест. Чис-

---

[923] Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии… С. 24.

[924] Миронов Б.Н. Новая историческая демография… [Электронный ресурс]. С. 69.

ленность студентов в университетах в первые десятилетия выросла, но оставалась не очень большой. Например, в Московском – несколько сотен человек на всех курсах, а к 1831 г. – чуть более 800 человек, что составляло почти 30 % всех студентов российских университетов[925]. К 1848 г. число студентов Московского университета превысило 1 100 человек.[926] В целом правительство во второй четверти XIX в. сдерживало рост университетского студенческого контингента и принимало меры по сокращению доли студентов из непривилегированных сословий.

Понятно, что система высшего образования в принципе не могла решить задачу доступности образования, тем более для лиц податных сословий. Дворянские учебные заведения были просто закрыты для представителей всех других сословий. Поступление в университеты, всесословные по своему формату, требовало предварительной подготовки. Необходимый для зачисления в университет уровень знаний было трудно (в т.ч. по финансовым соображениям) получить вне стен образовательного учреждения.

Собственно говоря, для социологов такая картина вовсе не стала бы неожиданным феноменом. В социологических исследованиях перечисляются барьеры социокультурного, территориального и экономического порядка, которые поджидали потенциального абитуриента на «границе высшего образования»[927].

Выход для представителей непривилегированных сословий мог быть только один: использование сети «довузовских» образовательных учреждений. Верховная государственная власть России как в начале XIX в., так и на протяжении всей его первой половины предпринимала усилия по развитию системы среднего и начального образования.

Была выстроена трехступенчатая система образования: начальное, среднее, высшее. Образовательные программы ступеней были более или менее согласованы друг с другом, хотя в 1828 г. законодатель закрепил определенное несоответствие между средней и начальной школами. Во всяком случае, для успешного прохождения вступительных испытаний требовалось, как правило, обучение на

[925] История России с древнейших времен до наших дней / под ред. А.Н. Сахарова. С. 1010.
[926] Аврус А.В. История российских университетов. Очерки. М.: Моск. общ. науч. фонд, 2001.
[927] Смагин Р.Ю. Указ. соч. С. 174.

предшествующей ступени. При этом каждая ступень являлась самостоятельной и была достаточной для ведения практической трудовой деятельности. Данная организационная структура представляется оптимальной как с точки зрения получения образования в полном объеме, так и с точки зрения использования полученных знаний в профессиональной карьере, т.е. с точки зрения выполнения образованием функций социального лифта в плане выстраивания траектории пофессиональной деятельности.

В XIX в. в России продолжала доминировать сословная специализация средних и начальных учебных заведений. В качестве примера можно привести частное училище г-жи Гутон в Уфе «для благородных девиц и почетного купеческого сословия»[928]. Естественно, что имели место примеры обучения в училищах лиц из других сословий, а также выбор направления профессиональной деятельности не в соответствии с «сословным предназначением». Например, сын церковнослужителя А.П. Куницын обучался в духовном училище (Кашин) и Тверской духовной семинарии, но затем продолжил обучение в Главном педагогическом институте (Санкт-Петербург) и университетах Германии [929].

Вместе с тем в начале XIX в. центральная власть Российской империи взяла курс на создание системы всесословных средних учебных заведений. Если иметь в виду перспективы продолжения обучения в университетах, то речь идет прежде всего о гимназиях как об учебных заведениях, готовивших обучающихся к продолжению образования в университетах.

В первые годы девятнадцатого столетия гимназии открывались как бесплатные всесословные учебные заведения. Согласно уставу, в каждом губернском центре должна была функционировать гимназия. Таким образом, в стране была создана сеть образовательных учреждений «предуниверситетского» уровня, в значительной мере решившая проблему географической доступности образования.

---

[928] Оренбургские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1854. № 21. С. 81.

[929] Сергеева Г.П., Маркелова О.В. Тверская духовная семинария: история учреждения и обзор фонда [Электронный ресурс]. URL: http://www.tverarchive.ru/share/art/tvsem.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

Нормативной основой работы гимназий являлись Устав учебных заведений, подведомых университетам, от 5 ноября 1804 г. и иные нормативные акты. Прием в гимназии был открыт для учеников «всякого звания», обладавших необходимым уровнем знаний[930]. В 1828 г. в функционировании гимназий элемент сословности был официально закреплен[931].

Многие современники указывали на парадоксальный факт: трудности с комплектованием контингента обучающихся, в том числе на местах, финансируемых из государственного бюджета. Другими словами, даже имеющиеся возможности системы среднего образования были востребованы населением не в полной мере.

Полагаем, что данный факт лишь внешне кажется парадоксальным. Обстоятельства «неюридического» плана, такие, как недостаточное финансирование, дефицит качественных преподавательских кадров, скептическое отношение части дворян к всесословному обучению и другие обусловили проблемы в развитии гимназий и в использовании населением их потенциала для продвижения по социальной лестнице. В результате численность обучающихся в гимназиях была невысокой, а старшие классы многих гимназий были и вовсе полупустыми. Так, в Санкт-Петербургской гимназии численность гимназистов старших классов составляла 10–15 % от численности обучающихся младших классов. Численность обучающихся всей Казанской гимназии составляла в 1825 г. 240 чел. Общая численность обучающихся гимназий Российской империи измерялась цифрой в несколько тысяч человек[932]. Очевидно, что объективно существовавшие барьеры затрудняли доступ не только в систему высшего образования, но и в систему среднего образования.

---

[930] Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. (ст. 14) // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVIII. № 21 501.

[931] Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8 декабря 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. III. № 2 502.

[932] Логинова О.А. Указ. соч. С. 43–48.

Проблемы с востребованностью среднего образования влекли за собой проблемы с получением высшего образования. Вывод о том, насколько данное обстоятельство можно считать признаком недостаточной эффективности российской системы образования начала и середины XIX в. в качестве канала вертикальной социальной мобильности, мы сделаем ниже.

Отчетливо сохранялось влияние сословного начала в системе начального образования. Один из наиболее ярких примеров – деятельность начальных училищ для крестьян. Каждое из субсословий сельских обывателей (государственные, удельные и помещичьи крестьяне, свободные (вольные) хлебопашцы) имело различный доступ к начальному образованию, поскольку разным было и количество, и источники финансирования училищ, расположенных в селениях разных категорий крестьян.

Подверглась модернизации сеть духовных начальных учебных заведений.

С учетом данных замечаний посмотрим на результаты функционирования системы образования в первой половине XIX в. применительно к дворянскому сословию и государственной службе его представителей.

По данным П.А. Зайончковского, из 55 членов Государственного совета Российской империи (по состоянию на 1853 г.) 38 человек имели домашнее образование[933]. Из 110 сенаторов, чьи формулярные списки сохранились, 27 человек имели высшее образование, 50 человек – домашнее образование[934]. Таким образом, напрашивается вывод о том, что образовательный уровень чиновников высшего уровня не слишком вырос за первую половину XIX в., а образование не стало сколько-нибудь заметным способом попадания в эту категорию чиновничества.

А.М. Феофанов, сравнивая данные П.А. Зайончковского и данные американского исследователя В. Пинтнера, который указывает на более быстрое повышение образовательного уровня российского чиновничества и на значительную роль образования в профессиональной карьере, приходит к выводу о более кор-

[933] Зайончковский П.А.Указ. соч. С. 131.

[934] Там же. С. 138.

ректных и репрезентативных данных советского ученого, «особенно для чиновной верхушки»[935]. Мы со своей стороны полагаем достоверными и репрезентативными данные обоих исследователей. Просто в фокусе внимания В. Пинтнера находится более широкий круг государственных служащих, захватывающий «средний уровень» чиновничества. С приближением к вершине чиновной «пирамиды» роль неюридических факторов в виде происхождения, протекции, а также личных и деловых качеств, участия в политических событиях и дворцовых интригах и т.п. возрастала. Доступ к высшим государственным должностям для выходцев из незнатного провинциального дворянства и тем более из недворянских социальных групп был возможен, скорее, в виде исключения, нежели в виде правила.

Для государственных служащих среднего и низшего уровней роль образования естественным образом возрастает. Данные В. Пинтнера подтверждают этот тезис. Другими словами, для претендентов на профессиональную карьеру на нижних и средних уровнях государственного аппарата (как правило, выходцев не из высшего столичного дворянства) образование в первой половине XIX в. стало каналом вертикальной социальной мобильности.

Еще один вывод, который мы можем сделать при анализе функционирования образования в качестве социального лифта, относится к характеристике системы образования как таковой и к образовательным предпочтениям. Этот вывод сделан на основе данных о высших государственных служащих. В этой среде возросла роль и ценность именно университетского образования по сравнению с образованием в военных и гражданских специализированных учебных заведениях. При этом снизилась роль зарубежных университетов и возросла роль отечественных. А.М. Феофанов так характеризует данные изменения: «если для высшей бюрократии в екатерининское царствование после домашнего образования на первом месте по популярности стояло обучение за границей, а затем шли военно-учебные заведения, то уже в первой четверти XIX в. произошел перелом: количество людей, получивших образование в российских университетах, стало сравни-

[935] Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии… С. 25–26.

мым с числом обучавшихся на Западе и в кадетских корпусах»[936].

Правительственная политика на обеспечение элитарности университетского образования была свойственна отнюдь не только России. В отечественной и зарубежной научной литературе приводятся факты о государственной политике данной направленности в различных странах. Так, ведя речь о социальном разграничении образовательных функций в Японии в ходе правительственных реформ «эпохи Мэйдзи», С.А. Ушакин пишет, что, по его мнению, образовательная система Японии во второй половине XIX в. являлась «тонко сбалансированным механизмом политической селекции»[937].

Формирование в России модели образования в качестве института социальной мобильности современного типа (вторая половина XIX – начало XX в.)

Во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. роль образования как механизма социальной мобильности существенно возросла. Это обстоятельство явилось следствием модернизации социальной системы. В итоге для нескольких категорий населения был кардинально упрощен доступ к получению образования.

Одновременно правительство предприняло меры по реорганизации системы образования. Отечественный законодатель снял многие ограничительные меры в отношении деятельности общественных организаций и частных лиц в сфере образования. Новые правила поощряли инициативу частных лиц по развитию системы образования и оказались результативными. Открытие частных образовательных организаций осуществлялось на основании свидетельства на право открытия учебного заведения, выдаваемого Министерством народного просвещения[938]. Открылись несколько получивших широкую известность частных учебных заведений, например, знаменитая Поливановская гимназия в Москве. В 1864 г. в России

---

[936] Феофанов А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии… С. 26.

[937] Ушакин С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 61–62.

[938] Об открытии частных учебных заведений // Государственный архив Тверской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5481. Л. 2 – 3.

насчитывалось 75 частных гимназий, 186 частных уездных училищ, около 600 частных начальных и приходских училищ, более 150 частных училищ при храмах «иностранных» вероисповеданий, работало более 1 300 домашних учителей[939].

Примеры взаимодействия государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций и частных лиц в плане развития системы образования имели место в различных регионах России. Так, во втором благочинии Шенкурского уезда в 1887 г. функционировали 8 церковно-приходских школ и 1 школа грамотности. Помещения школам были предоставлены церковными приходами Русской православной церкви, священнослужителями, прихожанами.[940].

Были устранены некоторые «административные барьеры» и в сфере педагогического образования. Это было тем более актуальным, что в стране ощущался дефицит учительских кадров, особенно для начальных учебных заведений разных типов. Было крайне мало и педагогических учебных заведений. Приведем статистику по состоянию на 1870 г. В ведении Министерства народного просвещения Российской империи для подготовки учителей начальных училищ имелось всего три учительские семинарии (Киев, Молодечно, Рига), 12 педагогических курсов при уездных училищах и две земские школы[941].

В научной литературе названо четыре первых учебных заведения Российской империи, созданных на основании новых правил в Новгороде, Рязани, Чернигове и Твери. Любопытно, что на тот момент лишь в Твери было открыто женское учебное заведение[942]. Его создание стало, по сути, результатом муниципально-частного партнерства (используя современную терминологию). Первоначально учительская школа была открыта в качестве частного учебного заведения по ини-

---

[939] Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. СПб.: М-во нар. прос., 1902. С. 459–460.

[940] Архангельские епархиальные ведомости. 1888. № 3-4. С. 24 – 25

[941] Рождественский С.В. Указ. соч. С. 555.

[942] Ермишкина О.К., Ильина Т.А., Смирнов С.Н., Цыганова А.В. Школа П.П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века. К 150-летию Школы П.П. Максимовича: монография. Тверь: Тверской государственный университет, 2020. 216 с.

циативе и на средства общественного деятеля П.П. Максимовича[943].

Тверское губернское земство вначале оказывало учительской школе материальную поддержку, а затем взяло школу в свое ведение. В дальнейшем женские учительские школы были открыты в Казани и Самаре[944]. Тем не менее мы видим, что женские учительские школы в России того времени можно было, что называется, пересчитать по пальцам.

Немаловажным фактором стало расширение, а, по сути, формирование сети высших учебных заведений в Сибири и на Дальнем Востоке. В этом деле решающую роль играло государство. Были открыты вузы в Томске (Сибирский, а затем Томский университет, 1878 г.), Владивостоке (Восточный университет, 1899 г.)[945]

Продолжала развиваться сеть духовных учебных заведений. В принципе и в это время их можно считать сословными учебными заведениями для представителей сословия духовенства. В целом уровень образования священнослужителей был достаточно высоким, причем он, по словам иерея В. Лисюнина, выглядел «особенно выразительно» на «фоне общей малограмотности населения». Автор приводит статистические сведения по Тамбовской губернии, согласно которым в 1908 г. на 117 священников, не окончивших семинарии, приходилось 1296 священников с семинарским образованием, 16 священников с академическим образованием, 1 священник с университетским образованием[946].

Но надо учитывать то обстоятельство, что для немалого числа обучающихся эти учебные заведения являлись не средством подготовки к деятельности священнослужителя, а средством получения образования, в т.ч. для последующего по-

---

[943] Сведения об открытии школы Максимовича // Государственный архив Тверской области. Ф. 861. Оп. 1. Д. 1205. Л. 1.

[944] Окушова Г.А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник ТГПУ. 2010. Выпуск 11 (101). С. 83.

[945] Ляхов Д.А. «Под покровом холодной наружности скрывалось доброе сердце…». К юбилею приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова // Приамурские ведомости. 2023. 27 декабря. № 51 (8389). С. 17.

[946] Лисюнин И.В. Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2011. № 2. С. 336. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prosvetitelskaya-funktsiya-pravoslavnogo-duhovenstva-v-kontse-xix-nachale-xx-v (дата обращения: 06.04.2020).

ступления в университет.

Повышение значения функционирования образования в качестве механизма изменения индивидуального правового статуса индивида стало одним из обстоятельств, обеспечивших начало трансформации российской социальной системы в направлении формирования юридически консолидированного общества.

Рассмотрение мероприятий по реформированию отечественной системы образования после событий 1905–1906 гг. не входит в предмет настоящего исследования. В связи с этим ограничимся несколькими замечаниями тезисного формата.

В первые годы XX в. верховная власть России устранила юридические препятствия для обучения на всех ступенях образования представителей бывших крепостных крестьян. Был также взят курс на введение всеобщего обучения среди всех категорий населения. Указанные обстоятельства означали новый этап в развитии образования как института изменения индивидуального правового статуса.

Практическая реализация идеи о всеобщем образовании первоначально имела место в негосударственном секторе: на рубеже веков программа всеобщего обучения вошла в повестку дня ряда земств[947]. Вскоре правительство России, что называется, взяло инициативу в свои руки.

В начале XX в. заметно укрепился кадровый потенциал системы образования России. В качестве примера приведем Бежецкую женскую и Весьегонскую гимназии. По имеющимся архивным документам, в 1905 – 1906 гг. в качестве штатных преподавателей в Бежецкой гимназии трудились выпускники Санкт-Петербургского университета, Императорского историко-филологического института (Санкт-Петербург), Московского учительского института, Московской и Тверской духовных семинарий, Строгановского училища (Москва) и др.[948]

В 1909 г. педагогический состав Весьегонской гимназии включал в себя 1

[947] Гриневич И.М. Реформирование системы образования в начале XX века [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 3. С. 252. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-nachale-xx-veka (дата обращения: 17.03.2020).

[948] Список членов попечительского совета Беженкой женской гимназии в 1905–1906 гг. // Государственный архив Тверской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 42. Л. 1-8.

выпускника Санк-Петербургского университета, 1 выпускника Московского университета, 1 выпускницу Московского Александровского института, 1 выпускницу Санкт-Петербургского Мариинского института, 1 выпускницу Санкт-Петербургских высших курсов, выпускниц мариинских гимназий Твери, Череповца, Рижского городского училища, Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича[949].

Изменилось содержание образовательных программ. Если вести речь о примерах, то применительно к техническим вузам можно говорить о «транспрофессиональном характере» обучения[950].

Таким образом, в 1900–1910-е гг. верховная государственная власть России проводила курс на создание системы образования, обеспечивающей, в частности, возможности повышения индивидуального правового статуса представителями всех сословий и субсословий. Органичной частью этого курса стали планы по введению всеобщего обучения населения Российской империи.

Законодатель установил приоритет образования и в сфере государственной службы. Именно так можно трактовать акт от 5 октября 1906 г. [951] Данная законодательная новелла однозначно повышала значение образования как компонента орагнизационно-правового механизма изменения правового статуса человека.

* * *

Подытоживая вышесказанное, подчеркнем, что периодизация развития российской системы образования в качестве канала изменения индивидуального правового статуса соответствует приведенной ранее периодизации процесса правового оформления российской модели социальной стратификации.

В качестве вывода отметим также то обстоятельство, что в XVII–XVIII вв.

---

[949] Список должностных лиц в Весьегонской гимназии в 1909 г. // Государственный архив Тверской области. Ф. 975. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-3.

[950] Чеховских К.А., Морозова М.В. Особенности процессов развития высшей школы в Российской империи (1725–1917 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 102.

[951] Высочайше утвержденное положение Совета министров от 5 октября 1906 г. «Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименования в гражданский чин из офицерского» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1909. Т. XXVI. № 28 393.

отечественная система образования была рассчитана на организацию обучения прежде всего лиц дворянского и духовного сословий и представителей отдельных групп из непривилегированных сословий. При этом обучение носило в значительной степени «специализированный» характер, т.е. было прямо рассчитано на выполнение обучающимися-выпускниками функций по службе в соответствии со своей сословной ролью и с сохранением своей сословной принадлежности. В течение всего этого времени не были решены проблемы юридической и физической доступности образования для представителей всех сословий России. Вместе с тем выполнение, пусть в весьма скромных масштабах, функции канала социальной мобильности происходило, в т.ч., путем участия высших учебных заведений в работе по развитию способностей детей и молодежи (на «поле» общего образования).

После реформ в сфере образования, проведенных верховной государственной властью в начале XIX в., роль образования как канала изменения индивидуального правового статуса существенно повысилась. В частности, для претендентов на профессиональную карьеру на нижних и средних уровнях государственного аппарата (как правило, выходцев не из высшего столичного дворянства) образование в первой половине XIX в. стало реально действующим каналом вертикальной социальной мобильности.

Появление в 1905–1906 гг. на вершине системы правовых статусов человека конституционного (государственно-правового) статуса вместе с организационно-правовыми мерами по развитию системы образования заложило основы превращения образования в эффективный канал повышения индивидуального правового статуса.

Таким образом, на всех этапах процесса правового оформления российской модели социальной стратификации непрерывно возрастало значение образования в качестве компонента организационно-правового механизма изменения правового статуса человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ)

В заключении диссертационного исследования можно сделать следующие основные выводы и сформулировать следующие рекомендации.

С учетом исследования концептуальных основ государственной политики по правовому оформлению социальной иерархии России предлагаем следующую периодизацию процесса правового оформления сословной системы в России (иначе говоря - российской модели социальной стратификации) с выделением трех периодов:

1. Период формирования и функционирования сословной модели в общегосударственном масштабе. Среди ключевых характеристик данного периода – широкое распространение практики понижения государством правового статуса групп населения и отсутствие каналов групповой вертикальной социальной мобильности по частной инициативе. Хронологические рамки периода: середина XVII – рубеж XVIII–XIX вв.; с определенной долей условности – 1649–1800 гг.

2. Период формирования и функционирования новой сословной модели. Законодательная политика была направлена на санкционирование существования отдельных сословных систем на территории Финляндии и Польши; на формирование новых каналов вертикальной и горизонтальной социальной мобильности; на прекращение практики понижения правового статуса отдельных групп населения по инициативе государства; на реализацию вначале весьма ограниченной, а в 1861 г. – общегосударственной практики по ликвидации крепостной зависимости. Хронологическими рамками периода являются начало XIX – начало XX в.; с определенной долей условности – 1801–1905 гг.

3. Период проведения законодательной политики по всесторонней модернизации модели социальной стратификации с главенством конституционно-правового (государственно-правового) статуса личности, утратой сословным статусом доминирующего положения и превращением его в один из видов родового статуса человека, коренной перестройкой правового механизма вертикальной и

горизонтальной социальной мобильности. Хронологические рамки периода: 1905–1917 гг. При этом для целей исследования с учетом хронологических рамок настоящей работы рассмотрение материала осуществляется до 1914 г.

Каждый из указанных периодов разделяется на два этапа. Данная периодизация увязана с развитием ключевых характеристик сословной системы или, иначе говоря, с развитием модели социальной стратификации российского общества и изменением типа этой модели, с изменением типа общества.

Понятийно-терминологический аппарат, имеющийся в распоряжении представителей историко-правовой науки, достаточен (с некоторыми оговорками) для организации продолжения исследований вопросов правового оформления социальной системы России в рассматриваемый исторический период. Вместе с тем предложенная корректировка данного аппарата призвана оптимизировать некоторые аспекты научной работы. В частности, требуется уточнение содержания ряда понятий (каста, сословие, класс и др.) и введение некоторых новых терминов (субсословие, юридически консолидированное общество, юридически сегментированное общество).

В начале рассматриваемого исторического периода признаваемой государством ценностью обладали те свойства человека, которые позволяли ему выступать участником определенных правоотношений. При этом действия отечественного законодателя и правоприменителя совершались в контексте этической добродетели и иных моральных норм. Кроме того, помимо светского права правоотношения в российском социуме регулировались каноническим правом.

На протяжении рассматриваемого периода законодательная политика в России по указанным вопросам постепенно менялась. Примерами этих изменений стало, в частности, упразднение социально-правовых институтов старинного холопства и крепостного состояния. В начале XX в. позиция отечественного законодателя в рассматриваемом отношении приблизилась к правовой доктрине современного типа.

Проведенное исследование показало, что применительно к рассматриваемому периоду возможным и даже целесообразным является использование тради-

ционной классификации прав человека по сферам жизнедеятельности людей, а также использование соответствующей терминологии: личные, политические и социально-экономические права. При этом права человека должны трактоваться в качестве правомочий, а не в качестве атрибутивных свойств личности.

Российским государством в середине XVII – начале XX в., исходя из концептуальных подходов государственной политики, применялся разнообразный арсенал средств воздействия на социальную структуру страны по нескольким направлениям.

Можно выделить следующие направления государственного воздействия на социальную организацию России:

– конституирование системы правовых статусов человека и социальных групп;

– регулирование правового статуса индивидов;

– регулирование правового статуса социальных групп;

– установление особых правил, действовавших на определенных территориях страны и закреплявших локальные отличия правового статуса человека и социальных групп;

– реорганизация организационно-правового механизма групповой или индивидуальной вертикальной социальной мобильности.

В свою очередь, правовой статус человека мог быть изменен путем изменения сословного, группового или профессионального статуса целой социальной группы (и статуса индивида как члена этой группы) либо путем изменения только индивидуального статуса конкретного лица.

Государственное воздействие на иерархию социальных групп осуществлялось следующими методами:

– сохранения или изменения общей схемы деления общества на сословия;

– включение определенной группы населения в состав общегосударственной сословной структуры или сохранение ее за пределами этой структуры;

– создания или ликвидации определенного сословия;

– создания или ликвидации внутрисословных социальных групп (субсословий);

– включения в состав сословия или исключения из него социальной группы, находившейся в другом сословии или стоявшей вне сословной системы;

– создание или ликвидация социальной группы с особым статусом вне рамок сословий;

– расширение или ограничение доступа представителей определенной социальной группы к механизму вертикальной социальной мобильности.

Указанные направления и методы, применяемые Российским государством в течение рассматриваемого исторического периода, позволили сформировать модель социальной стратификации, достаточно эффективно функционирующую в условиях разнообразных вызовов.

По вопросу о стратификации российского общества в рассматриваемый период сформулированы различные точки зрения. Длительное время в отечественной и зарубежной научной литературе господствовала концепция об отсутствии сословной системы в России в XVII в. В настоящее время эта концепция в определенной степени пересмотрена в отечественной науке, прежде всего – в историко-правовой науке, чего, по-видимому, нельзя сказать о науке зарубежной.

Социальная иерархия в России в рассматриваемый период, включая середину и вторую половину семнадцатого столетия, основывалась на началах сословности. Мы полагаем, что содержание понятия «сословие» необходимо скорректировать.

Ключевыми характеристиками сословий как социальных страт особого вида являются, по нашему мнению, следующие:

– наличие у сословия особого правового статуса;

– юридическое оформление принадлежности к сословию и, соответственно, наличие определенной процедуры вхождения в сословие и выхода из него;

– наличие организационного механизма (на местном, региональном или общегосударственном уровне) выражения корпоративных интересов и выполнения корпоративных обязанностей;

– наличие официально установленных для данного сословия возможностей изменения индивидуального правового статуса его представителями;

– наличие возможности (или обязанности) передачи прав и обязанностей по наследству. При этом данная характеристика не является ключевой при конституировании социальной группы в качестве сословия.

Процесс создания полномасштабной сословной системы в России в новых государственных границах завершился в середине XVII в., а не в начале или конце XVIII в. Именно в это время была закреплена основная особенность сословной модели России – двухуровневая конструкция сословия, при которой крупная социальная группа (сословие), обладающая частью сословных юридических характеристик, включала в себя несколько менее крупных социальных групп – субсословий. Каждая из этих групп также обладала определенной частью сословных юридических характеристик. Субсословия были неравны между собой по правовому положению. Они были выстроены в определенной иерархии внутри сословия.

Именно двухуровневая структура сословий является основной особенностью отечественной сословной модели в отличие от многих зарубежных сословных моделей, главной отличительной чертой правового оформления социальной иерархии России.

При этом определенная часть населения России оказалась как вне рамок сословий, так и вне рамок сословной системы вообще. Этот факт также можно считать особенностью отечественной социально-правовой иерархии. В первой четверти XIX в. законодатель конституировал правовой механизм постепенной диахронной интеграции групп «инородческого населения» в состав общегосударственных сословий, и, значит, в общероссийскую сословную систему.

Ряд исследователей, рассматривая преобразования в сфере социальной иерархии в XVIII в., говорят о заимствовании Россией сословных порядков в Западной Европе. В качестве подтверждения они приводят законодательство царя Петра I.

По нашему мнению, в период правления Петра I произошло не формирова-

ние сословной системы, а реорганизация и упорядочение ее. Ключевой момент петровских социально-правовых преобразований состоит в реорганизации верхнего уровня сословного статуса с учетом иностранных образцов. При этом важнейшие особенности сословной системы России и сущность сложившегося ранее механизма социального лифта изменены не были.

В связи с появлением в начале XIX в. в составе Российской империи Великого княжества Финляндского и Царства Польского – территорий с особым правовым статусом и своими актами конституционного характера – сословная система России и система правовых статусов человека приобрели новое структурирование.

Сословная система в России в середине XVII в. характеризовалась наличием следующих сословий: боярское; дворянское; духовенство; служилые люди по прибору; посадские люди (включая членов торговых корпораций); крестьяне; холопы.

Каждое из указанных сословий состояло из нескольких субсословий. Кроме этого, было как минимум одно субсословие, не входившее в состав сословий, хотя и близкое по своему правовому положению к субсословиям служилых людей по прибору. Речь идет о субсословии приказных людей.

Сословная система в ходе реорганизаций XVIII в. претерпела изменения, прежде всего – на верхнем структурном уровне. Государственной властью была конституирована четырехсословная система. Каждое из сословий включало в себя несколько субсословий. Два субсословия – государственных служащих (не имевших дворянского достоинства) и военнослужащих (из податных сословий) - не входили в состав какого-либо сословия и занимали самостоятельное место в сословной системе.

Сословная модель в Российской империи в первой половине XIX в. также представляла собой систему сословий и субсословий: дворянство; духовенство; городские обыватели; сельские обыватели.

Дворянское сословие состояло из субсословий потомственных и личных дворян. В составе сословия духовенства находились следующие субсословия: мо-

нашествующее духовенство; приходское духовенство, имевшее дворянский статус; приходское духовенство, не имевшее дворянского статуса. Сословие городских обывателей включало в себя три субсословия: почетные граждане; купцы гильдий; мещане и вечные цеховые. Сословие сельских обывателей состояло из следующих субсословий: однодворцы; казаки; свободные землепашцы, государственные (казенные) и удельные крестьяне; военные поселяне; помещичьи крестьяне. Государственные служащие (за исключением служащих – дворян) и военнослужащие, призванные из податных сословий, составляли отдельные субсословия, не входящие в состав ни одного из сословий.

Не представляли собой ни сословия, ни субсословия такие социальные группы, как ратные люди, даточные люди, старожильцы, новопорядчики, «инородческое» население.

В ходе Великих реформ второй половины XIX в. сословная система России претерпела существенные изменения. Они повлияли отчасти на структуру, а большей частью – на правовой статус отдельных сословий и субсословий.

В начале XX в. была конституирована новая модель сословной системы. Одной из важнейших характеристик сословного строя того времени стала утрата сословным статусом доминирующего положения в пользу статуса конституционного (государственно-правового).

Правовое положение человека в России на протяжении большей части рассматриваемого периода определялось системой следующих правовых статусов: сословный статус (заменявший собой базовый и родовой статусы); отраслевой правовой статус; индивидуальный правовой статус. Доминирующую роль играл сословный статус. Институционально-правовая особенность сословной модели определяла и двухуровневую структуру сословного статуса как социально-правового феномена.

В 1905–1906 гг. был оформлен конституционный (государственно-правовой) статус личности, занявший доминирующее место в системе правовых статусов человека. Ключевым правовым документом, закрепившим данный правовой феномен, является Свод основных государственных законов в редакции 23

апреля 1906 г. Основные государственные законы в этой редакции мы считаем первой отечественной конституцией. При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что лишь осенью 1906 г. конституционный (государственно-правовой) статус стал главным статусом для российских крестьян, а, значит, для большинства населения Российской империи.

Рассматривая отраслевой правовой статус (на примере гражданско-правового статуса) и, соответственно, правовой статус субъектов имущественных отношений, отметим, что правоспособностью в гражданско-правовой сфере российские подданные обладали далеко не в равной мере. Решающим обстоятельством являлась принадлежность лица к той или иной категории населения, к тому или иному сословию и субсословию. Речь надо вести о правоспособности отдельных категорий населения. Переход лица из одной социальной группы в другую означал «автоматическое» изменение правоспособности в гражданско-правовой сфере.

Законодательно были закреплены два варианта вертикальной социальной мобильности. Каждому из них соответствовал определенный организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса.

Функционировали каналы механизма вертикальной социальной мобильности, не предусматривавшие изменения сословного статуса. Человек, сохраняя принадлежность к определенному сословию и субсословию, изменив тип своей хозяйственной деятельности и, возможно, свое место жительства, мог существенно изменить свой индивидуальный правовой статус.

В то же время российский законодатель, закрепив определенную иерархию субсословий внутри сословия и утвердив порядок перемещения из одного субсословия в другое, сформировал тем самым своеобразный механизм социального лифта, посредством которого представители многих социальных групп могли изменить свой сословный или субсословный статус. Существовали различные каналы механизма такого рода.

Одни были рассчитаны на последовательное прохождение субсословных и сословных «ступеней» в ходе вертикальной социальной мобильности. Сущность

функционирования такого рода каналов заключается в переходе лица из одного субсословия в другое, занимавшее более высокое положение во внутрисословной иерархии. Наличие внутрисословной иерархии субсословий облегчало не только внутрисословную, но и межсословную мобильность, поскольку правовые различия между «пограничными» субсословиями разных сословий были меньше, нежели различия между сословиями «в целом».

Одновременно законодатель сконструировал иные каналы, предоставлявшие возможности для другой траектории социальной мобильности. Для данного варианта изменения индивидуального правового статуса можно было использовать в качестве каналов мобильности государственную службу и образование, а также предпринимательство, общественную деятельность и благотворительность и т.д. С помощью потенциала указанных каналов социальный лифт мог «поднять» лицо из одного сословия в другое, минуя некоторые не только субсословные, но и сословные «ступени».

С точки зрения юридической доступности наиболее универсальным каналом вертикальной социальной мобильности была военная служба. Военная служба являлась единственным каналом, доступным в течение всего рассматриваемого исторического периода для всех сословий и субсословий, включая крепостных людей. Другими словами, военная служба выполняла функции социального лифта для представителей как привилегированных, так и тяглых (податных) сословий. При этом для податных сословий важным рубежом в работе этого вида социального лифта являются отмена крепостной зависимости (1861 г.) и введение всеобщей воинской обязанности и ликвидация рекрутской повинности (1874 г.). Таким образом, в течение двух столетий с середины XVII в. по 60–70-е гг. XIX в. и в течение половины столетия с 60–70-е гг. XIX в. по начало XX в. функционировали два различных механизма социального лифта в рамках военной службы для лиц непривилегированных социальных групп.

Потенциалом гражданской государственной службы могли воспользоваться только представители некоторых сословий и субсословий.

Роль государственной службы в качестве канала вертикальной социальной

мобильности была приоритетной применительно к представителям боярского и дворянского сословий (XVII в.), а с XVIII в. – для представителей дворянства.

Образование было юридически доступно для всех категорий населения, за исключением крепостных. По показателю юридической доступности оно занимало второе место после военной службы.

Образование в качестве социального лифта прошло в России в рассматриваемый период следующие этапы в своем развитии:

1) с середины XVII в. по конец XVIII в. (1649–1800 гг.);

2) с начала XIX в. по начало XX в. (1801–1905 гг.);

3) с начала XX в. (с 1906 г.).

С учетом физической доступности система образования вплоть до начала XIX в. была рассчитана на обеспечение обучения прежде всего лиц дворянского и духовного сословий и отдельных групп из непривилегированных сословий.

В течение первой половины XIX в. была обеспечена физическая доступность высшего образования для лиц дворянского сословия. Была создана сеть образовательных учреждений среднего образования.

В первые годы XX в. верховная власть России устранила юридические препятствия для обучения на всех ступенях образования представителей бывших крепостных крестьян. Был также взят курс на введение всеобщего обучения среди всех категорий населения. Указанные обстоятельства означали новый этап в развитии образования как института изменения индивидуального правового статуса. Впрочем, потенциал образования как канала вертикальной социальной мобильности в начале XX в. раскрыт в рамках рассматриваемого в настоящей работе исторического периода в «тезисном формате» как в силу нерешенности проблемы физической доступности и всеобщности обучения, так и в силу краткости третьего этапа развития образования.

В рассматриваемый исторический период законодательная политика была, в частности, нацелена на использование кадрового и методического потенциала высших учебных заведений в деятельности по развитию способностей детей и молодежи. Законодатель создавал правовые, организационные и финансовые воз-

можности для этого. Данное обстоятельство – тесную правовую и организационную связь систем высшего и общего образования - можно считать характеристикой образования в России как сферы жизни общества, как общественного блага, как социального лифта.

Автор на основе изученного исторического опыта полагает возможным сформулировать предложение о дальнейшей правовой регламентации порядка взаимодействия систем высшего, среднего профессионального и общего образования в настоящее время в Российской Федерации и об устранении имеющихся «барьеров» и правовых коллизий на пути данного взаимодействия. Конкретные предложения по совершенствованию законотворческой и правоприменительной практики сформулированы в научных статьях автора настоящей работы.

Сформулированная в настоящей работе концепция по вопросу о классификации моделей социальной иерархии или, иначе говоря, классификации типов общества, предполагает выделение двух типов обществ: юридически сегментированное общество и юридически консолидированное общество.

Названная классификация моделей социальной иерархии осуществляется исходя из комплекса критериев, основное место в котором занимают два критерия правового порядка: характер основного статуса в системе правовых статусов человека и сущность механизма изменения индивидуального правового статуса.

В юридически консолидированном обществе вершину пирамиды правовых статусов занимает общий для всех его членов правовой статус. В терминологии настоящего времени в качестве такого статуса выступает конституционный статус. Юридически оформленный и организационно обеспеченный доступ к основным каналам социальной мобильности должны иметь все члены общества.

В юридически сегментированном обществе общий правовой статус отсутствует или имеет второстепенное значение. Главную роль в системе правовых статусов играет какой-либо корпоративный статус. В России в рассматриваемый исторический период таким корпоративным статусом является сословный статус. Доступ к основным каналам социальной мобильности для части членов общества юридически закрыт или организационно затруднен.

Применительно к России общество в период с середины XVII в. до второй половины XIX в. имело юридически сегментированный характер. Со времен Великих реформ XIX в. начался переход к юридически консолидированному обществу, который в своих основных чертах завершился во второй половине 1900-х гг.

На протяжении всего рассматриваемого периода наряду с факторами, имевшими правовую природу, важную роль в плане консолидации российского общества играли традиции, церковные организации и другие институты. Прежде всего речь идет о Русской православной церкви, а также о других традиционных религиозных организациях России. Важная роль этих институтов сохранялась и при переходе к юридически консолидированному обществу. При этом постепенно увеличивалось значение факторов правового порядка как инструментов, которые обеспечивают единство общества.

Развиваясь на протяжении более чем полутора веков в рамках рассматриваемого в настоящей работе исторического периода как компонент российской цивилизации, отечественная модель социальной организации сохранила важные особенности, отличавшие ее от моделей, сложившихся в других странах. Эти особенности были юридически закреплены в результате целенаправленной политики российского законодателя. Таким образом, правовое оформление сословной модели стало итогом реализации концепции законодательной политики Российского государства.

Вместе с тем история правового регулирования социальной стратификации в России по своим закономерностям и некоторым этапам вполне может быть соотнесена с аналогичными процессами во многих зарубежных странах. Одновременно Россией был накоплен уникальный опыт социально-правового творчества и продемонстрирован потенциал модернизации своей социальной организации в зависимости от появлявшихся вызовов и менявшихся задач социально-правового развития страны.

СЛОВАРЬ (СПИСОК) ТЕРМИНОВ

Индивидуальный правовой статус: собирательная правовая категория, обозначающая правовое положение человека в обществе. Отражает содержание всех иных правовых статусов человека, а также включает собственные элементы (права, обязанности и правоотношения).

Каста: страта с особым правовым статусом, принадлежность к которой устанавливается рождением и, по общему правилу, не может быть изменена даже с санкции государственной власти.

Класс: страта, не имеющая официально установленных социальных границ (официального членства), принадлежность к которой устанавливается и прекращается индивидом посредством получения и утраты некоторых корпоративных статусов по своей инициативе без необходимости получения санкции со стороны государственной власти.

Организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса человека: совокупность правовых норм и организационных условий, обеспечивающих изменение правового положения человека в обществе.

Российская модель сословной системы (российская сословная модель): тип юридически оформленной организации социальной системы страны, основанной на сословности как одной из главных характеристик и отражающей характеристики российской цивилизации.

Сословие: страта с особым правовым статусом, принадлежность к которой устанавливается или прекращается с санкции государственной власти путем выполнения определенных юридических и организационных процедур. В России каждое из сословий состояло из субсословий.

Субсословие*: внутрисословная группа, обладающая рядом признаков сословия. Наличие субсословий является одной из ключевых характеристик российской сословной системы.

Юридически консолидированное общество*: тип правового оформления структуры общества, при котором обеспечивается существование общего для всех (конституционного) правового статуса человека и юридически равного доступа к основным каналам вертикальной социальной мобильности. В России переход к юридически консолидированному обществу осуществлен в течение первого десятилетия XX в.

Юридически сегментированное общество*: тип правового оформления структуры общества, при котором общий для всех правовой статус человека отсутствует, государственная власть юридически разделяет общество на страты с неравным правовым статусом, а доступ к основным каналам вертикальной социальной мобильности не является равным. Государственная власть в таком обществе обеспечивает необходимую степень консолидации с помощью иных средств правового и «внеправового» характера.

* Введено автором.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Нормативно-правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.09.2023).

2. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (в ред. от 02.12.2019 г.) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930. URL: http://base.garant.ru/10164186/ (дата обращения: 20.09.2023).

3. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 15.02.2024)

4. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146342/e9a1a62c2e07799e8554e53 cdd8c212fa2afffeb/#dst100095 (дата обращения: 20.09.2023).

5. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 10.05.2024).

Отечественные нормативно-правовые акты предшествующего исторического периода

6. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства [XIV–XVI]; отв. ред. А.Д. Горский. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.

7. Судебник 1550 г. // Судебники XV–XVI веков. коммент. А.И. Копанева; под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 619 с.

8. Указ «Об условиях и порядке оформления служилых кабал, ссудных крестьянских записей и жилецких записей» от 30 мая 1641 г. // Законодательные акты Российского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. С. 195.

9. Уложение от 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. I. – № 1.

10. Грамота короченскому воеводе от 31 марта 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. I. – № 4.

11. Именной указ, объявленный думным разрядным дьяком Семеном Заборовским, на постельном крыльце, окольничему Ивану Ромодановскому «О несправедливом его местничестве против боярина Ивана Салтыкова» от 29 июля 1650 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. I. – № 41.

12. Соборное деяние «Об уничтожении местничества» от 12 января 1682 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. II. – № 905.

13. Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. –

Т. IV. – №. 1910.

14. Именной указ «Об обучении дворян приказного чина, дьячьих и подьяческих детей арифметике и геометрии, о присылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при архиерейских домах и монастырях» от 28 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. V. – № 2 778.

15. Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/inherit.htm (дата обращения: 12.06.2023).

16. Резолюции обер-прокурора Синода на докладные пункты от прокурорских Монастырского приказа дел от 1 апреля 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. VI. – № 3 769.

17. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя бы и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. VI. – № 3 890.

18. Плакат «О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых» от 26 июня 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VII. № 4 533.

19. Именной указ «О явке недорослям в Санкт-Петербурге к герольдмейстеру, а в губерниях к губернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определении их на места, по достижении 20-летнего возраста» от 9 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской

империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. X. – № 7 171.

20. Сенатский указ «Об отпуске недорослей, явившихся на смотр от шестнадцатилетнего возраста до урочных лет в домы для обучения, об имении губернаторам и воеводам в обучении оных недорослей прилежного смотрения и о писании тех, которые наукам не обучились, вечно в матросы» от 19 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. X. – № 7 182.

21. Именной указ «Об учреждении Государственного заемного банка; о порядке выдачи из оного денег и о наказании ростовщиков» от 13 мая 1754 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XIV. – № 10 235.

22. Именной указ «Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету» от 24 января 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XIV. – № 10 346.

23. Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XV. – № 11 444.

24. Высочайше утвержденный доклад Сената «О порядке производства нижних канцелярских служителей в чины и определения на классные места; о приеме малолетних дворян в службу, и о производстве в судейские звания, а военных отставных в статские чины» от 5 сентября 1765 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XVII. – № 12 465.

25. Манифест «О высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманской» от 17 марта 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XX. – № 14 275.

26. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXII. – № 16 187.

27. Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXII. № 16 187.

28. Сенатский указ «Об оставлении крестьян за однодворцами до рассмотрения уездных планов, собирая с них последне-положенные подати, и о наблюдении казенным палатам, дабы однодворцы не пользовались покупкою и продажею людей» от 18 мая 1786 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXII. – № 16 393.

29. Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в статские чины» от 16 декабря 1790 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXIII. – № 16 930.

30. Дополнительные статьи и мнение Сената к общей Межевой инструкции, высочайше конфирмованные для межевания земель в губерниях: Симбирской, Саратовской и Оренбургской, которые состоят в следующем от 14 августа 1798 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXV. – № 18 625.

31. Сенатский указ по высочайше утвержденному докладу «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого, подушные подати несущего звания, без представления Сенату о надобности в оных» от 14 августа 1798 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXV. – № 18 622.

32. Именной указ, данный Сенату «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» от 12 декабря 1801 г. //

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXVI. – № 20 075.

33. Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXVII. – № 20 406.

34. Именной указ, данный Сенату «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» от 20 февраля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXVII. – № 20 620.

35. Высочайше утвержденные правила, постановленные в руководство министру внутренних дел при рассматривании условий между помещиками и крестьянами по указу 20 февраля 1803 г. от 21 февраля 1803 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXVII. – № 20 625.

36. Высочайше утвержденный доклад Главного училищ правления «Об уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов и подведомых оным учебных заведениях» от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXVIII. – № 21 497.

37. Устав учебных заведений, подведомых университетам от 5 ноября 1804 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXVIII. – № 21 501.

38. Сенатский указ «О форме ведомостей, по которым губернаторы обязаны доставлять в Сенат сведения, сколько в каждой губернии всякого рода и состояния жителей» от 1 октября 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXX. – № 23 291.

39. Сенатский указ «О непринимании в статскую службу из купеческого, мещанского и другого податного состояния людей, без представления Сенату» от 3 декабря 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание пер-

вое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXX. – № 23 381.

40. Именной указ, данный Сенату «О неприсвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов» от 3 апреля 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. – СПБ.: Тип. Вт. отд. С.Е.И.В. Канц., 1830. – Т. XXX. – № 23 559.

41. Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXX. – № 23 771.

42. Учреждение для управления Большой действующей армии от 27 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXII. – № 24 975.

43. Устав образования Бессарабской области от 29 апреля 1818 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXV. – № 27 357.

44. Именной указ, данный Сенату «О преобразовании сибирских губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. – № 29 124.

45. Учреждение для управления сибирских губерний от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. – № 29 125.

46. Высочайше утвержденный устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. – № 29 126.

47. Высочайше утвержденный устав «О Сибирских киргизах» от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. –

СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXVIII. – № 29 127.

48. Именной указ, данный Сенату «Об облегчении мещан и ремесленников в платеже недоимок» от 14 ноября 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXIX. – № 30 114.

49. Дополнительное постановление «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний», утверждено манифестом от 14 ноября 1824 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XXXIX. – № 30 115.

50. Высочайше утвержденное учреждение для управления Бессарабской области от 29 февраля 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. III. – № 1 834.

51. Сенатский указ «Об означении в формулярных списках о поступивших в службу не из дворян того звания, из коего каждый имеет свое происхождение» от 30 марта 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. III. – № 1 904.

52. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8 декабря 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. III. – № 2 502.

53. Высочайше утвержденный Устав рекрутский от 28 июня 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1832. – Том VI. – № 4 677.

54. Манифест о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным от 6 декабря 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1832. – Т. VI. – № 4 989.

55. Манифест об установлении нового сословия под названием почетных граждан от 10 апреля 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1833. – Т. VII. –

№ 5 284.

56. Высочайше утвержденное положение Военного совета, объявленное в приказе Военного министра от 17 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1832. – Том XXXVI. – № 36 635.

57. Манифест «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта» от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. – Т. XXXVI. – № 36 650.

58. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. – Т. XXXVI. – № 36 657.

59. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1867. – Т. XXXIX. – № 40 457.

60. Высочайше утвержденное Положение об упразднении Новороссийского казачьего войска от 3 декабря 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1873. – Т. XLIII. – № 46 506

61. Высочайше утвержденное Городовое положение от 16 июня 1870 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1874. – Т. XLV. – № 48 498.

62. Высочайше утвержденное Положение о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков от 19 мая и 2 июля 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1873. – Т. XLVI. – № 49 614.

63. Манифест о введении всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.:

Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1876. – Т. XLIX. – № 52 982.

64. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О введении общей воинской повинности» от 1 января 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1876. – Т. XLIX. – № 52 983.

65. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1886. – Т. II. – № 951.

66. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о совершенном прекращении взимания подушной подати от 28 мая 1885 г. [Электронный ресурс]. URL: http://doc.histrf.ru/19/zakon-ob-otmene-podushnoy-i-preobrazovanii-obrochnoy-podatey/ (дата обращения: 24.04.2023).

67. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «По проекту Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» от 3 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1888. – Т. VI. – № 3769.

68. Высочайше утвержденное Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. СПБ.: Тип. Вт. отд. С.Е.И.В. Канц., 1830. № 6 196.

69. Именной высочайший указ, данный Сенату «О введении в действие нового Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1895. – Т. X. – № 6 922.

70. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1895. – Т. X. – № 6 927.

71. Высочайше утвержденное Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи от 5 июня 1895 г. // Полное собрание законов Рос-

сийской империи. Собрание третье. – СПб., 1899. – Т. XV. – № 11 803.

72. Высочайше утвержденное 19 января 1898 г. мнение Государственного Совета о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями, ст. I, II // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб.: Изд. М.З. и Г.И. Департамент Гос. зем. им., 1898. С. 14–22.

73. Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1901. – Т. XVIII. – № 15 601.

74. Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев от 6 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1907. – Т. XXIV. – № 24 701.

75. Именной высочайший указ Правительствующему сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1907. – Т. XXIV. – № 25 495.

76. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 125.

77. Манифест «Об учреждении Государственной думы» от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 656.

78. Высочайше утвержденное Учреждение Государственной думы от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 661.

79. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 662.

80. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип.,1908. – Т. XXV. – № 26 803.

81. Манифест «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения» от 3 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 871.

82. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об уменьшении и последующем прекращении выкупных платежей с крестьян бывших помещичьих, государственных и удельных» от 3 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип.,1908. – Т. XXV. – № 26 872.

83. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об облегчении задачи крестьянского поземельного банка по содействию к увеличению площади землевладения малоземельных крестьян» от 3 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 873.

84. Именной высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 26 962.

85. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» от 11 декабря 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1908. – Т. XXV. – № 27 029.

86. Высочайше утвержденное Учреждение Государственной думы от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 27 424.

87. Манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 27 423.

88. Именной высочайший указ, данный Сенату «О переустройстве Учре-

ждения Государственного совета» от 20 февраля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 27 425.

89. Именной высочайший указ, данный Сенату «О временных правилах об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 27 479.

90. Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 27 805.

91. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 28 392.

92. Высочайше утвержденное положение Совета министров «Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименования в гражданский чин из офицерского» от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип., 1909. – Т. XXVI. – № 28 393.

93. Именной высочайший указ, данный Сенату «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб.: Гос. тип.,1909. – Т. XXVI. – № 28 528.

94. Именной высочайший указ Правительствующему сенату «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель» от 15 ноября 1906 г. // Программа реформ П.А.Столыпина. Документы и материалы: в 2-х т. – М.: изд-во «Российская политическая энциклопедия», 2002. – Т. 1.

95. Свод законов о состоянии людей в государстве. Издание третие. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1835. – 407 с.

96. Свод основных государственных законов // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. I. Основные государственные законы. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

97. Свод законов о состоянии людей в государстве // Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857. – 572 с.

98. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. I. Законы гражданские. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857. – 604 с.

99. Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. (Российская империя) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/ Alexandr_I /kx1815.html (дата обращения: 09.09.2009).

100. Манифест об отречении цесаревича Константина Павловича от наследования престола от 16 августа 1823 г. (Российская империя) [Электронный ресурс]. URL: http://www.imperialhouse.ru/rus/history/foundations/ dinzak3/222.html (дата обращения: 09.09.2009).

101. Сеймовый устав для Великого княжества Финляндского // Конституции государств (стран) мира: библиотека конституций Пашкова Романа [Электронный ресурс]. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=553 (дата обращения: 09.09.2009).

Нормативно-правовые акты зарубежных стран

102. Конституционная грамота Королевства Бавария 1808 г. [Электронный ресурс] // Конституция Баварии 1808 года / вст. ст. и перевод О.А. Омельченко. 2006 URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1227029 (дата обращения: 08.09.2018) (к наст. времени утратила юр. силу).

103. Конституционный акт великого герцогства Баденского 1818 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы; сост. Н.Н. Блохин. – М.: Госюриздат, 1957. – 588 с. (к наст. времени утратил юр. силу).

104. Конституция Саксонии 4 марта 1831 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия,

Германия: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы; сост. Н.Н. Блохин. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 497 – 519. (к наст. времени утратила юр. силу).

105. Конституционная хартия Пруссии от 31 января 1850 г. [Электронный ресурс]. URL: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study /studentsbooks /histsources2/igpzio60/ (дата обращения: 08.09.2018) (к наст. времени утратила юр. силу).

106. Конституция Германской империи от 16 апреля 1871 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы; сост. Н.Н. Блохин. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 558–576. (к наст. времени утратила юр. силу).

107. Декрет Учредительного собрания об избирательных правах от 22 декабря 1789 г. (Франция) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сб. документов / под ред. проф. П.Н. Галанзы; [сост. Н.Н. Блохин]. – М.: Госюриздат, 1957. – 587 с. (к наст. времени утратил юр. силу).

108. Декрет Учредительного собрания от 15 марта 1790 г. (Франция) [Электронный ресурс] // Документы истории Великой французской революции: сб. материалов и документов. – М.: изд-во МГУ, 1992. – Т. 2 URL: http://istmat.info /node/27372 (дата обращения: 08.09.2018) (к наст. времени утратил юр. силу).

109. Декрет Учредительного собрания от 15 мая 1790 г. (Франция) [Электронный ресурс] // Документы истории Великой французской революции: сб. материалов и документов. – М.: изд-во МГУ, 1992. – Т. 2 URL: http://istmat.info/node/27372 (дата обращения: 08.09.2018) (к наст. времени утратил юр. силу).

110. Декрет Учредительного собрания от 19 июня 1790 г. (Франция) [Электронный ресурс] // Захер Я.М. Французская революция в документах, 1789–1794. – Л.: рабочее издательство «Прибой», 1926 URL: http://istmat.info/node/31671 (дата обращения: 08.09.2018) (к наст. времени утратил юр. силу).

111. Декрет Учредительного собрания от 16 февраля 1791 г. (Франция)

[Электронный ресурс] // Документы истории Великой французской революции: в 2-х томах / отв. ред. А.В. Адо. – М.: изд-во МГУ, 1990. – Т. 1. – 528 с. URL: https://istina.msu.ru/publications/book/2936013/ (дата обращения: 08.09.2018) (к наст. времени утратил юр. силу).

112. Временная конституция Китайской республики (11 марта 1912 г.) [Электронный ресурс] // Конституционные акты Китая. Хрестоматия. Сост. Д.В. Кузнецов – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. – 190 с. (к наст. времени утратила юр. силу).

113. Конституция Республики Индия // Конституции государств Азии: В 3 т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – Т. 2: Средняя Азия и Индостан. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ: Норма, 2010. – 1024 с.

Авторские сборники юридических документов

114. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. / Подгот. текстов Р.Б. Мюллер. Под ред. Н.Е. Носова. – Л.: Наука, 1986. 264 с.

115. Калачов, Н.В. Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций [Электронный ресурс] / издал Н. Калачов. – М.: Тип. Августа Семена, 1846 (Пространная редакция) URL: http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm (дата обращения: 08.09.2018).

116. Памятники русского права. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1959. – 667 с.

117. Привилегированное купечество в России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в.: сб. документов / отв. сост. Т.Б. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 518 с.

118. Российское законодательство X–XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти томах. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Маньков; под общ. ред. О.И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1985. – 512 с.

Прочие официальные источники

119. Ведомость, коликое число по присланным из Московской ратуши имянным ведомостям объявлено записавшихся в Москве по мастерствам разных чинов людей в цех. А по каким мастерствам и ис каких чинов, объявлено ниже сего // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в.: Учеб. пособие / Сост.: Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский; под ред. А.Д. Горского. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 268–283.

120. Доклад архиерейского разряда архиепископу Феофану (Прокоповичу) о нищих и школьниках, обретающихся в архиерейском доме от 5 февраля 1729 г. // Новгородский архиерейский дом в первой половине XVIII века (по документам Государственного архива Новгородской области): Сб. док-тов / Сост. Н.В. Салоников, О.В. Снытко; Департамент культуры и туризма Новгородской области; Государственный архив Новгородской области. – Великий Новгород, 2016. – 360 с.

121. Законопроект от 28 февраля 1907 г. № 1479 «Об отмене содержащемся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным вероисповеданиям, а в том числе и к старообрядчеству и к отделившимся от православия сектам, а равно законоположений, допускающих вмешательство гражданской власти в духовные отношения частных лиц» [Электронный ресурс] // Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 10. Д. 41. Л. 184–199. URL: https://stolypin.rgia.su/ (дата обращения: 14.04.2020).

122. Записная книга Нижегородской таможни (извлечения) // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в.: учеб. пособие / Сост.: Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский; под ред. А.Д. Горского. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 219–226.

123. Описание Московской губернии // Источник. Документы русской исто-

рии. – 1993. – № 2. – С. 109–128.

124. Отписка полкового воеводы Д.Барятинского в Приказ Казанского дворца 17 ноября 1670 г. // Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Русская палеография: учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 344 с.

125. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наставление городским счетчикам. – СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. – 31 с.

126. Служилая кабала Г.А. Угримова Василию Владимировичу Чиркову // Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Русская палеография: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 343 с.

Источники личного происхождения

127. Витте, С.Ю. Воспоминания. Мемуары. В 3 т. Т. 1. – М.: Харвест, 2017. –768 с.

128. Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. – Т. 1. – Берлин, Слово, 1923. – 510 с.

129. Керенский, А.Ф. Потерянная Россия / сост., вступ. ст., примеч. Т.Ф. Прокопова. – М.: ПРОЗАиК, 2014. – 511 с.

130. Кони, А.Ф. На жизненном пути. Т. 3. Ч. 1. Ревель-Берлин: Изд-во «Библиофил», 1922. – 642 с.

131. Маннергейм, К.Л. Мемуары: пер. с финск. П. Куйвалы, Б. Злобина. – М.: Вагриус, 2006. – 512 с.

132. Митрофан (Назаров П.). Записки солдата Памфила Назарова в иночестве Митрофана. 1792 – 1839 гг. // Русская старина. – 1878. – Т. 22. – № 8. – С. 529–556.

133. Неру, Дж. Взгляд на всемирную историю. Письма к дочери из тюрьмы, содержащие свободное изложение истории для юношества. Т. 2. /Пер. с англ. Н.Б. Тер-Акопяна; вст. статья Р.А. Ульяновского. – М.: Прогресс, 1981. – 504 с.

134. Письмо А.И. Чернышева графу Аракчееву от 9 июля 1822 г. [Электронный ресурс] // Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807 – 1829). – СПб., 1883. – № 314. – С. 349–351. URL:

https://runivers.ru/lib/book7646/428036/ (дата обращения: 24.04.2020).

135. Письмо П.А. Столыпина Николаю II // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. – 1917. – № 5–6 (27–28). – С. 3–4.

Архивные материалы

136. Указы и извещения о служебных назначениях А.Ф. Кони // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1. Д.1. Л. 1.

137. Свидетельство, выданное Государственной канцелярией А.Ф. Кони, о прохождении им службы за время с 1865 г. по 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 564. Оп. 1. Д.2. Л. 1.

138. Полный послужной список генерала от кавалерии, генерал-адьютанта, графа М.Т. Лорис-Меликова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

139. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. (Плеве Вячеслав Константинович). Оп. 1. Д. 113.

140. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. (Плеве Вячеслав Константинович). Оп. 1. Д. 251.

141. Приморское общество сельского хозяйства, г. Владивосток. Списки членов-учредителей и вновь вступивших членов общества // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 38.

142. Удостоверительный акт крестьянину селения Репино Паниковской волости Псковского уезда П. Пентелееву // Государственный архив Псковской области. Ф. 108. Оп. 2. Д. 89. Л. 13 – 15 об. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.pskov.ru/iz-arhivnyh-fondov/slovo-arhivnomu (дата обращения: 24.04.2020).

143. Дело о причислении в Бежецкое мещанство нижних чинов для одного счета // Государственный архив Тверской области. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

144. Копия с решения Заклинского волостного суда // Государственный архив Тверской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

145. Об открытии частных учебных заведений // Государственный архив

Тверской области. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5481. Л. 1 – 3.

146. Сведения об открытии школы Максимовича // Государственный архив Тверской области. Ф. 861. Оп. 1. Д. 1205. Л. 1.

147. Список должностных лиц в Весьегонской гимназии в 1909 г. // Государственный архив Тверской области. Ф. 975. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-3.

148. Список членов попечительского совета Бежецкой женской гимназии в 1905–1906 гг. // Государственный архив Тверской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 42. Л. 1-8.

149. Уголовное дело Заклинского волостного суда Бежецкого уезда // Государственный архив Тверской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

150. Формулярный список о службе Тверского уездного предводителя дворянства, действительного статского советника, Василия Николаевича Трубникова (составлен 18 ноября 1891 года) // Государственный архив Тверской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12036. Л.1

151. Формулярный список о службе новоторжского городового врача, не имеющего чина, лекаря Ивана Муратова // Государственный архив Тверской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12001. Л. 32об.

152. Формулярный список о службе старицкого уездного врача надворного советника Мейера// Государственный архив Тверской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12001. Л. 35об.

153. Чиновник и купец Яков Арсеньевич Муранов / О.В. Кузнецова // Государственный архив Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.yararchive.ru/elib/книги/Из%20истории%20ярославского%20предпринимательства/013.pdf (дата обращения 01.04.2019).

Периодическая печать

154. Архангельские епархиальные ведомости. 1888. № 3-4.

155. Ведомости. 13 ноября 1722. № 24.

156. Владимирские губернские ведомости. Прибавление. 1842. № 2.

157. Владимирские губернские ведомости. Прибавление. 1844. № 2.

158. Вологодские губернские ведомости. 1883. № 30.

159. Воронежские губернские ведомости. 1841. № 2.

160. Воронежские губернские ведомости. 1842. № 42.

161. Иркутские губернские ведомости. 1864. № 10. Часть официальная.

162. Казанские губернские ведомости. 1845. № 28. Часть официальная.

163. Курские губернские ведомости. 1873. № 1. Часть официальная.

164. Московские ведомости. 1863. № 48.

165. Московские губернские ведомости. 1894. № 44. Часть официальная.

166. Оренбургские губернские ведомости. 1854. № 1.

167. Оренбургские губернские ведомости. 1854. № 21. Часть неофициальная.

168. Санктпетербургские ведомости. 1777 г. № 30.

169. Тверские губернские ведомости. 1843. № 2.

170. Тверские губернские ведомости. 1843. № 3. Часть официальная.

171. Тверские губернские ведомости. 1851. №. 1

172. Тверские губернские ведомости. 1906. № 1. Часть официальная.

173. Тобольские губернские ведомости. 1857. № 32.

174. Томские губернские ведомости. 1857. № 2. Часть официальная.

175. Томские губернские ведомости. 1913. № 10. Часть официальная.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии и сборники научных работ

176. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность [Электронный ресурс]: 2-е изд. – М.: РЮИД, «Сашко». – 2000. URL: https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/ (дата обращения: 28.11.2020).

177. Аврус, А.В. История российских университетов. Очерки. – М.: Моск. общ. науч. фонд, 2001. – 86 с.

178. Адо, А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1987. – 445 с.

179. Аксенов, А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). – М.: Наука, 1988. – 189 с.

180. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – 332 с.

181. Антюхина-Московченко, В.И. Третья республика во Франции 1870 - 1918. – М.: «Мысль», 1986. – 488 с.

182. Апухтин, А.Л. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. – 350 с.

183. Архипов, С.И. Субъект права: теоретическое исследование. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 469 с.

184. Архипова, Т.Г., Румянцева, М.Ф., Сенин, А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учеб. пособие. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 1999. – 231 с.

185. Барг, М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. – М.: Мысль, 1991. – 397 с.

186. Барциц, И.Н., Краковский, К.П. История государственной службы России (X – начало XXI в.). Том 2. Государственная служба Российской империи (XVIII – начало XX в.). Книга 2. «Золотой век» русской бюрократии. Бюрократия на закате империи /И.Н. Барциц, К.П. Краковский. – М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 536 с.

187. Бережнов, А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 142 с.

188. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с французского Е. М. Лысенко. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

189. Бобровский, П. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1882. – 51 с.

190. Богоявленский, С.К. Научное наследие. О Москве XVII века. – М.:

Наука, 1980. – 271 с.

191. Буганов, В.И. Петр Великий и его время. – М.: Наука, 1989. – 192 с.

192. Бухарин, Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.

193. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.

194. Вебер, Б.Г. Историографические проблемы. – М.: Наука, 1974. – 336 с.

195. Вебер, М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

196. Вильсон, В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений: с приложением текста важнейших конституций / пер. под ред. А.С. Ященко; с предисл. М.М. Ковалекского. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1905. – 800 с.

197. Виноградов, К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. – 226 с.

198. Виноградова, Е.А., Виноградов, А.Д. Тверь. XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики. – Тверь: ОАО «Тверское княжество», 2002. – 356 с.

199. Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979. – 229 с.

200. Витрук, Н.В. Правовой статус личности в СССР. – М.: Юрид. лит., 1986. – 176 с.

201. Володихин, Д.М., Федорец, А.И. Традиции православной благотворительности. – М.: Вече, 2010. – 304 с.

202. Власов, Н.А. Германия Бисмарка. Империя в центре Европы. – СПб.: Наука, 2018. – 207 с.

203. Водарский, Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века [Электронный ресурс]. – М.: Наука, 1977. URL: https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/8 (дата обращения: 12.01.2020).

204. Водарский, Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М.: Просвещение, 1973. – 160 с.

205. Воробьев, В.М., Дегтярев, А.Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ / отв. ред. А. Л. Шапиро. – Л.: изд-во Лен. ун-та, 1986. – 199 с.

206. Гидденс, Э. Социология [Электронный ресурс]. Науч. ред. В. А. Ядов; Общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича; [Пер. В. Малышенко и др.]. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с. URL: https://www.gumer.info /bibliotek_Buks /Sociolog/gidd/ (дата обращения: 03.05.2022 г.).

207. Горский, А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 263 с.

208. Горшков, М. К. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат. 1988. – 383 с.

209. Греков, Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 860 с.

210. Греков, И.Б., Шахмагонов, Ф.Ф. Мир истории: Русские земли в XIII – XV веках. – М.: Мол. гвардия, 1986. – 334 с.

211. Громыко, М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 25 с.

212. Далин, В.М. Историки Франции XIX – XX веков. – М.: Наука, 1981. – 328 с.

213. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: Алгоритм, 2018. – 560 с.

214. Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1987. – 228 с.

215. Дёмкин А.В. Русское купечество XVII - XVIII вв. Города Верхневолжья. – М.: Наука, 1990. 94 с.;

216. Демкин, А.В. Русское купечество XVII – XVIII вв.: Города Верхневолжья / отв. ред. А.А. Преображенский; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1990. – 92 с.

217. Дэниел, К. Англия. История страны: пер. с англ. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. – 480 с.

218. Дювернуа, Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву: Введение и часть общая (учение о лицах). 2-е изд. – СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1895. – 320 с.

219. Ермишкина, О.К., Ильина, Т.А., Смирнов, С.Н., Цыганова, А.В. Школа П.П. Максимовича в культурно-образовательном пространстве Твери во второй половине XIX – начале XX века. К 150-летию Школы П.П. Максимовича: монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – 216 с.

220. Ермолин, А.П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). – М.: Мысль, 1982. – 224 с.

221. Ерошенко, А.А. Проблемы гражданского состояния в развитом социалистическом обществе / науч. ред. Т.Д. Чепига. – Краснодар: Кн. изд-во, 1980. – 87 с.

222. Ефименко, П.С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. – СПб.: Тип. Майкова, 1872. – 114 с.

223. Житинёв, С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. – 264 с.

224. Жуков, В.И. Университетское образование: история, социология, политика. – М.: Академический Проект, 2003. – 384 с.

225. Жуков, В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. – М.: Маркетинг, 2001. – 843 с.

226. Загоровский, В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 272 с.

227. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., «Мысль», 1978. – 288 с.

228. Зимин, А.А., Хорошкевич, А.Л. Россия времени Ивана Грозного. – М.: Наука, 1982. – 184 с

229. Иванова, Н.А. Структура рабочего класса России. 1910 - 1914. – М.: Наука, 1987. – 282 с.

230. Иванова, Н.А. Формирование среднего класса в Российской империи

конца XIX – начала XX в. Теория и конкретика / Н.А. Иванова, Ин-т российской истории РАН. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 294 с.

231. Иванова, Н.А., Желтова, В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова; Ин-т рос. истории – М.: Новый хронограф, 2010. – 752 с.

232. Ивин, А.А. Новая философия истории: монография / А.А. Ивин. – М. Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 255 с.

233. Иллерицкий, В.Е. Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период). – М.: Мысль, 1974. – 350 с.

234. Ильина, О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. – М.: Издательский дом «Городец», 2007. – 192 с.

235. Исторический опыт трех российских революций. Кн. 1. Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Гл. ред.: П.А. Голуб и др. – М.: Политиздат, 1985. – 575 с.

236. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества / К.А. Соловьев, В.В. Шелохаев. – М.: Изд. Государственной Думы, 2013, 240 с.

237. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992. – 808 с.

238. История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). – М.: Наука, 1994. – 509 с.

239. История профсоюзов России. Этапы, события, люди / под ред. Н.Н. Гриценко, В.А. Кадейкина, Е.В. Макухина. – М.: Академия труда и соц. отношений, 1999. – 592 с.

240. История России в портретах: в 2 т. – Смоленск: Русич; Брянск: Курсив, 1997. – Т. 1. – 503 с.

241. История СССР. Первая серия. Тома I – VI. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том III. Превращение России в единую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1967. – 747 с.

242. История СССР. Первая серия. Тома I – VI. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том IV. Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX в. – М.: Наука, 1967. – 743 с.

243. История СССР. Первая серия. Тома I–VI. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том V. Развитие капитализма и подъем революционного движения в пореформенной России. – М.: Наука, 1968. – 731 с.

244. История СССР. Первая серия. Тома I–VI. / Гл. ред. Б.А. Рыбаков. Том VI. – М.: Наука, 1968. – 853 с.

245. История юридических наук в России. Сборник статей / под ред. О.Е. Кутафина. – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2009. – 503 с.

246. Кавелин, К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 1. Монографии по русской истории /биогр. очерк Д.А. Корсакова. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 1052 с.

247. Кареев, Н.И. Историология (Теория исторического процесса). – Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 320 с.

248. Кауфман, А.А. Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1905. – 445 с.

249. Кирьянов, И.К., Лукьянов, М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917 [Электронный ресурс]. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su /VV/BOOKS /DUMA/ INTRO.HTM (дата обращения: 28.11.2020).

250. Киянская, О.И. Пестель. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 355 с.

251. Клинге, М. Очерк истории Финляндии. – Хельсинки: Изд-во «Отава». 1990. – 164 с.

252. Ключевский, В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. – М.: Синодальная типография, 1902. – 547 с.

253. Ключевский, В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. – М.: Правда, 1991. – 624 с.

254. Ключевский, В.О. История сословий в России. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 217 с.

255. Ключевский, В.О. Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. Кн. 2. – М.: Мысль, 1995. – 584 с.

256. Ключевский, В.О. Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. Кн. 3. – М.: Мысль, 1995. – 572 с.

257. Кон, И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 405 с.

258. Конституции государств Америки: В 3 т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – Т. 1: Северная и Центральная Америка. – М.: Ин-т зак-ва и сравнит правовед. при Правительстве РФ, 2006. – 832 с.

259. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. / вст. ст. А.Ф. Смирнова; сост., комм., указ. А.М. Кузнецова. – М.: Изд-во «РИПОЛ КЛАССИК», 1998. – 585 с.

260. Красняков, Н.И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в. Монография. – М.: NOTA BENE, 2011. – 374 с.

261. Краткая всемирная история: в 2 кн. / под ред. А.З. Манфреда. – М.: Наука, 1966. – Кн. 1. – 589 с.

262. Кудинов, О.А. Конституционные реформы в России в XIX - начале XX вв.: монография / О.А.Кудинов; ред.: Малыгин А.Я.; Ин-т молодежи. – М.: Социум, 2000. – 131 с.

263. Кутафин, О.Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – 544 с.

264. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право. – М.: Юрид. лит., 1978. – 208 с.

265. Лебек, С. История Франции. Происхождение франков V–IX века: в 2 т. / Перевод В. Павлова. – М.: Скарабей, 1993. – Т. 1. – 352 с.

266. Левковский, А.И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. – М.: Наука, 1978. – 192 с.

267. Леонтович, В.В. История либерализма в России (1762–1914). – М.: Русский путь – Полиграфресурсы, 1995. – 550 с.

268. Лесин, В.И. Атаман Платов. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 403 с.

269. Литвинов-Фалинский, В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: тип. А.С. Суворина, 1904. – 372 с.

270. Логинова, О.А. Становление и развитие гимназического образования в российской губернии в XIX – н. XX вв. (на примере гимназий Пензенской губернии): монография / науч. ред. Л.Д. Гошуляк. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2007. – 144 с.

271. Лукашева, Е.А. Право, мораль, личность / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1986. – 263 с.

272. Лукоянов, И.В. У истоков российского парламентаризма. – СПб.: Лики России, 2006. – 416 с.

273. Любина, Т.И., Смирнов, С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика: монография / ред. Н.В. Михайлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 248 с.

274. Макинерни, Д. США. История страны / Д. Макинерни; пер. с англ. Т. Мининой. – М.: Эксмо; СПБ.: Мидгард, 2011. – 736 с.

275. Малинов, А.В. Очерки по истории философии в России в 2 т. – СПб.: Интерсоцис, 2013. – Т. 2. – 448 с.

276. Малыгин, П.Д., Смирнов, С.Н. История административно-территориального деления Тверской губернии и области в XVIII–XX веках / под ред. О.А. Тихомирова. – Тверь: Лилия Принт, 2007. – 39 с.

277. Мамычев, А.Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации: монография. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. – 290 с.

278. Манхейм, К. Избранное: Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. – М.: изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с.

279. Маньков, А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. – СПб.: Наука-СПб., 1998. – 216 с.

280. Маньков, А.Г. Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. – Л.: Наука, 1980. – 273 с.

281. Марасинова, Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII

века. – М.: Наука, 2008. – 460 с.

282. Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки: в 4-х т. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – Т. 2. – 332 с.

283. Матьез, А. Французская революция. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 576 с.

284. Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 320 с.

285. Мейнандер, Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты: пер. со швед. – М.: изд-во «Весь Мир», 2008. – 248 с.

286. Мессарош, П.И. Финляндия – государство или русская окраина? Значение особых учреждений Финляндской окраины Российской империи. 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 332 с.

287. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 573 с.

288. Мироненко, С.В. Александр I и декабристы: Россия в первой четверти XIX века. Выбор пути. – М.: Кучково поле, 2016. – 400 с.

289. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

290. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 583 с.

291. Михайлова, Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права: науч. издание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 864 с.

292. Могилевский, К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908 – 1910) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2008. – 338 с.

293. Нефедов, С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург: Изд-во УРГГУ, 2005. – 543 с.

294. Нечкина, М.В. Декабристы. – М.: Наука, 1982. – 184 с.

295. Новая история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. – Казань: «Ab Imperio», 2017. – 630 с.

296. Новицкая, Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века: монография / Т.Е. Новицкая. – М.: Зерцало-М, 2005. – 568 с.

297. Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: изд-во Института Гайдара, 2011. – 480 с.

298. О'Коннор, Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры: пер. с анг. – М.: Прогресс, 1992. – 223 с.

299. Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 3. – М.: Отечество. 1992. – 286 с.

300. Пайпс, Р. Россия при старом режиме. – М.: «Независимая газета», 1993. – 421 с.

301. Панарин, А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: ЦОП Ин-та философии РАН, 1994. – 262 с.

302. Пашенцев, Д.А., Залоило, М.В., Дорская, А.А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 184 с.

303. Петров, Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Ю.А. Петров, А.И. Аксенов, Н.И. Никитин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов; отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: РОССПЭН, 2012. – 462 с.

304. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России в первой трети XIX.: становление министерской системы. – М.: Новый Хронограф, 2019. – 416 с.

305. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России в первой четвер-

ти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. – М.: Новый хронограф, 2012. – 456 с.

306. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. – М.: РОССПЭН, 2007. – 742 с.

307. Плеханов, Г.В. История в слове / Вс. статья С.С. Волка; коммент. А.И. Козыря. – М.: Современник, 1988. – 509 с.

308. Полвинен, Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. – СПб.: «Европейский Дом», 1997. – 319 с.

309. Понятия о России: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.

310. Правящая элита Русского государства IX–начала XVIII в.: очерки истории. Монография / Анисимов Е.В. и др.; отв. ред. А.П. Павлова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 604 с.

311. Преображенский, А.А., Перхавко, В.Б. Купечество Руси IX–XVII вв. – Екатеринбург: Демидовский институт, 1997. – 297 с.

312. Пресняков, А.Е. Российские самодержцы / сост. В.Ф. Смирнов. – М.: Книга, 1990. – 464 с.

313. Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / сост. – М. Йокипии. Ювяскюля: изд-во «Атена», 1995. – 504 с.

314. Проскурякова, Н.А. Ипотека в Российской империи. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 737 с.

315. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Ермошин В.В., Ефремова Н.Н., Исаев И.А., Карпец В.И., и др.; отв. ред. В.С. Нерсесянц; редкол.: В.С. Нерсесянц, А.А. Преображенский, С.И. Штамм. – М.: Наука, 1986. – 288 с.

316. Разин, Е.А. История военного искусства. – СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 1999. – Т. 3: История военного искусства XVI–XVII вв. – 736 с.

317. Рашин, А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Стат. очерки / под ред. С.Г. Струмилина. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.

318. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. – М.: Юр. лит., 1993. – 256 с.

319. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. – СПб.: М-во нар. прос., 1902. – 785 с.

320. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое изд-во, 2005. – 696 с.

321. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. – М.: «Весь Мир», 2013. – 704 с.

322. Рубакин, Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава русского государства. – СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1912. – 216 с.

323. Рубаник, В.Е. Собственность, власть, демократия: Очерки исторического развития: Монография. В трех книгах. Книга 1. Власть и собственность: зарождение традиции соотнесения и взаимодействия. Часть 1. Отношения собственности и власти в юридической, социологической, философской, экономической литературе / В.Е. Рубаник. – М.: Прометей, 2019. – 232 с.

324. Рус, А. Народ майя / Пер. с исп. с сокр. Э.Г. Александренкова; Науч. ред. и авт. предисл. В.И. Гуляев. – М.: Мысль, 1986. – 256 с.

325. Рюде, Дж. Народные низы в истории. 1730–1848 / пер. с англ. Е. И. Бухаровой, А. О. Зелениной; Ред. М. А. Барг. – М.: Прогресс, 1984. – 320 с.

326. Сабо, И. Основы теории права: пер. с венг. / под ред. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1974. – 272 с.

327. Синхараджа Таммита-Дельгода Индия. История страны. – М.: Эксмо, 2010. – 357 с.

328. Смирнов, А.Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. – Челябинск: Социум, 2010. – 656 с.

329. Смирнов, В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. – Л.: Ленинград. област. изд-во, 1933. – 230 с.

330. Смирнов, П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948. – Т. II. – 738 с.

331. Смирнов, С.Н. Общество. Право. Война. История государственно-правового развития и социальной стратификации Российской империи и западноевропейских стран в контексте военно-политических конфликтов 1806–1815 годов: науч.-попул. монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 271 с.

332. Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

333. Соколова, М.Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. – М.: Наука, 1979. – 367 с.

334. Соловьев, К.А. Самодержавие и конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 345 с.

335. Соловьев, С.М. Древняя Россия / послесл. В.Л. Петрухина, коммент. В.Л. Петрухина, И.И. Соколовой. – М.: Высш. шк., 2004. – 328 с.

336. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 1–2. История России с древнейших времен / под ред. П.Ф. Алешкина и др. – М.: Голос, – 1995. – 748 с.

337. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 9–10: История России с древнейших времен / отв. ред. Н.А. Иванов. – М.: Голос, 1995. – 725 с.

338. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

339. Сперанский, С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве. – М.: «Ось-89», 2004. – 224 с.

340. Степанов, И.М. Уроки и парадоксы Российского конституционализма: Очерк-эссе. – М.: Манускрипт, 1996. – 106 с.

341. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / под ред Т. Вихавайнена (пер. с финского). – Хельсинки: Об-во финской литературы, 2004. – 814 с.

342. Строгович, М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М.: Наука, 1966. – 252 с.

343. Супатаев, М.А. К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики: монография / М.А. Супатаев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 144 с.

344. Томсинов, В.А. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. – М.: Зерцало, 2012. – 336 с.

345. Томсинов, В.А. Светило русской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. Изд. 5-е. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. – 476 с.

346. Томсинов, В.А. Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / Сост. и авт. вст. ст. В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2012. 288 с. (Серия «Русское юридическое наследие»).

347. Трансформация и интеграция: карельская периферия в Российской империи / Юкка Корпела, Кати Парппей, Ирэна Карвонен, Ирина Чернякова, Олег Черняков, Мария Проскурякова, Евгения Суслова, Татьяна Леонтьева, Анна Осипова; науч. ред. Ирина Чернякова, Татьяна Леонтьева, Юкка Корпела; под общ. ред. Ирины Черняковой. – СПб.: Наука, 2021. – 487 с.

348. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М.: Наука, 1974. – 396 с.

349. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права: Издание по запискам студентов. Киев, 1906. – СПб., 1998. – 224 с.

350. Уваров, А.А. Конситуционно-правовые основы становления и развития гражданского общества в России. – М.: НИИ СП, 2010. – 82 с.

351. Ульянова, Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. – М.: Наука, 2005. – 415 с.

352. Фарах, С. Российская цивилизация: энергии пространства и человека: монография / С. Фарах. – М.: ИД Академии Жуковского, 2022. – 320 с.

353. Федоров, М.В. Политико-правовая доктрина Симона Боливара: монография. – М.: РУДН, 2016. – 215 с.

354. Фридмэн, Л. Введение в американское право: пер. с анг. / под ред. М. Калантаровой. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 286 с.

355. Фролова, Е.А. Проблемы теории и философии права: монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 304 с.

356. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 340 с.

357. Черепнин, Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. Сборник статей. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

358. Черепнин, Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. – М., 1960. – 899 с.

359. Чернов, А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV – XVII вв. – М., 1954. – 222 с.

360. Чибиряев, С.А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. – М.: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье», 1993. – 238 с.

361. Чистякова, Е.В., Богданов, А.П. «Да будет потомкам явлено…». Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. – М.: изд-во УДН, 1988. – 136 с.

362. Шершнёва-Цитульская, И.А. Правовой статус Русской православной церкви в Российском государстве (1905–1945 гг.): монография. – М.: Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, 2011. – 434 с.

363. Шилов, Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 1: А–Л. – СПб.: Нестор–История, 2024. 812 с.

364. Шпенглер, О. Закат западного мира; Очерки морфологии мировой истории (пер. с нем.). – М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2017. – 1085 с.

365. Шубинской, Н.П. Памяти П.А. Столыпина. – М.: СП «ИНТЕРБУК» 1990. – 28 с.

366. Юссила, О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 (перевод с финского). – Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. – 844 с.

367. Юссила, О., Хентиля, С., Невакиви, Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. – М.: изд-во «Весь Мир», 1998. – 384 с.

368. Яблочков, М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: Тип.

А.М. Котомина, 1876. 680 с.

369. Яцунский, В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. – М.: Наука, 1973. – 302 с.

Статьи в научных изданиях

370. Алексеев, Ю.Г., Копанев, А.И. Развитие поместной системы в XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVIII вв. – М.: Наука, 1975. – С. 57–69.

371. Ананьич, Б.В., Ганелин, Р.Ш. Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. – 1990. – № 8. – С. 32–53.

372. Аникин, В.А. Социальные классы новой России – неравные и разные // Социологические исследования. – 2020. – № 2. – С. 31–42.

373. Андреева, Т.В. На службе России: государственные деятели иностранного происхождения в царствование Николая I // Памяти академика А.И. Шегрена (1794–1855): сб. докладов. Ноябрь 2006. – СПб.: Европейский Дом, 2007. – С. 43–51.

374. Артамонов, В., Васильев, А. Национальные воинские формирования в русской армии XV–XX веков // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 3. – М.: Отечество, 1992. – С. 97–133.

375. Арчегов, С.Б. Верхняя законодательная Палата Российской империи по учреждению Государственного совета 1906 года // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2010. – № 3. – С. 3–14.

376. Асанова, Н.И. Роль функций образования в воспроизводстве и закреплении социального неравенства в обществе [Электронный ресурс] // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2014. № 2 (23). URL: https://cyberleninka.ru /article/n/rol-funktsiy-obrazovaniya-v-vosproizvodstve-i-zakreplenii-sotsialnogo-neravenstva-v-obschestve (дата обращения: 06.04.2020).

377. Бадалян, Д.А. Понятие конституция в России XVIII–XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку // «По-

нятия о России»: К исторической семантике имперского периода Т. I. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С. 150–174.

378. Балыкина, М.И. Нижегородский служилый «город» в последней четверти XVII века: провинциальная корпорация на фоне общероссийских реформ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 4 (54): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 18–23.

379. Басик, В.П. Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке [Электронный ресурс] // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 21–35. URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1203157 (дата обращения: 31.03.2013).

380. Бенда, В.Н. Московская артиллерийская школа (1712–1759 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – СПб., 2009. – № 110. – С. 7–15.

381. Бочкарев, С.В. Сущность и особенности французских Конституционных законов 1875 г. // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 89–94.

382. Бузгалин, А.В., Колганов, А.И. Ленин о социальном творчестве, классах, революции и реформах // Социологические исследования. – 2020. – № 4. – С. 3–14.

383. Булгаков, М. Б. Государственная губная служба посадских людей в XVII веке. // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 80–88.

384. Буркин, А.И. Документы по истории Нило-Столобенской пустыни в Российском государственном архиве древних актов // Отечественные архивы. – 2007. – № 1. – С. 48–53.

385. Бухарин, Н.И. Мировое хозяйство и империализм. 1915 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 21–93.

386. Бухарин, Н.И. Экономика переходного периода. 1920 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 94–176.

387. Бухарин, Н.И. Учение Маркса и его историческое значение. 1933 г. //

Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М.: Политиздат, 1989. – С. 311–422.

388. Быкова, Т.А. Приказное делопроизводство XVII века. Первый шаг к управлению документами в России [Электронный ресурс]. – 2018. – С. 309–317. URL: http://tonik-libra.pl/wp-content/uploads/2018/02/305_Bykowa_Belliculum-diplomaticum-V-Lublinense.pdf (дата обращения: 31.03.2013).

389. Вакулова, Л.Е. Социальный статус и правовое положение русского солдата в XVIII – XIX вв. [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. – 2006. – № 3 (43). – С. 257–260. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-status-i-pravovoe-polozhenie-russkogo-soldata-v-xviii-xix-vv (дата обращения: 03.11.2019).

390. Варенцова, Л.Ю. Городецкий государев кабак в XVII веке // Вопросы истории. – 2003. – № 9. – С. 147–151.

391. Варенцова, Л.Ю. Нормативные ограничения прав дворцовых крестьян по российскому законодательству XVII века [Электронный ресурс] // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 101–102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativnye-ogranicheniya-prav-dvortsovyh-krestyan-po-rossiyskomu-zakonodatelstvu-xvii-veka (дата обращения: 05.05.2019).

392. Вдовина-Лебедева, В.Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII в. // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27. – № 5. – С. 96–107.

393. Веременко, В.А., Крылова Е.Н. Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2020. – № 9. – С. 210–218.

394. Вибе, И.Н. Католические монастыри в политике российской власти в Западном крае (1830 – 1832) [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/katolicheskie-monastyri-v-politike-rossiyskoy-vlasti-v-zapadnom-krae-1831-1832 (дата обращения: 06.04.2020).

395. Виноградов, П.Г. О прогрессе // Вопросы философии и психологии. –

М., 1898. – Год IX, кн. 42. – С. 254–313.

396. Воротников, А.А. Бюрократия и государство: история взаимоотношений [Электронный ресурс] // Вестник СГЮА. – 2014. – № 4 (99). – С. 103–113. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byurokratiya-i-gosudarstvo-istoriya-vzaimootnosheniy (дата обращения: 06.04.2020).

397. Габрелян, Э.В. Вопросы государственно-территориального устройства России в русском государственном праве 1905–1917 гг. [Электронный ресурс] // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article /n/ voprosy-gosudarstvenno-territorialnogo-ustroystva-rossii-v-russkom-gosudarstvennom-prave-1905-1917-gg (дата обращения: 06.04.2020).

398. Галимова, Л.Н. Основные черты сословной системы Российской империи [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. – 2009. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/osnovnye-cherty-soslovnoy-sistemy-rossiyskoy-imperii/viewer (дата обращения: 22.02.2020).

399. Гергилев, Д.Н., Дуреева, Н.С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) [Электронный ресурс] // Вестник КемГУ. – 2017. – № 2 (70). С. 30–33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-administrativno-territorialnogo-polozheniya-rossii-v-nachale-xix-veka-na-primere-sibiri (дата обращения: 01.05.2019).

400. Горулев, С.А. Ошибки в освещении деятельности русских землепроходцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 174–175.

401. Гребенкин, А.Н. Правила приема в военно-учебные заведения Российской империи 1863 – 1917 // Вестник государственного и муниципального управления. – 2013. – № 1. – С. 53–60.

402. Гриневич, И.М. Реформирование системы образования в начале XX века [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 3. – С. 251–257. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-

v-nachale-xx-veka (дата обращения: 17.03.2020).

403. Давиденко, А.В. Черносотенные интерпретации учредительных актов думской монархии // Михайлова Н.В. Традиции и инновации в постижении истории государства и права: науч. издание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 667–679.

404. Данилова, А.В. Повседневная мобильность в системе воспроизводства социальных отношений // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – Т. 6. – № 1 (18) – С. 325–327.

405. Дворниченко, А. Ю. Смута как фактор российской истории [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 3. – С. 677–701. URL: https://doi. org/10.21638/11701/spbu02.2018.301 (дата обращения: 17.03.2020).

406. Дементьев, В.С. История учета населения России до начала XX века [Электронный ресурс] // Географический вестник. – 2015. – № 4 (35). – С. 11–17. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ucheta-naseleniya-rossii-do-nachala-hh-veka/ viewer (дата обращения: 16.03.2020).

407. Демин, В.А. Правовые основы выборов в Государственную Думу Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://www.rcoit.ru/elect_history /state_duma_russian_empire/16745/ (дата обращения: 03.06.2018).

408. Демичев, А.А. О научной новизне в историко-правовых исследованиях // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2 (7). – С. 16–21.

409. Диссон, Ю. «Благородная альтернатива» российским университетам: лицеи и университетские пансионы // Высшее образование в России. – 2007. – № 12. – С. 124–131.

410. Дорская, А.А. Эволюция сравнительного метода в российских историко-правовых исследованиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 1. – С. 59–68.

411. Дука, А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI. – № 1. – С. 50–70.

412. Екатерина II. Замечания на книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». 26 июня – 7 июля 1790 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/sochineniya/zamechaniya-na-knigu-radischeva.htm (дата обращения: 02.01.2019).

413. Емельянова, А.В. Мемуары о частных пансионах в России XVIII в.: биографии авторов // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Вып. 15. – С. 136–152.

414. Жарова, Е.Ю. Университетские уставы 1803–1804 гг. // Вопросы образования. – 2011. – № 4. – С. 268–290.

415. Жиромская, В.Б. Актуальные проблемы исторической демографии // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 174–176.

416. Жуков, Ю.А. Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа [Электронный ресурс] // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – 2017. – Выпуск 2. URL: http://nbsr.petrsu.ru /journal/article.php?id=761 (дата обращения: 05.05.2019).

417. Зайцев, В.В., Зайцев, О.В. Правовые позиции: понятие и юридическое значение [Электронный ресурс] // Право и экономика. – 2014. – № 7. URL: https://base.garant.ru/57512063/ (дата обращения: 05.05.2019).

418. Захарцев, С.И., Сальников, В.П. Философия права: юридические позиции [Электронный ресурс] // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 1 (43). – С. 19–26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-yuridicheskie-pozitsii/viewer (дата обращения: 05.05.2019).

419. Зинков, Е.Г. Пространственный аспект правовой реальности субъекта права [Электронный ресурс] // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 167–172 URL: http://libkrumvd.ru/museum/files/oip/sl-2017-3(61).pdf (дата обращения: 12.05.2020).

420. Зорина, Е.А. Каналы социальной мобильности личности: устоявшиеся и вновь появившиеся // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. 2015. – № 9 (53). – С. 264–271.

421. Зубов, В.Е. Коррупция в среде российского чиновничества: исторические корни и особенности [Электронный ресурс] // Чиновник. 2001. № 3. С. 1. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32631941 (дата обращения: 29.04.2019).

422. Зырянов, П.Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 54–75.

423. Иванова, Н.А. Стратификация российского общества и революция 1905 – 1907 гг. // Российская история. – 2016. – С. 85 - 90.

424. Исаев, И.А. Бюрократия и революция: опасные связи [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 10. – С. 9–18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/byurokratiya-i-revolyutsiya-opasnye-svyazi (дата обращения: 06.04.2020).

425. Кабузан, В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 18–29.

426. Кандаурова, Т.Н. Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2012. – № 4 (84). – С. 32–43.

427. Капитонова, Е.А. О понимании термина «личность» в современной правовой науке [Электронный ресурс] // Закон и право. – 2019. – № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponimanii-termina-lichnost-v-sovremennoi-pravovoi-nauke (дата обращения: 20.09.2023).

428. Карнаушенко, Л.В. Электронное государство в «открытом» постиндустриальном обществе XXI в.: основные угрозы и вызовы // Общество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 173–176.

429. Карнишина, Н.Г. Подходы к трактовке национальной политики в дореволюционном русском государствоведении [Электронный ресурс] // Вестник ПензГУ. – 2013. – № 1. – С. 53–57 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-traktovke-natsionalnoy-politiki-v-dorevolyutsionnom-russkom-gosudarstvovedenii (дата обращения: 06.04.2020).

430. Карсакова, С.В. Влияние государственных реформ Петра I на состояние общества в России // Право и политика. – 2013. – № 2 (158). – С. 249–253.

431. Киселев, М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверсти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, – 2011. – С.51.

432. Кистяковский, Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) [Электронный ресурс]. URL: https://vehi.net/vehi/kistyak.html (дата обращения: 14.02.2024).

433. Кликунов, Н.Д. К вопросу о макроархитектуре высшего образования в Российской империи, СССР и современной России [Электронный ресурс] // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2018. – № 13-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-makroarhitekture-vysshego-obrazovaniya-v-rossiyskoy-imperii-sssr-i-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 12.01.2020).

434. Климов, И.П. К истории разработки и принятия первой российской конституции (дискуссионные вопросы) [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.utmn.ru/sociology/vypuski-arhiv/pravo/2014/109872/ (дата обращения: 11.04.2018).

435. Кодан, С.В. Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) [Электронный ресурс] // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (Ч. 2). URL: https: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-rossiyskogo-prava-osnovaniya-i-protsess-sozdaniya-yuridicheskoy-konstruktsii-postroeniya-normativnogo-materiala-ix/viewer (дата обращения: 20.09.2023).

436. Кодан, С.В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800–1850-е гг.) [Электронный ресурс] // Юридические исследования. – 2012. – № 2. – С. 117–145. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=152 (дата обращения: 20.09.2023).

437. Коновалова, Л.Г. «Предыстория» парламентаризма в Росссии IX–XVII вв.: особенности отечественного развития конституционно-правовой теории и практики государственного строительства // Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 63–67.

438. Косинов, С.С. Основные каналы социальной мобильности российской молодежи в современных условиях // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 4 (18). – С. 91–96.

439. Косинов, С.С., Самыгин, П.С., Самыгин, С.И. Система социальной мобильности российского общества: оценка эффективности в условиях современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 4. – С. 33–36.

440. Краковский, К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 16–31.

441. Курлаев, Е.А., Манькова, И.Л. Участие иностранных мастеров в развитии горнорудного дела России в XVII веке // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 49–62.

442. Лапаева, А.В. Либеральная концепция государства Ф.Ф. Кокошкина // Материалы XIV Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. В 4-х томах. Т. 2. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2017. – С. 37–40.

443. Лаптева, Л.Е. Эволюция управления центральными губерниями в России XIX – начала XX века [Электронный ресурс] // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3. URL: http://igpran.ru/trudy/vypuski/2013/2013-3/196-218.pdf?ysclid=lvdsrt5pmo737074526 (дата обращения: 22.04.2024)

444. Лаптева, Т.А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII в. (поверстание в дети боярские представителей других сословий) // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 81–96.

445. Лисейцев, Д.В. Почему Земский собор – не парламент? // Российская история. – 2020. – № 4. – С. 142–150.

446. Лисюнин, И.В. Просветительская функция православного духовенства в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. – 2011. – № 2. – С. 335–343. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prosvetitelskaya-funktsiya-pravoslavnogo-duhovenstva-v-kontse-xix-nachale-xx-v (дата обращения: 06.04.2020).

447. Лукьянов, С.А., Удодов, А.Г. К вопросу о государственно-правовом регулировании деятельности Римско-католической церкви в России [Электронный ресурс] // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 2. – С. 33–39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gosudarstvenno-pravovom-regulirovanii-deyatelnosti-rimsko-katolicheskoy-tserkvi-v-rossii (дата обращения: 06.04.2020).

448. Ляхов, Д.А. «Под покровом холодной наружности скрывалось доброе сердце…». К юбилею приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова // Приамурские ведомости. – 2023. – 27 декабря. – № 51 – (8389). – С.17.

449. Малиновский, А.А. Критико-правовой метод в юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2 (7). – С. 54–61.

450. Малов, А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. – 2006. – № 1. – С. 119–124.

451. Марасинова, Е.Н. Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Сб. статей: Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского / отв. ред. А.В.Семенова. – М.: Российская академия наук, Институт российской истории, 2007. – С. 277–302.

452. Мартысевич, И.Д. Глава XVII. О вотчинах. Комментарий // Памятники русского права. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / авт. коллектив: Баскакова Е. Г., Мартысевич И. Д., Чистяков О. И. и др.; под ред. [и предисловие] д-ра юрид. наук К. А. Софроненко. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 503 с.

453. Миронов, Б.Н. Новая историческая демография имперской России (Ч. I): аналитический обзор современной литературы [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. – 2006. – № 4. С. 62–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-istoricheskaya-demografiya-imperskoy-rossii-ch-i-analiticheskiy-obzor-sovremennoy-literatury-1 (дата обращения: 23.03.2020).

454. Михайлов, А.М. Идеология и ее отношение к юриспруденции [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2013. – № 2 (14). – С. 36–56. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-ee-

otnoshenie-k-yurisprudentsii (дата обращения: 24.04.2020).

455. Михайлова, Н.В. История отечественного государства и права // Традиции и новации в постижении истории государства и права: науч. издание / Н.В. Михайлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 94–96.

456. Михалева, К.Ю., Полякова, Н.Л. Концепция социального института в социологической теории // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 117–132.

457. Михалева, Н.А. Становление и развитие отечественной науки конституционного права // История юридических наук в России. Сборник статей / под ред. О.Е. Кутафина. – М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2009. – С. 156–171.

458. Морова, О.В. Земские соборы (историография) // Омский научный вестник. – 2008. – № 3 (67). – С. 22–25.

459. Мухина, Ю.Ю. Характеристика положения крестьян и холопов в России во второй половине XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2012. – № 2. – С. 5–14. URL: https://cyberleninka.ru/article /n/harakteristika-polozheniya-krestyan-i-holopov-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xvi-xvii-vv (дата обращения: 05.05.2019).

460. Некрасов, Е.В. Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли [Электронный ресурс] // Вестник ОмГУ. – 2010. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-gosudarstvenno-pravovom-statuse-velikogo-knyazhestva-finlyandskogo-v-sostave-rossiyskoy-imperii-v-dorevolyutsionnoy (дата обращения: 06.04.2020).

461. Нефедов, С.А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 63–72.

462. Никифорова, С.А. Проблемы совершенствования государственно-правовой системы России в теоретическом наследии Э.Н. Берендтса [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovershenstvovaniya-

gosudarstvenno-pravovoy-sistemy-rossii-v-teoreticheskom-nasledii-e-n-berendtsa (дата обращения: 06.04.2020).

463. Новикова, И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsaarinikolai.com /tekstit/I_N_Novikova.htm (дата обращения: 04.06.2018).

464. Новицкая, Т.Е. Проблемы правового регулирования имущественных отношений в России во второй половине XVIII в. [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2007. – № 2. – С. 84–108. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-imuschestvennyh-otnosheniy-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xviii-v (дата обращения: 24.04.2020).

465. Овчинникова, А., Овчинников, В. Находка в архиве Ростова Великого // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 3. – М.: Отечество, 1992.

466. Октроированная конституция // Энцикл. словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru /dic.nsf /brokgauz_efron/74568/%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 30.04.2018).

467. Окушова, Г.А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник ТГПУ. – 2010. – Выпуск 11 (101). – С. 80–85.

468. Омельченко, Н.А., Знаменский, Д.Ю. «Старое» и «новое» в общественном строе и государственном управлении Московского государства накануне петровской модернизации (к историографии вопроса) // Вопросы истории. – 2020. – С. 255–270.

469. Омельченко, Н.А., Знаменский, Д.Ю. Кризис традиционной системы государственной службы в Русском государстве конца XVII в. и предпосылки реформ Петра Великого // Вопросы истории. – 2020. – С. 52–61.

470. Павленко, Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 3–17.

471. Павлов-Сильванский, Н.П. Феодализм в древней Руси // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX – начало XX в.) / Сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высш. Шк., 1985. – С. 168–215.

472. Пенской, В.В. Попытка военных реформ в России начала XVII века // Военная история. – 2003. – № 11. – С. 131–132.

473. Петров, К.В. Прецедент в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 78–83.

474. Петрухинцев, Н.Н. Служилые люди «по прибору» южных городов России и военная реформа Алексея Михайловича (на примере служилых «городов» Липецкого края) // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2018. – № 3 (8). – С. 21–42.

475. Писарькова, Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29– 43.

476. Плеханов, Г.В. 14-е декабря 1825 года // Плеханов Г.В. История в слове / Вс. статья С.С. Волка; коммент. А.И. Козыря. – М.: Современник, 1988. – С. 32–52.

477. Поздняков, А.Н. История становления образования в России XVII–XVIII веках: особенности политики по подбору и подготовке учительских кадров [Электронный ресурс] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. Сер. История. Международные отношения. – 2017. – №. 2. – С. 158–162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-obrazovaniya-v-rossii-xvii-xviii-vekah-osobennosti-politiki-po-podboru-i-podgotovke-uchitelskih-kadrov (дата обращения: 06.04.2020).

478. Попова, А.Д. Самоуправление и его восприятие как инструмента демократии в сознании россиян в период первой русской революции // Вопросы истории. – 2020. – № 1. – С. 85–94.

479. Пуздрач, Ю.В. Конституционализм – ключевое понятие эволюции государства и права // Михайлова Н.В. Традиции и инновации в постижении истории

государства и права: науч. издание. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – С. 633–648.

480. Раев, М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 48–79.

481. Рассказов, Л.П. Цивилизационный подход к классификации правовых систем [Электронный ресурс] // Философия права. – 2014. – № 3 (64). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnyy-podhod-k-klassifikatsii-pravovyh-sistem (дата обращения: 24.04.2020).

482. Рассказов, Л.П. К вопросу о критериях классификации правовых систем: цивилизованный подход. Тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. – 2015. – № 111. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriteriyah-klassifikatsii-pravovyh-sistem-tsivilizovannyy-podhod-tendentsii-sblizheniya-pravovyh-semey-v-usloviyah (дата обращения: 24.04.2020).

483. Рассказов, Л.П. Особенности формирования конституционного строя Германии и Франции в новое время: сравнительно-правовой анализ [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. – 2013. – № 94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-konstitutsionnogo-stroya-germanii-i-frantsii-v-novoe-vremya-sravnitelno-pravovoy-analiz (дата обращения: 08.09.2018).

484. Рахшмир, П.Ю. Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф.А. Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 3. – С. 54–66.

485. Розов, Н.С. Универсальная модель исторической динамики // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 41–63.

486. Роковая уступка // Бэррес Р. Т. Документы Американской революции: Декларация независимости, Конституция Соединенных Штатов, Билль о правах /

пер. с англ. П.В. Рыбина и И.А. Бжилянской. – Тверь: Альба; М.: Рос. эконом. журн., 1994. – 220 с.

487. Ромашов, Р.А. Государство: методология исследования политогенеза // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 178–191.

488. Селиванова, И.В. Мексиканские конституционные проекты начала XIX века // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 81–91.

489. Семёнова, Л.Н. Государство и капитал в новой истории Запада // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сборник научных статей / под науч. ред. проф. А. Н. Нечухрина. – Гродно: ГрГУ, 2013. – С. 242–248.

490. Сергеева, Г.П., Маркелова, О.В. Тверская духовная семинария: история учреждения и обзор фонда [Электронный ресурс] / Государственный архив Тверской области. URL: http://www.tverarchive.ru/share/art/tvsem.pdf (дата обращения: 13.04.2020).

491. Сивков, К.В. Экономическая и финансовая политика императора Николая I // Три века. Том шестой: Сб. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. – М.: изд-во «ГИС», 1995. – С. 39–40.

492. Сикейра, Ж. Историческая конструкция бразильского государства // Латиноамериканский исторический альманах. – 2019. – № 23. – С. 115 – 136.

493. Смагин, Р.Ю. Институт образования как механизм формирования социального капитала: перспективы исследований [Электронный ресурс] // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 173–178. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/institut-obrazovaniya-kak-mehanizm-formirovaniya-sotsialnogo-kapitala-perspektivy-issledovaniy (дата обращения: 06.04.2020).

494. Смирнов, И.И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. (по поводу исследования Л.В. Черепнина «Образования Русского централизованного государства в XIV–XV веках») // История СССР. – 1962. – № 2. – С. 150–151.

495. Смирнов, С.Н. К вопросу о формировании образования в качестве канала вертикальной социальной мобильности в Российской империи в 1801–1860 годах: нормативная основа и практика функционирования // Вестник ТвГУ. Се-

рия: Право. – 2019. – № 3 (59). – С. 95–103.

496. Смирнов, С.Н. К вопросу о генезисе конституцинного статуса человека в отечественной правовой системе // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2013. – № 33. – С. 44–52.

497. Смирнов, С.Н. Развитие системы правовых статусов индивидов и социальных групп в России в конце XIX – начале XX века // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2011. – № 1 (25). – С. 143–149.

498. Смирнов, С.Н., Любина, Т.И. Свод основных государственных законов Российской империи (редакция 1906 г.) как первая отечественная конституция: взгляд через призму правового статуса человека // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2009. – № 15. – С. 156–160.

499. Смыкалин, А.С. Основные методологические понятия курса «История отечественного государства и права» // Государство и право. – 2017. – № 6. – С. 99–108.

500. Смыкалин, А.С. Свод основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. – начало развития отечественного конституционализма [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svod-osnovnyh-gosudarstvennyh-zakonov-ot-23-aprelya-1906-g-nachalo-razvitiya-otechestvennogo-konstitutsionalizma (дата обращения: 29.04.2018)

501. Собуль, А. Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII века [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_1091.html (дата обращения: 02.09.2018).

502. Соколова, М.Н. Современные французские исторические журналы (Историографический обзор) // Французский ежегодник. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 244–266.

503. Страшун, Б.А. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал российского права. – 2006. – № 10 (118). – С. 115–123.

504. Сушкова, Ю.Н. Обычно-правовые начала взаимоотношений русского и мордовского народов // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. – 2017. – № 5. – С. 36–47.

505. Тебиев, Б.К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) [Электронный ресурс] // Экономический журнал. – 2014. – № 2 (34). – С. 100–108. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/mihail-andreevich-balugyanskiy-1769-1847 (дата обращения: 01.04.2019).

506. Терехина, Ю.В. Даточные люди Московского государства в середине XVI века (к проблеме формирования новой социальной группы) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151. – Кн. 2, ч. 1. – С. 103–108.

507. Тихомиров, Л.А. О недостатках конституции 1906 года [Электронный ресурс]. URL: http://gosudarstvo.voskres.ru/tikh/tikh7.htm (дата обращения: 12.02.2018).

508. Томсинов, В.А. Развитие русской юриспруденции в XVII столетии. Статья четвертая // Законодательство. – 2005. – № 11. – С. 87–92.

509. Томсинов, В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии. Статья первая // Правоведение. – 2007. – № 5. – С. 135–152.

510. Томсинов, В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии. Статья вторая // Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 178–192.

511. Томсинов, В.А. Юридические аспекты «славной революции» 1688 года в Англии. Статья третья // Правоведение. – 2008. – № 1. – С. 189–207.

512. Трикоз, Е.Н. «Уложение» Василия Лупу 1646 года: особенности кодификации права Молдавского княжества // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 5. – С. 115–122. ТОЧНО ЕСТЬ ССЫЛКА ?

513. Туманова, А.С., Сафонов, А.А. Правительственная бюрократия позднеимперской России и ее подходы к осуществлению гражданских свобод [Электронный ресурс] // Антиномии. – 2016. – № 3. – С. 116–117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravitelstvennaya-byurokratiya-pozdneimperskoy-rossii-i-ee-podhody-k-osuschestvleniyu-grazhdanskih-svobod (дата обращения: 06.04.2020).

514. Туманова, Л.В. Рецензия на книгу «Полиция Тверской губернии: исторический очерк» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2017. – № 3. – С. 174–177.

515. Уланов, В.Я. Крестьянская реформа // Три века. Том шестой: Сб. /

Сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. – М.: изд-во «ГИС», 1995. – С. 137–162.

516. Ушакин, С.А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2. – С. 55–65.

517. Уэст, Дж.Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909 – 1914) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 299–330.

518. Феофанов, А.М. Образовательные стратегии элиты российского дворянства во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. – 2020. – № 1. – С. 164–175.

519. Феофанов, А.М. Уровень образованности высшей российской бюрократии второй половины XVIII – перой половины XIX в. // Вестник ПСТГУ. И: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. – Вып. 1 (44). – С. 17–27.

520. Фриз, Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 121–162.

521. Хаген, М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое изд-во, 2005. – С. 18–47.

522. Хайек, Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 113–151.

523. Цинянь, А. Судьбы русской интеллигенции в XX в. Перечитывая «Вехи» // Вопросы философии. – 2021. – № 3. – С. 113–127.

524. Чекменёва, Т.Г. Образование как социальный институт: теоретические подходы [Электронный ресурс] // Вестник ВГТУ. – 2010. – № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut-teoreticheskie-podhody (дата обращения: 06.04.2020).

525. Ченцов, Н.В. Конституция Российской Федерации и формы права соб-

ственности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2012. – № 19 (31). – С. 225–228.

526. Черепнин, Л.В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма: Сборник статей. – М., 1981. – С. 187.

527. Черепнин, Л.В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. Сборник статей. – М.: Наука, 1981. – С. 257–258.

528. Черепнин, Л.В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России // Черепнин Л.В. Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма: Сборник статей. – М.: Наука, 1981. – С. 219–235.

529. Черных, С.И. Социальные лифты в образовании: проблемы и решения // Высшее образование в России. – 2018. – № 6. – С. 88–94.

530. Чеховских, К.А., Морозова, М.В. Особенности процессов развития высшей школы в Российской империи (1725–1917 гг.) // Вопросы истории. – 2020. – № 5. – С. 100–109.

531. Чистяков, О.И. Комментарий к главе X // Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 293–296.

532. Чичерин, Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_vstupitelnaya_lekciya_1861.html (дата обращения: 24.04.2023).

533. Чичерин, Б.Н. Конституционный вопрос в России [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_konstitucionniy_vopros.html (дата обращения: 25.04.2020).

534. Шемякин, Я.Г. К вопросу о роли пространства в цивилизационной системе: опыт «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в универсаль-

ном контексте // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 7–20.

535. Шитова, Е.А. Классификация оснований возникновения и прекращения вещных прав в Московском царстве (историография вопроса) [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3 (15). URL: https://cyberleninka.ru /article/n/klassifikatsiya-osnovaniy-vozniknoveniya-i-prekrascheniya-veschnyh-prav-v-moskovskom-tsarstve-istoriografiya-voprosa (дата обращения: 24.04.2020).

536. Шульженко, Ю.Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность [Электронный ресурс] // Труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dorevolyutsionnaya-otechestvennaya-nauka-gosudarstvennogo-prava-i-sovremennost (дата обращения: 06.04.2020).

537. Шумков, А.А. Финляндское дворянство в Российской империи. Законодательные основы и источниковедческие аспекты // Всероссийское генеалогическое древо. Дворяне [Электронный ресурс]. URL: http://www.vgd.ru/finland.htm (дата обращения: 09.09.2009).

538. Щёлоков, К.С. К вопросу о бюрократизме в России [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6. – С. 247–249. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-byurokratizme-v-rossii (дата обращения: 06.04.2020).

539. Щербинина, Ю.В., Щербинин, П.П. Отставные солдаты в сословно-правовой и социальной структуре Российской империи (роль военных ветеранов в истории России) [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. – 2013. – №8 (124). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otstavnye-soldaty-v-soslovno-pravovoy-i-sotsialnoy-strukture-rossiyskoy-imperii-rol-voennyh-veteranov-v-istorii-rossii (дата обращения: 10.08.2019).

540. Эткинд, А. Американская русистика: история второго мира из первых рук [Электронный ресурс]. // Новая русская книга. – 2001. – № 3–4. URL: http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/13.html (дата обращения: 18.09.2009).

541. Юшков, С.В. К вопросу о политических формах Русского феодального

государства до XIX века // «Вопросы истории». – 1950. – № 1. – С. 71–93.

542. Якубовский, А.Э. Социальный тип – гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. – 2001. – № 4. – С. 131–133.

543. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории / пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – С. 27–286.

Словари, энциклопедии, справочники

544. Акифьева, Н.В. Краткий терминологический словарь по курсу «Отечественная история». [Электронный ресурс]. Учебное эл. текстовое издание / Науч. ред. Н.В. Акифьева. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. URL: http://window.edu.ru/resource/505/28505/files/ustu112.pdf (дата обращения: 18.09.2009).

545. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 960 с.

546. История России в лицах: Биографический словарь / О.М. Рапов, Л.Н. Вдовина, В.А. Федоров, Ю.А. Терещенко / под общ. ред. В.В. Каргалова. – М.: Русское слово, Русское историческое общество, 1997. – 544 с.

547. Кочин, Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России / под ред. Б.Д. Грекова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 487 с.

548. Краткий политический словарь / Абаренков В.П., Аверкин А.Г., Агешин Ю.А. и др.; Сост. и общ. ред. Л.А. Оникова, Н.В. Шишлина. 3-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 367 с.

549. Кудряшов, К.В. Русский исторический атлас [Электронный ресурс] / Предисл. М.Н. Покровского. М.-Л.: Государственное изд-во, 1928. URL: https://regiment.ru/Lib/A/71/1.htm (дата обращения: 28.11.2020).

550. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.

551. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник / Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин. – М.; СПб.: Ин-т российской исто-

рии РАН, РГАДА, Центр гум. инициатив, 2015. – 303 с.

552. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник / Редакторы-сост. А.М. Анфимов, А.П. Корелин. – СПБ.: БЛИЦ, 1995. – 415 с.

553. Ридель, М. Бюргер. Гражданин, бюргерство/буржуазия // Словарь основных исторических понятий: Избр. Статьи в 2-х т. Т. 2. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 761 с.

554. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 736 с.

555. Словарь терминов по истории отечественного государства и права / автор-сост. Н.М. Иванова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 20 с.

556. Справочный энциклопедический словарь К. Крайя / ред. А. Старчевский. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1848. – Т. 10. – 692 с.

557. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Пер. с нем. О.Н.Трубачева, с дополнениями; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Первое русскоязычное издание. – М., 1964–1973; второе – 1986–1987.

558. Энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова. 4-е изд. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1910. – 3099 с.

559. Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова и др., отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – 816 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

560. Адарчева, Л.С. Земские соборы на Руси в XVI–XVII вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1978. – 16 с.

561. Амерханова, Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII

века: дис. … канд. ист. наук. – Казань, 1998. – 296 с.

562. Андреев, А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Челябинск, 2011. – 54 с.

563. Антонова, Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. -– М., 2009. – 50 с.

564. Арчегов, С.Б. Академическая группа Государственного совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2016. – 25 с.

565. Аубакирова, И.У. Современная евразийская концепция государственного управления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 46 с.

566. Бабенко, С.В. Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 31 с.

567. Баев, В.Г. Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 42 с.

568. Байрамов, А.Г. оглы Эволюция формы Турецкого государства (XIII-XX вв.): историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011. – 30 с.

569. Баландин, С.Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской Империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012. – 28 с.

570. Балыкина, М.И. Нижегородские дворяне и дети боярские XVI–XVII вв.: процессы эволюции провинциальной служилой корпорации: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Белгород, 2016. – 24 с.

571. Барахович, П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2016. – 29 с.

572. Баринова, С.Г Социальная детерминация и способы производства общественной жизни: социально-философский анализ: дис. … канд. философ. наук. – Красноярск, 2004. –152 с.

573. Белоновский, А.В. Выборные начала и формирование представитель-

ства земских соборов: дис. … канд. ист. наук. – М., 1999. –167 с.

574. Бенда, В.Н. Создание и деятельность артиллерийских школ в России (Конец XVII века – 1725 год): дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 193 с.

575. Боков, Ю.А. Формирование избирательных прав германских граждан (1815 – 1918 гг.): дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003. – 219 с.

576. Ботанцов, И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832–1917): автореф. дис. … канд. юр. наук. – Калининград, 2017. – 24 с.

577. Брусницына, Д.В. Пашенные солдаты в северо-западном российском пограничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666): дис. … канд. ист. наук. – Петрозаводск, 2014. – 294 с.

578. Быков, Д.А. Помещик и крестьянин в России XVIII – первой четверти XIX вв.: к проблеме патронирования и управления хозяйством: дис. … канд. ист. наук. – М., 2005. – 277 с.

579. Васин, А.С. Феномен социального неравенства в структуре социокультурного бытия: автореф. дис. … канд. философ. наук. – Самара, 2003. – 20 с.

580. Величинская, Ю.Н. Свобода общественного мнения как конституционно-правовая категория: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – 22 с.

581. Веревкина, Ю.Ю. Взаимоотношения конституции и конституционализма в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 31 с.

582. Видяйкин, С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Саранск, 2005. – 22 с.

583. Волков, В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв.: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2005. – 785 с.

584. Воротников, А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2005. – 54 с.

585. Гайда, Ф.А. Власть и общественность в России в период кризиса третьеиюньской системы: диалог о пути политического развития (1910–1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2017. – 52 с.

586. Гоголев, П.В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2014. – 50 с.

587. Голик, А.А. Государственная политика России в отнеошении дальневосточного казачества в 1851–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2015. – 209 с.

588. Голованова, Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование: автореф. … дис. канд. юрид. наук. – М., 2002. – 25 с.

589. Голованова, М.А. История православных приходов и духовного сословия Верхнеудинска: конец XVII – начало XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 24 с.

590. Горбачев, В.И. Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30–40-х гг. XVII в.: дис. … канд. ист. наук. – Рязань, 2012. – 184 с.

591. Графшонкина, А.А. Эволюция институтов государства и права в Шотландии: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – 26 с.

592. Григоренко, Д.Е. Научное управление обществом и проекты науки (философско-методологический анализ): автореф. дис. … д-ра философ. наук. – Красноярск, 2012. – 42 с.

593. Груздев, В.В. Теория правового состояния личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 54 с.

594. Гурьянов, А.С. Социализация личности в различных типах общества (социально-философский анализ): автореф. дис. … канд. философ. наук. – Красноярск, 2010. – 28 с.

595. Давудов, Д.А. Политико-правовые воззрения Михаила Никифоровича Каткова: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Сочи, 2013. – 25 с.

596. Дамешек, И.Л. Сибирь в российском имперском регионализме (1822–1917 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Омск, 2006. – 48 с.

597. Даниелян, А.С. Правовая система Израиля: история и современность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – 25 с.

598. Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в

формировании абсолютизма: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 1988. – 44 с.

599. Дёмин, В.А. Государственный совет Российской империи: состав, полномочия, структура, механизм функционирования (1906-1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук. – М., 2007. – 324 с.

600. Джамалудинов, М.Д. Историко-правовые особенности становления Российской системы административного управления на Северо-Восточном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Махачкала, 2012. – 29 с.

601. Диноршоев, А.М. Конституционные основы регламентации и реализации прав и свобод человека и гражданина в республике Таджикистан: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2015. – 46 с.

602. Долгих, А.Н. Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796–1825 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Самара, 2011. – 35 с.

603. Дорская, А.А. Церковное право Российской империи конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис… докт юрид. наук. – М., 2008. – 40 с.

604. Дулимов, Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв.: автореф дис. … д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – 52 с.

605. Ерошенко, А.А. Правовая регламентация гражданского состояния в СССР: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Л., 1980. – 34 с.

606. Жабоедов-Господарец, В.П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати: 1905 – февраль 1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2016. – 214 с.

607. Захаров, В.В. Основные этапы реформирования российского суда и института исполнения судебных решений в сфере частного права в 1832–1917 гг.: историко-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 558 с.

608. Зелинский, В.Е. Вхождение Области войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России: дис. … канд. юр. наук. – Краснодар, 2009. – 186 с.

609. Зенько, А.А. Общество и оформление его социальности: социально-

философский анализ: дис. … канд. философ. наук. – Красноярск, 2000. – 27 с.

610. Змеев, В.А. Развитие российской высшей школы (XVIII – начало XX века): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2001. – 555 с.

611. Ивакин, Г.А. Черносотенство в политической системе Российской империи начала XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2014. – 45 с.

612. Калашников, Г.В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 1999. – 23 с.

613. Капитуров, В.Г. Исторический опыт подготовки офицерских кадров русской армии в XVIII – первой половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук. – М., 2011. – 165 с.

614. Касаткин, П.И. Ценностная аксиоматика образовательного пространства: дис. … д-ра философ. наук. – М., 2018. – 53 с.

615. Ковалев, К.С. Государственная политика по укреплению воинской дисциплины и борьба с преступностью в русской армии XVII – первой четверти XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ульяновск, 2017. – 22 с.

616. Ковальски, Ежи С.Ч. Становление и развитие конституционной государственности в Польше (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010. – 58 с.

617. Козач, А.С. Земские соборы – высшие органы государственной власти и правосудия России: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004. – 174 с.

618. Козляков, В.Н. Служилый «город» Московского государства: дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 1999. – 392 с.

619. Кондрескул, А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII – первой четверти XVIII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Архангельск, 2001. – 23 с.

620. Копанева, О.И. Казачество и российская государственность (историко-правовой анализ): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб. 2003. – 25 с.

621. Кострюков, П.А. Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.

622. Кравец, И.А. Формирование российского конституционализма: Про-

блемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 52 с.

623. Краковский, К.П. Политическая юстиция в России во 2-й половине XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 721 с.

624. Красницкая, А.В. Земские соборы как важнейший политико-правовой институт: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – 24 с.

625. Красняков, Н.И. Система национально-регионального управления в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.): дис. … д-ра юрид. наук. – Новосибирск, 2019. – 517 с.

626. Крусс, В.И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 44 с.

627. Кукушкина, Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.

628. Лазебный, Л.И. Политическое сознание: Социально-философский анализ: дис. … д-ра филос. наук. – М., 1998. – 348 с.

629. Лапо, П.В. Государственный строй первого Латино-Иерусалимского королевства (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 30 с.

630. Лаптева, Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2013. – 64 с.

631. Лапшина, Л.П. Развитие учения о государстве и праве в работах Ф. Энгельса 80–90-х годов XIX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1989. 19 с.

632. Лебедев, А.Л. Служилые иноземцы в России 17 века (1613–1689 годы): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 1998. – 17 с.

633. Лексин, И.В. Конституционно-правовые проблемы территориального устройства современного государства (особенности России и зарубежный опыт): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 54 с.

634. Лисейцев, Д.В. Приказная система Московского государства в канун и в эпоху Смуты: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2011. – 595 с.

635. Лукьянчикова, Л.В. Непосредственное народовластие в России XVI–XX вв. (Историко-методологическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2018. – 425 с.

636. Малинкин, Е.М. Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Саратов, 2013. – 25 с.

637. Малышева, О.Г. Государственная Дума в системе власти Российской империи: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2001. – 450 с.

638. Марасинова, Е.Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века (По материалам законодательства и переписки): дисс. … докт. ист. наук. – М., 2008. – 531 с.

639. Марасинова, Е.Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века (По материалам законодательства и переписки): автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2008. – 51 с.

640. Мартыненко, Т.С. Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX – начала XXI века: дис. … канд. социол. наук. – М., 2017. – 201 с.

641. Матисон, А.В. Генеалогия московской торгово-промышленной элиты, 1801–1863 гг.: дис. … канд. ист. наук. – М., 1999. – 241 с.

642. Мельникова, Т.В. Основные типы общества и правосознания: социально-философский анализ: дис. … канд. философ. наук. – Красноярск, 2000. – 159 с.

643. Минина, Н.В. Законодательная база становления и функционирования политических партий России в начале XX века: дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007. – 246 с.

644. Михайлов, А.М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII – XIX вв.): автореф. дис. … канд. юрид.

наук. – М., 2012. – 28 с.

645. Михеева, И.В. Правотворческая деятельность министерств Российской империи в XIX – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Владимир, 2011. – 45 с.

646. Молчанов, Д.Д. Реформы и военные кампании русской армии III четверти XVII в.: дис. … канд. ист. наук. – М., 2006. – 228 с.

647. Морозов, А.Г. Торговое земледелие крестьян Центрального Нечерноземья в конце XVIII – первой половине XIX в. (По материалам Ростовского огородничества): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 2008. – 22 с.

648. Мохов, А.Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: дис. … канд. полит. наук. – М., 2005. – 298 с.

649. Мухамеджанов, Б.А. Форма правления Республики Казахстан: Конституционная модель и практика государственного управления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 51 с.

650. Назаров, А.Н. Подготовка офицерских кадров в Российском государстве, XVIII – начало XX вв.: опыт, традиции, уроки: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2001. – 482 с.

651. Нестеренко, Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012. – 19 с.

652. Новиков, А.В. Экономическое развитие России: традиции и реформы (Опыт институционального анализа): автореф. дис. … канд. экон. наук. – СПб., 2003. – 28 с.

653. Новицкая, Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 28 с.

654. Новохатко, О.В. Центральное государственное управление в России во второй половине XVII века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2008. – 40 с.

655. Нурмухаметова, В.В. Образование как фактор обеспечение социальной мобильности человека в современном обществе: социально-философский аспект: дис. … канд. филос. наук. – Елабуга, 2010. – 140 с.

656. Олейникова, С.С. Теоретические и организационно-правовые основы становления социальной функции Российского государства в XVII – начале XX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2012. – 30 с.

657. Оспанов, Т.А. Политическая конкуренция в России: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 23 с.

658. Паткина, Е.Ю. Особенности политико-правового развития института собственности в России: теоретико-исторический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2012. – 25 с.

659. Пашенцев, Д.А. Правовое регулирование финансовой деятельности в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 44 с.

660. Полякова, В.А. Законодательное регулирование миграционных процессов в дореволюционной России (вторая половина XVII – начало XX вв.) (историко-юридическое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2013. – 32 с.

661. Полянский, П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: автореф. дис. … д-ра юр. наук. – М., 2016. – 49 с.

662. Полянский, П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2016. – 442 с.

663. Просольченко, С.А. Социальная мобильность как объект социального управления: автореф. дис. … канд. социол. наук. – Пятигорск, 2010. – 250 с.

664. Прядеина, И.Е. Рынок наемной рабочей силы в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: По материалам маклерских книг слуг и рабочих людей города Торжка: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тверь, 2006. – 22 с.

665. Пьянков, А.Н. Развитие правового статуса личности в современном советском обществе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 1990. – 23 с.

666. Разуваев, Н.В. Эволюция государства: социально-антропологический и

юридический аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. – СПб., 2016. – 414 с.

667. Ралько, О.В. Концепция правового государства и ее реализация в России: историко-теореические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011. – 24 с.

668. Ремнев, А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 1997. – 47 с.

669. Рехтина, И.В. Правовая определенность и ее обеспечение в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2021. – 605 с.

670. Рогожин, А.А. Генералитет полков «нового строя» в России второй половины XVII века: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Брянск, 2014. – 27 с.

671. Ройзман, Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 26 с.

672. Романовская, Л.Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 27 с.

673. Рунаев, Р.Ю. Казаки как культурно-историческая группа: дис. … канд. филос. наук. – Волгоград, 2011. – 180 с.

674. Рыбаковский, О.Л. Предпосылки оценки демографического развития России в XIX веке: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 1998. – 19 с.

675. Савченко, С.А. Конституционный процесс реализации норм, закрепляющих основы конституционного строя России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Тюмень, 2011. – 489 с.

676. Сазонов, А.И. Военно-инженерные учебные заведения России в XVIII–XIX веках: дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 237 с.

677. Сихаджок, З.Р. Правовой статус кавказского наместника в законодательстве Российской империи (1845 – 1915 гг.): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 20 с.

678. Слеженков, В.В. Историческое развитие концепции правового государства во Франции: вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. –

Волгоград, 2011. – 30 с.

679. Соколова, Е.С. Сословное законодательство Российской империи: основные тенденции развития основные тенденции развития на примере привилегированного и полупривилегированных сословий (середина XVII – середина XIX веков): автореф. дис. … канд. юр. наук. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.

680. Соловьев, К.А. Законодательная и исполнительная власть в России в 1906–1914 гг.: механизмы взаимодействия: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 2012. – 46 с.

681. Сопов, А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества: дис. … д-ра ист. наук. – М., 2012. – 504 с.

682. Сопов, А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России: дис. … канд. ист. наук. – Майкоп, 1999. – 240 с.

683. Стефанович, П.С. Приходское духовенство в России в XVI – начале XVIII вв.: по материалам центр. уездов: дис. … канд. ист. наук. – М., 1999. – 281 с.

684. Су Фэнлинь. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в.: дис. … д-ра ист. наук в форме науч. докл. – М. 2000. – 70 с.

685. Тарасова, А.Г. Юридические процедуры и реализация прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2012. – 30 с.

686. Терёхина, Ю.В. Даточные люди Московского государства в середине XVI–XVII вв.: дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2010. – 205 с.

687. Тиганов, А.И. Правовой статус судей в России в XVII – начале XX века: историко-правовое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Курск, 2012. – 28 с.

688. Тихонов, А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – СПБ., 2008. – 46 с.

689. Третьяк, И.А. Конституционно-правовое принуждение в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2015. – 26 с.

690. Туманова, А.С. Государственно-правовое регулирование деятельности общественных организаций России в начале XX века: историко-юридическое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. –М., 2004. – 400 с.

691. Узенева, Ю.Н. Повседневная жизнь псковского дворянства в первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2015. – 17 с.

692. Ульянова, Г.Н. Благотворительность в Российской империи. Конец XVIII – начало XX века: дис. д-ра ист. наук. – М., 2006. – 612 с.

693. Успенская, Е.Н. Этнокастовые общности в контексте формирования и функционирования индийской традиционной социальной организации: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – СПб., 2010. – 51 с.

694. Фибих, Е.В. Способы воспроизводства общественной жизни гомогенного и гетерогенного типов общества (социально-философский анализ): автореф. … канд. философ. наук. – Красноярск, 2012. – 26 с.

695. Хакимов, Ш.К. Конституционализм в Таджикистане: историко-культурные основы, специфика становления и эволюции: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2012. – 44 с.

696. Харитонова, А.Н. Право и правосознание в учении Б.А. Кистяковского: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2011. – 26 с.

697. Цитульский, В.Ф. Становление и развитие отношений социального партнерства в сфере труда в России XVIII – начала XXI вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 40 с.

698. Черныш, М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: автореф. дис. … д-ра социол. наук. – М., 2005. – 314 с.

699. Швейковская, Е.Н. Государство и черносошные крестьяне России XVII в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 1993. – 51 с.

700. Шутков, С.В. Военные реформы в России во второй половине XVI - первой половине XVII веков и воплощение в них военно-правовых идей И. С. Пересветова (историко-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999. – 211 с.

701. Щербинина, Ю.В. Социальная адаптация и правовое положение от-

ставных и бессрочноотпускных солдат русской армии в XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Воронеж, 2007. – 205 с.

702. Ярмоленко, Л.В. Социальная стратифиикация: теории и реальность: автореф. дис. … канд. социол. наук. – Казань, 1995. – 18 с.

703. Яцкова, А.П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция: дис. … канд. юр. наук. – М., 2001. – 218 с.

704. Яшина, О.Н. Земельная собственность Русской Православной Церкви в России в XVIII – первой половине XIX веков: Историческое исследование: дис. … канд. ист. наук. – М., 2003. – 180 с.

Учебники и учебные пособия

705. Айплатов, Г.Н., Иванов, А.Г. Русская палеография: учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 344 с.

706. Алексеев, Н.Н. Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. – Симферополь, 1919. – 161 с.

707. Алексеев, С.С. Общая теория права: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.

708. Байкалов, Н.С. История государственного управления в России: учеб. пособие. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 282 с.

709. Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства / с предисл. проф. В.А. Томсинова; отв. ред. Н.Н. Бойко; сост. библиогр. указателя основных соч. и публ. И.Д. Бедяева О.М. Андрианов. – М.: Изд-во «Родная страна», 2018. – 920 с.

710. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1995. – 640 с.

711. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 5-е. Часть первая. История русского государственного права. – Киев: Литотипография товарищества И.Н. Кушнерев и КО, 1907. – 714 с.

712. Водарский, Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М.: Просвещение, 1973. – 159 с.

713. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 299 с.

714. Всеобщая история государства и права: учебник / под ред. проф. К.И. Батыра. – М.: Юристъ, 1998. – 456 с.

715. Гессен, В.М. Основы конституционного права / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 496 с.

716. Государственная и муниципальная служба: учебник для академического бакалавриата / Ю.Н. Туганов [и др.]; под ред. Ю.Н. Туганова, С.И. Журавлева, В.И. Петрова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: изд-во «Юрайт», 2017. – 286 с.

717. Градовский, А.Д. Общее государственное право. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. – 388 с.

718. Грановский, Т.Н. Лекции по истории Средневековья / сост. С.А. Асиновская, отв. ред. Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. – М.: Наука, 1987. – 429 с.

719. Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О. Н. Садиков. – М.: Юристъ, – 2001.

720. Гражданское право: учебник. В 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – Т. 1. – 816 с.

721. Гражданское право: учеб. в 3 т. Т.1. 6-е изд. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др.; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспеспект, 2005. – 776 с.

722. Гражданское право: учеб. для вузов / под ред. В.В. Залесского, М.М. Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 704 с.

723. Графский, В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – 752 с.

724. Гуркина, Н.К. История образования в России (X–XX века): учеб. пособие. – СПб.: СПбГУАП, 2001. – 64 с.

725. Дайси, А.В. Основы государственного права Англии: Введение в изу-

чение английской конституции. – М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1905. – 681 с.

726. Дворниченко, А.Ю. История России до 1917 года: учебник для академического бакалавриата / А.Ю. Дворниченко, С.Г. Кащенко, М.Ф. Флоринский. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 423 с.

727. Древнерусское государство IX – XVII вв.: учеб. пособие / под ред. В.В. Гуляевой. – М.: Академический Проект, 2006. – 575 с.

728. Дмитриев, А.В. Военная история России (до середины XIX в.): учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 183 с.

729. Жидков, О.А. История государства и права зарубежных стран: учеб. Для вузов. В 2 т. / отв. ред. О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2007. – Т. 1. – 719 с.

730. Згоржельская, С.С. и др. История отечественного государства и права: учебное пособие для студентов факультета непрерывного образования. – М.: РАП, 2013. – 316 с.

731. Зотов, В.Д. Исторический материализм: о проблемах единства и многообразия общественного развития Запада и Востока. – М.: Прогресс, 1985. – 350 с.

732. Иванов, Ф.Н. История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие по дисциплине «История вооруженных сил России». – М.: Изд-во «Перо», 2017. – 107 с.

733. Исаев, И.А. История государства и права России: учебное пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2019. – 336 с.

734. Исаев, М.А. История российского государства и права: учебник / МГИМО (Университет) МИД России. – М.: Статут, 2012. – 840 с.

735. Исаев, И.А. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 336 с.

736. Исаев, И.А. История государства и права России: учебник для юр. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 544 с.

737. История государства и права зарубежных стран: в 2 ч. / под ред. Н.А. Крашенинниковой, О.А. Жидкова. – М., 1988. – Ч. 1. – 480 с.

738. История государства и права России / Под ред. Ю.П. Титова. – М.: Былина, 1996. – 502 с.

739. История государства и права России: Учебник / В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев и др.; под ред. Ю.П. Титова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2010. – 576 с.

740. История государственного управления в России: Учебник / Под ред. Р.Г. Пихои. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 271 с.

741. История государственного управления России. Учебник / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 608 с.

742. История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1: учебник для бакалавров / под ред. О.И. Чистякова. 5-е изд. – М.: Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2012. – 477 с.

743. История отечественного государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Р.С. Мулукаева. 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 703 с.

744. История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. – М.: Эксмо, 2010. – 958 с.

745. История России с древнейших времен до конца XVIII в.: учебник / Под ред. Б.Н. Флори. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – 544 с.

746. История России с древнейших времен до наших дней / А.Н. Боханов, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин, А.Н. Сахаров, В.А. Шестаков: под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 1264 с.

747. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Проспект, 2008. – 544 с.

748. История России с древнейших времен до наших дней: учебник: в 2 т. Т.1 / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: Проспект, 2024. – 544 с.

749. История государства и права СССР. Часть I / под ред. О.И. Чистякова и И.Д. Мартысевича. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 280 с.

750. История СССР с древнейших времен до 1861 года: учебник / под ред. П.П. Епифанова, В.В. Мавродина. 5-е изд., перераб. – М. Просвещение, 1983. – 576 с.

751. История СССР, 1861–1917: учеб. для студентов пед. ин-тов по ист. спец. / П.И. Кабанов, Н.Д. Кузнецов, А.С. Трофимов, С.Л. Эвенчик; под ред. Н.Д. Кузнецова. 5-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1984. – 480 с.

752. Кертман, Л.Е., Рахшмир П.Ю. Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX веков (на путях к общему кризису капитализма): учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1984. – 159 с.

753. Ключевский, В.О. Краткое пособие по русской истории. – М.: Рассвет, 1992. – 192 с.

754. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник. В 4 т. / отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: БЕК, 1995. – Т. 2. – 448 с.

755. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / А.С. Прудников и др.; под ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2007. – 776 с.

756. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 6-е изд. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 623 с.

757. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. 5-е изд. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 596 с.

758. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. – 1024 с.

759. Кузьбожев, Э.Н., Козьева, И.А. История государственного управления в России: учебник для бакалавров. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 470 с.

760. Лазаревский, Н.И. Лекции по русскому государственному праву [Электронный ресурс]. – СПб., 1908. – Т. 1. Конституционное право. URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/286/ (дата обращения: 30.04.2018).

761. Лазаревский, Н.И. Русское государственное право: Конституционное право. Т. 1. Вып. 1. 4-е изд. – Петроград: Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1917. – 272 с.

762. Лаптева, Л.Е. История отечественного государства и права: учебник для академического бакалавриата / Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов; отв. ред. Л.Е. Лаптева. 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 493 с.

763. Майер, В.Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма: учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1985. – 191 с.

764. Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в.: Учеб. пособие / Сост.: Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский; под ред. А.Д. Горского. – М.: Высш. шк., 1988. – 319 с.

765. Матузов, Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 293 с.

766. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 776 с.

767. Моисеев, В.В. История государственного управления России: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 463 с.

768. Мотревич, В.П. Историческая демография России: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 168 с.

769. Муравьев, А.В. Сахаров, А.М. Очерки истории русской культуры IX – XVII вв.: Книга для учителя. 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1984. – 336 с.

770. Мухаев, Р.Т. История государства и права зарубежных стран: учебник для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 863 с.

771. Мухаев, Р.Т. История государственного управления в России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 607 с.

772. Неволин, К.А. История российских гражданских законов. Часть вторая: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. – М.: Статут, 2006. – 412 с.

773. Нерсесянц, В. С. Философия права: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2008. – 835 с.

774. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Нор-

ма, 2005. – 685 с.

775. Нефедьев, Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / МГУ им. М.В. Ломоносова, Кубан. гос. ун-т. Краснодар: Совет. Кубань, 2005. – 472с.

776. Омельченко, Н.А. История государственного управления в России: учебник. – М.: Проспект, 2014. – 463 с.

777. Омельченко, Н.А. История государственного управления: учебник для бакалавров. 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2013. – 575 с.

778. Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.

779. Орлов, А.С., Георгиев, В.А., Полунов, А.Ю., Терещенко, Ю.Л. Основы курса истории России. – М.: Проспект, 2015. – 576 с.

780. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. – СПб.: «Кристалл», 1997. – 838 с.

781. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М.: Статут, 2002. – 800 с.

782. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 353 с.

783. Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов: Учеб. пособие для подготовит. отделений вузов. В 2-х частях. 2-е изд., перераб. и доп. Ч. 1 / А.С. Орлов, В.А. Георгиев. – М.: Высш. шк., 1984. – 351 с.

784. Права личности в социалистическом обществе / М.С. Строгович, В.А. Патюлин, Н.В. Витрук и др. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

785. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашев. – М.: Изд-во НОРМА, 2003. – 573 с.

786. Рой, О.М. Исследования социально-экономических и политических процессов: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 364 с.

787. Рубаник, В.Е. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2011. – 544 с.

788. Рыбаков, С.В. История России с древнейших времен до конца XVII ве-

ка: курс лекций [учеб. пособие]. 2-е изд. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2014. – 192 с.

789. Сергеевич, В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 488 с.

790. Сизиков, М.И. История государства и права России с конца XVII в. до начала XIX века: учеб пособие. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 320 с.

791. Смирнов, С.Н. История государства и права зарубежных стран: в 3 т. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. – Т. 1. – 110 с.

792. Смирнов, С.Н. История отечественного государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 336 с.

793. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в.: Учеб. пособие / Сост.: Н.В. Козлова, В.Р. Тарловская, Д.Н. Шанский; под ред. А.Д. Горского. – М.: Высш. шк., 1988. – 319 с.

794. Теория государства и права: Учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. – 496 с.

795. Теория государства и права: учеб. для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. – 428 с.

796. Томсинов, В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учебное пособие. – М.: Зерцало-М, 2010. – 256 с.

797. Томсинов, В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): учеб. пособие. – М.: Зерцало-М, 2013. – 300 с.

798. Хрестоматия по конституционному праву Российской Федерации / сост. д-р юр. наук Ю.Л. Шульженко. – М.: Юристъ, 1997. – 784 с.

799. Цатурова, М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. – М.: Юрид. лит., 1991. – 112 с.

800. Чичерин, Б.Н. Философия права. – М.: Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1900. – 336 с.

801. Эбзеев, Б.С. Конституционное право России: учебник. – М.: Проспект,

2021. – 768с.

802. Шершеневич, Г.Ф. Курс гражданского права. – Тула: Автограф, 2001. – 719 с.

803. Щепетев, В.И. История государственного управления в России: учебник для вузов. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 512 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Краткие пояснения о порядке использования в настоящей работе текстов российских и зарубежных нормативно-правовых актов и иных официальных документов

В тексте настоящей работы нормативно-правовые акты или иные официальные документы обозначены их официальными наименованиями либо наименованиями, увердившимися в историко-правовой науке. При этом в названии конституционного акта, другого нормативно-правового акта и иного официального документа первое слово пишется в настоящей работе с заглавной (прописной) буквы; все остальные слова – со строчной буквы независимо от написания, использованного в оригинальном тексте документа.

В тех случаях, когда у актов или иных документов прошедших исторических периодов названия в современном пониманиии значения этого слова отсутствуют, автор использовал названия, принятые в историко-правовой науке. Если в научной литературе используются несколько вариантов названия официальных документов, то применение того или иного варианта, либо нескольких вариантов определялось усмотрением автора. Например, в первых словах принятого на Руси в 1497 г. нормативно-правового документа, которые можно принять за заголовок, речь идет, как известно, об уложении великим князем Иваном Васильевичем с детьми и боярами о суде. В связи с этим в различных исследовательских работах и вслед за ними в справочной литературе и учебных пособиях, используются несколько различных вариантов названий акта: Судебник 1497 г., Судебник Ивана III, Судебник великого князя Ивана Васильевича и т.д. Автор настоящей работы счел возможным ограничиться использованием варианта названия «Судебник 1497 г.». Аналогично обстоит дело с Судебником, принятым в середине XVI в. Автор использует одно из принятых в историографии и историко-правовой литературе названий – «Судебник 1550 г.».

В отношении уложения, принятого в России на Земском соборе в 1649 г., автор счел целесообразным применение в тексте диссертации трех вариантов

написания названия: «Уложение 1649 г.», «Соборное уложение» и «Уложение царя Алексея Михайловича».

С учетом вышесказанного, вместо официального названия «Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы» (подписаны императором Николаем II 23 апреля 1906 г.) в настоящей работе использовано название «Основные государственные законы», причем, как правило, с указанием «в редакции 1906 г.».

В тех случаях (они чаще всего относятся к XIX в. и началу XX в.), когда официальное название нормативно-правового акта известно, но в научной литературе применяется несколько осовремененный или сокращенный формат названия, автор, как правило, следует за научной литературой. В качестве примера можно привести наименование российского Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17.10.1905 г., который в научной литературе чаще всего называется Манифестом 17 октября 1905 г. или даже Манифестом 17 октября. Примером является и наименование Именного высочайшего указа «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 09.11. 1906 г., известного под названием Указа от 9 ноября 1906 г. или Указа 9 ноября. В тексте настоящей диссертации чаще всего указываются именно два последних варианта наименования.

Российские официальные нормативные документы, изданные после 1649 г., приводятся по тексту Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ), по тексту Свода законов Российском империи (СЗРИ) или, в определенных случаях (как правило, при отсутствии документа в составе ПСЗРИ), по тексту сборников документов. При отсылке к Полному собранию или Своду законов указываются присвоенные в этих инкорпорированных актах реквизиты нормативных документов. В целом реквизиты нормативно-правовых актов приводятся с учетом современных правил юридической техники и документооборота, за исключением дат, которые отмечаются с использованием полного названия месяца принятия или введения в действие. При этом автор сохраняет указание на личное утверждение акта со стороны монарха – «высочайше утвержденный».

В качестве примера вышеизложенного приведем наименование и реквизиты двух правовых актов 1650 г. и 1755 г.

Указ царя Алексей Михайловича, изданный в 1650 г., приведен в Полном собрании законов Российской империи в таком формате: «41 – июля 29. Именный объявленный Думнымъ Разряднымъ Дьякомъ Семеномъ Заборовскимъ, на постельном крыльце, Окольничему Ивану Ромодановскому. – О несправедливом его местничестве противу Боярина Ивана Салтыкова», указан в диссертации в следующем формате: «Именной указ, объявленный думным разрядным дьяком Семеном Заборовским, на постельном крыльце, окольничему Ивану Ромодановскому «О несправедливом его местничестве против боярина Ивана Салтыкова» от 29 июля 1650 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. I. – № 41».

Наименование и реквизиты указа, подписанного императрицей Елизаветой Петровной в 1755 г., в Полном собрании законов Российской империи выглядят следующим образом: «10.346 – Генваря 24. Именный. – Объ учрежденіи Московскаго Университета и двухъ Гимназій. Съ приложеніемъ Высочайше утвержденнаго проэкта по сему предмету». В диссертации наименование и реквизиты указаны в следующем формате: «Именной указ «Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету» от 24 января 1755 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т XIV. – СПб.: 1830. № 10 346».

Одновременно автор устранял некоторые технические ошибки, допущенные при публикации нормативно-правового акта. Естественно, что первоначально факт ошибки подтверждался автором. Например, в числе реквизитов Учреждения для управления сибирских губерний была указана дата принятия 22 июня 1822 г. На самом деле здесь допущена ошибка, ибо этот нормативно-правовой акт размещен в ПСЗРИ в числе актов, принятых 22 июля 1822 г., что подтверждается его порядковым номером – 29 125. Соответственно, в диссертации указана июльская дата издания данного Учреждения.

Сказанное выше об использовании в настоящей работе текстов российских нормативно-правовых актов и других официальных документов, относится и к

наименованию аналогичных документов зарубежных стран. При этом названия документов, а также цитаты из их текста даются в переводе на русский язык. Например, акт конституционного характера, принятый в Королевстве Бавария в 1808 г., именуется Конституционной грамотой Королевства Бавария 1808 г., Конституцией Баварии 1808 г. Содержащиеся в списке использованных источников и литературы названия нормативно-правовых актов зарубежных стран, утративших к настоящему времени свою юридическую силу, сопровождены соответствующей отметкой.

В тех случаях, когда российский или зарубежный документ не имеет первоначального разделения на статьи, параграфы или иные структурные элементы, применяется разделение, принятое в научной литературе.

В настоящей работе в отношении функционировавших ранее государственных учреждений приводятся их наименования по современным правилам русского языка.

В случае цитирования нормативно-правового акта или иного документа, созданного по правилам русского языка, существенно отличавшихся от современных, текст подвергся определенной модернизации. В настоящей работе пунктуация оригинального документа при его цитировании сохранена полностью. Орфография сохранена в основном, с заменой редких букв старого алфавита, с опущением буквы «ъ» в конце слов, с осовремениванием некоторых окончаний слов. В тексты документов введена также буква «й».

Названия государств, городов и иных политико-территориальных или географических объектов приведены, как правило, в современном варианте написания. Сказанное относится как к опубликованным документам, так и к неопубликованным документам из архивного фонда.

Так, название столицы Российской империи в указе от 9 февраля 1737 г. приведено в формате «Санктпетербургъ», в указе от 24 января 1755 г. – в формате «С. Петербургъ». В диссертации использовано современное название «Санкт-Петербург».

Названия государственных органов, указанные в документах, приводятся в диссертации в современном варианте написания. При этом названия государ-

ственных органов, иных организаций и государственных должностей Российской Федерации и современных зарубежных государств приводятся в формате, установленном официально. Это относится и к использованию в названиях заглавных и строчных букв.

Названия исторических государственных органов, не функционирующих в настоящее время, приводятся в формате, сложившемся в историко-правовой науке. Это касается и использования заглавных и строчных букв. Например, слова, обозначающие должность (титул) монарха – царь, император, великий князь – пишутся со строчной буквы (с учетом принятых в настоящее время правил). То же самое относится к должности руководителей ведомств, например, к министрам.

В названиях коллегиальных государственных органов рассматриваемого исторического периода, состоящих из двух и более слов, заглавная буква используется только в первом слове, например, «Боярская дума». Это относится и к официально принятым названиям, таким, как «Правительствующий Сенат», «Комитет Министров», «Совет Министров», «Государственная Дума» и др. Эти названия приведены в диссертации в вариантах «Правительствующий сенат» или «Сенат», «Комитет министров», «Совет министров», «Государственная дума» и пр.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Краткие пояснения о порядке использования в настоящей работе отдельных терминов, применяемых для характеристики отечественной модели социальной стратификации

Вопрос использования в научных работах многих терминов, связанных с обозначением социальной структуры России и ее отдельных компонентов, является достаточно проблемным. В значительной степени эта проблемность объясняется использованием указанной терминологии в различных науках: историко-правовой, теории права, истории, социологии, политологии и др.

В настоящей работе используются как близкие и даже синонимичные понятия «социальная система страны», «структура социальной иерархии» и некоторые другие. Близким к названным является понятие «сословная система», отличающаяся большей «привязкой» к конкретному историческому периоду и отражающее активную роль государственной власти.

Определенную сложность вызывает применение как терминов, обозначающих в общем, абстрактном виде те или иные компоненты социальной структуры – социальная группа, общественная группа, страта и пр., так и терминов, применявшихся в законодательстве и правоприменительной практике рассматриваемого периода для обозначения конкретных социальных общностей.

В рамках настоящего исследования термины «общественная группа», «социальная группа», «социальная страта», «страта» используются для обозначения социальных общностей разного вида и не «привязываются» к определенному уровню и месту этих общностей в социальной иерарахии или к определенному историческому периоду. Например, термином «страта» автор настоящей работы в определенных случаях обозначает как сословие в целом, так и субсословия и иные отдельные компоненты сословия.

Указанные термины используются также при проведении экскурсов в историю социально-правового развития зарубежных стран в рамках применения срав-

нительно-правового метода исследования. В данном случае названными терминами обозначаются касты, сословия, классы.

В свою очередь, три последних термина применяются в соответствии с наиболее распространенными их трактовками в русле цивилизационного подхода, однако с теми уточнениями, которые предложены автором настоящей работы.

Наряду с правовой терминологией в настоящей работе используется также терминология, выработанная в рамках других наук. При необходимости автор уточняет содержание применяемых им понятий, а также соотношение содержания понятий правового, социологического и иного порядка. Например, в настоящем исследовании используются в качестве близких по смыслу, в определенных случаях (в зависимости от контекста) синонимичных, понятия «повышение индивидуального правового статуса» и «вертикальная социальная мобильность»; понятия «организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса», «канал вертикальной социальной мобильности», «социальный лифт».

Понятия «правовое оформление сословной модели», «законодательное оформление сословной системы» и аналогичные им трактуются не как одномоментный акт законодательной деятельности государства (например, в середине XVII в.), а как регулярная деятельность отечественного законодателя на протяжении всего рассматриваемого в настоящей работе исторического периода по урегулированию правовых отношений, связанных с конституированием и изменением социальной системы России.

Понятие «модель» применяется в настоящей работе в двух коннотациях. Одна из них связана с методологией исследования и обозначает способ изучения и представления материала. Модель сословной системы России, представленная в настоящей работе, отражает именно эту коннотацию указанного понятия. Другая коннотация проявляется при характеристике правовой действительности России. Когда автор указывает на ключевые особенности сословной модели России, обусловленные характеристиками российской цивилизации, то здесь речь идет о реальном социально-правовом феномене и, следовательно, о второй коннотации понятия «модель».